МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

РОССИЯ. XX ВЕК

ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2002 ГОДУ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А.Н.ЯКОВЛЕВА

МОСКВА 2002

1 02 – 18
114 – 3

РОССИЯ.
XX ВЕК

ИССЛЕДОВАНИЯ

РОССИЯ
в начале XX века

А. Н. Сахаров (руководитель авторского коллектива),
А. Н. Боханов, Л. С. Гатагова, А. Е. Иванов,
Н. А. Иванова, А. П. Корелин, Л. В. Кошман,
Ю. А. Петров, Г. Н. Ульянова

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
МОСКВА 2002

УДК 94 (47+57) «1900/1920» (082)
ББК 63.3(2)5
Р 76

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 2002

Издание осуществлено
при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Россия в начале XX века
Р 76 Под редакцией академика А. Н. Яковлева. —
М.: Новый хронограф, 2002. — 744 с. —
(Россия. XX век. Исследования).

ISBN 5-94881-002-X

Авторы коллективной монографии рассматривают один из самых противоречивых периодов российской истории на основе анализа ранее неизвестных и малоизвестных источников.

Исследование охватывает многие стороны жизни российского общества начала века и предназначается для научных сотрудников, педагогов, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94 (47+57) «1900/1920» (082)
ББК 63.3(2)5

Россия в начале XX века

Корректор — И. А. Баканов
Макет, верстка, обложка — А. С. Касьян

Подписано к печати 03.06.2002.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Балтика. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 46.5. Тираж 1000 экз.
Цена договорная. Заказ № 6386

НП «Новый хронограф».
Свидетельство о регистрации № 002.070.147 от 06 декабря 2001 г.
125 041, Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 30/29, строение 4, офис 26.
Тел. 251-37-26

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука"».
121 099, Москва, Шубинский проезд. 6

2002083604
ISBN 5-94881-002-X

© Международный фонд «Демократия»
(Фонд Александра Н. Яковлева), 2002
© Новый хронограф, 2002

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НАРОД, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО

Введение

А. Н. Сахаров

К началу XX века Россия пришла, имея за плечами многовековую и драматическую историю, которая оставила неизгладимую печать на экономике страны, облике народа, состоянии власти, развитии гражданских институтов, на эволюции российского общества. Все, что страна имела к XX веку, она поистине выстрадала за предшествующие десять с лишним веков, с того самого времени, когда на просторах Восточноевропейской равнины появилось крупное славянское государство — Русь.

Предки славян, занявшие в первом тысячелетии до новой эры огромные пространства Восточноевропейской равнины, уже в те давние времена столкнулись в своей борьбе за выживание, с одной стороны, с германскими племенами, а с другой — с давлением степных кочевников, периодически наводнявших северо-причерноморские степи.

Германцы постепенно расселились по территории Центральной, Северной и Западной Европы, овладели землями Римской империи, а на Востоке стали оказывать долговременное и постоянное давление на земли славян. Именно с тех пор началось историческое противоборство германцев и славян за овладение благодатными землями Центральной Европы и за огромный регион между Балтийским морем и Карпатами.

Из Центральной Европы славяне были вытеснены на Восток, но отстояли восточную часть равнины. Восточная ветвь славянства заняла наименее удобные, периферийные, географически и климатически наименее выгодные части Восточноевропейской равнины.

К тому же издревле восточнославянские племена соседствовали здесь с другими аборигенами — угро-финнами и балтами, и можно сказать, что развитие всего местного населения проходило в многонациональной среде. К моменту своего зарождения древнерусское государство объединило в своем составе более 20 различных народов, что стало определенной моделью развития России на будущие времена[1].

Первый этап цивилизационной борьбы за существование восточное славянство проиграло своим западным соседям, хотя после своего создания государство Русь стремилось, и порой небезуспешно, взять исторический реванш. Известно, что к началу XII в. границы Руси простирались от берегов Балтийского и Белого морей до Карпат и черноморских берегов, от предгорий Урала до границ с Польшей. Русь к этому времени обладала выходами к Балтийскому и Черному морям, контролировала пути по Балтике в Северную Европу и Скандинавию, на Западе — на Краков и далее в Германские земли и на юге по Дунаю в глубь Европы. Под контролем Руси оказались также торговые пути по Оке и Волге, а временами и выходы на Северный Кавказ и к Каспийскому морю. Это являлось известной компенсацией за периферийное положение восточнославянских земель.

Однако уже в то раннее время славянской истории эта ««компенсация» приводила к тому, что постепенно восточнославянские государственные образования плотно блокировались на Западе сначала германскими племенами, позднее Германской империей, крестоносными рыцарскими орденами, Швецией, а также усиливавшимся Польским государством и мужающей Литвой, объединившимися позднее в мощную восточноевропейскую державу — Речь Посполитую. Это закономерно приводило к тому, что Русь исторически сдвигала ось своих экономических, политических, культурных интересов в сторону Востока, Азии. Русская цивилизация, таким образом, уже с ранних пор стала приобретать евразийские черты, которые характеризовались проникновением в русскую, а позднее российскую общественную среду комплекса явлений, характерных как для динамичных западных цивилизационных процессов, так и для более медленных, а порой и застойных общественных явлений, типичных для соседствовавших с Русью, а позднее с Россией стран Востока[2].

Роковое влияние на историю восточного славянства оказали постоянные и долговременные нашествия с Востока. Из всех индоевропейских народов на долю восточных славян из-за их невыгодного географического положения досталось наибольшее количество военных ударов со стороны кочевников. Их проникающие нашествия на пространства Восточноевропейской равнины начались еще в I тыс. до н. э., а затем продолжались с перерывами и в I тысячелетии н. э.

Особенностью этих нашествий, которых не знала Западная Европа, стала их упорная периодичность, охват ими огромных территорий Восточной Европы, безжалостное ограбление захваченных земель, превращение их народов в своих вассалов и рабов, подрыв местных производительных сил, замедление цивилизационных процессов. Кочевники создавали на контролируемых территориях долговременные государственные

образования, некоторые из которых, как, например, Хазарский каганат, существовали сотни лет. В ходе своей постоянной экспансии как на Запад, вплоть до Балкан и Центральной Европы, так и на Восток, кочевые державы вовлекали в этот военный поток и местное подвластное население. В итоге восточное славянство, как правило, оказывалось в центре этих поистине катастрофических планетарных событий.

Каждое такое нашествие на десятилетия, а то и на столетия замедляло развитие местного славянского общества, подрывало хозяйственные и демографические возможности населения. Если германские племена, а позднее западные варварские государства стали со временем по отношению к Римской империи движущей силой долговременной экспансии со всеми вытекающими отсюда общественными последствиями в виде овладения античным цивилизационным наследием, то славянство в течение многих веков становилось объектом аналогичных завоеваний с Востока, что не могло не наложить трагическую печать на судьбы всего региона, так как удары наносились со стороны более отсталых, кочевых общественных структур.

Лишь к рубежу IX—X вв. восточное славянство сумело воспользоваться длительной исторической передышкой в череде кочевых нашествий. В славянских землях стабилизировались хозяйственные процессы, улучшились демографические показатели, и, как следствие этого, ускорилось их политическое развитие. VI—IX вв.— это время настойчивой борьбы восточного славянства за превращение из вечного вассала кочевых держав в этнического и политического лидера на Востоке Европы. С этого времени восточное славянство само начинает оказывать сильное давление на границы Византийской империи и переходит в наступление на своих соседей.

Создание огромного и мощного государства Русь четко подчеркнуло эту тенденцию. И даже новые волны нашествий кочевников-печенегов в IX — первой трети XI вв., а позднее половцев (со второй половины XI в. до 30-х г. XIII в.) не поколебали этого исторического процесса, хотя на изнурительную борьбу со степью уходили колоссальные народные ресурсы и цивилизационная ось развития Руси постоянно склонялась в сторону Востока.

Последующее политическое раздробление древнерусского государства, испытавшего на себе влияние аналогичных закономерных факторов, которые влияли на развитие и других раннефеодальных государств Европы и Передней Азии, привели к появлению на месте прежней грозной и процветающей державы ряда отдельных государств, которые с разной степенью успеха по прошествии времени пытались уже на иной экономической, политической, культурной и религиозной основе стать лидером новых объединительных процессов.

В первую очередь здесь нужно сказать о Галицко-Волынском княжестве, которое, кажется, было готово воссоздать на рубеже XII—XIII вв. былую мощь и пространственные пределы древнерусского государства. Другим растущим политическим центром стала Владимиро-Суздальская Русь. Однако уже в это время юго-западные русские земли испытывали сильнейшее давление со стороны сильных соседей — Венгрии, Польши, Литвы. А северо-восточная Русь, отдаленная от центров былой поднепровской цивилизации сотнями километров, на тот период времени не имела ни сил, ни средств, ни политического опыта для того, чтобы взять на себя бремя лидерства во всех русских землях.

История распорядилась иначе. Именно на это политически неустойчивое время пришлось новое нашествие кочевников: монголо-татарские тумены в 1237 г. двинулись на Русь. В результате пути развития Западной Европы и восточного славянства разошлись еще дальше. Если западные страны прошли этап политической раздробленности сравнительно быстро и достаточно естественно, создав уже в это время первые элементы гражданских вольностей и свобод в виде французских средневековых коммун, магдебургского права германских городов, итальянских городов-республик и английской Хартии вольностей, то в русских землях в ходе борьбы с монголо-татарским нашествием, а затем установившимся игом были по существу срезаны едва возникшие аналогичные ростки средневековой цивилизации, разрушена и подорвана экономика, замедлено развитие городов, надолго законсервированы прогрессивные политические процессы.

В течение XIII—XIV вв. политическая карта Восточной Европы кардинально изменилась: юго-западные, западные и частично центральные русские земли, ослабленные монголо-татарским нашествием, были захвачены восточноевропейскими соседями — Польшей, Венгрией, Литвой. Северо-восточная и Северо-западная Русь стали вассалами Золотой Орды. Установившееся на этих землях монголо-татарское иго наносило огромный и длительный экономический ущерб русским землям, замедлило культурное развитие региона, консервировало его политическую раздробленность и всеми силами мешало централизаторским политическим тенденциям.

Именно на период XIII—XV вв. приходится драматическая борьба отдельных русских княжеств за политическое лидерство в Северо-восточной и Северо-западной Руси. В конце концов она свелась к соперничеству Великого княжества Московского, Великого княжества Тверского и Великого княжества Литовского. Каждое из них в отдельных эпизодах этой борьбы имело определенные преимущества. Особенно ожесточен-

ная борьба развернулась между Литовско-Русским государством, которое практически воссоздало в своих границах древнерусскую державу, подойдя к рубежам Новгорода и Москвы. 90 процентов населения этого государства были русскими. Русский язык являлся там государственным, а Православие — ведущей религией. Независимость от Орды и бóльшая открытость Западу делали цивилизационную перспективу развития русских земель в составе Литовско-Русского государства достаточно заманчивой, но лишь до определенного предела. В условиях польско-литовской личной унии в конце XIV в. (не говоря уже о позднейшем образовании Речи Посполитой), дальнейшего поворота Литвы и литовской знати от русских духовных, культурных, религиозных ценностей в сторону Польши, католицизма, дискриминации русской верхушки и русского населения именно Москва, взявшая к этому времени верх над Тверью, становится центром притяжения всех национальных русских сил и медленно, но упорно, борясь и против Орды, и против Литвы, перетягивает политическую чашу весов на свою сторону[3].

Однако перемещение политического и хозяйственного центра восточнославянских земель в Москву, ее превращение в символ русской государственности, национального суверенитета, Православия имели и далеко идущие негативные цивилизационные последствия. Русская государственность возрождалась в отдаленном периферийном углу Европы, в отрыве от магистральных европейских торговых путей, вдали от морских берегов, т. е. в географических условиях, значительно более неблагоприятных даже по сравнению со Средним Поднепровьем, не говоря уже о странах Центральной и Западной Европы.

К тому же, несмотря на позднейшие претензии Москвы на византийское религиозное и политическое наследие, Северо-восточная Русь органически не была связана с византийской цивилизацией. Исторического синтеза, который осуществился между варварскими государствами Запада и Римской империей или, в меньшей степени, между древней Русью и Византией, здесь не получилось. Северо-восточная Русь во многом развивалась в изоляции от западной цивилизации. Напротив, в ее экономических связях и политических стереотипах все более доминировал Восток, что явилось результатом долголетних политико-экономических, культурных, династических и военных связей с Ордой.

Пытаясь, освободиться от власти иноплеменников, Москва все более увязала в сетях застойной азиатской цивилизации. И если во времена Владимира Мономаха политика древней Руси была широко открыта как на Запад, так и на Восток (в связи с отношениями с половцами), то со времени Владимиро-Суздальской, а позднее Московской Руси этот баланс на-

чинает нарушаться, и цивилизационный облик складывающейся Московской Руси приобретает все более ярко выраженные евразийские черты.

Этому способствовал и религиозный изоляционизм восточнославянских земель. Уже в XI в. древняя Русь отказалась от религиозной политики, провозглашенной Владимиром I. Ее смысл заключался в том, чтобы Русская церковь была равно открыта и дружественна как Римскому престолу, так и византийскому патриархату. С XI в. Русская церковь все более склонялась к византийской ортодоксии против католицизма, а затем утвердила свой изоляционизм в борьбе с «латинством» в последующих веках. Этому во многом способствовали митрополиты-греки, которые стали занимать русский православный престол с 30-х гг. XI в., а также адепты греческого православия, противники схизмы — руководители Киево-Печерского монастыря. Эти тенденции были закреплены после отказа Москвы признать Унию, провозглашенную на флорентийско-феррарском соборе, и отпадения от Москвы западнорусской церкви в 1458 г. Именно в это время впервые прозвучали слова московского Митрополита Ионы о Русской церкви как о «Церкви московской»[4].

Мы не будем вдаваться в весьма основательные причины противоборства Православия и католицизма, среди которых была беспощадная воинственность католических стран и католических орденов в отношении русских земель. Но безусловным фактом остается то, что Московская Русь, по мере усиления ее могущества и впечатляющих побед над Литвой и смотрящими на Запад Тверью и Великим Новгородом, все более закрывалась от западного, в том числе и католического, влияния, за которым стояла огромная многовековая, передовая для того времени, культура и богословская мысль. Особенно очевидными эти тенденции религиозного изоляционизма стали после Смуты и воцарения Романовых, когда исстрадавшаяся под натиском поляков Россия буквально затворилась от «латинства».

Подчиняя себе все северо-восточные земли, в первую очередь Новгород с его традиционными вольностями, сковывая железными обручами вассалитета Тверское княжество, привязывая к своей государственной колеснице вольнолюбивую Рязань и стоящий постоянно особняком Нижний Новгород, Москва одновременно убивала еще сохранившийся на Руси дух свободы и вольностей. Могучая поступь складывающегося централизованного государства подминала под себя не только феодальный сепаратизм и пагубную для русских земель политическую децентрализацию, но и остатки открытости русских земель остальному миру, дух зарождающихся, особенно в северо-западных и западных русских землях, средневековых вольностей и свобод. Суровый централизаторский, милитаристский пресс, который один в тех условиях мог спасти суверенитет и неза-

висимость восточнославянских земель от Орды и от поглощения западными соседями, одновременно приводил к созданию угрюмого евразийского политического монстра, который стал наследником не столько былых цивилизационных ценностей древней Руси, сколько политических тенденций поверженной Золотой Орды[5].

Русское централизованное государство сразу же появилось на свет в жестоком противоборстве с Ордой и Литвой как мощная милитаризованная организация, которая, решив внутри- и внешнеполитические задачи объединения русских земель и свержения монголо-татарского ига, сразу же приступила к восстановлению былой общности восточного славянства и поставила в повестку дня отвоевание западных и юго-западных русских земель, овладение Волжским торговым путем и былым выходом к Балтийскому морю.

От обороны и борьбы за независимость Русское централизованное государство логично перешло к все более расширяющейся и ожесточающейся экспансии, которая, с перерывом в период Смуты и после Смутного времени, заняла более трехсот лет. Подобное политическое состояние страны накладывало особый отпечаток на всю русскою историю. Никто пока не доказал, что где-либо и когда-либо перманентная война и насилие, милитаристский менталитет общества, какими бы порой причинами они ни диктовались, способствовали процветанию гражданских институтов, демократизации общества, утверждению прав личности. Скорее наоборот, Россия уже в XV—XVI вв. заметно отставала в своем политическом развитии от передовых моделей средневекового мира.

При характеристике эволюции российского политического строя необходимо иметь в виду и специфические социально-экономические особенности развития страны. Напряженная борьба с соседями, прежде всего с Золотой Ордой, а затем с Поволжским и Крымским ханствами, которой не знали другие европейские страны, поглощала колоссальные материальные и людские ресурсы. На постоянные войны отвлекалась наиболее сильная и здоровая часть населения, наиболее динамичная часть общества — дворянство. К тому же из века в век сказывалась длительная отрезанность от морей, блокада торговых путей на Западе, Юге и Востоке. Все это определяло замедленный темп развития России, ее постоянное отставание в экономической, социальной, культурной сферах и как следствие этого — в сфере политической. Уже в то время выявилось и отставание по многим социально-экономическим и политическим параметрам русского города. Отсутствие сильного третьего сословия, развитого среднего класса обнаружилось в русской истории не в XVIII—XIX вв. Это явление складывалось в течение ряда предшествовавших столетий, создавая благопри-

ятную почву для расцвета, в условиях отсутствия политических противовесов дворянству, авторитарных черт российской государственности.

К авторитаризму толкали страну и необъятные ее пространства, которые от столетия к столетию лишь увеличивались, а также многонациональный и многоконфессиональный состав ее населения. В своем наказе Уложенной комиссии Екатерина II писала: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства... Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно»[6].

Эти мысли были не раз повторены самой императрицей, отличавшейся глубоким умом, блестящим образованием и настроениями, не лишенными влияния французских просветителей XVIII в., с их идеями гуманизма, свободы, справедливости, прав личности. На этих же позициях стояли и такие столь же просвещенные люди, как Александр I, Н. М. Карамзин, не говоря уже о М. М. Сперанском. Думается, все это было не случайно, а отражало в совокупности специфику всего исторического пути развития России. Умные и просвещенные люди смотрели на вещи прагматично и реально, как они дошли до них в конце XVIII — начале XIX вв., независимо от моральной оценки таких понятий, как самодержавие и абсолютизм.

Наконец, нельзя не сказать и о такой доминирующей черте российской истории, которая надолго определила цивилизационное развитие страны, как закрепощение крестьянства. В последних работах по этому вопросу, по-моему, убедительно показано, что наступление крепостного права в России было вызвано сложным комплексом природных и внешнеполитических условий жизни страны. При бедности почв, коротком земледельческом цикле, перманентно неблагоприятных для земледельческого хозяйства климатических условиях, систематических отвлечениях на оборону земель русского крестьянства русский пахарь с трудом обеспечивал воспроизводство своей рабочей силы и семьи на крайне примитивном, по сравнению с Западом, уровне. Но самое главное состояло в том, что крестьянин как основной, наряду с ремесленным людом городов, налогоплательщик, не мог стать прочной материальной опорой постоянно воюющего государства. У него не доставало сил и возможностей содержать все усиливающуюся государственную машину России и в первую очередь ее постоянно растущую армию. Это особенно ощущалось в период борьбы с соседями в XVI в. за овладение Поволжьем, за выход к Балтике, за сдерживание крымской опасности, а с XVII в. — еще и за возвращение в лоно единого русского государства иных восточнославянских земель, перешедших под скипетр Речи Посполитой[7].

Прикрепление крестьян к земле, потеря ими прав личности стали драматическим, но закономерным явлением русской истории. Если на Западе подобные тенденции не имели столь глобального характера, а для ряда высокоразвитых по тому времени стран стали лишь преходящим историческим эпизодом, то для России они стали долговременными и судьбоносными. Феномен крепостного права оказался прочно вплетенным в ткань всей русской жизни — в ее экономику, политику, культуру. Это «чудище обло», как назвал всю самодержавно-крепостную систему в России страстный борец против произвола над личностью человека и против самовластия А. Н. Радищев, поддерживалось и охранялось всей силой государственной власти, силой оружия.

В этих условиях в России все более укоренялись черты восточного деспотизма, а также наиболее жесткие модели западного абсолютизма. И это не было прямым заимствованием с Востока или с Запада, а стало ответом России на вызов окружающей действительности, результатом которого явилось формирование абсолютно российской политической системы, развивавшейся на огромных евразийских пространствах в окружении порой совсем иных цивилизационных тенденций.

Одновременно с появлением абсолютистской монархии как ее органическая часть стала складываться российская бюрократия. Она имела историческую базу в лице всевластных государственных структур Русского централизованного государства, мертвящей волокиты старомосковских приказов, воеводского произвола, традиционного измывательства «государевых людей» над простым народом. Начиная с Петра I и далее эта система бюрократического всевластия достигла своего пышного расцвета. Ее не поколебали ни либеральные замыслы Александра I, ни реформы 60-х — 70-х гг. XIX в. До начала XX в., Россия оставалась «казенной страной».

Конечно, в России делались попытки повести страну и в ином направлении. И это было естественно, так как Россия жила и развивалась не в вакууме, а в окружении других стран и под влиянием различных цивилизационных тенденций, в том числе и западных. Так, в России были хорошо известны социально-экономические, религиозные, политические реалии Германии, Швеции и, конечно, Речи Посполитой. В Европе уже действовало магдебургское право, в городах центральная власть не имела столь давящего характера, все громче слышался голос местного самоуправления, а в Речи Посполитой даже сложилась традиция выборности королей. Да и в более отдаленных от России частях Европы уже существовали итальянские аристократические республики, Франция познакомилась с выборным представительным органом — Генеральными штата-

ми, а в Англии за два с половиной века до создания Русского централизованного государства появился такой раннесредневековый конституционный документ, ограничивавший самовластие королей, как Великая хартия вольностей. Таким образом, сама жизнь ставила перед Россией все новые и новые вопросы, и Россия давала на них столь же определенные ответы.

С одной стороны, приходилось приглашать иностранных мастеров, зодчих, переводчиков, всячески развивать экономические и политические связи с близ- и далеко лежащими странами. С другой — всеми мерами оберегать крепнущее российское самодержавие и Православие от «тлетворного» влияния западной цивилизационной политической и религиозной «скверны» в лице, скажем, представительных органов, церковно-реформационных идей и т. д. Общий стиль российской жизни был таков, что антидеспотические порывы Избранной рады и политические эскапады князя А. М. Курбского в XVI в., попытки Лжедмитрия I повести Россию по пути ослабления жестких политических пут и репрессий в начале XVII в., рефлексирующие реформаторские приступы В. В. Голицына и правительницы Софьи к водворению в России хотя бы некоторого «порядка» и «закона» и отмене крепостного права в конце этого же века оказались на обочине российской истории, стали неосуществленными цивилизационными альтернативами. А тирания Ивана Грозного, опричнина, тяжелое движение абсолютистской колымаги Романовых с ярко выраженной репрессивной сущностью, свертыванием начал общественного представительства в лице Земских соборов, усилением закрепощения населения, расширяющейся внешней экспансией и милитаризацией всей жизни страны стали столбовыми знаками русской жизни.

Особое место здесь занимает эпоха Петра I. В свое время М. М. Сперанский одной лишь фразой определил политическое значение эпохи Петра: «Петр Великий во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле» [8].

Это было сказано замечательно. Действительно, эпоха Петра I была отмечена стремлением царя, обладавшего абсолютно средневековой российской ментальностью, блестящего наследника Ивана Грозного и первых Романовых по части укрепления самодержавия, усиления репрессивного аппарата, превращения людей (как представителей высших сословий, так и широких слоев народа) в «винтики» своей страшной государственной средневековой машины, к цивилизационному прорыву. Этот прорыв он мыслил совершить за счет бурного развития экономики, культуры, торговли, развития контактов с передовыми для того времени запад-

ными странами, приглашения во все сферы жизни иностранных специалистов и выдвижения и обучения своих талантливых кадров. Однако для него осталась тайной за семью печатями первооснова этих западных успехов: развитие гражданского общества, появление первых признаков утверждения прав личности, постепенное изживание феодальных привилегий и сословной неполноценности, бурный рост на этой основе среднего класса, прогресс городов и городской культуры и быта. Петр принял следствие за первопричину, и не потому, что он был глуп и ограничен в своих воззрениях, а потому, что был сыном своего века и своей страны, потому, что он не мог представить себе иной государственной ипостаси, кроме самодержавия, безусловного подчинения всех подданных, независимо от их социальной принадлежности, своей единоличной воле.

То, что Иван Грозный стремился обосновать теоретически и так и не сумел, несмотря на опричнину, реализовать полностью, Петр I воплотил в жизнь всей своей политической практикой. Именно с него берет свое начало тот строй жизни, про который тот же М. М. Сперанский сказал в 1802 г.: «Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». Если в XVI в. рабами и холопами государя именовали себя и представители высших сословий России, вовсе еще не являясь таковыми, что и доказали в отношении того же Грозного XVI век и последующая Смута, то Петр I заложил прочнейший фундамент этой рабско-холопской системы, ставшей логическим развитием тех же тенденций еще в Русском централизованном государстве.

Дальнейший исторический путь России в XVIII—XIX вв. был отмечен теми же тенденциями. Оказались обреченными попытки ограничить послепетровское самодержавие во время демарша «верховников» в 1730 г. Не получили развития и поддержки проекты П. И. Шувалова, братьев Н. И. и П. И. Паниных, А. А. Безбородко, которые касались перспектив введения в России местного самоуправления, увеличения роли Сената, некоторого ограничения крепостной неволи и ряд других инициатив, отражающих стремления просвещенной части русского общества, не затрагивая основ самодержавной власти и крепостнической системы, тем не менее поставить вопрос о каких-то подходах к становлению гражданского общества в России.

Пожалуй, ближе всего к этому Россия подошла в первой четверти XIX в., когда устами соратников Александра I — М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева были высказаны основные идеи реформирования России в части ее политического устройства, подготовлены конституционные проекты, исходящие из идеи разделения властей и введения представительной системы на местном и центральном уровнях. В их проектах на авансцену

российской истории были вынесены принципы «закона» и «порядка», декларировались гражданские и политические права и некоторое ограничение самодержавной власти.

Верхом конституционной мысли России этого периода, конечно, стала «Государственная уставная грамота Российской империи» (1820 г.), текст которой был подготовлен Н. Н. Новосильцевым. Ее 91-я статья возглашала: «Да будет российский народ от ныне на всегда иметь народное представительство». И хотя в этом документе говорилось о том, что государь «есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных», но одновременно подчеркивалось, что законодательной власти государя «содействует Государственный сейм».

Н. Н. Новосильцев имел в виду ввести в России двухпалатный парламент — Государственную Думу («Сейм»), местные представительные органы власти — «сеймы», разделение законодательной и исполнительной власти между императором и выборными органами. Царь один имел право инициировать новые законы, но они должны были быть изучены и одобрены Государственной Думой прежде, чем будут опубликованы. Дума имела право отвергнуть закон и наложить на него вето. «Государственная уставная грамота» декларировала свободу слова, печати, вероисповеданий, равенство всех граждан империи перед законом, неприкосновенность личности. По поводу собственности в ней говорилось: «Всякая собственность ... признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предлогом посягнуть на нее не может. Посягающий на чужую собственность осуждается как нарушитель общественного спокойствия»[9].

Россия, прими она этот документ, прочно вставала бы на путь буржуазной монархии, на путь цивилизационного для своего времени развития. Однако данный проект, как и предшествовавшие, был похоронен в тайниках императорской канцелярии. Российская монархия и силы ее поддерживающие — широкие слои дворянства, армейская верхушка, правящая бюрократия, духовенство были органически неспособны отказаться от какого бы то ни было ограничения самодержавной власти, с которой были связаны сами вековые условия их существования, доходы, привилегии.

И, конечно же, одним из краеугольных камней традиционной российской социальной системы и в XVIII—XIX вв. оставалось крепостное право. Это была самая болезненная область российской общественной жизни. Начиная с конца XVIII в. наиболее просвещенные и дальновидные российские государственные деятели, включая монархов (Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II), пришли к пониманию не-

обходимости поэтапной ликвидации крепостного состояния крестьян. В этом направлении были предприняты и определены шаги: указ Павла I от 1797 г. об ограничении барщинных работ лишь тремя днями в неделю, указ Александра I «О вольных хлебопашцах» (1803 г.), позволявший крестьянам целыми селениями с согласия землевладельцев выкупаться на волю, отмена крепостного состояния крестьян в Прибалтийском регионе России, реформа П. Д. Киселева состояния государственных крестьян при Николае I. Ее смыслом стало упорядочение управления государственными крестьянами, продвижение в их среду системы образования, здравоохранения. И все же вплоть до Великих реформ 60—70-х гг. XIX в. Россия оставалась в основном средневековой абсолютистской монархией, в основе социальной системы которой лежало крепостничество — этот феодальный рудимент.

На подступах к XX в., когда передовые промышленные страны Запада стремительно уходили в сторону современного капиталистического производства с его новейшими для того времени технологиями, с наращиванием демократических, гражданских общественных мускулов, Россия мучительно искала цивилизационный баланс между новым и старым миром. Увы, к началу XX в. этот баланс в России так и не был достигнут. Груз средневековой политической системы, сильнейшие пережитки крепостничества и сословных отношений в социальной сфере, общая экономическая отсталость, особенно в аграрном секторе, убогая бытовая культура, консервация общины и уравнительно-общинной ментальности подавляющего большинства народа, связанного тесными узами с деревней,— все это определяло общий цивилизационный облик страны, влияло на общественные отношения, на отношения власти и общества и межсословные отношения.

Попытки во второй половине XIX в. хотя бы частично осуществить реформаторские конституционные устремления времен Александра I наталкивались на нерешительность и осторожность власти, нежелание Александра II и тем более Александра III, взявшего курс после убийства отца на традиционные самодержавные и националистические ценности, пойти на модернизацию политической системы в стране. Столь же нерешительно власть действовала и в области аграрной политики: продолжали существовать помещичья собственность на землю, экономическая зависимость крестьянина от помещика, тяжкий груз выкупной операции, крестьянское малоземелье, аграрное перенаселение. Средневеково-общинные порядки придавливали крестьянскую экономику, отрицательно влияли на общий ход экономического развития страны, прогресс городов и развитие городской культуры.

В России по-прежнему действовали средневековые законы и установки в отношении работников как в городе, так и в деревне. Личность простого человека продолжала находиться в полном небрежении общества, да и само общество как таковое с ответственностью его членов за состояние дел в государстве лишь начинало складываться.

Продолжала жить в стране и мощная милитаристская традиция. Переход от обороны страны, борьбы за суверенитет и освобождение русского населения из-под власти соседей к нарастающей экспансии привели к тому, что в XVI—XIX вв. Россия оставалась постоянно воюющим государством. Если в XVI в. страна воевала 43 раза, то и в дальнейшем количество ее военных конфликтов с соседями было впечатляющим: в XVII в.— 48 раз, в XVIII в.— 56 раз, в XIX в.— 20 раз. 167 войн за четыреста лет. Такого, вероятно, не знала ни одна страна в мире. Это была тяжкая плата за ужасающее внешнеполитическое наследие, за евразийскую открытость и за укоренение в российских правящих кругах милитаристской психологии. С Русью, Московией, Россией соседи в течение столетий разговаривали в основном с позиции силы. По прошествии веков они получили адекватный ответ.

Следует, на наш взгляд, сказать и еще об одной характерной черте российской истории к кануну XX в. Речь идет о возрастании радикалистских и экстремистских тенденций в обществе. Яростные схватки низов и верхов общества потрясали российское общество на протяжении всей его истории. В этом смысле российская история мало чем отличалась от истории других европейских стран. Но, пройдя через кровопролитные сословные, религиозные, этнические коллизии, Западная Европа к исходу XIX в. в основном нормализовала свою жизнь на путях становления гражданского общества, демократических прав и свобод, прав личности, закона, сложившихся традиций. Далее происходила уже историческая огранка тех гражданских, демократических принципов, которые были заложены на Западе в ходе буржуазных революций, национально-освободительных антифеодальных движений, реформации, в процессе совершенствования рыночной экономики, роста среднего класса и укоренения в обществе либеральных тенденций в противовес экстремизму справа и слева. Опыт истории показал, что наибольшего прогресса в истории достигали те страны, где ведущей политической тенденцией становился либерализм как отражение достигнутых цивилизационных ценностей.

Россия и в этом плане оказалась на периферии Европы. Сильная автократическая власть, безудержное и бескомпромиссное внеэкономическое давление на широкие слои народа в интересах дворянства, а позднее нарождающихся предпринимателей, отсутствие среднего класса и позд-

нее и слабое развитие либеральных тенденций приводили к тому, что верхи и низы общества постоянно находились в напряженном противостоянии, которое со временем не спадало, как на Западе, а консервировалось всем ходом российской жизни и лишь расширялось и обострялось. Власть в этом противостоянии все более теряла свою, предназначенную ей историей позицию арбитра и откровенно превращалась в репрессивную силу.

Мощные казацко-крестьянские восстания в XVII—XVIII вв., охватывавшие порой полгосударства, яростные бунты работных людей вызывали жестокие ответные меры правительства. Уже в XIX в. эту традицию отчаянного противостояния восприняли как радикалы, так и российская власть. При вяло текущем процессе либерализации общество было потрясено восстанием декабристов, жертвенным натиском народовольцев, многочисленными тайными обществами, заговорами, покушениями. В ответ продолжалась практика репрессий — виселиц, расстрелов, военных судов, введения чрезвычайных положений.

Меры либерального плана, к которым можно было бы отнести на исходе XIX в., скажем, конституционный проект М. Т. Лорис-Меликова 1880 г., были отвергнуты Александром III после убийства отца народовольцами. Этот проект, в частности, имел в виду использовать для борьбы с радикальными социалистическими движениями не только меры карательного свойства, но и ряд компромиссных шагов, новых подходов. В их числе были регулирование отношений между предпринимателями и рабочими, облегчение крестьянских переселений и ликвидация тем самым малоземелья, ослабление цензуры. Наконец, центральной частью программы М. Т. Лорис-Меликова стало предложение о привлечении дворянства, земств и городов к решению государственных вопросов [10].

После первомартовских событий Александр III начертал на этом конституционном проекте, уже одобренном его отцом, следующую резолюцию: «Слава Богу. Этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан». Жизнь России катилась к XX в. по своим традиционным самодержавным рельсам. Угрюмое противостояние радикалов и власти продолжалось. На исходе XIX в. оно плавно, на основании уже имевшегося богатого опыта перелилось в борьбу против царского режима наследников народовольцев — партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов, взявших курс на насильственное свержение правительства, захват власти и слом всей существующей общественной системы.

Конец XIX в. означал одновременно усиление в стране националистических и шовинистических тенденций, отступление от либерального курса прежнего времени в Польше и Финляндии, русификацию национальных районов страны, что в новых условиях становления окраинной эко-

номики и роста национальной интеллигенции больно било по самосознанию народов, населяющих Россию.

С таким социально-политическим багажом Россия вступила в XX век.

* * *

Эти особенности исторического пути России не могли не наложиться на реалии российской жизни в начале XX в., которые лишь подчеркнули, высветили эти особенности, их отягощающий груз.

Прежде всего об этом говорит географический и демографический облик страны. До последнего времени считалось, что приоритет в оценке исторического пути страны следовало отдавать социально-экономическим и политическим факторам. Что касается факторов географического и демографического, то им отводились второстепенные места. Между тем вслед за российскими дореволюционными историками хотелось бы подчеркнуть, что именно географическая среда, климат страны, а также демографическая ситуация в сильнейшей степени влияли на ее социально-экономическое и политическое развитие, на весь ее цивилизационный путь.

Россия, закончив свое территориальное расширение именно к концу XIX в., стала самым крупным из существовавших в то время государств мира. Ее необъятные просторы простирались на два материка — Европу и Азию. И хотя страна занимала большую часть Европейского континента, однако две трети ее находились в Азии.

Лишь 1/4 часть ее границ отделяла Россию от культурных европейских стран. Однако 82% населения империи размещалось в губерниях Европейской России. А это означало, что если географически наша страна тяготела к Азии, то по размещению населения — к Европе. Это было одно из видимых противоречий состояния страны. Азиатские ее просторы еще предстояло осваивать, включая их население в общий цивилизационный процесс, что не могло не сопровождаться в будущем большими социально-экономическими и культурными издержками. Неосвоенные, малонаселенные, отсталые азиатские регионы тяжелым грузом повиснут на теле страны в XX веке.

Но и Европейская Россия по плотности населенности была далека от европейских стандартов того времени (более 22 жителей на одну квадратную версту* против 71 во Франции, 126 — в Германии, 186 — в Англии). Низкая плотность населения (в среднем по стране 6,66 человека на 1 кв. версту) была свидетельством отсталости экономики и преобладания экс-

* 1 верста равнялась приблизительно 1,06 км.

тенсивных форм хозяйства. Эти данные блестяще подтверждают общие итоги развития России в течение столетий[11].

Об этом же свидетельствуют и демографические показатели. К началу XX в. в Российской империи жили 125,7 млн человек, лишь 13,4% из них являлись жителями городов, тогда как 86,6% россиян жили в сельской местности[12]. Что касается горожан, то подавляющее их большинство проживали в Европейской части страны, причем они буквально тонули в море сельского населения, разбросанного по огромным российским просторам. Эти сто с лишним миллионов селян были наиболее обездоленными, приниженными людьми, жившими практически в средневековых условиях. Именно эта часть населения во многом определяла демографическое лицо страны.

И если учесть, что Октябрьский переворот, последовавшее за ним революционное переустройство страны в пользу низов общества, Гражданская война и установление коммунистического тоталитарного режима основной удар нанесли по элите общества, а также по интеллигенции и средним слоям, то можно смело сказать, что основным населением России на десятилетия осталась эта огромная крестьянская масса, влияние которой буквально на все сферы жизни страны стало подавляющим.

К началу XX в. Россия оказалась одной из самых «молодых» стран мира. Это было связано с тем, что к этому времени она стояла на одном из первых мест по уровню рождаемости. 76,5% населения страны к началу XX в. имело возраст до 50 лет. Четверть населения (23,9%) составляли дети в возрасте от 1 до 9 лет, а половина населения (48,4%) была моложе 20 лет[13]. К 1917 г. эта часть россиян властно вступала на демографический, а значит, и на общественный подиум. Естественно, подавляющее большинство среди них составляли благодаря общему удельному весу и раннему вступлению в брак все те же сельские жители.

Высокий уровень рождаемости — это следствие низкого уровня благосостояния народа и его скромных потребностей, малой культуры, примитивных запросов. Не случайно в первое десятилетие XX в. уровень рождаемости в Европейской части России стал снижаться, что свидетельствовало об ощутимых переменах в положении людей, повышении их жизненного уровня, усложнении общественных отношений, развитии индустриализации, прогресса в аграрном секторе, расширении кооперативного движения, в том числе на селе, развитии урбанистических процессов. Все это также влияло на общественную атмосферу, о чем еще будет сказано ниже.

Для понимания облика народа к началу XX в. большое значение имели миграционные процессы. Деревенская нужда, малоземелье, полная бесправность выталкивали из сельской местности миллионы людей. Они

шли в города — оголодавшие, обездоленные, закомплексованные, в поисках лучшей доли, лучшей жизни, которую уже демонстрировали российскому населению города.

С 1897 по 1914 гг. городское население увеличилось почти на 10 млн человек. В основном это было пришлое крестьянство. Начался феноменальный исход стомиллионного крестьянского российского населения в города в результате процесса раскрестьянивания России, который продолжался в течение всего XX в. Следствием этого было не только изменение соотношения городского и сельского населения, но прежде всего превращали на целые десятилетия жителей городов в носителей деревенских культурных традиций, комплексов, менталитета, быта. Не успев сформироваться в качестве полноценных центров городской цивилизации со всеми ее плюсами и минусами, российские города были размыты потоком сельского населения.

Процессы, которые на Западе отстояли один от другого на столетия, в России в силу уже отмеченных исторических причин спрессовались в течение десятилетий. Начало XX в. дало тому яркое подтверждение. Лишь в первое десятилетие в Москву прибыло 700 тыс. человек, а Петербург пополнился 1 млн выходцев из деревни. Аналогичные явления имели место и в других городах России. Так формировалась армия нищих, обозленных людей, рвущихся к новой жизни, которую они наблюдали в городах из своих жалких лачуг, подвалов, сквозь подслеповатые окна рабочих бараков и которая до сих пор проходила мимо них. И именно эти люди превращались в потенциальную опору будущей революции с ее уравнительными лозунгами и экстремистскими принципами, согласно которым именно они, эти обездоленные люди, и являются белой костью общественного прогресса. Революции, как известно, совершаются не только потому, что людям становится хуже жить, а совсем напротив — потому, что в условиях общего социально-экономического прогресса они претендуют на более существенное улучшение своей жизни, которое обещают им революционные пропагандисты.

Волны подобных миграций идут не только в города, но и на Восток, создавая и там бурлящий амбициозный человеческий котел. Большое значение в этом плане имела аграрная реформа П. А. Столыпина и его переселенческая политика. Сотни тысяч людей отрывались от родных мест, устремлялись в неизвестное будущее, порывали с традиционным укладом жизни, духовно раскрепощались, обретали в этом социальном круговороте инициативу и стремление кардинально решить свои жизненные проблемы.

Характеристика обездоленных, мятущихся миллионов людей была бы неполной без данных об их образовательном уровне. И здесь, конечно,

нельзя обойтись без восклицательных знаков. Огромная страна с блестящей духовной культурой и высокообразованной элитой, великой литературой, гениальной музыкой, впечатляющими архитектурными ансамблями и уникальным городом-памятником Петербургом, страна с замечательными открытиями в области науки занимала в начале XX в. одно из последних мест в Европе по уровню грамотности населения! Всего грамотных в стране к началу XX в. насчитывалось 21,1%. При этом 3/4 сельского населения и 59,2% горожан были вообще неграмотными. Катастрофически низким был уровень грамотности среди народов окраин России — лишь 3,6%.

В западных губерниях процент грамотных людей был значительно выше, чем в губерниях Центральной России и Украины. Далее к Востоку, а также в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Бессарабии этот показатель резко убывал[14]. Что бы и кто бы ни говорил по поводу влияния западной цивилизации на Россию, но совершенно очевидно, что близость к западным границам, к проклятому «латинству», долгое пребывание ряда западных российских территорий в западной политической орбите и в лоне западной культуры оказывали решающее влияние на общее цивилизационное развитие населения. Для России это факт непреложный, хотя и крайне грустный и тягостный для русского сердца.

Таким образом, в начале XX в. российский народ по возрасту был самым молодым, то есть полным сил, стремлений, амбиций, решительности, самым крестьянским, то есть самым приниженным, неполноправным и нищим, самым мобильным в смысле миграционных процессов и самым малокультурным.

Необходимо заметить, что грамотность, то есть умение читать и писать еще не могла считаться признаком культуры, так как это понятие более широкое. Но даже при этом полностью неграмотным, то есть не обладающим элементарными культурными навыками, не говоря уже о навыках цивилизационных, гражданских, являлось подавляющее большинство народа России. В таком состоянии российский народ вступил в революции начала XX в., в кровопролитную гражданскую войну, в «строительство социализма», став тем основным человеческим материалом, с которым после фактического уничтожения элитарного слоя и старой интеллигенции имела дело большевистская партия и тоталитарная система в целом, составной частью которой был этот самый народ.

Действительно, к 1920 г., то есть к тому времени, когда после победы в Гражданской войне Советская Россия приступила к «построению» нового общества, лишь 58,3% городского и 38,5% сельского населения были грамотными[15]. Это была страшная плата России за ее отсталость, засилье

самодержавия, придавливание либеральных общественных тенденций. Открывая новую для себя эру, народ, возглавляемый на партийном, советском, профсоюзном, военном, образовательном, хозяйственном уровнях выходцами в основном из своей среды, начал строить мир по своему образу и подобию, люто ненавидя и презирая всех и вся, кто был выше его по уровню культуры и вне его понимания.

В 90-е гг. XX в. стало модным говорить о том, что именно маргинальные слои общества взяли верх в ходе Октябрьского переворота 1917 г. и последующих событий. Это не так. Это были не маргиналы. Это была вся рабоче-крестьянская Россия. Признавать это тяжело, но надо говорить правду. Принадлежность к низам общества — рабочим и крестьянам стала своеобразным «знаком качества» советской эпохи. Это был закономерный общественный парадокс, который мог иметь место лишь в революционной стране и в революционное время, перевернувшее естественный ход истории.

Эта страшная эстафета бескультурья оказала сильнейшее влияние на всю советскую историю, хотя сам ход развития общества приводил к появлению новой интеллигенции, значительная часть которой очень быстро стала отторгаться властью и, в свою очередь, отторгать власть, во главе которой стояли как раз выходцы из низов. По данным российских историков, начиная с 1920-х гг. и далее шел процесс не только «маргинализации» общества, но и «маргинализации» номенклатуры. С начала 1920-х гг. до 1939 г. в составе ЦК ВКП(б) количество представителей интеллигенции уменьшилось в два раза, но одновременно увеличилось количество выходцев из крестьян.

В 1966 г. в ЦК КПСС времен Хрущева, в системе номенклатуры в целом было уже 70% детей крестьян и неквалифицированных рабочих. Это были те самые люди, которые вырвались на общественную поверхность в 1920—1930-е гг. Во времена Брежнева это соотношение сохранилось, в 1981 г. уже 80% номенклатуры были выходцами из семей крестьян и неквалифицированных рабочих, а в 1986 г. их было 72%. Налицо, таким образом, страшная эстафета правительственного маргинализма. Выходцы из среды интеллигенции, дети из семей высококвалифицированных работников умственного труда в 1986 г. составляли лишь 6% [16].

* * *

Как уже отмечалось выше, подавляющая часть российского населения была крестьянской. Это относилось буквально ко всем регионам страны, к представителям всех национальностей, населявших Россию.

Хотя крестьяне после отмены крепостного состояния в 1861 г. оказались лично свободными, однако вплоть до начала XX в. их хозяйства были тесно связаны с помещичьими имениями. В руках помещиков оставался не только основной массив плодородных земель, но и так называемые «отрезки» от прежних крестьянских наделов, которые были отданы помещикам в виде компенсации за потерю дарового подневольного труда, а также леса, выгоны, водопои, дороги. Для того чтобы получить нужные им земли и хозяйственные угодья, крестьяне были вынуждены арендовать их у тех же помещиков за «отработки». К тому же за крестьянами числились огромные суммы выкупных платежей, которые они должны были платить государству, поскольку оно по условиям реформы уплатило за крестьянские наделы помещикам и должно было возместить эти свои расходы.

Таким образом, целый ряд феодальных пережитков по-прежнему опутывал деревню, вызывая резкие противоречия между основной массой крестьянства и помещиками, а также между крестьянами и государством. К тому же над крестьянами довлела прежняя сословная замкнутость, полная подконтрольность местным властям, приниженное правовое положение, существование сословного суда специально по крестьянским делам, практика применения к крестьянам телесных наказаний. Элита общества, большинство интеллигенции, средние слои откровенно третировали полуграмотных или безграмотных крестьян как людей низшего сорта, как париев, какими они, к сожалению, и являлись.

Все это приводило к постоянному недовольству в крестьянской среде, к накоплению там взрывоопасных, экстремистских тенденций. Это было закономерно. Недальновидная и нерешительная политика правительства в аграрном вопросе, неукоснительная защита властью прежде всего интересов дворян-землевладельцев приводила к тому, что крестьянство горело ненавистью к верхам общества, презирало их, находилось в состоянии безжалостного и жестокого противостояния им. Память о казацко-крестьянских восстаниях под руководством Разина и Пугачева навсегда сохранилась в российской деревне.

Огромное значение для формирования облика российского крестьянства, являвшегося основной частью народа, имели общинная хозяйственная система, общинные традиции и психология. С одной стороны, община защищала своих членов, помогала им, а с другой — жестко регламентировала крестьянское хозяйство, крестьянский труд, быт и нравы, передвижение крестьян, уплату ими налогов и т. д. Община невидимыми обручами сковывала крестьянина, превращала его в винтик большой социально-экономической аграрной машины. Основным принципом жизни

общины был принцип уравнительности. Личное, предпринимательское, инициативное начало, все, что было в крестьянстве сильного, индивидуального, билось в тенетах общинного коллективизма, уравнительности, неуважения и подозрительности к любой попытке выделения и возвышения людей над общим средним уровнем и в плане материального благосостояния, и по таланту и уму. Как верно подметил в свое время П. А. Столыпин, «у русского крестьянина — страсть все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства». К сожалению, власть поняла это слишком поздно.

По существу, в общине драматически и дуалистически переплетались самые противоречивые начала — частнособственнические тенденции, предпринимательство, буржуазный индивидуализм и прагматизм, требовавшие свободы личности и продвижения к гражданскому обществу и правам человека, с одной стороны, и средневековый общинный коллективизм, нормы общинного землевладения, противодействие частнособственническим тенденциям, утопический лозунг «черного передела» — с другой.

По переписи 1905 г., в России было зафиксировано 166 тысяч крестьянских общин. Это была в начале XX в. большая темная сила, которая накладывала свою печать на облик всего российского народа. Если в западных странах крестьянские общины под влиянием социально-экономических и политических перемен ушли с исторической арены вместе со средневековьем, то в России при ее замедленном темпе жизни община вошла вместе со своими социально-экономическими и психологическими параметрами в XX в. и в течение десятилетий, несмотря на крутые повороты истории, создавала определенный фон для всей общественной жизни и самого облика народа. Это случилось потому, что в борьбе буржуазных, индивидуалистических и общинных, коллективистских тенденций в крестьянском хозяйстве России вторые оказались более прочными и живучими. Они пережили попытку Столыпина расколоть общину и дать простор «сильному мужику», крепкому хозяину, сохранив затем свою силу и в период революции. А после прихода к власти большевиков и принятия Декрета о земле крестьянская община была воссоздана и поглотила хуторские и отрубные хозяйства, на которые возлагал такие надежды Столыпин. В итоге к началу коллективизации российская деревня практически подошла все той же сплоченной отсталой массой, в которой культивировалась ненависть к зажиточному крестьянину, «мироеду», «кулаку». Это было тяжелое наследие царской России, которое большевист-

ское руководство использовало для расправы с враждебными ей или просто социально неудобными элементами деревни.

Важное значение для понимания судеб российского крестьянства как в начале XX в., так и в последующие десятилетия имел демографический взрыв в деревне. Те впечатляющие цифры умножения российского населения, о которых шла речь выше, приходились в основном на его наиболее социально приниженную и материально страдающую часть — крестьянство. Рост населения в деревне не только множил малоземелье и разного рода «утеснения», но и готовил все более массовую основу будущих социально-экономических коллизий в стране. В обозленной, мятущейся деревне с каждым годом прибавлялись все новые и новые легионы недовольных, которые к 1914—1917 гг. уже представляли собой многомиллионную армию, готовую к массовым действиям, если ее положение кардинально не изменится.

А перспектив на улучшение ситуации так и не намечалось. Новые земли, в том числе колонизуемые, осваивались с большим трудом. Причиной этого был низкий уровень материально-технических возможностей крестьянства, сдерживающая (до начала столыпинских аграрных преобразований) этот процесс правительственная политика, сопротивление крестьянам-переселенцам со стороны местного, в том числе национального, населения. Блестяще отразил это в своем трагическом рассказе «Много ли человеку земли нужно» Л. Н. Толстой. Русский крестьянин Пахом, мучимый штрафами и малоземельем, подается в земли башкир, где ему предлагают задешево то количество земли, которую он обойдет от восхода до захода солнца. К исходу дня, пройдя несколько десятков верст, крестьянин приходит к точке отсчета, но тут же падает замертво от чрезмерного напряжения. Его хоронят здесь же в ковыльной черноземной степи в могиле размером в три аршина[17]. За религиозно-философским смыслом рассказа угадывается та мука, которую готов претерпеть русский мужик ради земли.

Первое десятилетие XX в., в силу уже отмеченных выше социально-экономических причин, лишь подчеркнуло те противоречия, которые терзали российскую деревню. Мировой аграрный кризис конца XIX в. привел к падению цен на хлеб. Начало XX в. российское крестьянство встретило в условиях хозяйственной стагнации. В это время доходы основной массы крестьян оставались крайне низкими. В половине губерний Европейской России, определявших социально-экономическое лицо страны, эти доходы не покрывали текущих расходов, а в лучшем случае не превышали их. В этих условиях ведение предпринимательского хозяйства в деревне было практически невозможно: вырученные благодаря

ему средства уходили на оплату налогов, платежей и не могли использоваться для расширенного воспроизводства. Помогали различные местные и отхожие земледельческие и промышленные промыслы. Все это накладывало средневековую печать на весь облик крестьянского хозяйства. Как и в средние века, товарно-денежные отношения содействовали социальной дифференциации крестьянства, но не более того. В его среде истинно капиталистические, предпринимательские тенденции так и не стали господствующими. Крестьянское хозяйство сохраняло свой средневеково-семейный характер.

Страшные голодовки на почве тяжелых неурожаев и недородов в конце XIX и первые десять лет века XX приобретали массовый характер и буквально потрясали Россию. Они были зеркальным отражением бедственного положения российской деревни.

В этих условиях всякие разговоры о резком делении крестьян на кулачество, середняка и бедноту, что составляло суть ленинской концепции развития российской деревни и основу будущей так называемой социалистической революции в деревне и социалистического переустройства российского сельского хозяйства, являлись абсолютно надуманными и утопическими. Слова Ленина о том, что в России весьма причудливо сочетались «самый передовой промышленный и финансовый капитализм» и «самая дикая деревня», под которой он понимал все формы средневековья, экономической, политической, культурной отсталости, относились в первую очередь именно к деревне[18]. Поэтому и «кулак», и «середняк», и «бедняк» были олицетворением этой «самой дикой деревни», этого «идиотизма деревенской жизни», о которой писал еще Маркс. Поэтому всякие рассуждения о классовой борьбе в деревне, о кулаке как средоточии капиталистических тенденций кажутся сегодня не только абсолютно идеологизированными и политизированными, но и просто наивными. Российская деревня продолжала свой запоздалый и тяжелый переход от средневековья к новому времени. Переходность, противоречивость, драматизм, борьба общинного коллективизма и буржуазного прагматизма и индивидуализма и составляла основную черту российской деревенской жизни.

И все же жизнь деревни медленно менялась. Хотя там и использовался преимущественно тяжелый ручной труд, но уже появились и сельскохозяйственные машины. Их ввозили из-за границы, зарождалось и собственное российское сельскохозяйственное машиностроение. Эти машины применялись в основном в устоявших под напором перемен и адаптировавшихся к ним помещичьих латифундиях, в некоторых богатых крестьянских хозяйствах. Медленно, но неуклонно расширялись посевные пло-

щади. По объему валовой хлебной продукции и по производству зерна на душу населения Россия выходила на одно из первых мест в мире. Происходило это, однако, за счет экстенсивных методов хозяйствования и роста площадей пахотных земель. Вместе с тем зерно в основном потреблялось в хозяйствах мелких производителей, и его товарный фонд увеличивался медленно, подчеркивая общую средневековую структуру сельскохозяйственного производства и потребления.

Позитивные перемены были связаны и с развитием кооперативного движения в стране, которое содействовало расширению крестьянского землепользования, внедрению прогрессивных форм хозяйствования, механизации производства, развитию товарно-денежных отношений. В социальной сфере кооперация выполняла важную функцию ускорителя процессов формирования буржуазной структуры общества, в том числе и сельского. Однако и здесь, наряду с вполне современными кооперативными тенденциями, ощущалось засилье торгово-ростовщического капитала, высасывающего из деревни огромные средства.

Перемены в жизни села происходили и в сфере быта. В те годы, когда неурожаи щадили страну, рацион питания незначительно, но улучшался, деревня знакомилась не только с машинами, но и с разнообразными товарами российской промышленности. Керосиновая лампа стала заменять древнюю лучину и свечи.

В этих условиях стомиллионное российское крестьянство получало возможность реально убедиться в благотворных возможностях прогресса и вместе с тем ощутить в полной мере всю тяжесть и беспросветность старого уклада. Именно на этом общественном срезе и рождалось социальное противостояние крестьянства и помещиков, крестьянства и местных властей. В книге приводятся многочисленные факты крестьянских бунтов и неповиновений, охвативших буквально всю Европейскую Россию. Однако правительство долгое время упрямо держалось в отношении крестьянства старого, традиционного подхода, кажется, вовсе не замечая кардинальных цивилизационных веяний в его среде. Неприкосновенность общинного строя, сохранение сословной неполноценности крестьянства, нежелание «сделать из крестьянина персону», как предлагал премьер-министр С. Ю. Витте,— с таким багажом вступила России в первые годы XX в.

* * *

Другой наиболее многочисленной частью народа являлись наемные рабочие, занятые на заводах и фабриках России, на транспорте, в мелкой

промышленности. В 1900 г. эта категория населения насчитывала 12,1 млн человек, а в 1913 г.— 18,2 млн В процентном отношении ко всему населению страны это была небольшая величина — всего 13,5%. Однако большинство рабочих, трудящихся в городах на крупных предприятиях, отличалось все увеличивающейся сплоченностью и солидарностью в борьбе за свои интересы и с каждым годом представляло собой все более весомую общественную силу. При этом, как и крестьяне, рабочие испытывали на себе все тяготы феодальных пережитков в стране, сословную неполноценность, несовершенство рабочего законодательства, запрет на организацию профессиональных союзов, длительный рабочий день, беспощадную систему штрафов, ориентированных на цивилизованное отношение к труду, к своим обязанностям, ужасные жилищные условия на окраинах больших городов.

Для облика этой большой, относительно сплоченной самими условиями работы и жизни и совершенно бесправной и приниженной группы населения была характерна неразрывная связь с российской деревней. Большинство рабочих являлись выходцами из сельской местности, не порывали связи с землей и не являлись рабочими в европейском смысле этого слова. Немало рабочих являлись таковыми лишь в первом поколении. Постоянное пополнение рабочих также происходило за счет крестьян. Неизгладимая печать крестьянской общинной ментальности, традиций, привычек, уровня культуры и быта, отношения к труду лежала на облике российского рабочего класса.

В связи с этим встает извечный вопрос о вовлечении в революционный процесс в России в начале XX в. маргинальных групп населения — полуграмотных и вовсе безграмотных рабочих и крестьян. Я думаю, что такой подход — сущее недоразумение. Эта часть народа не была его маргинальной составляющей. Таково было большинство народа, таков был цивилизационный уровень страны. Правильно было бы сказать, что сама России оказалась в силу определенных исторических условий на обочине европейского цивилизованного мира, на его исторической периферии. Это и определило и облик народа, и облик среднего класса, и облик и социально-политическую ментальность его элиты. А поскольку и элита, и средний класс, и интеллигенция были практически уничтожены в ходе революции, Гражданской войны и последующих сталинских репрессий, постольку весь облик России XX в. приобрел черты так называемой маргинальности, хотя точнее было бы сказать — черты народности.

Вместе с тем рабочее население уже вырывалось из совершенно варварского круга деревенской жизни. Оно прикоснулось к городской жизни с ее более высокой культурой и бытом, и пусть многие российские го-

рода еще сохраняли вполне деревенский вид — большинство домов там было одноэтажных и деревянных, отсутствовала канализация, водопровод, мостовые, люди жили в грязи, темноте, скученности,— все равно это был город с его уже вполне респектабельным центром, современными зданиями, газовым освещением на главной улице, театрами, гимназиями, университетами, конкой, телефонной и телеграфной связью, железными дорогами. Многие рабочие были на порядок более грамотными и просвещенными, чем их сельские братья. Они воочию видели возможности новой жизни и сравнивали их со своим жалким существованием. Здесь, как и в деревне, эти сдвиги рождали глухую ненависть, которая постепенно переходила в революционную психологию.

В условиях послереволюционного развития страны с его опережающим ростом тяжелой промышленности, строительством новых городов в районах разработки и переработки полезных ископаемых, с его пренебрежением к реальным человеческим ценностям в угоду грандиозным утопическим социально-экономическим программам и всеподавляющим интересом к становлению военно-промышленного комплекса в течение всего XX в., старые русские города как бы застыли на месте в своем историческом беге. Остановилась в своем развитии так и не вышедшая из варварства и нищеты предреволюционных лет, обескровленная и подорванная коллективизацией и тяжким налоговым прессом российская деревня. Вплоть до конца XX в. остались стоять по всей России стародеревянные города, а больше всего — городки и деревянные избы сел и деревень с печным отоплением, без воды и элементарной санитарии, с разрушенными, набитыми щебнем храмами — символом распада и несостоявшейся цивилизации, сакли горных аулов и степные юрты.

* * *

Для понимания судеб России в XX в. немалое значение имеет облик ее национального состава, жизнь, нравы и быт многочисленных народов России, придававших специфические черты всему строю российской жизни. К 1914 г. в России, где жили 165 млн человек, обитало 140 различных народов. Подавляющую часть населения страны в начале века составляли славяне — русские, украинцы, белорусы, поляки — всего около 92 млн человек. Русских среди жителей страны насчитывалось 48%[19]. В Европейской России наиболее многочисленными после славян были народы тюркской группы — татары, башкиры и чуваши.

70,8% населения составляли православные, 8,9% были католиками, 8,7% — мусульманами. Наиболее комфортно в империи чувствовали себя

православные. И это несмотря на то, что большинство их принадлежало к низам общества. Причастность к государственной религии, чувство принадлежности к титульной нации огромного государства, правительственная идеология, базировавшаяся на великорусских державных принципах самодержавия, православия, народности, которые в народ доходили в опрощенной, примитивной форме, и на церковно-государственной концепции «Святой Руси», которая также доходила до простонародья в элементарной форме,— все это не могло не вызывать в людях определенного отклика. И чем более безрадостной, приниженной была жизнь, чем больше давили социальный гнет и материальные тяготы, тем больше люди искали самоутверждения и защиты в идеологических фантомах, которые и защищали и возвышали их. Любой русский бедняк, выбитый из деревни в город неудачник, нищий переселенец чувствовал себя выше представителей мусульманской или иудейской общин, выше и значительнее любого «инородца». Это была воспитанная шовинистическими и религиозными идеологами спесь низов, которая развращала людей и в то же время примиряла их с варварской действительностью, с собственной незавидной судьбой. Это был идеологический великодержавный наркотик, которым в России были отравлены многие поколения людей. Именно его воздействие может объяснить, как неизбывное недовольство низов, оскорбленное человеческое достоинство обывателя выливалось в яростные националистические вспышки — еврейские погромы на Украине и в Молдавии, напряженные стычки между русскими и местным населением в Средней Азии, национальные конфликты на Северном Кавказе и в Закавказье.

В свою очередь, в национальных районах по мере их социально-экономического и культурного развития, формирования собственной интеллигенции, пробуждения чувств национального достоинства вызревали националистические настроения, которые правительство стремилось направить из области социально-политической в сферу чисто национальную. Именно в этом плане мы должны оценивать так называемую Бакинскую резню 1905 г.— азербайджано-армянский конфликт с десятками убитых и раненых. Именно в этой сфере пробуждались тенденции пантюркизма и панславизма, в основе которых лежали не только культурно-политические процессы, но и безусловное ощущение рядом народов своей маргинальности в составе империи, которое становилось все более четким по мере дифференциации социальных, политических и национальных сил в стране.

В условиях пробуждения мощного общественного движения на национальных окраинах империи прежняя достаточно взвешенная, сбалансированная, весьма толерантная политика властей в национально-конфес-

сиональном вопросе все более стала давать крен в сторону русского великодержавного шовинизма, русификации окраин, централизации, нетерпимости по отношению к национальным меньшинствам. Они стали знамением перехода национальных окраин империи от средневековья к Новому времени и прежде всего к запоздалым попыткам возвращения или формирования заново собственной государственности, не состоявшейся по разным причинам в прошлые времена.

В ответ на усиление шовинистических и русификаторских тенденций вызревали националистические и русофобские настроения. Сплетенные в причудливую ткань с социально-политической направленностью, они создавали тот критический общественный фон, который окрашивал русскую жизнь в начале XX в. и в дальнейшем закономерно вписался в революционные события не столько революции 1905 г., сколько Февральской революции и событий, последовавших за Октябрьским 1917 г. большевистским переворотом в двух российских столицах.

Надо заметить, что как шовинистические великорусские тенденции, так и русофобские националистические настроения захватывали лишь определенную часть населения. Правильней было бы сказать, что широкие народные массы были глухи к националистическим призывам с обеих сторон, которые исходили из идеологических, партийно-политических структур и части интеллигенции.

Вместе с тем опыт идеологической обработки масс при помощи как русско-мессианских и шовинистических идей, так и националистических истерик, продемонстрированный на заре XX столетия, прочно вошел в общественную практику будущих десятилетий этого же века. Он был использован в ходе Гражданской войны всеми противоборствующими сторонами, а позднее с успехом осваивался большевистским руководством, и в первую очередь И. В. Сталиным, для создания феномена величия маленького человека. Но теперь вместо «старорусской идеи», православной избранности, приобщения к единству с «помазанником Божиим» нищему, темному, малокультурному человеку втолковывали мысли о том, что он может править государством, нести счастье всему миру, являться высшей ценностью страны и быть неотъемлемой частью его мирового величия и высокой державности. В этом смысле начало XX в. явилось для России симптоматичным. Отзвуки этих великодержавных, святорусских, соборных, мессианских идей живы и поныне. И до сих пор они питают души тех людей, у которых, кроме этого, в жизни ничего практически не осталось.

Точно так же националистические тенденции, задавленные в годы тоталитарного режима, пышным цветом расцвели в наши дни, едва власть в

России зашаталась, как когда-то на заре XX в., чтобы надолго стать драматическим перекидным мостом к гражданскому обществу в национальных регионах бывшей российской, а позднее советской империй. Сегодня, на пороге XXI века, эта цивилизационная болезнь бывших отсталых регионов страны, кажется, достигает своего пика.

* * *

Основные характеристики народа оставили свой след и на облике такой весомой общественной силы, которой суждено будет сыграть в судьбах начала XX в. едва ли не решающую роль, как армия. Начиная со времени Петра I русская армия продолжала оставаться самой крупной армией в мире. К началу Первой мировой войны она насчитывала более 1 млн человек. 90% нижних чинов были выходцами из семей крестьян, рабочих, ремесленников. По данным на 1900 г., на каждые 1000 новобранцев приходился 521 неграмотный (против 0,06 в Пруссии, 0,8 — в Швеции, 2 — в Дании, 5 — в Швейцарии, 10 — в Великобритании, 21 — в Нидерландах, 40 — во Франции). К 1905 г. грамотность среди новобранцев возросла до 58% в основном за счет призывников из числа квалифицированных рабочих. И все же к 1913 г. 20% солдат не умели читать и писать.

Что касается общей культуры и гражданского развития остальной массы так называемых грамотных солдат, то они оставались на прежнем сельском общинном уровне. Армия была зеркальным отражением всего российского общества, но именно ей в ближайшие годы предстояло принять участие в четырехлетней мировой бойне и вместе с подавляющей частью народа сделать для себя выбор на крутом витке российской истории в 1917 г. При этом большинство армии показало себя плотью от плоти и кровью от крови всего российского народа (точнее было бы, конечно, сказать славян, православных, потому что именно они — русские, украинцы и белорусы составляли 80% нижних чинов императорской армии).

* * *

Вместе с тем в среде невежественного народа, десятилетиями пребывавшего в косности и умственной спячке, под влиянием колоссальных перемен, происходивших вокруг, зарождалась огромная тяга к образованию, просвещению, культуре. Например, в 1908 г. Россия по количеству издаваемых книг занимала третье место в мире после Германии и Японии. Ошеломляюще росли тиражи газет и журналов. Бродячие чтецы стали популярными личностями как в городе, так и в деревне. Вокруг них со-

бирались большие толпы людей, каждый из слушателей платил по копейке и, затаив дыхание, внимал прочитанному. Имея в виду эту категорию населения, знаменитый издатель И. Д. Сытин, сам выходец из крестьянской среды, говорил, что Россия «страна неограниченных возможностей и неограниченного невежества». Думаю, надо упомянуть еще об одном немаловажном признаке духовного облика народа — о его склонности к «высоким» размышлениям, к фантазиям, утопиям, которая рождалась под покровом внешней апатии, при задавленности тяжким трудом и разного рода нехватками. Недаром скатерть-самобранка, ковер-самолет, исполнение желаний «по щучьему велению, по моему хотению» так популярны были в народных сказках, в восторженных мечтах русского простолюдина.

Парадоксом начала XX в. стало то, что народ в своей основной массе из-за общей отсталости страны оказался на задворках истории, в тени. Он как бы существовал, и в то же время его как бы и не было. Всю общественную жизнь страны определял, естественно, царь — самодержец, царский двор, блестящая чиновная, военная, церковная элита, верхушка предпринимательского сословия, где появились уже великолепно образованные, просвещенные люди. В этом же ряду стояла и немногочисленная, но духовно сильная и влиятельная интеллигенция — профессура, учителя, врачи, инженеры, журналисты. С каждым годом росло влияние творческой интеллигенции — литераторов, деятелей искусства. Многие из них были своими людьми в домах элиты, в буржуазных кругах, оказывали большое нравственное влияние на общественную жизнь. По-прежнему многие помещичьи усадьбы оставались средоточием высокой культуры; там сохранялись библиотеки, функционировали провинциальные салоны, неторопливо текли высокоумные беседы. Народ существовал как бы «за кадром» этой жизни, но именно эта стомиллионная масса, не прошедшая школы гражданского развития, не познавшая еще чувства собственности и связанной с этим ответственности перед обществом, находящаяся в состоянии постоянного брожения благодаря своему переходному социальному состоянию,— именно она потенциально определяла лицо России.

В той или иной форме — либо за счет развития цивилизационных процессов, либо за счет назревающих общественных катаклизмов, но именно этому народу суждено было решать, каким путем пойдет развитие страны. История выбрала для России второй вариант: в ходе большевистских преобразований, не пройдя цивилизационного горнила, народ России занял общественный подиум и, начиная с 1917 г., но особенно определенно с 20-х гг. XX в. во многом стал определять модель развития страны.

Оставаясь в цивилизационном плане в основном единой и достаточно монолитной массой, народ лишь поменял после 1917 г. мировоззренче-

ские, идеологические парадигмы, сохранив в душе образ своего врага — всех, кто духовно был выше, культурнее, способнее его. И если в начале века темная народная стихия, огромная серая масса, исповедовавшая простые и одномерные формы жизнеустройства, инстинктивно преклоняла колени перед монархом как посланцем Бога на земле и в течение долгого времени оставалась питательной средой для крайне правых сил, то, постепенно поменяв затем свои общественные ориентиры и привязанности под влиянием объективных обстоятельств и популистской большевистской агитации, эта же народная масса была вовлечена с 1917 по середину 1920-х гг. в революционный процесс.

Как и до революции, поведение массы характеризовалось насилием над неугодными ей слоями и лицами, социальным погромом, чувством социального реванша и крайней жестокости. Но теперь место самодержавия, Православия, народности, идей «Святой Руси» заняли новые идеологические фантомы — партийность, идейность и (надо же!) снова народность, а также мессианские идеи мировой революции, светлого будущего и т. д. Если Временное правительство, либералы и буржуазные демократы тщетно пытались поднять народ до уровня гражданского общества, то Ленин предпочел народные представления и требования с тем, чтобы осуществить свои утопические планы. И уже одна эта метаморфоза народных идеалов, безусловно имевших корни в прошлом, показала, что дело было не в различиях дореволюционных и послереволюционных идей и лозунгов, а в характере самого народа. Основной же доминантой этого характера оставались не столько классовые параметры, как полагали коммунисты, сколько параметры цивилизационные, которые народ пронес по своей жизни в течение всего XX века. Не классовая борьба, а цивилизационное противостояние — таков был источник социальных коллизий и катаклизмов в России как на заре столетия, так и в последние десятилетия. Оно, это противостояние, продолжается и сегодня, но уже в иных общественно-политических условиях и со значительно поредевшими народными силами, причем прежняя модель поведения народа подорвана ныне подъемом общей культуры населения, развитием образования, ростом подлинной интеллигенции из его же собственной среды, расширившимися контактами с остальным миром, а главное — мощным прорывом в области утверждения чувства собственности, прав личности, установления демократических институтов, к которым народ стал теперь значительно ближе.

В связи с этими характеристиками народа и его влияния на судьбы страны неизменно встает вопрос о сущности такого понятия, как «прогресс в истории». Несомненно, что за последние годы оно значительно

поменяло свой смысл. В ряде материалов последних лет убедительно показано, что не классовые, а цивилизационные критерии лежат в его основе и прогрессивно все, что идет на пользу человеку, личности, обществу, причем в их тесной взаимосвязи[20].

Продолжая эту же линию, можно задать и следующий вопрос: а можно ли считать прогрессивными все стихийные деяния бунтовавшего народа, все его неразвитые, темные идеалы, на которые в дальнейшем с успехом опирались большевики? Можно ли вообще молиться на маргинальную устремленность невежественных и забитых масс, как это происходило в советской историографии в течение долгих десятилетий? Несомненно, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ.

Историк обязан верно понять и объяснить совершенно оправданные обстоятельствами стихийные вспышки ненависти низов, их «чернопередельские» лозунги и варварские действия в отношении выше них стоявших цивилизационных оппонентов. Но это вовсе не значит, что именно эти деяния как в дореволюционный, так и в послереволюционный периоды мы должны считать столбовой дорогой развития человечества и одновременно предавать анафеме или замалчивать, как это делалось под влиянием коммунистической пропаганды, либеральные, эволюционные и глубоко цивилизационно прогрессивные подходы к истории России, которые были и у монархов, и у реформаторов, и у тех революционеров, чьими идеалами являлись борьба с деспотизмом, гуманизм, права человека, защита собственности, неуклонное продвижение к гражданскому обществу.

* * *

Другой составной частью понимания истории России начала, а во многом и последующих десятилетий XX в. стал тот социально-экономический и политический фон, на котором рисовали свои «узоры» различные категории российского населения, в том числе и народные низы.

Выше уже шла речь о новых явлениях в экономике страны, которые меняли ее жизнь и в городе, и в деревне, давая возможность носителям средневековых традиций, потребностей и быта прикоснуться к новым цивилизационным стандартам. Было высказано мнение и о том, что это столкновение старого уклада и новых пробуждающихся потребностей и возможностей людей высекало яркие искры усиливающегося социального напряжения.

Начало XX в. Россия встретила на путях бурного индустриального развития на основе предпринимательства, привлечения в промышленность и на транспорт наемного труда, создания крупной индустрии, современно-

го транспорта, новейших технологий и средств связи. Лидерами здесь являлись тяжелая промышленность и горнозаводская индустрия — металлургическая, угледобывающая промышленность, нефтедобыча. За десятилетие к 1900 г. объем промышленного производства в стране удвоился. По протяженности железных дорог Россия вышла на второе место в мире после США, а по многим промышленным показателям приблизилась вплотную к ведущим странам Запада.

Новый промышленный подъем произошел в 1909—1913 гг. Одновременно шла быстрая монополизация промышленности, развивалась банковская система, что указывало на самые современные тенденции в российском народном хозяйстве. По темпам роста промышленности Россия опережала в это время ведущие страны мира. За почти двадцатилетний период накануне Первой мировой войны среднегодовой прирост валового национального продукта в России был выше, чем в странах Западной Европы.

Вместе с тем «самая дикая деревня», в широком смысле слова, тяжелыми гирями висела на развивающейся российской экономике, порождая острейшие социально-экономические коллизии. Быстрый рост населения, в первую очередь сельского, сводил на нет все успехи индустриализации. По производству продукции на душу населения Россия стояла на одном из последних мест в Европе. Подавляющая часть продукции промышленности и сельского хозяйства приходилась на Европейскую Россию. А это означало, что остальная часть империи, ее национальные окраины находились на неизмеримо более низкой ступени экономического развития. Эта цивилизационная диспропорция досталась в наследство советскому государству, как и безграмотность и невежество окраин, откуда после революции начался мощный отток населения в Европейскую часть страны, в городские центры, в столичные республиканские города. Этот процесс, как считают российские социологи, продолжается и поныне, и конца ему еще не видно.

Подобное цивилизационное противостояние в течение всего XX столетия добавляло остроты в общее социальное напряжение России, а в 90-е гг. вылилось в ужасающий разгул этно-национализма и сепаратизма.

Экономические показатели, как выявили последние исследования, имеют непосредственное отношение не только к общему цивилизационному развитию той или другой страны, но и к таким закономерно возникающим в этих странах явлениям, как революционные взрывы. Оказывается, показатель уровня среднедушевого ВВП во всех странах в период революций Нового времени был приблизительно одинаков, будь то Англия середины XVII в., США и Франция второй половины XVIII в., Германия и Италия середины XIX в., Россия и Мексика начала XX в. Среднеду-

шевой ВВП оказывается интегральным показателем, отражающим социальные и политические аспекты развития той или иной страны. Уровень среднедушевого ВВП хорошо коррелируется с индексом экономической свободы, с развитием политической демократии. И понятно, что, скажем, введение всеобщего избирательного права на фоне неразвитого чувства собственности, низкого образовательного уровня и уровня благосостояния людей может обернуться крахом всей данной системы. Между тем Россия в начале XX в. как раз и вступила в такую революционную фазу[21].

Характерной чертой экономического развития страны стало постоянное вмешательство в этот процесс государства. В условиях существования самодержавной монархии и всесильной бюрократии, в условиях существования прочных, идущих еще с XVII в., но особенно с эпохи Петра I традиций государственного регулирования экономической сферы государство в лице самого монарха, его премьер-министра, кабинета министров постоянно осуществляло контроль над экономикой. С одной стороны, государство, в первую очередь в лице его яркого и талантливого представителя — министра финансов, а позднее премьер-министра С. Ю. Витте, всемерно способствовало индустриальному развитию страны, развитию ее банковской системы и железнодорожного строительства посредством привлечения иностранных инвестиций, казенных заказов, стабилизации и развития денежной системы, льготных кредитов и т. д., а с другой — вводило разного рода регламентирующие правила, ограничивало свободу частного предпринимательства, содействовало сохранению архаических порядков как в сфере индустрии, так и аграрном секторе. Такой дуализм едва ли содействовал подлинному расцвету российского хозяйства. Вместе с тем необходимо помнить о том, что попытки устранения всех перегородок и препятствий для развития свободного предпринимательства по западному образцу предпринимались уже в 60—70-е гг. XIX в. по инициативе тогдашнего министра финансов М. Х. Рейтерна. Слабо цивилизованное российское общество, в частности предпринимательская сфера, ответили на это так, как и следовало ожидать: безудержными аферами, многочисленными нарушениями промышленных технологий, созданием дутых акционерных обществ, откровенным воровством, коррупцией, сокрытием доходов от налогообложения и т. п., причем в гораздо больших размерах, чем это было на Западе[22].

С тех пор в России мало что изменилось. Набирающая силы после 1861 г. молодая российская экономика в лице предпринимателей и банкиров первого-второго поколений функционировала практически на средневековом поле, в отсутствие гражданского общества, правовых и нравственных традиций. В этой обстановке государственное регулирование,

возможно, было единственной панацеей против безудержных экономических злоупотреблений, защитой подлинно национальных интересов в сфере народного хозяйства. «Отпуск» экономики на «волю», вероятно, мог бы встать в повестку дня в дальнейшем, по мере созревания российской цивилизации. Он и встал в конце концов в период с февраля по октябрь 1917 г., породив чудовищные экономические преступления, коррупцию, воровство, взяточничество и т. п. Срезанный Октябрьским переворотом под корень, а затем задавленный тотальным государственным контролем, этот процесс продолжился в стране уже после революционных потрясений 1991 г. Попытка и на этот раз дать «волю» частному предпринимательству в России по образу прошедших многовековой путь развития рыночных отношений западных стран обернулась тем, чем и должна была обернуться: новым витком «грюндерства». В этом потоке афер, обманов, бешеного обогащения дутых компаний, акционерных обществ, банков, мгновенного слияния денег и властных структур угадывалась не только «цивилизационная память» о старой, досоветской российской экономике, но и тяжелое наследие коммунистического режима с его загнанной вглубь «теневой» экономикой, повальным масштабным воровством на всех уровнях, системой «чейнджа» и бартера, лоббирования и т. д., отражавших ментальность и традиции поднявшегося на общественный подиум после 1917 г. российского народа.

Государственное регулирование российской экономики в начале XX в. дало стране определенные преимущества: достаточно быстрое развитие ключевых отраслей экономики, бездефицитный бюджет, поддерживаемый винной монополией и доходами от государственных железных дорог, возможность покрывать государственные расходы за счет внутренних накоплений. Но одновременно росла внешняя задолженность России, а имперские амбиции в Европе и на Дальнем Востоке периодически ставили страну на грань государственного банкротства. Средневековой оставалась система налогообложения населения. Подушная подать была отменена только в 1880-х гг., а выкупные платежи крестьян — в 1907 г. В 1916 г. был введен подоходный налог, однако наладить эту систему до февраля 1917 г. так и не успели. Одновременно постоянно увеличивались косвенные налоги, дававшие в первое десятилетие XX в. 76,1 % всех налоговых поступлений. Особенно страдала от этого самая многочисленная и без того отягощенная нуждой часть российского населения — крестьянство. Налоги на крестьян за последнее предвоенное пятилетие увеличились на 28%. Увеличение доходности крестьянского хозяйства съедалось ростом налогового бремени: маячившее вдалеке благополучие лишь ма-

нило крестьянина, а затем исчезало как полуденный мираж, порождая неудовлетворенность и злобу.

Таким образом, и в начале XX в., несмотря на существенное изменение вектора цивилизационного развития страны, незыблемой оставалась прежняя средневековая российская линия в области социально-экономических отношений: ставка делалась (как и во времена Петра I) на эксплуатацию низов, на небрежение к простому человеку. Потом этот же простой человек, поднявшийся на всех уровнях к руководству страной, принял эту историческую эстафету и понес ее дальше на протяжении всего XX в. И сегодня отношение многих представителей как исполнительной, так и законодательной власти к проблеме налогообложения мало чем отличается от царских и советских подходов, демонстрируя тем самым один из ярких признаков цивилизационной отсталости страны.

Оставаясь страной с отсталой экономикой, Россия вышла в начале XX в. на траекторию экономического роста в рамках рыночной экономики. При этом можно было бы сделать одну оговорку: страна вступила в XX в. со средневековой ментальностью и руководящей элиты, и предпринимателей, и простого народа, что во многом определило социальные катаклизмы того времени.

* * *

Подобного рода «сочетания» отразились в состоянии самого российского общества, которое причудливо сплеталось из, казалось бы, несовместимых и далеко отстоящих друг от друга частей. На высшей ступени в социальной иерархии по-прежнему стояло дворянство, которое отчетливо делилось на несколько групп, причем среди провинциальных помещиков было немало владельцев средней руки и даже вовсе захудалых, не сумевших адаптироваться к быстро меняющейся экономической обстановке и практически доживавших свой век, уповая лишь на защиту со стороны монарха. Затем шли духовенство, предпринимательские круги — рождающаяся российская буржуазия, узкий слой интеллигенции, городское мещанство, рабочие, крестьяне. Все это были дробные полузакрытые сословные корпорации. Нет ничего наивнее представлять себе россиян того времени разделенными только на господствующие классы и эксплуатируемое большинство — рабочих и крестьян. Средневековая сословная структура, несмотря на реформы 60—70-х гг. XIX в., властно вошла и в XX век с особыми правами и обязанностями каждого сословия, их привилегиями и дискриминациями, традициями и предрассудками.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

В то же время быстро развивающаяся экономика, естественно, стремилась нарушить прежние социальные перегородки. С каждым годом буржуазный уклад жизни с его поклонением не средневековым сословным ценностям, а лишь одному идолу — деньгам круто ломал устоявшиеся общественные нормы, проникал буквально во все сферы жизни, размывая старые грани, способствовал, если можно так сказать, сословным миграциям, переходу людей из одного сословия в другое за счет личных талантов и достижений, а также за счет новых материальных возможностей, вываривая общество в том самом котле, по поводу которого так тосковал, и справедливо, легальный марксист П. Б. Струве.

Россия по-прежнему была далека от западных стандартов (в ту пору еще весьма невысоких) правового государства, но в стране явно ощущались тенденции гуманизации общества, правового обеспечения социального жизнеустройства и правового регулирования жизни, открытого Великими реформами. Государство обеспечивало борьбу с преступлениями против личности и собственности, закон защищал гражданские права подданных.

В конце концов и при отсутствии конституционных порядков столетняя борьба передовых умов страны к началу XX в. дала определенные результаты. Это было уже не то самодержавие, не то общество, не та Россия. Однако все познается в сравнении, и в сопоставлении с западной цивилизационной моделью становилась все более очевидной общая отсталость общественного устройства страны. Мне хочется привести слова К. Маркса, о которых упомянул в своей статье В. Мау: «Страна (или страны.— *А. С.*), промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[23]. И наоборот, для развитых стран общественная модель стран отсталых — это, как показала история, вчерашний день их собственной истории. Закон этот универсален, и Россия здесь не исключение. Все те перемены, которые происходили в обществе, говорили одновременно и о дряхлости прежнего средневекового уклада, и о молодости, неоформленности (в экономическом, политическом, правовом отношениях) нового буржуазного общественного устройства.

К началу XX в. буржуазное общество в России с присущей ему социально-экономической однородностью, высокой степенью гражданственности, демократизации общественной жизни, проникновением определенных культурных компонентов во все слои населения, с современным на тот период бытом и психологией людей еще только складывалось. Цивилизационные перепады в нем были слишком велики. Они ощущались и между определенными группами населения, в первую очередь, между по-

давляющей частью народа — крестьянами, рабочими, ремесленниками, основной частью армии — и элитными слоями, между городом и деревней, между центром и окраинами.

Именно в этом цивилизационном несоответствии, пропущенном через настроения отдельных людей, принадлежащих к ущербным (как они сами ощущали себя) и вынашивающих идеи социального реванша группам населения и таились будущие беспощадные социально-политические конфликты. Вопрос заключался в том, сумеет или не сумеет государство и все общество в целом ликвидировать эти перепады и перевести развитие страны в эволюционное, мирное русло. Однако в конце XIX — начале XX в. признаков такого мирного перехода не ощущалось, а потому общество, находящееся в переходном, неустойчивом состоянии, стремилось уйти от старых моделей развития к новым, уже ставшим известными и желанными, тем путем, который диктовал ему уровень цивилизации его низших, наиболее обездоленных и неудовлетворенных слоев.

Это ярко проявилось в политической сфере в процессе формирования различных общественных течений, партий и групп, выдвигавших свои политические программы и лозунги, а главное — в их восприятии широкими слоями народа.

В политической области Россия была достаточно юной страной. В начале XX в. существовало около 150 политических партий, что само по себе отражало известную дробность общества, невероятное разнообразие интересов отдельных сословий и групп, а главное — их упорство в отстаивании своих политических амбиций и неумение и нежелание идти на компромисс.

В этой связи продуктивно и наблюдение о том, что в отличие от Западной Европы, где консервативные, либеральные, а затем социалистические партии возникали по мере эволюции капитализма, в России, где капиталистическая индустриализация сочеталась с первоначальным накоплением капитала и архаическими формами хозяйства, происходило своеобразное «спрессовывание» процесса появления политических партий, причем первыми сформировались партии радикального, экстремистского толка, а потом уже либеральные организации и, наконец, консервативные как реакция на наступление антиправительственных сил слева.

Вначале появились партии социалистической ориентации — социал-демократы и социалисты-революционеры с их утопическими, разрушительными программами и экстремистскими методами действия, которые включали революционное свержение существующего строя и установление в конечном итоге так называемой диктатуры пролетариата — у одних и применение террора — у других. Нарастание социальной напряженно-

сти в городе и деревне и затем смута 1905—1907 гг. стали ускорителями и регуляторами этого процесса.

Закономерно, что для значительной части пролетарского, полупролетарского и крестьянского населения России, для различных переходных слоев общества эта бунтарская, разрушительная в своей основе, базировавшаяся на чувстве социального реванша сущность радикальных организаций оказалась наиболее приемлемой. Это происходило в силу широкого распространения в этих слоях общинных идей эгалитарности, нетерпимости к компромиссам и свойственной данной среде жестокости, которая была воспитана долгими десятилетиями, если не столетиями российской действительности, естественным отсутствием политической культуры. История распорядилась так, что именно одна из этих партий, отражавшая настроения бескомпромиссной и эгалитарной среды, взяла власть в России в октябре 1917 г., бросила дерзкий вызов истории и определила на целые десятилетия антицивилизационное движение России и значительной части остального мира.

Что касается либералов, то они создали свои партии несколько позднее. Именно в период нарастания революционных событий в 1904—1905 гг. стали разрабатываться программные установки либерального движения и появились конституционные проекты, вышедшие из недр «Союза освобождения» — предтечи партии конституционных демократов (кадетов). Эти программные положения явились продолжением тех либеральных идей, которые вначале декларировались сверху самой властью, а позднее, в связи с неспособностью последней осуществить их на практике, приняли на рубеже XIX—XX вв. уже оппозиционные власти очертания и были взяты на вооружение и развиты российской либеральной общественностью.

Либеральный «Проект Основного закона Российской империи» (1904 г.) уже в первой своей статье декларировал принципы конституционной монархии в России: «Верховная власть Российской империи осуществляется императором при участии Государственной Думы». А далее шел блестящий цивилизационный пакет требований, о которых Россия со времен Александра I, Сперанского и Новосильцева давным-давно успела позабыть. Проект провозглашал: «Все русские граждане равны перед законом», «свобода каждого обеспечена законом». Декларировалась неприкосновенность жилища, право для всех «русских граждан», достигших совершеннолетия, свободно избирать и быть избранным, свободно выбирать и менять место жительства, приобретать недвижимое имущество, перемещаться внутри государства и выезжать за его пределы (наконец-то идеи Лжедмитрия I, а затем Александра I снова зазвучали в проекте рос-

сийского законодательства). Цензура отменялась во всех ее видах, объявлялась свобода слова, собраний и съездов, организации различных обществ. Провозглашалась свобода совести. Личность человека впервые в русской истории была решительно поставлена в центр интересов законодателей. За императором сохранялась высшая исполнительная и законодательная власть, право созывать Государственную Думу, формировать кабинет министров, осуществлять верховное командование армией и флотом. Россия по-прежнему оставалась унитарным государством, как это определяла история. Проект учитывал создание в стране двухпалатной Государственной Думы, как высшего законодательного органа, избираемого всеобщим и тайным голосованием гражданами мужского пола. В соответствии с этими принципами предлагалось реформировать и местное самоуправление[24].

Позднее в связи с упорным нежеланием власти пойти навстречу гражданским цивилизационным установлениям кадеты усовершенствовали свою программу, более аргументированно объясняя свои демократические принципы. Уже после Февральской революции они, естественно, сняв лозунг конституционной монархии, декларировали всеобщее и равное избирательное право при тайном голосовании, избрание временного президента страны (на срок не более года), который будет осуществлять исполнительную власть «под надзором» Учредительного собрания и «при содействии Совета министров, пользующихся доверием Собрания»[25].

Однако этот, казалось, уже наметившийся прорыв к гражданскому обществу и правовому государству так и не состоялся. Февральская революция 1917 г.— подлинный, выстраданный десятилетиями общенародный порыв к свободе, ядром которого стали буржуазия, интеллигенция, городские слои, кажется, вдохнула надежды на переход России на новые цивилизационные рельсы. Упоенные победой демократии деятели Временного правительства, как это всегда было в русской истории и как это остается и поныне, кажется, вовсе забыли об облике народа, с которым они имели дело. И правы, видимо, были те политические деятели, которые говорили о тщетности любых усилий в области становления гражданского общества, демократии, правового государства, а главное — свободы и самоутверждения личности при отсутствии для этого необходимых исторических условий. Там, где люди не научились уважать себя, они не могли уважать общество. За политическими идеалами российских конституционных демократов и умеренных социалистов грозно вставали требования низов о ликвидации помещичьей собственности, коренном изменении положения рабочих, прекращении войны и связанных с ней материальных тягот. Требованием масс стали не рафинированные статьи новых

конституционных проектов, не ожидание будущих благодеяний от будущего Учредительного собрания, а простые и грубые требования, соответствующие насильственным, общинно-уравнительным идеалам большинства российского народа, не прошедшего вековой школы гражданского развития, в то время как конституционные проекты вынашивались в тихих кабинетах, а потом пылились на архивных полках за семью печатями.

В огне этих псевдосоциалистических иллюзий сгорели последние всплески российского конституционализма, чтобы на десятилетия уступить место новой модели автократического тоталитарного общества. Широкие народные массы, одичавшие от невзгод и унижений, крестьянская и рабочая беднота под руководством своих амбициозных и закомплексованных вождей в конце концов победили в России в ходе постоянно развивающейся и скатывающейся влево российской революции, начавшейся в октябре 1917 г. Подлинные, долговременные цивилизационные интересы страны, направленные как против левых экстремистов, так и против правых ретроградов, были совершенно закономерно и естественно сметены всем состоянием российского общества, каким оно оказалось в первые полтора десятилетия XX века. В ту пору либерализм не только не созрел в этом обществе,— он был ему совершенно чужд и ненужен. Эта эстафета отчуждения либералов от российского общества была им воспринята и на рубеже XXI в.

Спектр правых партий в России начала XX в. видится сегодня с иных, по сравнению с прежними, позиций. В частности, октябристы, ставшие в период после Первой русской революции проправительственной партией, представляются как правые либералы. И это, видимо, справедливо, поскольку сама правительственная линия после манифеста 17 октября 1905 г. и особенно после утверждения императором 23 апреля 1906 г. «Основных законов Российской империи» стала во многом иной, нежели в дореволюционное время. Для самодержавного государства это был значительный шаг в сторону конституционализма, который, однако, не удовлетворял кадетов, не говоря уже о левых партиях, требовавших шагов более радикальных.

Что касается партий черносотенно-националистического толка, то следует прислушаться к мнению ряда историков о том, что, будучи инспирированы реакционными кругами, «безудержными защитниками устоев», они оказались, однако, в отличие от либералов, тесно связаны с народом — значительным слоем крестьян, рабочих, мелких торговцев, ремесленников, городских обывателей, то есть с представителями того самого традиционного общества, которое, все еще не расколотое, дошло со своими, по большей части средневековыми, представлениями до начала XX в.

Тактика правых монархистов, их лозунги были рассчитаны в первую очередь на людей с невысоким уровнем образования и политической культуры. В этом они мало чем отличались от левых экстремистов. Примитивные, эмоционально насыщенные формулы: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество!» и т. п., с которыми правые партии обращались к темной, инертной массе, действовали часто безотказно. Именно эта аморфная традиционалистская масса, самоутверждающаяся в причастности к «великим» лозунгам дня, и встала с 1917 г. под идеологические барабаны новой власти, в грохоте которых ей не случайно слышались родные звуки.

И все же едва ли приходится сомневаться в том, что основная часть российского общества — политически вялая и апатичная, особенно в необъятной «одноэтажной» России, в провинциальных городах и городках,— оказалась вне партийно-политической деятельности. Ею были затронуты лишь те слои, которые в ходе революции участвовали в профессионально-политических союзах интеллигенции и служащих, во Всероссийском крестьянском союзе, в Советах рабочих депутатов, в легальных рабочих организациях. Подавляющая же часть населения пока политически дремала. Ее время еще не пришло. Она будет втянута в общественную жизнь позже, уже в ходе Гражданской войны, но главным образом в период, когда революция в своих и крупномасштабных и микрорешениях затронет не только в целом город и деревню, завод и село, но и каждый дом, каждую семью. И тогда-то, с начала 1920-х гг. основная часть населения страны, пробужденная, с одной стороны, чувством социального реванша и социальной вседозволенностью, а с другой — имперской и вождистской идеологией новой власти, поднимающей этот народ в небеса обетованные, даст категорический ответ на все общественные вопросы в соответствии со своим историческим опытом, культурой, ментальностью.

Незрелость складывающейся партийно-политической системы проявлялась в идейном разброде, организационной неустойчивости, аморфности, в постоянном возникновении новых и распаде ранее возникших партий, в делении их на фракции и группы. Типичной чертой российской многопартийности стала ее конфронтационность с властью, яростная борьба партий между собой, невероятная амбициозность партийных лидеров, что явилось в значительной степени отражением настроения тех слоев населения, которые эти партии представляли, причем эти черты были характерны не только для радикально-экстремистских нелегальных партий, но и для либералов и проправительственных организаций. Их цивилизационная гражданская незрелость проявилась и во время событий 1905 г., и в период работы Думы всех четырех созывов, и во время Февральской революции. Можно определенно сказать, что именно незре-

лость российской многопартийной системы в экстремальных условиях войны и революции не сумела обеспечить нормальное цивилизационное развитие страны.

Срезанная большевиками под корень в 1917—1922 гг. российская многопартийность так и застыла на уровне своего младенческого состояния, чтобы уже на исходе века в иных общественно-политических условиях дать новые ростки все той же конфронтационности, нетерпимости, амбициозности, жесткости, за которыми стоял все тот же народ, не сделавший в силу многих исторических обстоятельств за истекшие десятилетия ни шагу в сторону истинных гражданственности, демократии, уважения прав личности и собственности, современной политической культуры. Теперь решение этих проблем Россия переносит в XXI век.

Во всяком случае начало XX века показало, что представлял собой партийный и парламентский плюрализм в стране, не прошедшей еще определенных ступеней гражданского развития и переживающей переходный период, в условиях автократической системы управления, к тому же потрясенной острейшим общественным кризисом, каким стала революция 1905—1907 гг.

* * *

Здесь нет необходимости описывать сами события революции. Можно, однако, лишний раз подчеркнуть, что в России с запозданием в полтора века по сравнению с Западной Европой начались масштабные революционные свершения, смысл которых заключался в том, что, как провидчески писал С. Ю. Витте, «в конце XIX и в начале XX в. нельзя вести политику средних веков... Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу».

Правители этого никогда не понимали, что доказывает и история английской революции XVII в. и судьба Карла I, и история Французской революции и судьба Людовика XVI и Марии-Антуанетты. С трудом, мучительно сомневаясь, вникал в сущность этой истории, которая творилась у него на глазах, и Николай II, а также его ближайшее окружение. В отличие от своих коронованных несчастных предшественников, российскому императору при помощи достаточно неординарных, а порой и просто блестящих политических маневров, сочетая уступки, реформы и твердую, карательную волю, на какое-то время удалось спасти трон, себя, семью и самодержавие, как он его понимал, несмотря на введение в России начал конституционализма.

Но специфика России все-таки взяла свое: ее стремительное политическое развитие без достаточного сдерживающего гражданского начала как бы прессовало время. В событиях 1905—1907 гг. своеобразно соединились те процессы, которые революционным путем опрокинули абсолютизм в Англии и Франции в XVII—XVIII вв., и те, которые также революционным путем в 1848—1849 гг. доделали эту работу в условиях начала индустриального развития и мировой модернизации. Если у западноевропейской модели исторического движения, наряду с революционными потрясениями, была и вековая практика мощного и всеобъемлющего экономического развития — этой основной базы подъема материального благосостояния народа, становления гражданского общества и гражданских институтов, выработки парламентской системы, общественных компромиссов, системы сдерживания, совершенствования личностных отношений, то в российской истории к началу XX в. было неистовое цивилизационное противостояние верхов и низов общества, формирующегося среднего класса и тех же низов, интеллигенции и — снова низов; были многократно похороненные конституционные проекты, робкое движение верхов к социально-экономическим и политическим преобразованиям, мощные крестьянские восстания, появление политического радикализма и экстремизма и все более нарастающее противостояние власти и общества.

Постоянно запаздывающий российский реформизм, идущий в медленном темпе за западноевропейскими образцами, был смят отчаянной волной российского экстремизма и слева и справа. В этом кипящем цивилизационном котле центризм, либерализм, то есть единственно надежный компас развития, как показала история, оказался ненужным и через двенадцать лет монархия пала, так и не успев осуществить плавный и относительно безболезненный переход в новое состояние и общества, и власти, что так небезуспешно она пыталась совершить в 1905—1907 гг.

Существует мнение, что революция 1905 г. стала прообразом революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Такая точка зрения слишком ограничивает и до известной степени идеологизирует значение этого первого крупного общественного взрыва в стране. Революция в первую очередь показала сам уровень российской цивилизации, уровень ментальности верхов и низов, состояние средних слоев, предрасположенность к радикальным действиям всех противостоящих друг другу партий и общественных течений. Революция 1905 г., если и была «репетицией», то не столько переворота 1917 г., сколько всего последующего развития страны в XX в. и в первую очередь советского общества, начиная с событий октября 1917 г. Она прочертила начальную, может быть, пунктирную линию, а далее Россия пошла уже по инерции тем же путем.

Существует в историографии и другое расхожее мнение, будто правительство своей неспособностью дать ответ на запросы эпохи и провести необходимые реформы стало само «катализатором» революции и чуть ли не ответственно за ее взрыв. Однако это не так. Факты убеждают в обратном: правительство пыталось проводить центристскую, среднюю линию, но именно это и породило всеобщее недовольство. В накаленной общественной среде все хотели определенности, а ее отсутствие порождало всеобщее негодование и недовольство, подогретое заведомым падением престижа монархии после поражения в войне с Японией и провалов на международной арене.

Расстрел народного шествия 9 января 1905 г. стал тем толчком, который на какое-то время объединил это всеобщее негодование и недовольство. Однако считать, что он привел к тому, что была расстреляна вера народа в царя, было бы слишком опрометчиво. Видимо, правильнее было бы говорить, что в определенных слоях народа была подорвана вера именно в этого царя, но не в систему авторитарной власти вообще, что прекрасно показали последующие годы, а главное — народное мироощущение после установления советской системы с ее автократическим и тоталитарным началами, культом вождей-полубогов, несбыточными мессианскими идеями.

Следует добавить, что, несмотря на всеобщий революционный подъем в стране, на объединяющий народ антиправительственный демократический порыв, каждая из участвовавших в революции групп населения преследовала и свои узкосословные интересы, которые соответствовали дифференцированным сословным требованиям. Однако для всех них были характерны все более и более откровенные надежды на решение всех своих проблем лишь насильственным путем, а затем и кровью. В итоге действия российских низов все больше напоминали первый этап революционных антифеодальных преобразований в Западной Европе в XVII—XVIII вв. В 1905 г. Россия уже стояла на пороге гражданской войны. Больше того, практически она уже началась, но, ослабленная правительственными контрмерами, действительно развернулась во всю ширь уже через двенадцать лет под воздействием такого «великого режиссера», каким стала мировая война.

Своим чередом шла «банкетная» кампания либералов, «бунтовали» университетские профессора, улицы заполняли гимназисты и «реалисты», на которых с восторгом взирали епархиалочки. Это был один срез общества, желавший просто «свободы», за которой четко угадывалось стремление молодой российской буржуазии и буржуазной интеллигенции играть политическую роль, подобающую их положению в экономике страны и ее духовной жизни.

Другой срез приходился на заводские и фабричные окраины крупных промышленных центров. Бастовали рабочие практически всех крупных городов России. Лидером этого забастовочного движения стал пролетариат Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, крупных польских городов, металлурги Юга России, нефтяники Баку, шахтеры Донбасса, рабочие железнодорожного транспорта. Именно в их среде открывавшаяся по мере приобщения России к цивилизации перспектива реального улучшения положения рабочих натыкалась на глухую стену тех порядков на фабриках, заводах, шахтах, нефтепромыслах, которые олицетворяли средневековый уровень отношения к работнику и человеку вообще. Как раз это обстоятельство и стало наиболее ярким выражением действия такого революционного катализатора, как среднедушевой уровень ВВП, о котором уже говорилось выше применительно к эпохе революций в разных странах.

Необходимо помнить и о том, что развивающаяся капиталистическая промышленность предъявляла к работнику при старом к нему отношении совершенно новые требования в процессе производства — работать интенсивнее, рационально использовать рабочее время, строго соблюдать производственную дисциплину и т. д. Между тем российский рабочий, вчерашний крестьянин или даже полукрестьянин-полурабочий привык работать как в деревне, так и на старых и обветшалых фабричках в городе, в старом ритме, с прежней подневольной прохладцей. О подлинной эксплуатации человека человеком заговорили в России тогда, когда жесткие капиталистические требования и порядки пришли в старую патриархальную рабочую среду. Впрочем, в свое время это взорвало в первой половине XIX в. и Запад, отражением чего и явился яростный идеологический протест, устремленный в будущее, в виде «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Поэтому все глубже проникали в рабочую среду, наряду с общедемократическими требованиями, радикальные лозунги социал-демократов, а потом большевиков, призывавшие к слому всей эксплоататорской социально-экономической и политической системы, «освобождении труда», революционному насилию, диктатуре пролетариата и прочим не столько марксовым, сколько уже ленинским, сугубо российским революционным экстремистским шагам. Рабочие препарировали их для себя во вполне понятные, близкие и простые лозунги, вроде «фабрики — рабочим!», с которыми они шли на забастовки и на баррикады и осуществление которых означало бы для них конец ненавистной потогонной системы, особенно унижающей и оскорбляющей их в новых исторических условиях.

Доминантой же крестьянских настроений была вера в то, что земля скоро вся станет крестьянской. Революционные лозунги демократиче-

ского движения крестьяне трактовали в духе близких им «черного передела», «земли и воли» и заветной мечты — «теперь все наше!».

Правы, на мой взгляд, те историки, которые подчеркивают отсутствие прямой связи между рабочим движением, социалистической пропагандой социал-демократов и эсеров и крестьянским движением. Этот срез общества был еще в значительной мере средневековым, и действия крестьян вполне корреспондировали с их представлениями: поджоги, разгромы дворянских усадеб, захват господских амбаров и раздел имущества, уничтожение построенных в сельской местности помещичьих перерабатывающих заводов, насильственный захват и запашка господских земель. Крестьяне отказывались платить налоги, поставлять рекрутов, создавали самоуправляющиеся районы, изгоняя оттуда представителей царской администрации. Но это уже не была пугачевщина. Крестьяне щадили жизни господ, их цели вполне укладывались в требования крестьянской общинной демократии начала XX в. По мере развития крестьянского движения и организации Всероссийского крестьянского союза в требованиях крестьян все чаще звучали общедемократические лозунги как либеральной оппозиции, так и радикалов. Все большая часть крестьянства объединялась под лозунгом ликвидации частной собственности на землю.

Верхом легального, я бы сказал, конституционного противостояния различных слоев общества и власти стала всеобщая октябрьская стачка 1905 г., в которой каждая из общественных сил искала свой ключ к спасению России. Бескомпромиссный настрой общества отразился в полной мере и в событиях глубокой осени 1905 г., после опубликования 17 октября 1905 г. манифеста «Об усовершенствовании государственного устройства» России, подписанного Николаем II. С одной стороны, царь декларировал основы конституционного образа правления, законодательное народное представительство в виде Государственной Думы, демократические права и гражданские свободы. С другой — требовал от властей принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий. Эти шаги правительства для России были беспрецедентными. Они дались ценой мучительных поисков, переживаний, дискуссий, стали подлинным потрясением для Николая II и триумфом премьер-министра С. Ю. Витте и... первым шагом к его последующей полной отставке. Они встретили непонимание со стороны общества, определили его дальнейший раскол. Ультраправые ответили на манифест резкой критикой правительства за отступление от основ российской политической системы. Либералы, сформировавшие на основе допущенной манифестом возможности существования легальных политических организаций партию кадетов и более проправительственную — октябристов («Союз 17 октября»), привет-

ствовали этот документ как программу правительства, которая позволяла перевести развитие событий в эволюционное, легальное русло, избежать открытого противостояния в обществе, гражданской войны.

Манифест привел к дальнейшей поляризации общественных сил. Революционный экстремизм набирал силу, и ни правительству, ни либералам не удавалось его сдержать. К вооруженному восстанию призывали не только большевики и эсеры, но и многие восторженные интеллигенты и образованные, прогрессивные предприниматели. Известно, что средства на вооружение боевых дружин давали А. М. Горький, С. Т. Морозов и многие другие. Одновременно активизировались ультраправые, черносотенные организации. Вооружение стало в повестку дня достаточно широких общественных групп. В эту пору именно народ — крестьянство, рабочие, ремесленники, городские обыватели выступили по обе стороны баррикад, но одинаково — против интеллигентских, непонятных им программных химер, против либералов и либерализма вообще. В ответ правительство проявило жестокость и твердость, взяв курс на подавление беспорядков силой. Возможно, это сочетание компромисса в виде манифеста, расколовшего общество, и курса на силовое восстановление порядка и спасло династию Романовых, верхи общества от гибели в дни от октябрьской стачки к декабрьскому вооруженному восстанию.

Декабрь 1905 г. стал пиком противостояния, но отнюдь не общества и власти, а власти и левоэкстремистских общественных течений, возглавляемых эсерами и большевиками. Именно во время декабрьских боев в Москве и других городах России, где за оружие взялись рабочие, а также в период вооруженных выступлений крестьян впервые со времен казацко-крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. перед страной замаячил грозный призрак гражданской войны, но в неизмеримо более широких масштабах. В это время происходили столкновения войск и полиции с восставшими, «правые» шли стеной на «левых». Все это обернулось десятками тысяч убитых и раненых, тысячи людей были брошены в тюрьмы, пошли на каторгу.

Эти насилия и кровь ужаснули интеллигенцию, либеральные круги. Либерально-центристские партии осудили насилие. Умеренные социал-демократы во главе с их лидером Г. В. Плехановым также выразили сомнение в целесообразности восстания без широкой поддержки армии и народа. Напротив, эсеры и большевики лишь подтвердили свою приверженность насильственным методам ведения борьбы: террор для одних, вооруженное восстание для тех и для других встали в повестку дня борьбы за счастье народов России. Отныне России стала грозить опасность не справа, а слева. Вооруженное восстание с перспективой захвата власти

низами общества угрожало отбросить страну за черту, которой Россия достигла путем долгих усилий, мук и жертв к началу XX в.

Настроения нетерпимости и нетерпения отразились и в работе Государственной Думы, которая в апреле 1906 г. собралась на свое первое заседание. Это был своеобразный политический парафраз событий октября — декабря 1905 г. С первых же дней работы Думы стало ясно, что конструктивной, заинтересованной в процветании страны деятельности депутатов ожидать не приходится. Своды Таврического дворца, где проходили заседания, с самого начала стали потрясать призывы и декларации радикального содержания: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное министерство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т. д.

Совершенно разные оценки думцы давали «Основным законам российской империи»: одни объявляли их реальным приступом к демократическим преобразованиям в стране, другие — «фиговым листком» самодержавия. Правые же вообще отвернулись от декларированной правительством программы, считая, что, будучи построена по парламентским моделям Запада, она вообще не подходит для России. В итоге все были против всего, связанного с властью. Каждая из депутатских фракций, представляющая ту или иную партию, даже независимо от своей политической окраски, не шла ни на какие компромиссы. В своем страстном желании добиться изменения всего и сразу в соответствии со своими взглядами думские депутаты устроили из этого форума, к которому Россия с трудом пробивалась целый век, своеобразный антиправительственный митинг. Многие смотрели на думскую трибуну как на инструмент социальной борьбы, как на политическую рекламу для своих взглядов.

Все это действо проходило на фоне не прекращающихся социально-политических столкновений в городе и деревне, в условиях продолжающегося революционного террора, с одной стороны, и карательных экспедиций правительства — с другой. Даже либералы в лице кадетской партии демонстрировали свой драчливый и непримиримый характер, всячески обличали правительство и бюрократию, вставали в позу непонятых и обиженных, не желая видеть, что с каждым месяцем угроза свободе их многострадального отечества нарастала не со стороны монарха, правительства, не справа, а со стороны левых экстремистских организаций. Хочется процитировать в этой связи замечательные слова П. Б. Струве, написанные через тридцать лет после этих событий: «Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг., — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К

сожалению, вся русская оппозиция, с конституционно-демократической партией во главе, не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялась не только ошибочная политика, какую они вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 года брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина в частности». Нечего и говорить о позиции левых сил: им не нужны были никакие преобразования; они мечтали о сломе всей существовавшей тогда общественно-политической системы, на это были направлены и их пропагандистские и обструкционистские действия в Думе всех созывов.

После разгона Первой и Второй Государственных дум стала складываться система третьеиюньской монархии, которая хотя и не нарушила принципиально общедемократические ценности, вырванные широким общественным движением у власти, но и не сделала шагов в сторону дальнейшей демократизации политической жизни страны в духе решительных конституционных проектов кадетской партии. И чем жестче становилась по-прежнему авторитарная власть монарха, остановившаяся — увы, с большим опозданием — на уровне конституционных разработок Сперанского и Новосильцева столетней давности, тем более демократическими становились программные требования кадетов, которые стремились повести Россию все дальше в лоно буржуазно-демократического европейского устройства. Власть и цивилизованная часть общества все более расходились.

Но одновременно как для конституционной монархии, так и для ее либеральных критиков нарастала новая опасность слева в лице радикальных партий, в первую очередь большевиков, за которыми поднималась грозная, обозленная темная масса. Для нее демократические общечеловеческие ценности были совершенно абстрактным, интеллигентским, а потому совершенно чуждым и даже враждебным понятием. И правые, и либералы, да и сама власть до 1917 г. так и не почувствовали, что в России происходит мощное нарастание оппозиции «снизу», которая может, если ее вовремя не остановить, привести к «тирании черни», попытки остановить которую прослеживались во всех европейских революциях прошлого.

Как показала история, основным смыслом каждой большой революции становится тот передел, до которого общество дает возможность дойти низам, двигающим революции вперед к решению назревших в обществе цивилизационных задач, и представляющим их в политике экстремистам. В Англии середины XVII в. это были левеллеры и диггеры, во Франции во время якобинской диктатуры — «бешеные». Это был предел. Далее общество включало рычаги цивилизационного самосохранения. В

Англии это сделал Кромвель, во Франции — герои Термидора. Они спасли свои страны от революционного одичания, хотя его признаки уже обозначились, например, в разнузданном, голодном, обозленном Париже 1793 г. А затем страны, решившие основные цивилизационные вопросы (ликвидация абсолютизма, сословных привилегий и т. д.), начинали не без трудностей и цивилизационных откатов осваивать уже в новых условиях плоды общественного переворота, но уже без его утопически-уравнительных крайностей, куда вела революцию плебейская часть общества.

События 1905—1907 гг. в России, да и последующее общественное развитие показали, что российские правящие круги, правые и либеральные политические партии ничему не научились у истории. Впрочем, они и не могли ничему научиться: российское общественное развитие в начале XX в. не могло перепрыгнуть самого себя и быть иным, будь его лидеры хоть семи пядей во лбу. Правда, попытки в этом отношении предпринимались; прозорливые люди были и во власти, и в руководстве политических организаций. Эти попытки, видимо, помогли отсрочить наступление нового общенационального кризиса, который был подогрет Первой мировой войной. Однако его последующее развитие в 1917 г. пошло уже по проторенному историей пути, но без тех сдерживающих цивилизационных рычагов, которыми располагал Запад в XVII—XVIII вв.

К 1917 г. обострился рабочий вопрос: правительство и предпринимательские круги так и не нашли его комплексного решения. Бурное развитие капитализма в России, с одной стороны, демонстрировало возможности выхода на новый уровень благосостояния общества, в том числе и рабочего класса, а с другой — в условиях России рабочие продолжали оставаться в тяжком материальном, социальном, политическом положении по сравнению не только со своими западными собратьями, но и с другими слоями населения страны. Требования к качеству и интенсивности труда рабочих росли, а заработная плата, жилищные условия, образование, условия медицинской помощи, возможности для собственных легальных профессиональных организаций намного отставали от общего течения жизни. Война еще более обострила эту общественную диспропорцию. Этим во многом и объясняется усиление влияния левых радикалов в рабочей среде.

Злоба и ненависть нарастали и в деревне: XX в. набирал цивилизационные темпы, а в России продолжало существовать помещичье землевладение. «Мужик сатанеет не по дням, а по часам»,— отмечалось в одном из донесений, направленных в МВД России в 1911 г. С каждым месяцем обострялся и национальный вопрос. Общество все более и более сдвигалось влево, хотя большинство российских политических партий выступали за

мирную эволюцию страны, но их антиправительственный напор, эмоциональная фразеология вполне укладывались в общее русло революционизирования общества.

IV Государственная Дума, собравшаяся в 1912 г., несмотря на жестокий урок, преподанный ее предыдущим созывам властью, продолжала бурлить недовольством, а главное — так и не сумела преодолеть рознь между даже близкими по политическим взглядам фракциями.

Однако все эти общественные бури в основном, и это очень важно подчеркнуть, потрясали обе столицы, крупные города. Население российской провинции, как и прежде, оставалось индифферентным и достаточно апатичным к общественным процессам.

* * *

Представление о российском обществе было бы неполным без характеристики культуры, науки, образования.

Культурные процессы чутко отражали начавшуюся коренную трансформацию России, ее бурное вхождение в новую индустриальную цивилизацию при медленном изменении традиционного российского сознания на всех социальных уровнях, при огромных цивилизационных перепадах буквально во всех сферах общественной жизни, о которых шла речь выше.

В начале XX в. в культурное движение в связи с обозначившимися переменами вовлекались все более широкие слои города и деревни. Однако в масштабах всей страны эти процессы выглядели достаточно скромно. Россия по-прежнему оставалась страной двух культур — европейско-городской и традиционно-деревенской, захватывавшей не только сельские регионы, но значительную часть городского населения. Причем сама европейская культура в России имела несколько градаций — культура элиты, интеллигентских слоев, культура писательской среды и деятелей искусства, культура провинциально-помещичья и провинциально-городская, культура предпринимательских кругов. Следует говорить и о специфических чертах национальной культуры на окраинах России, представленной крепнущей национальной интеллигенцией и буржуазией. Наконец, необходимо подчеркнуть, что именно на рубеже XIX—XX вв. и в период до событий 1917 г. определилась резкая «этажность» российской культуры. С одной стороны, Россия, обладавшая колоссальным культурным наследием и культурными ценностями мирового уровня, в начале XX в. имела, как и прежде, блестящую элитарную культуру, а с другой — широчайшие народные массы практически были отгорожены от этого бо-

гатства крепкими социальными, материальными, образовательными барьерами. По существу в России не существовало широкого среднего культурного слоя, что являлось прямым отражением общего замедленного цивилизационного развития страны и отсутствия среднего класса. Низкий среднедушевой уровень ВВП оказывал прямое негативное влияние на уровень образования, общей культуры и быта российского народа.

В то же время переходный характер общества, стремительное революционизирование страны, прикосновение элитарного культурного слоя к новым для него цивилизационным ценностям, приход на смену корифеям литературы и искусства прошлого, XIX века, молодой талантливой плеяды актеров, живописцев, архитекторов, музыкантов, писателей, поэтов уже наступающего XX века, века новых общественных и культурных устремлений, веяний, стилей привели к фантастическому и разностилевому культурному подъему. Смена народнической парадигмы в области культуры и нарастание в ней интеллигентской и религиозно-философской струи, настоящее пиршество идей в годы общественного подъема в начале века и стремительная смена мировоззренческих ориентиров после спада революционной волны, испуга либеральной интеллигенции и наступления прагматических послереволюционных будней еще более способствовали, с одной стороны, дальнейшему отрыву элитарной культуры от народа, ее уходу в «башню из слоновой кости», а, с другой — ее разноцветию, невероятно широкому диапазону.

Именно в это время и во многом по указанным выше причинам начинается широкий выход российской культуры на европейскую арену. Ярким выражением этого стали дягилевские «Русские сезоны» в Париже. Ошеломленная напором молодых русских талантов, все более отрывавшихся от родных пенатов, Европа принимала их с распростертыми объятиями. Так начался исход русской культуры на Запад, который принял катастрофический характер в годы Гражданской войны и в последующий период. Пути элитарной российской культуры и победивших низов все более расходились. Этому способствовали и все расширяющиеся и углубляющиеся религиозно-нравственные искания верхушки русской, в том числе церковной, интеллигенции, намечающийся обновленческий раскол в религиозной среде, отход ряда влиятельных интеллектуалов от изживающих себя традиционных ценностей Русской православной церкви.

Одновременно в начале XX в. по мере развития в стране миграционных, интеграционных, урбанистических и информационных процессов, способствовавших обмену культурными ценностями народов России, происходила подлинная культурная экспансия, причем достаточно агрессивная и бескомпромиссная, деревни против города, что удаляло общест-

во в целом от достижений узкого слоя российской элитарной культуры. В дальнейшем эти процессы получили свое дальнейшее развитие уже в послереволюционный период и надолго определили особенности развития культуры и быта российского общества в течение всего XX в.

Во многом схожие процессы происходили и в области науки. К началу XX в. российская наука, сделавшая мощный рывок в своем развитии во второй половине XIX в., получила мировое признание. Это была поистине элитная наука, представленная выдающимися именами, такими, как Менделеев, Павлов, Тимирязев, Жуковский и другие, за каждым из которых стояла выдающаяся научная школа. Без видимой правительственной поддержки, в основном на саморегулируемой основе и во многом благодаря энтузиазму самих ученых, ярких лидеров-личностей российская наука развивалась в русле передовых мировых исследовательских тенденций.

В научной сфере произошел уникальный организационный синтез. С одной стороны, научные силы сосредоточивались и пестовались в рамках такого традиционного и достаточно консервативного сообщества ученых, как Российская Академия наук, с другой — динамичный и наиболее гибкий в смысле приспособляемости к жизни и ее запросам научный корпус базировался в университетах. Наконец, начался и процесс привлечения научных сил наиболее крупными и богатыми промышленными корпорациями. Таким образом, российская наука вступила на тот же путь развития, что и другие передовые страны, но одновременно сохраняла и свою национальную специфику в виде состоящей на службе государства Академии. Ученое сословие было уважаемым, привилегированным, хорошо оплачиваемым. Крупные ученые органично встраивались и в систему государственного управления и в деятельность либеральных политических партий.

И все же, как и в случае с культурой, влияние науки лишь начало проникать в поры традиционного общества, а люди науки составляли еще более тонкий, по сравнению даже со сферой культуры, элитарный слой российского общества. «Ученое сословие» накануне Первой мировой войны составляло лишь 5 тыс. человек, что было намного меньше, чем в передовых промышленных странах. Отставала Россия в первые десятилетия XX в. и по части развития университетской системы: 10 российских университетов против 17 во Франции, 18 — в Великобритании, 28 — в Италии и 32 — в Германии, хотя по количеству населения, по размерам территории Россия намного превосходила эти страны.

Со времен Петра I наука в России неизменно пользовалась поддержкой и покровительством государства, но к началу XX в. эта традиция стала все более затухать, и причины этого коренились в изменении самого

строя российского общества. Конечно, большое значение имело то обстоятельство, что правительство с недоверием относилось к «профессорскому либерализму» и видело, притом не без оснований, в университетах рассадник оппозиционных настроений и ростки смуты, хотя именно самодержавие во второй половине XIX в. пошло на предоставление университетам достаточно широкой автономии и всячески поощряло развитие высшего образования в стране. В начале XX в. государственные обручи стали все более ограничивать свободу и самоуправление научной сферы, и университеты перестали пользоваться таким благожелательным внимание правительства, как прежде.

Вместе с тем необходимо отдавать себе отчет в том, что развитие буржуазных, рыночных отношений в стране, бесспорно, стимулировало развитие науки, хотя она еще не была широко востребована в сфере промышленности, которая сама лишь выходила из стадии первоначального накопления, не была достаточно технически оснащена и еще не сделала науку органической частью своего развития. Правительство же, хотя и контролировало индустриальное развитие страны, но не в такой мере, чтобы заботиться о его научном обеспечении, которое, как и на Западе, должны были со временем взять на себя крупные корпорации. Государство больше занимали вопросы общего образования в стране, подготовка технических кадров. Поэтому не случайно Николай II равнодушно относился к развитию элитарной системы образования и науки, в частности к университетам, и, напротив, настаивал на том, чтобы основные средства направлялись на совершенствование системы технологических институтов и реальных училищ. И неизвестно еще, что в ту пору было более полезно для развивающейся России.

В этот переходный момент в истории страны наука, действительно, оказалась не востребованной обществом, но вовсе не по политическим мотивам и не только по ретроградским соображениям правительственных чиновников. Конечно, легче всего списать трудности в развитии российской науки в начале XX в. на косное и отсталое царское правительство. Мне же думается, что это было как раз то научное безвременье, та неопределенность, при которой такой тонкий общественный организм, как наука с ее яркими талантами, оказывается в своеобразном вакууме.

Не случайно именно на это время приходится все увеличивающееся количество контактов крупных российских ученых со своими зарубежными коллегами из передовых стран. Не случайно также начинается отток российских научных кадров на Запад — предтеча того беспримерного исхода российской науки за рубеж, который начался сразу же после Октябрьского переворота в виде эмиграции, невозвращенчества, высылок и

продолжался в течение 20-х гг. XX в., пока дверь, через которую началась первая в истории страны «утечка мозгов» на Запад, не захлопнулась советским правительством. За рубежом российские ученые и до 1917 г., и после искали свободу творчества, признание, жизненный комфорт, то есть то, что уже могла предложить им западная цивилизация. Исход российской науки на Запад оказал огромное влияние на развитие мировой науки: целые научные направления и школы были созданы за рубежом замечательными российскими научными талантами, которые в России явно опережали свое время.

* * *

Что касается состояния власти в России, сущности самодержавия, роли и значения в обществе правящей элиты, то этот вопрос, на мой взгляд, требует существенных корректив по сравнению с принятыми в нашей науке положениями.

Конечно, Россия оставалась самодержавной страной, где монарх правил народом, как он того пожелает, а народ должен был повиноваться ему «не токмо за страх, но и за совесть», как «сам Бог повелевает». По-прежнему отношение к Богу и Церкви считалось краеугольным камнем государственного благополучия и государственной благонамеренности. По-прежнему знаменитая уваровская «теория официальной народности» с ее триадой «Православие, Самодержавие, Народность» лежала в основе всей идеологии государства российского. И даже когда в ходе революционных потрясений 1905—1907 гг. и позднее монархия все более эволюционировала в сторону конституционализма и становилась дуалистической по своему характеру, то есть основывалась на двух основных общественных институтах — на царской власти и на началах народного представительства в лице Государственной Думы, Россия продолжала оставаться страной самодержавной, поскольку и политическая практика, и ментальность большинства народа оставались в значительной степени традиционными.

Государственное устройство страны медленно и болезненно, особенно под напором революционной волны, эволюционировало в сторону современных цивилизационных политических моделей, вдохновляемых наиболее яркими и дальновидными представителями элиты, однако сознание и высших эшелонов власти, и поддерживавших правительство правых партий разного толка, и той самой огромной темной внепартийной массы, о которой шла речь выше, оставалось достаточно консервативным. Наконец, именно верховная власть стояла на защите таких старорежимных

общественных институтов, как помещичье землевладение, а до определенного времени — и община. Со скрипом шла власть на нововведения и в рабочем вопросе.

В эпицентре этих общественных противоречий, естественно находилась фигура императора. Считается общепринятым, что Николай II, провозгласив незыблемость самодержавия после своего вступления на трон в 1894 г., так и оставался преданным этому принципу до конца своего правления. Эта же мысль находит отражение и в книге. Однако мне состояние российской власти представляется несколько иным, и это мнение во многом основывается на материалах, содержащихся в различных главах этой книги.

Подчеркну с самого начала, что со времени царствования Александра I самодержавие, оставаясь в основном традиционным и с трудом поддававшимся изменениям институтом, все же медленно, порой драматически, но менялось. Менялось и восприятие жизни самими людьми на троне. Все чаще в рамках самодержавной системы, как отражение общих цивилизационных сдвигов в стране, возникали понятия «закон» и «порядок». Даже тогда, когда монархи не решались предпринять кардинальные изменения в политической системе страны, они тем не менее продвигали вперед принципы государственного устройства, которые обеспечивали саморегуляцию и выживаемость страны.

Практически Павел I был последним русским монархом, который правил в согласии со своими прихотями, а порой и капризами. А далее, на волне освобождения от тирании, все более определенно утверждался принцип служения монарха отечеству, все чаще сами монархи апеллировали к закону и порядку, причем Александр I и Александр II стали носителями и инициаторами государственного либерализма[26]. И даже Николай I, не отличавшийся либеральными сантиментами, остался в истории как крупный кодификатор, как правитель, стремившийся, правда тщетно, полувоенными мерами искоренить беззаконие и коррупцию, как уверенный реформатор, подготовивший базу для приступа к ликвидации крепостного права, и как человек долга и беззаветного служения Отечеству, как он это служение понимал.

При этом все они были высокообразованными, интеллигентными, глубоко верующими людьми, о чем мы почему-то предпочитаем умалчивать, хотя при оценке общей государственной линии Романовых в XIX — начале XX в. этот фактор имел немаловажное значение[27]. Другое дело, что российская верховная власть неохотно шла даже на назревшие перемены, особенно в политической сфере, затрагивавшей святая святых России — самодержавие.

Инициативы российских императоров как в социально-экономической, так особенно в политической областях были мерами вчерашнего и даже позавчерашнего дня. И эти меры оставляли недовольными буквально всех: одних — нарушением устоев, других — своей нерешительностью и половинчатостью, причем по мере эволюции российского общества, требовавшего от монархов все большей определенности, это их свойство приобретало все более драматический характер. Власть все более отрывалась не только от формирующегося общества, но и от своих естественных, а также возможных союзников.

Эта историческая тенденция — попытка монарха встать над обществом, превратиться в его верховного арбитра, вызывавшая восторг, скажем, во времена Александра I, настрадавшегося от произвола своего отца, в начале XX в. встретила непонимание и отторжение со стороны буквально всех благонамеренных общественных сил от крайне правых до левых либералов, не говоря уже о представителях радикального крыла общества. Не склонные к компромиссам люди и партии требовали от Николая II определенности в соответствии со своими общественными идеалами, а самодержавный правитель в ответ на это давление со всех сторон проводил ту линию, которую считал единственно правильной.

Необходимо честно признать, что, декларируя приверженность курсу своего родителя и опираясь на свои авторитарные возможности, Николай II тем не менее шаг за шагом, под влиянием обстоятельств, а также в связи с собственными мучительными переоценками обстановки в стране и своего места в общественном процессе, отступал от провозглашенных им ранее принципов. После Александра II он оказался вторым в истории России монархом, который, оставаясь в глубине души человеком, преданным самодержавию, все более решительно шел на конституционные уступки обществу. Его приверженность самодержавному правлению объяснялась вовсе не упрямством или ограниченностью, но глубоким убеждением, что Россия еще не готова к восприятию западноевропейских форм государственной власти, не готова к парламентаризму и широкой политической демократии. Он исходил из коренного отличия исторического пути России от Западной Европы. В узком кругу сановников в 1904 г. император говорил: «Мужик конституции не поймет, а поймет, что царю связали руки, и тогда — я вас поздравляю, господа!» А после опубликования «Основных законов Российской империи» в апреле 1906 г., определивших развитие страны по пути конституционной монархии, он откровенно рассказал о своих личных переживаниях по поводу происходящих в стране перемен: «Все это время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них

получил. Борьба во мне продолжается. Я еще не пришел к окончательному выводу... Искренне говорю вам, верьте, что если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы для блага ее сделал это с радостью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье I Основных законов уже 109 лет». По существу это была исповедь авторитарного правителя, который не нуждался в демагогическом камуфляже демократической поры. Николай II был полон противоречивых чувств, и все же, оставаясь всей душой в прошлом, он в какой-то мере определенно шел в будущее.

В свое время Александр II, оставаясь самодержавным правителем, пошел на реформы, которые разрывали связь самодержавия с прошлым, и в последний день своей жизни готов был утвердить указ о введении в России элементов конституционализма. С тех пор прошла целая эпоха, и в первое десятилетие XX в. российский император, негодуя и колеблясь, переступая через свои принципы, тем не менее принимал одно решение за другим, меняющие до определенного предела форму правления в России. Подписанный Николаем II манифест 17 октября 1905 г. «даровал» народу незыблемые основы гражданских свобод: неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний, союзов, декларировал создание народного представительства — законодательной Государственной Думы. Но никаких гарантий реализации этих обещаний дано не было.

В дальнейшем, уже встав на путь конституционных преобразований, в период спада революционной волны, Николай II 23 апреля 1906 г. утвердил последнюю редакцию «Основных законов Российской империи», в которых наряду со статьей о том, что верховная самодержавная власть в России принадлежит российскому императору (право издавать законы в форме указов, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначать и смещать премьер-министра, министров и других высших чиновников, созывать и распускать Думу), были и статьи, говорившие о законодательных функциях Государственного Совета и Государственной Думы, о введении в России основных гражданских свобод граждан, объявленных еще в манифесте 17 октября, юридической защите прав личности, неприкосновенности жилища, неприкосновенности частной собственности, о праве свободно выбирать себе место жительства и беспрепятственно выезжать за границу.

Граждане России получали право создавать политические партии. Впервые со времен Александра I и М. М. Сперанского в России произошло реальное разделение властей на законодательную, исполнительную и

судебную. И произошло это при непосредственном участии Николая II, который, естественно, так и не принял в душе этих нововведений, но упорно продвигал их в жизнь, вызывая проклятия и справа — за либерализм, и слева — за нерешительность и ограниченность этих конституционных реформ. И происходило это в основном потому, что было не ко времени. Правые еще жили как бы в средневековом измерении, либералы — в современном им западноевропейском, левые — в фантастической и утопической устремленности в будущее, и все они — в нереальном, «нероссийском» мире. Возможно, лишь один монарх и его ближайшие советники и исполнители его монаршей воли — такие, как Витте и Столыпин, — вполне соответствовали своими действиями российской действительности в ее исторически периферийном выражении общественных реалий, которых никто не хотел признавать.

Замечу, что говорить о самодержавии в его традиционном, т. е. средневековом понимании на этом отрезке российской истории вряд ли возможно вообще. Ведь нельзя признать признаком самодержавия средневековые ритуалы и разного рода придворные политические побрякушки, и не за это самодержавие боролся Николай II. Он выступал за сильную централизованную власть в необъятной стране, и все его колебания и сомнения шли именно по этой линии. Монарх мучительно искал баланс между этой формой власти и цивилизационными требованиями времени. В конце концов он уступил еще раз, уже в начале 1917 г., будучи убежден, что его отречение от престола принесет благо России. Исторически он оказался прав: развал авторитарной, централизованной власти, сочетающей свои функции с парламентаризмом по-русски, привел к развалу страны, к историческому коллапсу. Осенью 1917 г. Николай II с полным правом мог повторить слова, сказанные еще в 1904 г.: «Я вас поздравляю, господа!».

История подтвердила обоснованность сомнений Николая II по части быстрого и огульного осуществления в России принципов западноевропейской демократии. С февраля 1917 г. начался практически неуправляемый процесс, который закончился развалом огромной империи. Воссозданная под руководством большевиков, она вновь закачалась во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Сегодня, если мы внимательно сравним современную Конституцию России с «Основными законами» 1906 г., то увидим их поразительную схожесть. В основе и того и другого документа стоит идея сильной централизованной власти, которая, в условиях отсутствия развитого гражданского общества и демократических традиций, является для многих панацеей от политического развала, сепаратизма, экономического коллапса и внешнеполитической дискриминации России. Таким образом, в начале XX в., в преддверии надвигающихся катаст-

рофических событий заботы у власти оказались те же, что и в конце этого столетия, тем более что этого промежутка времени оказалось недостаточно, чтобы заработали другие (кроме централизаторского и автократического) цивилизационные рычаги спасения и консолидации страны.

При этом встает коренной вопрос: если власть, поступаясь принципами, шла на серьезные уступки обществу, сохраняя стержень монархии — жесткую централизацию и автаркию, что, по достаточно обоснованному мнению императора, одно только и могло спасти страну, то где она допустила просчет в своих взаимоотношениях с обществом? Ответ на этот вопрос читатель также найдет в книге. С одной стороны, это были несчастные внешние обстоятельства — проигранная война с Японией, а позднее участие в Первой мировой войне, а также сопутствовавшая этому надвигающаяся социально-экономическая катастрофа. А с другой — внутрироссийские дела, нежелание всех без исключения слоев общества объективно оценить обстановку в стране, просчитать последствия своей амбициозности и политического эгоизма. И это притом, что централизация и автократическое правление действительно во многом базировались на рудиментах средневековой системы вроде помещичьего землевладения и сопровождались разного рода средневековыми же политическими аксессуарами.

И все же то, что последовало в период от февраля к октябрю 1917 г., а затем и далее, вполне может вернуть нас к размышлениям о несбывшихся альтернативах конституционного монархизма как переходной формы власти, именно в его сверхцентрализованном и автократическом виде с реформами типа столыпинских и с фантастически быстрыми темпами развития экономики страны.

Кстати, об идеологии. Только по большому незнанию можно утверждать, что в начале XX в. незыблемыми принципами самодержавия оставалась не подлежащая критическому переосмыслению уваровская теория официальной народности. Ее наполнение во многом стало иным, чем в середине XIX в., и соответствовало историческим реалиям России. Уже сам граф С. С. Уваров достаточно своеобразно понимал понятие «самодержавие», считая, что только монарх в такой огромной стране, как Россия, сможет осуществить коренные цивилизационные преобразования, в том числе ввести конституционное правление, когда страна созреет для этого, что монарх прежде всего является выразителем народных чаяний, арбитром нации, человеком, стоящим на страже закона и порядка. Как известно, Николай I не простил Уварову этих идей в духе просвещенного абсолютизма, и он был уволен в отставку[28]. С того времени понятие «самодержавия» значительно эволюционировало, о чем говорилось выше.

Его стержневой сутью стали не деспотизм, каприз и прихоть, а централизация власти и автократизм.

Это же относится и к формуле «народность», которая все более пронизывалась идеями конфессиональной терпимости и национальной солидарности народов России, хотя в условиях развития революционного движения в стране и укрепления в национальных районах тенденций сепаратизма и национализма это гуманистическое наполнение уваровской формулы претерпевало под диктатом русских шовинистов и националистов существенное изменение. Наконец, формула «Православие» тоже не оставалась неизменной. К началу XX в. и далее усилиями целой группы консервативно и религиозно мыслящих писателей и общественных деятелей религиозная основа «триады» наполнялась глубоким религиозно-философским содержанием, обогащалась нравственными ценностями. Так что все было намного сложнее, противоречивее и драматичнее, нежели привычные стереотипные суждения на этот счет.

Эволюция власти в начале XX в. была подтверждена и проводимыми ею социально-экономическими реформами (о политических акциях монархии уже говорилось выше). Мы привычно оцениваем их суть с позиций рубежа уже нового, XXI столетия и ищем в них черты ограниченности, непоследовательности, старорежимности. Между тем правильнее было бы рассматривать характер этих реформ не с точки зрения того, чего они не дали народу России в нашем современном просвещенном понимании (кстати, не избалованном в XX в. положительными примерами), а спокойно и объективно учитывать российскую действительность и реальную возможность их проведения.

Прежде всего это относится к аграрной реформе П. А. Столыпина, за которой стоял сам Николай II. 3 ноября 1905 г. были отменены для крестьян тяжелые выкупные платежи. 9 ноября 1906 г. вышел царский указ (он стал законом 14 июня 1910 г.) об освобождении надельных крестьянских земель от ограничений со стороны общины, и крестьяне получали право выхода из нее и закрепления надела в личную собственность домохозяина. При этом предусматривались экономические и административные меры ускорения этого процесса (землеустройство, кредитно-банковские мероприятия, меры по развитию крестьянских промыслов и т. д.). В этом же плане следует рассматривать и переселенческую политику Столыпина, его новации в области индустриализации страны и усиления оборонной мощи России. И все это при достаточно жесткой антиреволюционной (восстановление порядка) деятельности.

Политика правительства в аграрном вопросе означала прекращение патерналистского попечительства в отношении малоимущих крестьян

(что, кстати, было сродни позднейшей социалистической «благотворительности»). Теперь она направлялась на поддержку прежде всего зажиточных, динамичных, инициативных слоев деревни. Замечательные слова сказал по этому поводу премьер-министр П. А. Столыпин: «Ставка была сделана не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных».

Наряду с ликвидацией архаичной общины все это означало одно: устранение препятствий для развития капитализма в сельском хозяйстве и одновременно совершенно ясную ориентацию монархии не на все российское крестьянство как на свою исконную патриархальную базу, а лишь на «крепкого мужика». Российская власть задолго до того, как процесс дифференциации деревни смог набрать силу и крестьянство еще представлялось, несмотря на его революционный запал, достаточно единой массой, тем самым откровенно повернула в сторону нормального цивилизационного развития российской деревни и отказалась от своих средневековых иллюзий. Цивилизационный, а не узко утилитарный классовый крен реформ Столыпина яснее всего виден в их многоцелевом характере и комплексности, в том, что власть рассчитывала с их помощью провести модернизацию всей социально-экономической системы в стране, поднять благосостояние крестьянства, развить в нем чувство частного собственника и тем пробудить гражданское достоинство. И дело даже не в том, удались реформы Столыпина или нет, сколько крестьянских хозяйств покинуло общину и каковы были результаты переселенческой политики, а совсем в другом. В своих новых подходах власть столкнулась со стеной крестьянской патриархальности, уравнительных традиций, «черноперелельных» настроений.

Мы часто говорим о том, что монархия и российская элита были опутаны архаическими представлениями и традициями. Это так. Чего стоит упорное сохранение помещичьего землевладения, очередь которого в реформаторских планах власти до конца 1917 г. так и не наступила (о чем говорить, если антимонархическое Временное правительство также не сумело решить эту болезненную для России проблему). Но все же именно власть сделала достаточно уверенный цивилизационный шаг в области аграрной политики. И что же? Большинство крестьян выступило против разрушения общины, против «крепкого мужика», за всеобщий передел земли, к которому звали крестьян, и небезуспешно, левые партии. Крестьянство оказалось в итоге более консервативным, чем власть, что было вполне понятно, учитывая низкий уровень социально-экономического, культурного, гражданского развития российской деревни.

Поразительно, но именно община после Октябрьского переворота 1917 г. поглотила не только помещичьи земли, но и основную массу выделив-

шихся из общин хуторов и отрубов. Море крестьянской общины сомкнулось над головой «крепкого мужика», и в этом смысле можно сказать, что сталинская коллективизация с ее примитивным поравнением стала действительно логическим завершением торжества общинно-уравнительных, «социалистических» тенденций в российской деревне.

Реформы Столыпина, как и вообще вся центристская линия власти, вызвали резкую оппозицию со стороны правоконсервативных кругов, либералов и левых радикалов. Они были оценены с общеполитических позиций каждой из этих общественных группировок и, конечно, не имели никаких шансов на поддержку с их стороны. Можно сказать, что эти реформы власть проводила в одиночку, не имея никакой общественной опоры. В этом заключалась ее колоссальная слабость и обреченность. Гибель Столыпина лишь подчеркнула эту незамысловатую истину.

Рассуждения о сущности российской власти в начале XX в., о ее взаимоотношениих с обществом и народом были бы неполными, если бы я не коснулся такой стороны деятельности этой власти, как внешняя политика. Соответственно, самовосприятие Российской монархии в международной сфере было неразрывно связано с ее самооценкой внутри страны. По мере складывания российского самодержавия происходило превращение России в огромную евразийскую империю. В свою очередь, имперские амбиции монархии крепли по мере расширения российских границ, медленного, упорного и необратимого превращения Российского государства в одну из самых мощных империй в мировой истории.

Можно, конечно, говорить о неудержимой экспансии России в XVIII—XX вв., но одновременно необходимо отдавать отчет и в том, что с незапамятных времен любой этнический и государственный лидер на просторах Восточноевропейской равнины для обеспечения своей безопасности от соседей с Запада и Востока, для закономерного выхода к значительно удаленным от центра этой равнины морским берегам, для контроля над основными торговыми речными и сухопутными путями стремился овладевать этими необозримыми пространствами. Так было на протяжении веков, так было в XIX — начале XX вв. и в течение всего XX века. Естественно. что на этом пути успехи России неизбежно чередовались с тяжкими поражениями. После триумфа в период наполеоновских войн Россия как бы завершила формирование имперского цикла своей внешней политики, открытого победами Петра I. Это, видимо, был пик величия России как мировой державы. Затем после глубокого провала в ходе проигранной Крымской войны этот статус был надолго утрачен и с большим трудом восстановлен лишь в ходе успехов российской дипломатии к исходу XIX в.

К началу XX в. Россия вновь вернулась в разряд мировых держав. Для монархии это означало прежде всего сохранение и наращивание военной мощи страны, демонстрацию крупных международных инициатив, заключение масштабных международных соглашений, влияющих на судьбы Европы и всего мира, решительные претензии на сферы влияния во многих стратегически важных частях Евразии — от границ с Китаем и Японией до Балканского полуострова и стран Ближнего Востока, от границ с Индией до Берингова пролива. Такая концепция вполне корреспондировала с утвердившейся к этому времени в российской идеологии концепцией мессианской богоизбранности «Святой Руси» и ее лидера — помазанника Божия российского императора. На мой взгляд, это было совершенно средневековое, силовое, если так можно сказать, понимание величия России, совершенно чуждое развивающемуся пониманию места той или иной страны в системе мирового сообщества. Это иное понимание все более апеллировало к совершенствованию гражданского общества, правового государства, демократическим правам, свободам и ценностям граждан, гарантиям их личной безопасности, к правовому регулированию международных отношений, к равноправным отношениям между странами и народами. Конечно, было бы наивно думать, что эти начала, эти новые зарождающиеся реалии высокоразвитых стран, многие из которых были совершенно демагогическими, могли хоть в какой-то мере предотвратить или хотя бы замедлить гонку вооружений, хищническую подготовку ведущих держав к мировой войне и саму мировую бойню. Ведь никогда и ни при каких обстоятельствах благородные и гуманистические идеи и ценности не способны опрокинуть геополитические интересы той или иной нации. Речь идет о другом — о том, какие идеи кладет та или иная государственная структура, тот или иной народ в основу понимания своего мирового величия, какие символы олицетворяют для них это величие и как они соответствуют общему цивилизационному развитию народов и государств.

Россия в этом смысле, увы, также находилась на периферии идеологического развития. Лишь приступив в начале XX в. к робким шагам в деле создания современной для того времени экономики, к элементарным зачаткам совершенствования социальных отношений, к закладке первых кирпичиков в фундамент гражданского общества, она тем не менее претендовала на ведущие роли в мировой политике. Не будучи «великой» в цивилизационном смысле слова, Россия в силу своих имперских амбиций постоянно ставила на карту не только свое достаточно неуверенное развитие, но и свою собственную судьбу. Власть, монархия и были главными выразителями этих сомнительных для России начала XX в. тенденций.

Этот цивилизационный парадокс запоздавшей в своем развитии страны привел ее в начале века к крупным международным провалам: к поражению в войне с Японией, к ряду дипломатических неудач, наконец, к роковому, «престижному», типично имперскому шагу — вступлению на стороне Сербии в Первую мировую войну, когда в этом для России не было никакой логики и этого не требовали интересы российского народа. Это понимание величия страны, ее значения как мировой державы досталось затем Временному правительству, а позднее советскому режиму.

Создание гражданского общества в России, а следовательно, и цивилизационное развитие народа было приостановлено, но имперские размеры страны и имперские амбиции ее верхов были сохранены и приумножены; они остались весьма опасным оружием не только в руках новой власти, но и в сознании народа, сделавших их своей гордостью и панацеей от всех тягот и бед.

...Над Россией занималась заря нового XX века. Это была заря цивилизационных надежд и глубоких разочарований, раздирающих страну острейших социально-политических противоречий и неудачных поисков приемлемых компромиссов, сияния ярчайших человеческих талантов, многие из которых были плоть от плоти народа, и начала быстрого отчуждения этих талантов от породившей их страны, пробуждения к активному гражданскому творчеству самого народа, который стремился создать новый мир по своему образу и подобию, и растерянности элиты общества, интеллигенции перед этим усиливающимся народным напором.

Начало XX века, получив цивилизационную эстафету от предыдущих времен, поставило перед Россией столько острых, противоречивых и глубоких вопросов, что отвечать на них пришлось в течение всего столетия.

Примечания

[1] См. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 20.

[2] См. Внешняя политика России XV—XVII вв. М., 1999. С. 96—105, 106—133 и сл.

[3] Там же.

[4] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. С. 365.

[5] См.: *Ostrowski D.* The Mongol Origins Muscovite Political Institution // Slavic Review, 1990. Vol. 49. № 4. P. 525—541.

[6] «Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». СПб., 1893. С. 4.

[7] См. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 418—434, 439 и сл., 481. См. также: Крепостное право и крепост-

ничество в России. Дискуссионные проблемы // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 5—54.

[8] *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.—Л., 1961. С. 153—154.

[9] См. *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 499—526.

[10] «Конституция» графа Лорис-Меликова // Былое. Кн. 4—5. Пг., 1918. С. 162; *Данилов Д. Д.* Лорис-Меликов: карьера «парадоксального диктатора» // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 149.

[11] Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. М., 2000. С. 11.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 13.

[14] Там же. С. 21.

[15] *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 237; *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921—1925 гг. // Проблемы социальной культуры. М., 1988. С. 73.

[16] *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 32.

[17] *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. Т. X. М., 1982. С. 357 и сл.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 417.

[19] Население России. Т. 1. С. 117.

[20] *Искендеров А. А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 17—18, 22.

[21] *Мау В.* Интеллигенция, история и революция // Новый мир. 2000. № 5. С. 146—147.

[22] См. Российские реформаторы. XIX — начало XX вв. М., 1995. С. 158—174.

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 9.

[24] Конституционное государство. СПб., 1905. С. 527—551; см. также: С. 556—580 (так называемый проект С. А. Муромцева).

[25] Учредительное собрание России. 1918 г. М., 1991. С. 10, 13—23, 23—27, 30—31, 50—53.

[26] *Сахаров А. Н.* Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. 2000. № 5.

[27] *Сахаров А. Н.* Династия Романовых как исторический феномен // Независимая газета. 1997. 31 декабря. С. 14—15.

[28] См.: *Whittaker H. C.* The Ideology of Sergei Uvarov: An Interpretive Essay // Russian Review, 1978. Vol. 37. № 2. April. P. 158—176.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Н. А. Иванова

1. Территория и численность населения.

Природно-климатические, географические условия и демографические процессы во многом определяли тип исторического развития России, ее общества и государства. К концу XIX в. по размеру своей территории — почти 20 млн кв. верст — Россия занимала второе место в мире, уступая лишь Великобритании с колониями. Все другие страны были намного меньше ее: Китай — в 2 раза, США — в 2,5, Германия — в 10, а Япония — в 149 раз. Однако географическое положение России было далеко не самым благоприятным. Вся северная и восточная граница империи являлась морской, причем большая часть ее приходилась на суровые Ледовитый океан, Охотское и Берингово моря. Не случайно известный библиофил и историк Н. А. Рубакин называл северо-восточную часть страны самым глухим углом Старого света[1]. Сухопутная южная и западная граница России прерывалась Каспийским, Черным и Балтийским морями. На юге она граничила со странами Востока — Турцией, Персией, Афганистаном и Китаем. Лишь менее четверти общей протяженности границы отделяло Россию от культурных европейских стран. Континентальное положение России не способствовало активной торговле. А по огромному количеству неудобных и пустынных земель она не шла в сравнение ни с одним из европейских государств.

Россия была евроазиатской страной. Еще в XVIII в. русские ученые и государственные мужи (среди них известный географ и историк В. Н. Татищев) немало потрудились над тем, чтобы добиться признания границы между Европой и Азией, проходящей по Уралу, а не западнее. На юге страну разделял на европейскую и азиатскую части Кавказский горный хребет. Площадь Европейской России (50 губерний, Северный Кавказ и Царство Польское) составляла $^1/_3$, а Азиатской (Закавказье, Сибирь и Средняя Азия) — $^2/_3$ территории страны.

На обширных пространствах, в различных природно-климатических условиях — от субтропиков и пустынь до тундры и вечной мерзлоты, от су-

хих степей до непроходимой тайги, от районов с резко континентальным климатом до муссонных областей — проживало население, по численности уступавшее лишь Китаю и Великобритании с колониями. Когда в январе 1897 г. по «высочайшему указу» была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи, она зафиксировала 125 640 021 жителя (без Великого княжества Финляндского) *. Кроме того, русское население в Финляндии, в загранплавании на военных судах, в Хиве и Бухаре составило 40 661 человека[2]. Основная часть жителей страны (82%) находилась в 50 губерниях Европейской России и в Царстве Польском (10 привислинских губерний), тогда как на Кавказе (11 губерний), в Сибири и Средней Азии (по 9 губерний) проживало всего 18% населения.

Данные переписи 1897 г. стали исходными для подсчета численности населения империи в начале XX в. Для этого Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел (ЦСК МВД) использовал сведения текущего учета рождаемости и смертности населения, предоставлявшиеся губернскими статистическими комитетами. Однако исследователи считают публиковавшиеся ЦСК цифры численности населения завышенными: если расчеты естественного прироста были близки к действительности, то механическое движение населения (миграционные процессы) учитывалось неточно. Особенно это касалось внутренней миграции: переселявшиеся или просто выбывавшие на время жители нередко оказывались учтенными и в местах прибытия, и в местах выхода. Не учитывалась в полной мере и эмиграция. В результате, по данным ЦСК МВД, численность постоянного населения Российской империи (без Финляндии) составляла на январь 1914 г. 175,1 млн человек, по скорректированным расчетам Управления главного врачебного инспектора МВД — 166,7 млн человек (на середину 1913 г.), а по уточненным расчетным данным — 165,7 млн человек (январь 1914 г.)[3]. Эта последняя цифра была принята и ЦСУ СССР. Некоторые специалисты считают, однако, расчеты ЦСУ СССР неполными и определяют численность населения Российской империи на 1 января 1914 г. в 166 214,9 тыс. человек (без Финляндии), а с Финляндией — 169 449,9 тыс.[4]

За два столетия, прошедшие с первой ревизии 1719 г., зафиксировавшей 15,5 млн жителей, до кануна Первой мировой войны, население России увеличилось в 10,7 раза, а с конца XIX в. до начала 1914 г. — на 32,3%, или на 40,6 млн человек. Лишь США обогнали Россию в этом отношении: за столетие 1790—1890 гг. в результате обширной иммиграции их населе-

* Все дальнейшие исчисления по переписи 1897 г. будут производиться, исходя из этой цифры.

ние возросло в 16 раз. В России рост числа жителей в XVIII—XIX вв. происходил в значительной мере за счет присоединения новых земель, а в начале XX в. почти исключительно в результате естественного прироста населения. Действительно, превышение числа родившихся над умершими составило за 1897—1913 гг. 41,4 млн человек (т. е. в среднем 2,4 млн человек в год). Население уменьшалось в результате внешней миграции: отток русских подданных за рубеж превысил приток в Россию иностранцев за тот же 17-летний период на 1,1 млн человек[5]. Лишь в Азиатской России население увеличивалось не только в результате естественного прироста, составлявшего с 1897 по 1911 г. в среднем 1,4—1,6% в год, но и за счет переселения за Урал из Европейской части страны (примерно 1,5—2% в год). С 1897 до конца 1914 г. население Азиатской России увеличилось более чем в 1,6 раза, составив 21632 тыс. человек против 13506 тыс. в 1897 г.[6]

В целом естественный прирост населения в России в рассматриваемое время был одним из самых высоких в мире. Он составлял ежегодно от 1,37 (в 1905 г.) до 1,86 (в 1907 г.) человек на 100 жителей, т. е. в среднем 1,68%. Аналогичные высокие показатели прироста населения наблюдались лишь в странах, где или значительно преобладало сельское население (Сербия, Румыния, Болгария, Аргентина, Уругвай, Египет), или шла широкая иммиграция при благоприятных жизненных условиях (Новая Зеландия)[7].

2. Брачность, рождаемость и смертность населения.

Для объяснения демографической ситуации в России необходимо остановиться на трех основных и взаимосвязанных между собой показателях — брачности, рождаемости и смертности населения, по которым Россия превосходила основные европейские государства. Среди лиц старше 15 лет женатые мужчины составляли в России 64,3%, в то время как во Франции — 56,5%, в Англии — 54,9%, Германии — 53,7%. Соответствующие показатели среди женщин были 64%, 55,3, 50,9 и 50,8%[8]. Современники свидетельствовали, что в России «браки совершаются в раннем возрасте, особенно среди земледельческого населения. Редко можно встретить невесту за 20, а жениха за 25 лет. Погулял парень до 18 лет и довольно: время «закон принять», своей семьей обзаводиться, не все ему «за отцовской шеей жить», пора самому за разум браться. Впрочем, на возраст жениха имеет все большее влияние отношение молодых людей к воинской повинности. Если у парня нет льготы, то женитьба обыкновенно от-

кладывается до «жеребья»*, за исключением тех случаев, когда в доме крайне нужна работница. Возраст невесты еще более молодой: в 15 лет девица уже «заневестилась», можно засылать к ней сватов, а через год — «честным пирком и за свадебку», старше 20 лет девушка уже «перестарок» и бракуется женихами»[9].

Высокая брачность в Российской империи достигалась прежде всего за счет сельских жителей и «инородцев», включавших оседлые, кочевые и бродячие народности Севера, Сибири и Средней Азии. По данным переписи 1897 г., у «инородцев» из всех мужчин в браке состояло 40,9%, из женщин — 48,6%, среди лиц сельского состояния (крестьяне, казаки) — соответственно 39,8% и 39,7%. У городских сословий (купцы, почетные граждане, мещане) эти показатели были ниже — 37,2% мужчин в браке и 35,9% женщин, у дворян потомственных и личных еще ниже — соответственно 34,7% и 33,1%. Самый низкий удельный вес состоящих в браке показывает духовенство (34,4% мужчин и 29,8% женщин), что можно объяснить влиянием немалого числа монашествующих и запрещением повторных браков среди священнослужителей. В то же время лица духовного звания и сельского состояния давали самый малый процент разводившихся — всего 0,04% у духовенства и 0,04% (мужчины), 0,05% (женщины) у крестьян. У городских сословий процент разводов был заметно выше и составлял у мужчин 0,11%, а у женщин — 0,25%. Из потомственных и личных дворян-мужчин разводилось еще больше — 0,18%, а женщин — 0,2%[10]. Среди дворян было больше всего холостяков, они свободнее чувствовали себя в отношении разводов и повторного вступления в брак. Аналогичные процессы заметны и у городских сословий. В то же время сохранялась патриархальность крестьянской семьи. При этом женщины всех сословий оказывались более зависимыми в отношении семейной жизни, нежели мужчины. Это обстоятельство, помимо экономической зависимости женщин, объяснялось в значительной мере существовавшей в России самой высокой в мире рождаемостью. В начале XX в. в большинстве европейских стран на 10 тыс. жителей ежегодно рождалось от 206 до 370 детей, в США — 225 детей. В России в конце XIX в. это число составляло 486: на селе 519, а в городе — 379 человек. Во Франции на один брак приходилось в среднем 2,94 детей, в России 5,85[11].

Преобладание сельских жителей в стране, большой удельный вес молодежи в составе населения, раннее вступление в брак — важные, хотя и не единственные, причины высокой брачности и высокой рождаемости в

* По закону о воинской повинности 1874 г. призыв на военную службу осуществлялся в результате жеребьевки среди лиц призывного возраста.

России. Характер крестьянского хозяйства, в большинстве своем построенного на семейном труде, требовал раннего создания молодыми своей семьи, четкого разделения обязанностей между мужем и женой, значительного числа детей. Брак позволял отделиться от родителей, а крестьянскому сыну получить земельный надел от общины.

Ученые-демографы единодушны в том, что низкий уровень благосостояния и потребностей населения, его малокультурность также обусловливают высокую рождаемость. Чем богаче население, тем ниже рождаемость. Она стимулируется и высокой смертностью, особенно детей до 1 года. Именно это имело место в России. За период 1891—1900 гг. число умерших на 10 тыс. жителей составляло здесь ежегодно 334 человека, в то время как в Германии — 222, во Франции — 215, в Англии — 182[12]. Из детей до 5-летнего возраста в России доживала только половина, а в возрасте до 1 года умирала четверть всех родившихся.

Более низкие показатели рождаемости и смертности наблюдались в Царстве Польском, в прибалтийских (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) и западных губерниях. В восточных же, где процент городского населения понижался, рождаемость и смертность возрастали. «Плохое питание, худшие гигиенические условия, недостаток медицинской помощи в деревнях и отсутствие надзора за детьми в рабочую пору способствовали сильной смертности детей, особенно во время повальных болезней и эпидемий»[13], — писал один из дореволюционных историков. Так было, например, в 1910 г.: в связи с эпидемией азиатской холеры, дифтерии и других заразных болезней этот год дал самый меньший естественный прирост населения.

Общей тенденцией, отчетливо проявившейся в начале XX в., было понижение брачности, рождаемости и смертности в Европейской России. Развитие городской жизни и индустриализации, усложнение экономических и общественных отношений и увеличивавшиеся в связи с этим трудности с созданием новых семей и самостоятельного хозяйства способствовали понижению брачности. Это обстоятельство, наряду с определенными изменениями возрастного состава населения (в условиях переселения молодежи в Сибирь) и даже, как считают некоторые дореволюционные исследователи, распространением «практического неомальтузианства» (сознательного ограничения деторождения), способствовали сокращению рождаемости. В свою очередь, рост культурного уровня населения, улучшение медицинского обслуживания и санитарных условий жизни влияли на сокращение смертности, в том числе детской. Коэффициент брачности (число заключенных браков на 1 тыс. жителей) в 50 губерниях Европейской России упал с 9,1 в 1892—1896 гг. до 8,9 в 1907—1911 гг. В 1909—1913 гг. рождаемость на 10 тыс. жителей понизилась до 443 чело-

век, а смертность — до 284 человек[14]. Однако на Кавказе, в Сибири и Средней Азии рождаемость и смертность росли.

В целом и в начале XX в. Россия не уступила своего первенства по указанным показателям. Процесс воспроизводства населения был в стране очень напряженным и во многом (в силу высокой детской смертности) шел вхолостую, создавая большую дополнительную нагрузку на ее жителей, особенно женщин. Показательно, что смертность женщин до 40 лет превышала смертность мужчин, в то время как в более старших возрастах картина была обратной.

3. Состав населения, его плотность и размещение.

Россия отличалась небольшим перевесом численности женщин (50,3% населения) над мужчинами (49,7%). В начале XX в. в Англии на 100 мужчин приходилось 106,8 женщины, во Франции — 103,3, в Германии — 103,2, в России — 101 женщина. В Европейской России это соотношение было 100 к 104, в Польше на 100 мужчин насчитывалось 99,5 женщины, на Кавказе — 90, в Сибири — 94,3 и в Средней Азии — 86 женщин[15]. Различия по регионам и губерниям объяснялись и особенностями хозяйственной деятельности, и числом занятых отхожими промыслами и переселенцев, среди которых преобладали мужчины, и национальным составом, семейно-брачными отношениями и сложностью учета в ходе переписи женщин ряда (в частности, азиатских) народностей. Имело значение и соотношение сельских и городских жителей. Население русских городов, в отличие от западноевропейских, характеризовалось значительным перевесом мужчин: на 100 мужчин здесь было 88,8 женщины (в то время как на селе — 103,1). В городах с населением свыше 100 тыс. жителей перевес был еще больше — 100 к 85,8. Явление это объяснялось тем, что население городов пополнялось преимущественно мужчинами из крестьян, не имевшими своей семьи или оставлявшими ее в деревне.

Возрастной состав населения Российской империи по сравнению с другими странами отличался большим количеством детей и малым — лиц рабочего и старческого возрастов. Около половины жителей страны (48,4%) составляли люди моложе 20 лет. При этом самой большой возрастной группой (27,3%) оказывались дети до 10 лет. Одновременно стариков (по тогдашним понятиям) свыше 60 лет было всего 6,9%. Доля лиц рабочего возраста — от 20 до 59 лет — составляла 44,7% (в том числе в городах 53,2%, на селе — 43,4%). В наилучшем положении находились Средняя Азия (50% лиц рабочего возраста), Сибирь (46,1%), Польша (44,6%); за ни-

ми следовали Европейская Россия (44,3%) и Кавказ (43,7%) [16]. По удельному весу жителей в рабочем возрасте Россия уступала всем странам Западной Европы, кроме Болгарии, точно так же, как превосходила их по количеству детей. В результате в России относительная работоспособность населения оказывалась ниже, чем в западноевропейских странах, а соотношение работающих и иждивенцев — менее благоприятно. Это обстоятельство, наряду с суровым климатом (что требовало дополнительных усилий на строительство жилья, его отопление, изготовление одежды, сельскохозяйственные работы и т. д.), низкой производительностью труда и другими факторами, способствовало сохранению низкого жизненного уровня населения и вынуждало широко использовать детский труд в различных отраслях народного хозяйства.

Природные условия, особенности исторического развития и внутренней колонизации страны, рост фабрично-заводской промышленности и городов, близость Западной Европы оказывали влияние на неравномерное распределение населения по территории России. Если плотность населения составляла в среднем в начале XX в. во Франции 83,1, в Германии — 118,6, в Англии — 155,7 человека на одну кв. версту, то в России в 1897 г. — 6,7, а в 1910 г. — 8,5 человека. По этому показателю ее можно было сравнивать только с США (8,6 человека на 1 кв. версту) и Норвегией (7,8 человека). Наиболее густо было заселено Царство Польское, имевшее в конце XIX в. в среднем 84,3 жителя на кв. версту (в Петроковской губернии была наибольшая плотность населения — 130,4 человека). К этому показателю в Европейской России приближались лишь Московская (83,1 человека), Подольская (81,9) и Киевская (79,7) губернии. В Петербургской губернии на одну кв.версту приходилось около 54 человек, а в северных губерниях — значительно меньше среднего общероссийского показателя: в Вологодской — 3,8 человека, Олонецкой — 3,2, Архангельской — 0,5 человека. В 50 губерниях Европейской России плотность населения составляла в среднем 22,1 человека на одну кв. версту, на Кавказе — 22,6 (при большей плотности в Эриванской, Кутаисской и Тифлисской губерниях, Кубанской области). В Средней Азии она равнялась 2,5 человека, в том числе в Самаркандской области — 14,2, в Ферганской — 13, а в Сибири — всего 0,5 человека на кв. версту. Здесь наиболее густо была заселена территория вдоль Большого сибирского тракта и Транссибирской железнодорожной магистрали. Вместе с тем плотность населения в Сибири уменьшалась по мере продвижения с запада на восток, поднимаясь лишь в районе Владивостока. В лесостепной и степной зонах (Томская губерния, Акмолинская область) густота населения оказывалась наибольшей, а в отдаленной Якутской области — наименьшей (0,08 человека на кв. версту) [17].

Отмечая прямую связь между плотностью населения и результатами его труда и подчеркивая, что по густоте населения Россия уступала европейским странам в 4—13 раз, лидер кадетской партии, историк и публицист П. Н. Милюков замечал: «Один этот факт покажет нам, как далеко Россия должна была отстать от западных государств по своему экономическому развитию»[18]. Не лишне добавить, что низкая плотность населения при наличии обширных неосвоенных земель служила основой для распространения в России экстенсивных форм хозяйства. На другую сторону этого процесса обращал внимание один из современных исследователей проблемы, когда писал, что «в России на протяжении многих столетий совокупный прибавочный продукт хотя и медленно, увеличивался практически целиком за счет роста численности рабочих рук»[19] (т. е. численности населения, а не интенсификации его труда).

Плотность населения и характер хозяйства определяли соотношение городского и сельского населения. В России 86,6% населения составляли сельские жители. В городах проживало в 1897 г. 13,4% (16,8 млн чел.), а к 1914 г.— 15% населения. Между тем в начале XX в. в Англии горожане составляли 77%, в Германии — 54,4%, во Франции — 40,9%, в США — 25,8%[20]. При этом, несмотря на численный рост городского населения, в начале XX в. отставание России по уровню урбанизации увеличилось. Самой большой в Российской империи доля горожан была в Царстве Польском (до 23%). В 50 губерниях Европейской России и на Кавказе она составляла в среднем по 12,9%, в Средней Азии — 12,1%, а в Сибири — всего 8,4%[21]. Удельный вес городского населения уменьшался по мере продвижения с запада на восток. При этом уже тогда города привлекали из деревни наиболее здоровых, трудолюбивых и активных людей — здесь был выше удельный вес мужчин, а также людей рабочего возраста.

4. Внутренняя миграция населения.

Население России, особенно сельское, было малоподвижным. Местные жители, т. е. родившиеся в том же уезде и губернии, в которых они проживали в момент переписи 1897 г., составляли на селе 90,3%, а уроженцы других уездов, губерний и государств — 9,7%. В городах местных жителей было 53,4%, а остальные 46,6% пришли как из уездов той же губернии, так и из других губерний и государств[22].

Во второй половине XIX — начале XX в. миграция населения приобретает все более широкие масштабы. В ее основе лежало стремление людей найти «лучшую долю», и в этом отношении не было принципиальной раз-

ницы между миграцией внутренней (в пределах Европейской России, а также из европейской в азиатскую часть страны) и внешней (эмиграцией в Америку, западноевропейские и другие страны).

Что толкало людей к тому, чтобы подняться с насиженных мест и двинуться в нелегкий, полный неизвестности путь? Причин было немало: малоземелье крестьян; стремление их поселиться на новых землях на юге страны или за Уралом или найти дополнительный заработок в городах с целью поправить деревенское хозяйство, уплатить непомерно большие налоги и подати; поиски рабочими более выгодных условий труда; религиозные притеснения; правовые ограничения, существовавшие, в частности, в отношении еврейского населения, и др. Развитие промышленности и транспорта (особенно открытие в 1897 г. Транссибирской железнодорожной магистрали) и рост городов также благоприятствовали миграции населения. Существенное влияние на нее оказывала и правительственная социальная политика, которая, с одной стороны, способствовала, а с другой — препятствовала миграции населения.

Введенная еще при Петре I паспортная система существенно ограничивала передвижение основной массы жителей. Даже в конце XIX — начале XX в. свободой передвижения пользовались лишь высшие сословия — почетные граждане, купцы и особенно дворяне. Последние могли не только беспрепятственно передвигаться по стране, но и выезжать за границу. Что касается податного населения — крестьян и мещан, то, преследуя фискальные цели, государство узаконивало их приписку к крестьянским и мещанским обществам, ограничивая в правах передвижения. Прежде чем уйти на заработки, представители этих слоев населения обязаны были получить разрешение общества и «вид на жительство» — паспорт на 1 год или 5 лет или «отпускной билет» на более короткое время с условием обязательной ежегодной уплаты лежащих на них податей. Продление паспортов для таких людей, даже постоянно работавших в городе, было сопряжено нередко с большими трудностями. Вот только один из многих сохранившихся в архивах документов. Крестьянин села Знаменского Аксиньинской волости Звенигородского уезда Московской губернии Комаров не получил паспорта из-за недоимки и в 1893 г. был вызван повесткой на родину, в волостной суд: «А когда я, семейный человек, живя постоянно в г. Москве и уже престарелый, стал просить паспорт, который не получаю около 2-х лет, то сельский староста угрожал меня посадить в холодную на 4 дня, и я лишь с большим трудом мог удалиться из волости. Не имея письменного вида (на жительство.— *Н. И.*), я, мастеровой, лишился в течение 2-х лет совершенно мастерового труда, чем кормил свою семью, прожил последнее, что имел, и принужден был скитаться по Москве, как бродяга»[23].

По указу 1906 г. паспортные ограничения для крестьян и мещан были отменены, но в реальной жизни они сохранялись, приобретая не только фискальный, но и административный характер, ибо право выдачи паспортов получили полицейские учреждения. Вплоть до революции 1917 г. права на свободный выбор места жительства и передвижение были лишены евреи. Им разрешалось жить лишь в пределах «черты оседлости» — 15 губерний западной России (литовских, белорусских и украинских) и территории Царства Польского. Кроме того, евреям запрещалось селиться в сельских местностях и владеть недвижимым имуществом или арендовать его вне городов и местечек.

Материалы паспортной статистики, переписи 1897 г., городских переписей позволяют представить размеры и характер первого и главного миграционного потока, идущего из деревень в города. С 1897 по 1914 г. население городов увеличилось на 9,5 млн человек, причем главным образом за счет пришлого крестьянства. Эта цифра включает лишь баланс притока и оттока определенной части населения из городов. Размеры миграционного движения в обоих направлениях были существенно больше.

Усиленным притоком населения в города, особенно выходцев из других губерний, характеризовались губернии столичные, Царства Польского, Закавказья и Дагестана, Туркестана. В 1897—1916 гг. в Москву прибыло более 700 тыс., в Петербург — более 1 млн, в Одессу — более 100 тыс. человек. В столицах и других крупных городах можно было встретить крестьян и мещан буквально со всей страны. Но преимущественно миграция сюда шла из центральных промышленных и центральных земледельческих губерний. Особенно много оказывалось выходцев из близлежащих к крупным центрам губерний: в Петербурге — из Тверской, Ярославской, Петербургской, Новгородской; в Москве — из Тульской, Смоленской, Ярославской, Тверской; в Одессе — из Херсонской, Киевской, Подольской, Волынской, Бессарабской. Среди них были крестьяне-отходники, уходившие из деревни на заработки лишь на время свободное от полевых работ и оставившие там обрабатываемую землю, дом, семью. Другую часть составляли те, которые оседали в городе на более долгий срок, занимались здесь ремеслом, торговлей, различной службой, но в большинстве своем становились рабочими. Многие из них также сохраняли связь с деревней в различных формах, другие, особенно забиравшие с собой семью и порывавшие с землей и сельским обществом, оставались в городе насовсем.

Развитие промышленности и торговли гнало крестьян на заработки не только в столицы, но и в многочисленные торгово-промышленные села и местечки, на шахты Донбасса и бакинские нефтепромыслы, в портовые

города юга России, на строительство железных дорог, в частности Транссибирской магистрали, из Западной Сибири в Восточную и далее на Дальний Восток (по данным на 1911 г., 57,1% дальневосточных рабочих были выходцами из Европейской России)[24].

Для России была характерна большая текучесть кадров промышленных рабочих и перемена ими, особенно бессемейными, места работы в связи с поисками лучших заработков, закрытием предприятий в условиях кризисов, безработицей и т. д. По наблюдениям исследователей, «фабричная промышленность не только стягивала рабочее население в промышленные центры, но и перебрасывала массы рабочих из одного промышленного района в другой, создавала густую сеть взаимопереплетавшихся направлений движения рабочих с фабрики на фабрику, из одного промышленного центра в другие и обратно»[25]. Сохранялось также немало причин, по которым рабочие, даже имевшие большой стаж работы в промышленности, возвращались в деревню: их высылали на родину за участие в стачках, а в случае экономического кризиса, потери трудоспособности по старости или инвалидности они сами нередко вынуждены были отправляться в родные места.

Если первый миграционный поток приводил к отвлечению населения от земледелия и втягиванию его в торгово-промышленную деятельность, то второй отражал процесс формирования нового земледельческого населения на окраинах страны. Основными районами земледельческой колонизации в пределах Европейской России, которые начали заселяться раньше, чем азиатские, были новороссийские, нижневолжские, восточные губернии и Северный Кавказ. Сюда направлялись батрачить в страдную пору или переселялись на постоянное жительство крестьяне преимущественно из центральных земледельческих, малороссийских и средневолжских губерний. По подсчетам специалистов, в последнюю треть XIX в. в южные и восточные губернии Европейской России переселились (без учета выселившихся из них в другие губернии) 1,9 млн, а на Северный Кавказ — свыше 0,9 млн человек[26]. Одновременно на этих окраинах население также передвигалось к югу и востоку.

На рубеже XIX — XX вв. широкие масштабы приобретает земледельческая колонизация Азиатской России — Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Степного края (Казахстан) и Туркестана. До 80-х гг. XIX в. переселения в Азию носили преимущественно принудительный характер: по распоряжению правительства здесь создавались военные казачьи поселения, в Сибирь направлялись преступники и ссыльные. Население пополнялось также беглыми крестьянами, представителями преследуемых религиозных сект. С 80-х и особенно в 90-е гг. стала быстро

набирать силу добровольная миграция на Восток. Она стимулировалась правительством, которое устанавливало льготы и выдавало пособия переселенцам. Многие крестьяне решались перебираться за Урал без официальных документов — так называемых «проходных свидетельств», на свой страх и риск. Строительство железных дорог, особенно Транссибирской железнодорожной магистрали, значительно облегчало такие переселения, поскольку раньше крестьянам-переселенцам приходилось ехать в Сибирь на лошадях, а иногда даже идти пешком, «везя на тачке детей и незатейливый багаж»[27].

В начале XX в. миграционный поток на Восток несколько ослабевает в связи с неурожаями в Сибири в 1901—1902 гг., русско-японской войной, а также крестьянским движением в Европейской России в 1902—1906 гг., вселявшим надежду на возможность разрешения аграрного вопроса в родных местах. Однако безрезультатность борьбы крестьян и столыпинская аграрная реформа, которая предусматривала продажу крестьянами надельной земли и усиленное развитие переселенческого движения на Восток, привели, начиная с 1907 г., к его широкому размаху. При этом кульминационным периодом азиатской миграции явилось первое десятилетие XX в., когда число переселенцев составляло в год в среднем 228 тыс. человек, в то время как во второе десятилетие оно сократилось до 180 тыс. переселенцев в год[28].

Число осевших в Азии переселенцев-крестьян (семейных, одиноких, а также ходоков*), которое было зарегистрировано Переселенческим управлением МВД, составило в 1896—1914 гг. 3 млн 623 тыс. Кроме того, около 100 тыс. человек составляли заключенные и ссыльные[29]. Большая часть переселенцев-крестьян (62%) обосновалась в Сибири, главным образом в предгорьях Алтая (Томская и Енисейская губернии) и в западносибирской лесостепи (Тобольская губерния). 28% осело в Степном крае (преимущественно на черноземе Акмолинской и Тургайской областях). На Дальнем Востоке осталось 10% азиатских переселенцев-крестьян. 2% устроилось в Туркестане — главным образом в Семиречье — в степи и лесостепи, примыкающей к казахскому (киргизскому) краю. Заселение этих местностей не было случайным: большинство переселенцев уходило из

* Необходимым условием пользования правительственным содействием при переселении являлась предварительная посылка в районы водворения так называемых ходоков, в обязанности которых входило осмотреть, выбрать и в установленном порядке «зачислить» землю. Лишь после возвращения ходоков с соответствующими документами на родину выдавались переселенческие документы на зачисленную землю крестьянам с семьями. Часть ходоков, однако, оставалась в местах переселения.

лесостепных и степных районов Европейской России и искало в Азии аналогичные районы, где можно было вести земледельческое хозяйство привычным для них способом.

Основными районами выхода крестьян в Европейской России являлись: центрально-черноземные (Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и др.) и малороссийские (Полтавская, Черниговская, Харьковская и др.) губернии, давшие около 70% переселенцев, а также западные (Могилевская, Киевская, Витебская и др.), южные степные (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая), кавказские и восточные (Самарская, Вятская и др.) губернии.

Ученые считают главной причиной переселения крестьян их малоземелье, которое в условиях отсутствия достаточных дополнительных заработков (в частности, слабого развития крестьянских промыслов и промышленности в основных районах выхода крестьян) вело к разорению их хозяйства. Некоторые исследователи (например, известный дореволюционный экономист А. А. Кауфман) обращают также внимание на «недостаток культуры» земледелия, т. е. экстенсивные методы ведения хозяйства. Для перехода к более интенсивному хозяйству у крестьян не было необходимого капитала, пишет Кауфман, «а не было его (у большинства) потому, что они начали свою карьеру самостоятельных хозяев при сокращенной площади земли, но возросших повинностях, да еще принявших денежную форму»[30]. Вместе с тем надо учитывать, что переселялись все же крестьяне, которые могли обустроиться на новом месте, т. е. имели в семье хороших работников и определенные средства. Большинство же мелких крестьян, крестьян-батраков, неквалифицированных рабочих (среди них было много одиночек) обычно возвращались обратно и составляли контингент временных мигрантов, а не постоянных переселенцев. К примеру, из переселившихся за Урал крестьян в 1906—1914 гг. возвратилось на родину 27,2%[31]. Различные формы миграций — промышленный отход, батрачество, крестьянское переселение — взаимно дополняли, а нередко и заменяли друг друга.

Широко распространенная в советской историографии оценка переселенческого движения как проявления развития капитализма вширь и вглубь является все же несколько односторонней. Наряду с этим, как справедливо отмечают некоторые исследователи, переселения способствовали возрождению и поддержке традиционных форм хозяйства, а уменьшение в связи с ними плотности населения в Европейской части страны — сохранению экстенсивных методов хозяйствования. К тому же излишняя социологизация приводит к недоучету реальных интересов и нужд людей, которые толкали одних на переселения внутри страны, дру-

гих — на эмиграцию за границу. При этом колонизация окраин России составляла, особенно с начала XX в., мощный противовес внешней миграции — эмиграции российских подданных за рубеж. Одновременно складывалась определенная специфика по местам выхода и национальным группам мигрантов внутренних и внешних.

5. Эмиграция и иммиграция.

Российское законодательство об эмиграции было крайне несовершенным. В течение многих десятилетий оно не допускало свободного перехода россиян в иностранное подданство, ограничивая пребывание их за границей пятью годами, по истечении которых надо было просить губернатора, разрешившего выдачу заграничного паспорта, об отсрочке. Лишь в 1892 г. была дана первая легальная санкция на эмиграцию из России евреев, а в 1898 г. — приверженцев религиозной секты духоборцев. В обоих случаях возвращение обратно запрещалось. С 1875 г. выдавались также краткосрочные удостоверения, преимущественно рабочим, отправлявшимся за границу (в большинстве своем в Германию) на заработки. В начале XX в. в России была разрешена деятельность эмигрантских агентств, но выработанный в 1906 г. проект «Положения об эмиграции» до революции 1917 г. так и остался не утвержденным. «Эмиграция оставалась если не легальным, то полулегальным общественным явлением — молчаливо признаваемым, но не урегулированным», — пишет в своей интересной книге о миграциях В. В. Оболенский[32]. По его подсчетам, чистый отлив за границу (превышение выезда над въездом) российских подданных составил за 1901—1915 гг. 2 млн 564 тыс. человек. При этом около 80% российских эмигрантов осело на американском континенте — преимущественно в Северо-Американских Соединенных Штатах и гораздо меньше в Канаде и Аргентине. Доля российских подданных, обосновавшихся в европейских и азиатских государствах, была небольшой.

Из российских эмигрантов, прибывших в США, свыше 40% составляли евреи, около 30% — поляки, остальные распределялись между литовцами, финнами, немцами и русскими (к которым относили великороссов, украинцев и белорусов). Число русских существенно возросло в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, — с 2% среди всех российских эмигрантов в 1899—1903 гг. до 12% в 1909—1913 гг.[33] Основной поток эмигрантов шел из западных российских и южных губерний.

Активная эмиграция евреев была связана как с экономическими причинами (пауперизация еврейского населения, низкие заработки ремес-

ленников, их подчиненность скупщикам и т. д.), так и с их правовой дискриминацией. Помимо уже упоминавшихся ограничений в передвижении и месте жительства для еврейского населения существовали и другие преграды: отстранение от государственной службы, ограничения при выборах в органы самоуправления, в занятиях педагогической и юридической деятельностью, установление 10% нормы еврейских учащихся в школах и т. д. Особенно пугали евреев систематически повторявшиеся еврейские погромы. Так, погромы 1905—1907 гг. в ряде городов России способствовали резкому усилению эмиграции евреев.

Если среди евреев-эмигрантов большую часть составляли ремесленники и торговцы (что соответствовало основным занятиям лиц еврейской национальности в России в это время), то 66% представителей польской эмиграции были крестьянами и 26% — рабочими. Безземелье польских крестьян, почти полное отсутствие возможности аренды ими земли, низкая заработная плата в сельском хозяйстве, неспособность промышленности, несмотря на ее быстрый рост, поглотить все избыточное население делали неизбежными для многих поляков заработки на стороне, прежде всего за границей, поскольку немецкий рынок труда был ближе южно-российского, проезд в Германию оказывался более удобным и дешевым, а Америка привлекала высокими заработками.

До 1905 г. преобладающую долю русских эмигрантов составляли члены различных религиозных сект, гонимых в России. В 1907—1913 гг. русская эмиграция состояла преимущественно из украинских, белорусских и в меньшей мере — русских крестьян, сельскохозяйственных батраков и промышленных рабочих западных, южных и юго-восточных губерний империи. Ее усиление в это время было связано с обезземеливанием крестьян, поражением крестьянских движений в 1905—1906 гг., столыпинской реформой, сокращением переселения в Сибирь и Среднюю Азию накануне Первой мировой войны, промышленной депрессией 1907—1909 гг. При этом полупролетарская и пролетарская часть мигрантов рассматривала обычно свою эмиграцию как временный отъезд на заработки.

Таким образом, внутренняя и внешняя миграция при всем их различии подчинялись ряду общих закономерностей. В основе массовых миграций населения России лежали нерешенность аграрного вопроса, слабое промышленное развитие, обнищание массы населения, политическое бесправие, национальный гнет. Вместе с тем различия в социально-экономической структуре, уровне развития промышленности, торговли, кредита, оплаты наемного труда России и других стран обусловливали не только широкую эмиграцию российских подданных, но и иммиграцию

иностранцев в Россию. Последние надеялись получить здесь либо более высокие прибыли, либо сносные, а иногда и более высокие, чем у себя на родине, заработки. За 1901—1915 гг. чистый прилив иностранных подданных в Россию составил 1 млн 251 тыс. человек (за 1891—1915 гг.— 1 млн 786 тыс.)[34]. При этом наибольшее число иммигрантов были выходцами из Германии, Австрии, Персии, Турции и Китая.

6. Национальный и конфессиональный состав населения.

Иммигранты расширяли и без того многонациональный состав населения Российской империи. По данным о родном языке, содержащимся в материалах переписи 1897 г., Н. А. Рубакин насчитал 146 различных языков и наречий, на которых говорили жители России[35]. И все-таки основную массу населения страны — почти 80%, составляли представители пяти народов. Великороссы, на долю которых приходилось 44,3% населения (55,7 млн человек), украинцы, или малороссы — 17,8% (22,4 млн человек) и белорусы — 4,7% (5,9 млн человек), вместе давали 66,8% населения страны. Кроме того, в пределах Российской империи проживало 7,9 млн поляков (6,3% всего населения) и более 5,1 млн евреев (4,2% населения)[36]. При этом основная часть этих народов расселялась достаточно компактно на определенной территории: русские — в центральной части Европейской России, украинцы — в Малороссии, белорусы — в западных губерниях, поляки — в Царстве Польском, евреи — в польских и западных губерниях «черты оседлости». Вместе с тем миграция населения и колонизация окраин приводили к смешению народов. В 50 губерниях Европейской России и в Сибири 80% всех жителей составляли великороссы, украинцы и белорусы. На Кавказе их было 34%.

В известном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», выходившем в конце XIX — начале XX в. под редакцией видного русского географа и статистика П. П. Семенова-Тян-Шанского, читаем о Центре России: «В общем тип здешнего великоросса довольно видный, стройный и красивый. Рост его средний. Цвет волос обыкновенно русый... Среди великорусов половина блондины и блондинки... Брюнеты и брюнетки не слишком уж черны... Глаза чаще серые, с открытым правильным разрезом. Брови — то тонкие, как шнурки, то густые, «соболиные», темная бровь нередко оттеняет синий глаз; попадаются и черноглазые блондины. Лица — средней ширины, без выдающихся скул; нос — правильный, довольно крупный, но не широкий, иногда с горбинкой, реже с небольшой выемкой... Цвет кожи — белый и изредка — слабосмуг-

лый; гладкие и слегка вьющиеся волосы, а в зрелом возрасте — большая, окладистая, кудреватая, золотисто-русая борода»[37].

Из других народностей, населявших Россию, значительную часть — 10,8% (13,6 млн человек) — составляли представители тюркской группы языков: татары, башкиры, азербайджанцы, мещеряки, туркмены, узбеки, казахи, киргизы, чуваши, ногайцы, якуты и т. д. Среди них самыми многочисленными были казахи (4,1 млн человек), проживавшие в Средней Азии, татары (3,7 млн), сосредоточившиеся в большинстве своем в Поволжье и Крыму, и башкиры (1,3 млн человек). Народов, говоривших на языках финской группы (карелы, эстонцы, лопари, мордва, остяки, зыряне и др.), насчитывалось 3,5 млн человек (2,8% населения). Они расселялись преимущественно на северо-западе, северо-востоке и юго-востоке Европейской России. Литовцев, латышей и жмуди, живших в прибалтийских и западных губерниях, было 3,1 млн человек (2,5% населения). Немцев насчитывалось 1,8 млн человек (1,4%). Значительная часть немцев-колонистов жила в западных губерниях. Картвельцы (грузины, мингрелы, имеретинцы, сваны) и народы кавказских горцев (кабардинцы, абхазы, ингуши, чеченцы, черкесы и др.) составляли 1,8% населения страны (2,4 млн человек), армяне — 0,9% населения (1,2 млн). Их исторической родиной был Кавказ. В Сибири жили буряты, якуты, татары, северные племена (чукчи, коряки, эскимосы, тунгусы, остяки, вогулы, самоеды, алеуты и др.), а на Дальнем Востоке было немало китайцев, корейцев и японцев. Основным населением Средней Азии являлись казахи, составлявшие здесь 48,9%, таджики (4,5%), туркмены (3,2%). Доля русских равнялась здесь 8,9%[38].

Многонациональный состав населения России сочетался с сложным конфессиональным составом. Православную религию исповедовали 69,4% населения страны. К ним принадлежали русские, украинцы, белорусы, грузины, румыны, а также небольшое число финских и северных народов. Это определило и распространение православных по стране: они преобладали в 50 губерниях Европейской России и в Сибири. Почти 50% составляли православные среди населения Кавказа. В Польше они проживали в основном в Люблинской и Седлецкой губерниях, а в Средней Азии — в Акмолинской и Уральской областях.

Вторую по численности конфессиональную группу населения (11,1%) составляли магометане (мусульмане). Эту религию исповедовали турецко-татарские народности и кавказские горцы. Они были сосредоточены в Среднеазиатском регионе и отчасти на Кавказе. На территории Европейской России магометане проживали преимущественно в Уфимской, Казанской, Оренбургской, Астраханской, Самарской, Пермской, Вятской и Таврической губерниях.

Значительной была в России и доля католиков (9,1 %). Ими являлись поляки и большинство литовцев, а также часть армян. Помимо Польши, католики встречались в Ковенской, Виленской, Гродненской, Волынской, Подольской, Витебской, Минской и других западных губерниях, а также в Тифлисской и Эриванской.

Иудаизм исповедовали евреи (4,2% населения). Латыши, немцы, финны принадлежали к лютеранской (протестантской) религии. Поэтому высокий процент протестантов (от 76 до 89) был в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях. Остальные вероисповедные группы были незначительны и характерны только для отдельных районов России. Так, армяне-григориане выделялись своей численностью на Кавказе, буддисты и ламаисты (монголо-буряты, китайцы, корейцы, японцы и северные народы) — в Сибири, особенно в Забайкальской и Приморской областях. В Европейской России их много встречалось в Астраханской губернии и в Донской области. Все караимы проживали в Таврической губернии. Переписью были зафиксированы также баптисты в Курляндской губернии, меннониты — в Таврической и т. д.[39]

Во время переписи 1897 г. было учтено 2,2 млн старообрядцев и сектантов. Поскольку они подвергались полицейским и судебным преследованиям, то естественно, что большинство из них скрыли свою истинную веру. Специалисты считают, что в действительности в конце XIX в. старообрядцев и сектантов в стране насчитывалось не менее 20 млн человек[40].

Перепись зафиксировала лишь формальную принадлежность населения к той или иной религии, не учитывая уровень и характер его религиозности. Несмотря на провозглашенную законом свободу любой веры, господствующей в России была Православная религия. Она поддерживалась государством. Проповедь неправославной веры не разрешалась и рассматривалась как «хула на Православие». Можно было свободно переходить из одной неправославной веры в другую, но нельзя было крещеному в православной вере уходить от православия. Православие же в России со времен Петра I распространялось не с помощью убеждения и проповеди, а посредством принуждения. Путем обмана, посулов, давления были обращены в Православие многие язычники Сибири, поволжские татары, башкиры, эстонцы, латыши и т. д. Такие лица в большинстве случаев становились православными лишь формально. Фактически же они продолжали исповедовать прежнюю веру, посещая тайком свои мечети, кирхи, костелы, молельни. Это не могло не сказаться на состоянии «первенствующей и господствующей» Православной церкви. В конце XIX — начале XX в. она переживала кризис. Наблюдался заметный упадок влияния церкви на народные массы, росла религиозная индифферентность

православных. Встречались случаи, когда население работало в воскресные дни во время церковной службы, не ходило на исповедь, сокращала плату за исполнение церковных треб (крещение, венчание и т. д.). Особенно усилилась религиозная индифферентность православных во время революции 1905—1907 гг.

Это и вынудило правительство принять 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости», в котором признавалось, что «отпадение» от Православия в другое исповедание не подлежит преследованию. С этого момента число отошедших от Православной веры непрерывно росло. В западных губерниях бывшие униаты*, «воссоединенные» в 1839 г. с Православием, стали переходить в католичество. Всего за 1905—1907 гг. из Православия в католичество перешла 171 тыс. человек. Кроме того, 36 тыс. насильственно крещенных татар и башкир вернулись в магометанство; 11 тыс. человек перешли в лютеранство. К Православию же за этот отрезок времени присоединилось менее 34 тыс. человек[41].

7. Сословия.

В российском законодательстве, начиная с Екатерины II, а затем в IX-м томе «Свода законов Российской империи», выдержавшем в XIX в. несколько изданий (первое относится к 1832 г., последнее — к 1899 г.), все население страны делилось «по различию прав» на четыре «состояния»: дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели. Вместе с тем в законодательстве, других официальных документах и в статистических материалах появляется термин «сословие». Лишь в отношении дворянства и духовенства (православного и других христианских исповеданий) термины «состояние» и «сословие» оказались идентичными. Городские обыватели делились на сословия почетных граждан, купцов, мещан, цеховых ремесленников, а сельские обыватели включали сословия крестьян, казаков и инородцев.

Не касаясь дискуссионного вопроса о времени возникновения сословий, отметим, что оформление сословной структуры в том виде, в каком

* Униатская церковь — церковь на Украине и в Белоруссии, созданная в результате Брестской унии 1596 г. По этой унии Православная церковь Украины и Белоруссии, находившихся тогда в составе Речи Посполитой, должна была признать главенство римского папы и основные догматы католической церкви. В 1839 г. на территории России по решению Собора в Полоцке уния была упразднена, но в Западной Украине униатская церковь сохранилась.

она дошла до начала XX столетия, произошло в основном в конце XVIII — первой трети XIX в. В ходе этого процесса существовавшие в обществе различные группы и слои населения, которые выполняли определенные социальные функции в рамках общественного разделения труда и деления общества на управителей и управляемых, получили оформленные законом различные для этих групп личные, имущественные и общественные права и обязанности, которые передавались по наследству (хотя и не у всех сословий). В XVIII в. законодательно оформляются сословия дворян, духовенства, купцов, мещан, цеховых ремесленников и в известной мере крестьян. При Екатерине II сословное начало было положено в основу всего местного управления и судопроизводства и тем самым получило общегосударственное значение. В первой трети XIX в. сословный строй получает дальнейшее развитие применительно ко всем сословиям. Кроме того, складываются три новых сословия: почетных граждан, казачье сословие и сословие инородцев. Последнее включало в себя оседлые, кочевые и бродячие племена (преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые отличались низким уровнем социального и экономического развития и своеобразным строем жизни) и евреев.

Сословное общество представляло собой иерархическую систему соподчиненности одних групп населения другим и подчиненности их всех самодержавному государству, которое регламентировало все стороны жизни общества. Эволюция сословного строя, как хорошо показано в новейших исследованиях, была неразрывно связана с процессами развития личности, семьи, общества, государства и права[42]. Сословия делились на привилегированные (дворянство, духовенство, почетные граждане, купцы) и непривилегированные (крестьяне, мещане, ремесленники, казаки, инородцы). Первые освобождались от уплаты личных податей, рекрутской повинности, телесных наказаний. Вторые, напротив, платили подушную подать (за исключением казаков), несли рекрутскую повинность (за исключением инородцев и служивших в особых иррегулярных войсках казаков), могли подвергаться телесным наказаниям. Дворянство в течение многих десятилетий занимало большинство должностей в органах государственного и местного управления, в армии, дипломатическом корпусе. Обособленную, наследственную касту представляло духовенство. В условиях подчинения Церкви государству с начала XVIII в. Православное духовенство, помимо чисто религиозных, выполняло и ряд идеологических и даже административных (ведение метрических книг) функций и осуществляло определенный контроль за нравственностью и образом мышления своих прихожан. Купцы, уплачивая гильдейский сбор, приобретали исключительные права на крупную торговлю и промышлен-

ность. Лица, сохранившие купеческое звание в течение 10—12 лет, получившие звания коммерции-советников и мануфактур-советников, а также их дети переходили в сословие почетных граждан. Сюда же попадали дети личных дворян, духовенства, выпускники университетов и других высших учебных заведений, а также представители свободных профессий — ученые, художники, артисты и т. д. Если крестьяне обязаны были заниматься сельскохозяйственным трудом, то мещане «кормились» в городе посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла, причем лишь записанные в цехи ремесленники могли производить изделия на продажу.

В свою очередь, каждое из сословий было неоднородным. Дворяне и почетные граждане делились на потомственных и личных. В определенной мере отличалось правовое положение духовенства православного и духовных лиц других христианских исповеданий (нехристианское духовенство не входило в сословие). Купцы состояли из трех (с 1863 г.— двух) гильдий, крестьяне до 1861 г.— из крепостных и свободных и т. д. Указанная сословная градация, однако, не исчерпывала всех различающихся между собой по правовому статусу групп российского населения. Как сообщалось Центральным статистическим комитетом МВД, по существующему законодательству на 1858 г. в стране существовало 68 сословных групп, 46 из которых относились к сельским жителям[43]. В их числе были, например, такие различавшиеся между собой категории крестьян, как государственные, удельные, церковные, посессионные (приписанные к заводам), казаки, однодворцы (бывшие служилые люди, селившиеся, как правило, «одним двором» на восточных и южных границах Московского государства для их защиты), колонисты, чиншевики (крестьяне западных окраин России, получавшие земли за военную службу или повинности на «праве вечного пользования»), царане (бессарабские крестьяне) и многие другие. К сословиям следует добавить еще разночинцев, которые включали людей, находившихся в неопределенном положении и обязанных через какое-то время приписаться к одному из сословий.

Слабая унификация сословных групп и их длительное сохранение в России являлись важными отличиями ее социального строя от социального строя стран Западной Европы. Еще одна отличительная черта заключалась в отсутствии в России «третьего сословия» в том виде, как оно сложилось на Западе,— сословия свободных граждан свободных городов. Неоднократные попытки правительственных чиновников причислить к нему почетных граждан, разночинцев или создать особое «среднее» сословие оставались жалкими паллиативами, ибо ничего не меняли ни в положении этих слоев населения, ни в экономическом и политическом статусе самих городов.

Из всех сословий лишь дворяне имели «вольность и свободу» от государственной службы и свободу передвижения вплоть до выезда за границу. Однако и они в случае необходимости обязаны были «по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной»[44]. Купцы, ремесленники, мещане были в большей или меньшей степени зависимыми людьми, предпринимательская деятельность которых регламентировалась законом. Наиболее же бесправным являлось крестьянство, особенно крепостное, хотя различные категории свободного сельского населения тоже в известной мере были прикреплены к общине и земле. Сословные корпоративные организации (дворян, купцов, мещан, ремесленников) и общинные организации (крестьян, инородцев) наблюдали за своими членами, за тем, как они выполняют свои обязанности, соблюдают этические нормы и т. д.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходили два разнонаправленных процесса: с одной стороны, шла унификация сословий, их известное укрепление и сплочение, с другой — быстро прогрессировало разложение сословного строя. Унификация и сплочение сословий касались прежде всего дворянства и крестьянства. Крупный знаток крестьянского права в России А. А. Леонтьев в своей книге, вышедшей в 1909 г., писал, что крестьянство как единое сословие сложилось лишь к концу XIX в. Он основывался на том, что именно в это время различные категории крестьян (владельческие, государственные и др.) уравниваются в своих юридических правах, хотя и сохраняется различие между ними в землевладении и землепользовании[45]. Целый ряд законодательных актов конца XIX в. способствовал сословному обособлению крестьян: правила от 12 июля 1889 г. о волостном суде, носившем сословный характер, правила 1893 г. о приписке к волостям помимо обществ (без получения права на надел), положение от 3 июня 1894 г. о видах на жительство, которое суживало свободу передвижения крестьян.

Одновременно происходило укрепление дворянского сословия. 25 мая 1899 г. дворяне получили право учреждать временно-заповедные имения, которые не могли отчуждаться, дробиться и должны были передаваться по наследству одному из детей. Располагая в XVIII и XIX вв. дворянским самоуправлением и корпоративной организацией на уровне губерний, дворянство долго не имело общероссийской корпоративной организации. Такую организацию поместное дворянство создало лишь в мае 1906 г. в виде «Объединенного дворянства» и ее постоянного исполнительного и распорядительного органа — Совета объединенного дворянства. С 1906 по 1917 г. было проведено 12 съездов «Объединенного дворянства»[46].

Духовное сословие, включавшее в себя белое и черное (монашествующее) духовенство, в результате церковных реформ 60—70-х гг. XIX в. (касавшихся прежде всего православного духовенства) было освобождено от обязательной наследственной службы: дети священников получили права потомственных и личных почетных граждан, доступ к светскому образованию, возможность поступления на государственную службу без прежних ограничений. Расширились также права священно- и церковнослужителей[47]. Однако устойчивость этого сословия и в конце XIX — начале XX в. обусловливал целый ряд факторов: фактическое преобладание наследственности духовного звания, учет при составлении законов, касающихся духовенства, не только государственных интересов, но и канонического, церковного права, что способствовало сохранению привилегий духовенства (освобождение от военной службы, ряда налогов и натуральных повинностей и др.) и одновременно ограничению их прав (не разрешалось, например, выбирать промысловые свидетельства, быть ходатаями и поверенными по чужим делам и т. п.). Сказывалось и то, что принадлежность к сословию духовенства связывалась обязательно со службой в духовном ведомстве. Вместе с тем деятельность духовных лиц протекала в рамках церквей, монастырей, архиерейских домов, что ограничивало индивидуализацию их прав.

В конце XIX в. в МВД был составлен проект, предусматривавший ликвидацию ремесленных, мещанских и купеческих обществ в связи с тем, что проведенное обследование показало формальный характер существования многих из них. Вместо трех предполагалось создать одно «городское сословие»[48]. Однако и в начале XX в. этот вопрос так и не был решен. Во многих городах сохранялись ремесленные цехи и сословие вечно-цеховых ремесленников. Крупное купечество обеспечивало себе наследственное пребывание в привилегированном положении, переходя в сословие почетных граждан. В то же время число лиц купеческого звания увеличилось с 1897 по 1911—1912 гг. особенно в западных и южных губерниях. В известной мере это было связано с тем, что для крестьян и мещан переход в купеческое сословие не только освобождал от телесных наказаний, но и давал право на свободу передвижения, а также на обладание бессрочными паспортными книжками. Лицам еврейской национальности получение купеческих свидетельств давало право на жительство вне черты оседлости.

Целый ряд законоположений 80—90-х годов XIX в. был направлен на укрепление сословного начала у казачества[49]. И хотя правительство принимало меры по ограничению общественного самоуправления казаков и

распространению на казачьи войска общеармейских порядков, процесс уравнения казаков с другими сословиями шел медленно. Вопрос о снятии с казаков правовых ограничений, о распространении на них закона 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки и указа 5 октября 1906 г. о расширении прав сельских обывателей был поставлен казачьей группой IV Государственной Думы лишь в июне 1916 г. Однако многие наказные атаманы высказались против уравнения казаков в правах с крестьянами, видя в этом угрозу самому существованию казачества[50].

Наряду с этим целый ряд факторов способствовал постепенному стиранию сословных различий. Важнейшими из них были: отмена крепостного права и другие реформы 1860—1870-х гг., отмена подушной подати и введение государственного поземельного налога и налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках; введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., которой подлежало теперь все мужское население с 20-летнего возраста, включая дворян (за исключением лиц духовного звания и инородцев); законы 1863 и 1865 гг., предоставлявшие свободу торгово-промышленной деятельности, и особенно «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 г., разрешавшее лицам, которые выбрали промысловые свидетельства, вне зависимости от их сословной принадлежности, заниматься торговлей и промышленностью, и другие акты. Целая система мер, направленных на ликвидацию сословности, была осуществлена накануне и в ходе революции 1905—1907 гг.

Так, по закону от 12 марта 1903 г. была отменена круговая порука для большей части крестьян, а согласно манифесту от 11 августа 1904 г. окончательно отменены телесные наказания. Провозглашение манифестом 17 октября 1905 г. «гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», создание законодательной Государственной Думы и предоставление избирательных прав всем «классам населения»[51] было значительным шагом от сословного к гражданскому обществу. Согласно высочайшему указу от 5 октября 1906 г., были смягчены стеснения, связанные с выходом из сельского общества (хотя сама приписка к обществу, как один из показателей сословности, еще оставалась), сняты паспортные ограничения для крестьян и мещан (хотя в реальной жизни они продолжали существовать). С 1907 г. были отменены выкупные платежи как специфическая форма налогового обложения крестьян. Активно обсуждался, хотя так и не был решен, вопрос о всесословном волостном управлении.

И все-таки сословный строй продолжал существовать, ибо налицо был ряд законодательно оформленных специфических прав и обязанностей сословий, закрепленных за ними социальных функций, сохранялись со-

словные организации и сословное самоуправление, сословное начало в местном управлении в отношении крестьян и т. д. Даже при выборах в Государственную Думу имущественный принцип сочетался с сословным. Сословия и гражданские чины были отменены только в советской России по декрету СНК и ВЦИК от 11(24) ноября 1917 г.

Сословная структура российского общества наиболее полно представлена в материалах переписи населения 1897 г. Они показывают, что 77,1% жителей приходилось на крестьянское сословие. С учетом войсковых казаков (2,3%) и инородцев (6,6%) лица «сельского состояния» составляли 86% населения страны. Удельный вес мещан (включая ремесленников) равнялся 10,7%. Значительно уступали им два других городских сословия — купцы (0,2%) и почетные граждане (0,3%). Потомственных дворян с семьями насчитывалось немногим более 1,2 млн человек (0,97% всего населения), дворян личных, чиновников не из дворян и членов их семей было вдвое меньше (0,5%). Почти полпроцента населения (0,47%) приходилось также на лиц духовного звания всех христианских исповеданий и членов их семей[52].

В начале XX в. соотношение привилегированных и непривилегированных сословий почти не менялось. Происходили лишь некоторые сословные перемещения главным образом внутри этих двух групп: некоторые купцы получали дворянство или становились почетными гражданами, крестьяне переходили в мещане, а само крестьянское сословие пополнялось за счет оседлых инородцев. Существенно возрос только удельный вес почетных граждан (за счет расширения круга лиц, которых стали к ним причислять), а также разночинцев и людей, не определивших свою сословную принадлежность.

В единую сословную структуру российского общества было включено, наряду с русским, и большинство нерусских народов России (за исключением тех, кто входил в особое сословие инородцев). Так, русскоязычные (в материалах переписи к ним отнесены лица, говорившие на великорусском, украинском и белорусском языках), которых среди населения империи было 66,8%, составляли 95,9% среди казаков, 89,1% среди христианского духовенства, 82,4% среди почетных граждан, 81% среди личных дворян и чиновников не из дворян и 74,7% среди крестьян. Таким образом, русскоязычное население в большей мере, чем остальное, служило в казачьих войсках, обслуживало религиозный культ, участвовало в государственном управлении и занималось сельским хозяйством. Иным было положение в других сословиях. Среди купцов русскоязычные составляли лишь 60,5%, 25,5% приходилось на евреев, 4,2% — на немцев. В числе мещан русскоязычных было еще меньше — 46,3%, евреи составляли 35,6%,

поляки — 9%. Заметим, что все эти показатели превышали долю указанных народов в общей массе населения страны.

Любопытен национальный состав потомственных дворян. Еще в XVIII — начале XIX в. права русских дворян были распространены на служилое сословие ряда национальных районов России. В результате в конце XIX в. русскоязычных среди потомственных дворян было всего немногим более половины (52,6%), 28,8% приходилось на поляков, 5,8% — на грузин, 5,3% — на татар, что также превосходило долю этих национальных групп в общей численности населения. Таким образом, в составе высшего сословия, а также сословий, прямо связанных с торговлей и промышленностью, представители нерусских народов занимали видное место, превосходя их долю в общей численности населения империи. Согласно существующему мнению, непривилегированные слои общества (в том числе национальные и религиозные меньшинства) стремились компенсировать свое неполноправие активным участием в предпринимательской деятельности, получением образования и т. п., используя для этого поддержку своих корпоративных организаций[53].

Еще более разительным было отличие сословий по уровню грамотности и образования. Среди дворян грамотные составляли 71,1% (вычет детей дошкольного возраста даст еще более высокий уровень грамотности), в университетах и других высших учебных заведениях училось 5,3%, а в средних учебных заведениях — 26,7%. Среди духовенства грамотных было 72,3%, высшие учебные заведения окончил 1%, а средние — 34,5%. По сравнению с этими сословиями городские сословия показывают резкое падение уровня грамотности — до 40,8%. Это происходило за счет мещан, в то время как среди почетных граждан и купцов грамотные составляли, как правило, около 80%. Доля учившихся в средних учебных заведениях у городских сословий составляла только 2,8%, а в высших — 0,2%. Среди лиц сельского состояния грамотных оказалось всего 18,5%, высшее образование имели 0,003%, а среднее — 0,1%. При этом более высокой грамотностью отличались казаки, которые по этому показателю стояли примерно на уровне городских сословий. Обязательная военная служба повышала потребность в образовании у казаков. Этому способствовал и более высокий уровень благосостояния казачества по сравнению с крестьянством, а также политика руководителей казачьих войск, направленная на то, чтобы дать образование детям. Наконец, самую низкую грамотность (2,8%) имели инородцы[54]. Таким образом, исключительно низкий уровень грамотности населения России, среди которого 78,9% не умели даже читать и писать, был результатом почти поголовной безграмотности наиболее многочисленного крестьянского сословия.

Данные переписи 1897 г. о национальном составе, грамотности и образовании различных сословий, их семейном положении и др. свидетельствуют о том, что в результате длительного существования к концу XIX в. сословия сложились в устойчивые специфические образования, отличавшиеся различным уровнем социального развития, правовой и внутренней свободы. Наиболее свободно во всех отношениях (в смысле передвижения, избрания рода деятельности, получения образования, в семейном отношении и т. д.) чувствовали себя дворяне, но их было всего 1,5% населения. Наименьшей свободой располагали крестьяне, составлявшие большинство жителей России.

8. Социальная структура.

Социальную структуру населения в отличии от юридически-сословных определяют экономические признаки. Поэтому для характеристики социальной структуры приходится использовать комплекс источников, в которых содержатся те или иные экономические показатели. Начать, однако, целесообразно с анализа сведений о главных занятиях, или профессиональном составе населения, во-первых, потому, что они носят наиболее массовый характер (ибо содержатся в материалах переписи 1897 г.), а во-вторых, поскольку эти сведения отражают как сословную, так и социальную структуру российского общества и являются связующим звеном между ними.

Табл. 1 показывает, что большинство российских жителей — 93,7 млн человек, или 76,5% всего населения, имеющего определенные занятия, жило за счет сельского хозяйства. По этому показателю Россия опережала все основные европейские страны (например, аналогичный показатель в Германии — 37,3%, в Австрии — 55,5% и США — 35,9%).

Доля лиц, существующих российской торговлей и транспортом (5,7%), была меньше, чем в других странах, но все же приближалась к некоторым из них (в Германии — 11,7%, в Австрии — 7,6%). Гораздо больше был разрыв в удельном весе населения, связанного с добывающей и обрабатывающей промышленностью: в России — 10%, в то время как в Германии — 41,1%, а в Австрии — 27,8%[55], что объяснялось слабым промышленным развитием нашей страны.

Доля населения, занятого непромысловой деятельностью, была в России небольшой — всего 7,8% по отношению к лицам, имеющим определенные занятия. При этом по сравнению с другими странами России принадлежало последнее место по занятости жителей во всех группах профессий, связанных с образованием, медициной, наукой, искусством и да-

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ГЛАВНЫМ ЗАНЯТИЯМ В 1897 г.*

№	Отрасль хозяйства или вид деятельности	Самостоятельные и члены семей	
		млн человек	%
	Лица, имеющие определенные занятия		
1	Сельское хозяйство, лесоводство и охота	93,7	76,5
2	Обрабатывающая, горная промышленность и ремесла	12,3	10,0
3	Транспорт и связь	1,9	1,6
4	Торговля	5,0	4,1
5	Администрация, суд, полиция, сословная и общественная служба	0,9	0,7
6	Военная служба	1,2	1,0
7	Религия	0,8	0,7
8	Образование	0,4	0,3
9	Медицина	0,3	0,25
10	Наука и искусство	0,1	0,15
11	Деятельность и служба частная, поденщики и прислуга	5,8	4,7
	Всего 1—11 группы	122,4	100
	Лица, не имеющие определенных занятий		
12	Живущие доходами с капитала, недвижимых имуществ или на средства родителей	1,5	46,9
13	Живущие за счет казны, общественных и частных лиц	0,8	25,0
14	Лишенные свободы, проститутки, неопределенные занятия	0,9	28,1
	Всего 12—14 группы	3,2	100
Итого: 1—14 группы		125,6	—

* Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. II. Табл. XXI. С. 296.

же государственной службой, за исключением двух групп — «военная служба» и особенно «религия». Россия уступала другим странам и по удельному весу самостоятельного населения (26,4%), что было связано с большой долей детей в составе жителей.

Что касается населения, не имеющего определенных занятий, то в России значительно меньшую долю, чем в западных странах, составляли в его составе лица, обеспеченные доходом или пенсией (46,9%, в то время как в Германии — 71,1%, в Австрии — 67,7%), и относительно бóльшую — люди, живущие на вспомоществование от государства и частных лиц (25,0%, в Германии 8%, в Австрии — 4,4%). Специалисты считают такое положение показателем низкого уровня благосостояния населения[56].

Основными признаками, по которым можно отнести данную группу лиц к определенному социальному классу или слою, являются размер дохода и положение в хозяйстве (на производстве), а также размер собственности — земли, предприятия и т. п. Сведения о доходах российского населения содержатся в статистических публикациях, составленных Департаментом окладных сборов и кредитной канцелярией Министерства финансов в 1904 и 1909 гг. в процессе подготовки к введению в России подоходного налога[57]. Подоходный налог предполагалось брать с лиц, получавших в год не менее 1 тыс. руб. чистого дохода. Считалось, что лица, имеющие доход менее 1 тыс. руб. в год, способны были только содержать себя и не могли платить подоходный налог. В этой последней категории лиц оказались все крестьяне, имевшие надельные земли, мелкие земельные собственники, в том числе среднее крестьянство, большая часть служащих, мелкие торговцы, рабочие. Число плательщиков подоходного налога на 1904 г. предполагалось равным 404,7 тыс. человек, а на 1909 г. (при «более основательном» обследовании) — 696,7 тыс. Определить удельный вес налогоплательщиков в составе населения достаточно сложно, поскольку в число облагаемых налогом включались не только физические, но и юридические лица, в частности торговые дома, акционерные общества и др. Однако очевидно, что этот удельный вес был крайне мал, составляя не более 3% по отношению к самодеятельному населению, учтенному переписью 1897 г.

В числе налогоплательщиков оказались владельцы торгово-промышленных предприятий (составлявших 20,7% всех, кто должен был платить налог), земли (14,8%), городского недвижимого имущества (14,3%), денежных капиталов (13,6%), а также люди, получающие доход от личного труда (36,6%) — высшие служащие государственных и общественных учреждений, торгово-промышленных предприятий и лица «свободных профессий». При этом доход от 1 до 5 тыс. руб. в год имели примерно от 80% (в 1904 г.) до 90% (в 1909 г.); от 5 до 20 тыс. руб. — соответственно 17,5 и 8,5%; от 20 до 50 тыс. руб. — 2,5%; более высокий — 1,5% налогоплательщиков. Таким образом, в России не только был зафиксирован исключительно малый процент имущего населения, но в его составе абсолютное

большинство приходилось на лиц, имевших доход до 5 тыс. руб. в год (почти половину их составляли занятые личным трудом).

О дифференциации торгово-промышленного населения России по размерам имеющихся у него предприятий свидетельствует статистика промыслового налога на 1912 г.[58] Последний зависел от величины торговых предприятий, которые подразделялись на 5 разрядов, и промышленных заведений — на 8 разрядов. Из общего числа 1 409 081 промысловых свидетельств, выбранных на торговые и промышленные заведения, 86,9% приходилось на торговые и только 13,1% — на промышленные предприятия. В свою очередь, среди торговых предприятий большинство — 82,1% являлись заведениями III и IV разрядов с незначительным оборотом. Оптовые склады и крупные магазины (I, II разряды торговых заведений) составляли всего 15,4% торговых заведений. Из промышленных предприятий 84,9% приходилось на ремесленные заведения (VI—VIII разряды), 14,4% — на предприятия средних размеров (III—V разряды) и лишь 0,7% — на крупные и крупнейшие предприятия I и II разрядов. Из тех, кто выбрал 330 639 свидетельств на личные промысловые занятия, 57,4% работали в мелких ремесленных заведениях (VII разряда) и 40,6% — в заведениях V разряда (видимо, в мелкой разносной торговле). Таким образом, в составе торгово-промышленного класса, с одной стороны, торговцы многократно преобладали над промышленниками (что было результатом начального этапа капиталистического развития, когда торговля давала более быстрый и весомый финансовый результат, чем промышленность), а с другой — абсолютное большинство составляли мелкие торговцы и промышленники. Слой крупных и средних предпринимателей был невелик.

Среди единоличных владельцев фабрично-заводских предприятий Европейской России, учтенных при проведении промышленной переписи 1900 г., наиболее крупный отряд (26,9%) составляли выходцы из купеческого сословия. Дворяне давали 19,4% владельцев фабрично-заводских предприятий, мещане — 12,6%, крестьяне — 9%, почетные граждане — 4,5%, иностранные подданные — 3,3%, лица свободных профессий — 1,9%, чиновники — 1,1%, прочие (евреи и др.) — 21,3%. При этом в составе великорусской буржуазии Центральной России лидировало купечество, среди предпринимателей Западного, Юго-Западного и Прибалтийского районов более видную роль играло дворянство, а среди польской буржуазии — выходцы из мещан[59].

В отличие от буржуазии основным источником пополнения рабочего класса повсеместно являлось крестьянство. Численность рабочих в России была сравнительно невелика, хотя и быстро росла. В 1900 г. она составляла 12,1 млн человек, а в 1913 г. — 18,2 млн человек[60]. При этом боль-

шая часть рабочих, вышедших из крестьян, не порывала связи с деревней, с землей и пролетариатом в чистом виде не являлась. «Чистые» пролетарии работали главным образом в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности, составляя в ней значительную часть. Однако доля фабрично-заводских рабочих в общей массе наемных рабочих страны была невелика: по данным на 1913 г., она равнялась всего 13,5%, а вместе с рабочими горных, горнозаводских предприятий и транспорта — 21,5%. Но и среди них было немало рабочих в первом поколении. По материалам промышленной и профессиональной переписи 1918 г., 31,3% учтенных фабрично-заводских рабочих имели землю, а вели хозяйство с помощью членов семьи 20,9% рабочих. Если же взять рабочих мелкой промышленности (составлявших 16,5% рабочего класса), строительных (8,3%), чернорабочих (18,1%), не говоря уже о занятых в сельском хозяйстве (35,6% всего рабочего класса страны), то большинство их было связано с землей[61]. Таким образом, значительную часть рабочего класса составляли рабочие-крестьяне или лица, приближающиеся по своему положению к полупролетарским слоям населения.

Источники позволяют определить и соотношение различных групп сельского населения по признаку владения землей, скотом и пр. Материалы по Европейской России за 1905 г.[62] дают представление о распределении землевладельцев по группам в соответствии с размерами участков земли, находящейся в частной собственности (61,9% земли принадлежало дворянам, 15,4% — крестьянам, 15% — купцам и почетным гражданам, остальные 7,7% — другим сословиям). В первой группе, включавшей 54,4% всех владений, средний размер владения составлял 3,9 дес. Это были в основном владения беднейших, полупролетарских слоев крестьянства. Вторая группа, объединявшая 27,8% владений, имела в среднем на одно владение 23,4 дес. и охватывала преимущественно среднее крестьянство. В третьей группе средний размер владения составлял 163,3 дес. На нее приходилось 14,1% владений зажиточных крестьян, а также купцов и дворян. Наконец, латифундии размером свыше 500 дес. (в среднем на одно владение 2227 дес.) принадлежали в основном дворянам, а также купцам. Они составляли всего 3,7% владений личных собственников, но сосредоточивали 72,2% земли. Распределение же надельной земли в 1905 г. в Европейской России по размерам владений было таково: 82,3% крестьянских дворов, имевших надельную землю (группы первая до 8 дес. и вторая — от 8 до 15 дес. на двор) относились к беднейшим и полупролетарским слоям, 12,7% (15—30 дес. на двор) — к среднему крестьянству и всего 5% — к зажиточным хозяевам[63]. По данным военно-конской переписи 1912 г., в 78 губерниях России безлошадные крестьянские дворы состав-

ляли 32,2%, однолошадные — 30,4%, двухлошадные — 20,2%, дворы с тремя лошадьми — всего 7,7%, а с четырьмя и более лошадьми — 9,5% всех крестьянских дворов[64]. Считается, что безлошадные и однолошадные крестьяне (дворы которых, как показано выше, составляли 62,6% крестьянских дворов) в большинстве своем не могли обходиться доходами от собственного земледельческого хозяйства и пополняли свой бюджет продажей рабочей силы. В то же время большинство хозяйств с четырьмя и более лошадьми нанимало батраков, эксплуатировало труд деревенской бедноты[65].

Если складывающиеся классы нового, капиталистического общества несли на себе печать сословности, то тем более это относится к вышедшим из старого феодального общества поместному дворянству и крестьянству. Одновременно в условиях развития товарного хозяйства шел процесс дифференциации этих сословий. Несмотря на утрату дворянством к началу XX в. значительной части своих земель, оно сохраняло за собой огромные латифундии. При этом по характеру использования земли и способам ведения хозяйства выделялись три типа помещиков. Одни из них вели хозяйство с помощью собственных, современных по тому времени сельскохозяйственных машин и орудий, используя новые приемы агротехники и наемный труд, т. е. фактически перешли на капиталистические отношения. Другие хозяева сдавали большую часть земли в аренду, которая носила капиталистический характер. Подобные виды хозяйствования были распространены в западных и юго-западных районах. Третья группа помещиков сохраняла старые приемы обработки земли, прибегая к «отработкам» крестьян, использовавших свой скот и инвентарь, т. е. применяла полукрепостнические методы эксплуатации. Для этих хозяйств была характерна также раздача земель крупного владения в мелкую крестьянскую краткосрочную аренду. Подобные отношения складывались, например, в Центрально-черноземном районе[66].

Крестьянство — самый многочисленный слой российского населения — в наибольшей степени было связано сословными ограничениями. Это обстоятельство сдерживало, но не могло остановить начавшийся после отмены крепостного права процесс превращения крестьян в самостоятельных хозяев. Одновременно происходила социальная дифференциация крестьянства. Однако широко распространенное в советской историографии положение о том, что в России крестьянство в условиях товарного производства и обмена превратилось фактически полностью в мелкую буржуазию, которая в свою очередь расслаивалась на хозяев-буржуа и пролетариев, в последнее время активно пересматривается как в теорети-

ческом, так и конкретно-историческом плане. В введенных в научный оборот работах А. В. Чаянова, исследованиях современных российских востоковедов и зарубежных историков[67] крестьянство рассматривается как особый элемент социальной структуры, основу которого составляло трудовое семейное крестьянское хозяйство. В соответствии со своей природой, утверждают ученые, крестьянство постоянно развивается не только под влиянием извне, но и по своим собственным внутренним законам, сохраняя вместе с тем свою сущностную природу.

Отчетливо выраженное имущественное неравенство российских крестьян в конце XIX — начале XX в. не означало еще их столь же глубокой социальной дифференциации. Хотя определенная часть крестьян действительно превращалась в сельских капиталистов-кулаков (по уточненным данным, основанным на материалах военно-конских переписей, в конце XIX в. удельный вес хозяйств, находящихся на разных стадиях обуржуазивания, не превышал 11,4%[68]), другая, несравненно более многочисленная часть крестьян оказывалась в пролетарском положении, но основная масса крестьянства сочетала собственническое и трудовое начало и вела индивидуальное хозяйство с помощью членов своей семьи. Для поддержания таких хозяйств занятия сельскохозяйственным трудом сочетались нередко с промыслами, в том числе и отхожими. По данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., более 20% крестьянских хозяйств Европейской России занимались промыслами[69]. Сущность этих крестьянских хозяйств не менялась ни от продажи части продуктов на рынке, ни от использования наемной рабочей силы, ибо в них или речь вообще не шла о получении прибыли, или при получении прибыли семейный труд преобладал над наемным. По своей социально-экономической сущности указанные хозяйства являлись мелкотоварно-потребительскими или мелкотоварно-предпринимательскими, но не капиталистическими. Их эволюция в условиях рыночной экономики вовсе не ограничивалась расслоением крестьянства на пролетариат и буржуазию, «раскрестьяниванием». Напротив, индивидуальное крестьянское хозяйство проявляло завидную устойчивость и могло быть сохранено в результате развития различных форм кооперации[70].

В то время как сословная структура российского общества имела тенденцию к унификации и постепенному отмиранию, социальная структура населения России в конце XIX — начале XX в. становилась все более дробной. Это было результатом складывания новых классов капиталистического общества и незавершенности этого процесса. В итоге можно сказать, что в России на рубеже веков существовало сословно-классовое об-

щество переходного — от традиционного, аграрного, к капиталистическому, индустриальному — типа. При этом дифференциация населения по уровню доходов и размеру собственности свидетельствует о том, что в отличие от других стран, где значительным по численности являлся средний класс населения, который и обеспечивал в первую очередь социальную стабильность, в России средние слои населения были малочисленны: незначителен был слой средней промышленной и торговой буржуазии, узок слой зажиточных сельских хозяев, сравнительно немного было служащих, интеллигенции, «рабочей аристократии».

Особенностью социальной структуры России была ее поляризация: при незначительном удельном весе крупной буржуазии и помещиков преобладающую часть населения составляли бедные мелкие хозяева и полупролетарские слои (согласно имеющимся подсчетам, на них приходилось около 60%, а с учетом рабочего класса — почти 80% населения[71]). При этом высоким был удельный вес переходных, маргинальных слоев населения, социальное положение которых было неустойчивым, а материальное — необеспеченным. Это способствовало крайнему обострению социальных противоречий в стране.

Основные исторические и экономические закономерности развития были в России такими же, как в других западных странах. Однако, как мы уже видели, Россия существенно отличалась от них по своему географическому положению, размерам территории, природно-климатическим условиям, демографическим процессам, социальной структуре, а также по многим другим параметрам, которые еще предстоит проанализировать в дальнейшем изложении.

Примечания

[1] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. СПб., 1912. С. 26.

[2] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. (далее — Общий свод.) СПб., 1905. Т. 1. С. 1.

[3] Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 57; *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 66, 81.

[4] См.: *Кабузан В. М.* О достоверности учета населения России (1858—1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. 1981 г. М., 1982. С. 112, 113, 116.

[5] См.: *Сифман Р. И.* Указ. соч. С. 76, 79.

[6] *Оболенский В. В.* (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 83.

[7] См.: *Вольф М. Б., Клупт В. С.* Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира. М.—Л., 1934. С. 48—49.

[8] См.: Общий свод. Т. 1. С. XII.

[9] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под общим руководством П. П. Семенова. Т. 1. СПб., 1899. С. 108.

[10] Общий свод. Т. 1. С. XII—XIII, 216—221.

[11] *Рубакин Н. А.* Указ. соч. С. 41—42.

[12] *Анциферов А. Н.* Динамика населения. Харьков, 1910. С. 24.

[13] *Курдов К. М.* Отечествоведение. Россия сравнительно с главнейшими государствами мира. М., 1912. С. 56.

[14] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Пг., 1916. Ч. 2. С. 44, 53.

[15] Там же. С. 21; Общий свод. Т. 1. Прилож. 2. С. 4 (вторая пагинация).

[16] См.: *Менделеев Д.* К познанию России. СПб., 1912. С. 30; *Новосельский С. А.* Указ. соч. С. 25.

[17] Общий свод. Т. 1. Прилож. 1. С. 2 (вторая пагинация); Ежегодник России 1905. СПб., 1906. С. 67.

[18] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. I. Население. С. 28.

[19] *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4—5. С. 51.

[20] Ежегодник России. 1905. С. 70; Статистический ежегодник России. 1914 г. С. 61.

[21] Общий свод. Т. I. Прилож. 3. С. 6 (вторая пагинация).

[22] Подсчитано по: Общий свод. Т. I. С. 84.

[23] Цит. по: *Тихонов Б. В.* Переселения России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 119—120.

[24] См.: *Галлямова Л. М.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX—начале XX в. Автореферат ... д. и. н. Владивосток, 1998. С. 30.

[25] *Васильев Б. Н.* К характеристике формирования пролетариата в России // Ученые записки Шахтинского государственного педагогического института. Шахты, 1957. Т. 2. Вып. 2. С. 246.

[26] См.: *Тихонов Б. В.* Указ. соч. С. 66.

[27] *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 35.

[28] *Оболенский В. В.* Указ. соч. С. 85.

[29] Там же. С. 86.

[30] *Кауфман А. А.* Указ. соч. С. 36.

[31] Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914. Отд. II; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 24.

[32] *Оболенский В. В.* Указ. соч. С. 6.

[33] Там же. С. 19, 22.

[34] Там же. С. 106, 107. Вопросы эмиграции и реэмиграции в России подробно рассмотрены в недавно вышедшей монографии В. М. Кабузана «Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века». М., 1998.

[35] *Рубакин Н. А.* Указ. соч. С. 37.

[36] Общий свод. Т. 2. С. 2—19.

[37] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. I. С. 98—99.

[38] Подсчитано по: Общий свод. Т. 2. VI—XXXII. С. 2—19.

[39] Общий свод. Т. 2. С. XXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 6. СПб., 1905. С. 1—60.

[40] *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 17; Рубакин Н. А. Указ.соч. С. 77.

[41] Народный календарь. Год 1912. СПб., 1911. С. 64; Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 397—398.

[42] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1—2. СПб., 1999.

[43] Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1869. С. 261—264.

[44] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 22. № 16187. Ст. 20.

[45] *Леонтьев А. А.* Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909. С. 39—40.

[46] См.: Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1—2. М., 2001.

[47] См.: *Руновский Н.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898; *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860—1870-х годов). М., 1999; *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 1999.

[48] РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 155, 178, 179; Московские ведомости. 30 октября, 1 декабря 1899 г.; Русские ведомости. 3 декабря 1899 г.; Новое время. 24 декабря 1899 г.

[49] См.: *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

[50] Справочный листок Государственной Думы (Созыв IV. Сессия IV). СПб., 1916. № 113. 18 июня/1 июля. С. 3—4; РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 14111. Лл. 34—34 об., 39—40, 54—54 об., 61.

[51] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. Отд. I. № 26803.

[52] Подсчитано по: Общий свод. Т. I. С. XIII.

[53] *Писемский В. А., Калашников Ю. Н.* Православие и духовный тип российского предпринимателя // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. С. 345.

[54] Общий свод. Т. I. С. XIX, 190—195.

[55] *Швиттау Г. Г.* Профессия и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. СПб., 1909. С. 307, 308, 309.

[56] Там же. С. 145.

[57] Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. VI, XIV, XIX, XXV, XXXVII, XXXIX; Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909—1910 гг. СПб., 1910. С. II.

[58] Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий за 1912 г. Пг., 1915. С. IV.

[59] См.: *Шацилло М. К.* К вопросу о социальной структуре российской буржуазии конца XIX в. // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. М., 1992. Ч. 1. С. 144—156.

[60] Рабочий класс России 1907 — февраль 1917. М., 1982. С. 42.

[61] Там же. С. 39, 42, 61—65.

[62] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 78, 129.

[63] Подсчитано по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 148.

[64] Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914. С. 16, 22, 148—149, 182—183.

[65] См.: *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. 1914—февраль 1917. М., 1962. С. 75—76.

[66] Аграрный вопрос. М., 1907. Т. II. С. 498. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып.1. О крупном землевладении. Пг., 1917. С. 9; *Оболенский В. В.* Указ. соч. С. 64—66, 92—97. См. также: *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX — начало XX в. М., 1969; *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; *Литуев В. Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997.

[67] См.: *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. М., 1986; Вып. 2. М., 1988; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; Капитализм на востоке во второй половине XX в. М., 1995; *Шанин Т.* Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996 г. М., 1996.

[68] *Островский В. А.* Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX — начала XX в. // Крестьянское хозяйство, история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 73.

[69] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. (Труды ЦСУ. Т. 5. Вып. 1. С. 42—49).

[70] См.: *Анфимов А. М.* Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. 1996. С. 90—92; *Никулин П. Ф.* Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. // Вопросы экономической истории России XVIII—XX вв. Томск, 1996. С. 150—151.

[71] Россия. 1913 год. С. 221.

Н. А. Иванова

1. Численность, размещение и функциональное значение городов.

Город — явление историческое, не только с точки зрения временных отличий (город феодального периода, например, существенно отличается от современного), но и различий национальных и цивилизационных. В происхождении и развитии городов в России и в западноевропейских странах заметны как общие закономерности, так и важные особенности, сказывавшиеся на характере городской жизни в XIX и XX вв. Повсеместно города возникали как военные укрепления, в которых сельские жители спасались от нападения врагов. Само слово «город» происходит от глагола «городить» и обозначает огражденное и, следовательно, укрепленное от нападений место. Со временем эти военные укрепления становились административными центрами, средоточием власти и обрастали торгово-ремесленными посадами. На Западе этот процесс отрыва населения от земледелия привел к юридическому обособлению города как независимой территориальной единицы, пользующейся хозяйственным, административным и судебным самоуправлением. Свободные граждане свободных городов стали основой «третьего сословия» — опоры складывающегося буржуазного общества в европейских странах.

Хотя появившиеся в России торгово-промышленные города были схожи с западноевропейскими, но имели и существенные отличия. Во многих русских городах вплоть до середины XIX в. большинство населения занималось земледелием. Кроме того, военный по преимуществу город играл свою роль и в XVII в., а на окраинах государства продолжал существовать и позже. Главное же заключалось в том, что Россия не знала юридически свободного города. В XV—XVII вв. московское правительство активно вмешивалось в экономическую жизнь городов, преследуя прежде всего фискальные цели при сборе торговых пошлин и других сборов. А в XVIII в. совершился переход от военного к административному городу, который характеризовался пребыванием в нем правительственных, гра-

жданских по преимуществу, учреждений, часто без достаточного учета его торгово-промышленного значения. При Екатерине II губернско-уездное административное деление территории государства сопровождалось за недостатком городских центров произвольным превращением в города около 250 сел. Многие из них так и не поднялись до уровня настоящего города и были «разжалованы» снова в села[1]. В административном городе развивалась торговля, что проявлялось в замене старинных «рядов» гостиными дворами и рынками, а прежних торжков — еженедельными базарами для мелкой торговли сельскохозяйственными продуктами. Тогда же впервые появляются в городах, главным образом на их окраинах, фабрично-заводские предприятия.

Одновременно и особенно во второй половине XIX в. шел спонтанный процесс развития крупных торгово-промышленных центров, в том числе на основе бывших сельских населенных пунктов. Известный специалист по экономической географии В. П. Семенов-Тян-Шанский (сын знаменитого географа) в докладе, прочитанном на заседании Императорского русского географического общества 23 февраля 1910 г., подвел следующий итог этому процессу: «Так вырос в России несколькими столетиями позже Западной Европы торгово-промышленный город, более или менее приближающийся к западноевропейским образцам, хотя нередко и отличающийся от них многими, чисто русскими чертами длительного переходного состояния от деревни к городу»[2].

Исторические особенности возникновения русских городов привели к тому, что и в XIX, и в начале XX в. в их числе оказалось немало административных пунктов, не имевших никакого экономического значения и, наоборот, многие поселения, самостоятельно приобретшие чисто городской экономический характер, не признавались городами. Это послужило причиной длительных дискуссий среди ученых о критериях определения города как территориально-социального организма. Решение вопроса осложнялось тем, что в России — стране с большим преобладанием сельского населения и с тесной связью города с деревней, ряд признаков, считающихся отечественными и зарубежными учеными характерными для города и отличающими его от сельской округи, оказался чрезвычайно размытым. Среди этих признаков следует назвать: значительное число жителей, сконцентрированных на ограниченной территории, специфические виды деятельности населения, образ жизни и др. По переписи 1897 г., в империи насчитывалось 6376 поселений с населением от 2 тыс. до 41 тыс. человек, которые не считались городами и их население причислялось к сельскому[3]. Среди них — фабрично-заводские села, особен-

но широко распространенные в Центральном промышленном районе, рабочие поселки на Урале и в Донбассе, местечки в западных губерниях, на Украине и на Кавказе, население которых занималось в большинстве своем торговлей, ремеслом и промышленностью.

В издании Центрального статистического комитета МВД «Города России в 1904 г.» (СПб., 1906) были выделены 35 признаков для характеристики города, а в число городов и «городов-сел» включены многие пункты, считавшиеся до этого просто селами. Однако из всех этих признаков лишь пять действительно отличали город от деревни, а остальные касались вопросов культуры и благоустройства, которые для многих городов практически не имели никакого значения. По мнению В. П. Семенова-Тян-Шанского, в России существовало лишь два основных, сколько-нибудь надежных признака, которые в связи с людностью населенного пункта могли быть использованы для определения его городского типа: это процент населения, не занимающегося сельским хозяйством вообще, и бойкость торгово-промышленного оборота города в расчете на одного его жителя[4]. Некоторые авторитетные ученые считают, что применительно к периоду 1785—1917 гг. городами следует признать поселения, которые являлись торгово-промышленными центрами своих округ и имели официальный статус города[5]. В этом определении обращает на себя внимание вполне оправданный, на наш взгляд, подход к городу как центру, организующему торгово-промышленную жизнь сельской округи. По существу этот принцип признавал и Семенов-Тян-Шанский, ибо он исключал из категории экономических городов многие фабричные пункты, в которых хотя и были крупные предприятия, но почти полностью отсутствовала торговая деятельность (за исключением одной-двух потребительских лавок, обслуживающих фабрично-заводских рабочих), т. е. они фактически не обладали экономической связью с окружающей местностью[6]. Что касается официально-административного признака, то ученые тоже не могут без него обойтись, учитывая и исторические реалии XIX — начала XX в., и тот факт, что этот признак положен в основу дореволюционной городской статистики, которая является одним из основных источников изучения городов. К сожалению, насколько нам известно, в историографии нет обобщающих общероссийских данных о городах, полученных с учетом одновременно двух указанных признаков. Лишь подсчеты того же Семенова-Тян-Шанского по Европейской России проливают свет на этот вопрос. Согласно им, общее количество экономических городов в этой части империи составляло на рубеже веков 1237, что в 1,6 раза превышало официально признанное число (761). Одновременно 30% всех

официально признанных городов (227) не соответствовали экономическим признакам города. В результате официальная статистика учитывала по Европейской России только половину (534) всех истинных городов[7].

Критерий минимальной численности жителей в отношении российских городов также не выдерживается. В отечественной и зарубежной историографии такая минимальная численность определяется в 10—20 тыс. человек. В российской официальной статистике к городам относились пункты с населением свыше 5 тыс. жителей, а к городам-селам — от 2 до 5 тыс.[8] В действительности же существовало немало административных городов с гораздо меньшим числом жителей. Так, например, в г. Макарьеве Нижегородской губернии насчитывалось до 1,6 тыс. жителей, а в Воротынске Перемышльского у. Калужской губернии — 0,9 тыс. В азиатской части страны к 1911 г. восемь городов имели менее 1 тыс. жителей (Нарым, Охотск, Верхоянск и др.), а в г. Туруханске проживало всего 162 человека. Все сказанное необходимо учитывать при анализе статистических данных о городах. Следует также признать, что Россия отличалась высоким удельным весом населенных пунктов переходного от деревни к городу типа, которые удовлетворяли лишь некоторым признакам городов.

При обработке материалов переписи 1897 г. к городам были отнесены официально признанные таковыми населенные пункты. Их оказалось 932, а численность населения в них составила 16,8 млн человек, или 13,4% всего населения империи. По подсчетам исследователей, в это число вошли 65 административных уездных пунктов, которые не являлись городами, а были селами и селениями, станицами, слободами, укреплениями, фортами и т. п. За вычетом этих пунктов общее число городов в России составило 867 и в них проживало 16,5 млн человек (13,2% всего населения страны). При этом в Европейской России были расположены 604 города с числом жителей 12 млн человек (12,8% всего населения), в Царстве Польском — 114 городов с населением 2,1 млн человек (22,6%), на Кавказе — 46 городов с 1 млн (10,9%) жителей, в Сибири — 50 городов с населением около 0,5 млн человек (8,2%) и в Средней Азии — 53 города, где проживало 0,9 млн человек (12% населения региона)[9].

Развитие городской жизни было связано с несельскохозяйственными занятиями населения, которые, в свою очередь, обусловливались физико-географическими факторами, процессами колонизации и разделения труда. За освоением суглинистых земель в центре русской равнины (более тощих, но зато гораздо более легких для примитивной обработки) и их быстрым истощением последовало переселение земледельцев на тучные черноземные земли. На месте же отвоеванных ими у леса суглинистых полей выросли города. Склонность к несельскохозяйственным заня-

тиям проявилась по берегам морей, крупным речным путям, а также в местах, богатых полезными ископаемыми. Поэтому торгово-промышленная, а следовательно, и городская жизнь достигла своего наибольшего развития в Волжско-Окском междуречье (Московский район), в Польше, на Урале и в Донецком бассейне, у Балтийского, Белого, Черного и Каспийского морей.

На рубеже XIX и XX вв. удельный вес населения, занятого вне сельского хозяйства, составил в Европейской России в среднем 31%. Наибольшим он оказался в Прибалтийском (50%), Польском (50%), Московском (49%) районах, в Крыму (50%), в Донецкой (60%), Польской (60%) и Уральской (43%) горнозаводских зонах, а наименьшим — в центрально-черноземном, северном и некоторых других районах (от 20 до 15%)[10]. Хотя по доле городского населения Россия занимала последнее место среди развитых западноевропейских стран, отдельные российские губернии приближались к ним по этому показателю. Так, в Московской губернии, эта доля составляла 46,7%, в Петербургской — 67,3%, в Варшавской — 43,2%[11]. Таким образом, в этих губерниях большая часть несельскохозяйственного населения жила в городах, в то время как в целом по Европейской России торгово-промышленное население более чем вдвое превышало городское.

По данным переписи городов 1904 г., в России насчитывалось 88 губернских и областных, 612 уездных и окружных и 249 безуездных и заштатных городских центров. Больших городов, имевших более 100 тыс. жителей, было всего 20, или 2% городских поселений, в том числе 17 губернских и 3 уездных (Одесса, Лодзь, Ростов-на-Дону). Средних городов (от 20 до 100 тыс. жителей) насчитывалось 175 (18%), малых (от 5 до 20 тыс. жителей) — 455 (48,3%) и городов-сел (с населением менее 5 тыс. жителей) — 293 (31,7%)[12].

Лишь в двух столичных городах России численность населения превышала 1 млн человек: в Петербурге она составляла в конце XIX в. 1,265 млн, а в Москве — 1,039 млн (с пригородами). Москва — древняя столица Русского единого государства, в начале XVIII в. потеряла свой столичный статус, но всегда оставалась «первопрестольной», второй столицей. Возникнув в начале XII в. в центре русской равнины, на перекрестке водных и сухопутных дорог, Москва превратилась в XIX в. в самый крупный железнодорожный узел, торговый и промышленный центр. В общественном сознании Москва была воплощением национальных и исторических традиций русского народа, духовным и культурным центром всей России.

Санкт-Петербург стал столицей Российской империи в 1712 г. Ни один город в мире, расположенный так далеко на севере (почти под 60° север-

ной широты), не собирал такого огромного количества жителей, как Петербург. Столь исключительной населенности и значительному экономическому развитию Петербурга способствовало то, что, имея выход к Балтийскому морю, он был соединен мариинской водной системой с обширнейшим речным бассейном Волги. Строительство железных дорог, соединяющих Москву, Центральную Россию и даже весь Волжский бассейн с южными и балтийскими портами и европейской сухопутной границей, не поколебало экономического значения Петербурга. К тому же он давно уже стал постоянной резиденцией русских государей, местом расположения центральных государственных учреждений, крупнейшим политическим и культурным центром страны.

Третьим по числу жителей городом была Варшава (683,7 тыс. человек в 1897 г.), за ней следовала Одесса (403,8 тыс.).

За Уралом города встречались гораздо реже, чем в Европейской России. Они возникали здесь не в силу большой концентрации населения в том или ином районе, а как вехи русской колонизации. В Сибири города основывались в XVII в. по мере завоевания этих земель русскими людьми в виде «крепосцей» или «острогов», служивших опорными пунктами воинских отрядов и убежищем от внезапных нападений инородцев. Устраивались города воеводами, как правило, в местах казачьих «зимовий» и «становищ», на прибрежных возвышенных и «обзорных» местах или возле леса в промысловых целях. Некоторые города создавались на местах инородческих городков, завоеванных русскими (например, Кузнецк, Тюмень, Курган и др.). В XIX и начале XX в. рост сибирских городов происходил в результате наплыва пришлого населения из Европейской России, поэтому города появляются на путях следования переселенцев, а со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали — рядом с ней. К концу XIX в. даже самые крупные сибирские города (Томск, Иркутск) начитывали немногим более 50 тыс. жителей, а Омск, Барнаул, Владивосток, Благовещенск — около 30 тыс.

Совершенно особую картину представляли города Средней Азии (Туркестана). «Завоеванные в самое последнее время и насчитывающие нередко тысячелетия существования,— писал в начале XX в. Н. В. Турчанинов,— они являются средоточием чуждой русскому человеку азиатской культуры, корни которой уходят далеко в глубь веков. Это самодовлеющие единицы с замкнутым бытовым укладом довольно пестрого туземного населения. Пришельцам приходится здесь поневоле обособляться; в каждом городе рядом с туземной образуется европейская, вернее русская часть»[13]. К числу таких городов относились Ташкент — самый крупный город в Азиатской России, насчитывавший в 1897 г. 155,7 тыс. жите-

лей, Коканд (81,4 тыс.), Наманган (62 тыс.) и Самарканд (55,1 тыс.). Были в Туркестане и города чисто русского происхождения — Асхабад, Скобелев (ныне Фергана), Петро-Александровск и др.

По мнению специалистов, отделение города от деревни в главных чертах завершилось в Европейской России к середине XIX в. В основе этого процесса лежало сокращение земельных ресурсов города для занятия населения сельским хозяйством, а также развитие товарно-денежных отношений. Это заставило городских жителей переключиться от экстенсивного земледелия, которое было широко распространено в феодальном городе, на огородничество и садоводство, но главным образом на занятие торговлей и промышленностью[14]. Со второй половины XIX начинается и быстрый рост городов. По официальным данным, средний ежегодный прирост городских жителей равнялся в 1825—1856 гг. 91,2 тыс. человек, в 1856—1897 гг.— 256,8 тыс., в 1897—1904 гг.— 698,9 тыс., в 1904—1910 гг.— 968,2 тыс. человек. Однако средний ежегодный прирост с учетом увеличения численности всего населения империи свидетельствует о более стабильных темпах роста городского населения. Он составил на 1 тыс. жителей в указанные выше промежутки времени 25,7, 40,9, 41,6 и 44,6 человек. В 1914 г. численность городского населения составила 26,3 млн человек, а удельный вес его во всем населении поднялся до 15%[15].

Во второй половине XIX в. население Петербурга выросло в 2,3 раза, Москвы — в 3 раза, Варшавы — в 3,8 раза, Одессы — в 3,4 раза, Киева — в 3,6 раза, Ростова-на-Дону — в 4 раза, Лодзи — в 9,8 раз и т. д. Этот процесс продолжался и в начале XX в. (см. табл. 1).

О росте городов в начале XX в. говорят также материалы городских переписей населения. В Петербурге с 1900 по 1910 г. число жителей выросло на 466 тыс. (на 32,4%), в Москве с 1902 по 1912 г.— на 524 тыс. (48,0%), в Баку с 1903 по 1913 г.— на 127,2 тыс. (на 61,5%), в Риге с 1897 по 1913 г.— на 235,2 тыс. (83,4%), в Харькове с 1897 по 1912 г.— на 65,9 тыс. (37,9%)[17]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях развития капитализма наиболее быстрыми темпами росли центры фабрично-заводской текстильной (Лодзь), нефтедобывающей (Баку) и горнозаводской (Екатеринослав) промышленности. За ними следовал целый ряд крупных торгово-промышленных городов России — Ростов-на-Дону, Рига, Киев, Варшава, Одесса, Харьков. Рост населения Петербурга и Москвы был существенно ниже в процентном отношении, но самым большим по абсолютным цифрам.

На Урале в 1897 г. насчитывалось 39 городов, из них только 8 имели свыше 20 тыс. жителей. Самыми крупными были губернские торгово-промышленные города, расположенные на удобных водных и железнодо-

Таблица 1

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ С 1897 ПО 1911 гг.*

Европейская Россия				Азиатская Россия			
Города	Число жителей в тыс.		Увеличение в число раз	Города	Число жителей в тыс.		Увеличение в число раз
	1897 г.	1911 г.			1897 г.	1911 г.	
С.-Петербург	1265	1908	1,5	Ташкент	156	234	2,0
Москва	1039	1533	1,5	Томск	52	111	2,1
Киев	248	506	2,0	Иркутск	51	126	2,5
Саратов	137	215	1,6	Омск	37	128	3,4
Екатеринослав	113	200	1,8	Благовещенск	33	64	2,0
Самара	90	145	1,6	Владивосток	29	85	2,9
Царицын	55	102	1,9	Барнаул	29	52	1,8
Уфа	49	103	2,1	Красноярск	25	73	2,9
Вятка	25	44	1,8	Чита	11	74	6,5

* *Н. В. Турчанинов.* Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 293.

рожных путях: Оренбург, занимающий главное место в торговле России с Казахстаном и Средней Азией (в нем было в конце XIX в. 72,4 тыс. жителей), Уфа и Пермь, находящиеся на пересечении пароходных и железнодорожных магистралей, связывающих Урал с центральными районами и Сибирью. Наиболее развитую промышленность имел уездный город Екатеринбург, который в результате железнодорожного строительства стал также центром транзитной торговли между европейской и азиатской частями России. Статус города получил и бывший заводской поселок Златоуст — центр одного из крупнейших казенных горных округов. В то же время другие заводские поселки Урала (Ижевский, имевший в 1897 г. 41,1 тыс. жителей, Нижнетагильский — 31,4 тыс., Воткинский — 21,6 тыс.) так и не стали официально признанными городами[18].

Как показывает табл. 1, города Азиатской России в начале XX в. росли быстрее, чем Европейской, хотя по численности населения они продолжали уступать последним: только в Ташкенте число жителей в 1911 г. превышало 200 тыс. человек и еще в четырех городах — Томске, Иркутске, Омске, а также Коканде — 100 тыс. Рост азиатских городов был связан со

строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (одним из вновь возникших на ней быстро растущих городов стал Ново-Николаевск), развитием золотодобывающей и других отраслей горной и обрабатывающей промышленности, ростом товарного сельскохозяйственного производства, внутренней и внешней торговли, переселенческим движением. Города пополнялись также всевозрастающим количеством ссыльных, составивших в том числе и значительную часть сибирской интеллигенции.

Одновременно менялся и характер городов. Город Томск сосредоточивал административное управление Западной Сибири и одновременно становился крупным экономическим и культурным центром региона — только число учебных заведений здесь достигало 97. Омск — бывший город военных и чиновников, превращался в центр торговли обширного Степного края и обрабатывающей, особенно маслодельной, промышленности. Сельскохозяйственный центр плодородного юга г.Барнаул, быстро растущий в связи с наплывом переселенцев из Европейской России, стал именоваться «столицей Алтая». Коренной сибирский старинный город Иркутск, представлявший центр административного управления Восточной Сибири, считался штаб-квартирой сибирских золотопромышленников, вел активную торговлю с Китаем. Проведение Забайкальской железной дороги привело к быстрому развитию Читы — главного города Забайкальской области. Ташкент продолжал оставаться административным центром Туркестана, местом пребывания генерал-губернатора. Наманган был центром хлопкового района и туркестанской горной промышленности, Коканд — торговый центр Ферганы вел активную внутреннюю и внешнюю (с Китаем и др.) торговлю и имел свою таможню.

Об экономическом развитии городов свидетельствуют данные переписи 1910 г.[19] Согласно им, из 1231 учтенных в ходе переписи городов, а также поселений, представляющих административные пункты уездов и округов или имеющих не менее 110 тыс. жителей, находились на железнодорожных путях 495 городов (40,2% их общего числа). Города промышленно развитых губерний Европейской России и Царства Польского оказывались в отношении железнодорожных сообщений в гораздо лучших условиях. Так, например, в Московской губернии 75% городов располагались на железных дорогах, во Владимирской — 72%, Рязанской — 68%, в Петроковской — 80%, Седлецкой — 67%. На реках и озерах стояло 559 городов (45,4%). В 920 городах (74,7% их общего числа) действовали фабрично-заводские и ремесленные предприятия. В Москве годовой оборот промышленности составлял 306 млн руб., в Лодзи — 146,9 млн, в Ярославле — 41,8 млн, в Твери — 28,9 млн, Нижнем Новгороде — 19,3 млн руб. и т. д. В большинстве же городов эта сумма составляла менее 500 тыс. рублей в

год. Если в крупных центрах торговля приобретала постоянный характер, велась в гостиных дворах и магазинах, то в массе мелких продолжали действовать периодически собиравшиеся ярмарки и торжки. В 1910 г. они проходили в 740 городах (60,1% их общего числа). В г. Остров Псковской губернии проходило, например, 19 ярмарок в год. Одной из крупнейших была Ирбитская ярмарка на Урале, оборот которой составлял свыше 22,4 млн руб.

Жизнь в городе была дороже, чем на селе, а в губернских и крупных промышленных городах — дороже, чем в уездных и заштатных. Однако и заработки в больших городах были выше. В целом же основная масса населения жила скудно. Доход от 25 до 35 руб. в месяц имело не только большинство рабочих, но и учителей, медработников, актеров, низших служащих, чиновников, приказчиков и др. Только наиболее квалифицированные рабочие — металлисты, печатники, железнодорожники — получали от 50 до 100 руб. в месяц. Жалование средних служащих превышало зарплату рабочих в 4 и более раз, а высшие служащие (директора, управляющие и т. п.) получали в 10 раз больше самого квалифицированного рабочего. В 1904 г. месячная заработная плата прислуги и мужчин-чернорабочих в больших городах составляла 25 руб., а женская прислуга в средних городах получала 3—5 руб. в месяц. В то же самое время в различных городах Европейской России ржаной хлеб можно было купить по 2—3 коп. за фунт*, соль — по 1—1,5 коп., сахар — по 15 коп. за фунт, а средняя цена фунта мяса лучшего сорта составляла 10—12 коп. в мелких и 12—14 коп. — в крупных городах[20]. В питании городских жителей, также как и сельских, преобладали хлебо-мучные и крупяные продукты, которые исстари были характерны для русской национальной кухни. Картофель и овощи, главным образом соленые, а также мясо и другие высококалорийные продукты являлись дополнением к повседневной и особенно праздничной пище.

О новых, современных формах финансовой и иной деятельности в капиталистическом городе свидетельствовало наличие банков, которыми располагали 462 города (37,5%), и обществ взаимного кредита, которые были в 78 (38,8%) городах. Банкирские конторы имели 106 (8,6%) городов, сберегательные кассы — 942 (76,5%), ссудо-сберегательные кассы — 501 (40,7%). Страховые учреждения находились в 845 городах (68,6% их числа), комиссионные конторы — в 139 (11,3%), а нотариальные — в 810 (65,8%)[21]. Большинство этих учреждений располагалось в Европейской России, что соответствовало численности здесь городов и их масштабам.

* Фунт равнялся 409 граммам.

Степень экономического развития городов отражают также показатели средних годовых торгово-промышленных оборотов на одного жителя в рублях. Согласно данным, собранным В. П. Семеновым-Тян-Шанским[22], они составляли в Москве 1146 руб., в Петербурге — 985 руб., Риге — 858 руб., Нижнем Новгороде — 836 руб. и т. д. Вместе с тем значительными торгово-промышленными оборотами на одного жителя отличались такие промышленные центры, как Иваново-Вознесенск (1305 руб.), Вичуга (1251 руб.), Середа (1251 руб.), Сормово (1310 руб.), Богородск (988 руб.) и др. Если в столицах и крупных городах немалая часть населения была занята в сфере государственного управления, на военной службе, в учреждениях образования и культуры и т. п., то жители названных промышленных центров в большинстве своем трудились на фабриках и заводах, что и повлияло на высокую торгово-промышленную активность в этих городах. Характерно, что доля промышленности в торгово-промышленном обороте была здесь особенно велика. Она составляла в Иваново-Вознесенске 82%, Богородске — 85%, Сормове — 86% и т. д. Москва была более «бойким» центром, чем Петербург, но промышленность в ней (дававшая 27% торгово-промышленного оборота) имела несколько меньшее значение, чем в столице (30%).

Торгово-промышленный оборот от 500 до 800 руб. на человека в год имели Рыбинск (771 руб.), Коломна (798 руб.), Юзовка (716 руб.), Нарва (758 руб.), Ижора (694 руб.), Орехово-Зуево (621 руб.) и др. Удельный вес промышленности в торгово-промышленном обороте в этих городах также был велик, составляя в Юзовке 77%, в Орехово-Зуеве — 89% и т. д. Наконец, в большинстве городов торгово-промышленная бойкость составляла от 100 до 500 руб. Если обратиться к средним данным по районам, то окажется, что по годовому торгово-промышленному обороту на одного жителя впереди шли прибалтийские города (404 руб.), за ними — донецкая (317 руб.) и польская (248 руб.) горнопромышленные зоны, затем Московский район (208 руб.). Удельный вес промышленности в торгово-промышленном обороте достигал 80% в донецком и польском горнопромышленных районах, 46% — на Урале, 43% — в Московском регионе при среднем показателе по Европейской России в 39%[23].

Функциональное значение российских городов определялось, с одной стороны, сравнительно поздним развитием многих из них как экономических центров, хотя этот процесс во второй половине XIX — начале XX в. шел быстрыми темпами, а с другой — активным использованием городов в качестве пунктов административного управления самодержавным государством. Эти обстоятельства, наряду с другими факторами, наложили отпечаток на состав и занятия городского населения, обусловив его особенности по сравнению с сельским населением России.

2. Состав и занятия населения.

На общем фоне малоподвижности населения России ее города отличались высоким процентом пришлого населения. По данным на 1897 г., местные уроженцы составляли в городах 53,4%, выходцы из других уездов той же губернии — 15,4%, а из других губерний — 29,7%. Наиболее высокой доля местных жителей была в городах Средней Азии (73,5%), Привислинского края (54,9%) и Кавказа (53,4%). Удельный вес пришлых был особенно велик в крупных городах Европейской России — в Петербурге он составлял 67,5%, в Москве — 73%, в Одессе — 53,9%. Доля пришлых была наиболее значительна (около 60%) среди проживавших в городах потомственных дворян (63,6% по всей России), личных дворян и чиновников не из дворян и у крестьян. В то же время у городских сословий она составляла всего 32,3%[24].

О причинах миграций сельского населения в города говорилось выше. Здесь же отметим, что город являлся центром сельской округи не только в экономическом, но и в социальном плане. В свою очередь, высокий процент пришлого населения оказывал влияние на целый ряд демографических показателей: он обусловливал численное преобладание мужчин над женщинами, более высокий удельный вес лиц рабочего возраста, меньшую брачность и рождаемость, большую подвижность населения.

Определенная специфика существовала в национальном и конфессиональном составе городских жителей. Удельный вес русскоязычного населения среди них был ниже — 60,9% против 67,7% в уездах, а доля таких народностей, как евреи, поляки, немцы, — выше. Это объяснялось запрещением евреям проживать в сельской местности, более высоким удельным весом городского населения в польских губерниях, характером занятий указанных народностей и т. д. В соответствии с этим процент православного населения в городах был ниже — 60,6% по сравнению с 70,7% в сельской местности. Меньше был и удельный вес магометан (6,5% против 11,8% в уездах), старообрядцев (1,3% в городах против 1,8% в деревнях). Зато выше была в городах доля иудеев (17,4% против 2,4%), католиков (9,4% в городах и 9,1% в сельской местности), лютеран (соответственно 4,5% и 2,6%), армяно-григориан (1,6% против 0,8%)[25].

К городским обывателям относились все лица, постоянно проживающие в городах или имеющие там недвижимую собственность, занятие, записанные в купеческие гильдии, ремесленные цехи, мещанские общества. Одна их часть — дворяне, духовенство, крестьяне и др. — сохраняла свою сословную принадлежность. Другую часть составляли собственно городские сословия — почетные граждане, купцы, мещане, цеховые ре-

месленники, которые в российском законодательстве назывались «гражданами», представителями «среднего рода людей»[26]. Однако попытки русских правителей создать таким образом подобие «третьего сословия», как это было на Западе, не увенчались успехом. Хотя в городе несравненно быстрее, чем на селе, стирались сословные различия, тем не менее и формально, по закону, и фактически сословные перегородки давали о себе знать даже в начале XX в. Если население уездов более чем на $^9/_{10}$ состояло из сельских сословий (крестьян, казаков, инородцев), то состав городских жителей был гораздо более сложным. Самую большую его часть — 46,7% — составляли городские сословия, в том числе мещане вместе с ремесленниками давали 44,3% городского населения, купцы — 1,3% и почетные граждане — 1,1% населения городов. Значительной была в городах и доля сельских сословий — 43,5%, в том числе 39% приходилось на крестьян. При этом удельный вес крестьян с развитием городской промышленности рос. Все более переселялись в города и дворяне. К концу XIX в. в городах проживало 47,2% потомственных дворян. В составе городского населения их было 3,4%, а дворян личных и чиновников не из дворян — 2,8%, т. е. значительно больше, чем доля дворян в общей численности населения империи. Несмотря на то. что в городах находилось всего 28% лиц духовного звания, их удельный вес среди городского населения (1%) был выше, чем в уездах (0,4%)[27].

Эти средние данные не раскрывают, однако, существенные отличия, которые имелись в сословном составе населения различных городов, отражая их специфику. В крупных торгово-промышленных центрах доля крестьян была преобладающей, поскольку именно они пополняли армию рабочих, прислуги, торговых служащих и других лиц наемного труда. Так, в Петербурге представители сельских сословий, т. е. главным образом крестьяне, составляли в 1897 г. 59,2% всего населения, а в Москве — 63,8%. В то же время удельный вес мещан в этих городах был вдвое ниже общероссийского показателя — соответственно 21,2 и 22%. Зато доля купцов превышала средний уровень по стране, составляя 1,4% в Петербурге и 1,9% в Москве. Существенно больше был и удельный вес потомственных и личных почетных граждан (1,8 и 2,1%), в числе которых оказывалось немало лиц свободных профессий и представителей крупного купечества. Доля потомственных (6,3%) и личных дворян и чиновников (4,2%) была особенно значительна в Петербурге: сюда тянулась высшая знать и оседала многочисленная бюрократия правительственных учреждений.

В городах Царства Польского удельный вес крестьян, напротив, был незначительным, составляя всего 29,5% (в Варшаве — 27,5%). Здесь 63% населения приходилось на мещан (в Варшаве — 61,3%). Доля купцов и по-

четных граждан, а также личных дворян была намного меньше общероссийских показателей, и лишь удельный вес потомственных дворян превышал их, особенно в Варшаве (составляя целых 7,1%).

Из городов Европейской России высокий удельный вес мещан (57,6%) наблюдался в Одессе, что было связано с большой численностью здесь еврейского населения (которое могло быть приписано лишь к мещанским обществам), ремесленников и торговцев. В городах Кавказа и Сибири мещане также преобладали, хотя и незначительно (соответственно они составляли 44,9 и 40,7%) над лицами сельского состояния (38,7 и 38,6%). В Сибири в связи с преимущественно административным характером многих городов была велика доля личных дворян и чиновников (4,5%), на Кавказе — напротив, потомственных дворян (4,3%), в основном местных национальностей[28].

Особенно зримо отличия городского населения от сельского проявились в уровне грамотности. Резкое повышение грамотности в городах имело место у всех сословий. Так, среди дворян грамотных в городах было 81,0%, в то время как в уездах — только 52,5%. Среди крестьян грамотными были в городах 40,8%, в уездах — только 16,9%[29]. Это было связано в определенной мере с тем, что дети крестьян, а также, видимо, дворянские дети младшего возраста, еще не обучающиеся грамоте, жили в основном в деревне. Вместе с тем имело значение наличие широкой сети учебных заведений в городах, а также специфика профессиональной деятельности горожан. Последняя отражала роль городов как торгово-промышленных, административных и культурных центров страны.

Согласно переписи 1897 г., свыше половины жителей городов (53,8%) жило за счет торгово-промышленной деятельности (в том числе с промышленностью и транспортом были связаны 36,8%, а с торговлей — 17%). На селе эта часть населения составляла всего 9,4%, хотя абсолютное число лиц (с семьями), занятых в промышленном производстве (7,2 млн), здесь превышало численность индустриального населения в городах (5,1 млн). Сельским хозяйством (преимущественно земледелием) в городах занималось всего 9,4% жителей, а в уездах — целых 84,7%. 14,6% горожан составляли прислуга и поденщики, в то время как на селе эта категория населения давала всего 3,1%. Доля лиц, живущих в городах административной и общественной службой (3,4%), в десять раз превышала соответствующие показатели сельской местности. То же можно сказать об интеллигенции, составлявшей 2,9% городского населения. Налицо было и почти трехкратное превышение занятых в городах богослужением (соответственно 1,3 и 0,5%)[30].

В какой мере в городах разрушались сословные перегородки и сохранялась старая профессиональная ориентация различных сословий? Пере-

писи населения Петербурга, Москвы, Одессы, Баку, Тифлиса выявляют следующие основные тенденции. Во-первых, участие представителей всех сословий практически во всех видах деятельности. Во-вторых, сохранение прежних приоритетов в занятиях представителей большинства сословий. Наконец, в-третьих, изменение социального статуса городского населения в связи с развитием капитализма — разделение его на хозяев, администрацию, служащих, рабочих и «одиночек», занятых индивидуальным трудом.

В городах проживали в основном служилые дворяне, занятые в государственных и общественных учреждениях, а также на военной службе. Другим характерным для них (хотя и менее распространенным видом деятельности) являлся интеллектуальный труд, что вполне соответствовало сравнительно высокой доле среди дворян лиц со средним и высшим образованием. В то же время дворяне занимались торговлей и промышленностью. В Петербурге доля таких лиц была незначительной, зато в Москве и особенно в Одессе она была достаточно большой. Как правило, дворяне являлись хозяевами предприятий или служащими и лишь в редких случаях становились наемными рабочими. Среди дворян был высоким процент лиц, живущих доходами с капитала и недвижимости. Еще более значительной была доля живущих за счет родителей и благотворительных учреждений. Многие помещики приезжали в города лишь зимой. К этому времени приурочивались обычно дворянские собрания, устраивались балы, маскарады, благотворительные базары, спектакли. Члены «благородного сословия» ездили с визитами, вывозили в свет дочерей-невест, устраивали приемы.

Купцы старались приблизиться в социокультурном плане к дворянству, переходя в почетные граждане. Даже выйти замуж за богатого купца девушке из обедневшей дворянской семьи становилось не зазорно. В большинстве своем купцы занимались торговлей и промышленностью. Многие владельцы крупных промышленных предприятий вышли из купцов 1 и 2 гильдий, находящихся в этом звании не одно поколение. По свидетельству историка С. В. Бахрушина, в Москве начала XX в. «на смену вымиравшему типу благообразного купца старого пошиба, богомольного кулака, еще не утратившего сходства с героями Островского... все больше выдвигался всесторонне образованный, побывавший неоднократно за границей банковский или торгово-промышленный деятель новой формации, приобретший до известной степени европейский лоск»[31]. Однако при потере капитала и неуплате соответствующих налогов купец механически переходил в мещанское сословие, что нередко было для него очень болезненно.

Мещанство — наиболее многочисленное из городских сословий несло в городе основной груз денежных сборов, связанных с содержанием городского хозяйства, присутственных мест, тюрем, народных училищ и пр. Большинство мещан занималось мелкой торговлей и промышленностью, в их состав входили цеховые ремесленники. Другая часть работала на транспорте (извозчики), прислугой, чернорабочими. Некоторые наиболее удачливые мещане выбивались в купцы, становились хозяевами достаточно крупных предприятий, чиновниками, служащими. Вместе с тем мещане были в городе второй по численности после крестьян сословной группой, поставлявшей кадры наемных рабочих. Однако преобладающая часть ремесленников, торговцев, извозчиков и других мелких собственников вели индивидуальное хозяйство с помощью членов своей семьи. Само «дело» было как бы частью их домашнего быта, а между всеми участвовавшими в нем складывались своеобразные взаимоотношения. Создавалась замкнутая среда, благоприятствующая сохранению полупатриархальных понятий, привычек, нравов. Стремление к замкнутости в своей социальной среде проявлялось, например, в общении молодежи. Так, девушке-мещанке родители запрещали кататься с купеческим сыном на лошадях, потому что она ему не ровня, брака быть не может, а у «девушки лишь и приданого, что честное имя»[32]. Но и выход замуж за «лапотника» (крестьянина) тоже не приветствовался.

Основная, все возрастающая масса крестьян, живущих в городах, не пользовалась правами городского гражданства, а продолжала числиться членами своих сельских обществ или находилась в двойном подчинении и была обременена многими повинностями. Большинство крестьян занималось торгово-промышленной деятельностью. Наиболее зажиточные владели в городе своими домами, заводили торговлю, ремесленные мастерские. Но подавляющая часть крестьян становилась наемными рабочими, прислугой. Можно сказать, что городские крестьяне в наибольшей мере изменяли прежним сельскохозяйственным занятиям. Вместе с тем они приносили в город свои привычки и нравы, систематически уходили в деревню на полевые работы. Лишь рабочие крупных промышленных предприятий постепенно меняли свой образ жизни, обучались грамоте и профессии, приобщались к общественной жизни.

В городах росла еще одна категория населения — разночинцы, включавшие выходцев из разных сословий. Численность их была невелика. Значительная часть разночинцев занималась торгово-промышленной деятельностью, а также работала прислугой, гораздо меньше среди них было лиц интеллигентских профессий, служащих.

Данные о социальной структуре городов в начале XX в. показывают, что в Петербурге, Москве, Одессе, Баку удельный вес буржуазии в составе торгово-промышленного населения составлял 6—8%, а с учетом администрации (служащих) поднимался, видимо, примерно до 15%. От 60 до 75% населения в разных городах приходилось на наемных рабочих. С учетом прислуги, социальное и материальное положение которой сближало ее с рабочими, численность этой наемной армии заметно возрастала. Еще один социальный слой составляли лица, занятые индивидуальным трудом, трудящиеся в одиночку или с помощью членов своей семьи. В рассмотренных нами городах они давали от 10 до 20% (в Одессе — более 30%) промыслового населения. Вполне очевидно, что Петербург, Москва, другие крупные промышленные центры были в наибольшей степени капитализированы и что в других, особенно мелких городах доля «одиночек» оказывалась намного большей. Различной была и степень пролетаризации рабочих. Во многих городах (например, Центрального района) высоким оставался удельный вес переходного слоя — рабочих-крестьян. Значение интеллигенции определялось не столько ее численностью, сколько ролью в материальной и культурной жизни и в общественном движении.

Городское общество России по сравнению с сельским гораздо больше продвинулось от традиционного к индустриальному. В столицах и крупных городах это проявилось особенно ярко. Вместе с тем процесс индустриализации страны был далек от завершения. Наличие аграрной периферии с патриархальными отношениями влияло и на город. Взаимодействие города и деревни носило неоднозначный, во многом противоречивый характер.

3. Хозяйство и благоустройство городов.

Города несли на себе печать не только нового времени, но и своего исторического прошлого. Национальный колорит русским городам придавал Кремль, стоящий обычно на высоком берегу реки, а также нарядные белокаменные церкви с золочеными маковками куполов и колокольным звоном. Военное предназначение большинства древних русских городов оказало влияние на их планировку: концентрическое расположение укреплений с пересекающими их расходящимися от центра к окраинам радиусами улиц, переходящими затем в главные дороги, идущие от города. Такая планировка отчетливо видна, например, в Москве, где каждый пояс

сохранял свое особое название — Китай-город, Белый город, Земляной город и т. д. Москва росла во многом стихийно, присоединяя близлежащие деревни и села, обрастая многочисленными пригородами. Другое дело — Петербург, спланированный как административный и культурный центр, а также порт, с учетом западных образцов и особенностей местности. Улицы его — по-старинному «першпективы» — почти все очень широкие и длинные, пересекаются рядом второстепенных, но также широких улиц под прямым углом. Город делится на несколько естественных частей — центр, Петербургская сторона, Васильевский остров, Крестовский остров и др. На рубеже XIX и XX вв. Петербург блистал своими архитектурными ансамблями, построенными выдающимися русскими и зарубежными мастерами, гранитными набережными и многочисленными мостами, перекинутыми через Неву и малые речки.

Административные города, каких немало было на юге и в других частях страны, планировались обычно по одному шаблону: в центре города стоял на пустынной пыльной площади собор, кругом — присутственные места и дом главного представителя администрации. Улицы были прямые, как правило, пересекающиеся под прямым углом. Необходимым атрибутом таких городов были тюрьмы и казармы. Лишь административные города Туркестана поражали роскошными садами, широкими улицами и особняками.

К административному городу довольно близок был по однообразию планировки и тип фабричного города вроде Иваново-Вознесенска или Егорьевска, возникших из промышленных сел. Но было и существенное отличие: в то время как административный город благодаря существовавшим ограничениям довольно резко отделялся от окружающих деревень, экономический, обычно свободно развивавшийся город имел обширные пригороды. Здесь строились новые фабрики и заводы, стремился подешевле устроиться простой люд. В Иваново-Вознесенске 37,7% населения проживали в пригородах, в Орехово-Зуеве — 65,1%, Ростов-на-Дону имел в пригородах 38,8% жителей, Херсон — 44%, в то время как в казенных Николаеве и Новочеркасске в пригороде жило всего 7,1 и 3,6% населения[33].

Многие города центральной России являлись по существу крупными поселками, рынками, выросшими в сельской местности и разбогатевшими благодаря оживлению торговли и проживанию в них богатых купцов и помещиков. Лишь в центре находились несколько лучше освещенных и благоустроенных улиц с невысокими домами, государственными учреждениями и магазинами. Широкие улицы заканчивались загородными усадьбами местной знати. Дома простолюдинов, немногим отличаясь от

деревенских, были, как правило, одноэтажными, с прилегающими палисадниками и огородами.

В городах Прибалтики и Польши с их узкими улочками, широкими торговыми площадями «старого», средневекового города, многочисленными костелами ощущалось дыхание Запада. Города Кавказа отражали многообразие культур народов края. В условиях присоединения к России шел процесс превращения восточного города феодального типа в капиталистический город с европейскими чертами. Сибирские города были подстать окружающей природе — просторные, с широкими прямыми улицами и огромными площадями, с деревянными, но прочно сложенными, незатейливыми, а иногда своеобразной архитектуры строениями, украшенными деревянным резным кружевом. А вот описание среднеазиатского города: «В туземной части старинные города Туркестана отличаются, как и вообще города азиатов, узкими извилистыми улицами, застроенными по бокам саманными жилищами, обязательно обращенными фасадом во двор, с дувалами (глинобитными оградами) и общественными частными «чай-хане», разбросанными всюду по городу, всегда открытыми на улицу и манящими к себе туземцев, любящих провести время за чашкой чая, чилимом* и веселой болтовнею. По краям улиц струятся арыки; растительности мало, так как сады отодвинуты на окраины городов, где больше простора. Разнообразят картину лишь многочисленные мечети, обычно поражающие былою роскошью постройки и вкусом строителей» [34].

И все-таки приметы времени проявлялись прежде всего в городах. Быстрый рост городского населения, развитие промышленности и строительного дела, многочисленные технические новшества и научные открытия, достижения культуры конца XIX — начала XX в. сказывались на облике городов, способствовали развитию их хозяйства и благоустройству.

Компетенция органов городского самоуправления дореволюционной России определялась Городовым положением 1892 г. (Петербурга — 1903 г.). Напоминая по форме «положения» и «уставы» городов Франции, Германии и др. стран, Городовое положение 1892 г. трактовало круг полномочий выборных органов российских городов и состав их коммунального хозяйства гораздо уже западноевропейских. Особенно это касалось административной области, большая часть которой была выведена за пределы ведения городского самоуправления. В сфере хозяйственно-экономической, городского благоустройства, удовлетворения духовных потребностей населения, общественного призрения органы муниципального управления в городах России все более приближались к западноевро-

* Чилим — туземная трубка.

пейским образцам. Отличие, однако, заключалось в том, что вся эта деятельность в российских городах находилась под бдительным надзором центрального правительства, которое либо разрешало, либо запрещало ее. Это не только осложняло решение многих вопросов (справедливости ради следует сказать, что нередко города не могли обойтись без помощи правительства), но и вынуждало органы городского самоуправления обращаться к не свойственной им политической деятельности.

Существенные трудности развитию городов создавал недостаток средств. Бюджеты российских городов, хотя и быстро росли в конце XIX — начале XX в., тем не менее были весьма незначительны, многократно уступая бюджетам западноевропейских городов. В 1901 г. бюджетные средства 654 городов Европейской России, которые управлялись на основании Городового положения 1892 г., составляли 92,1 млн руб., в то время как бюджет одного Парижа в 1903 г. равнялся около 120 млн руб., а Нью-Йорка в 1908 г.— 270 млн руб. Доход 547 городов (т. е. 80% их учтенного количества) не достигал 100 тыс. руб., а у 25,5% из них был менее 10 тыс. руб., 64 города (9,8%) имели бюджет свыше 200 тыс. руб. Бюджетными средствами более 1 млн руб. располагали 9 городов (на них приходилось 55% суммы доходов всех 654 городов): Самара (1,5 млн), Ростов-на-Дону (1,5 млн), Харьков (1,9 млн), Саратов (2,4 млн), Киев (2,5 млн), Рига (4 млн), Одесса (6 млн), Москва (13,8 млн), Петербург (16,7 млн). В среднем на одного жителя приходилось в год 6—7 руб., в Петербурге и Москве — 21 руб., в то время как в Париже — 50 руб., а в Нью-Йорке — 60 руб.[35]

Расходные средства крупных городов с 1890 по 1910 г. увеличились в несколько раз: Екатеринослава, Уфы и Самары — более чем в 6 раз, Петербурга, Саратова и Царицына — свыше 5 раз, Москвы — в 3,7, Киева — в 2,6 раза. Сибирские города росли интенсивнее городов Европейской России не только по числу жителей, но и по расходным бюджетам. За указанные годы расходы Иркутска выросли в 5,6 раза, Томска — в 6,2, Читы — в 7,3, Омска и Владивостока — в 8 и более раз, Благовещенска — в 10,1, Барнаула — в 17,4 раза. Расходные бюджеты Иркутска, Томска, Владивостока и Благовещенска в 1910 г. превысили 1 млн руб. Самые же большие расходы в этом году имели Петербург (36,4 млн руб.) и Москва (34,2 млн руб.)[36].

И все-таки эти средства были крайне малы для развития хозяйства и благоустройства городов, тем более что 16,4% всех расходов (данные на 1901 г. по городам Европейской России) составляли затраты общегосударственного характера — на содержание правительственных учреждений, полиции, расквартирование войск. Еще 9,2% шло на общественное управление и сиротский суд. На городское благоустройство (содержание

мостовых, набережных, освещение и пр.) тратилось 13% расходного бюджета, предприятиям коммунального хозяйства, находящимся в собственности города (водопровод, канализация, скотобойни, трамвай и др.), отводилось 7,9% средств, на поддержание общественных зданий и памятников — 6,7%. В то же время на народное образование затрачивалось 10% расходного бюджета, медицинскую, санитарную и ветеринарную службы — 12,1%, общественное призрение — 3,6%, и эти расходы имели тенденцию роста[37].

Возможности привлечения кредитов (которые играли большую роль в финансовом обеспечении европейских городов) для большинства русских городов вследствие неразвитости городского и земского кредита практически сводились к нулю. К 1910 г. Петербургом было сделано всего 7 займов на сумму 93,5 млн руб., а задолженность Москвы составляла 94 млн руб., Варшавы (в 1904 г.) — 40,7 млн руб. 15 средних городов имели каждый в 1904 г. свыше 1 млн руб. долга (в том числе Рига — 9 млн руб., Харьков — около 4 млн руб.), все остальные — менее 1 млн руб. В среднем на одного жителя задолженность составляла в Петербурге 58 руб., Москве — 64 руб., и только в 14 городах долг превышал 20 руб. на одного жителя. Между тем задолженность на одного жителя в Париже равнялась 350 руб., Нью-Йорке — 300 руб., Лондоне — 215 руб., Берлине — 96 руб.[38]

Недостаток средств отрицательно сказывался на уровне развития муниципального хозяйства. Одним из наглядных показателей уровня культуры населения является состояние их жилищ и дорог. По данным переписи городов 1910 г.[39], в городах Европейской России 61,5% всех жилых строений были деревянными, лишь около 20% — каменными и 6,5% — смешанного типа (12,1% строений в источнике обозначены как «иные и нераспределенные»). Даже в обеих столицах деревянные дома составляли более половины строений (вследствие того, что окраины и пригороды Петербурга и Москвы были почти сплошь деревянными). В Москве было много полукаменных — полудеревянных строений, в Петербурге каменные здания преобладали лишь в черте города. Деревянные дома с тесовыми крышами строили в городах северной, богатой лесами части Европейской России и в поволжских центрах, где постоянно шел сплав леса. В черноземье деревянные дома покрывали железными крышами. В Царстве Польском удельный вес деревянных строений также был велик (59,5%), но здесь было больше каменных зданий (21%), в том числе кирпичных, покрытых крышами из черепицы, а также толи, в чем проявлялось влияние соседней Германии. На Кавказе существенно возрастает доля каменных домов (до 34,3%) и одновременно падает доля деревянных (36%); около пятой части домов региона попала в разряд «нераспределенных». $^{9}/_{10}$ го-

родских домов Сибири были выстроены из дерева, из него же, как правило, делались и крыши; лишь незначительная часть домов покрывалась железом. В Ферганской, Самаркандской, Семиреченской областях часто встречались мазанки, глинобитные, плетневые, каркасные дома; глина, смешанная с мякиною, служила главным материалом для покрытия зданий.

Типичные признаки городов — достаточно большая людность жилого дома и его многоэтажность — проявлялись наиболее отчетливо лишь в крупных городах, в Польше и Прибалтийском крае. В целом же преобладание деревянных построек обусловливало низкую этажность зданий.

Центральные части городов населялись обычно обеспеченными слоями населения. Квартиры находились в большинстве своем в каменных и благоустроенных домах, имели светлые и просторные комнаты. Рабочий люд, мелкие торговцы и ремесленники селились на окраинах и в пригородах в старых деревянных домиках, тесных и темных, часто без всяких удобств. В связи с развитием фабрично-заводской промышленности в малых городах и вне городов предприниматели строили для рабочих казармы и отдельные дома. Жилищный кризис сказывался прежде всего в столицах — центрах наибольшего скопления рабочего населения. Рабочие квартиры здесь были перенаселены и часто находились в антисанитарном состоянии. Широкое распространение получили «угловые», коечно-каморочные, подвальные и полуподвальные квартиры.

Хотя в большинстве городов о коммунальных удобствах можно было только мечтать, определенные сдвиги происходили и в этом отношении. В 1910 г. водопровод имелся лишь в 219 городах, в том числе в 168 городах Европейской России. В одних случаях это были вполне современные, построенные по последнему слову техники водопроводные сооружения (как, например, Рублевский водопровод в Москве); в других — как, например, в Петербурге, вода забиралась из реки и была очень загрязнена фабрично-заводскими стоками, а имеющиеся фильтры были явно недостаточны для ее очистки; в-третьих, например на Кавказе, действовали открытые водораспределительные канавы. Пользоваться водопроводом могло не все население, а по потреблению воды на одного жителя города России (даже столичные) сильно уступали западноевропейским. В некоторых городах вода отпускалась бесплатно. Среди городов, продающих воду, самая низкая цена была в Петербурге (5—6 коп. за 100 ведер), а самая высокая — в Красноводске (1 р. 50 к. за 100 ведер) [40]. Даже в двух десятках губернских городов не было водопроводов. В большинстве городов жители брали воду прямо из рек и озер или из колодцев.

Что касается канализации, то она действовала только в 65 (5,3%) городах, в том числе в 40 в Европейской России и в 14 на Кавказе. При этом в

1908 г. процент горожан, пользовавшихся канализацией, составлял в Москве 43,4%, в Одессе 72,1%, Риге — 68,6%, в Ростове-на-Дону — 25,7%[41]. Лишь в сравнительно небольшом числе городов существовали городские или частные ассенизационные обозы; в других заботы об удалении нечистот предоставлялись самим жителям.

Одной из наиболее слабых сторон благоустройства российских городов было мощение улиц. «Загрязненное состояние мостовой, почвы под ней и воздуха над ней, шум и беспокойная езда, порча лошадей, малые размеры клади — все это известные, неизменные атрибуты наших улиц,— писал в 1911 г. профессор Г. Дубелир.— Однако и такая мостовая для многих городов может считаться идеалом, далеко еще не достигнутым»[42]. 30% русских городов не имели никаких мостовых. Среди них были 7 губернских (в Сибири и Средней Азии) и 117 уездных городов. 50% городов замостили менее половины своих улиц (Саратов, Харьков, Екатеринослав и др.). Только пятая часть городов имела мощеными более половины улиц. Полностью замощены улицы были лишь в Риге, Варшаве, Ялте и в нескольких других, преимущественно прибалтийских и привислинских городах. Москва к 1908 г. имела 20% немощеных улиц. При этом если в Берлине в 1902 г. 1/3 площади улиц была покрыта асфальтом, то в Москве асфальтовые и другие усовершенствованные мостовые составляли всего 1,1% площади улиц[43].

В больших городах, где жизнь не прекращалась даже ночью, большое значение приобретало уличное освещение. В 1910 г. 1068, или 83,5%, учтенных в ходе переписи городов, имели освещение. Правда, во многих из них фонари стояли только на главных улицах и площадях. 96,2% этих городов освещались керосиновыми фонарями; лишь в 162 городах (15,2%) освещение было электрическим и в 128 — газовым. В Петербурге 20% уличных фонарей работало на электричестве и 58% — на газе. В Москве, где освещение улиц было введено указом Сената еще в 1730 г., зажигание и тушение фонарей производилось по особому осветительному календарю, сообразно с заходом и восходом солнца.

Быстрый рост городов, возникновение в них крупных фабрично-заводских окраин, ускорение ритма общественной и частной жизни делало особенно важным развитие городской инфраструктуры — транспорта и связи. В 1904 г. рельсовое пассажирское движение с тягой разных видов (конной, паровой, электрической) существовало в 55 городах, из них в Европейской России — в 42, в том числе с конной тягой — в 22 и электрической — в 25. Появление первых трамваев относится к началу 90-х гг. XIX в., а в 1910 г. трамваи ходили уже в 54 городах России (кроме Сибири). Наиболее значительной длина рельсовой сети была в Петербурге —

132 версты, в Москве — 125 верст и в Киеве — 108 верст. В большинстве же городов самым распространенным видом транспорта оставался гужевой. Однако в 325 населенных пунктах (в том числе в 126 уездных) не было даже извозчиков.

Вскоре после изобретения Беллем в Америке телефона образовавшееся вокруг него акционерное общество взяло несколько концессий на устройство телефона в русских городах. К 1885 г. телефон был установлен в 6 городах (Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Риге, Лодзи), а в 1910 г.— уже в 314. Предприятия телефонной связи принадлежали государству, городским управлениям, земству, частным лицам. Для широких кругов населения телефон был малодоступен. Даже в 1920 г. в стране на 1 тыс. жителей приходилось 1,5 телефона, в то время как в США — 131,1, а в Германии — 33,3. Телеграф же имелся в 1910 г. лишь в 32 городах[44].

Начало XX в. стало новым этапом в развитии городов. Экономический город прочно завоевал свои позиции. Развитие стационарной торговли и особенно крупной, фабрично-заводской промышленности определяло лицо многих городов. В условиях быстрого экономического роста развивалось городское хозяйство, шло благоустройство городов. Городское население по своей социальной структуре, уровню культурного и политического развития существенно отличалось от сельского, хотя и сохраняло с ним органическую связь. Вместе с тем характерные для России экономические и социальные контрасты отчетливо проявлялись и в городах. Если Петербург и Москва, а также Варшава, Одесса и некоторые другие крупные города по своему облику и благоустройству приближались к западноевропейским, то масса мелких городов России скорее напоминала деревню. В городах ярче всего обнаруживались контрасты между богатством и нищетой, образованностью и невежеством, добродетелью и пороком. Не случайно в исторических судьбах нашей страны на различных ее этапах, решающая роль принадлежала крупным городам, особенно столицам.

В начале XX в. города России стали очагами не только промышленности и торговли, культуры и просвещения, но и социальной напряженности. Недаром в них начались все российские революции. Процесс урбанизации со всеми вытекающими из него социокультурными и политическими последствиями стал одной из главных составляющих перехода российского общества от традиционного к индустриальному.

Примечания

[1] См.: Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко». 7-е изд. Т. 15. Стб. 655.

[2] *Семенов-Тян-Шанский В.* Город и деревня в Европейской России // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. X. Вып. 2. СПб., 1910. С. 45.

[3] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. СПб., 1905. С. V.

[4] *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 56.

[5] См.: *Водарский Я. Е., Кабузан В. М.* Население городов России в XVI — начале XX века (к вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Сб. статей. Таллин, 1979. С. 141.

[6] *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 72.

[7] Там же. С. 76.

[8] Общий свод. Т. 1. С. 4—5.

[9] См.: *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 50—51.

[10] *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 179—180.

[11] Общий свод. Т. 1. Приложение 3. С. 6 (вторая пагинация).

[12] Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 0440.

[13] *Турчанинов Н. В.* Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 317.

[14] *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 229.

[15] РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 85 а. Л. 304; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 57.

[16] Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е изд. Т. 16. С. 8—9.

[17] См.: *Иванов Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей. М., 1971. С. 324.

[18] История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 106—109.

[19] Города России в 1910 году. СПб., 1914. (Подсчеты наши.— *Н. И.*)

[20] Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 0450—0451.

[21] Статистический ежегодник России. 1914. Отд. V. С. 16—17.

[22] *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 81.

[23] Там же. С. 179—180.

[24] Подчитано по: Общий свод. Т. I. С. 84—100.

[25] Там же. Т. II. С. 2—19, 98—103.

[26] Свод законов Российской империи. Изд. 1899 г. Т. 9. Законы о состояниях. Ст. 502—504.

[27] Подсчитано по: Общий свод. Т. I. С. 160—161.

[28] *Иванов Л. М.* Указ. соч. С. 316.

[29] Подсчитано по: Общий свод. Т. I. С. 190—195.

[30] Подсчитано по: Общий свод. Т. II. С. 256—297.

[31] Цит. по: *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума. 1863—1917. М., 1998. С. 114.

[32] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С. 33.

[33] *Семенов-Тян-Шанский В.* Указ. соч. С. 101, 151.

[34] *Турчанинов Н. В.* Указ. соч. С. 317.

[35] *Нардова В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX в. СПб., 1994. С. 53; Народный календарь 1912 год. СПб., 1911. С. 75.

[36] *Турчанинов Н. В.* Указ. соч. С. 294.

[37] *Нардова В. А.* Указ. соч. С. 59.

[38] Народный календарь 1912 год. С. 75.

[39] Статистический ежегодник России. 1914. Отд. V.

[40] Водопроводы русских городов. Краткое описание... М., 1911. Вып. 1. С. 184.

[41] *Нардова В. А.* Указ. соч. С. 65.

[42] *Дубелир Г.* О выборе мостовых // Городское дело 1911. № 11—12. С. 886—887.

[43] *Озеров И. Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906. С. 53.

[44] *Сытин П. В.* Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. М., 1926. С. 159—160.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Л. С. Гатагова

Российский макросоциум изначально складывался как полиэтнический, ибо даже стержневой этнос империи — русский — сформировался из нескольких этнических субстратов, включавших восточнославянский, финно-угорский, тюркский и другие компоненты. Многовековые волны стихийной колонизации, миграций, вооруженной экспансии, сложные демографические процессы на просторах Евразии обусловили уникальную, не имеющую аналогов полихромную этническую картину Российского государства. Ее можно сравнить с гигантской мозаикой или детским калейдоскопом, постоянно меняющим конфигурацию многоцветных кристаллов — такой же зыбкой, переменчивой и в значительной степени саморегулирующейся предстает грандиозная этническая панорама Российской империи. Как уже отмечалось в первой главе, построенной на материалах всероссийской переписи населения 1897 г.[1], к началу XX столетия Россия окончательно сформировалась как «многонародная» империя, завершив поэтапное поглощение центрально-азиатского региона присоединением Памира. В число народов империи влились узбеки, туркмены, таджики, киргизы, каракалпаки и другие менее многочисленные этносы и субэтносы.

Не менее впечатляющим выглядел и «пантеон» вероисповеданий, вместивший, наряду со множеством реликтовых языческих верований и политеистических культов, великие мировые религии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Господствующей религией в Российской империи было православие. Его исповедовало подавляющее большинство населения (не только славянские, но и некоторые другие народы). В начале XX в. в империи насчитывалось 78 тыс. православных храмов (на 37 тыс. приходов) и 1025 монастырей со 120 тыс. священнослужителей и 95 тыс. послушников. Следующую по численности конфессиональную группу составляли католики (4,5 тыс. костелов и приходов). Третьей наиболее многочисленной конфессиональной общностью являлись мусульмане. Кроме того, в России были представлены иудаизм, буддизм, различные течения

христианства (лютеранство, кальвинизм, протестантизм, армяно-григорианство), многочисленные секты (баптисты-евангелисты, адвентисты седьмого дня, пятидесятники и др.), а также язычество с его политеистическим культом природы и идолопоклонством.

Формально в российском законодательстве не существовало правовых ограничений по этническому признаку. Эти ограничения действовали на основе конфессиональных различий (но поскольку последние в основном совпадали с энтическими, то правовая дискриминация имела отчасти этнический характер). Закон ограничивал в правах евреев, а с 1864 г.— поляков-католиков. На уровне подзаконных актов существовало правовое ущемление мусульман. Однако в целом конфессиональная политика империи, при всех ее издержках, отличалась известной долей гибкости и толерантности.

Для евразийского материка было характерно колоссальное разнообразие природно-климатических зон, обусловивших широкую амплитуду локальных этногенезов. Вследствие вариативности процессов этносоциальной эволюции даже на исходе XIX столетия в России сосуществовали этнические общности ярко выраженного архаического типа, чьи социумы не поднялись выше родоплеменной организации, и общности с современным опытом политической консолидации, соответствующими институциями и отчетливо выраженной этнической идентичностью. При этом практически все народы России находились еще в донациональном состоянии.

Поскольку этнос — система динамическая, со временем проявилась такая характерная черта российской пространственно-этнической структуры, как дисперсность расселения, присущая в первую очередь русским. Последние были не только самым многочисленным, «государствообразующим» народом в формировавшейся империи, но и оказались (в силу как субъективных, так и объективных причин) наиболее рассредоточенными на ее гигантском пространстве. Уже в начале XIX в. стало невозможным очертить сплошной ареал расселения русских, поселения которых чересполосно раскинулись от западных и северных пределов до Чукотки, Закавказья и Южной Азии.

В анналах Российского государства тысячекратно описана многовековая традиция мирного сосуществования разных народов. Но практика взаимодействия российских этносов все же не исчерпывалась только позитивным опытом... Департамент полиции, наряду с Министерством внутренних дел осуществлявший охрану государственного строя и надзор за всеми сферами политической и общественной жизни, контролировал и взаимоотношения народов и малочисленных этнических групп. Ин-

циденты с этническим «окрасом» никак не выделялись в потоке поступавшей в Департамент полиции и канцелярию императора текущей, рутинной информации, где терялись в гуще обыденных происшествий — вперемешку с бунтами крестьян, фабрично-заводскими волнениями и бытовыми стычками. Эта деталь достаточно наглядно подтверждает надэтническую сущность Российской империи, склонной к нивелированию этносов, растворению их в единой массе, к которой предъявлялись «унифицированные» требования лояльности монархии и законопослушания. По мнению немецкого историка А. Каппелера, «Россия была не национальным государством русских, а династически-сословно легитимизированным многонациональным государством. Хотя в имперском патриотизме, который его объединял, имелись элементы, общие с русским этническим самосознанием (православие, общность истории и культуры), в нем все же превалировали наднациональные черты»[2].

На протяжении всего XIX в. имперская власть уделяла гораздо меньше внимания событиям, происходившим на населенных инородцами окраинах, нежели крестьянским движениям. Опасное равнодушие Петербурга объяснялось не столько отсутствием периферийной конфликтности или ее невысокими показателями, сколько недостаточным пониманием всей серьезности данной проблемы. Недооценка масштабов происходивших на окраинах сложных социальных и политических процессов обернулась нарастанием колоссальных проблем в виде массовых (в том числе национальных) выступлений начала XX в. И хотя в последние десятилетия XIX в., после уроков Польского восстания и Кавказской войны, самодержавие принялось поспешно наверстывать упущенное посредством непопулярных мер, кризис лишь усугублялся. В новое столетие Россия, «отягощенная» одним из самых сложных слагаемых своего имперства — неслыханной, даже по меркам мировой истории, полиэтничностью, вступила с непосильным грузом проблем.

1. Контактные зоны и межэтнические конфликты.

Большинство народов, составивших «биологическую ткань» Российской империи, издавна сосуществовали рядом и, несмотря на колоссальную разреженность евразийского пространства, соприкасались и взаимодействовали друг с другом. Поглощение империей новых народов и последующее включение их в единую территориально-административную систему закрепляло за всеми этническими общностями определенную пространственную конфигурацию. Сравнительно продолжительная лока-

лизация народов в сложившихся географических пределах и их неизменное (исключая цыган, либо номадов) расположение относительно друг друга способствовали стабилизации так называемых контактных зон. Для контактной зоны (или лимитрофии) характерно совместное проживание на одной территории различных этнических групп на протяжении длительного исторического периода. Сосуществование обусловливало неизбежное взаимодействие и взаимовлияние социальных, культурных, хозяйственных, бытовых и других систем.

На территории Российской империи естественно исторически сложилось несколько крупных и множество мелких контактных зон, охвативших пространство государства по гигантскому периметру, почти параллельно внешней границе. Крупные контактные зоны представляли собой «перекрестки» цивилизаций, менее крупные являлись внутрицивилизационными, часто очаговыми, лимитрофиями (как в европейской части империи). С модернизацией экономики и усиливавшимся процессом урбанизации большие города становились все более насыщенными лимитрофиями, обеспечивавшими широкие возможности межэтнических контактов на самых разных уровнях.

Как известно, в процессе продолжительного сосуществования членам соседних этнических общностей приходилось постоянно вступать в контакты — как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Условная хронологическая совокупность подобных контактов (в продолжение сколь угодно длительного исторического времени), собственно, и обеспечивала самоидентификацию этноса. В. И. Вернадский вообще считал, что этносы возникли в результате контактов. Только в сравнении с другими индивидами члены этнической группы могли осознавать свою самобытность.

При контактах с соседями обычно преобладал «этноотчуждающий» фактор. Отчасти «виною» тому являлся элементарный инстинкт самосохранения. Любой этнической среде, насыщенной собственными распрями и конфликтами, постоянно требовался механизм примирения или компенсации. Наилучшим средством достижения столь благих целей становился перенос внутреннего конфликта вовне, на чужих, которые наделялись всеми мыслимыми и немыслимыми пороками[3].

Опыт мировой истории показывает, что этносам, к сожалению, свойственна стойкая взаимная критичность, в определенные моменты переходящая в откровенное неприятие. По-видимому, в культивировании образа коварного, опасного, агрессивного соседа всегда сублимировались страхи и опасения (вовсе не безосновательные, как свидетельствуют реальные исторические события) народов друг перед другом. Страх же, в свою очередь, стимулировал внутриэтническую сплоченность и солидар-

ность. Каждый этнос нес в коллективной генетической памяти собственное прошлое, формировавшее динамические стереотипы поведения, а взаимодействие либо вражда с соседними народами на протяжении столетий формировали на уровне обыденного сознания стереотипы восприятия соседей. Эти стереотипы, в особенности негативные, обнаруживали поразительную живучесть и, обрастая все новыми подробностями, передавались из поколения в поколение. В итоге они нередко становились весомыми факторами конфликтов.

Что есть этнический конфликт? В гуманитарной науке накопилось множество определений этого феномена, рассматриваемого как часть конфликтов вообще, которые являются скорее нормой обыденной жизни любого социума, нежели чем-то экстраординарным. Конфликт сопровождает человечество на протяжении всей его истории, полной насилия, разрушений, войн и глобальных катастроф. Этнический конфликт — момент кульминации межэтнических противоречий, принимающих характер открытой конфронтации. Психологический словарь дает, к примеру, следующую дефиницию: «Этнический конфликт — форма межгруппового конфликта, когда группы с противоречивыми интересами поляризуются по этническому признаку». Если воспользоваться дифференциацией конфликтов на архаические и современные (А. Ахиезер), то те их них, что характерны для реалий начала XX в., пожалуй, уместнее отнести к некоему третьему типу: это уже не архаический конфликт, происходивший в форме взаимоистребления или геноцида, не сдерживаемых какими-либо внешними институциями, однако и не конфликт в современном его понимании, «опутанный» сдерживающими механизмами, но прежде всего до крайности политизированный, идеологизированный, с отчетливо обозначенной самоидентификацией участников противостояния и четко сформулированной мотивацией политических, социальных, конфессиональных, территориальных и иных требований.

В этнически многокомпонентной, многоукладной Российской империи случались конфликты всякого рода — и близкие к архаическим, и сходные с современными. Мотивация их определялась уровнем самосознания этносов. У стадиально отставших общностей преобладали экономические либо социальные мотивы. Такие общности и сплачивались в целостный этнос нередко уже в ходе самого конфликта. Последний становился даже своеобразным катализатором, способствовал преодолению внутриэтнической дробности, общему единению и развитию этнического самосознания.

Чем реликтовее был этнос, тем ниже оказывался уровень его притязаний. Степень зрелости притязаний возрастала по мере продвижения с

юга и востока на север и запад. Более «продвинутые» этносы вступали в конфликт с четко выраженным осознанием своей этничности. В Польше, Финляндии, прибалтийских губерниях природа этнической конфликтности значительно усложнилась в сравнении с менее модернизированными восточными и южными регионами Российского государства. Она обретала этнополитический характер, причем самые далеко идущие требования сформулировали поляки, возмечтавшие о суверенитете и полной свободе от имперской опеки.

В начале XX в. Россия вступила в полосу затяжного системного кризиса, порожденного сочетанием сложных политико-экономических, социальных и культурно-исторических факторов. Ослабление самодержавного режима, а также болезненное поражение в русско-японской войне привели к внутренней дестабилизации в государстве, а затем и к глобальным коллизиям 1905—1907 гг. На этом драматическом фоне брожение на окраинах империи неизбежно вызвало нарастание массовых, в том числе и национально ориентированных движений.

Национальные движения в России оценивались исследователями главным образом «по вертикали» (имперский центр — зависимые народы), в то время как «горизонтальная» (межэтническая) конфликтогенность в большей или меньшей степени игнорировалась. Однако при ослаблении государственности именно «горизонтальная» конфликтогенность придает «всей системе старых связей многовекторное агрессивное качество» [4].

Спонтанные, стихийные, заурядные межэтнические коллизии случались как на индивидуальном, так и на групповом или массовом уровне. При всей кажущейся незначительности, они зачастую выстраивались в своего рода фундамент грядущих масштабных конфликтов, а то и становились их «историческим оправданием». Во многих случаях, даже при указании этнической принадлежности участников конфронтации, говорить об «этническом» характере конфликта можно было лишь с определенной степенью условности. Но и в самых спорных случаях инцидент между представителями разных этносов, пусть частный и малозначительный, зачастую фокусировал какие-то стороны реальных противоречий, являя собой некую матрицу коллективных взаимоотношений этносов.

2. Зоны «горизонтальной» конфликтности.

География этнических конфликтов в России в основном совпадала с контактными зонами. Иными словами, подобные конфликты чаще всего происходили по периметру лимитрофий, опоясывавших империю почти

параллельно внешним рубежам. Случаи межэтнических конфронтаций в гомогенных внутренних губерниях были единичны, локальны и являлись скорее исключением из правил, нежели нормой обыденной жизни. Все пятнадцать центральных губерний России (Смоленскую, Рязанскую, Костромскую, Московскую, Владимирскую, Воронежскую, Ярославскую, Тверскую, Тульскую, Нижегородскую и др.) можно, без сомнения, отнести к зоне этнической бесконфликтности.

В сопредельных с инородческими регионах, или местах смешанного расселения этносов, прослеживались достаточно обширные ареалы хронической конфликтогенности и конфликтности. Ими, безусловно, следует считать все губернии, входившие в черту оседлости: проявления антисемитизма в них носили перманентный характер и с определенной цикличностью переходили из латентной фазы в вегетирующую и наоборот.

Северо-западные губернии.

Одним из участков «контактного периметра» являлся северный — пограничье Финляндского княжества с Архангельской и Санкт-Петербургской губерниями. Конфликтогенность этого региона в XIX столетии резко возросла в период Польского восстания 1861—1863 гг. Ужесточение правительственного курса в отношении Финляндии в начале XX в. началось с намерения ликвидировать ее вооруженные силы и унифицировать российскую и финскую армии. Затем последовало назначение генерал-губернатором Н. И. Бобрикова (известного сторонника русификаторской политики), а статс-секретарем — В. К. Плеве (впервые эту должность занял не финн по происхождению). Перевод делопроизводства на русский язык и в особенности лишение Сейма права рассмотрения и одобрения общеимперских законов, касавшихся Финляндии, вызвали массовые протесты и даже спровоцировали вспышку террора (4 июня 1904 г. Бобриков был убит террористами). В Финляндии вспыхнули антирусские настроения. Накал их не спадал до начала Первой мировой войны. Вот типичный пример: торжественная литургия для православных арестантов тюрьмы г.Куопио в честь тезоименитства наследника трона 5 октября 1912 г. вылилась в крупный конфликт. Как сообщал начальник городского жандармского управления, надзиратель тюрьмы Э. Эскелинен оскорбил религиозные и национальные чувства арестантов, «произнося гнусности в адрес верующих и наследника»[5]. Аналогичных случаев было немало, и они наглядно иллюстрируют, как чисто политический конфликт приобретал этнический оттенок: недовольство финнов верховной властью выли-

валось в неприязнь ко всему русскому. Лишение Финляндии автономии в 1910 г. окончательно усугубило противоречия между финнами и имперской властью.

В соседней Архангельской губернии между тем участились и прежде имевшие место стычки между финскими и русскими крестьянами, в основном из-за собственности. То же самое можно сказать и о Санкт-Петербургской и Псковской губерниях.

С началом общегосударственного кризиса возрос уровень этнической конфликтности в Курляндской и Лифляндской губерниях, а также в полиэтничной Риге. Конфликтный фон здесь создавали напряженные отношения между эстонцами, латышами и немецким баронством. Последнее владело всеми рычагами местной власти, не только экономической, но и политической. В начале XX в. российское правительство уравняло статус немецкого языка в прибалтийских губерниях с латышским и эстонским, и эти языки были вновь включены (после десятилетнего перерыва) в школьный курс: власти убедились в том, что лишь с обеспечением должного места родным языкам возможно внедрение «обрусительных начал»[6].

Литовцев издавна беспокоило преобладающее влияние поляков в экономической и культурной сферах. После жестокого подавления восстания 1863 г. угрозу для своей самоидентификации они стали видеть и в русских. Затем вновь усилился «рост полонизаторской агитации». На страницах национальной печати шла «непрерывная полемика и борьба, кому господствовать на Литве — полякам или литовцам». О размахе и силе противостояния говорило и признание начальника жандармского управления, докладывавшего директору Департамента полиции: «Обострение национальной вражды охватило не только интеллигентные круги, но и народные массы»[7].

В балтийских провинциях нередко имели место и проявления антисемитизма: обычно это были случаи разграбления лавок и корчем евреев местными жителями и солдатами российских войск.

В годы революционных потрясений в Прибалтике наблюдалось массовое враждебное отношение местного населения к поместному немецкому дворянству. Участились нападения на землевладельцев, разграбления и поджоги усадеб. Дестабилизация проявилась и в насилиях над крестьянством. Пик волнений и потрясений пришелся на 1904—1906 гг. Особое совещание при временном прибалтийском губернаторе предпринимало срочные меры для стабилизации обстановки в крае. Так, для подавления крестьянских выступлений власти привлекали специальные отряды черкесов. Нападение 1 декабря 1905 г. на воинский отряд в Туккуме и резня

драгун окончательно развязали властям руки, и они развернули карательные акции против нарушителей порядка[8].

Классовые и политические противоречия неизбежно дополнялись межэтническими; ведь противоборствующими сторонами оказывались крестьяне (в большинстве своем латыши и эстонцы), землевладельцы (немцы), солдаты и офицеры карательных отрядов (русские, черкесы) и др.

Западные губернии.

В западных губерниях империи повышенный уровень этнической конфликтности (помимо политических факторов) обусловливали антисемитизм (здесь «лидировали» Ковенская и Варшавская губернии) и конфессионально-языковые проблемы католической части населения. В 1905—1907 гг. этот регион оказался сплошным очагом конфликтогенности и предельно высокого уровня конфликтности. Здесь имел место масштабный конфликт «этнос-власть» в отличие от конфликтов типа «этнос-этнос». Нередко в подобных коллизиях власть, несмотря на ее традиционную космополитичность в Российской империи, отождествлялась противоположной стороной с этносом — носителем ее сакрального начала. Становясь квазисубъектом конфликта, власть невольно обретала условную этничность, и любые ее охранительные и карательные действия воспринимались народом-оппонентом как проявление русской ксенофобии. В российской истории бывали периоды, когда власти вполне сознательно прибегали к подобной подмене (политика насильственной христианизации либо русификации), что неизбежно вызывало волну антирусских настроений со стороны имперских инородцев.

В начале 1900-х гг. были сделаны некоторые послабления в отношении Польши. Правительство признало, что насильственное насаждение русского языка в делопроизводстве, системе образования и сфере культа привело лишь к обратным результатам. После бурных событий 1905—1907 гг. было разрешено преподавать польский язык и Закон Божий на польском языке (весной 1908 г.). В Варшавском университете ввели курс лекций по польской литературе, в школах дозволили литовский и польский языки. Вместе с тем закон от 26 декабря 1908 г. еще больше усилил контроль генерал-губернатора над католической церковью. Сохранялись ограничения для поляков в земельном вопросе за исключением предоставления права выборов предводителей дворянства.

После событий 1905—1907 гг. в России вновь усилились антипольские настроения, особенно среди правых. Они негодовали по поводу вспых-

нувших с новой силой сепаратистских настроений поляков. Под давлением правых правительство вновь усилило нажим на поляков. Так, минская полиция под угрозой штрафа в 300 руб. потребовала снять все вывески на польском языке, дублировавшие русские. Исчезли польские надписи на всех товарах в магазинах, на афишах и т. д. Такие действия, по мнению польских депутатов Думы, противоречили закону от 27 марта 1906 г., который допускал ограничения для польского языка только в публичных собраниях обществ и учреждений[9]. Со своей стороны, поляки демонстрировали нараставшую русофобию. К примеру, 16 ноября 1912 г. в Кракове у памятника Мицкевичу состоялась «враждебная России демонстрация», участники которой сожгли портрет императора[10]. Подобных случаев было множество.

В начале XX в. правительство предоставило некоторые льготы украинцам и белорусам в земельном, языковом и конфессиональном вопросах. Однако после потрясений 1905—1907 гг. верховная власть отказалась от прежних уступок. Инициатива депутатов Государственной Думы о введении украинского языка в программу начального обучения в школах не получила поддержки правительства Столыпина. Возникшие в 1905—1907 гг. общества «Просвита» повсюду закрывались, расплодившаяся без официального на то разрешения украинская печать преследовалась[11]. Правительство не ожидало столь заметного проявления украинского этнического самосознания. И хотя радикальные политические требования исходили от сравнительно немногочисленной украинской интеллигенции, угроза «Желтороссии» заявила о себе вполне недвусмысленно.

Юго-западные губернии. Погромное движение.

Среди юго-западных и южных губерний России, где накал этнической конфликтности был ощутимо выше, выделялись Киевская и Бессарабская. Речь в первую очередь идет об антисемитизме. Характерно, что инциденты с евреями в этих регионах отличались особой жестокостью. В Киевской губернии чаще, чем в других, погромы заканчивались убийствами.

В начале XX в. правительство расширило число негородских поселений, в которых могли селиться евреи, чтобы предотвратить излишнюю концентрацию беднейшего еврейского населения в городах «черты оседлости». Однако эти запоздалые меры уже не могли остановить евреев, в массовом порядке примыкавших к социалистическому движению. Одновременно на территории империи зарождалось сионистское движение,

поставившее своей целью борьбу за восстановление еврейского государства в Палестине. В 1900—1901 гг. в России возникли организации «сионистов-социалистов» Поалей-Цион. На их основе в 1904—1906 гг. создавались еврейские революционные и националистические партии. Они выступали за еврейскую государственность в Палестине и за национально-политическую автономию в России с демократическими свободами и представительством евреев в законодательных и административных органах. Еще одна партия — Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) добивался гражданского и политического равноправия евреев.

В разгар общероссийского социально-политического кризиса начала столетия по империи прокатилась волна массовых еврейских погромов, сопоставимых по своим масштабам лишь с погромами 1881—1882 гг. Вновь эпицентром погромного движения стали западные и юго-западные регионы государства. Причина беспорядков, как утверждали официальные лица, правая пресса, да и сами участники погромов, заключалась якобы в антагонизме между евреями-революционерами и «православными защитниками самодержавия». Однако реальная мотивация погромного движения лежала гораздо глубже и, наряду с целым комплексом политических, психоментальных и культурных факторов, в конечном счете сводилась к экономическим и социальным проблемам.

Подстрекателями беспорядков в большинстве случаев выступали черносотенные организации, которые постоянно устраивали провокационные выступления на улицах городов. С лета 1900 г., когда в Одессе в результате мелкой стычки на местной барахолке между солдатами и старьевщиками началось двухдневное избиение евреев, погромы стали характерной приметой стремительно развивавшегося общенационального кризиса в стране.

Самый жестокий и кровавый погром, получивший всероссийский и международный резонанс, произошел в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 г., в дни христианской Пасхи. В циркуляре министра внутренних дел В. К. Плеве губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам от 27 апреля говорилось: «Расследование выяснило, что беспорядки эти возникли вследствие создавшихся в Бессарабской губернии между христианами и евреями обостренных отношений, при которых всякий нелепый слух о евреях мог послужить предлогом для взрыва народных страстей. Таким предлогом оказались ложные обвинения евреев в совершении будто бы ими с ритуальными целями в местечке Дубоссарах соседней Херсонской губернии, в г. Киеве и в самом Кишиневе нескольких убийств христиан»[12]. Вдохновителями побоища были редактор газеты «Бессарабец» П. Круше-

ван, нотариус Писаревский, доктор Синадино, инженер Белинский, местный подрядчик Пронин, имевший тесные связи с черносотенными организациями, и другие. В течение нескольких лет в газете Крушевана систематически публиковались материалы, разжигавшие ненависть к евреям и обвинявшие их во всех грехах. Кульминацией юдофобской истерии стало опубликование накануне погрома сообщения о дубоссарском ритуальном убийстве. Еще с конца марта повсюду появились рукописные листки с провокационными призывами против евреев, по Кишиневу упорно гуляли слухи о якобы личном указании царя бить евреев в течение трех дней.

В первый день Пасхи, 6 апреля на Чуфлинской площади Кишинева, где в ожидании увеселительных мероприятий собралась большая толпа местных жителей, «преимущественно из простонародья», произошла стычка, которая стала детонатором беспорядков. В течение нескольких часов город фактически находился во власти погромщиков, к которым присоединились маргинальные группы населения, местные обыватели, в том числе торговцы, трактирщики и т. д. Вечером бесчинства было утихли, однако наутро, начавшись уже на Новом базаре, они вспыхнули с удвоенной жестокостью и распространились на весь город. Местные власти не предпринимали никаких действий для прекращения разнузданного насилия. В результате за два дня было убито 45 и изувечено несколько сотен человек (74 — тяжело и 350 — сравнительно легко). По официальным данным, разграблению и актам вандализма подверглись до 700 еврейских домов и 600 лавок. Практически всем 54,5 тыс. еврейских жителей Кишинева и его окрестностей был нанесен колоссальный материальный и моральный ущерб [13]. Реакция верховной власти последовала уже после прекращения погрома. Губернатора немедленно сместили. Правительство особым циркуляром вменяло в обязанность местных властей охрану безопасности еврейского населения губернии. Тем не менее вероятность повторения погрома в Кишиневе сохранялась в течение всего апреля, держа в напряжении не только население, но и местную администрацию.

Общественность страны не осталась в стороне от событий в Кишиневе. Страницы газет (даже британская «Times» писала об ответственности царского правительства) пестрели материалами о погроме. Вдовствующая императрица Мария Федоровна высказала глубочайшее сожаление по поводу случившегося в Кишиневе. Представители верховной власти лихорадочно анализировали сложившуюся после кишиневских событий напряженную обстановку в стране. Настоятель Большого Успенского собора в Москве Е. В. Богданович писал В. К. Плеве об опасности активизации евреев в антиправительственной деятельности: «По сравнению с прежними погромами Кишиневский представляет две характеристичные

особенности: непомерное, громадное число убитых, раненых и разграбленных евреев и... полное отсутствие со стороны еврейской массы каких бы то ни было поводов к совершению насилий над нею»[14]. Глава Святейшего Синода К. П. Победоносцев в письме министру от 17 июля 1903 г. сообщал о решении Синода поручить епархиальным преосвященным разъяснять прихожанам, что христиане «должны отличаться истинною любовью ко всем своим ближним без различия, какого бы они племени ни были, какой бы веры ни держались, будут ли то христиане иных неправославных исповеданий или иудеи, магометане, язычники; что евреи, как и все племена и народы, входящие в состав Русской ИМПЕРИИ, суть подданные одного и того же ГОСУДАРЯ и граждане одного с нами отечества»[15].

Дело о Кишиневском погроме рассматривалось сессией особого присутствия Одесской судебной палаты в конце 1903 — начале 1904 г. Судебное разбирательство должно было хотя бы на время остудить пыл потенциальных погромщиков по всей стране. И все же принятых мер оказалось явно недостаточно, чтобы избежать нарастания погромной волны. Уже в конце августа 1903 г. в Гомеле вновь произошел погром, также не обошедшийся без жертв. Еврейское население западных и юго-западных губерний охватили панические настроения. По призыву Бунда евреи стали организовывать кружки самообороны. Об одном из таких кружков 17 мая 1903 г. в Департамент полиции сообщал начальник Виленского охранного отделения[16].

В августе 1904 г. вспыхнул погром в местечке Смела Черкасского уезда Киевской губернии. Пик погромов в 1905 г. пришелся на пасхальные праздники и период после издания манифеста 17 октября. Непосредственными поводами к погромам становились самые разные события. Погром в г. Мелитополе Таврической губернии 18 апреля 1905 г. начался с драки на ярмарке, вспыхнувшей, как следовало из полицейских донесений, из-за учений еврейского кружка самообороны. В результате столкновений было ранено 9 евреев и 22 погромщика, разрушено и сожжено около 40 лавок. Посланные в Мелитополь войска уже на следующий день прекратили бесчинства, арестовав 25 виновных[17]. В Симферополе 21 апреля 1905 г. произошло нападение на местную синагогу и столкновение с евреями. Власти, по их утверждению, выявили истинную причину: «Еврей Бухштаб 13 лет бросил в отхожее место две иконы православной прислуги-казачки Храпичуковой, слухи об этом собрали толпу...»[18]. В г. Керчь-Еникале 27 июля 1905 г. еврейская молодежь организовала революционную демонстрацию. Три дня спустя, 30 июля собралась «патриотическая» манифестация, переросшая в разгром еврейских домов и лавок. В ходе стычек манифестантов с членами еврейской самообороны погибли два участника кружка. Это происшествие получило широкую огласку, и хотя

городской голова М. Д. Клокачев уверял министра внутренних дел, что «никакой розни между национальностями в градоначальстве не существовало и не существует», в МВД было направлено ходатайство о назначении сенатского расследования[19].

В Минске в 1905 г. первый погром случился 16 июля. И несмотря на то, что городские власти приняли все необходимые меры, нападения на евреев и массовые бесчинства в городе вновь повторились 10 октября. Представители еврейского населения послали председателю Совета министров С. Ю. Витте телеграмму с просьбой разрешить организацию самообороны[20]. В течение двух осенних месяцев властями были зафиксировали многочисленные случаи погромов в Виленской (Вильна), Витебской (Витебск, Полоцк, Велиж, Невель), Волынской (с. Авротино, м. Рожищ), Минской (с. Дараганово, г. Речица, м. Брагино, м. Наровля, м. Лоево), Могилевской (м. Чечерск, Орша), Киевской (Киев, д. Веприно, д. Термец, с. Осовцы, с. Острийки, м. Ходорково), Полтавской (Кременчуг, Ромны, г. Золотоноша, Переяславль и др. местности), Екатеринославской (Екатеринослав, Мариуполь, Луганск), Херсонской (Вознесенск, г. Овидиополь, м. Кривой Рог), Бессарабской (м. Страшены, м. Калараш, Аккерман, Измаил) губерниях[21]. Бессарабский губернатор А. Харузин, отвечая на запрос графа Витте о причинах погрома 19—20 октября в Кишиневе, сетовал на глубокий и непоправимый раскол между христианской и еврейской частями населения города. Вместе с тем он квалифицировал события в Кишиневе как беспорядки и усматривал их первопричину в том, что христианское население города видит «в еврействе противоправительственную массу, совершенно революционно настроенную», вследствие чего относится к ней «с сугубым озлоблением»[22].

Погромы весны — осени 1905 г., как правило, вспыхивали в самых людных, оживленных местах: на железнодорожных станциях, рынках, церковных площадях. В них принимали участие рабочие, торговцы, служащие, крестьяне, прислуга, отставные солдаты, другие категории городского и сельского населения. Особенностью погромного движения 1905 г. была его взаимосвязь с различными политическими акциями — демонстрациями, митингами (в частности, происходившими по поводу освобождения арестованных социалистов). Наибольшее количество погромов пришлось на перечисленные выше губернии. Погромное движение затронуло не только Киев, Кишинев, Вильну, Витебск, Минск, но и Москву, Харьков, Воронеж и другие города. Массовый кровавый погром имел место 18—19 октября 1905 г. в Ростове-на-Дону. Его итог — 44 убитых, 160 раненых. Смещенный со своей должности градоначальник граф Коцебу-Пилар, пытаясь оправдать случившееся «объективными» причина-

ми, сообщал Правительствующему Сенату следующее: «Донские казаки относятся к евреям с презрением. Специальным законом евреям запрещено право жительства в Донской области, и среди донского казачества давно уже и особенно громко в последнее время говорили об изгнании евреев из Ростова, находящегося также в пределах Донской области»[23]. Практически повсюду местные власти прибегали к аналогичным объяснениям относительно мотиваций погромов. Снимая с себя ответственность, они целиком перекладывали ее на погромщиков. Те же, в свою очередь, винили во всем самих евреев. Так, инициаторы погрома 20 октября 1905 г. в Кременчуге упрекали евреев в неблагодарности за дарованные манифестом 17 октября милости[24].

Погромы нередко учинялись и в разгар крестьянских выступлений и рабочих забастовок. В свое оправдание зачинщики, как обычно, ссылались на пресловутую революционность евреев. Во время погрома в г. Речица Минской губернии 23 октября 1905 г. в толпе погромщиков раздавались крики: «Это вам за „долой самодержавие!"»[25].

1905 год стал пиком погромного движения: за один только октябрь было зафиксировано около 690 погромов, имевших место в 102 населенных пунктах[26]. Инициаторами нападений на евреев выступали прежде всего политически активные группы населения. В процессе погрома они активно пополнялись местными жителями, причем не только люмпенами и социальными маргиналами, но и вполне добропорядочными обывателями. В 1906 г. наступило относительное затишье, однако летом вновь получил широкую огласку варварский Белостокский погром. По мнению газеты «Эхо», глубинная его причина крылась в ненависти народа к революционерам[27]. Погром начался с крестного хода, перешедшего в перестрелку с евреями и массовое побоище. После погрома глава Департамента полиции обратился к министру внутренних дел П. Н. Дурново с предложением отменить в виде исключения крестные ходы — для предотвращения погромов[28]. В 1907 г. погромное движение пошло на убыль. Однако слухи о грядущих погромах еще долго будоражили население империи.

После 1910 г. правительство вернулось к практике дискриминации евреев: возобновилось выселение в пределы «черты оседлости» ремесленников, ужесточалась практика применения процентной нормы при приеме евреев в высшую школу, понижались аналогичные нормы в средних учебных заведениях.

Осенью 1913 г. Россию всколыхнуло дело Бейлиса. Судили приказчика кирпичного завода Зайцева в Киеве Менахема Менделя Бейлиса. В вину ему вменялось убийство мальчика Андрюши Ющинского, якобы совершенное 20 марта 1911 г. в ритуальных целях. Не только крайне правые, но

даже умеренные газеты и журналы (в т.ч. «Русское знамя», «Земщина» и др.) соглашались с существованием особого сектантского ритуала, связанного с убийствами христианских детей. Лидеры правых в III Государственной Думе В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков 2-й внесли запрос о расследовании убийства Ющинского. 12 июля 1911 г. Бейлис был арестован и провел под следствием свыше двух лет. Черносотенцы развернули массовую антисемитскую агитацию с угрозой погромов. По инициативе депутата Думы Замысловского, из Италии были выписаны старинные фолианты, якобы содержащие «доказательства» ритуального употребления христианской крови. Из государственных архивов извлекались все дела, в которых имелись какие-либо указания на ритуальные убийства. По делу прошло 219 свидетелей. Сложный юридический казус анализировали 14 экспертов защиты (семитолог П. К. Коковцов, раввин Я. М. Мазе, ученые В. М. Бехтерев и И. Г. Троцкий) и обвинения (среди последних были ксендз И. Е. Пронайтис и профессор И. А. Сикорский).

Одним из обвинителей евреев выступил В. В. Розанов. На защиту Бейлиса встали А. А. Блок, В. И. Вернадский, М. Горький, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский, А. Франс и др. Общество разделилось на два лагеря. А. Блок, Д. Стасов, В. Короленко, П. Милюков, В. Набоков, П. Струве, В. Вернадский, А. Бенуа, Д. Мережковский подписали обращение «К русскому обществу»: «Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем свой голос против вспышки фанатизма и темной неправды». Практически вся мировая пресса освещала начавшийся в Киеве 29 сентября 1913 г. процесс. Защищать Бейлиса взялись лучшие российские адвокаты (О. О. Грузенберг, Н. П. Карабчевский, А. С. Зарудный и В. А. Маклаков). В результате бурных судебных и общественных дебатов 30 октября 1913 г. суд присяжных оправдал Бейлиса. Однако в оправдательном приговоре обвинения снимались с него, но не с еврейства[29].

В российской прессе развернулась еще более бурная, чем в ходе процесса, дискуссия. В нее оказалась вовлечена практически вся интеллектуальная элита общества. Пуришкевич публично возмущался исходом судебного разбирательства, Розанов опубликовал в «Новом времени» статью «На их улице праздник». Струве ответил Розанову статьей «Большой писатель с органическим пороком». Мережковский поднял вопрос об исключении Розанова из Религиозно-философского общества. Громкий киевский процесс расколол либеральный лагерь, рассорил многих единомышленников, а исход его так и не внес в общество согласия. Антисемитские настроения по-прежнему витали в воздухе. То и дело в юго-западных губерниях вспыхивали погромы, хотя уже и не столь массовые, как несколькими годами раньше.

Южные губернии и северный Кавказ.

Межэтническую напряженность на юго-западе империи порождало традиционное кочевание цыган. Последнее особенно ощущалось в Бессарабии (Кишиневский уезд являлся излюбленным местом пребывания многочисленных цыганских таборов), где процветали воровство и грабежи, совершаемые цыганами. Таврическая губерния, выделявшаяся особенно пестрым составом населения (крымские татары, русские, греки, украинцы, румыны, поляки, немцы, армяне, евреи, цыгане и др.), показывала при этом среднестатистический уровень конфликтности. Лишь в самый разгар еврейских погромов в губернии имели место немногочисленные инциденты. Возможно, исконная полиэтничность Крыма, уходящая корнями в античность, выработала некую этническую взаимотерпимость. В Екатеринославской губернии, где показатели этнической конфликтности немного превышали среднестатистический уровень (исключая «погромный» 1905 год), зачинщиками столкновений выступали украинцы, русские, греки, немцы, цыгане, евреи. Более высокие показатели в пореформенные годы были характерны для Области войска Донского и Кубанской области, где на приграничных территориях чередовались традиционные набеги горцев и ответные набеги казаков, постепенно принимавшие вид межэтнических столкновений, хотя первоначальная мотивация набегов имела исключительно социальную подоплеку.

На юго-востоке империи наиболее «конфликтной» губернией считалась Ставропольская (в первую очередь ее пограничные уезды и приставства). Как территориально-административная единица, она сформировалась из множества этнических «лоскутов»: в этой чрезвычайно концентрированной контактной зоне пересекались цивилизационно чуждые этнические компоненты (кочевые и полукочевые ногайцы, калмыки, оседлые равнинные жители Северного Кавказа и Закавказья, горцы, русские и украинские поселенцы, польские и немецкие колонисты, евреи и др.). Конфликты происходили в виде внезапных набегов и вооруженных стычек, зачастую сопровождавшихся убийствами и неизменными грабежами. Схожим образом выглядела ситуация и в Терской области. Хронический дефицит в крае пригодной для сельскохозяйственных нужд земли издавна порождал конфликты. Активизация переселенческой политики в начале столетия еще более обострила взаимоотношения между колонистами и местными жителями. Северокавказское население постоянно пополнялось за счет ссыльных сектантов, армян-беженцев из Турции, а также чиновников и военнослужащих (в раздувавшемся штате местной администрации и войсковых штабах и гарнизонах). С последним явлением

пытался бороться наместник И. И. Воронцов-Дашков, смягчавший по мере возможности демографическую напряженность посредством компромиссных мер.

Давняя вражда казаков и горцев, тлевшая под неусыпным контролем государственной машины, с ослаблением последней вспыхнула с новой силой. Кавказ постепенно начала захлестывать волна насилия. 28 мая 1906 г. произошло вооруженное столкновение между ингушами аула Яндырка Терской области и казаками — жителями шести станиц. Столкновение спровоцировало убийство казаками ингуша, приехавшего в станицу для обсуждения возможностей и условий найма на работу в станице жителей его родного аула. В ответ ингуши 29 мая напали на казаков. Разгорелся настоящий бой, в котором участвовало около 2 тыс. ингушей и прибывших на подмогу казаков и солдат. Погибло 5 казаков, 7 ингушей, 30 человек были ранены. Жители аула направили запрос министрам внутренних дел и военному[30]. Ингуши жаловались на то, что две трети земель у них изъяты в пользу казачества и они вынуждены платить ежегодно 30 тыс. руб. за землю, арендуемую у казаков. В ответ на запрос Думы оба министерства признали факт затяжных «неприязненных отношений» между казаками и горцами. Вражда, по мнению властей, питалась укорененными среди ингушей традициями грабежей, краж и т. д.[31]

Акции карательного характера, предпринимавшиеся властью (даже вполне правомерные, вызванные нарушениями закона, уклонением от тех или иных повинностей либо от уплаты налогов), лишь усиливали отчуждение кавказских жителей от Центра. Но и политические меры не приносили ощутимых результатов. Так, 16 марта 1910 г. комиссия по запросам III Думы рассматривала запрос кавказскому наместнику по поводу насилий в отношении местных жителей, чинимых посланными «для поимки разбойников в Ингушии и Чечне» отрядами. Речь шла об убийствах мирных жителей, в том числе детей, осенью 1908 и 1909 гг. Участившиеся парламентские слушания по кавказским проблемам вряд ли могли реально стабилизировать взрывоопасную ситуацию в регионе. Для этого требовалась целая система мер не только политико-административного, но прежде всего социального и экономического характера. В марте 1910 г. в уже упоминавшемся ауле Яндырка вновь произошло столкновение между казаками и ингушами. 5 ноября 1910 г. в Думу поступили запросы в связи с якобы незаконными действиями администрации Терской области «по отношению к туземному населению при принятии мер к задержанию разбойничьей шайки абрека Зелимхана»[32]. После вооруженного нападения солдат Новобаязетского полка на мирных жителей с. Хунзах Дагестанской области (в столкновении было убито 4 и ранено 5 человек) по-

страдавшие отправили в столицу коллективную жалобу на действия военных. Они писали: «Мы, аварцы, всегда отличались верностью и не раз проливали кровь свою за царя и Отечество даже в тех случаях, когда нам приходилось сражаться с нашими же единоверцами и соотечественниками»[33].

У властей находились, однако, свои аргументы в ответ на многочисленные сетования со стороны населения Северного Кавказа. В докладе думской комиссии по запросам 5 мая 1912 г. прозвучали статистические данные, согласно которым за 5 лет в Хасав-Юртовском округе Терской области было совершено 44 особо жестоких уголовных преступления, квалифицированных как «ничем не прикрытое, ничем не оправдываемое злобное издевательство над русскими людьми». В докладе говорилось: «Комиссия, разумеется, далека от мысли переносить вину отдельных преступников на всю народность, но следует засвидетельствовать, что в силу длительных ненормальных условий, при которых формировалась общественная жизнь Кавказа, народные массы не могли усвоить и до сих пор этой простой истины: в них живо еще чувство ненависти к некоторым народностям. Так, ингушей и чеченцев ненавидят, например, кабардинцы, осетины и лезгины, а этим последним тою же монетой платят чеченцы. Причины этого лежат в глубине истории, и уничтожить это явление можно лишь с помощью длительных культурных мероприятий»[34].

Вражда между ингушами и осетинами Терской области в 1905—1907 гг. достигла чудовищного накала: постоянные набеги ингушей Сунженского отдела на приграничные осетинские селения грозили перерасти в настоящую войну между двумя народами. В 1906 г. нападениям ингушей подверглись осетинские села Заманкул, Зильги, Ольгинское, Верхний Ачалук и др. В марте 1907 г. вооруженные ингуши напали на хутора и поместья осетин-землевладельцев в Малой Кабарде. Нападение ингушей Назрановского округа на село Ольгинское 23 мая 1907 г. сопровождалось, по рассказам свидетелей, «перестрелкою с войсками, убийством беззащитных стариков, молодежи, детей, женщин, поджогами строений, издевательством над трупами, взятием в плен людей, расхищением у 27 дворов всего имущества, обстрелом храма Божьего, разгромом квартиры священника и проявлением беспримерной жестокости...». Выбить бандитов из села удалось лишь с помощью казачьей сотни[35].

Закавказье. Бакинская резня.

К началу столетия максимальный уровень конфликтности в Закавказье сохранялся в Бакинской губернии, где жили армяне, азербайджанцы

(именовавшиеся в официальных документах татарами), курды, лезгины, русские и др. Что касается последних, то в стычках в основном участвовали не столько мирные жители, сколько казаки, служившие в Кавказской армии. От Бакинской губернии ненамного отставала Эриванская. В Тифлисской губернии зачинщиками конфликтов становились, помимо представителей этнических групп Грузии, лезгины и азербайджанцы. Типичными были ночные нападения на частные дома и подкарауливание жертв на дорогах, грабежи, поджоги, убийства. Все эти сугубо криминальные происшествия отягощала этническая чужеродность преступников и жертв, что неизбежно накаляло межэтнические отношения.

В Баку с его многочисленными промышленными предприятиями по добыче и переработке нефти сосредоточилось около 150 тыс. рабочих разных национальностей и вероисповеданий. Политическая дестабилизация в государстве всколыхнула всю эту разнородную массу. Малейшая искра могла разжечь пожар. Если на исходе 1904 г. в секретных донесениях начальника Бакинского губернского жандармского управления в Департамент полиции, как обычно, фигурировали мелкие, обыденные стычки, то уже менее чем через месяц ситуация кардинально изменилась. 12 января 1905 г. два армянина-конвоира закололи штыками подследственного арестанта-азербайджанца, якобы пытавшегося бежать. В Баку распространился слух о злонамеренности убийства, которое было совершено «по решению Армянского комитета, подкупившего как конвойных солдат, так равно и некоторых лиц тюремной администрации»[36]. Ответное убийство армянина азербайджанцами 6 февраля всколыхнуло оба народа. «Затаенная вражда вечером разрешилась взаимными убийствами, пострадавших до сотни,— сообщалось в шифротелеграмме, направленной 8 февраля из Баку министру внутренних дел,— сегодня уличная стрельба доходит до предела. Торговля, конка, извозчики стали. Улучшения не предвидится. Жандармское управление не справляется со стихией масс. Во всех частях города происходит нечто ужасное. Рабочие-армяне бросили работу на промыслах и идут в город в громадном числе»[37].

Чудовищная резня продолжалась в течение четырех дней. Полиция зарегистрировала результаты бойни: 108 убитых и 27 заживо сожженных армян, более 100 раненых. Общее число жертв достигало 500 человек[38]. Бакинская губерния переводилась на военное положение. Министр финансов В. Н. Коковцов докладывал императору Николаю II о событиях в Баку: «Беспорядки были чужды рабочего движения и возникли на почве религиозно-национальной розни между армянами и мусульманами, подготовленной, по-видимому, злонамеренными лицами»[39].

Хотя массовые убийства в Баку были пресечены с помощью войск и благодаря вмешательству влиятельного духовенства (армянского и азербайджанского), пожар конфликта перекинулся в Нахичевань и окружающие город местности. Затем беспорядки добрались до Эривани, а в марте охватили Елисаветпольскую губернию. Летом бесчинства вновь было вспыхнули, но власти немедленно подавили их. В августе 1905 г. начались волнения в Казахском, Арешском, Елисаветпольском уездах, достигшие кульминации в октябре-декабре. В городах Баку, Шуша, Елисаветполь, Тифлис, на Закавказской и Карсской железных дорогах произошли массовые столкновения. В ноябре группа из тысячи азербайджанцев напала на город Казах: два дня продолжались разбои, грабежи и пожары. Около двух тысяч азербайджанцев Борчалинского уезда в течение недели громили армянское население Тифлиса. Войска были вынуждены применять артиллерию[40].

Несмотря на усилия властей, пытавшихся жесткими действиями полностью погасить конфликт, затишье продлилось недолго. В 1906 г. столкновения возобновились. Пик их в Эриванской и Елисаветпольской губерниях пришелся на май-июнь. Осенью и зимой кровавые стычки охватили Казахский, Джеванширский, Шушинский уезды Елисаветпольской губернии. В последних двух уездах формальной причиной конфликта стал спор по поводу пользования оросительной системой, протянувшейся через соседствующие поселения армян и азербайджанцев[41].

Вскоре в политическом обзоре Департамента полиции была изложена официальная версия причин армяно-азербайджанского конфликта. Она включала следующие пункты: 1. Вековая вражда наций; 2. Невежество; 3. Борьба на экономической почве: татары (т. е. азербайджанцы), в прежнее время хозяева края, вследствие инертности, отсутствия стремления к образованию и предприимчивости в последнее время быстро утратили свою гегемонию — почти вся торговля и большинство ремесел перешли в руки армян, с чем татары примириться никак не могут; 4. Провокация со стороны подонков той и другой нации, главным образом со стороны армян (речь шла прежде всего о т.н. «джанфидаях», оказавшихся вне партии «Дашнакцутюн» после возвращения в 1905 г. конфискованного государством имущества армянской церкви)[42].

«Вирус» межэтнической войны, фактически ведущейся между армянами и азербайджанцами, распространялся по всему Закавказью. Призванные для подавления беспорядков войсковые, главным образом казачьи, команды также подвергались частым нападениям[43]. Убийство казачьего сотника в Батуме спровоцировало 2 июня 1906 г. массовые столк-

новения между казаками и местными жителями. Еще раньше, 3 августа 1905 г. в Гурии во время стычки грузинских крестьян с казаками погибло 10 человек. Подобных примеров предостаточно.

Правые в Думе, в частности Пуришкевич, считали, что инициаторами межэтнических конфликтов на Кавказе являются армяне и грузины, а мусульмане (азербайджанцы прежде всего) находятся «в загоне», являются страдающей стороной, наиболее консервативны и лояльны русской власти [44]. Коллега Пуришкевича, граф Бобринский на заседании 5 февраля 1909 г. попытался прояснить корни «смут» на Кавказе. Он объяснял их географическим положением края, многонациональным составом населения, сложностью «вероисповедного» вопроса, традициями кровной мести и отсутствием разумной политики правительства [45].

Кавказские национальные движения, в отличие от польского, не были проникнуты ни идеей сепаратизма, ни русофобией. Однако всем им в той или иной степени была свойственна «локальная» этнофобия, распространявшаяся исключительно на соседний народ, с которым шла вражда, либо имелись серьезные, трудноразрешимые противоречия (прежде всего экономические и территориальные).

Азербайджанское национальное движение, активно борясь за права мусульман, добивалось учреждения особого представительного органа исламских народов на Кавказе. Петиция кавказских мусульман, поданная в Комитет министров в начале 1905 г., содержала требования свободы получения образования и печати на родном языке, а также введения земского самоуправления, т. е. уравнения их в правах с остальными подданными империи. Подобные же требования выдвигались в петиции от грузин, добивавшихся еще и автокефалии своей церкви. Движение автокефалистов с марта 1905 г. начало принимать организованные формы. Армянское движение было направлено на возвращение имущества армяно-григорианской церкви. Все участники церковных движений по сути отстаивали национально-культурную автономию. Национальное представительство в органах местного самоуправления составляло один из предметов затяжного армяно-грузинского конфликта. В его основе лежали также проблемы землепользования и последствий миграционных процессов в Закавказье.

В прочих местностях неспокойного Кавказского региона (Дербентское градоначальство, Закатальский округ, Сухумский военный отдел и др.), возможно, вследствие их изолированности и относительной гомогенности сохранялся более низкий уровень конфликтности, а статистика происшествий была сопоставима с обычным, среднестатистическим уровнем. Восстановление в 1905 г. Кавказского наместничества (упразд-

ненного Петербургом в 1883 г.) способствовало относительной стабилизации обстановки в Закавказье. Разумные действия И. И. Воронцова-Дашкова на некоторое время затушили разгоравшийся пожар[46]. Однако хронические проблемы региона не были решены, лишь загнаны внутрь.

Юго-восточные губернии, Поволжье, Сибирь.

Зоной хронической конфликтогенности являлась Астраханская губерния (в первую очередь Енотаевский, Черноярский уезды и Малодербетовский улус). Причин тому было немало, в том числе чрезвычайно подвижный этнический состав населения, его избыточная пестрота, демографическая перенасыщенность. К тому же губерния находилась на оживленном торговом перекрестке и была вовлечена в активную предпринимательскую деятельность. В Астрахани и вокруг нее сходилось множество сухопутных и судоходных торговых путей. Там скапливалось великое множество товаров, крупных материальных ценностей. Большинство конфликтов возникало здесь вокруг собственности (ограбления купцов, кражи скота и т. д.). К примеру, в январе 1906 г. вооруженные русские крестьяне угнали скот калмыков Аксайской области. По требованию местной администрации он был возвращен. Вице-губернатор Орешков распорядился расследовать этот случай. Посланный в уезд советник связал происшедшее с митингом, состоявшемся 20—22 декабря 1905 г. в Тихорецке, организаторы которого подстрекали крестьян прекратить вносить арендную плату за земли и захватывать их силой[47].

Постоянными действующими лицами инцидентов являлись калмыки, киргизы (так именовались не только собственно киргизы, но и казахи и другие выходцы из Средней Азии), греки, ногайцы, черкесы, армяне, татары, русские и др.

Среди поволжских губерний одной из самых «конфликтных» считалась Казанская губерния (особенно Чистопольский уезд). В многочисленных столкновениях принимали участие татары, русские, башкиры. Практически все коллизии разыгрывались между ними преимущественно из-за земельных споров[48]. В Предуралье и на Урале выделялись Оренбургская (Челябинский и Оренбургский уезды) и Пермская (Кунгурский и Осинский уезды) губернии. В Вятской губернии единичные случаи межэтнических стычек имели место в Сарапульском и Малмыжском уездах.

В разреженном пространстве Сибири уровень обыденной этнической конфликтности был низок. Наиболее неспокойной, сравнительно с другими, можно считать Енисейскую губернию (прежде всего Минусинский

округ). Стабильный уровень межэтнических столкновений создавался за счет обитателей острогов, беглых преступников и ссыльных поселенцев. Большинство происшествий происходило на чисто уголовной почве и в отсутствие «благоприятного» для таких эксцессов полиэтнического фона не могло иметь последствий. Верховная власть усматривала опасность для режима в областническом движении, новый подъем которого произошел в 1905—1907 гг. Однако областничество не преследовало сепаратистских целей и не имело какого-либо этнического окраса.

Что касается Дальнего востока, Чукотки, Камчатки и Приморья, скудость имеющихся в наличии материалов позволяет лишь поверхностно судить о межэтническом климате в этих малонаселенных и малоосвоенных регионах[49]. Последнее как раз указывает на объективную невозможность существования в этих обширных землях межэтнической напряженности: постепенное «разбавление» местного населения колонистами не создавало слишком серьезных этноконфессиональных проблем.

Средняя Азия.

Со второй половины 1860-х гг. к устоявшимся конфликтогенным зонам добавился обширный среднеазиатский регион. Подавляющее большинство инцидентов, включая междоусобные распри в ханствах и народные волнения, никак не были связаны с этничностью. Противоположные стороны, даже в крупных массовых восстаниях, дифференцировались исключительно по локальной или клановой принадлежности. Если воспользоваться классификацией форм самосознания, которую предлагает американский исследователь Дж.Комарофф, то коллективное народное самосознание в России (в первую очередь в азиатской части) находилось между трайбализмом и этничностью[50]. Этничность проявлялась в тех редких случаях, когда хотя бы одна из оппонирующих в конфликте сторон консолидировалась по этническому признаку, как это происходило, например, с поляками или евреями. Среднеазиатским общностям была свойственна сугубо трайбалистская форма самосознания (как, впрочем, и большинству других стадиально отстающих общностей в империи).

События 1905—1907 гг. во внутренних губерниях, по-видимому, не оказали дестабилизирующего влияния на народы Средней Азии, хотя опубликование манифеста 17 октября и другие политические преобразования, безусловно, сказывались на общественной жизни региона. Негативное воздействие на общую ситуацию скорее оказывало начавшееся

еще в конце XIX в. переселение крестьян из центральных губерний России на восток страны, которое значительно расширилось в годы столыпинских реформ. Перераспределение угодий, как и в других регионах, приводило к ломке не только традиционных форм землепользования и порядка кочевания, но и устоявшихся взаимоотношений общин между собой. Дестабилизирующим фактором становились прежде всего проблемы землеустройства переселенцев.

Правительство, памятуя о протяженной границе с мусульманскими странами, предпочитало действовать в этом регионе осторожно. Вместе с тем власти всячески поощряли русскую крестьянскую колонизацию в Казахстан и Среднюю Азию. Столыпинская реформа дала переселениям новый импульс. Степной генерал-губернатор признавал, что именно массовое заселение лучших земель становилось источником антиправительственных настроений и сопротивления в самых разных формах. Особенно остро встал вопрос о колонизации Семиречья и Туркестана. Товарищ министра внутренних дел доверительно сообщал губернатору А. В. Кривошеину 24 марта 1911 г. о настроениях коренного населения Семиречья в последние полгода: «...водворение русских переселенцев в Семиречье и слухи о привлечении всего туземного населения к отбыванию воинской повинности весьма встревожили киргиз и вызвали оживленный обмен мнений на волостных съездах (маслейхатах), причем на последних созрела мысль о необходимости общеобластного съезда для обсуждения настоящего положения и принятия по существу такового надлежащих мер»[51].

Заведующий розыскным пунктом г. Верного доносил в особый отдел Департамента полиции в августе 1912 г. «Вопрос о разделе земель неожиданно враждебно настроил киргизскую массу, но неприязнь мусульман к русским нельзя объяснить только одним этим обстоятельством, т. к. враждебность разделяется и другими мусульманскими народностями. Специально же у киргиз происходили и происходят с крестьянами, заселившими земельные участки, ряд столкновений и иногда кровавых»[52]. Неприязнь к русским имела не этническую или религиозную, а чисто социальную подоплеку. Однако она грозила перерасти со временем в стойкую массовую этнофобию.

30 августа 1912 г. в поселке Кос-Копа Акмолинского уезда Акмолинской области произошел инцидент с крестьянами, угнавшими табуны лошадей из аулов № 3 и 5 того же уезда. После возвращения по требованию местной администрации лошадей крестьяне были избиты и ограблены казахами, которые, в свою очередь, захватили имущество и скот своих

обидчиков (нормы обычного права допускали действия по принципу «око за око»). Переселенцам пришлось обращаться за помощью к властям. Они определили свои убытки в 7 тыс.руб.[53] Это был достаточно типичный случай конфликта.

В Бухарском эмирате жили туркмены, киргизы, казахи, в городах — бухарские (среднеазиатские) евреи, иранцы, афганцы, индусы, цыгане и др.. Преобладали узбеки и таджики (или персы, как они именовались в документах). Они и были участниками наиболее крупных и острых конфликтов, в частности столкновений начала 1910 г. в Бухаре.

В течение 1906—1907 гг. прошли три съезда мусульман России. Делегаты их требовали справедливого представительства в Думе от пяти областей, населенных мусульманами. На съезде в Нижнем Новгороде была выдвинута идея культурно-конфессиональной автономии. Активность мусульманского движения привела к тому, что особое совещание по веротерпимости под руководством графа А. П. Игнатьева в 1905 г. было вынуждено обсуждать «мусульманскую угрозу».

В 1910 г. правительство под впечатлением от масштаба мусульманских движений собрало совещание, которому предписывалось выработать меры по сопротивлению «пантатаризму», «пантюркизму» и «панисламизму». Участники совещания обращали внимание верховной власти на опасность активизации мусульман в будущем.

Подводя итог, следует сказать, что субъектами этнических конфликтов выступали представители практически всех народов империи. Стороны часто менялись местами: агрессор превращался в жертву и наоборот. Межэтнические конфликты часто возникали на почве религиозной нетерпимости (особенно в дни конфессиональных праздников), а также в результате ущемления прав того или иного народа со стороны властей. Любое их покушение на религиозные устои инородцев вызывало резкий всплеск эмоций. Вторжение в святая святых каждого этноса — сферу традиций, обычаев и ритуальной обрядности всякий раз порождало вспышки коллективного недовольства. Провоцирующим конфликты фактором являлись также земельные споры, языковая дискриминация, проблемы народного образования (в частности, вопросы, касавшиеся содержания учебных программ для национальных либо смешанных школ).

Глобальным конфликтогенным фактором в России являлась социально-экономическая неоднородность и формационные разрывы между имперскими народами. Вечным стимулом к выяснению отношений, особенно на межэтническом уровне, становилась собственность. Ведь посыл к изъятию частного имущества всегда было легче оправдать, если собственность эта принадлежала чужому племени. К тому же в менталитете неко-

торых реликтовых, стадиально отстающих этносов подобные деяния считались нормой — наглядным примером служит набеговая система на Кавказе. Одним из самых привлекательных видов собственности считался скот, поэтому кража скота в империи процветала повсеместно.

Постоянный фактор межэтнической конфликтности сохранялся в сфере частной жизни. В большинстве случаев конфликт обычно провоцировали побочные обстоятельства, например такое прозаическое, но чрезвычайно распространенное в России явление, как пьянство, а также социальная маргинальность, низкий культурный уровень и т. п. Опасность межэтнических стычек на бытовой почве заключалась прежде всего в том, что они зачастую провоцировали крупные столкновения.

Этнический конфликт в России принимал самые разнообразные формы: мелкое хулиганство, драки, поджоги, воровство, грабежи, вооруженные конфронтации, массовые стихийные выступления, спланированные акции неповиновения и т. д.

Эпоха «Великих реформ» в Российской империи с ее гласностью и открытостью привнесла в общественное сознание и духовный обиход немало новых веяний, в том числе и связанных с понятиями нации и национализма. Эти абстрактные дефиниции только начинали обретать конкретный смысл и реальные очертания в «многонародном» российском государстве, а фактор этнической конфликтности, очевидно, еще не привлекал к себе внимания верховной власти, обеспокоенной другими общенациональными проблемами. Явление это обнаруживало определенные тенденции и закономерности, одна из которых заключалась в том, что ареалы этнической конфликтности на территории российского государства располагались по мере удаления от центрального ядра империи и в основном совпадали с контактными зонами. Ими становились весьма обширные регионы государства со смешанным составом населения и все более усложнявшейся этнической структурой.

3. Инородцы и русский национализм.

Жесткая централизаторская политика в отношении окраин — на фоне пробуждавшегося этнического самосознания и роста земского, либерального, монархического и социалистического движений, появления политических партий и зарождения парламентаризма — привела к подъему национальных движений. Появление новой оппозиционной силы стало следствием серьезного ухудшения социально-политического статуса периферийных народов, ущемления их прав в конфессиональной, духовной

и культурной областях, а также языковой дискриминации. Непродуманные правительственные меры в вопросах языковой политики и школьных программ создавали предпосылки для конфликтов, поднимая волну недовольств. Инородцы особенно болезненно реагировали на те действия имперской власти, которые покушались на сложившийся порядок вещей. Между тем по мере постепенного отхода от имперской толерантности в национальном вопросе инородцам все упорнее навязывался доминирующий тип социального поведения. Вмешательство в «запретную зону» этноса или любой социокультурной общности — пространство национального духа с его традициями и обычаями — вызывало крайне негативную реакцию, глухое сопротивление, массовые волнения.

Любопытно, что российская общественность оказалась весьма восприимчивой к опасности, грозившей устоям империи. Даже самые убежденные либералы, беспрестанно критиковавшие самодержавный режим за подавление прав и свобод, обнаруживали отчетливо выраженное нежелание делиться этими свободами с другими народами, если это (как им представлялось) грозило целостности государства. Вновь, как и в случае с Польским восстанием 1863 г., российская общественность сплачивалась против угрозы реального или мнимого национального сепаратизма. В частности, отношение к польскому восстанию выразилось в мощной вспышке полонофобии.

В начале XX в. националистические настроения в столичной среде вновь усилились, и главной проблемой, по мнению правых и черносотенных деятелей, становилась растущая среди националов русофобия. Действительно, непопулярные действия имперской власти нередко приводили к тому, что обиженные народы непроизвольно начинали наделять власть этническим началом, отождествляя с ней «империобразующий» народ (т. е. русских). Однако выше уже говорилось, что Российская империя всегда была надэтническим наднациональным образованием, а имперская власть всячески стремилась сохранять, даже ценой ущемления русского народа, хрупкий межэтнический баланс и тем самым сдерживать этноконфронтации. К тому же подавляющая масса русских — забитое, невежественное крестьянство — была чрезвычайно далека от блестящих умов в столицах с их поисками национальной идентичности и идеей русского национализма. Рост последнего никак не мог быть выгоден самодержавному режиму: ведь усиление русского этнического национализма неизбежно влекло за собой цепную реакцию локальных национализмов, которые взорвали бы империю изнутри. Да и в самом русском народе не обнаруживалось склонности к воинственному национализму: ему, как и любому многомиллионному этносу, по определению не могло гро-

зить истребление, как национальным меньшинствам, постоянно озабоченным инстинктом самосохранения. Ксенофобии русских проистекали из совокупности локальных факторов, больше связанных с реальными земными проблемами, становившимися мотивационными факторами этнических конфликтов. П. Н. Милюков утверждал, что, русский народ в массе своей не был заражен национализмом. Объектом редких националистических вспышек, по его мнению, «никогда не были народности, живущие внутри России (за исключением евреев)». Но даже стоявший особняком антисемитизм, который представлял собой этнический конфликт в чистом виде, к тому же давно переросший локальные рамки (в отличие от большинства конфликтов в империи с их ситуативностью, стихийностью, рутинностью и т. д.), принимал агрессивные формы лишь в моменты серьезных социальных, либо политических кризисов.

Российские интеллектуалы, политики и общественные деятели самого разного толка бурно обсуждали проблемы, возникшие в связи с национальными движениями и межэтническими коллизиями. Правые и черносотенные деятели оказывали постоянное давление на правительство, призывая его к ужесточению политики в отношении инородцев. Либеральный лагерь впадал в другую крайность. П. Б. Струве в одной из своих статей в «Русской мысли» затронул важные вопросы: об этнической природе российского государства, о том, считать или нет малороссов и белорусов особыми нациями, быть ли России «национальным государством» или «государством национальностей»? [54] Эти дискуссии либералов и правых о народах России и национальном вопросе наглядно иллюстрировали опасные реалии этнических проблем, вставших перед верховной властью во всей своей остроте в 1905—1907 гг. В последующие годы они были лишь отчасти приглушены. Накануне Первой мировой войны в целом ряде регионов тлели очаги межэтнических конфликтов, чреватых для империи большими потрясениями.

Примечания

[1] Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1991. С. 75—152. Перепись 1897 г., отражавшая уровень статистической науки того времени, не могла дать абсолютно адекватной этнической картины России (тем более что ею было охвачено отнюдь не все население государства: Польша, Финляндия, Хива и Бухара оказались за пределами переписи). Однако ее материалы все же позволяют увидеть реальную структуру этноконфессионального состава Российской империи.

[2] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996. С. 198.

[3] См.: *Ерасов Б. С.* Этническое — Национальное — Цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 87.

[4] *Булдаков В. П.* «Красная смута». М., 1998. С. 140.

[5] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1912. Д. 20. Ч. 87. Л. 50.

[6] Национальная политика. История и современность. М., 1997. С. 54—55.

[7] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 175. Л. 106—106 об.

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2491. Л. 120—121.

[9] Национальная политика... С. 68—71.

[10] ГА РФ. Ф. 102. 1915. Д. 175. Л. 106—106 об.

[11] Национальная политика... С. 60—61.

[12] Еврейские погромы в Российской империи. 1900—1916. Сб. док. (макет на правах рукописи). М., 1998. С. 47.

[13] См. там же. С. 47—50; 55—65; 67—69; 72—76; 86—87; 90—101. Новые материалы о Кишиневском погроме см.: Кишиневский погром 1903 года. Сб. док. Кишинев, 1998; *Джадж Э.* Пасха в Кишиневе. Кишинев, 1998.

[14] Еврейские погромы... С. 56.

[15] Там же. С. 96.

[16] Там же. С. 85.

[17] Там же. С. 125.

[18] Там же. С. 126—127.

[19] Там же. С. 133—138.

[20] Там же. С. 165.

[21] Там же. С. 123—194.

[22] Там же. С. 178.

[23] Там же. С. 145—149, 150.

[24] Там же. С. 192.

[25] Там же. С. 169.

[26] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914). М., 1992. С. 54.

[27] Эхо. 1906. 23 июня.

[28] Еврейские погромы... С. 213.

[29] См. Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. 1—3. Киев, 1913; *Степанов С. А.* Указ. соч. и др.

[30] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1906. 2 отд. Д. 360. Л. 33—37.

[31] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 683. Л. 14, 16—17.

[32] Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3305. Л. 311 об., 313 об—314, 317—319.

[33] Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2637. Л. 1—2.

[34] Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2563. Л. 5—6, 7.

[35] Архив автора.

[36] Цит. по: Источник. Документы русской истории. 1995. № 5. С. 49.

[37] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Д. 90. Л. 3, 4, 11, 77.

[38] Там же. Л. 23, 57. Д. 1000. Ч. 17. Л. 2.

[39] Источник... С. 58.

[40] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 17. Л. 4.

[41] Там же. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. 2 отд. Д. 9. Ч. 82. Л. 1—3.

[42] Там же. Ф. 102. ДП. ОО. 1907. Д. 100. Т. 2. Л. 66.

[43] Там же. Ф. 102. ДП. ОО. 1906. 2 отд. Д. 700. Ч. 43. Л. 21; 1910. Д. 32. Ч. 24. Л. 14.

[44] Кавказский запрос в Государственной Думе. Тифлис, 1909. С. 8.

[45] Там же. С. 13—16.

[46] См. Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

[47] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 224. Д. 38. Л. 173 об.

[48] Там же. Д. 36. Л. 151 об, 239, 257.

[49] См. Национальная политика... С. 137—142.

[50] *Комарофф Д.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 57.

[51] ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1911. Д. 74. Ч. 84. Л. 11, 34—35, 38, 42.

[52] Там же. 1912. Д. 205. Л. 5.

[53] Там же. Д. 170. Л. 76.

[54] Русская мысль. 1911. Январь. С. 184—187.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В НАЧАЛЕ XX в.

Ю. А. Петров

1. Динамика экономического роста.

Россия, как известно, принадлежала к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступив на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Насколько же органичен или, напротив, зависим от внешних факторов был этот рост и в какой мере Российской империи удалось «догнать и перегнать» ушедших вперед западных конкурентов?

В общественном мнении со времен «Краткого курса истории ВКП(б)» получил распространение тезис о глубокой отсталости и полуколониальной зависимости России, о неспособности царского правительства спасти страну от иноземной кабалы, от которой-де избавил народ Октябрьский переворот. Этим представлениям, имеющим хождение и в нашем современном обществе в обличье теории о «зависимом» характере экономического развития позднеимперской России, в последнее время активно противостоит не менее идеологизированный образ предреволюционной России как страны всеобщего благоденствия, где разве что булки на деревьях не росли [1].

Согласно теории «зависимого капитализма», в полуколониальных и колониальных странах экономический рост целиком определялся внешними факторами. Характерными признаками такой экономической модели являлись искусственное перенесение новейших хозяйственных структур в малоразвитые страны, нарушение вследствие этого естественного цикла экономического развития и образование замкнутых внешнеэкономических анклавов, органически не связанных с окружающей их общественно-хозяйственной средой и ориентированных в своем развитии на удовлетворение нужд метрополии. В результате такой ориентации происходило складывание своеобразной «филиальной» народнохозяйственной структуры, «привязанной» к экономике метрополии в качестве ее аграрно-сырьевого придатка [2].

Как же обстояло дело в предреволюционной России? История зарождения и роста отечественной промышленности была неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились две линии индустриального прогресса. Первая была связана с применением западных форм крупного промышленного (мануфактурного) производства на основе использования принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивались горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли, где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и др. производства). Путь этот в конечном итоге оказался тупиковым, и с отменой крепостного права «дворянская» промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежало частное предпринимательство и наемный труд.

Именно эта вторая модель индустриального роста, зародившаяся еще в дореформенную эпоху, стала магистральной линией экономического роста в позднеимперский период. В основе ее лежало возникновение промышленных предприятий на наемном труде крепостных крестьян, которых помещики переводили на денежный оброк. В поисках средств для его уплаты такие крестьяне либо уходили в города, либо занимались промыслами у себя в деревне. На этом пути, в частности, выросла российская хлопчатобумажная промышленность[3]. Именно крестьянская текстильная промышленность, возникновение которой в конце XVIII — начале XIX в. стало результатом разрушения натуральной системы хозяйства, послужила основой индустриального развития страны. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских «светелок» до оборудованных по последнему слову западной техники комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная прежде всего в Центральной России, послужила залогом органического и автономного промышленного роста страны.

И хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. оно оставалось самой крупной отраслью российской промышленности. На его долю к тому времени приходилось около 30% валовой стоимости промышленной продукции (см. табл. 1). А общая доля всех отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов), накануне Первой мировой войны составляла около 65%.

Таблица 1

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ (СТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ В МЛН РУБ. И В % К ИТОГУ ЗА ГОД)*

Год	Текстильная	Пищевая	Обработка животных продуктов	Горно-заводская	Металло-обрабатывающая	Химическая	Строительных материалов	Дерево-обрабатывающая	Всего (прирост в % к 1887 г.)
1887	453,8 32,4	451,0 32,2	64,0 4,6	185,8 13,2	114,4 8,2	54,8 3,9	29,0 2,1	48,1 3,4	1400,9 100%
1900	805,2 26,1	767,4 24,9	118,8 3,8	671,6 21,8	357,8 11,6	131,2 4,2	80,7 2,6	153,3 5,0	3086,0 220,3%
1913	1854,9 28,6	1443,7 22,3	240,4 3,7	1182,4 18,3	769,0 11,9	478,6 7,4	187,7 2,9	315,4 4,9	6472,1 462,0%

* *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 63. Табл. 5 (проценты подсчитаны автором главы).

В результате бурного индустриального роста объем промышленного производства за 1887—1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность: металлообработка и горнозаводская индустрия — металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860—1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема. За десятилетие промышленное производство в стране удвоилось, причем более 60% прироста приходилось на долю нового промышленного района — Юга России.

«Темпы роста царской экономики,— по наблюдению американского экономиста П. Грегори,— были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX — начала XX века. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких, как США, Япония и Швеция»[4]. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX—XX вв. стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

Динамика 1890-х гг. была на время прервана экономическим кризисом 1899—1903 гг., который начался как кризис биржевой и привел к краху ряд крупных дельцов, таких, как строитель железных дорог П. Г. фон Дервиз и знаменитый меценат С. И. Мамонтов. Затем кризис распространился и на производящую сферу, особенно отразившись на отраслях тяжелой индустрии — металлургии, металлообработке и машиностроении, добыче и переработке нефти. Обострив до предела конкурентную борьбу, кризис вызвал гибель множества слабых в финансовом, организационном или техническом отношениях предприятий. В 1900—1903 гг. закрылись около 3 тыс. фабрик и заводов, не находивших сбыта своей продукции на внутреннем рынке. Менее пострадала от кризиса легкая промышленность, сумевшая в 1900—1908 гг. в 1,5 раза увеличить выпуск продукции (сказался рост покупательной способности крестьян, полностью освобожденных с 1907 г. от выкупных платежей).

Толчком к новому промышленному подъему послужила череда урожайных лет. В 1909 г. валовый сбор хлебов составил 4,7 млрд. пудов — почти на 1 млрд. больше, чем в 1908 г. Высоким урожаем зерновых отличались и последующие годы вплоть до мировой войны. В 1909 г. после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем, в 1909—1913 гг. объем индустриального производства в стране вырос в 1,5 раза. Наиболее высоким темпом развивалась металлообрабатывающая промышленность, продукция которой выросла на 89%, в текстильном производстве рост составил 47%. В результате удельный вес продукции тяжелой промышленности в общем объеме индустриальной продукции, упавший во время кризиса и депрессии 1904—1908 гг., вновь поднялся и к 1914 г. приблизился к 40%[5].

Заметно изменилась и организационная структура промышленности. Кризис 1899—1903 гг. дал толчок развитию монополистических (олигополистических) объединений. В 1900-х гг. монополии, действовавшие, как правило, в тесном союзе с банками, утвердились во всех основных отраслях российской промышленности, в особенности в тяжелой индустрии, которой остро не хватало рынка сбыта продукции. В черной металлургии господствующие позиции занял синдикат «Продамета», образованный в 1902 г., в машиностроении — картель «Продпаровоз» (1901 г.) и синдикат «Продвагон» (1904 г.), добыча угля на Юге страны была монополизирована объединением «Продуголь» (1906 г.) и т. д. В нефтяной промышленности сложилась своеобразная олигополия двух мощных группировок, одна из которых возглавлялась российской фирмой «Братья Нобель», а другая — парижским банком Ротшильдов. Следует подчеркнуть, что монополистические соглашения того периода распространялись главным образом на об-

Таблица 2

ДОЛИ РОССИИ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ В МИРОВОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (в %) *

Страны	1881—1885 гг.	1896—1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 51. Табл. 8.

ласть сбыта продукции и ни в коей мере не вели к техническому и производственному застою. К тому же они оказывались малопригодными в отраслях, которые обслуживали массовый спрос и выпускали недостаточно унифицированные изделия, как, например, в текстильной промышленности.

Промышленные подъемы конца XIX в. и 1909—1913 гг. существенно продвинули страну по пути индустриального развития. Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881—1885 гг. 3,4%, возросла к 1896—1900 гг. до 5,0%, а к 1913 г.— до 5,3% (см. табл. 2).

Между тем доли передовых индустриальных государств, за исключением США, с конца XIX в. стали снижаться. Россия устойчиво опережала их по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885—1913 гг. втрое, а от Германии — на четверть. Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия уже к началу 1900-х гг. вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др. [6]

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Обращая внимание на кон-

трасты социально-экономической эволюции страны, английские историки А. Милворд и С. Соул отмечали в своем исследовании экономической истории континентальной Европы: «Россия была страной крайностей — в климате, в роскоши и в нужде, в примитивном сельском хозяйстве и в самой современной сталелитейной промышленности в Европе... Ее население было столь велико и росло столь быстро, что усилия, которые были бы успешными в других условиях, оказывали малое экономическое воздействие...»[7]. Рост населения, и прежде всего сельского, сводил здесь почти на нет успехи индустриализации. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3% в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2%). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8% мировой добычи) и сахар (10,2%). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным державам.

И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. При этом и в сельском хозяйстве, где по ряду позиций (сборы пшеницы, ржи, льна, пеньки и др.) она занимала лидирующие позиции, производство продукции на душу населения было более низким, чем в целом ряде европейских аграрно-индустриальных и индустриально-аграрных (Великобритания, Германия) стран.

Следует, конечно, иметь в виду, что, в отличие от западноевропейских государств, колониальные владения которых были отделены от метрополий морями, Россия представляла собой империю, в которой в едином государственно-территориальном комплексе оказались слиты метрополия и колонии, находившиеся на гораздо более низких стадиях развития. Около $^{9}/_{10}$ промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилось на ее Европейскую часть[8]. Однако и с этой поправкой следует признать, что Россия в начале XX в. только вступала в фазу перехода к индустриально-аграрному обществу.

Обнадеживающую в этом смысле динамику обнаруживают темпы роста национального дохода. В 1885—1913 гг. среднегодовой прирост валового национального продукта в России был заметно выше, чем в странах Западной Европы: 3,4% против 2,7%. Но в результате более высокого темпа роста населения (1,6% в год против 1,1%), обусловленного огромным преобладанием в общей структуре населения сельских жителей и низкой в целом производительностью земледельческого труда, среднегодовой прирост душевого национального продукта в России лишь ненамного превышал соответствующие показатели в Западной Европе: 1,75%

Таблица 3

СТРУКТУРА НАРОДНОГО БОГАТСТВА РОССИИ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 г.*

Составные части народного богатства	Народное богатство на 1 января 1914 г. (млн руб.)	% к итогу
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство и охота	24043	34,8
Промышленность, включая мелкую	6083	8,8
Транспорт и связь	7300	10,5
Городские фонды, в т.ч. производственные и непроизводственные строения	11934	17,3
Государственное имущество (военное имущество, тюрьмы, казенные учреждения)	2942	4,3
Имущество учреждений культа	1131	1,6
Индивидуальное потребительское имущество	13835	19,6
Все народное богатство	69193	100,0

* Россия. 1913 год. С. 32—33. Табл. 1

против 1,6%[9]. Но все же цифры эти свидетельствуют, что ускорение, придававшееся развитию отечественного народного хозяйства динамичными его компонентами, брало верх над тормозящим воздействием неблагоприятных факторов экономического роста.

О структуре народного богатства дореволюционной России кануна мировой войны дает представление таблица 3, в которой отражены соответствующие расчеты отечественного экономиста А. Л. Вайнштейна.

Как видим, стоимость основных элементов народного богатства, связанных с промышленным производством и его инфраструктурой (промышленность, транспорт и связь), еще почти вдвое уступала фондам, отражающим традиционный уклад экономической деятельности (сельское хозяйство). По уточненным данным американских исследователей П. Грегори и А. Кагана, взявших в расчет только производственные, непотребительские элементы народного богатства, стоимость сельскохозяйственных производственных фондов к 1914 г. равнялась 13 089 млн руб., промышленных — 6 258, железнодорожных — 6 680 и фондов торговли — 4 565 млн руб.[10] И здесь, хотя очевиден перевес новых форм экономической деятельности, стоимость промышленных фондов империи еще вдвое уступает народному богатству, накопленному в сельскохозяйственном производстве.

Подчеркнем, что заметного экономического прогресса Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии). Плата за помощь капиталами и технологиями («ноу-хау») была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше, и в конечном счете эти инвестиции работали на благо России. Их направления и отраслевая структура обусловливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно не было определяющим для экономического роста, так как отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны[11].

Россия, пока еще значительно отставшая от экономически развитых стран Запада, в то же время ни в коей мере не была «банановой республикой». В канун мировой войны страна вышла на траекторию здорового экономического роста, которая, не случись войны и революции, могла бы вывести империю в число ведущих индустриальных держав мира. Можно согласиться с мнением исследователя российского национального дохода П. Грегори, что «экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885—1913 гг. соответствуют образцу современного экономического роста, который испытали на себе индустриально развитые страны»[12]. Разница заключалась лишь в том, что, позже вступив на путь индустриального развития, Россия прошла меньший отрезок этого пути.

2. Финансово-экономическая политика правительства.

«Система Витте».

В пореформенный период экономическая политика правительства носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой

индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым — развитию индустриального производства, а с другой — неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, поддержало дворянство, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне[13]. Политика эта обрела свое завершение в деятельности, крупнейшего государственного деятеля России, министра финансов в 1892—1903 гг. С. Ю. Витте.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики являлась идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда» и защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и в особенности иностранные, ибо традиционная нехватка инвестиций задерживает развитие России, хотя по темпам и силе промышленного роста она «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств». Привлечение иностранного капитала в форме займов и главным образом инвестиций Витте считал основой основ своей финансовой системы. «Приток иностранных капиталов,— докладывал он Николаю II в 1899 г.,— является, по глубокому убеждению министра финансов, единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами»[14].

Система Витте не предусматривала коренной аграрной реформы. Больше того, поощрение промышленного развития осуществлялось при известной консервации пережитков в сельском хозяйстве, что предопределило диспропорцию темпов развития индустриального и аграрного секторов. Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенные и железнодорожные тарифы, денежная реформа 1895—1897 гг., льготное налогообложение и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством покровительствуемых им отраслей (машиностроение, химическая и добывающая промышленность) путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулирования объемов производства для поддержания высоких цен и т. д.

Витте был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования казенного хозяйства и государст-

венного вмешательства в экономику. «В России,— писал он Николаю II в 1895 г.,— по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...» [15]. В результате и в годы министерства Витте Россия оставалась страной, где не было подлинной свободы частного предпринимательства. Министр финансов, по оценке современников, «был убежденным сторонником капиталистического развития, но он именно ему не подчинялся, старался над ним господствовать, его проводить... Он был, так сказать, просвещенным абсолютистом в области капитализма» [16].

Чрезмерная активность государства в экономической сфере вызывала оппозицию самих деловых кругов. «Искусственность экономического развития в 90-е годы,— отмечалось позднее лидерами Совета съездов представителей промышленности и торговли,— заключалась прежде всего в необычайном попрании народной самодеятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинет министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновника становились в экономической жизни страны все более невыносимыми». Разочарование вызывала и экономическая система Витте в целом, в результате которой «в XX столетие Россия входит с непомерно выросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым земледелием и с умерщвленной самодеятельностью широких народных масс» [17].

Несмотря на полемическую заостренность этих формулировок, предприниматели четко уловили пороки экономической политики Витте, усугубившей отставание сельского хозяйства и усиление казенного контроля за частнопредпринимательской инициативой (вплоть до 1917 г. в России, например, сохранялась разрешительная система акционерного учредительства, тогда как в странах Западной Европы действовала более прогрессивная явочная, не зависимая от чиновничьего «усмотрения»). Развитие национальной промышленности неминуемо сталкивалось с узостью внутреннего рынка как следствием стагнации аграрного сектора. В конце своего министерства Витте попытался взяться за аграрную проблему: в рамках созванного им в 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности был подготовлен ряд преобразований, предвосхищавших столыпинскую реформу, но реальных результатов здесь глава финансового ведомства не успел добиться, будучи в августе 1903 г. уволен в отставку.

Финансово-экономическая политика 1904—1914 гг.

В послевиттевскую эпоху основы финансово-экономической политики оставались в целом неизменными. Одним из краеугольных камней экономической доктрины Витте в области государственных финансов являлось достижение бездефицитного бюджета — задача, над которой безуспешно бились финансовые деятели России XIX в. «Бюджетное равновесие,— подчеркивал Витте,— представляет основную цель при составлении государственной росписи» [18]. Той же линии придерживался и наиболее даровитый после Витте руководитель финансового ведомства В. Н. Коковцов, который ликвидацию бюджетного дефицита считал «основой не только финансового, но и общеэкономического благополучия государства» [19].

Коковцов с 1904 по 1914 г., с небольшим перерывом в конце 1905 — начале 1906 гг., возглавлял Министерство финансов, где еще в середине 1890-х годов занимал пост заместителя (товарища) министра. После убийства П. А. Столыпина в 1911 г. Коковцов возглавил и правительство страны, оставаясь на посту председателя кабинета министров до начала 1914 г. После отставки Витте в 1903 г. Коковцов фактически продолжил его политику.

Отечественные экономисты той эпохи остро критиковали политику Витте за долговую зависимость от европейского денежного рынка, упрекая главу финансового ведомства «за занимание за границей денег направо и налево, на всяких условиях, лишь бы сводить концы с концами и уравнивать всегда невыгодный для нас расчетный баланс» [20]. Но вместе с тем экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и даже не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами.

На рубеже XIX—XX вв. во Франции, например, связанные с госзаймами платежи составляли более 30% расходной части бюджета, в Англии — около 20%, тогда как в России — менее 15%. Преемнику Витте на посту министра финансов предлагалось поэтому действовать по русской пословице: «Клин клином вышибают», т. е. не бояться размещать в Европе новые займы, направляя, однако, вырученные средства не на поддержку валюты и бюджета, как то делал Витте, но прежде всего на развитие производительных сил страны. Экономистов вдохновлял пример Соединенных Штатов Америки, которые в широком масштабе привлекали иностранные капиталы и благодаря высоким темпам индустриального развития из хронического должника Европы в начале XX в. стали превращаться в ее кредитора.

Однако бурные события начала XX в., русско-японская война и революционная смута, заставили Коковцова повременить с бюджетным равновесием и использовать новые позаимствования на европейском и внутреннем рынках для покрытия военных расходов и поддержания пошатнувшейся кредитно-денежной системы. Весной 1904 г. сумма затрат на войну с Японией намечалась в пределах 1 млрд. руб., исходя из чего и строилась финансовая стратегия. В действительности же военные расходы по бюджету составили 2,3 млрд. руб., и финансирование их велось главным образом за счет расширения государственного долга, который за 1904—1905 гг. вырос с 6,6 до 8,7 млрд. руб. «Новые займы последних трех лет,— отмечал государственный контролер П. Х. Шванебах в докладе Николаю II,— представляют собой сумму, близкую к той, которая была ассигнована на расходы, вызванные войной с Японией»[21].

Всего для покрытия расходов по русско-японской войне в 1904—1906 гг. было выпущено займов на 2 125 млн руб., в том числе около 1 млрд. руб. составлял долг внешний. Чистая выручка казны выразилась суммой 1913 млн руб. (за вычетом комиссионных посредникам, издержек по выпускам и др.), а выплатить в конечном итоге предстояло почти вдвое больше — 3 944 млн руб.! Подводя финансовые итоги несчастной для России войны, бухгалтер государственного казначейства и один из близких сотрудников министра финансов Г. Д. Дементьев подчеркивал, что долги эти на много лет обременили бюджет государства, а платежи по ним «могут захватить несколько поколений, которые фактически расплачиваются по счетам тех, кто вызвал войну...»[22] Подобные цифры и выводы были, несомненно, известны и Коковцову, но в чрезвычайных условиях войны и разгоравшейся революции у него не было иного средства сохранения финансовой стабильности, кроме новых займов.

Политические забастовки и вооруженные восстания 1905 г. ввергли страну в пучину экономического хаоса, в котором едва не погибла государственная финансовая система. Основная российская ценная бумага — 4%-я государственная рента с 94% номинала в начале 1904 г. упала к концу 1905 г. до 71%. Достаточно сказать, что под влиянием революционных событий золотой запас Государственного банка настолько истощился, что в декабре 1905 г. в правительственных кругах был поставлен вопрос о прекращении основанного на золоте денежного обращения, что было бы равносильно признанию государственного банкротства[23]. Избежать его удалось лишь благодаря рекордному займу во Франции.

В середине декабря 1905 г. Коковцов, в то время не входивший в сформированный Витте кабинет, отправился в качестве агента русского правительства в Париж с поручением добыть для России значительный кре-

дит. Докладывавший в те дни императору о положении финансов империи новый министр И. П. Шипов признавал, что для того, чтобы свести в 1906 г. концы с концами, понадобится заем в 700 млн руб. «Если же такового не удастся заключить, то не остается иного средства, как выпуски кредитных билетов», угрожавших стабильности золотого рубля и всей системы государственного кредита. В результате нелегких переговоров с парижской финансовой верхушкой и государственными лидерами Франции Коковцову весной 1906 г. все же удалось заключить заем на 2 250 млн франков, или 843 млн руб. по официальному курсу, и тем самым спасти империю от финансового краха.

Выручка от займа составила 1 878 млн франков, или 83,5 % нарицательной суммы. Русское правительство уже в 1906 г. получило от комиссионеров 679 млн руб. и смогло залатать прореху в государственном бюджете. С займом на не слишком выгодных условиях поторопились не в последнюю очередь и потому, что хотели заключить его до открытия I Государственной Думы, в компетенцию которой по принятым в начале 1906 г. Основным законам Российской империи входило утверждение бюджета и производимых правительством займов. Если ранее проект бюджета утверждался императором по докладу министра финансов, то теперь все законопроекты, касающиеся бюджета, должны были обсуждаться в Думе, заключения которой утверждались затем верхней палатой — Государственным Советом и императором. Открывшаяся в конце апреля 1906 г. радикально настроенная Дума, по всей очевидности, отказалась бы вотировать подобную операцию, резко увеличившую государственную задолженность страны.

На Государственную Думу по закону было возложено рассмотрение и утверждение бюджетной росписи, подготовленной Министерством финансов. Полномочия первого российского парламента ограничивались, однако, положением Основных законов, согласно которому «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или видоизменяемы такие доходы и расходы, которые не внесены в проект росписи на основе действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также от Верховного управления последовавших»[24]. Ряд бюджетных статей, например, смета императорского двора, вообще не подлежали думскому обсуждению. И все же с появлением Думы вопросы бюджетной политики впервые стали предметом широкого гласного обсуждения. Это касалось и займовых операций правительства, которые отныне должны были проходить процедуру парламентских слушаний.

Свои окончательные очертания финансово-экономическая система Коковцова приобрела после 1907 г., когда наметилось политическое успокоение страны. Сам министр достаточно скромно оценивал свой вклад в

разработку экономической стратегии: «Я не был новатором в деле управления русскими финансами,— отмечал он в мемуарах, написанных уже в эмиграции,— и не проложил новых путей для экономического развития страны. Моя роль была гораздо более скромная — я старался сберечь, сохранить и развить то, что было сделано моими предшественниками» [25]. Он постоянно подчеркивал преемственность своей политики с линией Витте, а разницу усматривал прежде всего в том, что ему пришлось действовать в условиях войны и революции, приспосабливаться к Думе и считаться с фактом постоянного увеличения в бюджете военных расходов ввиду приближения мировой войны.

Экономическая политика правительства в начале XX в. строилась на традиционном «покровительственном» принципе по отношению к промышленности. Вместе с тем Коковцов выступал за параллельное с ней развитие сельского хозяйства как непременное условие расширения внутреннего рынка для промышленного производства, за ограничение казенного сектора экономики и поощрение частного предпринимательства. Он был вослед Витте сторонником привлечения иностранных капиталов в форме частных инвестиций, чему должна была способствовать устойчивая денежная система. В торгово-промышленной и думской среде Коковцова нередко критиковали за недостаточно активную политику, призывали к более энергичному финансовому воздействию на экономический рост, хотя бы и за счет новых займов на производительные цели. Коковцов же, озабоченный прежде всего устойчивостью бюджета и денежного обращения, возражал оппонентам: «Сколько бы ни удостоверяли нам те или иные исследователи, что государственный долг невелик по сравнению с долгом других стран..., что не следует вообще бояться займов, если они заключаются на производительные цели,— мы не должны успокаивать себя этими заверениями. Наш долг вырос слишком быстро и вне прямой соразмерности с подъемом нашего благосостояния...» [26].

Продолжение политики Витте действительно требовало внесения существенных коррективов. Порожденный японской войной рост государственного долга ставил под сомнение прежний курс на расширение внешних заимствований, выплата процентов по ним тяжелым бременем ложилась на бюджет. Дальнейший рост задолженности грозил потерей устойчивости всего государственного финансового хозяйства, которое впредь, по мысли министра финансов, должно было опираться в первую очередь на внутренние ресурсы. Требовалось, вспоминал Коковцов, «покрывать обыкновенными доходами, не прибегая к займам, обыкновенные, а поскольку возможно,— и чрезвычайные расходы государства...» [27]. «Мы должны,— убеждал он депутатов Государственной Думы,— стре-

миться к тому, чтобы вне пределов крайней необходимости не заключать займов. Для этого есть единственное средство — это средство блюсти то, что я называю бюджетным равновесием, соразмерять потребности государства с его средствами и жить в соответствии с этим»[28]. Свое кредо глава финансового ведомства любил выражать русской поговоркой: «По одежке протягивай ножки».

Динамика и структура государственного бюджета.

Политика Коковцова облегчила выход из экономического кризиса начала 1900-х гг. и способствовала быстрому росту государственного бюджета. За пятилетие перед Первой мировой войной он вырос на целый миллиард рублей, чем заслуженно гордился глава финансового ведомства. «Для нарастания первого миллиарда обыкновенных доходов,— отмечалось в официальном издании Министерства финансов,— потребовалось 30 лет (1867—1897), для второго — 11 лет (1898—1908), тогда как на третий миллиард доходы увеличились всего только за пять лет». Для Коковцова этот третий миллиард являлся «показателем того развития хозяйственной жизни страны, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличение расходов государства»[29].

Рост бюджета в немалой степени зависел от нового экономического подъема, который пережила Россия в канун мировой войны. Бюджет империи по традиции подразделялся на «обыкновенный» и «чрезвычайный». К «чрезвычайным» затратам относились прежде всего расходы на ведение войн и на ликвидацию последствий стихийных бедствий (неурожаи, наводнения и т. п.), причем большую часть «чрезвычайных доходов» казна получала за счет внешних и внутренних займов. В результате двойного счета финансовому ведомству удавалось сводить «обыкновенный» бюджет с положительным сальдо, реальный же дефицит проходил по графе бюджета «чрезвычайного»[30]. На протяжении XIX — начала XX вв. суммарный бюджет сводился с неизменным дефицитом, и лишь в канун Первой мировой войны Коковцову удалось справиться с этой застарелой болезнью российских финансов. Благодаря экономическому подъему 1909—1913 гг. и введенному министром финансов режиму экономии расходных статей доходная часть суммарного российского бюджета наконец-то превысила расходную.

Государственный бюджет 1913 г. (обыкновенный, чрезвычайный и суммарный) по сравнению с 1900 г. представлял следующую картину (см. табл. 4):

Таблица 4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ РОССИИ ЗА 1900 И 1913 гг. (млн руб.)*

Год	Обыкновенный бюджет			Чрезвычайный бюджет			Суммарный бюджет		
	Доходы	Расходы	Баланс	Доходы	Расходы	Баланс	Доходы	Расходы	Баланс
1900	1704,1	1555,4	+148,7	32,6	333,8	−301,2	1736,7	1889,2	−152,5
1913	3417,4	3094,2	+323,2	13,8	288,7	−274,9	3431,2	3382,9	+48,3

* Россия. 1913 год. С. 153.

Таким образом, доходная часть бюджета в начале XX в. выросла почти вдвое, тогда как расходная — в 1,8 раза. За счет опережающего темпа роста доходов и был достигнут положительный баланс суммарного бюджета. Динамизм бюджетных доходов был предметом особой гордости Коковцова, видевшего в нем показатель «того развития хозяйственной жизни страны, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличение расходов государства»[31].

За счет чего же было достигнуто бюджетное благополучие империи? Финансовое ведомство достаточно скромно оценивало свои успехи, подчеркивая в официальном издании, что «ускорению нарастания государственных доходов, бесспорно, в значительной мере содействовало развитие двух крупных хозяйственных операций — железнодорожной и винной»[32]. Действительно, значительную часть бюджетных средств приносили доходы от эксплуатации казенных железных дорог, протяженность которых превышала 40 тыс. из 70 тыс. верст общероссийской сети, а также от введенной в 1895 г. С. Ю. Витте винной монополии, при которой государство являлось единственным продавцом крепких спиртных напитков.

В XX век Россия вступила, имея вторую по протяженности железнодорожную сеть в мире после США, причем 40% ее были построены в 1890-е гг.[33] В среднем в тот период строилось ежегодно по 3 тыс. верст железных дорог, финансирование строительства велось почти исключительно государством, которое являлось и крупнейшим собственником железнодорожных линий, выкупив в 1890-е гг. множество частных дорог у прежних владельцев. Если в 1889 г. $^4/_5$ всей сети принадлежали акционерным обществам и лишь $^1/_5$ — казне, то к 1902 г. картина кардинально поменялась: $^2/_3$ дорог (35,5 тыс. из 53,3 тыс. верст) контролировало государство и лишь $^1/_3$ — частный капитал[34].

Винная монополия, введенная на территории Европейской части страны в 1895—1897 гг., к 1905 г. охватила практически всю империю, вклю-

Таблица 5

ДОХОДНАЯ ЧАСТЬ ОБЫКНОВЕННОГО БЮДЖЕТА ПО ИСТОЧНИКАМ ПОСТУПЛЕНИЙ ЗА 1900 И 1913 гг. (млн руб.)*

Источники поступлений	1900	% к итогу	1913**	% к итогу	1913 в % к 1900
1. Налоговые источники:					
Прямые налоги	131,9	7,7	272,5	8,0	206,6
Косвенные налоги	658,1	8,6	708,1	20,7	107,6
Пошлины	88,3	5,2	231,2	6,8	261,8
Винная монополия	117,9	7,0	899,3	26,3	762,8
Всего:	996,2	58,5	2111,1	61,8	211,9
2. Вненалоговые источники					
Железные дороги	361,7	21,2	813,6	23,8	224,9
Остальные доходы	346,2	20,3	492,7	14,4	143,3
Всего:	707,9	41,5	1306,3	38,2	184,5
Все доходы	1704,1	100,0	3417,4	100,0	200,6

* Россия. 1913 год. С. 154.

** На 1913 г.— без сметных остатков от предыдущих лет.

чая западно- и восточносибирские области. Винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался казной. Очистка спирта и изготовление водки производилось на частных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право государства. В городах водочные изделия в казенных лавках продавались с 7 часов утра и до 10 часов вечера, на селе в летние месяцы до 10, а зимой — до 8 часов вечера. Реформа не касалась изготовления пива, портера, браги и виноградного вина[35].

Доходная часть обыкновенного бюджета по источникам поступлений за 1900 и 1913 гг. выглядела следующим образом (см. табл. 5).

Доля налоговых источников доходной части обыкновенного бюджета в начале XX в. оставалась на уровне около 60%, а удельный вес вненалоговых поступлений, связанных в первую очередь с хозяйственными операциями казны, составлял примерно 40%. Основными статьями дохода стали винная монополия и доход от железнодорожного хозяйства: если в

1900 г. они обеспечивали немногим более четверти (28,2%) обыкновенного бюджета, то в 1913 г.— уже половину (50,1%). Особенно бурно росла винная операция, объем которой за 13 первых лет XX в. вырос более чем в 7,5 раз. Продажа крепких напитков приносила казне практически почти столько же, сколько все прямые и косвенные налоги. И если ощутимый прирост доходов от эксплуатации казенных железных дорог безусловно может быть занесен в актив финансового ведомства, то усиленная продажа государством водки населению едва ли может быть отнесена к достижениям казны, хотя своей цели, с точки зрения государственных финансов, винная монополия достигла — она стала становым хребтом бездефицитного бюджета Коковцова.

Винная монополия превратилась в предмет постоянных нападок на правительство со стороны думской оппозиции, окрестившей финансовое детище Коковцова «пьяным бюджетом». Парируя обвинения в «спаивании народа», Министерство финансов подчеркивало, что «казенка» — скорее благо для жителей империи, так как государство гарантировало потребителю высокое качество водки. К тому же потребление алкогольных напитков в России росло медленнее, чем в других развитых странах: «По размерам душевого потребления вина Россия занимает предпоследнее место в Европе»[36].

Тем не менее выраженный «алкогольный» характер государственной росписи доходов и расходов послужил предлогом для смещения главы финансового ведомства в начале 1914 г., незадолго до Первой мировой войны. Сменивший Коковцова на посту министра П. Л. Барк при официальном представлении императору так изложил свое кредо: «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки, необходимо ввести скорее подоходный налог»[37]. Правда, подоходный налог был введен в 1916 г., но до февраля 1917 г., т. е. до конца императорской России так и не был собран. К реализации своей программы Барк смог приступить только в экстремальных условиях мировой войны, когда с введением «сухого закона» и громадным ростом военных затрат резко изменилась структура российского бюджета.

В довоенный же период она оставалась достаточно стабильной. В расходной части бюджета выделялись две основные группы — расходы непроизводительные (военные, на содержание государственного аппарата, платежи по займам и др.) и производительные, направленные на бюджетное финансирование экономики и социально-культурные нужды (см. табл. 6). Как следует из данных таблицы, соотношение между производительной и непроизводительной сферами расходного бюджета сохранялось примерно на одном и том же уровне: непроизводительная сфера

Таблица 6

СТРУКТУРА РАСХОДНОЙ ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА РОССИИ ЗА 1900 И 1913 гг. (млн руб.)*

Статьи расходов	1900		1913	
	сумма	% к итогу	сумма	% к итогу
Непроизводительные расходы				
Военные расходы	483	25,6	965	28,5
Расходы по госдолгу	317	16,7	424	12,5
В том числе платежи за границу	130	6,7	183	5,4
Расходы на госаппарат	151	7,9	295	8,7
Затраты по сбору налогов	187	9,8	297	8,8
Прочие расходы	30	1,6	23	0,6
Всего:	1168	61,8	2004	59,1
Производительные расходы				
Вложения в государственные имущества и предприятия	572	30,2	1108	32,7
Бюджетные вложения в частный сектор	104	5,6	98	2,9
Расходы на просвещение	34	1,8	143	4,3
Прочие расходы	11	0,5	30	0,9
Всего:	721	38,2	1379	40,9
ИТОГО:	1889	100,0	3383	100,0

* *Шебалдин Ю. Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 190.

превалировала, хотя ее доля к 1913 г. несколько снизилась (с 61,8 до 59,1%). Удельный вес бюджетных расходов, ориентированных на стимулирование экономического роста и создание необходимых условий для народнохозяйственного прогресса (расходы на просвещение народа), поднялся с 38,2 до 40,9%, но рост этот, по оценке современников, был все же недостаточен для энергичного прорыва России в шеренгу индустриально развитых держав.

Представители образованного российского общества нередко упрекали Коковцова за недостаточно активную финансовую политику, призы-

вали к более энергичному бюджетному воздействию на развитие производительных сил страны, хотя бы и за счет новых внешних займов. Государственный кредит, призывал один из видных экономистов того времени И. Х. Озеров, желательно использовать на постройку железных дорог, улучшение водных путей и т. п., в целях подъема экономического благосостояния населения и индустриального развития крестьянской России[38]. Но Коковцов руководствовался прежде всего принципами воздержания от новых займов ради сохранения бюджетного равновесия.

Государственная задолженность.

Правда, совершенно отказаться от займов он все же не мог. В 1909 г. была проведена очередная кредитная операция в Париже, где у местных банкиров удалось получить 525 млн руб., необходимых главным образом для погашения краткосрочных обязательств казначейства выпуска 1904 г. В дальнейшем же вплоть до Первой мировой войны собственно государственных займов Россия на международном рынке не заключала. Зато получили развитие формально негосударственные, но гарантированные правительством займы, предназначенные для расширения и модернизации российской железнодорожной сети. В итоге к 1914 г. государственный долг страны, по официальным данным, выражался суммой 8824,5 млн руб., в том числе 7153 млн — займы «на общегосударственные потребности» и остальные 1671,5 млн — долги по облигациям железнодорожных обществ. Платежи по займам в 1913 г. составили, например, 424 млн руб., и хотя их удельный вес несколько снизился за счет динамичного роста бюджета, они по-прежнему являлись второй по значимости «непроизводительной» статьей после военных расходов империи[39].

По размерам государственного долга Россия в мировой табели о рангах шла на втором месте после Франции и на первом — по абсолютным размерам связанных с займами платежей. Сравнительные данные о государственной задолженности ведущих мировых держав, по сведениям на 1907 г., представлены в табл. 7. Как видим, несмотря на внушительные размеры российского долга, в процентном отношении к бюджету займовые платежи соответствовали уровню Англии (около 19%), а «лидером» здесь являлась Франция, где эти платежи занимали более четверти государственного бюджета.

Помимо госзаймов и гарантированных правительством железнодорожных фондов, в состав государственного долга России должны быть включены и обязательства государственных ипотечных банков (Дворян-

Таблица 7

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ НА 1907 г. (млн руб.)*

Страна	Сумма долга	Платежи по займам	Расходная часть бюджета	% платежей к бюджету
Франция	11310	359	1358	26,4
Россия	8894	390	2028	19,2
Великобритания	7154	255	1356	18,8
Германия	5035	189	2283	8,3
США	1734	47	1355	3,5

* *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит (1769—1906). Т. III. Харьков, 1907. С. 1192.

ского и Крестьянского). На 1913 г. государственную задолженность в целом составляли как прямой долг казны в размере 8841,7 млн руб., так и железнодорожные облигации с гарантией государства (1741,5 млн), закладные листы Дворянского (823,8 млн) и свидетельства Крестьянского (1237,5 млн) банков, всего 12 644,5 млн руб.[40]

Средства от прямых позаимствований правительства на так называемые «общегосударственные потребности» и при Витте, равно как и при Коковцове, использовались на покрытие военных расходов, для расчетов по старым займам, для пополнения свободной наличности казначейства и т. п. цели, далекие от производительного употребления. Как уже отмечалось, министр финансов скептически относился к проектам получения новых «производительных» займов, способных дать толчок экономическому росту и в дальнейшем обеспечить необходимые средства для покрытия платежей по этим займам. Финансовое ведомство было озабочено прежде всего выплатой уже имеющихся обязательств казны и сведением бездефицитного бюджета, без чего грозило рухнуть все здание государственных финансов.

Бездефицитный бюджет являлся козырной картой в отношениях с европейскими кредиторами, обеспечивая стабильный курс русских государственных фондов на иностранных биржах. С 1909 г. под влиянием общего экономического оживления «государственная роспись доходов и расходов», как официально именовался российский бюджет, стала формироваться с неизменно положительным сальдо. В этой относительно благополучной ситуации просьбы о новых займах могли только повредить финансовой репутации империи. Идеалом Коковцова был опиравшийся

Таблица 8

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИИ НА 1 ЯНВАРЯ 1900 И 1913 гг. (млн руб.)*

Год	Облигации госзаймов	% к итогу	Железнодорожные займы	% к итогу	Ипотечные фонды	% к итогу	Всего
1900	6242	79,3	1063	13,5	561	7,2	7866
1913	8873	70,7	1658	13,2	2025	16,1	12556
Прирост (%)	2631	(29,3)	595	(35,9)	1464	(72,3)	4690

* *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 66. Таблицы 6—7. Приводимые В. И. Бовыкиным данные базируются на официальных делопроизводственных материалах Министерства финансов.

на внутренние источники, «конституционный», т. е. утвержденный Думой, бюджет, призванный продемонстрировать Европе способность автократического режима к модернизации и вместе с тем незыблемость финансового положения России.

По имеющимся уточненным данным, совокупный государственный долг империи в начале XX в. представлял собой следующую картину (см. табл. 8).

Таким образом, общая сумма долговых обязательств правительства за тринадцать первых лет XX в. выросла с 7866 до 12 556 млн руб., или на 37,3%. Темп прироста собственно государственных займов (29,3%) заметно уступал динамике капиталовложений в гарантированные облигации железных дорог (35,9%) и в особенности приросту ипотечных фондов (72,3%). Соответственно изменилась и структура государственного долга в целом: если в 1900 г. облигации госзаймов составляли почти $^4/_5$ общей суммы долга (79,3%), то к 1913 г. их доля снизилась до 70%. Напротив, усиленная эмиссия закладных листов и свидетельств казенных ипотечных банков, связанная со столыпинскими преобразованиями в деревне, привела к подъему их удельного веса с 7,2 до 16,1%. Доля железнодорожных займов осталась примерно на том же уровне (13%).

По времени выпуска свыше $^2/_3$ заимствований приходилось на займы, реализованные между 1887 и 1902 гг.; предшествующие «старые» займы составляли всего 6%, а выпущенные в начале века — около четверти (26%). Чрезвычайные займы 1900-х гг. обходились довольно дорого: средняя ставка стоимости займа в 1904—1909 гг. поднялась с 4—4,2% до 5,5%, а реализационная цена постепенно снижалась[41]. При этом движение государственного долга отставало от динамики бюджета за счет проводи-

Таблица 9

ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИИ НА 1 ЯНВАРЯ 1900 И 1913 гг. (млн руб.)*

Год	Внутренний долг	% к итогу	Внешний долг	% к итогу	Всего	%
1900	3871	49,2	3995	50,8	7866	100
1913	7095	56,5	5461	43,5	12556	100
Прирост (%)	3 224 (83 %)		1 466 (36 %)		4 690 (60 %)	

* *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 66.

мой Коковцовым политики «воздержания» от новых заимствований: расходная часть бюджета за 1907—1913 гг. возросла с 2583 до 3383 млн руб., или на 31%, объем же государственного долга изменился незначительно (с 8625 до 8858 млн руб.). По государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 руб. на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников — Франции (253 руб.) [42].

Переходя к обзору внутреннего и внешнего долга в отдельности, необходимо заметить, что в российской официальной статистике займы подразделялись на «внешние» и «внутренние» в зависимости от предполагаемого места их реализации. Однако в реальности часть внешних займов реализовывалась в России, а облигации внутренних выпусков нередко приобретались заграничными держателями. Поэтому данные о размещении российских займов за рубежом получались путем довольно сложного перерасчета, о методике которого будет сказано ниже.

Примечательно, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего «закабаления» России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации правительства на внутренние резервы (см. табл. 9).

Долг внутренний за 1900—1913 гг. вырос на 3224 млн руб., или на 83%, тогда как внешний — на 1466 млн или на 36%. В итоге же удельный вес внутреннего долга к 1913 г. превысил долю внешней задолженности, составив 56,5% против 43,5%, хотя еще в начале века соотношение их было практически равным. Благодаря интенсивному экономическому развитию накануне мировой войны внутренние источники стали играть решающую роль при формировании государственной задолженности. «В тяжелые 1904—1908 годы,— отмечалось в официальном издании финан-

Таблица 10

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИИ ПО ОБЪЕКТАМ ВЛОЖЕНИЯ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 г. (млн руб.)*

Вид обязательств	«Общие нужды»**	% к итогу	Железнодорожное строительство***	% к итогу	Казенная ипотека****	% к итогу	Всего
Внешние	1591	27,8	3546	75,0	267	12,1	5404
Внутренние	4131	72,2	1270	25,0	1940	87,9	7341
Итого	5722	100,0	4726	100,0	2207	100,0	12745

* *Бовыкин В. И.* К вопросу о роли иностранного капитала в России // Вестник Московского университета. 1964. № 1. С. 70.

** «Общие (или «общегосударственные») нужды» — расходы на цели внутренней и внешней политики правительства из займовых средств.

*** Затраты на строительство и эксплуатацию железных дорог в форме государственных и гарантированных правительством целевых железнодорожных займов.

**** Казенная ипотека — обязательства государственных Дворянского и Крестьянского земельных банков.

сового ведомства,— значителен был приток иностранного капитала, главным образом по займам казны. В 1909—1913 же годы русский денежный рынок удовлетворял большей частью собственными средствами предъявляемый страной спрос на капиталы. Участие внутреннего рынка в размещении русских процентных бумаг постепенно возрастало, несмотря на быстрое увеличение их выпуска из года в год»[43].

Облигации государственных займов, гарантированные правительством бумаги железнодорожных компаний и фонды казенных ипотечных банков расходились среди состоятельных слоев населения империи: держателями их были коммерсанты, ремесленники, духовенство, офицерство, лица «свободных профессий» (врачи, адвокаты и т. п.), зажиточная деревенская верхушка и др. Для помещения госфондов в «твердые» руки правительство использовало систему государственных сберегательных касс, в которых незадолго до мировой войны насчитывалось более 2,5 млн вкладчиков. Наличными деньгами на счету клиент мог держать не более 1 тыс. рублей. При увеличении вклада сверх этой нормы «излишки» переводились на покупку государственных ценных бумаг. Общая сумма инвестиций из средств сберкасс в свидетельства государственных и гарантированных займов к 1914 г. составляла 2090 млн руб., или без малого треть всего внутреннего долга.

На какие цели использовались поступления по государственному долгу? Со времен Витте идеологической основой расширения государственной задолженности являлся тезис о недостатке в России внутренних накоплений. Но, как видно из данных табл. 10 о структуре внешних и внутренних государственных обязательств по объектам вложения, те немалые внутренние ресурсы, которые стягивались в казну по государственным обязательствам, отвлекались от производительного помещения.

Почти $^3/_4$ «общих нужд» империи, т. е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней политики, покрывалось за счет внутренних накоплений. Железнодорожную сеть страны, напротив, на $^3/_4$ субсидировали из внешних займовых источников. Внутренние накопления более производительно использовались в сфере казенного ипотечного кредита, где в условиях столыпинской аграрной реформы значительных масштабов достигла деятельность обоих казенных банков. В целом можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроизводительные цели.

Что касается задолженности императорской России отдельным странам-кредиторам, то соответствующие подсчеты были произведены в Кредитной канцелярии Министерства финансов и затем использованы советской делегацией на Генуэзской конференции 1922 г. В этих материалах выделены данные по каждой из стран-кредиторов. Расхождения с итоговой цифрой иностранных капиталовложений к 1913 г. (соответственно 5461 и 6330 млн руб.) объясняются главным образом тем, что в последнем случае подсчеты были произведены по состоянию на середину 1914 г., когда Россией были осуществлены новые займовые операции на международном рынке по статье гарантированных правительством железнодорожных займов. Для исчисления суммы задолженности использовался метод капитализации сумм, ежегодно расходуемых на погашение займов и выплату процентов в данной стране. Обязательной регистрации ценных бумаг тогда не применялось, и метод капитализации является единственно возможным, хотя и не абсолютно точным инструментом статистики, улавливающим количественные пропорции кредиторских претензий разных стран.

Таким образом, главным заимодавцем российского императорского правительства являлась республиканская Франция, в которой было размещено без малого 60% русских фондов за границей. С конца 1880-х гг. эта страна в списке иностранных кредиторов империи заняла место Гер-

Таблица 11

ДОВОЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РОССИИ (млн руб.)*

Страны-кредиторы	Госзаймы	Железнодорожные займы	Ипотечные фонды	Итого	% к итогу
Франция	3006	600	180	3786	59,8
Германия	400	525	50	975	15,4
Голландия	450	125	—	575	9,1
Англия	250	250	—	500	7,9
Прочие (Италия, Швейцария, Бельгия)	494	—	—	494	7,8
Всего	4600	1500	230	6330	100,0

* Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду. 8 мая 1922 г. Приложение. Баланс № 1. Пассив России по довоенной ее задолженности за границей // Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 302—303

мании и стала главным рынком эмиссии русских внешних займов. Подчеркнем, однако, что часто звучавший в советской литературе мотив о политической подоплеке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности. Взаимоотношения политики и экономики носят более опосредованный характер, нежели догматические представления о подчинении политической «надстройки» экономическому «базису».

Более $^1/_6$ внешней задолженности России было размещено в Германии, причем русская казна осуществляла здесь кредитные операции не только во времена Бисмарка, но и в начале XX в., когда отчетливо наметилось противостояние блока Антанты и «срединных держав». С другой стороны, будущая союзница России в мировой войне Великобритания не слишком охотно открывала свой внутренний рынок для иностранных ценностей и по объему «русских долгов» уступала маленькой нейтральной Голландии, банкиры которой традиционно оказывали финансовые услуги российским императорам. В списке кредиторов отсутствуют США, предоставившие России кредиты позднее, уже в годы Первой мировой войны.

К моменту мирового военного столкновения государственный долг России после резкого скачка 1904—1906 гг. стабилизировался и обнару-

жил тенденцию к ослаблению внешней зависимости за счет опережающей динамики внутренних капиталовложений. Структурные изменения государственной задолженности, наряду с бездефицитным бюджетом и основанным на золоте денежным обращением, являлись необходимыми условиями успешного функционирования финансовой системы позднеимперской России. Правда, проводимая Коковцовым политика воздержания от новых заграничных займов не отрицала принципиальной их для России необходимости, а предусматривала лишь передышку для международного рынка, уже насыщенного русскими фондами. «Для экономического нашего развития,— отмечалось по этому поводу в официальном издании российского финансового ведомства,— мы, вероятно, еще долго будем вынуждены прибегать к помощи иностранного капитала, а следовательно, будем увеличивать нашу заграничную задолженность и текущие по ней платежи» [44].

3. Денежное обращение и проблема внешнеэкономических расчетов.

Российский «золотой стандарт».

Одним из основных направлений финансовой политики России в конце XIX — начале XX в. было стремление к монометаллическому денежному обращению. Валютная система на основе серебра, введенная Е. Ф. Канкриным, министром финансов при Николае I, действовала в 1843—1853 гг., однако была упразднена в связи с громадными бюджетными расходами на Крымскую войну 1853—1856 гг. На протяжении последующих 40 лет существовала инфляционная бумажно-денежная система, на смену которой пришел «золотой стандарт», введенный С. Ю. Витте в ходе денежной реформы 1895—1897 гг.

Еще в эпоху «Великих реформ» 1860-х годов задача восстановления металлического, основанного на золоте обращения, была поставлена министром финансов М. Х. Рейтерном, но предпринятая им попытка ввести свободный обмен кредитных билетов на золото потерпела неудачу из-за недостатка золотых ресурсов. К середине 1870-х гг. финансовое ведомство накопило минимум резервов и было готово к утверждению золотого обращения, но русско-турецкая война 1877—1878 гг., обошедшаяся казне в 1,1 млрд. руб., сорвала эти планы. «Внешняя политика правительства,— отмечали по этому поводу отечественные дореволюционные экономисты,— всегда приводила финансы в состояние расстройства» [45].

Таблица 12

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС РОССИИ В 1880—1913 гг.* (млн руб.)

Год	Весь экспорт	Экспорт хлебов**	%	Импорт	Баланс
1880	498,7	231,8	46,5	622,8	− 124,1
1885	537,9	292,2	54,3	435,4	+ 102,5
1890	692,2	339,1	49,0	406,6	+ 285,6
1895	689,1	335,9	48,8	526,1	+ 163,0
1900	716,0	304,7	42,6	626,0	+ 90,0
1905	1077,3	566,9	52,6	635,1	+ 442,2
1910	1449,1	746,1	51,5	1084,4	+ 364,7
1913	1520,1	589,1	38,7	1374,0	+ 146,1

* Источник за 1880—1895 г.: *Покровский В. И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I—II. СПб., 1902. С. 105, 117, 141; за 1900—1913 гг.: *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 348—349.

** Данные о вывозе основных зерновых культур — пшеницы, ржи, ячменя, овса, а также гороха, муки, круп, отрубей и др.

Действительно, имперские амбиции царской России периодически ставили страну на грань государственного банкротства, особенно в начале XX в., когда она пережила две неудачные войны. Средства на погашение военных расходов и устранение дефицита государственного бюджета черпались главным образом за счет внешних займов. Вторым их основным назначением являлось финансирование железнодорожного строительства, активно развернувшегося с 1860-х гг. После русско-турецкой войны первоочередной задачей финансового ведомства, как ее сформулировал М. Х. Рейтерн, стало создание активного торгового и платежного баланса, необходимого «как для подготовки перехода к твердой валюте, так и особенно для возможности прибегать к заграничным займам» [46].

Для накопления золотого запаса, необходимого в качестве основы монометаллического денежного обращения, у преемников Рейтерна было по существу два внезаймовых источника — внутренняя добыча золота и увеличение экспорта. Добыча золота в России конца XIX в. держалась на примерно одном уровне, принося в год от 32,2 млн (1880) до 37,4 млн руб. (1895) [47], что не обеспечивало необходимой динамики накопления золотого запаса. Торговый баланс, напротив, усилиями министра финансов И. А. Вышнеградского на рубеже 1880—1890-х гг. удалось значительно ак-

Таблица 13

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАСЧЕТНЫЙ БАЛАНС РОССИИ В 1881—1913 гг. (млн руб.)*

Годы	1881—1897	1898—1913
Сальдо торгового баланса	+2517	+3937
Платежи и погашения по госзаймам	−2267	−3016
Дивиденды и прибыли, переводимые за границу	− 415	−1848
Расходы русских туристов за границей	− 716	−2396
Прочие расходы	− 129	− 182
САЛЬДО	−1010	−3090

* *Gregory P.* Russian National Income, 1885—1913. Cambridge Univ. Press, 1982. P. 97—98.

тивизировать. Из отрицательного он превратился в положительный благодаря форсированному экспорту и сжатию импорта (см. табл. 12). В таблице суммированы данные об экспорте и импорте товаров по всем границам Российской империи.

Протекционистская политика Вышнеградского, увеличившего таможенные пошлины и установившего жесткий таможенный тариф 1891 г., имела целью не только защитить российскую промышленность от иностранной конкуренции, но в большей степени была подчинена чисто финансовой задаче — поднять положительное сальдо торгового баланса[48]. Другим средством служил так называемый «голодный экспорт» — массированный вывоз зерна, приносивший около половины всей экспортной выручки. Однако разразившийся в 1891 г. голод обнаружил непрочность финансовой системы Вышнеградского, зависимой от такого нередкого для России бедствия, как неурожай.

Международный расчетный баланс страны в эпоху до «золотого стандарта» постоянно складывался с отрицательным сальдо за исключением пятилетия массированного экспорта хлебов 1887—1891 гг.[49] Суммарный дефицит расчетного баланса за 1881—1897 гг. составил до 1 млрд. руб. (см. табл. 13).

Государственный бюджет в силу низкой экономической конъюнктуры 1880 — начала 1890-х гг. также сводился с неизменным дефицитом, который покрывался главным образом за счет прироста государственной задолженности. Государственный долг России в 1881—1893 гг. вырос с 4901 млн руб. до 6058 млн, или на 23%. К 1893 г. из общей суммы долга 3345 млн руб., или 55,2%, составляли внутренние обязательства казны и 2713 млн (44,8%) — долг внешний[50]. Платежи процентов и погашения

Таблица 14

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС РОССИИ В 1881—1913 гг. (млн руб.)*

Актив:	**1881—1897**	**1898—1913**
Поступления по экспорту	10 775	17 435
Частные инвестиции	750	2 225
Государственные займы	1 050	2 000
Прочие поступления	125	240
Пассив:		
Платежи по импорту	8 140	13 313
Проценты и дивиденды уплаченные	2 900	5 000
Расходы русских туристов за границей	1 000	2 000
Прочие расходы	287	815
Увеличение золотого фонда	273	772
Баланс:	12 700	21 900

* *Энгеев Т.* О платежном балансе довоенной России // Вестник финансов. 1928. №5. С. 82.

прежних долгов обременяли бюджет, составляя до трети его расходной части. Однако к середине 1890-х гг. в результате проведенных конверсий государственного долга и ощутимого роста бюджета доля связанных с займами платежей снизилась до 18%.

К середине 1890-х гг. золотой фонд вырос до 873 млн руб., из которых 600 млн принесла добыча золота, а остальные 273 млн образовались по итогам внешнеэкономических расчетов за 1881—1897 гг. (см. табл. 14).

Правительству в итоге удалось накопить значительный золотой запас, на 87% покрывавший находившиеся в обращении бумажные деньги, размеры эмиссии которых в 1880-х годах сокращались в интересах дефляционной политики (см. табл. 15).

Таким образом, к моменту введения «золотого стандарта» состояние золотого запаса позволяло С. Ю. Витте осуществить реформу, не опасаясь утечки золотого фонда за границу. Денежная реформа 1895—1897 гг. должна была обеспечить приток в страну иностранных капиталов в ссудной и инвестиционной форме, создать условия для усиления российского экспорта и затруднить импорт товаров в Россию, т. е. активизировать международный расчетный баланс страны[51].

Таблица 15

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС И СТРУКТУРА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В 1880—1914 гг. (млн руб.)*

Год к 1 января	Золото Госбанка в России и за границей	Кредитные билеты в обращении	% золотого покрытия	Золотая монета в обращении	Серебро в обращении
1880	276,1	1129,9	24,4	—	—
1885	303,4	899,8	33,7	—	—
1890	475,2	928,4	51,2	—	—
1895	911,6	1047,7	87,0	—	—
1900	843,0	491,2	171,6	641,3	145,3
1905	1031,6	853,7	120,8	683,6	123,0
1910	1414,6	1173,8	120,5	580,9	112,5
1914	1695,2	1664,7	101,8	494,2	122,7

* Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 годы. СПб., 1910. С. 138—139; Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. Пг., 1915. С. 158—159.

Золотое обращение было утверждено методом скрытой девальвации, закрепив сложившийся курс бумажного рубля на уровне $^2/_3$ золотого (1 рубль кредитными билетами прежних выпусков был признан равным $66\,^2/_3$ копейки золотом). Стабилизация курса рубля по золотому содержанию превратила его в одну из самых «твердых» мировых валют. С 1897 г. и до начала Первой мировой войны золотой русский рубль в среднем стоил 2,16 германских марки и 0,50 доллара США.

Введенная Витте система золотого обращения считалась одной из самых жестких в мировой практике. Государственный банк имел право эмитировать бумажных денег (кредитных билетов) без золотого обеспечения на сумму не более 300 млн руб. Объем эмиссии бумажных денежных знаков поэтому напрямую зависел от размеров золотого запаса Государственного банка. «Омертвление» громадного золотого фонда (к 1914 г. он достиг 1695,2 млн руб.), используемого для обеспечения относительно небольшой эмиссии, экономически являлось не самым выгодным решением, но призвано было символизировать в глазах иностранных кредито-

ров финансовую мощь империи. К недостаткам российского «золотого стандарта» относилась и недостаточная эластичность системы денежного обращения, сдерживаемой размерами золотого фонда, и ее неустойчивость в период общественных кризисов.

Часть золотого запаса Госбанка и валютного резерва Министерства финансов для обслуживания внешних займов передавались заграничным банкирам, комиссионерам российской казны. К 1914 г. у них на счетах осело 635 млн руб., в том числе 431 млн во Франции, у главного кредитора царской России. Эта цифра равнялась почти трети золотого запаса Французского банка. «Русское золото за границей», как оно официально именовалось, служило средством текущих платежей по внешним займам и призвано было предотвратить отток золота из страны в случае отрицательного сальдо расчетного баланса[52]. Именно зависимость денежного обращения внутри страны от состояния ее международного платежного баланса являлась главной особенностью введенного Витте золотого монометаллизма.

«Золотой мост» для иностранных инвестиций.

Намечая денежную реформу, Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность с помощью золотой валюты войти в сообщество экономически развитых держав и привлечь оттуда инвестиции. В России, где огромное большинство населения занималось земледелием, собственные источники накопления средств, по его мнению, были крайне скудны. Выход главе финансового ведомства представлялся один: правительство должно было при сохранении покровительственной политики содействовать притоку иностранных капиталов, которые будут содействовать ускоренному развитию отечественной промышленности[53]. Для притока же капиталов в займовой и инвестиционной форме требовалась прочная национальная денежная единица.

«Огромное значение золотой валюты,— резюмировал министр финансов свою позицию,— заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется»[54]. Насколько же оправдались расчеты Витте на этот «золотой мост»?

Торговый баланс России вплоть до Первой мировой войны складывался благоприятно за счет опережающего развития экспорта, половину стоимости которого традиционно составляли зерновые культуры, хотя импорт товаров из-за границы также развивался достаточно динамично

(см. табл. 12). В области государственного кредита Витте взял курс на расширение займовых операций казны на международном финансовом рынке, рассчитывая вывозом товаров в Азию погашать долги империи в Европе[55]. Геополитические имперские соображения играли для него первостепенную роль. Индустриальный рост для министра финансов означал прежде всего сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет,— предупреждал он Николая II во всеподданнейшем докладе в феврале 1900 г.— Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды..., а укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний»[56].

Золотая валюта и привлечение иностранных капиталов в ссудной и инвестиционной форме являлись двумя главными компонентами финансовой политики Витте. Однако, как показали события русско-японской войны, России не суждено было в ближайшем времени утвердиться на дальневосточных рынках. В то же время платежи по займам отвлекали все больше средств из бюджета. В 1893—1900 гг. государственные обязательства России выросли с 6058 до 7866 млн руб., или почти на 30%. Большую часть прироста обеспечили именно внешние займы: если внутренний долг в это время вырос на 526 млн руб., то внешний — на 1282 млн (см. табл. 16).

В годы министерства Витте усилился также приток иностранных капиталов в инвестиционной форме, стимулированный как введением золотого стандарта, так и высокой экономической конъюнктурой 1890-х гг. Частные заграничные инвестиции в российские акционерные компании поднялись к 1900 г. до 550 млн руб. по сравнению со 149 млн в 1893 г. В дальнейшем инвестиции росли опережающим темпом по сравнению с государственным долгом, который после значительного расширения в период революции 1905—1907 гг. существенно не увеличивался вплоть до мировой войны. В условиях моратория на выпуск новых государственных займов уменьшение поступлений займовых средств компенсировалось форсированным притоком частных иностранных инвестиций. В акции и облигации российских акционерных компаний и облигации муниципальных займов к 1913 г. было инвестировано 1571 млн руб. иностранных капиталов, или почти втрое больше, чем в 1900 г. (см. табл. 16).

Таблица 16

РОССИЙСКИЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ, РАЗМЕЩЕННЫЕ В РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ В 1881—1913 гг. (млн руб.)*

Год к 1 января	1893	1900	1913
*Государственные обязательства***	6058	7866	12556
В том числе размещено в России	3345	3871	7095
% от итога	55,2	49,2	56,5
За границей	2713	3995	5461
% от итога	44,8	50,8	43,5
*Частные инвестиции****	2173	4124	8437
В том числе размещено в России	2024	3574	6866
% от итога	93,1	86,7	81,4
За границей	149	550	1571
% от итога	6,9	13,3	18,6
Все ценные бумаги	8231	11990	20993
В том числе размещено в России	5369	7445	13961
% от итога	65,2	62,1	66,5
За границей	2862	4545	7032
% от итога	34,8	37,9	33,5

* Россия. 1913 год. С. 179—181.

** Государственные займы, гарантированные правительством займы железных дорог, обязательства казенных ипотечных банков.

*** Облигации займов городских муниципалитетов, закладные листы акционерных коммерческих банков, акции и облигации российских акционерных компаний.

Следует, впрочем, учитывать, что приводимые цифры восходят к расчетам российского экономиста 1920-х гг. П. В. Оля[57]. Исследования последних лет, опирающиеся на уточненные статистические данные, свидетельствуют, что суммы инвестиций у П. В. Оля для периода предвоенного промышленного подъема 1909—1913 гг. превышают реальный уровень на 10—14%. С учетом этой минимальной 10%-й коррекции сумму иностранных частных инвестиций в российскую экономику к 1914 г. следует оценивать в 1414 млн руб., или 16,8% всех инвестиций в акционерные предприятия России.

Для адептов политики Витте это соотношение иностранного и отечественного капитала являлось воплощением того «золотого моста», по которому в Россию притекали иностранные инвестиции, а для оппонентов —

безусловным доказательством возникшей угрозы национальной безопасности и потери экономической самостоятельности. Эта дихотомия суждений сопровождала иностранные инвестиции в российской экономике и в последующие времена. Резюмируя, можно констатировать, что иностранный капитал являлся важным, хотя отнюдь не определяющим фактором экономического развития страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и сращиваясь с отечественным капиталом, иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации России, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув создание целого ряда отраслей экономики (например, угольно-металлургический район Донбасса) [58].

Международный расчетный баланс.

Каким образом приток капиталов в ссудной и инвестиционной форме влиял на международный расчетный баланс России, т. е. на суммарный итог ее внешнеэкономических расчетов? По имеющимся обобщенным данным за 1898—1913 гг., частные иностранные инвестиции составили 2225 млн руб., 2240 млн принесли внешние займы и прочие поступления, всего, таким образом, 4465 млн руб. (см. табл. 14). Положительное сальдо торгового баланса за тот же период равнялось 4122 млн руб. Активная часть платежного баланса в итоге выражалась суммой 8587 млн руб. Ей противостояли пассивные счета баланса: выплата за границу процентов по займам и дивидендов за инвестиции в размере 5 млрд. руб., расходы русских туристов за границей (2 млрд. руб.) и прочие расходы (815 млн), в общем итоге 7815 млн руб. Таким образом, общий итог платежного баланса за 1898—1913 гг. сложился с положительным для России сальдо в размере 772 млн руб., и решающим фактором образования этого излишка являлись иностранные капиталы в займовой и инвестиционной форме.

Погодные же расчетные балансы, представлявшие собой сводку международной задолженности без учета притока капиталов извне, складывались в целом с отрицательным итогом за исключением 1904—1905 и 1909 гг., когда имелось небольшое положительное сальдо [59]. В целом дефицит платежного баланса без иностранных вливаний за 1898—1913 гг. составлял около 2 млрд. руб. Для сохранения золотой валюты Россия должна была постоянно пополнять отрицательный итог международного платежного баланса ввозом иностранного капитала. Общий его приток в двух основных формах (займовой и инвестиционной) за 1900—1913 гг. выразился суммой 2507 млн руб., покрыв дефицит расчетного баланса.

Золотая валюта стала для России дорогостоящим удовольствием, поскольку для ее создания и сохранения требовалось держать в омертвленном золотом запасе значительную часть капиталов страны, но, несмотря на все издержки, она действительно способствовала более интенсивному втягиванию России в международное финансовое сообщество. Государственные обязательства в структуре международной задолженности страны в начале XX в. стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась автократическим режимом на поддержание имперского величия. Вероятнее всего, тенденция к возрастанию доли инвестиционных капиталов по сравнению с займовыми продолжилась бы и в дальнейшем при условии сохранения высокой экономической конъюнктуры. Однако мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему. С началом военных действий инвестиционный поток из Европы в Россию прервался, а система золотого обращения была ликвидирована во всех воюющих странах.

4. Кредитно-банковская инфраструктура.

Сложившаяся во второй половине XIX в. кредитная система России была вызвана к жизни потребностями капиталистической модернизации народного хозяйства и отражала аграрно-индустриальный характер экономики страны. На ход ее формирования и механизм функционирования заметный отпечаток наложила экономическая политика правительства, направленная на регулирование экономических процессов через систему учреждений государственного кредита. К началу Первой мировой войны в стране действовала достаточно диверсифицированная двухуровневая кредитно-банковская структура, финансировавшая различные сектора экономики. В ее рамках функционировали государственные, частные, а также муниципальные и сословно-корпоративные кредитные учреждения[60]. Сферой их деятельности являлись как снабжение средствами торгово-промышленного оборота (коммерческий кредит), так и операции с городской и сельской недвижимостью (кредит ипотечный).

Казенные банки.

Сердцевиной системы государственного кредитования являлся учрежденный в 1860 г. Государственный банк, находившийся в непосредствен-

ном подчинении министру финансов. Госбанк являлся крупнейшим коммерческим банком страны, а после денежной реформы 1895—1897 гг. стал и эмиссионным банком, получив право выпуска обеспеченных золотом кредитных билетов.

Стягивая ресурсы через широкую сеть филиалов (136 к 1914 г.) и пользуясь средствами казначейства, он в широком масштабе финансировал народное хозяйство (выдачи по учету векселей и ссудам под залог к 1914 г. составили 1072 млн руб., в практике банка получили распространение так называемые неуставные ссуды как форма льготного кредитования торгово-промышленных фирм). Особенно активно в канун мировой войны Госбанк участвовал в кредитовании хлебной торговли (остаток ссуд под залог хлебов к 1914 г.— 145,5 млн руб.), снабжал средствами частные коммерческие банки, обнаруживая тенденцию к превращению в «банк банков» (кредиты крупным коммерческим банкам к 1914 г.— 388 млн руб.)[61].

Под управлением Государственного банка состояла разветвленная сеть государственных сберегательных касс с правительственной гарантией вкладов. К 1913 г. на территории империи действовали 8005 касс, на счетах которых находилось 1594,5 млн руб. денежных вкладов, или примерно столько же, сколько было денежных знаков в обращении. Развитие российских сберкасс в начале XX в. отличалось необычайным динамизмом (для сравнения — к 1900 г. на их счетах было только 661,9 млн руб.), а средства их по большей части использовались правительством для поддержания системы государственного кредита. Так, к 1913 г., помимо денежных вкладов, основную статью баланса касс составляли инвестиции в государственные процентные бумаги на сумму 1638,7 млн руб.[62]

Два казенных земельных банка — Дворянский (основан в 1885 г.) и Крестьянский поземельный (1883 г.) — являлись главными звеньями системы государственного кредита в области ипотеки. Дворянский земельный банк, учрежденный «для поддержания землевладения потомственного дворянства», выдавал владельцам имений долгосрочные (до 67 лет) ссуды в пределах 60—75% оценки имения на льготных условиях, взимая по кредиту на 1,5—2% менее акционерных банков. Банк действовал на территории Европейской России за исключением Финляндии, Польши и прибалтийских губерний.

К 1915 г. у него в залоге находились 15,6 млн десятин земли, что составляло 14% общего фонда частного землевладения, оценивавшихся в 1589,9 млн руб. Деятельность Дворянского банка была направлена на удовлетворение интересов поместного дворянства и объективно опосредовала процесс мобилизации земли, способствуя межотраслевому переливу капиталов в условиях рыночной эволюции сельского хозяйства.

Крестьянский Поземельный банк, основанный с целью «оказать крестьянам содействие к приобретению в собственность предлагаемых для продажи земель», выдавал ссуды на срок до 51 года 9 месяцев со строго целевым (в отличие от других ипотечных учреждений) назначением — на покупку частновладельческих земель, причем кредит выделялся в размере 80—90% стоимости покупаемой земли. Банк действовал на всей территории Российской империи за исключением Финляндии, Польши и прибалтийских губерний. До 1895 г. ссуды выдавались только отдельным крестьянам и сельским обществам, а затем и лицам других сословий.

Деятельность банка особенно активизировалась в годы столыпинской аграрной реформы, когда он стал эффективным орудием преодоления крестьянского малоземелья. По указам 9 и 15 ноября 1906 г. банк обязывался выдавать ссуды под залог надельных земель, продавать и содействовать продаже крестьянам частновладельческих земель с проведением землеустройства, способствуя образованию «правильно поставленных единоличных владений». Отдельным покупателям ссуды стали выдаваться в размере 90—100% стоимости приобретаемой земли, тогда как сельским обществам, т. е. крестьянским общинам,— в размере 80—85%. С 1906 г. часть кредита могла быть использована и на модернизацию хозяйства. К 1915 г. банк принял в залог 16,9 млн дес. (15% общей площади частного землевладения) с оценкой 1759,9 млн руб., тогда как к 1905 г.— соответственно 7,5 млн дес. с оценкой 585,9 млн руб.[63]

Частные банковские учреждения.

Ведущим звеном системы частного торгово-промышленного кредита являлись акционерные коммерческие банки, наиболее исследованные в отечественной историографии в аспекте их отношений с промышленностью и формирования финансового капитала[64]. Взяв старт в 1860-х гг. (первым в 1864 г. был открыт Петербургский частный банк), сеть акционерных банков коммерческого кредита в канун мировой войны насчитывала 50 учреждений с 778 отделениями, в том числе 13 банков находились в Петербурге, 7 — в Москве, 5 — в Варшаве, 3 — в Риге, по 2 — в Киеве, Одессе и Лодзи.

Несмотря на относительно небольшой количественный рост (к 1900 г. в империи действовали 42 коммерческих банка), благодаря созданной в начале 1900-х гг. широкой сети отделений (к 1904 г. их насчитывалось 268) акционерные коммерческие банки занимали центральное место во всей кредитно-банковской структуре России. По сумме баланса к 1914 г.

(6284,6 млн руб.) они намного опережали все остальные банковские учреждения коммерческого кредита, в том числе и Государственный банк (4624,0 млн руб.).

Их ресурсы (вклады и текущие счета) с 1900 по 1914 г. выросли с 243,4 до 2751 млн руб., или более чем в 11 раз. Основное место в активах занимали кредитование торгово-промышленного оборота и финансирование производства по счетам учета векселей (402,9 млн руб. к 1900 г. и 1598,4 млн к 1914 г.) и бессрочных, или «онкольных» (от английского «on call» — погашение по требованию), ссуд под залог векселей, ценных бумаг и товаров (соответственно 259,3 млн и 1524,1 млн руб.)[65].

Двумя главными банковскими центрами империи являлись Петербург и Москва. К 1914 г. сумма балансов 13 петербургских банков равнялась 4432,7 млн руб., 7 московских — 1050,4 млн, а 30 провинциальных — всего 801,5 млн руб. В первую десятку по сумме баланса входили 7 петербургских банков во главе с крупнейшим банком империи Русско-Азиатским, 2 московских и один варшавский.

Ведущие банки (петербургские Русско-Азиатский, Международный, Русский для внешней торговли, московский Соединенный и др.) отличала тесная взаимосвязь с европейскими банкирами, основанная на деловом сотрудничестве и системе участий в акционерном капитале[66]. Привлечение иностранных инвестиций, стимулируя расширение операций отечественных банков, не приводило к их «порабощению», поскольку российские директора сохраняли за собой необходимые властные полномочия. Отечественные банки начинали и самостоятельно выходить на международный денежный рынок: к 1914 г. они имели 17 заграничных филиалов, в том числе 5 в Париже, по 3 — в Лондоне и Берлине.

По роду деятельности к акционерным коммерческим банкам примыкала группа частных банкирских заведений (банкирских домов и контор), которые чаще всего выступали в качестве субучастников проводимых «большими банками» эмиссионно-синдикатских операций. В канун мировой войны в России действовали 158 банкирских заведений, о которых имеются статистические сведения, в том числе 32 в Петербурге и 10 в Москве с суммой баланса 352 млн руб.[67] Банкирские дома являлись влиятельной финансовой силой, и не случайно в 1900-х гг. наиболее крупные из них были реорганизованы в акционерные банки (банкирский дом братьев Рябушинских — в Московский банк, фирма банкира Вавельберга — в Петербургский торговый банк и др.).

Наиболее многочисленную группу среди негосударственных банковских учреждений представляли общества взаимного кредита, представлявшие банковские структуры второго порядка после акционерных ком-

мерческих банков. Общества обслуживали в основном средних и мелких предпринимателей в городах и на селе. В отличие от акционерного банка, где размер участия акционера ограничивался внесенным капиталом, член общества взаимного кредита, внесший вступительный взнос, отвечал по обязательствам общества в десятикратном размере и в том же объеме мог пользоваться кредитом. Принцип взаимного кредитования предполагал, что клиент должен быть одновременно и вкладчиком общества[68].

В начале XX в. число обществ взаимного кредита выросло со 117 в 1900 г. до 1008 к 1914 г. за счет массы мелких, по преимуществу сельских ассоциаций, а количество членов — с 83 до 634 тыс. человек. В столицах вели операции 39 обществ (29 в Петербурге и 10 в Москве), в губернских городах — 172 и остальные 897 — в уездных центрах, где финансировали по большей части торговцев и сельских хозяев. Сводный баланс обществ с 248,2 млн руб. в 1900 г. вырос в 1914 г. до 1059,7 млн руб., в системе коммерческого кредита они прочно занимали третью позицию после акционерных и Государственного банков[69]. Группа ведущих столичных обществ (Петербургское, Московское Купеческое и др.) по характеру деятельности практически не отличались от акционерных банков, хотя значительно уступала им по объему операций. В 1908 г. был создан Центральный банк обществ взаимного кредита, игравший роль единого расчетного и координационного центра.

Ссуды торговцам, промышленникам и домовладельцам выдавали также городские общественные банки, находившиеся под управлением органов городского самоуправления. Капитал таких банков образовывался из средств городского бюджета. С 60-х гг. XIX в. они учреждались при городских думах и вели в основном те же операции, что и акционерные банки и общества взаимного кредита. Помимо этого, они имели также право предоставлять кредит частным лицам под залог городской недвижимости (фабрик и заводов, домов, лавок и др.) на срок до 15 лет, а также ссужать муниципалитеты и земства. Прибыль от операций отчислялась на нужды городского благоустройства и благотворительные цели. Правда, особой роли в системе коммерческого кредита эти банки не играли: несмотря на значительное их число (319 к 1914 г.), по сумме баланса (261,3 млн руб.) они значительно уступали всем прочим типам банковских учреждений[70]. Вместе с тем ряд банков в сравнительно крупных масштабах финансировал муниципалитеты и местных торговцев и промышленников из числа «отцов города». К 1913 г. под городскую недвижимость эти банки выдали кредитов на 79 млн руб.

В области частного ипотечного кредита (под земельную недвижимость и городские строения) оперировали акционерные земельные банки, со-

словные (дворянские) кредитные общества и банки, а также губернские и городские кредитные общества.

Несущим структурным звеном всей системы ипотечного кредита являлись акционерные земельные банки, сеть которых была основана в начале 1870-х гг.[71] Район их деятельности включал всю территорию Европейской России за исключением Прибалтики, Финляндии и Царства Польского, где существовали местные ипотечные учреждения, а также Кавказ и Среднюю Азию. Они выдавали ссуды на срок до 66 лет 10 месяцев под залог земельных владений, кроме надельных крестьянских земель, и городской недвижимости. К 1915 г. десять этих банков приняли в залог 23,9 млн дес. земли (22% общей площади частного землевладения) с оценкой 1776,9 млн руб.[72] По данным на 1914 г., ими было выдано ссуд на 897,3 млн руб. под залог земли и на 388,8 млн руб.— городской недвижимости (по закону 9 апреля 1902 г. объем кредитов, выдававшихся акционерными земельными банками под залог городской недвижимости, был ограничен $^1/_3$ от общего объема ссуд).

Наиболее крупными среди акционерных земельных банков были Московский (к 1914 г. выпустил в обращение на 169,6 млн руб. закладных листов — разновидность реализуемых на бирже ценных бумаг с твердой доходностью, закладными листами выдавались ипотечные ссуды), Донской (158,3 млн руб.) и Харьковский (152,7 млн руб.). В своей финансовой деятельности земельные банки были тесно связаны с коммерческими, на текущие счета которых переводили свободные капиталы.

Дворянские кредитные общества и банки (к 1914 г.— 8) действовали на территории Прибалтики, Царства Польского и в некоторых других окраинных районах империи (Херсонский земский банк, Тифлисский и Кутаисский дворянские банки и др.). По объему операций они уступали как акционерным, так и государственным земельным банкам, специализируясь на обслуживании поместного дворянства своих регионов и действуя по принципу взаимной ответственности заемщиков и на их капиталы. К 1915 г. ими принято было в залог 10,4 млн дес. земли (9% площади частного землевладения империи) с оценкой 1017,4 млн руб. Ускорению процессов градостроительства и урбанизации России служила деятельность возникших в 1860-х гг. губернских и городских кредитных обществ, предоставлявших ссуды под недвижимость в городах (жилые дома, торговые помещения и т. п. за исключением фабрично-заводских заведений). К 1914 г. количество заложенных имуществ в 36 таких обществах составляло 49,6 тыс., их оценка — 2243,7 млн руб. Наиболее крупными являлись Петербургское и Московское городские общества (остаток по ссудам соответственно 445,1 и 306,5 млн руб.). На заимствованные в городских об-

ществах капиталы домовладельцы модернизировали принадлежавшие им владения и строили новые доходные дома.

Кредитно-банковская сфера являлась важнейшим элементом экономической инфраструктуры предреволюционной России, связывавшей отдельные отрасли в единую народнохозяйственную систему.

5. Налоговая система

Структура российских податей.

По общепринятой классификации в налоговой практике рубежа XIX—XX вв. выделялись три основных вида податей — на владение, на потребление и на обращение. В российских условиях им соответствовали налоги прямые, косвенные и пошлины[73]. Структура российской налоговой системы к 1913 г. представляла собой следующую картину (см. табл. 17).

Особенностью податной системы России, как можно заметить, являлось преобладание косвенного обложения над всеми другими видами. Вместе с доходом от винной монополии, которая также являлась разновидностью косвенного обложения, косвенные налоги приносили в казну три четверти (76,1%) всех налоговых поступлений, тогда как налоги прямые — 12,9%, а пошлины — 11%. В большинстве же развитых стран Европы соотношение было иным, косвенные налоги не имели столь подавляющего превосходства над прямыми. По имеющимся сопоставимым данным на 1911 г., баланс разного вида налогов выглядел следующим образом (см. табл. 18).

Среди стран «большой четверки» Россия, таким образом, по удельному весу прямых налогов занимала последнее место, более чем вдвое уступая Германии и Великобритании. Основная тяжесть податного бремени в России распространялась через систему косвенного обложения, а главной ее статьей являлась «казенная винная операция», с помощью которой в руках государства сосредоточился такой важнейший источник пополнения бюджета, как продажа «сорокоградусной». Относимая официальной статистикой к разряду хозяйственных операций государства, винная монополия по сути своей являлась разновидностью косвенного обложения, взимаемого путем установления государством цены на водку и запрета частной торговли этим продуктом.

Особенностью прямого обложения в России являлось выраженное преобладание податей с торговли и промышленности (промысловый налог) над обложением земли и городской недвижимости. Если промысловый налог в 1913 г. составлял более половины всех прямых сборов (7,1%

Таблица 17

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ. 1913 г. (млн руб.)*

1. Прямые налоги	Сумма	% к итогу
Поземельный налог и подати	41,7	2,0
Сбор с городских недвижимых имуществ	36,6	1,7
Квартирный налог	9,0	0,4
Промысловый налог	150,1	7,1
Сбор с доходов от денежных капиталов	35,1	1,7
Всего	272,5	12,9
2. Косвенные налоги		
Таможенный доход	352,9	16,6
Сахарный доход	149,2	7,1
Табачный доход и сбор с папиросных гильз	83,7	4,0
Сбор с питей	53,7	2,5
Нефтяной доход	48,6	2,3
Спичечный доход	20,1	1,0
Всего	708,1	33,5
3. Доход от казенной винной операции	899,3	42,6
4. Пошлины		
Гербовые, судебные и канцелярские	111,8	5,3
С переходящих имуществ	48,4	2,3
С товаров и судов в портах	11,0	0,5
С пассажиров и грузов, перевозимых по казенным железным дорогам	30,8	1,5
С застрахованных от огня имуществ	6,7	0,3
Разные пошлины	22,5	1,1
Всего	231,2	11,0
5. Все налоговые поступления	2111,1	100,0

* Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. Пг., 1915. С. 33—40.

из 12,9%), то поземельный вкупе с налогом с городских недвижимых имуществ и квартирным — всего 4,1%. Отчасти такая ситуация порождена была интенсивным индустриальным ростом страны на рубеже XIX—XX в.,

Таблица 18

ПРЯМОЕ И КОСВЕННОЕ ОБЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ В 1911 г. (млн руб.)*

Страна	Все налоги	В том числе прямые	%
Россия	1537,5	210,9	13,7
Германия	1250,7	354,0	28,3
Франция	1297,2	253,6	19,5
Великобритания	1437,1	452,5	31,5

* *Кун Е.* Опыт сравнительного исследования налогового бремени в России и других главнейших странах Европы. СПб., 1913. С. 54.

но в не меньшей степени являлась и следствием целенаправленной налоговой политики поддержки поместного дворянства. В 1896 г. по случаю восшествия на престол Николая II оклад поземельного налога был снижен наполовину и восстановлен в прежнем объеме лишь десть лет спустя, тогда как ставки промыслового обложения росли постоянно.

Основным видом прямых податей в предреволюционной России являлся государственный промысловый налог, введенный в 1885 г. и реформированный в 1898 г. На его примере рассмотрим практику обложения предпринимательской деятельности в дореволюционной России. По положению 1898 г. налог состоял из двух частей — основного (патентного) и дополнительного сборов. Первый колебался от 500 до 1500 руб. для промышленных и от 12 до 500 руб. для торговых заведений в зависимости от размера предприятия. Дополнительный сбор взимался порознь с неакционерных («неотчетных») и акционерных фирм.

«Неотчетные» компании, т. е. не обязанные публиковать свои балансы и отчеты, в России были представлены главным образом торговыми домами («товариществами полными и на вере», совладельцы которых отвечали по обязательствам фирмы не только внесенным капиталом, как в акционерных компаниях, но и всем своим имуществом). Они уплачивали так называемый раскладочный сбор, сумма которого устанавливалась Министерством финансов на 3 года вперед и затем разверстывалась по губерниям, уездам и отдельным предприятиям, исходя из их экономического состояния. Неакционерные фирмы уплачивали также процентный сбор в размере 3,3% с части прибыли, превышавшей в 30 и более раз сумму основного промыслового налога.

Акционерные компании платили налог с основного капитала и с прибыли (процентный сбор). Налог с капитала составлял 0,15%, или 15 коп. с

каждой сотни рублей капитала, сбор с прибыли взимался по прогрессивной шкале: при уровне прибыли от 3 до 10% на основной капитал взималось 3—6% прибыли, при большей уплачивалось 6% со всей суммы прибыли плюс 5% с излишка прибыли сверх 10%. По оценке дореволюционных экономистов, «обложение промысловой прибыли было по своему характеру всего ближе к подоходному налогу»[74]. В то же время сохранение архаичной раскладочной системы сбора с неотчетных заведений, исходившей из некой средней прибыли для разных предприятий, придавало промысловому налогу крайне запутанный и противоречивый характер.

В начале 1900-х гг. правительство повысило ставки промыслового обложения, оставив в неприкосновенности саму систему сбора, но усилив вместе с тем подоходный принцип. По закону 1906 г. был расширен круг неакционерных фирм, обязанных уплачивать процентный сбор с прибыли. Размер сбора был повышен с 3,3% до 5% с части прибыли, превышавшей в 20 раз (а не в 30, как ранее) оклад основного промыслового налога. Одновременно был увеличен налог с капитала акционерных предприятий с 0,15% до 0,2%, а также процентный сбор с их прибыли. Последний устанавливался в пределах 3—13% при прибыли 3—20%, а в случае, если прибыль превышала 20% на капитал, сбор взимался в размере 14% со всей чистой прибыли плюс 10% с излишка прибыли сверх 20%[75].

«Когда в 1906 г. понадобился сильный нажим податного винта,— отмечали современники,— возможно было обратиться только к промысловому налогу и в нем повысить те сборы, которые были построены на подоходном или близком к подоходному начале»[76]. Одностороннее повышение ставок промыслового налога при сохранении неизменными всех прочих вызвало негативную реакцию предпринимательских кругов. Правительство обещало, что вводит новые ставки «временно», но фактически они сохранились вплоть до Первой мировой войны. Реально законом 1906 г. уровень обложения предприятий с высокой нормой прибыли (21% и выше) был увеличен вдвое, а со средней нормой (от 10 до 21%) — в полтора раза.

Налоговая политика правительства в начале XX в. пережила два этапа. На первом, вплоть до 1907 г., в условиях русско-японской войны и внутренней смуты правительство стремилось расширить налоговую базу для стабилизации государственного бюджета и одновременно сделало ряд налоговых послаблений для успокоения крестьянского населения. Манифестом 3 ноября 1905 г. наполовину были уменьшены, а с 1907 г. вовсе отменены выкупные платежи — одна из наиболее тяжких повинностей российского крестьянства, взимаемая еще со времен отмены крепостного права. Крестьянство было освобождено от громадного платежа на сумму

около 90 млн руб. ежегодно. Кроме того, указом 5 октября 1906 г. была окончательно и повсеместно упразднена архаичная подушная подать, взимавшаяся до того в отдельных областях империи.

В качестве компенсации за потерянные для бюджета средства повышены были прежние подати — ставки промыслового и государственного поземельного налогов, увеличены пошлины с переходящих имуществ и ставки гербового сбора, что в совокупности принесло в бюджет 50 млн руб. Той же цели служили меры в области косвенного обложения — в 1905 г. повышен акциз на пиво, керосин и спички, в 1909 г. — на табак и папиросные гильзы, что позволило залатать брешь в бюджете, возникшую после отмены выкупных платежей. Кроме того, в 1910 г. была проведена реформа обложения городских недвижимых имуществ, причем ставка государственного налога утверждена на уровне 6% чистого годового дохода каждого владения. За счет более точного учета реальной доходности городской недвижимости сбор в течение 1911—1912 гг. вырос с 20 млн руб. до 37 млн

После 1907 г., в условиях наступившего политического «успокоения» страны, Министерство финансов разработало целый пакет налоговых новелл, призванных пополнить доходную часть бюджета. Стратегическая линия правительства, по свидетельству официального издания финансового ведомства, заключалась «в возможном сообразовании податной тяготы с доходностью облагаемых объектов и в устранении неуравнительности обложения»[77]. Для приближения российской податной системы к лучшим мировым образцам предполагалось среди прочего ввести и подоходный налог, который отсутствовал в отечественной податной практике. Однако проект Министерства финансов встретил серьезную оппозицию имущих слоев и так и не был введен до мировой войны. Лишь в экстремальных военных условиях он был наконец реализован, и в 1916 г. принято положение о подоходном налоге, но реально в императорской России до февраля 1917 г. он так ни разу и не был собран[78].

Российский налогоплательщик.

Кто и сколько платил налогов в предреволюционной России? В самом общем виде уровень налогообложения отражает такой показатель, как соотношение между объемом национального дохода на душу населения и размер падающих на эту «душу» налогов. По имеющимся сводным данным на 1912 г., уровень налогообложения в России на фоне других европейских стран выглядел следующим образом (см. табл. 19).

Таблица 19

УРОВЕНЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ В 1912 г.*

	Россия	Германия	Англия	Франция
Налогов на душу населения (руб.)	11,23	27,38	48,54	41,60
Национальный доход на душу населения (руб.)	83,3	292,3	463,5	354,8
Отношение налога к доходу (%)	13,5	9,4	10,5	11,7

* *Вайнштейн А. Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. С. 127.

Налоговое бремя в России в абсолютных цифрах оказывается в 2—4 раза меньше, чем в ведущих европейских державах, но реальное податное бремя, т. е. отношение налога к доходу, было выше вследствие крайне низкого уровня национального дохода на душу населения. Иными словами, из своего скудного бюджета средний россиянин платил в казну податей больше, чем богатые немец, француз или англичанин.

Усредненные цифры, впрочем, не дают вполне адекватного представления о распределении налогового бремени среди основных категорий плательщиков. Уровень прямого их обложения (налоги в процентах к доходу) на 1913 г. представлял собой следующую картину (см. табл. 20).

Данные эти, хотя и не абсолютно точные и касающиеся только прямого обложения, фиксируют тем не менее весьма разительную неуравнительность обложения разных социальных групп, причем в лучшем положении оказывались частные землевладельцы (помещики) и рантье, живущие доходом с денежных капиталов, а в худшем — крестьяне, торгово-промышленные предприниматели и городские домовладельцы. Обращает на себя внимание весьма высокий уровень местного обложения (в пользу земств, городских муниципалитетов и крестьянских сословных самоуправлений). Правда, по сравнению с общегосударственным бюджет органов местного самоуправления в России заметной роли не играл, не превышая 25% от размера государственного. В Западной Европе, напротив, местные бюджеты имели сопоставимые объемы с общегосударственными. В России же с помощью крайней централизации бюджета правительство концентрировало львиную долю платежных средств в ущерб местным нуждам.

Самой многочисленной и наиболее отягощенной налогами группой населения являлось крестьянство. Отмена выкупных платежей фактически была сведена на нет ростом иных налогов, прежде всего косвенных. За

Таблица 20

УРОВЕНЬ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ РОССИЙСКИХ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В 1913 г. (в % к доходу)*

Категории плательщиков	Государственные налоги	Местные налоги	Всего
Поземельное обложение			
С частных владельцев земли	1	6	7
С крестьян	1	13	14
С владельцев городской недвижимости	5	11,7	16,7
С торгово-промышленных предприятий			
Предприятия частные (неотчетные)	7,2—12,0	4,2	11,4—16,2
Предприятия акционерные (отчетные)	13	—	13
С владельцев денежных капиталов	5	—	5

* *Покровский Н. Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 147.

1907—1913 гг. налоги на крестьянство, государственные и местные, возросли с 601 до 770 млн руб., или на 28%, тогда как естественный прирост сельского населения составил всего 9%. Череда урожайных лет позволила крестьянину поднять доходность своего хозяйства примерно на 30%, но эта прибавка съедалась ростом налогов, и уровень жизни в сельской России практически не повысился[79]. «Не хочешь спать зимой по 17 часов, а работать при огне,— писал один из земских деятелей того времени по поводу роста косвенного обложения крестьян,— плати акциз на спички и керосин; хочешь покурить — плати акциз на табак; хочешь выпить рюмку водки — плати в 15 раз дороже действительной ее стоимости, а если водку желаешь заменить чаем, плати за чай и сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом — плати таможенную пошлину на железо и т. д. Куда ни повернешь, сельский обыватель везде чувствует, что с него берут, берут и берут»[80].

К 1913 г. крестьяне платили налогов и арендных платежей в размере примерно 17—18% фонда личного потребления, но, как показала послереволюционная действительность, это был далеко не предел: после Октябрьской революции, отменившей арендные платежи и давшей крестьянину помещичью землю, тот платил тем не менее больше, чем при царе. В 1918—1919 гг. крестьянин отдавал в казну 16,7% своего фонда потребления, в разгар «военного коммунизма» (1920—1921 гг.) — 26%, в 1922 г. по-

сле введения нэпа — все еще 20,9%, и лишь в 1923 г. обложение снизилось до 18,6%, превышая все же уровень 1913 г.[81]

Основной податной группой среди городского населения являлись торгово-промышленные предприниматели. Им приходилось нести растущее бремя промыслового обложения, в то время как другой наиболее состоятельный класс общества — поместно-дворянский был защищен правительственной политикой от «излишнего» обложения. Ситуация вызывала справедливое недовольство торгово-промышленных кругов, которые от имени Московского биржевого комитета официально заявляли: «Наклонять чашу весов еще более в сторону обложения промышленности значит уже совершенно отступать от принципов справедливого распределения налогового бремени и покровительствовать одним группам населения за счет других, притом из мотивов, ничего общего не имеющих с понятиями государственной пользы и здравой экономической политики»[82]. Тем не менее положение не менялось, и торгово-промышленный сектор продолжал оставаться для общего и местного бюджетов главным источником налоговых поступлений. По оценке самих предпринимателей, общий уровень податей и сборов (государственных и местных) составлял 22—23% чистой прибыли акционерных и единовладельческих предприятий[83].

Подсчеты были проведены в связи с проектом введения в России подоходного налога, подготовленным Министерством финансов. Уровень обложения их предприятий представлялся лидерам отечественного делового мира достаточно высоким, и их беспокоило, что финансовое ведомство планировало ввести подоходный налог не в качестве единого, универсального, заменяющего все прочие подати, а как добавочный к уже имеющимся. Уровень налогообложения коммерческой сферы в этом случае грозил вырасти до трети чистой прибыли, что, подчеркивали деятели российского бизнеса, «совершенно непосильно для русской промышленности и может задержать ее развитие»[84].

Конечно, по сравнению с уровнем обложения предпринимательской деятельности в современной России опасения эти могут показаться преувеличенными. Но в них отражается весьма важная научная проблема, нуждающаяся в более детальном рассмотрении,— насколько налоговая система дореволюционной России воздействовала на экономический рост страны

Налоги и экономический рост.

Кардинальным вопросом теории и практики налогообложения была и остается дилемма, что целесообразнее,— обеспечить формирование бюд-

жета чисто фискальными методами или снижением ставки налогов добиваться стимулирования хозяйственной предпринимательской деятельности и расширения налоговой базы? Применительно к России дилемма эта обрела особую остроту в пореформенный период, когда бурное развитие частного предпринимательства вызвало повышение прежних (промысловый) и появление ряда новых налогов в торгово-промышленной и финансовой сферах. Какую же роль в индустриальном развитии прежде сплошь крестьянской страны сыграла система налогообложения, служила ли она тормозом или катализатором экономического роста? В России начала XX в., как мы видели, тяжесть налогового бремени (отношение национального дохода на душу населения к сумме налоговых платежей) являлась вполне сопоставимой с мировым уровнем (не забудем, правда, что Россия значительно отставала от западноевропейских стран по абсолютным размерам национального дохода). Общей линией правительственной политики в пореформенный период был постоянный рост обложения предпринимательских слоев населения, но рост этот по европейским меркам был умеренным, не лишающим предпринимателя стимула к развитию своего дела.

С другой стороны, обеспечивая правовые гарантии занятий частным предпринимательством, способствуя созданию транспортной и кредитной инфраструктуры, защищая молодую российскую промышленность от иностранной конкуренции таможенно-протекционистским барьером, государство безусловно способствовало экономическому росту и расширению налоговой базы. За содействие казны промышленности и торговле приходилось расплачиваться новыми налогами, объем которых в начале XX в. достиг половины всех прямых податей с населения империи.

Американский историк экономики Александр Гершенкрон в свое время выдвинул оригинальную концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Наряду с иностранными инвестициями, экономическая политика правительства послужила, на его взгляд, компенсирующим фактором, позволив патриархальной империи за короткий исторический срок войти в число относительно развитых индустриальных держав. Стимулирование экономического роста, по Гершенкрону, помимо общепротекционистской политики достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный. Он полагал, что именно политика индустриализации, осуществлявшаяся за счет средств, выкачиваемых из деревни, привела к революции 1905 г., ибо когда платежеспособность сельского населения была исчерпана, «терпению крестьянства пришел конец»[85].

Вероятнее всего, это наблюдение явилось своеобразной экстраполяцией на дореволюционный период советской экономической системы, в рамках которой индустриальный рост действительно инициировался бюджетным перераспределением национального дохода, попыткой объяснения промышленного взлета в России XIX в. бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой.

Последующие исследования, впрочем, не подтвердили этого тезиса. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств. Не было обнаружено перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор, бюджетная политика позднеимперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной[86]. Приоритетными в ней оставались военные и административные расходы. Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее мирового кризиса конца 1920 — начала 1930-х гг. Индустриальный прорыв России рубежа XIX—XX вв. отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае — не только правительства. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором экономики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста.

Американский экономист А. Каган справедливо заметил, что расходы на железнодорожное строительство являлись единственной крупной статьей правительственных расходов на индустриализацию. Он высказал также обоснованное соображение, что царское правительство своими действиями не увеличивало накоплений, влияя лишь на их приложение, а привлечение иностранных накоплений посредством введения золотого стандарта достигалось слишком дорогой ценой. По его мнению, российская индустриализация могла бы быть столь же быстрой или даже более динамичной и с меньшими издержками для общества, если бы государство играло менее активную роль в проведении индустриализации и положилось бы вместо этого на частную инициативу и свободные рыночные силы[87].

С 1880-х гг., когда Россия вступила в стадию современного индустриального развития, произошел и решающий структурный сдвиг в податной системе: промышленно-торговая сфера становится главным источником прямого налогообложения, тяжесть налогового бремени смещается с сельского населения на предпринимательские слои города. Они стали основ-

ным объектом как прямого, так и косвенного обложения, поскольку являлись массовым потребителем товаров, облагаемых акцизом. Поэтому нет оснований для вывода, бытующего среди последователей А. Гершенкрона, что крестьянам пришлось оплачивать ускоренную индустриализацию страны за счет снижения своего жизненного уровня (тезис этот верен применительно к советскому периоду нашей истории, но никак не к дореволюционному). Доля горожан, особенно занимавшихся частным предпринимательством, в этом процессе во всяком случае была не меньшей.

Экономический рост поддерживался не столько государственными вливаниями, сколько хозяйственной деятельностью самих предпринимателей-налогоплательщиков. Возраставшее прямое обложение торговцев, фабрикантов и финансистов, с одной стороны, отражало их активное участие в экономической жизни, а с другой — использовалось правительством как средство пополнения скудеющих крестьянских податей, особенно после отмены выкупных платежей в ходе революции 1905—1907 гг. Доля промыслового обложения в общей структуре налоговых доходов бюджета с 19% в 1890 г. выросла до 55% в 1913 г. По имеющимся подсчетам, удельный вес прямых налогов, так или иначе связанных с торговлей и промышленностью, за это время поднялся с 30 до 80% прямых податей бюджета[88]. Рост налогов на предпринимательскую деятельность для историка служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы в предреволюционной России рыночной системы хозяйства.

Россия в начале XX в., по меркам развитых стран, оставалась страной с отсталой экономикой, но она вышла на траекторию здорового экономического роста в рамках рыночной модели. Катастрофа мировой войны и революции прервала это развитие, еще далекое от своего апогея.

Примечания

[1] См.: *Смирнов В. С.* Экономика предреволюционной России // Отечественная история. 1999. № 2. С. 5—7.

[2] См.: *Бовыкин В. И.* Предисловие // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Сост. И. А. Дьяконова. М., 1996. С. 5.

[3] *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 61—62.

[4] *Gregory P.* Russian National Income, 1885—1913. Cambridge Univ. Press, 1982. P. 192.

[5] См.: *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. С. 70—71.

[6] См.: *Бовыкин В. И.* Предисловие // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. С. 7.

[7] Цит. по: там же. С. 7—8.

[8] Там же. С. 8.

[9] См.: *Грегори П., Зотеев Г.* Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия — СССР) // Коммунист. 1991. № 1. С. 69.

[10] Там же. С. 34. Табл. 2.

[11] *Петров Ю. А., Семенова А. В.* Российское предпринимательство XVI — начала XX в. К завершению исследовательского проекта Института российской истории РАН // Отечественная история. 1998. № 6. С. 30—31.

[12] *Gregory P.* Op. cit. P. 193.

[13] См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 405.

[14] Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г. // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 173—174, 177—178, 184.

[15] Цит. по: Власть и реформы. С. 416.

[16] См.: *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 70.

[17] РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 397 — Устои и стремления русской промышленности и торговли. Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли, б/д (1910 г.), л. 35—36.

[18] *Витте С. Ю.* Конспекты лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 485.

[19] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Т. II. Париж, 1933. С. 364.

[20] *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит (1769—1906). Т. III. Харьков, 1907, С. 1108.

[21] Всеподданнейший доклад государственного контролера за 1905 год. СПб., 1906. С. 11.

[22] *Дементьев Г. Д.* Во что обошлась нашему государственному казначейству война с Японией. Пг., 1917. С. 30, 33.

[23] См.: *Ананьич Б. В.* Финансовый кризис царизма в 1905—1906 гг. // Внутренняя политика царизма. Л., 1967. С. 308.

[24] См.: О порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов // Реформы 1905—1906 гг. СПб., 1906. С. 222.

[25] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. II. С. 365.

[26] Цит. по: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970. С. 265—266.

[27] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. II. С. 364.

[28] Речи министра финансов статс-секретаря В. Н. Коковцова по бюджетным вопросам в заседаниях Государственной Думы 16, 20 и 28 февраля 1909 г. СПб., 1909. С. 66.

[29] Министерство финансов. 1904—1913. СПб., 1914. С. XY.

[30] См.: *Шебалдин Ю. Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959.

[31] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. II. С. 374.

[32] Министерство финансов. 1904—1913. СПб., 1914. С. 4.

[33] См.: *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 271.

[34] Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. С. 246, 581.

[35] См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 409.

[36] Министерство финансов. 1904—1903. С. 120.

[37] Воспоминания П. Л. Барка, министра финансов российского императорского правительства // Возрождение. Париж. 1965. № 147. С. 61.

[38] См.: *Озеров И. Х.* Атлас диаграмм по экономическим вопросам. Вып. 1. Наш государственный долг. СПб., 1908. С. 20.

[39] Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 38, 77—81.

[40] Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных правительством процентных бумаг. СПб., 1913. С. 23—26, 109, 248, 263.

[41] См.: *Готье Ю. В.* Публичные займы дореволюционной России // Вестник финансов. 1926. № 5—6. С. 117.

[42] См.: *Каценеленбаум З. С.* Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917. С. 11—12.

[43] Министерство финансов. 1904—1913. СПб., 1914. С. 30.

[44] К вопросу о «русском золотом запасе за границей». СПб., 1914. С. 12.

[45] См.: *Боголепов М. И.* Государственный долг. СПб., 1910. С. 410—411.

[46] Цит. по: *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1860—1892. М, 1960. С. 49—50.

[47] См.: *Кашкаров М. П.* Денежное обращение в России. Т. I. СПб., 1898. С. 153.

[48] См.: *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40—80-е годы XIX в.) М., 1994.

[49] См.: *Gregory P.* Op. cit. P. 97—98.

[50] См.: *Бовыкин В. И.* Российские ценные бумаги в России и за границей // Россия. 1913 год. С. 179—181.

[51] См.: *Власенко В. Е.* Денежная реформа в России 1895—1897 гг. Киев, 1949.

[52] См.: *Буковецкий А. И.* «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX — начале XX в. // Монополии и иностранный капитал в России. М.—Л., 1962. С. 370.

[53] См.: *Корелин А. П.*, Степанов С. А. Указ. соч. С. 61—62.

[54] Цит. по: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. С. 257.

[55] Там же. С. 27—28.

[56] Цит. по: *Корелин А. П., Степанов С. А.* Указ. соч. С. 66.

[57] См.: *Оль П. В.* Иностранный капитал в России. Пг., 1922; *он же.* Иностранный капитал в народном хозяйстве довоенной России. М., 1925.

[58] См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. Рук. проекта В. И. Бовыкин. М., 1997.

[59] См.: *Gregory P.* Op. cit. P. 97—98.

[60] Балансовые данные об операциях основных кредитных учреждений на 1 января 1914 г. извлечены из официального издания Министерства финансов: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1914 г. СПб., 1914. Случаи использования других статистических материалов оговорены особо.

[61] Подр. см.: Государственный банк. 1860—1910. СПб., 1910.

[62] Подр. см.: *Петров Ю. А., Калмыков С. В.* Сберегательное дело в России. Вехи истории. М., 1995.

[63] Статистические показатели деятельности Дворянского и Крестьянского банков см.: Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита. Сост. Н. А. Проскурякова. М., 1980.

[64] См.: *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948; *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *он же.* Формирование финансового капитала в России, конец XIX в.— 1908 г. М., 1984; *Бовыкин В. И., Петров Ю. А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994; *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в.— 1914 г. М., 1998.

[65] См.: Сводный баланс акционерных коммерческих банков, действующих в России на 1 января 1900 г. СПб., 1900; То же на 1 января 1914 г. СПб., 1914.

[66] Из последних работ по этой теме см.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Рук. проекта В. И. Бовыкин. М., 1997; *Беляев С. Г.* Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909—1914 гг. СПб., 1995.

[67] См.: *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 153.

[68] См.: *Петров Ю. А.* Малоисследованный тип банковских учреждений // Монополистический капитализм в России. М., 1989.

[69] См.: Сводный баланс обществ взаимного кредита, действующих в России на 1 января 1900 г. СПб., 1900; То же на 1 января 1914 г. СПб., 1914.

[70] См.: Сводный баланс городских общественных банков на 1 января 1900 г. СПб., 1900; Сводный баланс городских и сельских общественных банков на 1 января 1914 г. СПб., 1914.

[71] По истории акционерных ипотечных см.: *Проскурякова Н. А.* Акционерные земельные банки Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 475—525.

[72] См.: Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980.

[73] См.: *Вебер А.* Налоги. СПб., 1906. С. 65.

[74] *Покровский Н. Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 115.

[75] См.: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 214—215.

[76] *Покровский Н. Н.* О подоходном налоге. С. 118.

[77] Министерство финансов. 1904—1914. С. 103.

[78] См.: *Боханов А. Н.* Подоходный налог и крупная буржуазия в России // Исторические записки. Т. 114. М., 1986.

[79] См.: *Анфимов А. М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901—1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 494—495.

[80] Цит. по: *Фридман М.* Наша финансовая политика. СПб., 1905. С. 24—25.

[81] См.: *Вайнштейн А. Л.* Указ. соч. С. 116—117.

[82] Московский Биржевой комитет. Земское обложение земель и торгово-промышленных заведений. М., 1911. С. 11.

[83] ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 253. Л. 46—47.

[84] Там же. Д. 254. Л. 239—243.

[85] См.: *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Massachusetts, 1962. P. 132.

[86] См.: *Gregory P.* Op. cit. P. 192—194.

[87] См.: *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. С. 55—56.

[88] См.: *Bowman L.* Taxation in Prerevolutionary Russia // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Ed. by J. Wieczynski. Vol. 54. Academic International Press, 1990. P. 30—33.

РОССИЯ СЕЛЬСКАЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

А. П. Корелин

1. Социально-экономические сдвиги в пореформенной деревне.

Несмотря на впечатляющий рывок в индустриальном развитии, сделанный Россией за пореформенное сорокалетие, она и к началу XX в. оставалась преимущественно аграрной, вернее, теперь уже аграрно-индустриальной страной. Более $^3/_4$ ее населения занималось сельским хозяйством, а аграрный сектор экономики давал в 1900 г. около половины (45,4%) валового национального продукта. И хотя сельское хозяйство везде и всегда отстает по темпам своего развития от промышленности, определенный прогресс был налицо и в этой важной отрасли российской экономики, толчок которому дали преобразования 1860—1870-х гг. Правда, в первые пореформенные десятилетия каких-либо существенных сдвигов здесь не произошло. Более или менее ощутимые результаты начавшейся перестройки сельского хозяйства проявились позднее, с 80—90-х гг. XIX в. Объективными показателями этих сдвигов были и расширение используемых земельных площадей, и увеличение сборов важнейших продовольственных культур, и некоторый рост их урожайности, и изменение структуры и географии сельскохозяйственного производства, его специализация и повышение товарности.

Статистика не дает сколько-нибудь полных и сопоставимых данных о росте земельных площадей, поэтому приходится довольствоваться достаточно отрывочными сведениями, лишь в общих чертах отражающими этот процесс. По расчетам известного экономиста Ю. Э. Янсона, к 1880-м гг. в Европейской России из 458,8 млн дес. учтенной земли пашня занимала 98,2 млн дес. (21,5%), сенокосы — 54,6 млн (11,9%), леса — 138,6 млн (30,2%); остальные 167,4 млн дес. (36,4%) числились как неудобные земли. Таким образом, более трети учтенной земельной площади оставалось вне культурного оборота и лишь частично использовалось под пастбища[1]. Мировой аграрный кризис 70—80-х гг. несколько приостановил рост посевных площадей, но уже с конца 80-х гг. этот процесс стал вновь набирать силу.

В 1877 г. только в 45 губерниях Европейской России площадь пашни составляла 103,8 млн дес.[2] Продолжалось освоение степных просторов Новороссии, Северного Кавказа, Заволжья, колонизация Западной Сибири, Средней Азии. Расширялась, хотя и незначительно, площадь пашни в Центрально-черноземном районе, но уже в основном за счет распашки лугов и пастбищ. Нечерноземные же губернии даже несколько сократили площади посевов, особенно зерновых.

По переписи 1905 г., все земли в Российской империи составляли 1965,4 млн дес., из которых было учтено и измерено лишь 1146,2 млн дес. В культурном пользовании — под пашней, сенокосами, выгонами и другими угодьями — находилось 469,4 млн дес., в том числе под пашней — 135 млн дес., т. е. 11,6% учтенной и измеренной и 28,7% находящейся в сельскохозяйственном пользовании земли[3]. Конечно, огромные пространства малообжитых северных и особенно сибирских территорий, а также среднеазиатских степей и не могли в то время быть введены в культурный оборот. Но в то же время огромные массивы пригодных для ведения хозяйства пустующих земель не использовались в производственных целях из-за низкого уровня материально-технических возможностей населения, отсутствия в казне достаточных средств и правительственной политики, долгое время сдерживавшей процесс стихийной колонизации.

Расширение посевных площадей сопровождалось заметным увеличением объемов сельскохозяйственной продукции. Статистика свидетельствует о медленном, но постоянном росте сборов зерновых и картофеля — основных продовольственных культур, занимавших более 90% всех посевных площадей. Если в предреформенном десятилетии по губерниям Европейской России средние годовые валовые сборы хлебов составляли 26,8 млн т и картофеля — 2,6 млн т, в 1861—1870 гг. — соответственно 28,3 и 3,3 млн т, в 1871—1880 гг. — 31,8 и 5,3 млн т, то в 1881—1890 гг. — 37,2 и 6,5 млн т, а в 1891—1900 гг. — 43,9 млн т зерна и 12,6 млн т картофеля[4]. При этом темпы роста производства хлебов были выше темпов прироста населения, что обусловливало увеличение сборов на душу населения. По объему валовой хлебной продукции Россия на рубеже XIX—XX вв. была в числе мировых лидеров — наряду с США, Аргентиной, Канадой и Австралией. Да и по производству зерна на душу населения она занимала третье место в Европе после Дании и Швеции.

Рост валовых сборов зерна достигался не только за счет увеличения посевных площадей, но отчасти и за счет роста урожайности, хотя по этому показателю успехи России были более чем скромными. На крестьянских землях в 1860-х гг. средняя урожайность зерновых составляла 29 пудов с

десятины (4,6 ц), в 1870-х — 31 пуд (около 5 ц), в 1880-х — 34 пуда (5,4 ц), в 1890-х — 39 пудов (6,2 ц) и в начале 1900-х гг. — 43 пуда (6,9 ц), т. е. возросла примерно в 1,5 раза[5]. Несколько выше она была в капитализирующихся помещичьих экономиях (в 1900 г. — 63 пуда с дес. пшеницы и 51 пуд ржи против соответственно 53 и 45 пудов на крестьянских землях) и ниже — на частновладельческих землях, сдававшихся крестьянам в аренду[6]. По этому показателю земледельческое производство в России в несколько раз отставало от большинства западных стран, что являлось следствием не только более сурового климата и наличия обширных зон рискованного земледелия, но и результатом господства в российской деревне отсталых систем полеводства (преобладало трехполье, в отдельных регионах еще широко были распространены залежная — на юге и юго-востоке и подсечно-огневая — на севере и в Сибири системы)*, засилья примитивных сельскохозяйственных орудий, недостатка вносимых в почву удобрений и т. п. По показателям урожайности Россия в то время наиболее близка была к США, где тогда также преобладали экстенсивные формы ведения хозяйства[7].

Медленнее, чем земледелие, развивалась другая важная отрасль сельского хозяйства — животноводство. Общая численность поголовья скота за пореформенное сорокалетие, несмотря на частые колебания за отдельные годы, заметно выросла. По этому показателю Россия также занимала одно из первых мест в мире. За десятилетие с 1894 по 1904 г. только в Европейской России общее поголовье стада увеличилось с 88 850,9 тыс. до 112 491,3 тыс. голов, в том числе лошадей — с 16 860,7 тыс. до 20 542,2 тыс., крупного рогатого скота — с 24 296,9 до 31 966,1 тыс., овец и коз — 38 683,0 тыс. до 48 289,3 тыс., свиней — с 9 010,3 тыс. до 11 693,7 тыс.[8] Но баланс между земледелием и животноводством, нарушенный еще в первые пореформенные десятилетия, так и не был восстановлен. В 1881 г. на 100 дес. приходилось 46 голов скота (в перерасчете на крупный), к 1912 г. этот показатель увеличился только до 50. Общее же количество скота на душу сельского населения неуклонно сокращалось: если в 1864—1869 гг. на 100 человек приходилось 50 голов, то в 1884 г. уже 44, а в 1912 г. — 38[9]. Эти дан-

* Трехполье — система земледелия, основу которой составляли два действующих поля — озимое и яровое — и поле «отдыхающее» (под паром). Залежная система — вспашка целинных земель с последующим забросом пашни на ряд лет для восстановления плодородия. Подсечно-огневая система — расчистка земельных участков от леса и кустарников путем «подсечки» и сжигания древесины с последующей вспашкой; после использования пашни в течение 3—5 лет она забрасывалась на некоторое время, затем цикл повторялся.

ные, собранные Главным ветеринарным управлением, по мнению специалистов, несколько занижены, но в целом верно отражают тенденцию в развитии российского животноводства. В результате длительной народной селекции были выведены замечательные породы — серый украинский скот, холмогорская и ярославская породы молочных коров, романовская порода овец, рабочие и скаковые лошади и т. д. Однако качество рабочего и продуктивного скота в целом, особенно крестьянского, было весьма низким из-за плохой кормовой базы и условий содержания поголовья. Хотя крестьянский беспородный скот отличался крайней неприхотливостью, устойчивостью к эпизоотиям, в подавляющей массе своей крестьянские лошади были слабосильны, коровы малоудойны, свиньи низкопродуктивны. Недостаточная обеспеченность скотом и низкая его продуктивность вели к тому, что население потребляло мало мяса, особенно в деревне, поля недостаточно удобрялись навозом и возникала необходимость в импорте скота и шерсти.

Важной чертой пореформенного развития сельскохозяйственного производства в России было усиление его торгового характера, что обусловливалось как расширением внутреннего рынка (рост численности неземледельческого населения, возросшие потребности промышленности в сырье, расширение сети и усовершенствование путей сообщения и т. д.), так и увеличением экспорта, поощрявшегося правительством в целях роста бюджетных поступлений и свободных капиталов в стране. Товаризация сельского хозяйства все заметнее сказывалась на его структуре и специализации. Зерновые по-прежнему занимали подавляющую часть посевов (около 90%), но в их структуре и размещении наблюдались весьма характерные изменения. На рубеже 70—80-х гг. до 36% площади их посевов занимала рожь, бывшая основной продовольственной культурой для крестьян; овес, также использовавшийся главным образом в хозяйствах производителей, занимал 18% площадей; пшеница и ячмень, производившиеся, как правило, для продажи,— соответственно 17% и 7%; остальные площади были под посевами гречихи, проса, полбы и т. д.[10] Спустя 20 лет, в 1901—1905 гг. рожь по-прежнему занимала первое место, но ей уже отводилось 31,2% всех посевов, и она давала 43,7% сборов зерновых; на второе место вышла пшеница с показателями соответственно 24,3% и 25,5%; на третьем месте оказался овес — 18,6% и 20,2%, затем ячмень — 9,7% и 11,2%[11]. Еще через 10 лет, к 1914 г. пшеница, ставшая главной экспортной культурой, занимала уже 30,6% посевов и давала 30,8% сборов зерновых; рожь переместилась на второе место — 26,1% и 30,8%; несколько снизилась и доля овса — 17,4 и 18,1% и повысилась доля более товарного ячменя — 12,1% и 12,8%[12]. При этом Россия и США были круп-

нейшими производителями и экспортерами пшеницы, собирая в конце XIX — начале XX вв. ежегодно в среднем более 1 млрд. пуд. (около 16 млн т).

Еще с середины XIX в. на общем фоне господства натурально-потребительского хозяйства преимущественно зернового направления появились некоторые признаки обособления регионов, где выращивали больше технических культур. Этот процесс усилился в пореформенное десятилетие, особенно с 80—90-х гг. И хотя зерновое производство вплоть до конца XIX — начала XX в. оставалось преобладающим, занимая около 90% всех посевных площадей, происходят существенные перемены в его структуре и размещении. Зона торгового зернового хозяйства смещается от центрально-черноземных губерний на юг и юго-восток (в Новороссию, на Северный Кавказ, в Поволжье и Заволжье), захватывая постепенно Сибирь и Алтай. Возникают районы с уклоном в свекловичное производство, табаководство, выращивание подсолнечника, бахчеводство, виноградарство (юго-запад, юг Черноземья, нижневолжские, северо-кавказские, причерноморские губернии). Среднечерноземные и нечерноземные губернии все более специализируются на производстве технического картофеля, северные и нечерноземные губернии расширяют посевы льна. В Средней Азии и Закавказье зерновая монокультура постепенно вытесняется хлопком, хотя вплоть до начала XX в. хлопчатник так и не стал там ведущей культурой.

Специализация наблюдалась и в области животноводства. Южные губернии все более определенно ориентируются на экстенсивное пастбищное мясное скотоводство, разведение рабочего скота и овец; северные и северо-западные, а несколько позже и Сибирь — на молочном направлении, требовавшем определенной хозяйственной интенсификации — травосеяния, выращивания технических культур на корм скоту и т. д. Близ городов и фабричных поселков формируются зоны товарного овощеводства, огородничества, молочного хозяйства. Специализация сельскохозяйственного производства сопровождалась постепенной его интенсификацией, модернизацией систем полеводства, более широким использованием удобрений, увеличением площадей травосеяния, строительством складской инфраструктуры и т. д.

Наглядное представление о росте товарного производства и объеме товарных фондов зерна дают данные о перевозке хлебных грузов. В конце XIX в. на внедеревенский рынок поступало около 18—20% производившегося в стране зерна, к кануну мировой войны, по разным подсчетам — от 26 до 33%. Причем товарность помещичьих экономий составляла 47—50%, крестьянских хозяйств — в среднем 23—30%, в том числе зажиточных и богатых — около 34%. Для остальной массы крестьянства, про-

изводившей около половины всего товарного хлеба, этот показатель был около 15%. Таким образом, в связи с особенностями мелкокрестьянского производства основная масса зерна (до 3/4) потреблялась в хозяйствах самих производителей и не выходила из внутридеревенского оборота[13]. И тем не менее средние ежегодные фонды товарного зерна в России составляли в 1890—1895 гг. более 550 млн пудов (около 9 млн т), в 1896—1900 г.— более 919 млн (около 15 млн т), в 1901—1905 гг.— 1237 млн пудов (около 20 млн т), в 1906—1910 гг.— 1 339 млн пудов (21,9 млн т) и в 1911—1913 гг.— 1 317 млн пудов (21,6 млн т). Цифры эти явно занижены, так как не учтены гужевые перевозки, а за 1890—1900 гг.— и водные[14].

Таким образом, за четверть века масса товарного зерна увеличилась более чем вдвое. Значительную ее часть поглощал экспорт, объемы которого за пореформенное 45-летие выросли с 80 тыс. пудов до 609 тыс. пудов, т. е. более чем в 7,5 раза[15]. Несмотря на обострявшуюся конкуренцию на мировом хлебном рынке, Россия к началу XX в. по праву считалась «житницей» Европы, а зерновой экспорт давал более половины валютных поступлений страны. Еще в 80—90-х гг. XIX в. Россия экспортировала более половины своего товарного хлеба. Но внутренний рынок неуклонно расширялся, и в начале XX в. уже более половины произведенного на продажу зерна шла на внутреннее потребление. Этому в немалой степени способствовала отмеченная выше производственная специализация регионов. В начале 90-х гг., по расчетам русских экономистов, крестьянские хозяйства лишь 10 из 50 губерний Европейской России обеспечивали себя хлебом[16]. К кануну же мировой войны из 64 губерний Европейской России, Польши и Северного Кавказа лишь 20 имели его избыток, а 34 губернии ввозили хлеб. Причем со специализацией сельского хозяйства, с расширением зоны продуктивного животноводства, ростом производства технических культур, развитием промышленности потребность в зерне потребляющих губерний возросла с 83,8 млн пудов в год в начале 80-х гг. до 181,2 пудов в 1907—1910 гг., т. е. более чем удвоилась, а его предложение производящими губерниями увеличилось за это время с 356,1 млн пудов до 982,4 млн пудов, т. е. почти утроилось[17]. Данные о железнодорожных и водных перевозках сельскохозяйственных грузов свидетельствуют и о некотором росте в общих грузопотоках доли продуктов интенсивного земледелия[18].

Позитивные сдвиги в аграрной сфере отражали общие процессы развития российской экономики и были связаны с ними. Сельское хозяйство покрывало бóльшую часть потребностей обрабатывающей промышленности в сырье (до 2/3) и рабочей силе. Лишь текстильная и отчасти шелковая и шерстяная отрасли находились вплоть до конца рассматри-

ваемого периода в зависимости от импорта. Правда, важнейшая из них — хлопчатобумажная, еще в 80-х гг. XIX в. почти полностью базировавшаяся на привозном хлопке, в 90-х гг. уже на четверть, а к 1910 г. — более чем наполовину работали на отечественном сырье[19]. Пищевая промышленность — вторая по объему и стоимости продукции отрасль экономики — почти полностью базировались на внутренних ресурсах. В свою очередь, анализ развития промышленности и транспортной инфраструктуры свидетельствует об их прогрессивном воздействии на сельское хозяйство и в плане его интенсификации, внедрения новых культур и передовых технологий, и в плане предоставления финансовой и технической помощи, и через расширение рынков сбыта, хотя такое воздействие еще и не стало всеобъемлющим, определяющим.

Наконец, с увеличением объемов и ассортимента сельскохозяйственного производства росло потребление городского и сельского населения. Расчеты американского исследователя П. Грегори свидетельствуют о росте средних ежегодных расходов на личное потребление горожан в 1890-х гг. на 5,7% и в 1901—1905 гг. — на 2,9%; сельских домашних хозяйств — на 5,9% в 1893—1897 гг., на 1,6% — в 1897—1901 гг. и на 3,1% — в 1901—1905 гг.[20] В целом деревня справлялась с обеспечением городов продовольствием, которое становилось все более разнообразным по ассортименту и качеству, хотя и все более дорогим, что, видимо, сказывалось на размерах потребления. Сложнее обстояло дело с сельским потреблением. Спрос деревни был двояким — потребительским и производственным и определялся в первую очередь платежеспособностью крестьян и уровнем производительности их хозяйств. Но при этом удовлетворение спроса на промышленную продукцию в неменьшей степени зависело и от уровня индустриального развития страны.

В большинстве губерний Европейской России по-прежнему преобладали традиционные орудия вспашки: деревянные сохи и бороны (несколько усовершенствованные, с железными наконечниками) и простейшие уборочные средства — косы, серпы, цепы для обмолота. Вместе с тем уже в 1890-х гг. складывается специальная отрасль сельскохозяйственного машиностроения — мастерские по изготовлению и ремонту железных плугов, борон, жаток, молотилок, веялок. Но большая часть сельскохозяйственных машин по-прежнему ввозилась из-за границы. С 1892 по 1905 г. стоимость импорта возросла с 9 057 тыс. до 38 762 тыс. руб., т. е. по меньшей мере в 4 раза[21]. Тем не менее еще и в начале XX в. подавляющее большинство крестьян сеяли хлеб вручную, тогда как посев сеялкой сберегал 3—4 пуда семян и увеличивал урожайность на 13—20 пудов с десятины. С улучшением рыночной конъюнктуры техническая оснащенность

крестьянских и частновладельческих хозяйств начала несколько повышаться, но не настолько, чтобы можно было говорить о техническом перевооружении сельского хозяйства. Перепись 1917 г. показала, что 52% крестьян главных земледельческих губерний Европейской России не имели усовершенствованного инвентаря. Основная его масса закупалась помещиками и зажиточными хозяевами преимущественно в районах с высокоразвитым торговым земледелием — Прибалтике, Новороссии, Заволжье, на Северном Кавказе, а затем и в Сибири.

Сложнее определить уровень и качество продовольственного потребления деревни. Земские статистико-экономические и медицинские обследования показывают, что там преобладала растительная пища (хлеб, картофель, крупы), реже потреблялась рыба и молочные продукты и еще реже — мясо. Ничтожным было потребление чая и сахара, которые считались роскошью. Правда, даже при сравнительно ограниченном ассортименте продуктов крестьянские семьи умудрялись разнообразить стол, готовя — в зависимости от особенностей регионов и национальных обычаев — разнообразнейшие супы, похлебки, борщи, каши, пироги и другую выпечку, кисели и т. п. Но в целом калорийность пищи была низкой и часто не соответствовала затрачиваемой трудовой энергетике. Ситуация усугублялась частыми неурожаями.

Расчеты свидетельствуют, что средние размеры душевого потребления зерна за 20 предвоенных лет держались, в основном, на одном уровне. Вместе с тем в структуре потребления продовольственных хлебов повысилась доля пшеницы, что говорит о некотором улучшении пищевого рациона населения. Приняв за среднюю норму годового потребления 15—16 пудов на человека (2,4—2,6 ц), а также включив в расчет данные об экспорте и снабжении сырьем промышленности, исследователи получили следующую картину: в крестьянских хозяйствах в конце XIX в. оставалось на семена, хозяйственные нужды и потребление около $^3/_4$ общего количества зерна, причем этот остаток практически не изменился и в начале XX в.; доля зерна, предназначавшегося для удовлетворения продовольственных нужд городского населения возросла с 6,8% до 9,1%; доля промышленного сырья в связи с увеличением использования для производства спирта картофеля сократилась с 3,2% до 0,5%; доля экспорта возросла с 13% до 15,6%[22].

Вместе с тем следует признать, что, если норма душевого потребления в 15—16 пудов зерна была, видимо, достаточна для горожан (с учетом их более разнообразного пищевого рациона), то для сельского населения, по самым минимальным прикидкам, ее нужно увеличить до 18 пудов плюс не менее 7,5 пудов на корм скоту. Таким образом, для простого воспроизвод-

ства рабочей силы в деревне требовалось не менее 26,5 пудов зерна на человека, что было заметно больше средних душевых сборов продовольственного и кормового зерна. Значительная, если не большая, часть крестьян была вынуждена закупать зерно, заменять его картофелем, а в случае неурожаев — голодать, что крайне отрицательно сказывалось на экономическом положении деревни, на ее платежеспособности и на здоровье крестьян.

Казалось бы, в целом ситуация с сельским хозяйством, судя по важнейшим усредненным статистическим показателям, была более или менее благополучна. Однако за этими удовлетворительными, на первый взгляд, цифрами стояла столь противоречивая реальность, что внешне благоприятная картина при детальном анализе оказывалась далеко не однозначной. Уже с начала 1880-х гг. все отчетливее проступали признаки нараставших кризисных явлений. Не успев настроиться на новые, товарно-денежные формы отношений, российское сельское хозяйство оказалось в тисках мирового аграрного кризиса, повлекшего за собой глубокое падение хлебных цен, продолжавшееся почти до конца века. Поместное дворянство, оказавшееся не в состоянии приспособиться к новым условиям и стремительно терявшее землю, засыпало монарха и правительство ходатайствами о помощи в связи с убыточностью имений и дороговизной кредита. Катастрофически росли недоимки по выплате налогов и выкупных платежей у крестьян. Все отчетливее обнаруживалось крестьянское малоземелье, обострившееся в связи с демографическим «взрывом» в деревне. Участились неурожаи и сопровождавшие их голодовки крестьян и эпидемии, охватывавшие огромные регионы. Только в конце XIX — начале XX вв. Россия пережила, помимо страшного неурожая и голода 1891—1892 гг., различного масштаба недороды 1896—1897, 1899, 1901, 1905—1906, 1908, 1911 гг. Последствия их становились все более ощутимыми: с одной стороны, правительство вынуждено было направлять для организации помощи пострадавшим регионам сотни миллионов рублей, а с другой — российский торговый баланс все чаще оказывался под угрозой дефицита в связи с вынужденным сокращением хлебного экспорта. В деревне росла социальная напряженность, вылившаяся в 1902 г. в настоящие крестьянские восстания, охватившие Грузию, Полтавскую и Харьковскую губернии и ставшие предвестниками российской революции.

9 марта 1902 г. крестьяне двух волостей Константиноградского уезда Полтавской губернии напали на Карловскую экономию герцогов Мекленбург-Стрелицких. Это послужило сигналом для выступления крестьян соседних деревень. За короткое время волнениями оказались охвачены

337 селений Полтавской и Харьковской губерний с населением около 150 тыс. человек. Причинами бунта были крайнее малоземелье и ряд неурожайных лет, приведшие к жестоким голодовкам. Движение с самого начала приобрело разрушительный характер. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, захватывали хлеб, скот, уничтожали имущество, причем выступали они «скопом», всем миром, действовала «круговая порука», объединявшая все слои деревни — от беднейших до зажиточных. В сознании восставших причудливо переплетались революционные лозунги, почерпнутые из прокламаций, и вера в «хорошего царя», до которого не доходит «правда».

Подавлением крестьянских выступлений руководил сам министр внутренних дел В. К. Плеве. Вызванные войска проводили демонстративные порки зачинщиков, в ряде селений солдаты открывали огонь по крестьянам. Суду были преданы 960 человек, из которых 836 были приговорены к различным срокам наказания. 11 мая Николай II издал указ о возмещении убытков пострадавшим владельцам имений. На крестьян была возложена своеобразная контрибуция в размере 800 тыс. руб., которую, однако, взыскать не удалось ввиду их тяжелейшего положения. Позднее в докладе царю директор департамента полиции А. А. Лопухин в качестве причин «беспорядков» отмечал «... обнищание крестьянства, сословную его приниженность, созданное долгими годами бесправия отсутствие сознания о законе и праве и тупую жестокость нравов... Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно уже не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанным на безвыходности положения и на том, что им помощи ждать не от кого»[23].

2. Помещики и помещичье хозяйство.

Истоки аграрного вопроса, ставшего одним из важнейших факторов социально-экономической жизни страны, лежали как в самом характере крестьянской реформы 1861 г., так и в последующих актах по ее реализации. Реформа была проведена в виде грандиозной кредитной операции: помещики получали от казны единовременно сумму, равную капитализированному оброку и являвшуюся фактически платой за землю и за утрату права собственности на личность крестьянина; крестьяне получали личную свободу, усадьбу и надельную землю с обязательством выплачивать рассроченные на 49 лет выкупные платежи и проценты по ним. В резуль-

тате возникло два типа хозяйств — крупное частновладельческое, помещичье и мелкокрестьянское, развитие которых определяло темпы и формы эволюции российского сельского хозяйства.

Помещики в результате реформы сумели сохранить в своих руках огромную земельную площадь, составлявшую только в 45 губерниях Европейской России (без Архангельской, Астраханской и прибалтийских губерний*) более 87 млн дес. Однако перестроить свои хозяйства в соответствии с требованиями нового времени оказалось крайне сложным. Вчерашние душевладельцы не располагали ни достаточным собственным инвентарем, ни свободной рабочей силой, ни опытом ведения хозяйства с использованием наемного труда, ни необходимыми средствами. Государство удержало из выкупных сумм старые помещичьи долги. Получив же большую часть причитающихся им платежей выкупными свидетельствами и желая как можно скорее их обналичить, владельцы имений дружно избавлялись от ценных бумаг, которые стремительно обесценивались. Старая кредитная система рухнула, новая же складывалась медленно и с большим трудом. Акционерные ипотечные банки возникли лишь в середине 1870-х гг., и кредит их был непривычно дорог. Да и общие условия для модернизации хозяйства — уровень развития рыночных, товарно-денежных отношений и складывавшейся капиталистической инфраструктуры — находились еще в стадии становления. Сам способ реализации реформы оставлял за помещиками широкие возможности выбора пути перестройки своего хозяйства. Значительная, если не большая часть их не смогла или не захотела отрешиться от старых, привычных форм хозяйствования на земле. Такую возможность им предоставляло законодательство, предусматривавшее длительное сохранение «временнообязанного» состояния крестьян, которое формально было отменено лишь в 1883 г. для помещичьих и в 1886 г. — для государственных крестьян, а в отдельных регионах (например, в Закавказье) сохранялось еще и в начале XX в.

К тому же крестьянское хозяйство не было вполне отделено от имений помещиков: в руках последних оставались так называемые «отрезки» от прежних крестьянских наделов, леса, выгоны, водопои, дороги, владельческие земли часто клином врезались в крестьянские угодья, вынуждая крестьян арендовать их за «отработки». Оставалась и возможность внеэкономического принуждения (приниженное правовое положение крестьянства, полная подконтрольность местным властям, которые в значи-

* В Прибалтике крепостное право было отменено еще при Александре I; в Архангельской и Астраханской губерниях помещичьего землевладения практически не было.

тельной мере продолжали комплектоваться из дворян). В результате сложился переходный тип хозяйства, соединивший в себе черты как старой барщинной, так и новой капиталистической систем. Обе они переплетались порой самым причудливым образом, переходя в ряде случаев совершенно неуловимо одна в другую.

Тип «рационального» владельца имения, пытавшегося внедрить новые приемы хозяйствования, ярко отражен в знаменитых «Письмах из деревни» выдающегося агрохимика А. Н. Энгельгардта, экспериментировавшего в своем имении Батищево Смоленской губернии и имевшего немало последователей. Однако в целом капиталистическая перестройка помещичьих хозяйств шла крайне медленно. Вспомним в этой связи хотя бы знаменитую книгу С. Н. Терпигорева «Оскудение. Очерки помещичьего разорения» (1881), где автор (сам выходец из поместного дворянства) не только дал фотографически точные зарисовки помещичьего быта первых пореформенных десятилетий, но и высказал ряд суждений об исторической обусловленности утраты дворянством своих экономических позиций и фактической обреченности этого сословия. Главной причиной сложившейся ситуации он считал порожденный веками крепостничества господский паразитизм, для изживания которого требовалась смена не одного поколения дворян. На смену им шли набиравшие силу землевладельцы предпринимательского типа, которым, по мнению Терпигорева, принадлежало будущее, но которые были ему крайне неприятны[24]. И это негативное отношение к капиталистическому предпринимательству, характерное как для консерваторов, так и для либералов из помещичьей среды, так и не было изжито вплоть до 1917 г.

Но и новые владельцы имений, в порывах предпринимательской горячки сводившие под корень «вишневые сады», сравнительно редко добивались успеха. Преодолеть аграрный кризис можно было лишь путем дополнительных вложений капитала, повышения производительности земли, интенсификации хозяйства. Часть помещиков, пытавшихся перестроить свои имения и потерявших надежду справиться с кризисом, вынуждена была продать или забросить имения и искать других источников доходов (на государственной и частной службе, в приобретении ценных бумаг, в приобщении к торгово-промышленному предпринимательству и т. п.), как это сделали Энгельгардт и его сосед Мертваго[25]. Другие сокращали собственную запашку и возвращались к испольной аренде и «отработкам». Появились даже теории о преимуществах испольного хозяйства над капиталистическим. Как свидетельствуют данные о заемщиках Дворянского земельного банка, удельный вес имений, владельцы которых вели хозяйство с использованием наемного труда, с 40% в 1886—1890 гг.

упал до 29% в 1896—1900 гг.; соответственно увеличилась доля хозяйств, сдававших землю в испольную аренду и за отработки — с 39% до 51%. Примерно на одном уровне (20—21%) оставалась доля хозяйств, использовавших смешанные способы [26]. И этому способствовала половинчатость и непоследовательность реформы 1861 г. Через 30 с лишним лет, в середине 1890-х гг., формальное отграничение крестьянских наделов от помещичьих земель было проведено лишь на площади 5 млн дес. из 33 млн дес. земель бывших помещичьих крестьян. Помещики же владели $^2/_5$ всех сенокосов и почти $^1/_3$ всех выгонов [27]. Чересполосица, дававшая ранее огромные выгоды помещикам, с начала XX в. становится огромным неудобством при усилившейся тенденции к организации капиталистических экономий. Весьма характерной является в этом плане жалоба волынского помещика А. Дейнека, который писал в одно из правительственных совещаний, собиравших сведения о состоянии сельского хозяйства на местах: «Я не могу устроить правильно ни полевого, ни лесного хозяйства, потому что все мои 9000 десятин испещрены мелкими клочками крестьянского владения; крестьяне также не могут со своей стороны пользоваться клочками надельной земли — не могут ни прогнать туда для пастьбы свой скот, ни удобрить землю, ни даже добраться до своих участков для обработки их без потери времени и труда, т. к. они находятся на пространстве 100 квадратных верст и участки некоторых крестьян находятся в 12 верстах от села по прямой линии». О том же сообщали земские управы Курской и Воронежской губерний [28].

Стремительно набирал темпы процесс мобилизации частновладельческих земель. Дворяне за пореформенное сорокалетие утратили более 40% своего земельного фонда. Правда, до середины 1890-х гг. они занимали на земельном рынке первое место не только по продажам, но и по покупкам, что свидетельствовало о процессе перераспределения земельной собственности внутри сословия и отчасти, видимо, и о попытках модернизации части помещичьих хозяйств. Вслед за ними по числу покупок шли купцы, почетные граждане и лишь затем крестьяне. С 1898 г. первенство в земельных операциях переходит к крестьянам, оттеснившим и дворян, и купцов [29]. К 1905 г. площадь частновладельческого земельного фонда в 50 губерний Европейской России составляла 101,7 млн дес. — около четверти (25,8%) всей земли, находившейся в сельскохозяйственном пользовании. Учитывая сословную принадлежность владельцев, частновладельческие земли распределялись следующим образом: 53,2 млн дес. (52,3%) принадлежали помещикам-дворянам, 12,9 млн дес. (12,7%) — купцам и почетным гражданам, 24,5 млн дес. (24,1%) — крестьянам, крестьянским обществам и товариществам, остальное — Церкви, мещанам и пр.

Характерной чертой частного землевладения был его латифундиальный характер: в руках примерно 28 тыс. владельцев, располагавших имениями площадью более 500 дес. (27,8 тыс. из 752,8 тыс. владений), сосредоточено было 3/4 всего частновладельческого фонда, т. е. в среднем около 2,3 тыс. дес. на каждого. Почти 2/3 таких владений (18,1 тыс.) и свыше 70% земельной площади принадлежали дворянам, причем 155 крупнейших земельных собственников (102 семьи) владели имениями свыше 50 тыс. дес. каждый, располагая в совокупности 16,1 млн дес.[30] Такой концентрации земельной собственности не было ни в одной стране мира.

Несмотря на потерю значительной части земли, помещики и к началу XX в. далеко не утратили своей экономической мощи. В связи с ростом земельных цен стоимость остававшегося в их руках земельного фонда вдвое превышала его стоимость в начале 1860-х гг. Выкупные платежи, полученные ими ипотечные ссуды, средства, вырученные от продажи и сдачи земли в аренду, по самым скромным подсчетам, превышали к середине 1890-х гг. сумму в 2 млрд. руб. К 1905 г. только остаток долга по ипотеке составлял 1,8 млрд. руб., а к 1914 г.— более 2,3 млрд.[31] Однако в целом лишь незначительная часть этих средств была инвестирована в аграрную сферу. Огромные деньги были растрачены непроизводительно, большие суммы ушли на приобретение ценных бумаг — государственной ренты, облигаций и акций частных предприятий и т. д.

И все же часть помещиков сумела перестроить свои имения на капиталистических началах, особенно те, кто располагал необходимыми средствами. Уже в силу самих размеров латифундий владельцы их были не в состоянии вести правильно организованное хозяйство на всей их площади и потому сдавали земли и угодья в аренду крестьянам. Собственное хозяйство велось на сравнительно незначительных площадях, на которых отдельные владельцы, как правило, с помощью управляющих порой добивались выдающихся результатов. Среди них выделялись, например, рационально организованные экономии графа С. Д. Шереметева, графов А. В. и А. А. Орловых-Давыдовых, барона Ф. О. Фальц-Фейна (образцовое имение Аскания-Нова в Таврической губернии), Карловская экономия герцогов Мекленбург-Стрелицких, имение «Хуторок» барона В. Р. Штейгеля, имение «Казацкое» князя П. Н. Трубецкого и др. Как правило, это были хозяйства, специализировавшиеся на тех или иных культурах и на переработке сельскохозяйственного сырья, располагавшие собственными винокуренными, мукомольными, крахмало-терочными и т. п. предприятиями. Крупными капиталистически организованными плантациями располагали владельцы свекло-сахарных заводов, среди которых были известные сахарозаводчики Харитоненко, Терещенко, князь В. С. Кочубей,

граф К. К. Потоцкий, графы Бобринские. Многие владельцы имений занимались разведением ценных пород продуктивного и рабочего скота, вели селекционную работу по выведению новых и улучшению старых пород. Таких хозяйств к 1914 г. было известно несколько сот и среди них 483 по разведению крупного рогатого скота, 119 — овцеводческих, 169 — свиноводческих и 293 — коннозаводских[32].

Некоторые помещичьи имения действительно были, как их и называли современники, «культурными гнездами», очагами культурного влияния на окружающее население. Во многих барских усадьбах были прекрасные библиотеки, художественные галереи, музеи и даже собственные театры. Так, широко известен был музей гр. А. С. Уварова в усадьбе «Поречье» Звенигородского уезда Московской губернии; весьма интересен был Михайловский ботанический сад с питомником и коллекцией растений гр. С. Д. Шереметева (Подольский уезд Московской губернии); в усадьбе Юрино В. П. Шереметева находился музей живописи и скульптуры (Нижегородская губерния); для широкого посещения был открыт музей народных промыслов кн. М. К. Тенишевой в с. Таланкино Смоленской губернии. Несомненно и определенное агрикультурное и агротехническое влияние помещичьих экономий на крестьянские хозяйства, так же как и земств, в которых, как и прежде, руководящая роль принадлежала поместному дворянству. Но влияние это нельзя переоценивать. Дворянская культура в широком смысле была, конечно, национальным достоянием, но все же она оставалась культурой в основном элитарной, малодоступной для широких крестьянских масс. Влияние же помещичьих имений на крестьянское хозяйство в целом было все-таки скорее негативным: в конце XIX — начале XX в. свыше $^2/_3$ частновладельческих земель, бывших в сельскохозяйственном обороте, обрабатывались крестьянами на арендных началах, причем преобладала крайне малопродуктивная кабальная краткосрочная аренда, стоимость которой выросла в несколько раз. Сами же частновладельческие экономии, модернизированные их владельцами, были лишь небольшими и немногочисленными островками среди моря крестьянских хозяйств.

Несмотря на определенные успехи в капиталистической перестройке сельскохозяйственного производства, в целом удельный вес частновладельческих имений в общем объеме производившейся продукции постепенно падал. В 50—60-х гг. XIX в. доля помещичьих хозяйств в земледельческом производстве составляла около 22%, но тогда они давали 54% всего товарного хлеба. В 90-х гг. более 70% всех зерновых посевов приходились на крестьянские надельные земли, а с учетом вненадельного, аренд-

ного землепользования удельный вес крестьянских хозяйств в общероссийских валовых хлебных сборах достигал 85%. В 1901—1905 гг. на долю собственно помещичьего хозяйства приходилось 22,6% чистого сбора зерновых продовольственных хлебов, а в предвоенное пятилетие (1909—1913 гг.) они давали уже только 12—13,5% валовой и около 21% товарной хлебной продукции. В начале 1900-х гг. на их долю приходилось всего около 18% поголовья скота[33]. Причем процесс этот значительно ускорился именно в начале XX в., когда капиталистическая перестройка частновладельческих имений шла наиболее интенсивно. Лишь в трех регионах доля помещичьего хозяйства в товарной продукции превышала половину общего его объема (Прибалтика, Литва и Юго-запад). Таким образом, в целом помещичье хозяйство не могло оказывать определяющего воздействия на ход аграрной эволюции.

3. Крестьяне и крестьянское хозяйство.

Ведущее место в сельскохозяйственном производстве принадлежало крестьянству, которое во многом должно было определять направление и темпы социально-экономического развития страны. Каково же было положение этой огромной массы мелких производителей?

Правовой и социально-экономический статус пореформенного крестьянства определялся манифестом 19 февраля 1861 г., общим и местными «Положениями», предусматривавшими выход крестьян из крепостного состояния. Крестьяне имели теперь статус «свободных сельских обывателей», на которых распространялись основные положения гражданских законов, получали общественное самоуправление в виде сельских и волостных обществ (за исключением Прибалтики, где сельская община отсутствовала), собственный волостной суд и наделялись землей, размеры надела которой и условия пользования ею определялись особыми «Положениями». Теперь они могли лично или в составе общества заключать договоры, принимать на себя обязательства и подряды, производить «свободную торговлю», открывать и содержать фабрики, заводы и другие промышленные и ремесленные заведения, записываться в гильдии и цехи, переходить в другие сословия, принимать участие в сельских сходах, в выборах должностных лиц, поступать в учебные заведения и т. д. Фактически ликвидировалась и прежняя принадлежность крестьян к разрядам помещичьих, государственных, удельных или монастырских. Таким образом, новый статус, представлявший крестьянам ряд гражданских прав,

казалось бы, коренным образом менял прежнее их подневольное положение. Однако крестьянское законодательство содержало ряд статей и положений, которые существенно ограничивали эти права.

Крестьянин и экономически, и юридически оказывался в зависимости от общины, сельского общества, к которому он был приписан. Надельные земли передавались в общинное пользование, и первые 9 лет крестьянин вообще не мог отказаться от надела, оказываясь, таким образом, прикрепленным к земле. Правда, статья 165 «Положения о выкупе» предусматривала, что со временем владелец надела, внеся выкупные платежи, мог с согласия схода выйти из общины и стать полным собственником своей земли или вообще отказаться от надела. Но это было связано с такими сложностями, что за пореформенное сорокалетие этим правом воспользовались лишь около 150 тыс. домохозяев. Власти и община препятствовали и свободному передвижению крестьян — отход на заработки обусловливался согласием «мира» и требовал соблюдения массы формальностей, связанных с получением паспорта. По приговору волостного суда крестьянин мог подвергаться телесным наказаниям. Кроме того, постепенно избавляясь от опеки помещиков, крестьяне попадали под не менее жесткую опеку местных административных властей, которые контролировали непосредственно или через выборных сельских должностных лиц всю жизнь деревни.

Община не была изобретением правительственных реформаторов. «Мирская» крестьянская организация существовала в России не одно столетие. Реформа лишь легализовала и в самом общем виде оформила общинное самоуправление, приспособив его к потребностям государства. По замыслу законодателей, община должна была стать переходной формой организации деревни в новых условиях. В плане экономическом она должна была сохранить важнейший слой мелких производителей, дававших около половины сельскохозяйственной продукции, обеспечить рабочей силой помещичьи имения, обеспечить путем круговой поруки исправное поступление в казну выкупных платежей и отправление повинностей. В социальном отношении община рассматривалась как «страховое учреждение от безземелья и бездомности», как действенное средство против социального расслоения деревни, пролетаризации крестьянства и даже как средство защиты его от претензий помещиков. Коллективные общественные «запашки» на мирских землях, а позднее общинные продовольственные капиталы должны были предотвращать или ослаблять последствия неурожаев и голодовок. В плане политическом общине отводилась роль оплота консерватизма, важнейшего средства стабилизации политического режима. Таким образом, реформа, несмотря на многие ее

позитивные стороны, фактически закрепляла сословную обособленность крестьянства, его общинную организацию, во многом подчинив ее фискально-полицейским задачам.

Общинная земля распределялась по ревизским душам, по тяглам или по едокам. Наиболее характерной для общества была раскладка налогов и разверстание угодий в соответствии с численностью мужского населения. Формально надел находился в семейном владении, но распоряжался им глава семьи. Причем размеры душевого надела находились в зависимости от региона, конкретной местности, от принадлежности крестьян к тому или иному, теперь уже бывшему, разряду и колебались весьма значительно — от 2 до 12 десятин. По мере прироста населения земля могла по приговору «мира» перераспределяться (передельная община), но по закону общества могли переходить и к наследственному подворному владению наделами (беспередельная или подворная община) при сохранении, однако, круговой поруки в выплате налогов, платежей и отбывании повинностей. Стремление к уравнительности, традиционно свойственное крестьянскому «миру», приводило к тому, что наделы дробились на полосы в соответствии с качеством и местом расположения земли, что со временем стало причиной крайней чересполосицы и мелкополосицы.

В целом роль общины в хозяйственной жизни деревни была весьма неоднозначна. В свое время общинное землевладение сыграло положительную роль в утверждении трехпольной системы севооборота, что было большим шагом вперед. И в пореформенный период она продолжала раздвигать границы трехполья на север, на юг и на восток, внедряя более упорядоченные севообороты. Более того, в ряде регионов, в основном в нечерноземных губерниях, с конца XIX в. община явилась если не инициатором, то энергичным посредником во внедрении травосеяния и многопольных севооборотов. Вместе с тем отчетливо прослеживалась тенденция к утрате общиной поземельно-распределительных функций (в этом были заинтересованы в первую очередь зажиточные слои деревни). В обществах, где длительное время не было переделов, землю начали передавать по наследству, отдавать в аренду и даже продавать. Шел процесс стихийного образования частной собственности на надельную землю, имевший своей базой социальное расслоение крестьянства.

Однако ряд обстоятельств заставил крестьян, особенно в черноземной полосе, вновь прибегнуть к активизации переделов. Демографический взрывы 80—90-х гг., повлекший за собой рост численности сельского населения, аграрный кризис и рост арендных цен, учащение семейных разделов и т. п. привели к оживлению передельной практики. Следствием явилось измельчение наделов и рост чересполосицы: если в 1860-х гг.

средняя величина душевого надела составляла 4,6 дес., то к 1900 г. она сократилась до 2,6 дес., а по ряду черноземных, юго-западных и западных губерний (Харьковская, Полтавская, Киевская, Волынская, Подольская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская) была и менее 2 дес.[34] Частые переделы, принудительный севооборот, крайняя чересполосица негативно сказывались на крестьянских хозяйствах, затрудняя правильную их организацию, вели к истощению земли, препятствовали росту ее производительности. Община, сельский сход, где большое влияние имели старики, все более стесняли хозяйственную активность более предприимчивых слоев деревни. Решающим доводом при принятии сходом решений была формула: «Наши деды так делали». Весьма показательна в этом плане жалоба одного крестьянина на обезличивающее давление «мира»: «Каждый крестьянин не то делает с землей, что хочет, а то, что говорит мир. У крестьян заведен порядок: начинать работу вместе, пахать, навоз возить, косить, жать, так что одному не дают какую-нибудь работу сделать... Я посеял бы на своей ниве клевер и пользовался бы им три года; на паровом поле я посеял бы весной, до сеяния ржи, вику; вику снял бы и посеял рожь. Я исправил бы землю и пользовался кормом, но прочие члены общины не согласны. Крот портит луга, я исправил бы их, а прочие говорят, что им некогда: „Ладно и так". На низких местах поля нужно прокопать канавы во избежание отмочек — говорят: „Наши отцы не копали, и мы не будем". На каждом шагу неудобства — всего не опишешь»[35]. В этой ситуации община, действительно игравшая роль гаранта выживания крестьянства в сложных, экстремальных условиях, все более превращалась в тормоз развития деревни, что, однако, еще не свидетельствовало о ее нежизнеспособности.

Сложившаяся в течение веков система общинного землевладения основывалась на преобладании патриархального крестьянства, на практически полной освоенности имевшихся в распоряжении общины угодий и на примитивном уровне агрокультуры и агротехники. Она позволяла крестьянам и при низком уровне ведения хозяйства сообща выживать даже в чрезвычайных, экстремальных условиях. Даже чересполосица, возникавшая при переделах и сильно мешавшая рационализации хозяйств, по-своему защищала их от разорения: имея участки в разных местах, крестьяне могли рассчитывать при разных погодных условиях на средний урожай. В целом же община, особенно передельная, действительно стала задерживать развитие земледельческой культуры. Однако в условиях малоземелья, жесткого налогового пресса основной массе крестьянства было не до агротехнических нововведений: все заботы сводились, как правило, к тому, чтобы продержаться до нового урожая. В итоге, несмотря на все свои

недостатки, община все же давала своим членам минимальную возможность прокормиться от земли, причем ее функционирование обеспечивалось в основном средним крестьянством, голос которого был решающим в «мирских» делах.

Живучесть общины во многом определялась не только попечительно-охранительной политикой властей, но и особой устойчивостью крестьянского хозяйства, которое, в свою очередь, было базой общинности. Крестьянская экономика как особая форма ведения сельскохозяйственного производства отличается совокупностью специфических признаков, самыми главными из которых обычно называют хозяйствование на земле, ведение производства силами семейного коллектива, потребительскую направленность производственной деятельности, самодостаточность, самообеспеченность семейного коллектива, т. е. определенную натуральность хозяйства. Целью крестьянского хозяйствования было прежде всего обеспечение семьи продовольствием и предметами первой необходимости. И, решая эту задачу, крестьянин не считался с тем, что затраты рабочей силы и времени зачастую были несоизмеримо выше стоимости произведенной продукции, что особенно ярко проявлялось при работе на арендованной земле, ибо потребительская стоимость этой продукции для него была важнее ее денежного эквивалента. Это отношение к оценке собственного труда, видимо, вообще являлось одним из факторов, определявших низкий уровень стоимости рабочей силы в России и в немалой степени сказывалось на формировании трудовой этики крестьян, на их отношении к труду, к общине как фактору социально-экономической защиты.

Неблагоприятные природно-климатические условия и низкий уровень технической оснащенности крестьянских хозяйств, требовавшие громадных физических затрат при производстве сельскохозяйственных работ, скоротечность трудового сезона и большой объем работ имели самые противоречивые последствия при формировании личности крестьянина: с одной стороны, у него вырабатывались характерные для русского человека трудолюбие, проворность, сметка; с другой — склонность к праздности, надежды на «авось» при решении сложных проблем, неумение поддерживать рабочий темп и ритм на протяжении длительного времени. Отсутствие в течение многих столетий ощутимой связи между мерой трудовых затрат и получаемым результатом не могло не порождать настроений, нашедших выражение во множестве известных народных поговорок: «Работа не волк — в лес не убежит», «Работа дураков любит» и т. п. Все эти факторы продолжали влиять на крестьянскую психологию и в пореформенную эпоху. В частности, налоговые тяготы, обострявшееся ма-

лоземелье, отсутствие достаточных средств для перестройки хозяйства, низкий культурный уровень, попечительство и в то же время беспредел властей и т. п. не прибавляли трудового настроя.

Община поддерживала и подпитывала крестьянское правосознание в отношении к земле. С эволюцией общины постепенно выделялся слой зажиточных крестьян, тяготевших к частнособственническому хозяйству, дававшему большую свободу хозяйственной инициативе, самостоятельность и самодеятельность. Разверстание общинных земель и выделение на отруба и хутора началось в отдельных местностях задолго до столыпинской реформы. Будущий сподвижник знаменитого реформатора датчанин К. А. Кофод в бытность свою оценщиком-инспектором Дворянского банка в ходе поездок по стране в самом начале 1900-х гг. обнаружил десятки деревень в северо- и юго-западных и даже среднечерноземных губерниях, где крестьяне самостоятельно или с помощью землемеров разверстали свои надельные земли и расселились по хуторам[36]. Сотни и тысячи хуторов возникли в ходе освоения земель в степном Заволжье, в южных губерниях и на Северном Кавказе. Но это в целом не меняло общей картины засилья общинного землевладения.

К 1905 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 12,3 млн крестьянских хозяйств, располагавших 136,9 млн дес. надельной земли. На общинном праве владели землей 9,5 млн дворов (76,7 %), имевших 114 млн дес. (83,4 %) и 2,8 млн дворов (23,3 %) имели в подворном владении 22,7 млн дес. (16,6 %). Кроме того, крестьяне владели 15,6 млн дес. купленной земли, приобретенной в основном сельскими обществами и товариществами, а также отдельными хозяевами[37].

Общинное землевладение фактически господствовало на всей территории Европейской России за исключением Прибалтики, где община вообще отсутствовала, и западных губерний, где преобладало подворное землевладение. Перепись 1905 г. зафиксировала 166 тыс. общин — и активно функционировавших, и находившихся в стадии разложения, и числившихся уже чисто формально. Впрочем, эти сведения далеко не полны. В частности, не учтены казацкие земли и земли сибирских крестьян, также находившиеся в общественном пользовании. Казачество, составлявшее иррегулярное войско, издавна наделялось за несение воинской службы землей, которая находилась в войсковом пользовании. Положение 19 апреля 1869 г. закрепило общинное владение станичными (юртовыми) землями, из которых производилось наделение казаков «паем». Среди казаков также шла имущественная и социальная дифференциация. Положение 1870 г., в частности, признавало, что земли казачьего офицерства, получившего дворянское достоинство, считались наследственной собст-

венностью. Многие казаки, располагавшие значительными «паями» (50 и более дес.), широко пользовались для обработки наделов наемным трудом своих одностаничников и пришлых крестьян, искавших заработков. Следует отметить, что казаки сыграли значительную роль в колонизации и освоении малонаселенных окраин империи — Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Северного Кавказа. Общая численность казачьего сословия в начале XX в. составляла около 4,4 млн человек (в том числе более 480 тыс. служилого состава), у которых было около 63 млн дес. земли.

Среди сибирского крестьянства в условиях земельного изобилия долгое время сохранялось заимочное (захватное) землевладение, а земельно-распределительные функции общины были ослаблены. Впоследствии, особенно со второй половины 1900-х гг., в связи с наплывом переселенцев, истощением с трудом отвоеванных у леса пашен и угодий эта общинная функция приобретала все более заметное значение, хотя и не такое, как в Европейской России.

Важно отметить, что, несмотря на все более отчетливо проявлявшуюся частнособственническую тенденцию в эволюции крестьянских хозяйств, понятие частной собственности на землю имело в крестьянское среде под влиянием общинных норм обычного права своеобразное преломление. Принцип частной собственности начал входить в сознание российского крестьянства первоначально как реакция на покушение помещика на его древнейшее право на землю («Мы ваши, а земля — наша»,— гласила известная крестьянская мудрость). Оспоривая притязание помещиков на землю, крестьяне начали помышлять и о закреплении собственного права на нее, в чем важную роль сыграла навязанная им идея выкупа. Согласно широко распространенному крестьянскому представлению, земля сама по себе — «ничья», «Божья», она не может быть чьей-либо собственностью, владеть ею может лишь тот, кто ее обрабатывает и пока он ее обрабатывает. На основании этого представления крестьяне добивались возвращения «отрезков» и пополнения общинного фонда за счет прежде всего помещичьих земель. Если трудовое право предполагало, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, то это значило, что помещик владеет ею не по праву. Этот принцип действовал и в общине при принятии решений о наследовании, разделе или отчуждении имущества пришедшего в упадок хозяйства.

В общинном обычном праве существовало и право на труд. Оно было связано с правом каждой семьи на пропитание и означало прежде всего одно — право на земельный надел. В условиях малоземелья это право подпитывало антипомещичьи настроения крестьян. На этом же праве основывался и механизм переделов общинных земель. Противоречие между

этими двумя принципами обусловливало определенный дуализм крестьянской психологии: с одной стороны, право на труд вызывало у крестьян чувство солидарности и коллективизма, с другой — право трудиться формировало индивидуалистический, близкий к капиталистическому, настрой. Таким образом, если один принцип вел к упорному отставанию общинной утопии «черного передела», то другой подпитывал антиобщинные настроения предприимчивых хозяев.

Противоречивым оказывался и процесс капиталистической эволюции российской деревни. С одной стороны, рынок неумолимо втягивал крестьянство в сферу товарно-денежных отношений, вел к социальному расслоению деревни, появлению зажиточных хозяев и фактически пролетаризировавшегося слоя — сельскохозяйственных рабочих с наделом. Большую роль при этом играло и первоначальное, исходное неравенство в обеспечении землей крестьян, принадлежавших ранее к различным разрядам. Земельная перепись 1905 г. зафиксировала, что при общем сокращении с 1861 г. среднего размера крестьянского надела с 12 до 9,5 дес. бывшие владельческие крестьяне располагали в среднем 6,7 дес., бывшие государственные — 12,5 дес., бывшие удельные — 9,5 дес., колонисты — 20,2 дес., башкиры и тептяри — 28,3 дес., прибалтийские крестьяне — 36,9 дес., казаки — 52,7 дес. Но и за этими средними цифрами скрывались большие различия как между полярными социальными слоями крестьян, так и крестьянскими хозяйствами различных регионов, обусловленные степенью продвинутости последних в плане капиталистической модернизации, торговой специализации и т. п. Этим объясняется, видимо, отмеченный экономистами рост потребления крестьянских хозяйств, некоторый рост накоплений в деревне в виде вкладов в сберегательные кассы и кредитную кооперацию. Если к 1 января 1896 г. вкладчики, занимавшиеся земледельческими и сельскохозяйственными промыслами, имели около 350 тыс. сберегательных книжек (18,4% их общего числа), на которых числилось 65,7 млн руб. вкладов (17,9% общей их суммы), то на 1 января 1905 г. эти показатели были соответственно — 1,2 млн книжек (23,2%) и 228,6 млн руб. вкладов (20,7%). Кредитная кооперация, в подавляющей своей части сельская, к 1900 г. насчитывала 724 кредитных кооператива с числом членов около 200 тыс. и суммарным балансом в 25,2 млн руб., а к 1905 г. кооперативная сеть увеличилась до 1430 учреждений с 564,2 тыс. членов, балансом в 57,3 млн руб. и суммой займов и вкладов в 35,5 млн руб.[38] Несмотря на эти позитивные тенденции, вплоть до середины 1900-х гг. удельный вес вкладчиков был невелик, составляя примерно 8% от общей численности крестьянских дворов, причем свободные средства

в деревне сосредоточивались главным образом в руках кулаков, ростовщиков и торговцев и, как правило, не находили производственного употребления.

Общий уровень доходности крестьянских хозяйств Европейской России был крайне низок. По данным департамента окладных сборов Министерства финансов, в начале 1900-х гг. в половине губерний Европейской России доходы крестьянских хозяйств не покрывали текущих расходов или в лучшем случае не превышали их. Подводя итоги проведенным обследованиям, газета «Урал» в номере от 24 августа 1905 г. отмечала: «На всем Северном Кавказе, в Саратовской, Тульской губерниях приход и расход равны один другому, остатков не бывает. В Новгородской губернии средний доход определен в 255 руб. в год, а расход в 271 руб.; во Владимирской губернии — доход в 217 руб., расход — 230 руб., в Ярославской губернии — 395 и 400 руб., в Калужской губернии — 398 и 416 руб., в Херсонской губернии — 430 и 480 руб.; во всех малороссийских губерниях 432 и 435 руб.». Растущая товарность крестьянских хозяйств для основной их массы носила вынужденный характер: типичной была картина осенней продажи урожая, как правило, по бросовым ценам, чтобы заплатить налоги, и покупок хлеба по более высокой цене весной для продовольствия и на семена. При таких условиях ведение предпринимательского хозяйства было невозможно: вырученные от реализации продукции средства уходили на оплату налогов, платежей и не использовались для расширенного воспроизводства. Образовавшийся дефицит крестьяне восполняли доходами от занятий различными промыслами — местными и отхожими, земледельческими и фабрично-заводскими или кустарно-ремесленными. По самым приблизительным подсчетам, к концу XIX в. такими побочными заработками были заняты около 5,5 млн человек[39]. Как это ни парадоксально, в условиях российской деревни товарно-денежные отношения, содействуя дифференциации крестьянства и тем самым разрушая его общность, в то же время отчасти содействовали сохранению наиболее типичных признаков крестьянского хозяйства — его семейного характера и натурально-хозяйственной организации производства. Даже принимая облик капиталистического предприятия, хозяйствование крестьянина на земле далеко не всегда подчинялось принципу погони за предпринимательской прибылью.

И все же, несмотря на особую устойчивость крестьянских хозяйств даже в условиях бурно развивавшихся товарно-денежных отношений, деревня, естественно, не могла остаться незатронутой новыми веяниями. Хозяйственная автономность ее носила, конечно, весьма относительный

характер. Большую роль в приспособлении крестьянства к новой, капиталистической реальности сыграла кооперация, первые ростки которой появились в российской деревне еще в середине 1860-х гг.

4. Сельская кооперация

Кооперативное движение, возникнув на Западе где-то во второй четверти XIX в., уже вскоре становится одним из мощных, еще до конца не вполне оцененных факторов реформирования социально-экономических и даже отчасти политических структур почти всех стран, вступивших на путь капиталистического развития. Постепенно охватывая значительные массы населения, в основном мелких производителей, кооперация, строившая свою деятельность на принципах самопомощи, самодеятельности и независимости, не только втягивала их в свободные рыночные отношения, но и являлась действенным средством экономической модернизации и социального структурирования гражданского общества.

В Россию кооперативные идеи, сначала в основном в форме идей утопического социализма, начали проникать еще в 40-х гг. XIX в. Одновременно в правительственных кругах возникают проекты организации кредитной поддержки отдельных разрядов крестьян на принципах общинной самопомощи. Появляются крестьянские сословно-общественные заведения — мирские капиталы, вспомогательные и сберегательные кассы государственных крестьян, сельские банки в удельных деревнях и т. п. После 1861 г. нечто подобное появилось и у бывших помещичьих крестьян. Однако все они оказались малоэффективными, хотя и сохранялись в несколько модернизированном виде вплоть до 1917 г.

Нараставшие сложности с переходом экономики страны на рельсы рыночных отношений все чаще привлекали внимание российской общественности к кооперативным идеям и западному опыту организации кооперативных ассоциаций. Уже в первой половине 1860-х гг. предпринимались отдельные попытки создания различного рода кооперативных объединений — потребительских, страховых, взаимной помощи и т. п., возникавших, как правило, в крупных городах. В какой-то мере это было данью моде, под влиянием которой оказались и вполне состоятельные люди. Такие ассоциации обычно были недолговечны и быстро угасали. Вместе с тем росло и крепло убеждение в необходимости насаждения подобных ассоциаций и в среде «малодостаточных» слоев общества, особенно крестьянства. Инициаторами выступили либеральные помещики-земцы и интеллигенция (братья В. Ф. и С. Ф. Лугинины, Н. П. Колюпанов, князь

А. И. Васильчиков, А. В. Яковлев, Н. П. Баллин, А. И. Чупров, В. С. Козлов, А. А. Бриллиантов, Н. В. Верещагин и др.). Многие из них посещали Англию, где широкое распространение получили потребительские общества, Германию с ее кредитными кооперативами, а также Швейцарию, Данию и Голландию, славившихся своими молочными и сыроваренными артелями. В результате с середины 1860-х гг. в России стали возникать, как правило, с помощью спонсоров и меценатов из числа помещиков и при содействии земств, различного рода кооперативные ассоциации, среди которых наиболее многочисленными были паевые ссудо-сберегательные товарищества. Огромную роль в становлении и развитии российской кооперации сыграл Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, созданный в 1871 г. при Московском обществе сельского хозяйства и особенно его Петербургское отделение. Созданный как учреждение по оказанию помощи кредитной кооперации, он постепенно превратился во всероссийский общекооперативный центр. Комитету удалось заинтересовать своими идеями многие земские собрания и правительство, при активной поддержке которых кооперативное движение в России вскоре достигло первых успехов. К началу 1880-х гг. ссудо-сберегательные товарищества существовали уже в 295 из 500 уездов Европейской России и насчитывали около 270 членов [40].

Однако уже с середины 1880-х гг. в деятельности кооперативов наступает спад, и численность их заметно уменьшается. Потребительские общества свертывают операции в связи с низкой платежеспособностью своих членов, перерождаются в предпринимательские заведения молочные и сыроваренные артели, ссудо-сберегательные товарищества оказываются в критической ситуации в связи с ростом просроченных ссуд и нехваткой собственных денежных ресурсов. Причины крылись как в неблагоприятной экономической конъюнктуре, связанной с наступлением длительного мирового аграрного кризиса, так и в общей неготовности российской деревни к восприятию новых требований времени, отсутствии достаточных средств, имущественно-правовой несостоятельности крестьянства, его психологической неподготовленности. На какое-то время и власть, и земства теряют интерес к кооперации.

Но уже с середины 1890-х гг. ситуация меняется. Сама жизнь заставила правительство и земскую общественность пересмотреть свое отношение к кооперативному движению. В земско-помещичьих кругах растет понимание необходимости подъема производительности труда в деревне, чтобы отвлечь внимание крестьян от своих земель. Торгово-промышленная буржуазия видела в кооперации средство повышения покупательной способности населения и расширения внутреннего рынка. Правительст-

во, кроме этого, рассчитывало, использовав свободные частные капиталы и средства самих крестьян для хозяйственной перестройки деревни, повысить ее фискальные возможности. С этой целью предпринимаются попытки расширить кредитование крестьян через Государственный банк. Но последний не мог охватить огромной массы разрозненных крестьянских хозяйств. Наконец, Положениями от 1 июня 1895 г. и 4 июня 1904 г. была определена система учреждений мелкого кредита, в основных чертах сохранившаяся вплоть до 1917 г.[41]

Законодательство предусматривало следующие виды кредитных учреждений: 1) кооперативные кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, которые различались между собой только способом составления основных капиталов (первые были беспаевыми заведениями, основной капитал которых образовывался из ссуд Государственного банка, кредитов земств и частных лиц; вторые действовали в основном на средства, составленные из паевых взносов); 2) близкие к кредитным кооперативам, но строго сословные по составу участников сельские, волостные и станичные банки и кассы; 3) крестьянские сословно-общественные заведения, действовавшие по старым, фактически еще дореформенным уставам. Законом 1904 г. к ним добавлялись земские кассы мелкого кредита, которые имели право кредитовать как отдельных заемщиков, так и заведения мелкого кредита, а также учреждать собственные кредитные товарищества. Целью этих учреждений было «облегчать своим членам производство хозяйственных оборотов и улучшений, а также приобретение инвентаря путем снабжения их необходимыми средствами и принятия посредничества по их оборотам». Причем помощь эта предоставлялась как отдельным хозяевам, так и волостным, сельским и станичным обществам. К 1913 г. процент по ссудам составлял 9—11%.

Государственную поддержку получили и другие виды кооперации. В конце 1890-х — начале 1900-х гг. были изданы законы и типовые уставы, регламентировавшие деятельность потребительских и сельскохозяйственных обществ, производительных товариществ, артелей и определявшие источники и формы их материальной поддержки. Это обстоятельство, а также начавшееся улучшение экономической конъюнктуры, рост и углубление товарно-денежных отношений, все шире проникавших и в деревню, способствовали новому подъему кооперации.

Предвоенное десятилетие — время бурного роста кооперативного движения. По темпам роста российская кооперация выходит на одно из первых мест в мире. Если в 1904 г. насчитывалось всего около 4 тыс. кооперативных ассоциаций, то к 1913 г. их было уже более 25 тыс., в том числе почти 11 тыс. кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, 7,3 тыс. по-

требительских и около 4 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 3 тыс. сельскохозяйственных товариществ (в том числе 2,6 тыс. молочных и маслодельных артелей), свыше 400 других видов кооперативов (производственных, строительных, страховых, складских и т. п.)[42]. Основной прирост численности кооперативов приходится на предвоенное пятилетие, причем основная их масса — более 80% — возникла в деревне. Точно определить общую численность членов кооперативов весьма сложно, т. к. часто одни и те же лица состояли в нескольких объединениях. Только кредитная кооперация объединяла к этому времени более 6,6 млн членов, потребительские общества — около 1,5 млн, охватывая примерно четверть всего населения империи и около трети крестьянских хозяйств, главным образом средних и мелких. Быстрыми темпами росла и материально-финансовая база кооперативов. Балансовые средства только кредитной кооперации за это время выросли с 50 млн до 614 млн руб., в том числе займы и вклады увеличились с 31 до 424 млн руб., а сумма выданных ссуд только за предвоенное пятилетие выросла со 148 млн до 665 млн руб., составив в общей сложности не менее 3 млрд.руб. Правда, действительная цифра, видимо, была несколько ниже, т. к. в эту сумму входили и просроченные ссуды, составлявшие довольно значительную величину. Тем не менее суммарный итог был достаточно внушителен, приближаясь к расходной части государственного бюджета 1913 г.

Сами кооперативы становятся все более специализированными, хотя по-прежнему их деятельность в значительной мере остается универсальной. В частности, кредитные кооперативы, помимо ссудо-сберегательной, широко практикуют закупочно-сбытовые и разного рода посреднические операции, потребительские и сельскохозяйственные общества торгуют в кредит и выдают ссуды на приобретение товаров и даже ставят собственное производство продукции широкого спроса, молочные и маслодельческие товарищества и артели заводят потребительские лавки и т. д. Расширение и уплотнение кооперативной сети, рост оборотов, необходимость привлечения новых средств и т. п. требовали согласованных действий, объединения усилий, определенной централизации. Появляются кооперативные организации так называемой «второй ступени» — региональные союзы, объединявшие кооперативы, как правило, определенного вида — кредитные или потребительские.

Первые такие союзы начали возникать в самом конце 1890-х — начале 1900-х гг. К 1914 г. существовало уже 10 союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, объединявших 732 кооператива и располагавших средствами на сумму более 7,6 млнруб. Большая часть таких объединений (7 из 10) возникла в южных губерниях. Среди них как по числу членов,

так и по масштабам операций выделялись Киевский и Кубанский союзы, объединявшие более 40% всех союзных товариществ и сосредоточившие свыше 60% привлеченных союзами средств. Киевский союз объединял 176 из 280 товариществ, действовавших в губернии. Годовой оборот его в 1913 г. составлял значительную сумму — 21,6 млн руб., одних только вкладов через кассу союза прошло около 4 млн руб. Товарный отдел его вел посреднические операции, общий объем которых в этом году составил 423 тыс. руб. Кубанский союз, оформившийся лишь в 1912 г., вскоре объединял уже треть всех действовавших в области кредитных кооперативов, кредитуя товарищества под векселя их правлений (в 1913 г. на сумму в 1,6 млн руб.), поставлял им различного рода товары и принимал участие в сбыте хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Для привлечения средств союзы предпринимали попытки установить связь с общим денежным рынком, добиваясь кредитов частных коммерческих банков. Однако в целом союзная организация кредитной кооперации к кануну Первой мировой войны находилась еще в стадии становления: доля союзных товариществ составляла около 5% общего числа кредитных кооперативов[43].

Почти одновременно этот процесс начался и в потребительской кооперации. Здесь также возникло несколько союзных объединений, среди которых выделялся Московский союз потребительных обществ (1898 г.), выполнявший в какой-то мере функции всероссийского центра потребительской кооперации. Вплоть до середины 1900-х гг. союз развивался медленно и занимался в основном инструкционно-пропагандистской деятельностью и отчасти комиссионными операциями и оптовыми закупками. В 1904 г. он объединял 144 союзных общества, имел всего 17,6 тыс. руб. паевого капитала, годовой оборот его не превышал 350 тыс.руб. В 1913 г. в него входили уже 1016 обществ, 8 региональных союзов; паевой капитал его возрос до 225,4 тыс. руб., а годовой оборот достиг почти 8 млн руб. Он имел собственный печатный орган «Союз потребителей», ставший орудием пропаганды кооперативных идей и практического опыта, а также издавал популярный журнал «Объединение». В 1914 г. союз занимал по оборотам 8-е место в ряду европейских обществ оптовых закупок, а позднее — даже 3-е место. Общая численность членов союзных потребительских обществ достигала 300 тыс. Первоначально в него входили только городские общества (общие, фабрично-заводские, рабочие независимые). С 1907 г. быстро растет число сельских обществ, составивших к 1913 г. более половины всех союзных ассоциаций. От комиссионных операций союз переходит к оптовым закупкам товаров за собственный счет, обзаводится складами, постепенно прекращает отношения с

посредниками и входит в прямые контакты с фирмами, крупными оптовиками и предпринимателями, организуя даже бойкот фирм, не желавших входить в соглашение. Благодаря объединению закупок удавалось достигать более выгодных условий приобретения товаров и повышения их качества. Перед самой войной союз вступил на путь организации собственного производства товаров широкого спроса, начав с постановки первоначально скромного расфасовочно-упаковочного дела[44].

Кроме Московского союза, в системе потребительской кооперации существовало несколько региональных союзных объединений — Уральский союз потребительных обществ, Союзный комитет потребительских обществ Прибалтийского края, Союз южнорусских потребителей. Летом 1909 г., по свидетельству журнала «Союз потребителей», намечалось создать до 40 объединений такого типа. Вместе с тем союзное строительство испытывало большие трудности — острую нехватку средств, низкий уровень оплачиваемого спроса, слабость низового кооперативного звена, препятствия со стороны властей и т. д. Несколько довольно крупных объединений, такие, как петербургские «Союз потребительных обществ» и «Кооперативное общество оптовых операций», киевский «Союз оптовых закупок», просуществовав несколько лет, вынуждены были даже самоликвидироваться.

Среди сельскохозяйственных товариществ наибольшее развитие в России получили объединения по сбыту и переработке молока. По типовому уставу 1897 и 1908 гг., товарищества имели целью содействие сбыту сельскохозяйственной продукции своих членов, технической переработке ее на совместно устраиваемых предприятиях, приобретению товаров производственного и потребительского назначения. Среди кооперативов этого вида наибольшее распространение получили маслодельческие артели, особенно характерные для Сибири. Здесь на волне массового артельного движения в 1908 г. возник Сибирский союз маслодельных артелей, задачей которого было улучшение условий производства масла, повышение его качества, организация системы сбыта на внутреннем и внешнем рынках. Кроме того, союз большое внимание уделял устройству артельных лавок, создавал предприятия на кооперативных началах, помогал артелям в конкурентной борьбе с частными маслодельными заводами. Пережив период организационных трудностей, объединение затем быстро набирало силу. Если в 1908 г. в него входило всего около 70 артелей, то в 1913 г.— уже 563 артели и 502 артельные лавки. Союз заключал контракты на поставку масла с российскими и зарубежными торговыми фирмами, главным образом датскими, английскими и германскими. В марте 1913 г. состоялось заключение договора о создании в Лондоне совместно-

го русско-английского акционерного общества «Юнион», занимавшегося продажей артельной продукции на западных рынках[45].

Кроме этого крупного объединения, в канун войны возник ряд других региональных союзов — Приуральский союз маслодельных артелей в Челябинске, Союз прибалтийских кооперативных товариществ молочного хозяйства и скотоводства в Риге, Центральное товарищество кооперативных молочных товариществ в Юрьеве, Кооперативное молочное товарищество «Союз» в Петербурге, а также несколько более мелких объединений молочных и маслодельных товариществ в Московской, Ярославской и Вологодской губерниях.

Образовалось несколько союзных объединений и среди сельскохозяйственных обществ. Крупные общества, распространявшие свою деятельность в рамках губернии или имевшие, как Московское сельскохозяйственное общество (МОСХ), филиалы по всей России, занимались в основном агрономической и агротехнической пропагандой, распространением передового опыта и т. п. Объектами их внимания были преимущественно помещичьи имения. Возникшие в 1900-х гг. мелкие сельскохозяйственные общества охватывали и крестьянское население. Их целью было сооружение и аренда складов для хранения сельскохозяйственной продукции, закупка и продажа машин, удобрений, семян, организация показательных хозяйств, образцовых полей, случных пунктов для скота, устройство выставок. Устав предоставлял им возможность организации потребительских обществ, содействие учреждению кредитных товариществ.

Важным показателем уровня развития российской кооперации стало создание ею собственных финансовых учреждений. Первым в 1909 г. возник Варшавский кооперативный банк. А в 1912 г., после многолетних мытарств с разработкой и утверждением устава начал развертывать свою деятельность Московский народный банк (МНБ), ставший всероссийским финансовым кооперативным центром. Важнейшим направлением деятельности банка, в учреждении которого приняли участие 1357 кооперативных организаций всех видов и 165 частных учреждений и лиц, стало привлечение новых средств с выходом на внутренний и внешний денежные рынки, обеспечение кооперативов оборотными средствами путем выдачи ссуд под товары, транспортные документы, учет векселей и т. д. Товарный отдел банка вел операции по закупке земледельческих машин и орудий, семян, удобрений, строительных материалов, а затем приступил к организации сбыта продукции кооперативов, войдя в соглашение с рядом крупных российских и зарубежных фирм. В январе 1914 г. был заключен договор банка с русско-английской фирмой «Юнион», согласно которому последняя становилась единственным представителем МНБ на

европейских рынках по сбыту сельскохозяйственной продукции российских кооперативов (яиц, хлеба, льна, пеньки). В 1914 г. основной капитал МНБ был увеличен с 1 до 2 млн руб., а балансовые средства составили 8,4 млн руб., среди которых привлеченные им частные займы и вклады превышали 5 млн руб.[46]

Политика правительства в отношении кооперативного движения была весьма противоречива. С одной стороны, оно поддерживало и даже насаждало кооперативы, видя в них средство оказания помощи мелким производителям, прежде всего крестьянству, и привлечения дополнительных средств в народнохозяйственную сферу, исходя при этом из фискальных (повышение платежеспособности населения), социально-политических (предотвращение «язвы пролетариатства») и экономических (модернизация крестьянского хозяйства и развитие мелких промыслов) соображений. В частности, позднее П. А. Столыпин пытался (правда, без особого успеха) использовать кооперативы для первоочередной поддержки хуторских и отрубных хозяйств. Постепенно доля государственных средств в виде кредитов и безвозвратных ссуд в основных и оборотных капиталах кооперативных объединений сокращалась. Но в особо неурожайные годы, каким был, например, 1911 г., власти широко использовали для организации помощи населению форсированное насаждение кредитных товариществ и потребительских обществ, что было особенно характерно для окраинных регионов империи. В целом же государственная поддержка кооперативов — финансовая, ревизионно-инструкторская и т. д.— продолжала играть весьма значительную роль, что не отрицали и сами кооперативные лидеры, высказываясь лишь против мелочной опеки, жесткого контроля и регулирования кооперативной деятельности местными властями.

С другой стороны, правительство всячески ограничивало и сдерживало самодеятельность и самостоятельность кооперативов. С особой настороженностью оно относилось к идее разработки и принятия общекооперативного законодательства и созданию союзных объединений, ссылаясь, как правило, на слабость и неразвитость российской кооперации и неподготовленность населения. Главным противником сколько-нибудь широкой организации союзов выступало МВД, считавшее их «преждевременными» и видевшее в них лишь орудие оппозиционных и леворадикальных сил. В записке, поданной в Совет министров в августе 1913 г., охранительное ведомство предупреждало, что «слишком широкое развитие союзов создает серьезную опасность делу охранения государственного порядка»[47]. Такое опасение в какой-то мере имело под собой почву, так как российское кооперативное движение, особенно его руководящее звено, в основном состоявшее из интеллигентов, действительно было в опре-

деленной мере политизировано и далеко не всегда отражало интересы кооперативной массы. Кооперативные лидеры были убеждены — и это действительно диктовалось реальностью — что для успешного развития кооперации необходимы элементарные гражданские права и свободы, законодательные гарантии независимости и самостоятельности кооперативных ассоциаций. Негативное отношение властей к этим требованиям толкало кооператоров к оппозиции режиму, поискам обходных путей в деле реализации насущных проблем кооперативного строительства.

И все же оценка охранительным ведомством уровня развития российской кооперации была не совсем безосновательна. При всей внушительности абсолютных показателей численности кооперативных объединений, их членов и суммарных средств, которыми они располагали, более детальный анализ состояния кооперативного дела в России свидетельствует о его относительной слабости, особенно в сравнении с передовыми западноевропейскими странами. Так, в кредитной кооперации, в значительной мере определявшей лицо российского кооперативного движения, в среднем на каждое кредитное и ссудно-сберегательное товарищество накануне войны приходилось около 650 членов и примерно 49 тыс. руб. балансовых средств, т. е. по 75 руб. на каждого участника. Учитывая, что средний годовой оборот «нормального», по оценке современников, крестьянского и ремесленного хозяйства составлял 400—700 руб., эти средства следует признать незначительными[48]. В Германии в 1909 г. на каждого члена сельского кредитного товарищества приходилось в среднем около 500 руб. балансовых средств. При этом в 1911 г. на один сельский кооператив там приходилось в среднем 108 членов[49].

Наряду с мелкими ссудами, составлявшими $^2/_3$ выдач, зажиточным отрубникам и хуторянам выдавались и сравнительно крупные суммы, близкие к предельным (300 руб. по личному доверию и до 1 тыс. руб. под залог товаров), на долю которых приходилось более половины всей суммы кредитов. В целом же средний размер ссуд российских кредитных кооперативов на порядок уступал германским, средний уровень кредита которых достигал 635 руб.[50] Низкая имущественная обеспеченность значительной части членов кооперативов, малодоходность их хозяйств, правовые ограничения крестьян в распоряжении своим имуществом, высокий уровень ссудного процента, составлявший накануне войны 9—11%, тормозили развитие кредитных операций, вели к нарастанию задолженности заемщиков, значительная часть которых была не в состоянии погасить кредиты и вынуждена была просить переписать ссуды на новые сроки.

Примерно в таком же положении находилось и большинство потребительских и особенно сельскохозяйственных обществ. При относительной

многочисленности число их членов было недостаточно, а паевые капиталы и торговые обороты крайне малы. Помимо нехватки средств, бичом в деятельности потребительских обществ была вынужденная торговля в кредит и по ценам ниже рыночных, что противоречило так называемым «рочдельским принципам» деятельности потребительских кооперативов западных стран. Лишь половина общего оборота обществ (52%) приходилась на продажу товаров своим членам, остальное же приходилось на долю посторонних покупателей, причем задолженность членов по отношению к паевому капиталу достигала почти 70%, т. е. более $^2/_3$ его было взято членами обратно в виде товаров[51].

Какова же была роль кооперации в социально-экономической жизни страны? Ответ здесь, видимо, не может быть однозначен. С одной стороны, отмечая успехи российской кооперации, Управление по делам мелкого кредита в своих отчетах писало, что «в крестьянском хозяйстве наблюдается заметное движение вперед в связи с затратой части ссуд на различные улучшения — на оборудование хозяйств машинным инвентарем, на приобретение улучшенных пород скота, на обновление семян, устройство садов и т. п.». При помощи кредита, отмечалось в отчете, «расширяется площадь крестьянского землепользования, что открывает возможность применения лучших приемов хозяйствования». Причем «объем пользования кредитом для части заемщиков настолько расширился, что даже незаурядным хозяйственным начинаниям обеспечена наличность достаточных средств»[52]. К тому же кооперативы расширяли различные посреднические операции по закупке и продаже товаров производственного и потребительского назначения, вели залоговые и сбытовые операции с продукцией хозяйств своих членов. К 1913 г. 460 товариществ имели 498 собственных зернохранилищ общей емкостью в 10,2 млн пуд., многие кооперативы арендовали склады, что давало им возможность оказывать влияние на регулирование цен.

С другой стороны, то же самое Управление указывало на недостаточное воздействие кредитных операций на общее положение в деревне, на развитие и перестройку крестьянских хозяйств, на ограничение засилья торгово-ростовщического капитала. «Оценивая, с точки зрения хозяйственных успехов, общее направление ссудных средств,— отмечалось в отчете,— их приспособленность к тому, чтобы помочь крестьянскому хозяйству двигаться вперед, пришлось бы сказать, что из двух основных форм кредитного содействия мелкому и среднему производству — кредита, при посредстве которого хозяйство или улучшается, или поддерживается на прежнем уровне,— преобладает все же вторая»[53]. Проанализировав возможности кооперативов и особо отметив низкий уровень ссуд,

Управление в специальной записке, составленной осенью 1911 г., отмечало, что ссуды берутся в основном на то, чтобы обеспечить себя землей, справить жилье и скромные хозяйственные постройки, избавиться от частных долгов и уплатить налоги[54].

Тем не менее кооперативы представляли собой заметное новое явление в жизни страны. В сфере производственной их деятельность способствовала укреплению материально-производственной базы значительного слоя крестьянских и кустарно-ремесленных хозяйств и их модернизации, а также отделению старых неземледельческих промыслов от сельского хозяйства и соединению обрабатывающей промышленности (первичной обработки продуктов) с сельскохозяйственным производством. Правда, значительная часть средств еще не вкладывалась непосредственно в производство, а шла на покупку и аренду земли, уплату долгов и процентов по ним, на удовлетворение потребительских нужд, что являлось типичным для ранних этапов развития капитализма, уже пройденных передовыми странами Запада. Вместе с тем кооперативные объединения повышали рентабельность хозяйств за счет сокращения издержек производства и сбыта, способствуя более доходной реализации произведенной продукции и закупке необходимых товаров производственного и потребительского назначения. Все это несколько ограничивало засилье торгово-ростовщического капитала, способствовало втягиванию его — через вклады и займы кооперативам — в производственную сферу, ослабляло зависимость мелких производителей от торгового посредничества, оказывало регулирующее влияние на уровень рыночных цен. Однако в целом позиции торгово-ростовщического капитала, особенно в глухих и отдаленных районах, еще оставались достаточно прочными.

В социальной сфере кооперация выполняла важную функцию ускорения процесса формирования буржуазной структуры общества. С одной стороны, кооперативы как всесословные учреждения способствовали изживанию сословности, в частности устранению сословной замкнутости крестьян и мещан, повышению их активности, самодеятельности, сближению с другими классами и слоями российского общества. С другой — итогом их деятельности было не только ускорение процесса разложения старых сословных структур, но и повышение социальной мобильности населения вообще. Наконец, в плане культурно-политическом кооперативы играли немаловажную роль в ускорении процесса складывания гражданского общества, его институализации, в формировании предпосылок для складывания новой ментальности широких народных масс, в повышении их гражданственности. Однако кооперированные массы не в состоянии были самостоятельно преодолеть культурную и политическую отста-

лость, выработать собственную идеологию и в результате оказались под влиянием партий и кооперативных лидеров, в основном народнического и буржуазно-либерального направления.

5. Кризис старого курса аграрной политики правительства.

Правительственная политика была важным фактором в процессе эволюции российской деревни, во многом отражавшим его противоречивость и в немалой степени обусловившим эту противоречивость. С одной стороны, вынужденное как-то реагировать на обострявшееся крестьянское малоземелье и растущие недоимки при сборе налогов и платежей, правительство учреждает государственный Крестьянский поземельный банк, идет на отмену архаичного соляного налога и 60-миллионной подушной подати (правда, тут же замененной рядом косвенных налогов), принимает закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (1889 г.), расширявший возможности легальной крестьянской колонизации и освоения казенных пустошей юго-востока России (Оренбургской, Уфимской, Саратовской и Самарской губерний). С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали принимаются меры по колонизации новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке: вводится выдача переселенцам путевых пособий и льготных железнодорожных билетов, создаются врачебно-продовольственные пункты, формируются поземельно-устроительные и межевые партии для заготовки участков, предназначенных переселенцам и т. п. При МВД создается специальное переселенческое управление. К 1905 г. на восточные окраины и за Урал переселилось около 1,8 млн человек, причем 1,4 млн (почти 78%) — за десятилетие 1896—1905 гг.[55] Все более активное участие в этом процессе принимает Крестьянский банк, получивший в 1895 г. право покупки помещичьих имений за собственный счет для последующей перепродажи их крестьянам. Банк не ограничивался простым посредничеством, содействуя покупателям в переселении и хуторском землеустройстве на новых местах. В 1898—1901 гг. переселенческие ссуды составляли 26% всех ссуд банка, причем 57% крестьян, купивших земли, уходили из своих губерний[56]. Новый закон о паспортах и видах на жительство (1894 г.) и указ от 7 апреля 1897 г., отменявший взимание казенных сборов за оформление документов, не отменяя сословную обособленность крестьян и не посягая на власть общины над своими членами, все же несколько облегчили для крестьян свободу передвижения в поисках заработка, давая возможность более длительное время (до 5 лет

вместо трех) находиться вне мест приписки. Наконец, 1 июня 1895 г. было принято уже упоминавшееся «Положение о мелком кредите», имевшее этапное значение в истории российского кооперативного движения. Особыми «Положениями» и уставами был определен юридический статус и других видов кооперативов — потребительских и сельскохозяйственных обществ и товариществ (1897 г., 1898 гг.), трудовых артелей (1902 г.), которые впоследствии составили костяк российской кооперативной системы.

С другой стороны, власть пыталась всячески укрепить сословно-общинные начала деревенской жизни, поставив ее под жесткий административный контроль. Серией законодательных актов она стремилась остановить или замедлить процессы, неумолимо разлагавшие общину. С целью поставить заслон участившимся семейным разделам был принят закон (1886 г.), обязывавший сельские общества давать разрешение на разделы не простым, как это было ранее, большинством голосов, а голосами $^2/_3$ схода. Закон 8 июня 1893 г. ограничивал право общины на переделы: теперь они могли производиться не чаще, чем через 12 лет. 14 декабря 1893 г. был издан закон, фактически отменявший ст. 165 «Положения о выкупе», предусматривавшую досрочный выкуп надельной земли, и фактически запрещавший залог и продажу наделов. В 90-х гг. неоднократно приостанавливались разрешения на переселения, которые выдавались обычно по усмотрению местных властей.

Однако ни прямые попытки предотвратить размывание старых патриархально-общинных норм и институтов, ни попытки поддержать их с помощью нового, по существу капиталистического инструментария (банковского и кооперативного кредита) не давали ожидаемого эффекта. Крестьянский банк, выполнявший по существу функции посредника между продавцами-помещиками и покупателями-крестьянами и ориентированный прежде всего на операции с крестьянскими обществами и товариществами, вплоть до середины 1900-х гг. так и не смог сколько-нибудь широко развернуть свои операции (к 1901 г. крестьяне с его помощью купили 5,1 млн дес., т. е. 3,9% от общей площади надельного землевладения). Крестьянское переселенческое движение, не находя материальной поддержки государства, в 1901—1905 гг. сократилось вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием. Списание части недоимок по выкупным платежам и даже отмена подушной подати, сыгравшая определенную роль в правовом сближении крестьян с другими сословиями империи, не улучшало их экономического положения, так как правительство компенсировало потерю доходных статей бюджета введением новых косвенных налогов.

Не имели особого успеха и попытки регулирования внутренней жизни деревни. В частности, несмотря на предписания властей, община жила

своей жизнью. Продолжались несанкционированные переделы; семейные разделы и после закона 1886 г. почти на треть совершались явочным порядком. Переселенческое движение в значительной своей части оставалось стихийным. Представляя собой архаичный, пережиточный институт, община, несомненно, тормозила процесс капиталистической перестройки деревни и формирования предпринимательского типа хозяйств, однако, как уже отмечалось выше, видимо, еще не исчерпала себя. И это порождало различные точки зрения на ее судьбу. Неоднозначность отношения к общине обнаружилась отчетливо еще в ходе подготовки крестьянской реформы, когда и в правительственных, и в дворянских кругах выявились и ее последовательные сторонники и убежденные противники. Первые одержали верх, доказывая удобство управления крестьянами, объединенными в общинные группы. Тем не менее проведение реформы не погасило споров. Как это ни покажется парадоксальным, но либералы-земцы с их пробуржуазным настроем и левые — народнические радикалы чаще оказывались сторонниками архаичной общины, в то время как ультраконсервативные помещичьи и бюрократические круги выступали против этого института, видя в нем источник всех «беспорядков» в деревне.

Как уже отмечалось, ситуация, сложившаяся в аграрном секторе экономики России в конце XIX — начале XX в., требовала пересмотра курса правительственной политики. В правящих кругах и обществе разгорелась очередная дискуссия о путях развития России, о приоритетах в экономической политике, нашедшая наиболее яркое выражение в столкновении двух ключевых ведомств и их глав — Министерства финансов, возглавлявшегося с 1892 г. С. Ю. Витте, и МВД во главе с В. К. Плеве, сменившим в 1902 г. убитого эсерами Д. С. Сипягина.

С. Ю. Витте, сделавший ставку на первоочередное развитие отечественной промышленности и транспорта, старался внушать царю, что при наличии в России обширных зон рискованного земледелия такие явления, как неурожаи, обычны и даже неизбежны и что их можно избежать или свести к минимуму их последствия лишь по мере коренной модернизации агрикультуры и агротехники, для чего требовалось время и создание высокоразвитой промышленности и транспорта. На сельское хозяйство он смотрел прежде всего, по его собственному признанию, как на «топливо» для финансовой машины, именуемой государственным бюджетом. Вступив в управление ведомством, Витте некоторое время вообще считал состояние сельского хозяйства вполне сносным и не разделял мнения о бедственном положении деревни. Даже голод 1891—1892 гг. он склонен был приписать изъянам статистики и весьма сожалел о сокращении хлебного экспорта, так как после этого пришлось заново завоевывать

западные рынки. В ходе обсуждения закона 1893 г. Витте выступал за сохранение общины, видя в ней гаранта от пролетаризации крестьянства, оплот борьбы против социалистических идей. Ему удавалось, несмотря на ожесточенную критику его экономической программы со стороны аграриев и многочисленные протесты земств и дворянских собраний, отстаивать курс на индустриализацию, откупаясь от помещичьих притязаний на всеобъемлющую государственную помощь льготами по ссудам Дворянского банка, продолжением практики интендантских закупок для армии, снижением железнодорожных тарифов на перевозку сельскохозяйственных грузов и т. п. Упорно отрицал Витте и обвинения в чрезмерной тяжести налогообложения деревни как главной причины низкой платежеспособности крестьян. На рост недоимок по выкупным платежам он реагировал традиционными мерами частичных и выборочных рассрочек в зависимости от регионов, состояния крестьянских хозяйств и т. п. Лишь появившийся в отчете государственного контролера Т. И. Филиппова за 1896 г. тезис о «чрезмерном напряжении платежных сил сельского населения, особенно центральных губерний», а главное отметка Николая II о согласии с ним заставили Витте серьезно задуматься о причинах нараставших кризисных явлений в деревне и мерах по их преодолению[57].

В правительственных, общественных и научных кругах широко обсуждалось положение сельского хозяйства и предлагались различные меры по его развитию — от подъема образовательного и культурного уровня деревни и интенсификации земледелия до борьбы с крестьянским малоземельем путем усиления колонизации окраин империи и даже насаждения в Сибири дворянского землевладения. Приоритетным направлением аграрной политики Витте избрал путь модернизации и интенсификации прежде всего крестьянского хозяйства, видя в нем и основного производителя сельскохозяйственной продукции, и основного налогоплательщика. В очередном всеподданейшем докладе за 1897 г. министр финансов, отметив исключительную важность затронутого государственным контролером Филипповым вопроса и указав на ряд объективных и субъективных факторов, тормозивших развитие деревни (аграрный кризис, неблагоприятные погодные условия, низкий культурный уровень крестьян), в качестве главной причины создавшегося положения назвал юридическое и экономическое «неустройство быта крестьян». Именно последнее обстоятельство, по его мнению, ограничивало крестьянскую хозяйственную инициативу и самодеятельность, не позволяя, в частности, широко пользоваться кредитом и препятствуя воспитанию у крестьян чувства собственника. С этого времени крестьянский вопрос стал основным звеном аграрной политики Витте, а разрешение его — главной среди мер по

созданию условий для общего подъема сельского хозяйства. Община еще не была прямо названа основным тормозом его развития. Для этого надо было пересмотреть собственные недавние убеждения (в чем немалую роль, по собственному признанию Витте, сыграл один из предшественников его на посту главы финансового ведомства — Н. Х. Бунге), преодолеть сложившиеся в правящих верхах и, главное, у императора стереотипы в отношении устройства деревни.

В апреле 1898 г. этот вопрос рассматривался Комитетом министров. В записке, составленной Витте и по распоряжению императора представленной на обсуждение Комитета, вновь подчеркивалась «юридическая и экономическая неустроенность крестьянского населения, являющаяся главнейшим препятствием культурного и хозяйственного прогресса в России». «Крестьянство освобождено от рабовладения,— писал министр,— но находится в рабстве произвола, беззакония и невежества. В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса. Оно обескураживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки. Поэтому нельзя помочь горю одиночными, хотя и крупными мерами материального характера. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из него действительно свободных верноподданных сынов Ваших. Государство при настоящем положении крестьянства не может идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природою вещей, а может быть и судьбою»[58]. Комитет министров одобрил записку и поддержал идею созыва совещания по крестьянскому вопросу. Но Николай II повелел журнал Комитета «оставить без движения».

В октябре того же года Витте вновь обращается к императору с очередной запиской, убеждая его «завершить освобождение крестьян», «сделать из крестьянина персону», освободить его от давящей опеки властей и особенно общины. Проведение такой реформы сулило, по его расчетам, блестящую перспективу — 3 млрд. руб. ежегодных поступлений в бюджет, что укрепило бы мощь империи[59]. И вновь его предложение не было принято: царь даже не ответил на обращение министра. И лишь разразившийся промышленный и финансовой кризис, тяжелые неурожаи 1899 и 1901 гг. и крупные крестьянские выступления весны-лета 1902 г. заставили Николая II создать ряд комиссий и совещаний для изучения ситуации в деревне и пересмотра курса аграрной политики, среди которых наиболее важную роль играли Редакционная комиссия МВД по пересмотру крестьянского законодательства, возглавлявшаяся В. К. Плеве, и межведомственное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной про-

мышленности под председательством С. Ю. Витте (январь 1902 — март 1905 гг.). И комиссия, и совещание опирались в своей работе на специально созданные местные губернские и уездные комитеты, в которые были привлечены представители земств, местных землевладельцев, арендаторов и даже крестьян. Картина состояния деревни, особенно центральных земледельческих губерний, вырисовывалась удручающая. Земские деятели, приглашенные для работы в так называемую «Комиссию Центра», так характеризовали ее общее положение: «В жизни нашей деревни наблюдается не одно только понижение материального достатка крестьянского населения, замечается явление более глубокое, а именно начавшийся упадок и разложение всего сельского быта: потрясены старинные устои, вековой уклад крестьянской жизни, заметны признаки разложения общины, разрушается патриархальный строй семьи, наблюдается упадок нравственной дисциплины и чувства законности. Словом, потрясен весь хозяйственный строй и общественный быт деревни». По расчетам комиссии, в центральном районе только 21% всех работников нужны в сельском хозяйстве, а 79% (примерно 23 млн человек) составляют избыточное население, «лишние» рабочие руки[60]. Находящаяся в руках крестьянства земля не в состоянии занять все имеющееся в деревне население, а получаемые с этих земель средства недостаточны для удовлетворения крестьянских нужд.

Признавая необходимость принятия каких-то кардинальных мер и, в частности, пересмотр существовавшего крестьянского законодательства, российские правящие круги расходились в понимании существа необходимых преобразований и их последовательности. Между ведомствами развернулась ожесточенная борьба, что свидетельствовало о глубоком кризисе правительственной аграрной политики. Редакционная комиссия, ставшая под председательством Плеве центром охранительно-консервативных сил, обнаружила отчетливую тенденцию к отстаиванию слегка модифицированного старого курса, рассчитанного на сохранение традиционных крестьянских сословных институтов в сфере суда и управления, неприкосновенности общины и неотчуждаемости надельных земель. Более того, ее проекты предусматривали расширение сферы влияния крестьянских сословных институтов и на некрестьянское население сельской местности и распространение статуса надельных земель на все виды крестьянского землевладения, в том числе и на купленные земли.

Первоначально Плеве при поддержке Николая II удалось взять верх. Основные принципиальные положения проектов Редакционной комиссии фактически получили санкцию царя в манифесте 26 февраля 1903 г. и указе 8 января 1904 г. Согласно этим актам, руководящими принципами аграрной политики империи были объявлены неприкосновенность об-

щинного строя крестьянского землевладения (при условии облегчения отдельным крестьянам, прежде всего состоятельным, выхода из общины), неотчуждаемость надельных земель, сохранение сословной обособленности крестьян. Новым было признание очевидного факта имущественной дифференциации членов общины и преимуществ хуторского землепользования. Впервые в документах, вышедших из высших правительственных сфер, было открыто признано, что «зажиточные крестьяне, будучи непосредственно заинтересованы в охране принципа собственности, являются везде надежным оплотом существующего порядка, стоять на страже которого побуждают их собственные интересы»[61]. Это был первый шаг к признанию принципов, положенных позднее в основу столыпинской аграрной программы, но сделан он был не без влияния программных установок, разрабатывавшихся Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности и лично Витте.

В Особом совещании, при всей пестроте мнений его участников, упор был сделан на сближение имущественного и правового статуса крестьян с другими сословиями, на утверждение принципа личной собственности в отношении крестьянских надельных земель и на государственную поддержку частнособственнических хозяйств как новой социальной опоры правящего режима и гаранта политической стабильности.

Основные положения своего видения аграрно-крестьянской программы Витте изложил в известной «Записке по крестьянскому делу», впервые опубликованной в качестве особого приложения к журналу «Вестник финансов, промышленности и торговли» (№ 49 от 5 декабря 1904 г.) и вышедшей затем отдельной брошюрой. Поставленный проектами Редакционной комиссии и изданными на их основе законодательными актами в довольно жесткие рамки, автор все же сумел, ссылаясь на обобщенные материалы работы местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, сформулировать свое понимание необходимых перемен в правительственной аграрной политике. Наиболее сильной стороной «Записки» являлась ее критическая направленность. В ней доказывалась несостоятельность основных теоретических догм, на которых базировалась прежняя политика в деревне. Община, отмечал автор, является исторически преходящим институтом, исчерпавшим свое прежнее назначение и несовместимым с современной, капиталистической стадией развития общества. Она не решает социальных проблем, так как большинство ее членов беднеет, а меньшинство — богатеет, сосредоточивая в своих руках земли однообщинников. Больше того, община не только не предотвращает появления пролетариата, но, наоборот, неизбежно приводит к измельчению наделов и постепенной общей про-

летаризации деревни. В экономическом отношении она является «непреодолимым препятствием к улучшению земледельческой культуры», так как «временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли». Не может она служить и основой для создания кооперации, на что надеются последователи западноевропейской социальной мысли, видящие в кооперации мелких производителей инструмент разрешения многих экономических и социальных проблем. В политическом плане община с ее уравнительностью и земельными переделами «расшатывает понятие твердости и неприкосновенности права собственности и потому представляет самое удобное поприще для распространения социалистических понятий». Все это, заключал Витте, свидетельствует о том, что институт общины уже изживает себя. Впрочем, добавлял министр, анализ самого Положения 19 февраля 1861 г. «не оставляет сомнений, что сословная организация проектировалась как временная, дабы ликвидировать крепостные отношения и решительно устранить личную зависимость крестьян». Поэтому, считал Витте, надо вернуть крестьянам право свободного выхода из общины, которое ему предоставлялось после выплаты выкупного долга статьей 165-й «Положения о выкупе» и которая была изменена в 1893 г. Лишь создание слоя крестьян-собственников, освобожденного от пут общинного и семейного владения землей и уравненного в правах с другими сословиями, может стать условием экономического подъема деревни и оплотом могущества самодержавия. Лучшей формой землевладения и хозяйствования Витте считал хутора и отруба, которые должны были избавить деревню от чересполосицы.

Вместе с тем Витте полагал, что, предоставляя крестьянам право выхода из общины, нельзя форсировать этот процесс. По его мнению, следует положиться на народную мудрость и на крестьянский выбор. В силу различия местных условий степень готовности крестьян к выходу из общины может быть далеко не одинаковой, причем кое-где «при истощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов общинное землепользование может быть выгодным для крестьян. Поэтому не надо их ни понуждать к выходу из общины, ни принудительно удерживаться в ней». Именно так Витте трактовал требования манифеста 26 февраля 1903 г. о сохранении общины, подчеркивая тем самым свою лояльность царю. Община, по его мнению, должна стать объединением добровольным, а не принудительным, причем соответственно подлежат изменению и ее функции. Поскольку переход крестьян к частной земельной собственности «едва ли осуществится скоро», община должна постепенно превратиться в простой союз земельных собственников. На первых порах предполагалось ликвидировать лишь ее отжившие функ-

ции, прежде всего административно-фискальные, которые должны были перейти частично к административным органам, частично к земствам. Все дела по общественному благоустройству, образованию, медицине, мелкому кредиту предполагалось передать в ведение земств, для чего планировалось учредить еще и мелкую земскую единицу — всесословное волостное земство, обслуживающее все местное население. Волостные суды уступали место общегражданским судебным установлениям, а обычное право кодифицировалось в рамках общегражданских судебных норм. Выступая за постепенные, органические перемены в деревне, Витте высказывал надежду, что в конце концов «здравый смысл нашего народа побудит его отказаться от общинной организации». Таким образом, аграрная программа, сформулированная Витте уже в канун Первой российской революции, фактически была одним из звеньев правовой реформы деревни, которая должна была снять многие назревшие проблемы.

Однако Витте так и не удалось приступить к ее реализации, хотя, казалось, он не раз был близок к такой возможности. Несмотря на острое соперничество между Министерством финансов и МВД за лидерство в разработке аграрной программы, приобретавшее зачастую личностный характер, позиции этих двух ведомств, кардинально расходясь в стратегических замыслах, в тактическом плане часто были близки. Так, они совместно работали над преобразованием паспортной системы и над проектом отмены круговой поруки, которая была отменена законом 12 марта 1903 г. В разработке собственно аграрной программы точки соприкосновения сторон также были налицо. Так, и Витте, и Плеве фактически выступали за сохранение помещичьего землевладения и не считали главной причиной аграрного кризиса крестьянское малоземелье. Оба готовы были облегчить выход из общины отдельным, главным образом зажиточным, крестьянам, хотя МВД таким путем рассчитывало укрепить общину за счет удаления «разлагающих» ее элементов, а Министерство финансов рассматривало это как первый шаг к ее ликвидации. Расходясь кардинально в вопросе о будущем крестьянского сословного строя, и Витте, и Плеве высказывались за необходимость ограничения мобилизации и концентрации надельных земель, за сохранение крестьянского сословного землевладения, опасаясь ускорения процесса обезземеливания деревни. Ведомства совместно разработали новый закон от 6 июня 1904 г., значительно либерализировавший условия переселения крестьян. Все эти обстоятельства сыграли в дальнейшем свою роль, когда практическая разработка аграрной реформы, после отставки в августе 1903 г. Витте и гибели в июле 1904 г. Плеве, перешла полностью к МВД, а одним из активнейших ее разработчиков стал В. И. Гурко, в ту пору бывший главой земского отдела МВД.

Как бы то ни было, кризис аграрной политики не был разрешен. Более того, с осени 1904 г. он стал составной частью назревавшего в стране общего политического кризиса. Не случайно указ 12 декабря 1904 г., обещавший — в который уже раз! — продолжение курса на преобразования, ставил, в частности, задачу «провести законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи» с целью превращения крестьян в «полноправных сельских обывателей».

Примечания

[1] *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., Т. 2. Отд. I. С. 272, 277, 284—285.

[2] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902. Вып. 3. Табл. 4. С. 44—45.

[3] *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 210.

[4] См.: *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 183, 266; *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская инициатива. М., 1991. С. 254. По другим расчетам, валовые сборы зерновых по 50 губерниям Европейской России составляли: в 1886—1890 гг.— 2 243 991 тыс. пудов (36,8 тыс. т); в 1891—1895 гг.— 2 487 991 тыс. пудов (40,8 тыс. т); в 1896—1900 гг.— 2 734 919 тыс. пудов (44, 8 тыс. т); в 1901—1905 гг.— 3 205 807 тыс. пудов (52,5 тыс. т). См.: *Карнаухова Е. С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.). М., 1951. С. 79.

[5] Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914; *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. 2-е изд. М., 1918. С. 48.

[6] *Яцунский В. К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 55.

[7] См.: Там же. С. 55.

[8] Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 91—92.

[9] *Яцунский В. К.* Указ. соч. С. 56—57.

[10] *Янсон Ю. Э.* Указ. соч. Т. 2. Отд. I. С. 273, 277, 284—285.

[11] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1910. С. 42—43, 81.

[12] Там же. Пг., 1917. С. 35—61, 134—135, 141—145, 151; см. также: Россия: 1913 год. С. 75—76, 79.

[13] *Ковальченко И. Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 188, 190; *Яцунский В. К.* Указ. соч. С. 60.

[14] Производство, перевозка и потребление хлебов в России. Вып. II. Пг., 1917. С. 206 и след.; *Китанина Т. М.* Хлебная торговля в России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 30.

[15] См.: *Лященко П. И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

[16] Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. СПб., 1897. С. VI.

[17] *Челинцев А.* Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков. 1913. С. 6, 15.

[18] *Огановский Н. П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок. М., 1924. С. 23.

[19] *Хромов П. А.* Экономическая история СССР. М., 1982. С. 23.

[20] *Грегори А., Зотеев Г.* Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия — СССР) // Коммунист. 1991. № 1. С. 69.

[21] *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980. С. 159.

[22] *Нифонтов А. С.* Указ. соч. С. 310; *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 37.

[23] Крестьянское движение в России в 1901—1904 гг. М., 1998. С. 103—107, 109.

[24] *Терпигорев С. Н.* Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881. С. 2—4, 71.

[25] *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969. С. 179—180.

[26] *Лященко П. И.* Указ. соч. С. 282.

[27] *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 77—78.

[28] *Анфимов А. М.* К вопросу о характере аграрного строя в России // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 124—125.

[29] *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России. 1861—1908. СПб., 1911.

[30] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 14, 15, 136.

[31] *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988. С. 20—21.

[32] *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 224.

[33] *Ковальченко И. Д.* Указ. соч. С. 174, 187, 190, 191; *Нифонтов А. С.* Указ. соч. С. 238, 239, 306.

[34] *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907—1914. М., 1992. С. 49; *Анфимов А. М., Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861—1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 26—41.

[35] *Чернышев И. Л.* Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. СПб., 1911. С. 5, 8—9.

[36] *Кофод К. А.* 50 лет в России. М., 1997.

[37] *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 66, 75, 88.

[38] *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 134—135, 160—161.

[39] *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984. С. 36—38.

[40] *Вдовин В. А.* Создание сельских ссудо-сберегательных товариществ в России // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1964. №2. С. 40—47.

[41] *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 104—119.

[42] Россия: 1913 год. С. 189—195.

[43] *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 142—149.

[44] *Меркулов А. В.* Исторический опыт потребительской кооперации в России. М., 1919. С. 60—67.

[45] *Хейсин М. Л.* Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1918. С. 98.

[46] *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 149—155.

[47] Там же. С. 146.

[48] *Прокопович С. Н.* Кооперативная организация мелкого кредита. М., 1919. С. 31.

[49] Отчеты по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. Пг., 1914. С. 98; То же за 1913 г. Ч. I. Пг., 1916. С. 88; Вестник кооперации. 1916. Кн. 6. С. 68.

[50] *Прокопович С. Н.* Кредитная кооперация в России. М., 1923. С. 35.

[51] *Меркулов А. В.* Указ. соч. С. 53.

[52] Отчеты по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. С. 125; Вестник мелкого кредита. 1915. №36. С. 1541.

[53] *Корелин А. П.* Указ. соч. С. 187.

[54] Там же. С. 188.

[55] *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 19.

[56] *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. СПб., 1997. С. 154—156.

[57] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1896 г. СПб., 1897. С. 55.

[58] ГА РФ. Ф. 854. Оп. 1. Д. 35. Л. 2—3.

[59] См.: *Корелин А., Степанов С. С.* Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 93.

[60] *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3-х тт. М., 1960. Т. 2. С. 522—528.

[61] См.: *Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905—1907 гг. // Исторические записки. М., 1975. Т. 75. С. 128.

1. Государственно-правовая система. Принципы монархического авторитаризма. Основные законы Российской империи.

К началу XX века Россия оставалась самодержавной монархией. Главой государства являлся император (царь), которому принадлежала высшая власть в империи.

На протяжении веков прерогативы монарха в России базировались на обычном праве. Лишь в 1716 г., при Петре I, упразднившем патриаршество и Боярскую Думу, и сосредоточившем в своих руках безраздельно (абсолютно) всю полноту верховной власти, появилось формально-юридическое обоснование монарших прерогатив.

В Воинском Уставе («артикуле») говорилось: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять».

В 1720 г., при составлении Духовного Регламента (плана реорганизации церкви), в него была внесена лапидарная норма, гласившая: «Монарха власть есть самодержавная, которой повиноваться Сам Бог повелевает» [1].

На протяжении XVIII в. определение царской власти оставалось неизменным и в 1797 г., при императоре Павле I, было сформулировано следующим образом: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [2]. Позже этот постулат стал первой статьей первого тома Свода законов Российской империи. Формулировка оставалась неизменной до 1906 г., когда появилась новая (последняя) редакция Основных Законов.

Вплоть до 1906 г. полнота царской власти ни фактически, ни юридически никакими формальными нормами и общественными институтами не ущемлялась. Положение не изменилось и после создания Комитета министров (1802 г.) и Государственного Совета (1810 г.). Первый был учрежден

в виде совещательного собрания высших должностных лиц, а второй — как верховный законосовещательный орган Империи.

Само по себе, употребление в законе понятий «самодержавный» и «неограниченный» при определении монарших прерогатив, свидетельствовало о не тождественности их. Прагматические же критики власти всех мастей не видели здесь никакого различия. Между тем оно существовало и носило принципиальный характер.

Выдающийся русский лексикограф В. И. Даль дал два объяснения слова «самодержавный». В первом случае, как управление полновластное, неограниченное, независимое от государственных соборов, или выборных от земства и чинов. Весь этот определительный ряд действительно тождественен понятию «неограниченный». Однако Даль дает и второе определение самодержавия — «самая власть эта»[3]. Именно здесь и заключена историческая онтология старого царского титула, употребляемого, по крайней мере, с XVI века.

Смысл его обуславливался сутью православного мировосприятия и базировался на убеждении, что Монарх — Помазанник Божий, что Он получил власть от Всевышнего, правит Его милостью, а «сердце царево в руце Божией». Мистика русского Самодержавия неразрывно была связана с учением Православной Церкви о власти и народными воззрениями на царя как «Божьего пристава»[4].

Митрополит Московский Филарет в середине XIX века красочно обрисовал классическое монархическое миропонимание: «Крепкая благочестием и Самодержавием Россия стоит твердо... Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчиненных деятелей есть Царь»[5].

В то же время понятие «неограниченный» являлось порождением петровского времени, эпохи формирования абсолютистской монархии. Оно подчеркивало социальный миропорядок, где власть царя над всеми и для всех. По сути дела различие между двумя определениями царской власти — различие между сакральным и земным.

При обращении к русскому историческому материалу нельзя игнорировать (что очень часто делается до сих пор) неаутентичность этих определений. Иначе выхолащивается существо и острота всех коллизий противостояния между монархистами-традиционалистами и либералами-европоцентристами по поводу правовой реконструкции государственной системы. Действительно: когда в апреле 1906 г., в соответствии с законом, власть царя перестала быть «неограниченной», но осталась «самодержавной», свидетельствовало ли это о том, что ничего не изменилось, как утверждали со-

циалисты и многие либералы, или в России произошла качественная трансформация государственно-монархической модели? Ответ напрямую зависел (и зависит) от мировоззренческого ракурса восприятия и оценки.

Со времени Петра I и до начала XX века принцип полноправной, суверенной верховной власти формально оставался неизменным, однако характер и суть верховного государственного управления при последнем царе Николае II имели мало общего с петровской эпохой. Если самодержавие Петра I можно с достаточным основанием считать деспотическим (произвольным), то к началу XX в. положение выглядело иначе. Система претерпела изменения.

Как и раньше, царь и сохранял «Богом данное право» на любые решения, но все сколько-нибудь значительные из них принимались лишь после обсуждения (порой многолетнего) кругом должностных лиц различного уровня. Наиболее важные непременно обсуждались в комиссиях Государственного Совета, а затем — в общем собрании Совета.

В первой половине XIX в., при Николае I, произошла кодификация законодательства, и в 1830 г. было издано единое Полное собрание законов Российской империи (45 томов), а в 1832 г. появился кодекс действующего законодательства: Свод законов Российской империи (15 томов). До революции 1917 года Свод законов издавался в полном объеме три раза. Новые же законоположения включались в издаваемые регулярно «прибавления» и «дополнения» к отдельным томам.

Свод законов включал правовые акты, регулировавшие личные права и обязанности подданных, определявшие сословно-социальную субординацию, структуру, организацию и компетенцию всех государственных и общественных органов управления. Эти нормы являлись обязательными, и новый закон вступал в силу лишь после отмены предыдущего.

Законоположения могли издаваться в виде уставов, уложений, грамот, положений, наказов, манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, но непременно одобренных царем. Никакой закон не мог иметь «своего совершения без утверждения самодержавной Власти»[6].

Важнейшие общие положения государственного устройства были зафиксированы в первом томе законов Российской империи — Своде Основных Государственных законов, определявшем прерогативы верховной власти, структуру и компетенцию главных общеимперских институтов: Государственного Совета, Сената, Комитета министров.

Этот том Основных Законов включал и династическое законодательство — собрание актов, составлявших так называемое Учреждение о императорской фамилии. Российское династическое право было одним из самых строго регламентированных в мире.

Царская власть являлась безусловно наследственной, передавалась от отца к сыну. Наследник (цесаревич) становился императором сразу же после смерти своего предшественника. Это было, так сказать, земное установление.

Но существовал еще ритуал церковного освящения царской власти. Необходимость его оговаривал закон: «По вступлении на престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину православной Греко-Российской Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие»[7]. Церемония всегда происходила в Успенском соборе Московского Кремля.

Закон детально расписывал и условия тронопреемства в случае отсутствия прямых наследников у венценосца, или несовершеннолетия нового правителя. (Он не предусматривал лишь возможность отречения монарха от власти). Родственники монархов составляли особое сообщество — Императорскую фамилию, права и преимущества которых были подробно оговорены.

Дети и внуки монархов мужского пола именовались великими князьями и регулярно получали особое денежное содержание. Они обязаны были вступать лишь в равнородные браки с представительницами других владетельных домов и обязательно с согласия императора. Лица более дальних степеней родства именовались князьями императорской крови, и им полагалась лишь единовременная денежная выплата при совершеннолетии и браке. Представительницы женского пола, состоявшие в близком родстве с императором, именовались великими княжнами (княгинями) и сохраняли великокняжеское титулование даже после выхода замуж за иностранных принцев и монархов.

Фамилия Романовых, находившаяся на престоле с 1613 года, имела тесные родственные связи со многими династиями Европы. К началу XX в. фамильные унии включали крупнейшие владетельные дома: Великобритании, Германии, Голландии, Греции, Дании, Италии, Испании, Норвегии, Румынии, Швеции. К этому времени царская династия насчитывала около 50-ти персон.

Наиболее близкие родственные узы связывали последнего монарха Николая II с Англией (Ганноверская династия), Данией (Шлезвиг — Гольштейн — Зонденбург — Глюксбург) и Грецией (Шлезвиг — Гольштейн — Зонденбург — Глюксбург). В начале XX в. дедушка русского царя был королем Дании (Христиан IX), в Англии и Греции на престолах находились его дяди (Эдуард VII и Георг I), а императором Германской империи являлся кузен царицы Вильгельм II.

* * *

Любое законоположение становилось в России законом лишь после подписи монарха. Она могла быть поставлена на документе и после обсуждения («экспертизы») в Государственном Совете, Комитете министров, в особых совещаниях лиц приглашенных «по усмотрению государя», и без оного. Со второй половины XIX в. второе случалось крайне редко.

В отличие от предков, перед последними царями — Николаем I, Александром II, Александром III и Николаем II — неизменно вставала задача соотносить новые меры с существовавшими правовыми нормами. Находясь как бы выше писаного закона, они были скованы и буквой существовавшего законодательного норматива, и управленческой традицией XIX века: «соизмерять», «обсуждать» и «согласовывать».

При Николае I окончательно сложилась модель иерархической самодержавной имперской системы, начавшей оформляться при Петре I, и достигшей своего расцвета во второй четверти XIX в. Используя терминологию Н. М. Карамзина, ее с полным правом можно назвать «либеральным абсолютизмом».

Царь, оставаясь демиургом права, вынужден был действовать в системе зафиксированных нормативных координат. После издания Свода законов впервые в истории русской государственности появились законоположения, очертившие социальные «правила игры», которые лишь в редчайших случаях переступал сам верховный инспиратор права.

С середины XIX в. за пределами частных интересов и вопросов (разрешение на брак родственникам, выдача наград и субсидий, изменение меры судебного или административного наказания, назначение на должность), в делах общегосударственных трудно найти примеры проявления монаршей воли, которые можно квалифицировать как личную прихоть правителя.

Если при Петре I и его правнуке Павле I «разумения», нерасположения и неприятия монарха могли определять государственный курс, послужить причиной войны, обернуться благом или бедствием для многих, могли стать причиной опалы, лишения имущества, изгнания и даже казни, то в позднейшее время личные чувства и порывы царя все меньше и меньше играли роль непреложного политического импульса. Менялись общественные условия, смягчались нравы; изменялась и психология властителей.

Еще во второй половине XVIII в. в России начали оформляться правовые нормы общественного устройства. В 1766 г. при Екатерине II появилось положение, остававшееся в законодательстве до 1917 г.: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих»[8].

Именно тогда в государственной политической практике стал утверждаться принцип преемственности писаных юридических норм. В своем наказе членам Уложенной комиссии императрица писала: «Комиссия не должна приступать к выполнению своих заданий до того, как она будет полностью осведомлена о нынешнем положении в стране, потому что любое изменение не должно ни в коем случае стать самодовлеющим, а должно служить для исправления недостатков, когда такие недостатки есть; однако все доброе и полезное надо оставлять и не менять, потому что оно должно всегда оставаться в силе»[9].

К концу XIX века венценосные потомки Петра I были в своих действиях ограничены не только сложившейся управленческой традицией, фактором общественного мнения, но и вполне определенными законоположениями, касавшимися как области династических прерогатив, так и сферы гражданского права вообще. Монархом могло быть лишь лицо православного исповедания, принадлежащее к династии Романовых, состоявшее в равнородном браке. При этом неограниченный правитель обязан был в момент вступления на престол объявить наследника в соответствии с законом 1797 года.

Ограничен был самодержец и самой управленческой технологией, порядком издания законов, своими собственными распоряжениями, для отмены которых требовался особый законодательный акт. Он не мог лишить жизни, чести, имущества, сословных прав, не имел права вводить налоги, был лишен возможности кого-то «озолотить», «облагодетельствовать», что называется, не сходя с трона. Для этого требовалось издание письменного распоряжения, оформленного надлежащим образом. Иными словами, устное распоряжение монарха уже не являлось законом.

К началу XX в. Россия была еще далека от универсального правового государства (в понимании политологии и социологии XX в.), но тенденция гуманизации, правого обеспечения социального жизнеустройства и государственного управления на протяжении всего XIX в. (при всех сложностях и прерывностях) проступала вполне определенно.

2. Власть и социальная среда.

После отмены крепостного права в 1861 г. и последующего проведения преобразований местного управления, судопроизводства и других сфер общественной жизни, многое в России изменилось. Однако оставались области, которых «ветер перемен» коснулся в малой степени.

Во-первых, сохранялось сословно-иерархическое ранжирование. Люди не были юридически равны. Их положение (статус) был законодательно определен принадлежностью к конкретной общественной группе-сословию. Специальный том Свода законов (IX-й) включал «законы о состояниях», регулировавших положение, права и обязанности каждого сословия. Закон гласил, что «в составе городского и сельского населения, по различию прав состояния, различаются четыре главные рода людей: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели» [10].

Тождество между «родом людей» и собственно «сословием» существовало лишь в первых двух случаях. Далее начиналась дробность и состав городских и сельских «обывателей» включал по несколько сословий. В числе наиболее значимых: купечество, потомственные почетные граждане, мещане (для горожан), крестьяне и казаки (для сельских жителей). Крупнейшие по численности и значению сословия (дворянство, купечество, мещанство, крестьянство, казачество) имели свои сословно-корпоративные органы управления, взаимопомощи и попечения.

Высший иерархический статус всегда имело дворянское сословие, делившееся на потомственное (передающееся по наследству) и личное (пожизненное). Первое («благородное») сословие традиционно считалось опорой трона и государства. Одна из статей Свода законов гласила: «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства» [11].

Дворянство в действительности долгое время являлось важнейшим элементом истеблишмента монархической России. К концу XIX в. в России насчитывалось около 2 млн дворян (примерно 1,5% населения) [12].

Однако чем дальше, тем меньше дворянская корпорация в целом оставалось безусловной опорой монархической власти. Развитие гражданских правовых понятий, секуляризация сознания, либеральные и разного рода социалистические представления неизбежно видоизменяли, порой до неузнаваемости, традиционный дворянский «кодекс чести», важнейшим принципом которого было, «не жалея живота своего», безропотно «служить своему государю» [13].

Высшее сословие обладало законодательно зафиксированными правами и преимуществами. Применительно к началу XX в. особое значение имели две привилегии.

Во-первых, возможность получать качественное образование. Существовала сеть элитарных учебных заведений различного назначения, почти

целиком предназначенных для дворянских отпрысков (дворянские пансионы, Александровский (Царскосельский) лицей, Училище Правоведения, Пажеский корпус, Институт (Смольный) благородных девиц и другие).

В учебных же заведениях общего профиля (институтах и университетах) представителям дворянских семей отдавалось явное или тайное, но несомненное предпочтение. Особенно это было заметно при приеме «дворянских недорослей» в военные учебные заведения.

Другой важнейшей привилегией дворянского сословия оставались преимущества на государственной военной и гражданской службе. Дворянину несравненно проще было поступить на престижную государственную службу и сделать здесь карьеру. Это не обуславливалось какой-либо специфической законодательной нормой (дискриминации по сословному признаку в начале XX в. уже не существовало), а практическими условиями формирования аппарата управления, психологией самого чиновного мира, иными словами — всем строем чиновно-служебных отношений в России.

Каждый человек в России рождался в определенном юридическом «состоянии». Однако это не означало, что он на всю жизнь в нем и оставался. Сословия не являлись кастой и к числу обособленной социальной корпорации (да и то с существенными оговорками) можно отнести лишь духовенство.

Во всех же прочих случаях безусловной, раз и навсегда данной привязки не существовало. В силу различных обстоятельств (образования, гражданской и военной службы, военных подвигов, выдающихся достижений в науке и культуре, крупных благотворительных пожертвований, личных услуг монархам) человек мог добиться перехода из низшего сословия в высшее.

В то же время преступления против личности, собственности и государства почти неминуемого приводили к поражению в правах.

Статья 9-я Свода законов о состояниях декларировала: «Никто не может быть лишен прав состояния или ограничения в сих правах иначе, как по суду за преступление». При этом «лишение прав состояния» определенного лица не вело к ущемлению сословного положения членов его семьи, как и других родственников. Впервые подобное законодательное положение появилось еще при Петре I в 1714 г., но прошли многие десятилетия, прежде чем оно стало действительной правовой нормой.

Хотя воля монарха продолжала считаться законом в России, но со второй половины XIX в., никого не только не лишили имущества и свободы лишь по царской прихоти, но без судебного решения никого даже «не понизили» в сословном статусе. У самодержавного и неограниченного царя

имелось вдоволь прерогатив, но гражданские права подданных защищал закон, и бросать вызов этим гарантиям никто из последних императоров не смел, да и не хотел.

К началу XX века сословная субординация перестала существовать в большинстве западноевропейских стран, где лишь одно сословие — дворянство — продолжало существовать, но законодательно за ним не закреплялись никакие особые права. Торжество буржуазных отношений утвердило социальную иерархию, построенную не на происхождении, а на форме и размере владения собственностью (капиталом). Родовая аристократия уступила место денежной аристократии.

В России же сословия сохранялись в силу специфических исторических причин. В отличие от ведущих капиталистических стран, Россия оставалась страной традиционной сельской цивилизации, где нормы, принципы и этика буржуазно-бюргерской среды (города) мало что значили (или вообще ничего не значили) для подавляющего большинства населения. (В начале XX в. в деревне все еще сосредотачивалось около 85% жителей империи).

Россия являлась не просто государством по преимуществу сел и деревень (во Франции, Пруссии, Швеции сельские жители тоже численно преобладали), а была крестьянско-общинной страной. Складывавшаяся веками русская сельская община, будучи явлением исторически обусловленным, строилась на принципах взаимопомощи, уравнительности и распределительности, вступавшими в противоречие с нормами буржуазного жизненного уклада: индивидуализмом, прагматизмом, социальным эгоизмом.

Специфическая народная ментальность служила причиной того, что многие общественные деятели и политики, начиная с В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского и кончая «первым героем-любовником Февральской революции» — А. Ф. Керенским, воспринимали русского крестьянина как «природного социалиста». Подобный популярный постулат расхожего народофильства являлся не только мировоззренчески баснословным преувеличением, но и политически опасным заблуждением. Надеяться построить в новейшее время общество социальной гармонии на базе представлений и норм, сформировавшихся в процессе многовековой борьбы за выживание, могли лишь социальные прожектеры.

Как написал уже после 1917 г. Н. А. Бердяев: «Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям»[14]. Сходный вывод еще раньше сделал другой выдающийся мыслитель С. Л. Франк: «Собственников и собственнических интересов было в России очень много, но они были бессильны и были с легкостью попраны, потому что не было собственнического «ми-

росозерцания», бескорыстной и сверхличностной веры в святость принципа собственности» [15].

Общинная психология и трудовая этика исключали сколько-нибудь уважительное отношение не только к личному материальному благополучию отдельных членов, но и вообще к любому индивидуальному выделению, «возвышению» над остальными, над «сельским миром». Подобное положение вещей не составляло секрета и для представителей власти, а некоторые усматривали в том опасность для развития страны.

В 1904 г., будучи Саратовским губернатором, П. А. Столыпин писал, что «у русского крестьянина — страсть все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки» [16].

Именно Столыпину пришлось в начале XX в. осуществлять грандиозный проект переустройства землепользования и землевладения на частновладельческих принципах. Это была отчаянная попытка в короткие сроки изменить «небуржуазное миросозерцание» значительной части крестьянской массы. Но как в свое время справедливо заметил историк С. М. Соловьев, говоря о петровском опыте ускоренной «европеизации», «указом нравы не изменишь»...

Российская «деревенская ментальность» очень многое определила в отечественной истории XX в., став одним из важнейших факторов утверждения господства большевиков после 1917 г.

Социально-экономическая ситуация к началу XX в. могла показаться парадоксальной: бурное развитие частного предпринимательства, капиталистических приемов и финансово-промышленной инфраструктуры уверенно превращали Россию из страны аграрной в аграрно-индустриальную (промышленный сектор давал уже 50% валового национального дохода), но, с другой стороны, сельское хозяйство, «русская деревня» были еще очень далеки от буржуазной трансформации.

Ускоренная индустриализация, происходившая в России с конца XIX в., неизбежно вела к глубокой социальной деформации. Сельская Россия была не в состоянии в столь сжатые сроки адаптироваться к новым условиям, а крестьяне-общинники в массе были не в состоянии на протяжении жизни одного поколения превратиться в современного фермера-агрария.

«Исход из деревни», который государственная власть долго, вплоть до начала XX в., пыталась сдерживать административными мерами патерналистского характера (поддержание общины), в эпоху «буйства частного интереса» делал такую политику бесперспективной.

Пауперизация и люмпенизация значительных масс населения вела к возникновению не просто многочисленных групп «лишних людей». Раскрестьянивание способствовало возникновению маргинальной социальной среды, весьма восприимчивой к самой радикальной пропаганде и готовой к безответственному социальному действию.

Здесь скрывалась огромная потенциальная опасность, которую задолго до крушения 1917 г. разглядел писатель-пророк Ф. М. Достоевский. «Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются»[17].

Уже после прихода к власти большевиков, известный общественный деятель П. Б. Струве написал, что «теперь уже совершенно очевидно, что крушение государственности и глубокое повреждение культуры, принесенные революцией, произошли не от того, что у нас было слишком много промышленного и вообще городского пролетариата в точном смысле, а оттого, что наш крестьянин не стал собственником-буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий землевладелец, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство. У нас боялись развести сельский пролетариат, и из-за этого страха не сумели создать сельской буржуазии»[18]. Эта констатация представляется исторически обусловленной.

В противоречии между буржуазной эпохой и доминирующей небуржуазностью социальной среды скрывалась одна из органических причин неустойчивости всей социальной конструкции монархической России.

* * *

Специфическая сословная стратификация, с одной стороны, отражала исторические условия страны, а, с другой — отвечала надобностям самодержавной монархии, изначально построенной на принципе социального неравенства. При всем многообразии вариантов изменений и модернизаций, предлагаемых и обсуждаемых во властных кругах, не говоря уже о тех, которые вводились в политическую практику и в социальную повсе-

дневность на протяжении всего XIX в., ни один проект не предусматривал полной отмены сословной дифференциации подданных царя.

Вся государственная законодательно-правовая конструкция была построена на сословном начале, и ликвидация сословного ранжирования потребовала бы полного пересмотра всего комплекса социально-регулирующих законоположений. Это была одна часть проблемы.

Другая, еще более сложная, коренилась в состоянии самой общественной среды, в, так сказать, качестве реального «социального материала». Унификация законодательства и предоставление равных гражданских прав всем группам населения имеет конструктивное значение лишь тогда, когда ими имеют возможность пользоваться осознанно и ответственно.

Однако степень гражданской зрелости была еще явно недостаточной, для того чтобы быстро и сразу, путем простой отмены сословного неравенства (что предлагали сделать антиправительственные радикалы), уравнять всех в правах. В тех исторических условиях подобное неизбежно привело бы не только к социальному хаосу, но и к крушению исторической государственности. В среде «правительственных мужей» подобную опасность осознавали даже самые смелые реформаторы.

Однако социальный портрет России под влиянием утверждения буржуазных отношений медленно, но неизбежно менялся. Наряду с архаически родовой иерархией утверждалась иная, построенная на привилегии денег.

Раньше сословная принадлежность в большей или меньшей степени, но отражала род занятий, вид деятельности: «дворянин» олицетворял землевладельца, чиновника или офицера, «крестьянин» служил синонимом землепашца, «купец» — предпринимателя-торговца, а звание «мещанин» указывало на принадлежность к группе мелких городских собственников.

По мере утверждения капиталистических отношений, законодательно-правовое «первородство» все больше и больше теряло свой изначальный смысл. Успехи в предпринимательской деятельности, коммерческий успех напрямую никак не были связаны с происхождением, с сословным статусом.

К началу XX в. юридически сословных ограничений на предпринимательские занятия не существовало. Директором банка, руководителем страхового общества, крупной промышленной корпорации могли стать (и в действительности становились) выходцы как из «низших», так и из «высших» сословных разрядов. В ряду крупнейших отечественных бизнесменов начала XX в., среди «королей биржи» и «финансовых гениев» соседствовали имена разного «рода людей», причем «благородные господа» в их числе составляли явное меньшинство[19].

Хотя сословная субординация постепенно отходила на задний план, а в начале XX в. некоторые отжившие нормы были государством отменены, но сословная система в главных своих чертах сохранилась. Она оставалась одной из главных специфических черт социального портрета России. Другим, важнейшим элементом эндемичности Российской империи, неразрывно связанным с предыдущим, оставалась политическая вертикаль власти, которую практически не затронули реформаторские усилия XIX в.

Наряду с общиной и сословной структурой, монархический авторитаризм явился продуктом сложного исторического процесса становления, выживания и укрепления государства, которое в конечном итоге превратилось в огромную геополитическую Аномалию (в данном случае это понятие лишено всякого оценочного смысла).

Будучи титулована еще при Петре I «империей», Россия являлась таковой, по сути, и до царя-модернизатора и после него. Имперская судьба России во многом принципиально отличалась от многих прочих империй. Россия не являлась в общепринятом смысле «колониальной державой». Ее территориальная экспансия не мотивировалась финансово-экономическими устремлениями, поиском рынков сырья и сбыта, у нее не существовало деления на «метрополию» и «колонии», а экономические показатели развития окраинных районов («колоний») были часто куда выше, чем у региональных зон, которые можно отнести к историческому центру.

Стратегические интересы и территориальная безопасность — главные факторы складывания Российской империи. Именно натиск извне многое определил в социальном и политическом устройстве России. В XVI в. русское государство воевало 43 года, в XVII — 48, а в XVIII — 56 лет[20]. Даже в «мирном» XIX веке Российская империя провела в войнах более 30 лет.

Известный английский историк А. Тойнби констатировал: «Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот»[21].

Однако вне зависимости от причин, путей и средств формирования, сам факт возникновения огромного территориального комплекса неизбежно порождал проблемы, вызываемые самой природой имперского существования. Любая империя — это всегда сложное соотношение взаимодействия и противодействия центробежных и центростремительных сил. Чем сильней государство («империя»), тем меньше сказывается на его политике воздействие центробежного фактора.

В России носителем, выразителем и реализатором центростремительного начала неизменно выступала монолитная («единодержавная», «самодержавная») монархическая власть. Поэтому, как только возникала тема о ее политических прерогативах, то неизбежно вставал и вопрос о стабильности всей государственной имперской конструкции. Природа российского имперства препятствовала развитию полицентризма и региональной автономизации. Монархическая Россия оставалась заложником своей истории.

Другая онтологическая причина упорного неприятия власть предержащими идеи о конституционном правлении, основанном на расписании политических функций и их разделении между различными субъектами государственного права, коренилась в сакральном смысле царской власти.

Царь никогда в России не являлся «первым среди прочих». Он венчался на царство, вступал как бы в мистический брак со страной, а царские порфиры отражали «свет небес». Для начала XX века подобные представления являлись несомненной архаикой. Тем не менее, они отражали не только мировоззрение самих монархов, но и подавляющего большинства их поданных.

Религиозное (православное) миросозерцание наделяло царя особым ореолом, которого не имел никто из прочих смертных. Именно здесь коренилась причина тех сложных коллизий, которые сопутствовали попыткам реформировать верховную власть в либерально-правовом духе. На пути подобных устремлений всякий раз вставала непреодолимая преграда: не подлежавший реформированию религиозный авторитет.

Между тем, проблему противодействия либеральной конституционно-правовой реконструкции России сводят нередко лишь к локальным вопросам о «недальновидности» и «политической близорукости» венценосцев, о корыстных интересах отдельных лиц и социальных групп, оставляя совершенно в стороне национально-православную ментальность. Подобный подход является историческим упрощением.

* * *

В период преобразований 60—70-х годов XIX в., приведших к развитию ограниченной общественной самодеятельности населения, возникла и определенная социальная среда, которую обычно называли «либеральной». Она включала представителей разных сословных и общественных групп, но настроение здесь создавали те, кого называли «интеллигенцией» (термин впервые ввел в обращение писатель П. Д. Боборыкин).

Это определение не являлось синонимом «интеллектуала». Понятие «русский интеллигент» указывало не только (и не столько) на образование и интеллект; но и в еще большей степени подчеркивало общественно-политические, мировоззренческие ориентации. Интеллигенцию России можно рассматривать как уникальную социально-нравственную категорию.

Сострадание к униженным и угнетенным, неприятие государственного насилия, желание переустроить мир на новых, справедливых началах — главные и исходные признаки принадлежности к этому специфическому общественному кругу.

Интеллигенцию, а в более широком смысле и всю либеральную общественность в России, изначально отличало критическое отношение к реальной политической и социальной системе в России. Характер подобных представлений и ценностей Ф. М. Достоевский назвал «идеологией государственного отщепенства».

До 1917 г. подобные воззрения разделяли различные круги интеллигенции, немалое число людей и фетишизировало революцию, которая должна была привести к вожделенному социальному преображению страны.

Говоря о подобном «параличе сознания» интеллигенции в начале XX в., С. Л. Франк уже в эмиграции писал: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один смысл жизни: эту веру лучше всего определить как веру в революцию. Русский народ — так чувствовали мы — страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистической, произвольной власти... Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего. Вот почему веру этой эпохи нельзя определить ни как веру в политическую свободу, ни даже как веру в социализм, а по внутреннему ее содержанию, можно определить только как веру в революцию, в низвержение существующего строя. И различие между партиями выражало отнюдь не качественное различие в миропонимании, а, главным образом, различие в интенсивности ненависти к существующему и отталкивания от него,— количественное различие в степени революционного радикализма» [22].

Только после насильственного переворота в 1917 г. и прихода к власти большевиков, когда все прекраснодушные народофильские грезы развеяла страшная реальность социальной стихии, началось прозрение. Народ оказался совсем не тем «богобоязненным», «невинно угнетенным», «умным» и «справедливым», каким его было принято рисовать и воспринимать в интеллигентской среде.

Упоминавшийся П. Б. Струве, принадлежавший в начале века к числу «властителей дум образованной публики», был беспощаден и без обиняков писал о том, что интеллигенция «натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки, пороки и преступления все-таки выражавшую и поддерживавшую единство и крепость государства» [23].

Приговор С. Л. Франка звучал не менее нелицеприятно: «Вплоть до последнего времени наш либерализм был проникнут чисто отрицательными мотивами, и чуждался положительной государственной деятельности; его господствующим настроением было будирование, во имя отвлеченных нравственных начал, против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Суровый приговор Достоевского, в сущности, правилен: «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала» [24].

Никакой «партии» в точном значении этого слова, как структурно-организационного объединения, либералы в России на протяжении XIX в. не имели. Однако в правительственных кругах все время велись разговоры о таковой, имея в виду носителей представлений о конституционно-правовом устройстве государства.

В середине XIX в. в западноевропейских странах завершился процесс утверждения конституционно-монархических правлений. В России же облик власти оставался неизменным. Однако воздействие европейских норм неизбежно отражалось на умонастроениях и здесь. К концу XIX века для большей части интеллигенции вопроса о том «хорошо» или «плохо» конституционное правление фактически не существовало. Однозначно-положительный ответ подразумевался сам собой.

Подобные взгляды были распространены не только среди лиц свободных профессий, людей «интеллектуального труда»; они проникали и в среду «служилого люда». Среди высших сановников и даже среди царских родственников находились люди, выказывавшие симпатию к проектам политических преобразований.

Когда в 70-е годы развернулся террор народников-радикалов, то некоторые во властных кругах решили, что для его обуздания недостаточно одних военно-полицейских мер, что для общественного умиротворения власть должна пойти на уступки «ответственным кругам общества» и довершить дело реформ 60-х годов, «увенчать здание» принятием некоего конституционного акта.

При этом никто в «правящих сферах» не ставил под сомнение важность и нужность сохранения института самодержавия. Речь шла о дру-

гом: изобрести формулу политического переустройства, позволявшую сохранить единовластье, но вместе с тем привлечь к законотворческому процессу представителей по выбору не власти, а от различных общественных и сословных групп.

Александр II поддерживал такие намерения, и в начале 1881 г. дело дошло до обсуждения проекта манифеста. В конце концов, царь одобрил записку министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова по поводу некоторой реорганизации государственного управления. Суть грядущей новации состояла в том, что созывались две подготовительные комиссии для разработки предложений по реформированию Государственного Совета. Сама же реформа должна была быть принята Общей комиссией и утверждена монархом.

Особенность этой процедуры состояла в том, что к законотворчеству, помимо должностных лиц, привлекались еще и представители избранные от земства и городских дум: по два от каждой губернии, по одному от каждого губернского города и по двум от столиц. Хотя слово «конституция» нигде не упоминалось, но многие считали, что привлечение к законодательной деятельности избираемых от населения есть первый шаг к ней. Однако 1 марта того года царь погиб от руки террористов, и ситуация в стране изменилась.

Потом много говорилось и писалось о том, что именно в тот исторический момент был «упущен важный шанс» либеральной трансформации самодержавной монархии, которая якобы в дальнейшем исключила бы крушение и торжество красных радикалов. Подобные умозаключения столь же убедительны, сколь и недоказуемы.

Совместить не сочетаемое: иррациональную сакральную природу верховных прерогатив и рациональную избирательную процедуру, утвердить незыблемое суверенное верховенство земного закона в России XIX в. являлось вещью фантастической. Историческая традиция, привычка, патриархальные представления, религиозные верования, все то, что веками формировало русский исторически-культурный архетип и в начале XX в. диссонировало с западноевропейскими государственными приемами управления, нормами политического устройства буржуазных стран.

Многие приверженцы «либеральной партии», в большинстве своем прекрасно по-европейски образованные, придерживались убеждения, что Россия сможет быстро преодолеть свою архаику простым калькированием опыта «передовых стран». Игнорирование (и незнание) конкретных этно-исторических условий, мечтательная умозрительная маниловщина, делали русский либерализм и русских либералов абсолютно беспо-

мощными в периоды обострения социальной ситуации, при малейшем соприкосновении с социальной стихией.

3. Органы управления империи. Государственный аппарат. Чиновники и чиновничество.

Император Александр III (1881—1894) укрепил монархический авторитаризм, несколько поколебленный в эпоху реформ Александра II. К концу XIX в. самодержавие, как казалось, стояло прочно и нерушимо. Все высшие функции власти (законодательной, исполнительной и судебной) сосредоточивались в руках императора, но реализация каждой из них осуществлялась через систему государственных институтов.

Высшим законодательным органом, как и раньше, оставался Государственный Совет, наделенный законосовещательными правами. Он состоял из лиц, назначенных царем, и министров. В большинстве своем это были известные царедворцы и сановники, многие из которых были в весьма преклонных летах, что позволяло фрондирующей публике в салонах именовать их не иначе как «госсоветовские старцы».

Законодательной инициативы Государственный Совет не имел. Его компетенция состояла лишь в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и разработанные в соответствующих министерствах и ведомствах.

В некоторых случаях, когда тот или иной вопрос затрагивал интересы нескольких ведомств, учреждались по монаршей воле специальные межведомственные комиссии, заключения которых рассматривались отдельными департаментами, а затем обсуждались в общем заседании Государственного Совета. Решения этого бюрократического синклита передавались императору, который мог поддержать мнение и большинства, и меньшинства (если при голосовании обнаруживались различные точки зрения). Проект приобретал силу закона лишь после утверждения императором, вступал в действие после опубликования и обратной силы не имел.

Главным органом административной власти являлся Комитет Министров. Его возглавлял председатель, функции которого были весьма ограничены. В состав Комитета Министров входили не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министров. Это не был консолидированный орган управления, координирующий деятельность отдельных ведомств. Комитет являлся собранием аднинист-

ративно независимых друг от друга сановников. Каждый министр имел право прямого доклада императору и руководствовался его указаниями и распоряжениями.

К началу XX в. действовало 15 министерств и равнозначных им государственных установлений. Министерства Иностранных дел и Внутренних дел, Военное, Морское, Юстиции, Финансов, Земледелия и Государственных имуществ, Путей сообщения, Народного просвещения, а также — Министерство Императорского двора, Главное управление Государственного коннозаводства, Государственный контроль, Собственная Его Величества Канцелярия, Собственная Его величества Канцелярия по учреждениям императрицы Марии, Собственная Его Величества канцелярия по принятию прошений на Высочайшее имя.

Министр назначался исключительно монархом, имел от одного до трех заместителей («товарищей») и особый совет министра. Наиболее обширную компетенцию имели два министерства: Внутренних дел и Финансов.

Первое занималось поддержанием внутреннего порядка в империи, осуществляло цензуру, ведало общей статистикой, почтой и телеграфом, сословными учреждениями и земским самоуправлением, ветеринарным и медицинским делом, народным продовольствием и общественным призрением, делами исповеданий (кроме православного).

В ведении Министерства финансов находились дела финансов, торговли и промышленности, прямые и косвенные налоги, таможенные сборы, винная монополия, вся кредитная часть, торговое мореплавание, железнодорожная тарифная политика. В 1892—1903 гг. это ведомство возглавлял С. Ю. Витте.

Император считался главой суда и судебного управления, а весь суд осуществлялся от его имени. На конкретное судопроизводство компетенция монарха фактически не распространялась; ему принадлежала роль высшего и последнего арбитра.

Надзор за судом и администрацией монарх осуществлял через Правительствующий Сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти надлежащим образом исполнялись на местах и разрешавшего жалобы на действия и распоряжения всех властей и лиц до министров включительно.

Царь являлся и главой Русской Православной Церкви («верховным земным покровителем»), но непосредственными делами церковного управления ведал Священный Синод, учрежденный еще при Петре I. Он состоял из присутствия и собственно управления. Присутствие объединяло высших иерархов православной церкви, выносивших свои решения по важнейшим вопросам жизни церкви.

Компетенции Священного Синода принадлежали все дела церкви: истолкования церковных догматов, распоряжения по церковной обрядовости и молитвам, назначение церковных должностных лиц, заведование церковным имуществом, церковное просвещение, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура, судебные дела духовных лиц. Возглавлял это влиятельное ведомство обер-прокурор Святейшего Синода. С 1880 г. и до конца 1905 г. на этой должности бессменно находился известный деятель К. П. Победоносцев.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. Существовали административные единицы, включавшие несколько губерний — генерал-губернаторства, обычно учреждаемые на окраинах. «Глава губернии» (губернатор) обычно назначался царем по представлению министра внутренних дел.

В состав Российской империи с 1809 г. входила и Финляндия («Великое княжество Финляндское»), главой которой являлся император и которая имела широкую внутреннюю автономию: собственное правительство (Сенат), таможню, полицию, денежную единицу.

На правах вассальных образований в состав России входили и два среднеазиатских государства: Бухарский эмират и Хивинское ханство. Они находились в полной политической зависимости от России, однако во внутренних делах их правители имели широкие автономные права.

Власть губернатора была обширна и распространялась почти на все области жизни губернии. Аппарат управления при губернаторе включал губернское правление и губернские учреждения («присутствия») по отраслям управления: по земским и городским, крестьянским, судебным, воинским и питейным делам, по подъездным путям. Губернскому присутствию подчинялась налоговая служба (казенные палаты), статистические комитеты и фабричные инспектора. Народное образование и здравоохранение входили в систему центрального государственного управления.

Города имели самоуправление в виде городских дум и управ. На них были возложены административно-хозяйственные задачи: транспорт, освещение, отопление, канализация, водопровод, благоустройство мостовых, тротуаров, набережных и мостов, а также заведование учебными и благотворительными делами, как и делами местной торговли, промышленности и кредита.

Право принимать участие в городских выборах обуславливалось имущественным цензом. Его имели лишь те, кто владел в данном городе недвижимостью определенной стоимости (в крупных центрах не менее 3 тыс. рублей, в небольших городах этот порог был значительно ниже).

Четыре города (Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь — Еникале) были выведены из состава губерний и управлялись градоначальниками, непосредственно подчиненными центральной власти.

Губернии делились на уезды, а области — на округа. Уезд являлся низшей общеадминистративной единицей, и дальнейшее деление имело уже специальное назначение: волость — для крестьянского самоуправления, участки земских начальников, участки судебных следователей и т. д.

К концу XIX в. земское самоуправление было введено в 34 губерниях Европейской России, а в остальных районах делами ведали правительственные органы. Земские органы ведали главным образом хозяйственными делами: строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных заведений; статистикой, кустарной промышленностью, организацией поземельного кредита. Для выполнения своих задач земства имели право устанавливать особые земские сборы.

Земское управление состояло из губернских и уездных земских собраний и исполнительных органов — губернских и уездных земских управ, имевших свои постоянные канцелярии и отделы.

Выборы в земства проводились раз в три года по трем избирательным съездам: землевладельцев, горожан и крестьян. Уездные земские собрания выбирали своих представителей в состав губернского земского собрания, которое и формировало губернскую земскую управу. Во главе уездных и губернских земских управ стояли выборные председатели. Они не только руководили деятельностью этих учреждений, но и представляли земства в государственных органах управления (губернских присутствиях).

Существовавшие в России жесткая вертикальная иерархия и строгая социальная регламентация, требовали наличия значительного административного аппарата, способного осуществлять исполнительные и контролирующие функции.

Либеральные оппоненты царского режима постоянно говорили о «засилье бюрократии», препятствовавшей «свободному развитию творческих сил народа». Консервативные же критики сетовали на «средостение» (нарост) из «служилого люда», образовавшийся якобы на теле государства после петровских реформ и «отдаливший царя от народа». Произвол и самодурство должностных лиц — непременная тема отечественной публицистики и литературы.

Чиновничество являлось важным элементом монархической авторитарной системы. Велика была его роль и в повседневной жизни людей. Существовавшая разрешительная процедура практически на все виды

общественных занятий порой придавала разрешениям вид концессионного права. (Скажем, учреждение устава акционерной компании требовало резолюции самого царя, перед взором которого устав представал после длительной процедуры «согласований» и «утверждений» различных ведомств и должностных лиц.) В силу этого власть чиновника могла приобретать (особенно в провинции) деспотический характер.

Однако со второй половины XIX в. она таковой по сути уже не являлась. Подданные царя имели право обжаловать решения учреждений и конкретных должностных лиц в других инстанциях вплоть до Сената и подавать жалобы «на Высочайшее Имя».

Конечно, подобные «мытарства по инстанциям» требовали сил, времени, а нередко и значительных расходов; куда проще было «иметь добрые отношения» с «господами двадцатого числа» (так нередко именовали государственных служащих, большинство которых получало жалование в двадцатый день месяца).

Власть чиновника нередко открывала ему большие возможности для личного обогащения. Естественно, что пользовались этим лишь некоторые, но коррупция («подношения», «подарки», «услуги»), если и не являлась вещью обыденной, то, во всяком случае «имела распространение»[25]. Ничего уникального в этом отношении Россия не представляла и, хотя скандалы, связанные с взятками должностных лиц случались, но грандиозных масштабов, наподобие пресловутой «Панамы», они никогда не достигали.

В отличие от распространенных представлений, количество чиновников в России не было столь велико, как принято считать. Согласно официальным данным на государственной службе в 1900 г. состояло 159 тыс. 476 лиц (через десять лет их количество возросло до 193 тыс. 15)[26]. Если соотнести число жителей империи по переписи 1897 г. (129 млн человек) с количеством госслужащих за тот же год (146 тыс. 17), то один чиновник приходился более чем на 800 жителей. Для сравнения: в 80-е годы XX века один госслужащий приходился в Советском Союзе на 15 человек[27].

В начале века по количеству чиновников Россия «почетно уступала» другим мировым державам. В Германии число чиновником составляло 714 860 человек (население 56,4 млн человек), Великобритании — 505 530 (42,5 млн), Франции — 700 000 (39 млн), США — 864 740 (76 млн)[28]. Поэтому сделанный в 1903 г. В. И. Лениным вывод о том: что «ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России», является исторически недостоверным[29].

Понятия «чиновник» и «госслужащий» в условиях России не совпадали, и число вторых было выше числа первых. К разряду «госслужащих»

относились все, кто «кормился от казны», в то время как собственно к чиновничеству принадлежали лишь те, кто имел чин по Табели о рангах.

Писарь в губернском правлении, делопроизводитель в земской управе, посыльный в министерстве и другие категории мелких служащих к чиновничеству как таковому, как правило, не принадлежали, хотя и они «состояли на коронной службе». Не входили сюда и военные чины. С учетом отмеченных обстоятельств указанную выше цифру (159 476 человек) следует увеличить, по крайней мере, вдвое, лишь тогда можно получить действительное представление о численном контингенте «госслужащих» в царской империи.

В научной и публицистической литературе принято считать, что в начале XX в. в России насчитывалось более 400 тысяч чиновников[30]. Однако даже при таких «свободных корреляциях» по числу «государственных людей» Россия явно уступала другим странам. В России, в отличие от ряда западных стран, понятие «государственный служащий» включало не только собственно лиц, назначавшихся на посты государством и получавшие содержание из казны. Как писал министр финансов С. Ю. Витте, «изящные искусства, литература, наука, прикладные знания, промышленность, торговля, сельское хозяйство, общественное управление, благотворительность — все это у нас в России состоит на государственной службе, если не целиком, то, во всяком случае, в значительной своей части»[31]. Подобная констатация не являлась преувеличением.

Вся социальная деятельность была включена в систему чинопроизводства. На многие должности в городских и земских управлениях, в благотворительных ассоциациях и даже на некоторые посты в акционерных компаниях (с участием государства) распространялась система чинопроизводства. Скажем, крупный предприниматель всю жизнь мог провести на должности члена наблюдательного совета какого-нибудь общественного «попечения о бедных», но и он считался «чиновником» и регулярно «по выслуге лет» получал очередной классный чин.

Профессора университетов, члены Петербургской Академии Наук, ведущие актеры императорских театров и некоторые другие лица творческих профессий тоже формально относились к чиновничеству, хотя никаких управленческих функций не исполняли. Закон не устанавливал четкого разграничения категорий «чиновник» и «государственный служащий».

Известный русский правовед М. Н. Коркунов считал, что под государственной службой следует понимать «особое публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица госу-

дарства и направленную к осуществлению определенной задачи государственной деятельности»[32].

При всей формальной логичности данной дефиниции она не может стать отправным ориентиром для структурной бифуркации служащих на чиновников и всех прочих. Само понятие «службы государству» и по закону, и по сути было столь обширным и емким, что определить, где заканчивались общие интересы и начинались частные в реальности нередко чрезвычайно трудно. В этом смысле крылатая фраза М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Россия — страна казенная» — не выглядит лишь сатирической гиперболой.

Принадлежность «к чиновному званию» определялась и регулировалась государственным законом («Табель о рангах»), принятым еще при Петре I в 1722 году[33] и установившим порядок прохождения службы. В XVIII и XIX вв. эти законы дополнялись и видоизменялись, но основополагающие принципы петровского закона оставались неизменными.

Все должности в госаппарате были разбиты на три разряда — военные, гражданские, придворные — каждый из которых подразделялся на 14 классов чинов (рангов). Все должности (классы) в управлении связывались с определенным чином. Различались чины мундирами и особыми знаками отличия.

Чину соответствовало и общее титулование: «Ваше высокоблагородие» (для I—II классов), «Ваше превосходительство» (III—IV), «Ваше высокородие» (V—VIII), «Ваше благородие» (IX—XIV).

«Табель о рангах» должна была упорядочить организацию госаппарата и ввести строгую системность и постепенность в движении чиновника по служебной лестнице. Право на чин (должность) напрямую теперь зависело не от знатности рода, а от выслуги лет («старшинства чина»), благодаря которой происходил перевод из чина в чин. Эти же преимущества давали и награждения орденами, каждый из которых соотносился с определенным чиновным званием и соответствующим титулом.

К началу XX в. градация гражданских чинов выглядела следующим образом: Канцлер, действительный тайный советник I класса (I класс), действительный тайный советник (II класс), тайный советник (III класс), действительный статский советник (IV класс), статский советник (V класс), коллежский советник (VI класс), надворный советник (VII класс), коллежский асессор (VIII класс), титулярный советник (IX класс), коллежский секретарь (X класс), корабельный секретарь (XI класс), губернский секретарь (XII класс), провинциальный секретарь (XIII класс), коллежский регистратор (XIV класс). Служащий, получивший чин IV класса (действи-

тельный статский советник), имел право на получение потомственного дворянства (если ранее к высшему сословию не принадлежал).

Гражданские чины напрямую соотносились с военными и придворными чинами. Так звание канцлера соответствовало чину генерала-фельдмаршала в армии, генерал-адмирала на флоте (придворных званий первого класса не существовало); действительный тайный советник — генерал-лейтенанту в армии, адмиралу на флоте и обер-камергеру, обер-гофмаршалу, обер-шталмейстеру, обер-шенку и обер-егермейстеру при дворе и т. д.

Сроки выслуги лет в каждом чине были различны и согласно закону 1906 г. они составляли: для XIV—IX класса — 3 года, для VIII—VI — 4, для V — 5 и для IV — 10 лет. Для того чтобы получить чин IV класса — действительного статского советника («статского генерала», соответствующего званию генерал-майора в армии) надо было прослужить около 20 лет.

Производство в чины первых трех классов законодательством не регламентировалось и зависело всецело от усмотрения императора. Аналогичный порядок существовал и для военной службы, хотя там в некоторых классах требовалось прослужить большее количество лет.

Получение чина соответствовало определенной должности и в штатных расписаниях всех ведомств указывалось, какому чину принадлежит та или иная должность. Обычно должность министра соответствовала II классу, товарища министра — III классу, директора департамента, губернатора и градоначальника IV классу, вице-директора департамента и вице-губернатора — V классу, делопроизводителя в центральных учреждениях — VI, а столоначальника — VII классу. Монаршей волей на должности могли назначаться и люди, не имевшие соответствующего чина.

Жесткой привязки между чином и должностью в обычной жизни не существовало. Награждение чинами в XIX в. стало одной из форм государственного поощрения, и высокие чины получали люди, не имевшие к делам управления касательства. В результате количество классных чиновников высших разрядов значительно превышало количество соответствующих должностей в госаппарате. В начале XX в. только действительных статских советников имелось в три раза больше, чем должностей этого класса.

В 1897 г. в России насчитывалось 101,5 тысячи гражданских чиновников, занимавших классные должности. Из них к первым четырем классам принадлежало примерно 1,5%. Около половины чиновников (49%) имели чины V—VIII классов, а 49,5% принадлежало к IX—XIV классам.

4. Армия и флот: численность личного состава, техническая оснащенность.

Вооруженные силы России подразделялись на несколько категорий, главные из них: сухопутные войска и флот.

Сухопутные войска делились на регулярные и иррегулярные. (Ко вторым относились казачьи части, государственное ополчение и отряды территориальной милиции).

К концу XIX в. численность русской армии достигала 946 тысяч человек, что составляло 0,84% населения империи (пехота около 75%, артиллерия — 14%, кавалерия — 8%, остальные — инженерные войска). Это была крупнейшая армия в мире. В Германии численность сухопутной армии в тот период равнялась 521 тысячи (1,8% населения), во Франции — 552 тысячи (1,31%), в Англии — 382 тысячи (0,62%)[35].

Воинская повинность являлась обязательной и распространялась на всех лиц мужского пола в возрасте от 21 до 43 лет. Общий срок службы определялся 18 годами, из них: до 5 лет «под знаменами» (в пехоте 3 года, на флоте 5 лет) и остальные — в запасе.

При одном миллионе человек призывного возраста, годовой призыв ограничивался 290 тысячами. Состав новобранцев определялся по жеребьевке. Основной контингент армии комплектовался из православного населения, так как «инородцы» или вообще не подлежали призыву (многие вносили повинность деньгами), или использовались лишь в иррегулярных частях.

Положения устава о воинской повинности предусматривали много льгот и исключений от призыва в мирное время. Не подлежали призыву жители отдаленных мест (Камчатка, Сахалин, некоторые районы Енисейской, Якутской, Тобольской и Томской губерний, а также Финляндии). Не брали в армию единственного сына в семье, единственного сына-кормильца при престарелых родителях, единственного внука при недееспособных деде и бабке, одинокого вдовца с детьми, единственного брата при сиротах до 16 лет.

Освобождалось от призыва духовенство всех конфессий, ученые и преподаватели, художники Академии Художеств и некоторые другие категории.

Все учащиеся имели отсрочку от призыва до окончания курса обучения. Для выпускников же различных учебных заведения существовала система сокращенного срока воинской повинности.

Верховное командование над армией принадлежало царю. Непосредственно же делами управления занималось центральное управление, выс-

шим звеном которого являлось военное министерство. Военный министр — единственный докладчик императору по военным делам.

Министерство направляло деятельность всех прочих органов военного управления. Заведование военным делом и хозяйственное обеспечение войск принадлежало военным округам. Их существовало двенадцать: Петербургский, Московский, Финляндский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Казанский, Кавказский, Туркестанский, Сибирский и Приамурский. Вне военных округов оставалась Область Войска Донского, находившаяся в особом военно-административном управлении.

Во главе округа стоял командующий войсками. Состав военно-окружного управления включал: военно-окружной совет, окружной штаб и управления: интендантское, инженерное, медицинское, а также военно-окружной суд и прокурорский надзор.

Сухопутные войска имели на своем вооружении пушки различных типов: батарейные (калибр 4,2 дюйма), легкие (калибр 3,4 дюйма), полевые мортиры (6 дюймов), скорострельные системы Норденфельда и другие. С 1893 года главным ручным огнестрельным оружием для пехоты и для кавалерии становилась 3-х линейная винтовка образца 1891 года (разработана русским офицером С. И. Мосиным) с срединным пачковым магазином и штыком. В начале XX в. перевооружение русской армии этими винтовками завершилось.

Общие расходы на сухопутную армию в 1899 г. определялись суммой в 323 млн 791 тыс. 710 рублей, что составило 21,1% расходной части государственного бюджета[36].

В свою очередь, русский флот включал несколько категорий судов, а главной ударной силой его являлись тяжелые корабли, в первую очередь эскадренные броненосцы. В 1900 г. Россия имела на вооружении 19 эскадренных броненосцев (у Великобритании — 57, у Франции — 27, у США — 9) и 24 броненосца береговой обороны.

Все военные суда подразделялись на четыре категории: флоты Балтийский и Черноморский, а также Каспийскую и Сибирскую (Восточную) флотилии.

Наиболее мощной силой являлся Балтийский флот, включавший в начале века 11 эскадренных броненосцев, 22 броненосца береговой обороны, 12 крейсеров I ранга, 9 крейсеров II ранга, 4 минных крейсера, 44 миноносца и несколько десятков более мелких судов. Портами и базами Балтийского флота являлись: Кронштадт, Петербург, Ревель (современное название Таллинн), Свеаборг (Суоменлинна), Либава (Лиепая).

В 1914 г. Балтийский флот насчитывал 5 линкоров, 10 крейсеров, 49 эсминцев, 23 миноносца, 6 заградителей, 13 подводных лодок, 6 канонерок,

26 транспортов, 11 посыльных судов, 6 яхт, 8 учебных судов, 59 портовых судов. Подготовка личного состава проводилась в учебно-артиллерийском и учебно-минном отрядах, учебном отряде подводного плавания, специальных школах (машинная, водолазная, рулевых и сигнальщиков, судовых писарей, юнг, музыкантов, фельдшеров), учебной команде строевых унтер-офицеров и морской учебно-стрелковой команде[37].

Черноморский флот базировался в Севастополе, Николаеве и Батуми. Его ударная сила заметно уступала Балтийскому флоту. В начале века он состоял из: 8 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 1 крейсер I ранга, 1 крейсер II ранга, 3 минных крейсера, 22 миноносца и другие суда.

К 1914 г. Черноморский флот включал: 7 линкоров, 2 крейсера, 13 эсминцев, 4 миноносца, 4 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 9 легких миноносцев. Личный состав насчитывал 6 адмиралов, 383 строевых офицера, 2 генералов инженер-механиков, 99 инженеров-механиков, 4 офицера корпуса флотских штурманов, 4 генерала и 61 офицера по адмиралтейству и военно-морскому ведомству, 49 медиков, 25 гражданских чиновников, 342 кондуктора, 784 сверхсрочнослужащих, 11 862 унтер-офицера и матроса[38].

Базами кораблей в акватории Тихого океана являлись порты Владивосток и Порт-Артур (в Манчжурии).

В 1899 г. расходы на флот составили 83 млн 065 тыс. рублей, или 5,7% бюджетных расходов[39].

* * *

К 1913 г. Россия продолжала сохранять самую большую сухопутную армию в мире. Несмотря на неудачную русско-японскую войну, последующие социальные волнения и крупные политические преобразования, укрепление армии оставалось неизменно в центре внимания царского правительства.

Военные расходы государства в абсолютных цифрах увеличились существенно: на сухопутную армию на 190%, а на флот более чем в три раза. Однако рост удельного веса военных ассигнований в структуре государственных расходов не был столь заметным: в 1913 году они поглощали 28,5% средств. Это было вызвано тем, что за указанный период поступления в казну возросли вдвое[40].

Списочный численный состав армии тоже увеличился и составлял 1 млн 322 тыс. 274 человека[41]. Русская армия насчитывала 46 тыс. 610 офицеров, в том числе 1 тыс. 299 генералов. Примерно половина офицерского

корпуса происходила из потомственных дворян, а среди генералов их было более 60%.

Среди нижних чинов армии преобладали выходцы из крестьян, ремесленников и рабочих (вместе более 90%). Национальный состав армии не претерпел существенных изменений: православные (русские, украинцы и белорусы) составляли почти 80%. Среди нижних чинов до призыва в армию 20% не умели ни читать, ни писать. Лишь 1480 лиц имели высшее, а 6080 среднее образование.

Но при всем том, внутри армейской среды царил здоровый нравственный климат; взаимопомощь и взаимовыручка отличали отношения солдат друг с другом. Армия комплектовалась по преимуществу православными людьми и, в отличие от армии советской, в русской армии никакой преступной «дедовщины» не существовало.

Дневное обязательное продовольственное обеспечение нижних чинов армии и флота в 1913 г. выглядело следующим образом: печеный хлеб — 3 фунта (фунт = 0,4095 кг.), крупа — 32 золотника (золотник = 4,3 грамма), мясо — 3/4 фунта (или деньги на его покупку), сахар — 6 золотников, чай — 0,48 золотника.

Кроме того, предусматривалось ежедневное выделение на каждого по 2,5 копейки для покупки прочих продуктов, главным образом овощей[42] (Цена фунта картошки, капусты, моркови, свеклы на рынках города Москвы в 1913 г. не превышала одной копейки.)

Каждый рядовой получал в месяц по 50 копеек денежного довольствия. Если же воинская часть имела свое артельное хозяйство («подсобное»), то нормы снабжения оказывались заметно выше. Продовольственное обеспечение и денежное довольствие военнослужащих были лучше в гвардейских частях.

Во время русско-японской войны флот России понес большие потери: 15 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой охраны, 11 крейсеров (из них 5 — первого ранга), 5 канонерских лодок, 22 миноносца, 4 военных транспорта и 8 портовых судов[43]. По окончании войны и социального умиротворения правительство начало реализовывать обширную программу перевооружения, центральным пунктом которой стало создание мощного современного флота.

В 1913 г. флот России включал 19 огромных линейных кораблей (еще 7 достраивалось), 7 броненосных крейсеров (в постройке 4), 15 крейсеров (в постройке 4), 116 эскадренных миноносцев (на верфях и стапелях — 45), 47 миноносцев. К этому времени флот имел в своем распоряжении и суда совершенно нового типа — подводные лодки, которых имелось в наличии 43 (в достройке 19).

Всего военно-морские силы России включали 461 корабль, а на верфях и в доках достраивалось еще 80. Личный состав флота насчитывал 51 тыс. 721 военнослужащего, в том числе 47 тыс. 215 нижних чинов [44].

5. Император Николай II. Консервативная идеология и практика.

Последний российский император Николай II Александрович родился 6 (18) мая 1868 г. в Александровском дворце Царского Села. Его родителями были: наследник престола Александр Александрович (будущий император Александр III) и великая княгиня и цесаревна Мария Федоровна, урожденная датская принцесса (Мария-София-Фредерика-Дагмар).

Цесаревичем (наследником престола) Николай Александрович стал после убийства своего деда, императора Александра II 1 марта 1881 г. Не прошло и четырнадцати лет, и 20 октября 1894 г. в возрасте 26 лет после смерти отца он принял корону самодержца. Более двух десятилетий Николай II находился на авансцене политики и отрекся от престола 2 марта 1917 г.

В период его царствования в России происходили большие изменения: в результате революции 1905 г. в России возник парламент — Государственная Дума, и впервые в отечественной истории власть монарха потеряла свой абсолютно-неограниченный характер.

Царь издавна в России находился выше писаного закона, олицетворяя право, справедливость, порядок, высшую власть и традицию. Подобные представления были характерны не только для большинства жителей бесчисленных деревень и местечек необозримой страны, но и для самих российских императоров. В опросном листе первой всероссийской переписи населения 1897 г. в графе о роде занятий Николай II записал: «Хозяин земли русской» [45].

По старой имперской традиции Николай II Александрович являлся шефом основных частей гвардии. Военная карьера его началась в возрасте семи лет, когда он был зачислен в лейб-гвардии Волынский полк, и ему было присвоено воинское звание прапорщика. В 1880 году произведен в подпоручики. В день совершеннолетия, 6 мая 1884 года, принял воинскую присягу и в том же году получил поручика.

В 1887 г. поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк — самое престижное подразделение Императорской гвардии, получил звание штабс-капитана и командовал Первой (царской ротой). В 1891 г. произведен в капитаны, а в 1892 г.— в полковники.

На этом воинское производство закончилось и в чине полковника он оставался до конца, даже тогда, когда командовал всей русской армией в годы первой мировой войны. В силу своего положения считал неприличным награждать себя военными чинами.

С детских лет Николай Александрович много и напряженно занимался. Обучение его происходило в семье и в качестве педагогов и наставников приглашались известные люди, профессиональная и моральная репутация которых были безукоризненными.

Правильное обучение началось в семилетнем возрасте. На протяжении последующих пятнадцати лет, почти каждый день были уроки или самоподготовка по различным предметам: математике, физике, химии, географии, русской словесности, иностранным языкам, астрономии, русской и иностранной истории, политической экономии, фортификации, черчению, рисованию, музыке. Кроме того, ему приходилось учиться верховой езде, стрельбе, строевым приемам; постигать премудрости воинских уставов.

Это был аккуратный ученик, имевший хорошие знания по всем предметам. Прекрасно владел немецким, французским, английским языками (датский знал хуже), писал очень грамотно по-русски.

Последний царь являлся глубоко верующим человеком и с детских лет строго соблюдал все православные обряды, хорошо знал церковные обычаи и предания. Никогда не сомневался, что земной путь людей, срок жизни и время смерти определяет Господь и надо «со смирением склоняться перед Его святой волей».

Второй важнейший символ почитания последнего царя — Россия, благу которой был целиком предан. Николай II не учился «цареву делу»; бремя власти и ответственности обрушились на него неожиданно, вопреки логическому ходу вещей. Он с юных лет не сомневался, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божией для благополучия подданных.

Николай II не сомневался, что Божественным Провидением поставлен на свой высокий пост, чтобы править для укрепления и процветания державы. Это благо он понимал в меру своих представлений, почерпнутых в прошлом, которым всегда живо интересовался.

В истории России его особую симпатию, помимо отца, вызывал второй царь из Романовской династии Алексей Михайлович («Тишайший»), время которого ему представлялось золотым веком России.

Важнейшей сферой жизни Николая, его радостью и опорой являлась семья. Особое место здесь занимала императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса, внучка английской королевы Виктории),

ставшая для Николая не только женой, но и другом, советчиком и опорой. Она была на четыре года моложе его, происходила из старинного рода Гессенских герцогов и полюбила своего будущего жениха и мужа еще в двенадцатилетнем возрасте.

Царица неоднократно в письмах называла себя и супруга «одним целым» и в этом утверждении была недалека от истины: их привычки, представления и культурные запросы во многом совпадали.

В царской семье родилось пятеро детей: Ольга (1895—1918), Татьяна (1897—1918), Мария (1899—1918), Анастасия (1901—1918), Алексей (1904—1918).

Драма царской семьи связана со страшным недугом сына — гемофилией (несвертываемостью крови). Эта была болезнь английской королевской семьи, перешедшая к Дому Романовых. Николай II и Александра Федоровна всеми средствами боролись за спасение своего долгожданного и любимого сына, за здоровье и жизнь наследника престола.

В начале XX в. о гемофилии, этом «проклятье королей», имелось мало надежных сведений: происхождение ее было необъяснимо, наступление осложнений в течение приступов не поддавалось предсказанию и регуляции, а надежных медикаментозных средств просто не существовало. Любой ушиб, царапина, удаление зуба могли привести к летальному исходу. С первого дня жизни над гемофиликом неумолимо нависла угроза преждевременной и скоропостижной смерти.

«Гессенская болезнь» способствовала появлению у подножия трона человека, ставшего радостной надеждой последних венценосцев и их проклятием. Имя ему — Григорий Распутин. Этот простой крестьянин, родом из Сибири, появился в Петербурге тогда, когда уже прославился своим удивительным даром предвиденья и умением облегчать страдания больных. Свои способности врачевателя этот человек проявил у постели наследника русского престола.

Переломным рубежом в судьбе России и императора Николая II стал 1914 год — время начала первой мировой войны. Руководство России войны не хотело и пыталось избежать кровавого столкновения с европейскими державами — Германией и Австро-Венгрией. Однако далеко не все было сделано для того, чтобы Россия осталась в стороне от этой трагической войны — трагической для судеб России и самого царя.

* * *

Патриархальному государственному строю и харизматическому государственному мировоззрению соответствовала и специфическая идеоло-

гическая доктрина. Еще в 30-е годы XIX в. тогдашний министр просвещения граф С. С. Уваров сформулировал так называемую «теорию официальной народности», суть которой выражала известная триада: православие, самодержавие, народность. В последующие десятилетия эту формулу и сторонники, и противники самобытности России объясняли, интерпретировали бессчетное множество раз, но для многих она так и осталась непонятой, всего лишь некоей «метафизической субстанцией».

Уваровская политическая метафора служила лишь знаком религиозного миросозерцания, воспринимавшего Россию в неразрывной совокупности Веры, Почитания и Единения. Когда царь вместе со своими подданными склонялся у алтаря в молитве о благе России, то именно тогда отвлеченная иррациональность приобретала свой глубокий исторический смысл. Однако эта сакральная патетика в новейшее время плохо корреспондировалась со складывающимся рынком прагматических социальных идей, была здесь «неходовым товаром». На авансцене политического действия задавало тон мирское, секулярное.

Верить в Бога, любить государя и Россию, беспрекословно подчиняться начальству, чтить родителей и старших — подобные нравственно-исходные установки мало походили на идеологию как таковую. Но именно они как бы составляли тот «авуар», из которого «истинные монархисты» старались почерпнуть символы и ориентиры для политического действия. Религиозно-православная первооснова «очаровывала сердца», но мало что могла противопоставить рационального либеральным и социалистическим концепциям.

В силу этого в России так и не сложилось действенной консервативной идеологии, как совокупности социальных и политических идей, нацеленных на перспективу. Неотвратимый процесс секуляризации сознания, столь очевидно проявлявшийся в среде наиболее образованных, неизбежно обрекал носителей и пропагандистов традиционных государственно-духовных ценностей на проигрыш в конкурентной борьбе на арене «современных моделей переустройства».

Русский монархизм и консерватизм базировались на патриархальном каноне, на основе представлений и норм, сформировавшихся в стародавние времена и без изменений существовавших столетия. Быть монархистом значило быть истинно православным христианином, почитать Государя — «Помазанника Божия», беспрекословно подчиняться власти, всем государственным учреждениям и распоряжениям должностных лиц. Эти представления зиждились на Любви и Вере в Бога, Царя, Россию и не подлежали критическому переосмыслению.

Харизма царской власти и персоны самого монарха составляли суть, стержень политико-государственного мировосприятия. В новейшее вре-

мя этот традиционный основополагающий принцип российской государственности должен был столкнуться с прагматическими идеями, с европейскими прагматическими учениями по обустройству социального порядка и преобразованию политической жизни.

Для самосохранения русский монархизм и консерватизм обязаны были приспособиться к новым условиям политической игры, выработать адекватные времени приемы и идеи, способные противостоять либеральному вызову и радикальным устремлениям.

В условиях России понятия «монархист» и «консерватор» воспринимались как находящиеся в одном определительном ряду, но в реальной жизни они не были тождественными. Консерватор — чаще всего монархист. Но далеко не всякий монархист являлся консерватором, т. е. человеком, осознанно придерживавшимся данного мировоззрения, способного обосновать свою приверженность традиционному общественному укладу. Консерватизм как умонастроение, как система государственно-политических ощущений и воззрений начал формироваться в XIX в. Это — идеологическая страта русского монархизма.

В России имелись блестяще образованные и эрудированные консервативно мыслящие люди: В. П. Данилевский, М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, А. Д. Пазухин, К. П. Победоносцев. Однако при этом никакой универсальной «консервативной философии» выработано не было. Создавались яркие исторические концепции и неповторимые геополитические теории, но проблемы реальной государственно-политической деятельности почти всегда оставались за рамками интереса.

Еще раньше, в 40-е годы XIX в., в русской общественной мысли обозначилось славянофильское направление, которое традиционно считалось консервативным. Но как «отцы-основатели» течения: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. С. и К. С. Аксаковы, так и многочисленные их последователи, признавая уникальность, неповторимость исторического облика и путей России, отвергали реальную действительность; их мысль устремлялась в мифологизированное прошлое, в заоблачные выси и дали. Подобные идеи мало годились для конкретной политической практики.

Идеологическое своеобразие, политико-теоретическая непродуктивность русских правых в известном смысле отражала общую, родовую особенность традиционного мышления.

В России, в отличие от западных стран, так и не возникло стойкой правой партии, не в смысле некой общности людей, исповедующих идентичные идеи, придерживавшихся сходных мировоззренческих принципов, а

как структурно-организационного союза единомышленников, с постулированной политической программой действий.

Консерватизм в России никогда не был (и не мог быть) однородным. Существовали различные течения, конкурирующие фракции, которые порой, как, например, накануне и в период отмены крепостного правы и последовавших затем реформ, вступали в период острой конфронтации.

Лидеры, олицетворявшие господствующее направление правительственной политики в тот или иной период, всегда имели в виду генеральную стратегическую цель: сохранение сильной центральной власти. Богатство отечественного государственно-исторического прошлого, столько желанно изучаемого и превозносимого консерваторами, служило им подтверждением того, что простое калькирование западных приемов управления и норм социальной жизни невозможно в империи двуглавого орла.

В то время как постоянные антиподы консервативных воззрений либералы популяризировали идею об универсальности исторического процесса, монархисты-традиционалисты придерживались стойкого убеждения об особенности, несхожести судьбы России.

В отличие от либералов, видевших причины социальных неурядиц в негодности существовавших государственно-общественных установлений, в «отсталости» приемов и форм управления, консерваторы склонны были объяснять несуразности, несправедливости, неудачи (которые они прекрасно видели и которые их искренне возмущали) не столько характером самих институтов, а очевидным несовершенством человеческой натуры. Корень зла они усматривали в нравственной природе, в психологии, морали, как отдельного существа, так и целых общественных групп.

Отечественных государственников-охранителей можно смело назвать представителями христианско-консервативного направления. Если русские либералы (не говоря уже о радикалах) в массе своей уже к концу прошлого века фактически порвали с церковью, видя в ней лишь «опору реакции», то их политические антагонисты справа непременно являлись и истинно верующими людьми.

Отношение к Богу и к церкви — принципиальная линия водораздела между «русскими европейцами» и «русскими традиционалистами». Православие, если и оставалось в жизни первых, то лишь как привычный атрибут повседневности, в то время как для консерваторов Бог олицетворял высший смыл бытия, являлся бесспорным Творцом всего сущего.

Серьезное испытание русскому консерватизму пришлось пережить в революционные 1905—1906 гг., когда происходила качественная перестройка социальной жизни и реорганизация политической власти.

17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», где говорилось о «даровании народу» незыблемых основ гражданской свободы: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов. Здесь же содержалось обещание привлечь к выборам в законодательное собрание («Государственную Думу») все слои населения признать русский парламент органом, без одобрения которого «никакой закон не может вступить в силу»

Историческая власть соглашалась пойти по пути конституционных преобразований, на который ее давно призывали встать шумные представители либеральной общественной фракции. Начался новый, последний период существования царской России.

Царь пошел на то, что не соответствовало его представлениям о благе страны, его убеждениям в благотворности авторитарной власти, что противоречило коронационной клятве, данной при восшествии на престол в 1894 г., где обязывался блюсти в неприкосновенности прерогативы самодержавного монарха. Он переступил через свои принципы в тот момент, когда надвигался девятый вал революции и когда ниоткуда поддержки уж и ждать не приходилось. Вспоминая то время, Николай II позже написал, что осенью 1905 г. «Все попрятались и присмирели, думая, что настал конец» [46].

Почему в XX в., в переломные моменты у власти не оказывалось мощной социальной поддержки, не находилось защитников, готовых грудью встать на охрану тех принципов и традиций, которым присягали, которые воспевали, которыми восхищались? Об этом немало писали и говорили, приводили разные доводы и аргументы, как сторонники, так и противники неограниченной монархии. Каждый оправдывал себя.

Минуло менее двенадцати лет, и в феврале-марте 1917 г., ситуация повторилась. Опять царь пошел на то, о чем вокруг «и кричали, и писали, и просили»: отрекся от престола. Сторонники «незыблемых основ исторической власти» в тех драматических событиях о себе никак не заявили, как будто их уже и не было.

Конечно, монархисты в России существовали. Их было много. Это была пестрая масса сил, групп, слоев, никогда не имевшая общего организационного центра, единой программы действий и сколько-нибудь обусловленной новейшим временем идеологической и политической доктрины. Природа традиционного русского национального политического сознания препятствовала формированию подобного «кодекса политических действий».

Консервативная среда в XIX и начале XX вв. дала целый ряд выдающихся государственных деятелей, стремившихся адаптировать Россию

к новым условиям. Среди последних наиболее известных в этом ряду С. Ю. Витте и П. А. Столыпин.

С именем первого связана бурная индустриализация, начавшаяся в стране в конце XIX в. Имя второго неразрывно от реконструкции сельского хозяйства, крестьянского мира на принципах рыночного хозяйства и частной собственности.

Русский консерватизм являлся явлением политической культуры, но он сосуществовал, а нередко и эксплуатировал в своих целях то, что к понятию «политическая культура» отношения не имело. Это была темная народная стихия, огромная серая масса, исповедовавшая простые и одномерные формы жизнеустройства; стихия, инстинктивно воспринимавшая монархию, царя, как Божественное соизволение, как раз и навсегда данное.

Этот народный монархизм (марксистская историография его презрительно именовала «царистскими иллюзиями»), не имел рационального идеологического оформления, являясь питательной средой крайне правых сил, столь скандально проявивших себя в XX в. Это была иррациональная форма выражения народного темперамента. Здесь сфокусировалась общественная страсть толпы, энергия массы.

Когда в стране утвердилась власть коммунистов, то эта стихия, находившаяся за рамками европейских приемов политического действия, потерявшая исконные ориентиры, своих церковных и светских монархистов-поводырей, репродуцировала под красным флагом поведенческие приемы, нередко характерные ранее для крайне правых (насилие над неугодными, социальный погром).

Манифест 17 октября 1905 г. явился неожиданностью для всех политических сил в России, но для правых он стал настоящим ударом. Консервативно-монархическая среда восприняла это как акт насилия над монархом, учиненного приближенными, как измену историческим традициям и незыблемым началам государственности.

Правые во весь голос заговорили об антирусском заговоре, среди инспираторов и главных фигурантов которого они видели европеизированных отечественных либералов, безумных социалистов и нигилистов всех мастей, продажных журналистов, евреев. Смятение, растерянность, шок, отчаяние порождали ярость, проявлявшуюся в резких формах общественного противостояния.

Улицы городов, поселков и местечек во многих районах России стали в конце 1905 — начале 1906 гг. ареной жестоких, часто кровавых столкновений между теми, кто приветствовал манифест, видя в нем начало эры свободы и демократии в стране, и теми, кто воспринимал происшедшее, как

начало конца исконной России, как смертельную угрозу всему вековому миропорядку.

Монархисты-традиционалисты считали, что время еще не упущено, что только объединение здоровых национальных сил вокруг царя и православной церкви способно сдержать сокрушительный натиск либеральных идей и экстремистские устремления радикальных элементов социалистического и анархистского толка.

В этот период появляются на политической арене многочисленные правые партийные объединения, возникшие на гребне стихийных выступлений «в защиту царя и России».

Первой политической структурой правых принято именовать Русское собрание, организацию, возникшую в Петербурге еще в 1900 г. Первоначально она преследовала исключительно просветительские задачи, и в уставе говорилось, что основная цель: «Ознакомить общество со всем, что сделано важного и своеобразного русскими людьми во всех областях научного и художественного творчества»[47]. Вскоре все проблемы затмили острые социальные и политическое вопросы, и ограничиваться областью национально-культурного просветительства стало уже невозможно.

В 1905—1906 гг. правых союзов и объединений появилось множество: Монархическая партия, Союз русских людей, Общество русских патриотов, Партия порядка, Двуглавый Орел и др. В программах этих объединений доминировали уже политические лозунги и цели.

Самой крупной, наиболее массовой и влиятельной организацией правых стала партия, возникшая в ноябре 1905 г. под названием Союз Русского Народа (СРН). Председателем совета ее стал до того мало известный врач Александр Дубровин (Устав был официально зарегистрирован в августе 1906 г.).

Этой организации симпатизировали, в различное время на ролях функционеров в нее входили почти все наиболее заметные политические деятели крайне правой ориентации: Владимир Пуришкевич, протоиерей Иван Восторгов, Николай Марков, Владимир Грингмут, Александр Никольский, Лев Тихомиров. Союз Русского Народа издавал газету «Русское Знамя», являвшуюся в течение нескольких лет самым тиражным рупором правых (максимальный ежедневный тираж — 15 тыс. экз.). Установить реальную численность СРН невозможно, так как в партии какой-либо регистрации не существовало, а сама эта структура являлась политическим объединением, оживлявшимся лишь в периоды социальной смуты или выборов.

Руководители монархических организаций в 1905—1906 годах определяли число своих приверженцев минимум в 3 млн человек. Департамент

же полиции насчитал в начале 1908 г. в 78 губерниях 358 тыс. 758 членов Союза Русского Народа и 47 тыс. 794 члена других монархических организаций[48]. Если считать полицейские цифры адекватными, то СРН являлся в этот период вообще наиболее массовой политической организацией в России.

Главная политическая задача крайне правых, которых оппоненты и враги из рядов либералов и радикалов окрестили «черносотенцами», состояла в сохранении неограниченной монархии, в защите принципа единой и неделимой империи. С конца 1905 г. эти силы становятся активными, их влияние и роль не может отрицать никто.

Многотысячные толпы на митингах и манифестациях производили сильное впечатление на очевидцев и убеждали правоверных монархистов в том, что не исчезла народная поддержка старых русских государственных ценностей. За Царя, за Родину, за Веру — эти простые, эмоциональные призывы выводили на улицы людей. И хотя возглавлялось правое движение людьми образованными, политически сведущими, движущей силой его был простой, «черный народ», для которого призывы к конституционному устройству и правовому государству являлись пустым звуком.

Правые монархисты это понимали, и их стратегия и тактика была рассчитана в первую очередь на людей с невысоким уровнем политического кругозора. В первых пунктах устава Союза Русского Народа говорилось, что эта организация «постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого Нашего Отечества — России единой и неделимой. Благо Родины — в незыблемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности»[49].

Все это декларировалось тогда, когда в России вводилось национальное законодательно-представительное учреждение в виде Государственной думы, когда уже были пересмотрены Основные законы, и из них было исключено положение о том, что царь — «неограниченный». Наряду с этим говорилось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора»[50].

Сразу после издания в апреле 1906 г. измененной редакции Основных законов, разгорелись острые политические дискуссии о характере русской государственной системы, о правовом облике власти. Одни полагали, что введение принципа разделения властей — показатель установления демократических порядков; другие же, главным образом из рядов оппонентов и противников режима, считали, что все это «фиговый листок

самодержавия» и что при первой же возможности власть ликвидирует то, что «удалось вырвать в освободительной борьбе».

Для русских правых в этом пункте существовала полная определенность. Они были убеждены, что демократические свободы, парламентский строй и ответственность исполнительной власти перед законодательной может быть и хороши в Европе, но совершенно не подходят для русских условий. «Простой русский народ» слишком далек от западных политических норм и представлений, он сформировался в совершенно иной исторической обстановке и поэтому в России не могут «произрастать чужестранные цветы».

Известный консерватор князь В. П. Мещерский в начале 1906 г. писал на страницах своего еженедельника «Гражданин», что «самодержавный русский царь ответственностью перед Богом и своею совестью несравненно более ограничен, чем президент Французской республики»[51].

Утверждение принципа разделения властей и введение представительных учреждений на основе избирательной процедуры были совершенно неприемлемы для правых. Это противоречило главному их постулату, гласившему: «Россия — страна самодержавная и православная».

Лидеры правого движения прекрасно понимали, что они не могут рассчитывать на поддержку в образованных слоях населения, что их главная опора, их базовый социум — темная и инертная масса, способная усвоить только эмоциональные и доступные пониманию политические призывы.

На съезде монархистов в конце 1906 г. в Киеве один из участников барон Н. А. Энгельгардт призывал начертать на черносотенном знамени простые и ясные слова: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество! За исконные начала: Православие, Самодержавие и Народность! Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем не ограничиваемое!»[52]. И эти формулы в той или иной форме были вписаны в программы всех правых партий.

Русские монархисты-традиционалисты очень ободрились, что уже после манифеста 17 октября 1905 г. император Николай II удостаивал их представителей аудиенций и на этих приемах, 23 декабря 1905 г. и 16 февраля 1906 г., он произнес слова, столь желанные для уха «истинно русского человека»: «Самодержавие мое останется таким же, каким оно было встарь»; «Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России», «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что Русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом»; «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас»[53].

Казалось, что монарх солидарен с правыми в неприятии всех политических новаций, объявленных в Октябрьском манифесте. Да, царь тоже считал, что изменение принципов и структуры власти вещь вредная и недопустимая. Сердцем он был с теми, кто ратовал за сохранение исконных начал и основ. Но слово было произнесено, решение встать на путь либеральных преобразований было бесповоротным.

Еще накануне издания Манифеста 17 октября 1905 г. царь писал генералу Дмитрию Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и, в конце концов, случилось неизбежное. Тем не менее, по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»[54].

Монархисты-традиционалисты не могли оспаривать волю монарха, являвшуюся для них непререкаемым законом. Но в то же время они не могли принять конституционных нововведений и признать новый центр законодательной власти в лице избираемого населением общегосударственного представительного органа, состав которого и деятельность не подлежали регулированию верховной властью.

Они воспринимали нарождающийся парламент как совещательное собрание при императоре. В уставе Союза Русского Народа говорилось, что «Государственная Дума, чуждая всяких ограничений царской власти, должна быть национально-русскою. Она обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства, помогать законодателю осуществлять назревшие преобразования»[55]. Правые распространяли понятие «русские» не только на собственно русских, но и на украинцев и белорусов.

Когда в начале 1906 г. стало ясно, что выборы в Государственную Думу состоятся, то правые вынуждены были принять новые социальные условия и бороться за депутатские мандаты. Это было ново, нежеланно, но неизбежно. С трудом, без всяких навыков и интереса, традиционалисты вступали на зыбкую почву открытой политической борьбы, борьбы социальных идей и партийных тактик.

Они все еще были убеждены, что большинство однозначно скажет «нет» чуждым «русскому духу» поветриям. Накануне выборов по всей России рассылались различные печатные материалы, в которых заклиналось не идти на поводу «у врагов России».

В изда́нной массовым тиражом листовке под характерным названием «Самодержавие или конституция?» говорилось: «Государь решил при-

звать для постоянного совета по делам государственным и указаний на нужды народные лиц, для этой цели самим населением выборных... Истолковывать закон о Государственной Думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки»[56].

О незыблемости «исторических начал и основ» говорилось и в программных принципах («Основоположениях») СРН, опубликованных в начале 1906 г.: «Царское самодержавие не было отменено Манифестом 17 октября 1895 г. и незыблемо существует на Руси»[57].

Уже после крушения монархической России, в эмиграции, один из самых известных правых деятелей Н. Е. Марков писал: «Народная толща, мнение которой ярко выражал Союз Русского Народа, в ограничении прав Самодержца чуяла величайшее для России бедствие и потому не хотела слышать о конституции, не хотела допускать мысли, что Царь более не самодержец, что воля царская отныне связана, что совесть Государева уже не свободна. С другой стороны, Сам Царь-Самодержец приказал признавать Государственную Думу и законы 1906 года, содержащие в себе явные признаки ограничения и умаления самодержавия царского».

Но воля монарха, по признанию Маркова, заставила СРН «вступить в борьбу с разлагателями государства в самой невыгодной для простонародной организации обстановке — партийного парламентаризма». По его мнению, идея «конституции в образе Государственной Думы победила идею самодержавия в лице Союза Русского Народа»[58].

Это констатировалось в 20-е годы XX в., когда правые всей Европы с умилением и восхищением смотрели на утверждение фашизма в Италии, на торжество сильной национально-авторитарной власти. Осколки русских радикал-консерваторов в этом смысле не представляли исключения. «Да, мы фашисты особенные, русские, и искренне завидуем итальянским в том, что мы пока не успели сокрушить врага»,— заявлял один из монархических рупоров[59].

Николай Марков с горечью писал о том, что «если бы тогдашнее правительство доросло до понимания того, что впоследствии понял в Италии Муссолини и, вместо упорного противодействия Государю и руководителям монархического объединения, поддержало бы и осуществило бы правильную, спасительную мысль о необходимости опереть Верховную власть на организованную в мощные союзы лучшую часть народа — история России была бы совсем иная»[60].

История же была таковой, какой была. Монарх не проявлял желания отказаться от избранного пути постепенных преобразований. С 1906 г.

правым пришлось приспосабливаться к парламентским формам политической игры. На том этапе истории партийный консерватизм не стал опорой консервативно-преобразовательного государственного курса.

Свары и склоки, сотрясавшие партийные объединения правых, их постоянные резкие нападки на высших должностных лиц империи, которые якобы не давали необходимого отпора радикалам и либералам, вело к тому, что престиж правых партий неуклонно падал, а стратегия и тактика лидеров лишь усугубляла социальную обстановку.

Перестав быть действительной «опорой трона и России», записные борцы за «исконные начала и основы» по сути дела стали фактором дестабилизации ситуации и объективно смыкались с левыми, хотя ратовали за принципиально иное. По иронии судьбы русский партийно-конституировавшийся консерватизм не стал частью монархического истеблишмента.

Примечания

[1] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 301

[2] Свод законов Российской империи (1892). (Далее — Свод законов.) Т. 1. Ч. 1. Ст. 1.

[3] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 133.

[4] *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998. С. 19.

[5] Государственное учение Филарета, Митрополита Московского. СПб., 1993. С. 9.

[6] Свод законов Российской империи (1892). Т. 1. Ч. 1. Ст. 51.

[7] Там же. Ст. 35.

[8] Там же. Ст. 47.

[9] *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1861—1914. М., 1995. С. 44.

[10] Свод законов Российской империи. (1898). Т. 9. Ст. 2.

[11] Там же. Т. 2. Ч. 1. Ст. 416.

[12] *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979. С. 44.

[13] Представители «благородного сословия» не только были «репрезентативно представлены» во всех оппозиционных партиях, но играли заметные роли в самых радикальных из них. Достаточно сказать, что среди большевистского руководства имелись и выходцы «из благородных»: В. И. Ленин (Ульянов), Г. В. Чичерин, А. М. Коллонтай, В. Д. Бонч-Бруевич и другие.

[14] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119.

[15] *Франк С. Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир». М., 1990. С. 219.

[16] К истории аграрной реформы Столыпина // Красный архив. М.—Л., 1926. Т. 4 (17). С. 84.

[17] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1876 г. СПб., 1876. С. 63.

[18] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 286.

[19] Подробнее см.: *Боханов А. Н.* Деловая элита России. М., 1994.

[20] *Сенин А. С.* Российская государственность: есть только миг между прошлым и будущим // Российская государственность: история и современность. М., 1997. С. 12.

[21] *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 107.

[22] *Франк С. Л.* Крушение кумиров // Литература русского зарубежья. Антология. Т. 1. Кн. 1. М., 1990. С. 339—340.

[23] *Струве П. Б.* Указ. соч. С. 289.

[24] *Франк С. Л.* De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 313.

[25] См.: *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в.— 1914 г.). М., 1992.

[26] Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074 (1). Л. 54 об.

[27] *Шипунов Ф. Я.* Истина Великой России, М., 1992. С. 120.

[28] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 29, 62.

[29] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1959. С. 137.

[30] Историк П. А. Зайончковский утверждал, что к началу XX века в России один чиновник приходился на 335 душ. См.: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 221. В свою очередь публицист Н. А. Рубакин насчитал в России 435 тыс. 818 чиновников. (См.: Рубакин Н. А. Указ. соч. С. 61.)

[31] *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России. С. 61.

[32] *Коркунов М. Н.* Русское государственное право. СПб., 1906. Т. 1. С. 375.

[33] Полное название: «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины».

[34] *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 141—142.

[35] Россия. Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898 (1991). С. 176.

[36] Ежегодник министерства финансов на 1901 год. СПб., 1901. С. 64.

[37] *Березовский Н. Ю.* и др. Российский императорский флот. 1696—1917. М., 1996. С. 40.

[38] Там же. С. 252.

[39] Россия. Энциклопедический словарь. С. 184.

[40] Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 155, 157.

[41] Военно-статический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 55.

[42] Россия. 1913 год. С. 293.

[43] *Шацилло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в.— 1914 г. М., 1992. С. 13.

[44] Россия 1913 год. С. 294.

[45] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

[46] Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. М.—Л., 1932. Т. 1 (50—51). С. 184.

[47] *Острецов В.* Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 7.

[48] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 105.

[49] *Острецов В.* Указ. соч. С. 41.

[50] Свод Законов Российской Империи. 1906 год. Т. 1. Ч. 1. Ст. 4.

[51] Гражданин. СПб., 1906. № 7. С. 9.

[52] Третий Всероссийский съезд русских людей. Киев, 1906. С. 62.

[53] ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[54] Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и Революция. СПб., 1991. С. 214.

[55] Устав Общества «Союз Русского Народа» — *Острецов В.* Указ. соч. С. 42.

[56] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 об.

[57] Основоположения Союза Русского Народа // Программы политических партий России. Конец XIX — XX вв. М., 1995. С. 440.

[58] *Марков Н. Е.* Войны темных сил. М., 1993. С. 117, 118, 120.

[59] Еженедельник высшего монархического совета. Берлин., 1923. 2 июля. Подробнее см.: *Rogger H.* Jewish policies and right-wing politics in imperial Russia. London, 1986.

[60] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 118.

РОССИЯ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

А. Н. Боханов

1. Международные отношения России в конце XIX века. Система союзов. Межгосударственные связи с Германией, Англией, Францией. Династические унии. Тройственный союз. Русско-французский союз.

Во второй половине XIX века закончилось территориальное формирование Российской империи. Последней вошла в ее состав в 70-е годы территория Средней Азии.

После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия не принимала участия в вооруженных столкновениях. Усилия дипломатии и политического руководства сводились к поддержанию мира и стабильности, как в Европе, так и в других районах, где Россия, как мировая держава, отстаивала свои политические, стратегические и экономические интересы.

Первостепенное значение для нее имела Европа, Ближний, Средний и Дальний Восток. В этих регионах ситуация постоянно менялась и была далеко не всегда благоприятной для Петербурга.

В последние десятилетия XIX в. главные события происходили в Европе, где складывалась новая геополитическая обстановка. Возникло два новых больших государства.

Объединение Италии под главенством Савойской династии мало занимало правящие круги России. Образование же в 1871 г. консолидированной Германской империи под эгидой прусской династии Гогенцоллернов непосредственно затрагивало важнейшие нервы русских интересов и в самой Европе, и вне ее.

На протяжении первой половины XIX в. главными мировыми центрами, где принимались решения, касавшиеся геополитических проблем, являлись Лондон, Париж, Петербург, Вена. В середине века в это число вошел и Берлин. Все остальные страны и столицы были на далекой периферии мировой политики. Лишь на исходе века на роль «первых скрипок» в концерте мировых держав начали претендовать еще две страны: Япония и США.

Отношения между Петербургом и Берлином на протяжении большей части XIX в. носили дружеский характер. Это в значительной степени являлось результатом тесных родственных уз между двумя династиями: женой императора Николая I и матерью Александра II являлась урожденная прусская принцесса Шарлотта-Каролина, принявшая в России имя Александры Федоровны. Первый император Германской империи Вильгельм I (1797—1888) приходился царю Александру II дядей, а Александру III — двоюродным дедом.

В 60-е годы XIX в., когда Пруссия начала кровавую борьбу за германское единство, Россия хранила благожелательный нейтралитет. Она его сохраняла и во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., закончившейся разгромом Франции и провозглашением Германской империи.

В 1873 году между Россией, Германией и Австро-Венгрией было заключено соглашение, получившее название «Союза трех императоров». Петербург, Берлин и Вена брали на себя обязательства решать спорные вопросы путем переговоров, а в случае, если одна из стран подвергнется нападению, «договариваться о совместных действиях» и при необходимости заключить военную конвенцию.

В конце 70-х годов. XIX века «сердечная дружба» между Россией и Германией стала подвергаться серьезным испытаниям. На Берлинском конгрессе 1878 года европейские державы выступили единым фронтом и совместными усилиями постарались свести на нет успехи и преимущества России, полученные ею в результате кровопролитной и дорогостоящей русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

В международной политике Германия больше не собиралась руководствоваться чувствами династической симпатии к своему восточному соседу. В ее внешней политике начинали доминировать собственные имперские устремления. Осознание подобной очевидности стало горьким разочарованием для многих в России, в том числе и для царя Александра II.

Хотя император Вильгельм I и могущественный канцлер О. Бисмарк по любому поводу и разными путями уверяли Петербург в «неизменной дружбе», чувства досады и раздражения «от предательства Берлина» в российских правящих кругах все усиливались. Это со всей очевидностью стало проявляться в 80-е годы.

Когда в 1881 г. на престол вступил Александр III, то он, в отличие от отца, был лишен каких-либо прогерманских чувств. Конечно, личные взгляды самодержца в той или иной степени, но неизбежно отражались на внутренней и внешней политике империи. Однако степень этого воздействия, его результативность далеко не всегда напрямую определяли курс государственного корабля.

В этой связи необходимо подчеркнуть одно принципиальное обстоятельство: последние монархи питали не антигерманские чувства вообще, а по большей части — антипрусские. По представлениям XIX в. Пруссия и Германия не являлись политико-географическими синонимами.

У России складывались непростые отношения и с другими мировыми лидерами. Огромность империи царей, ее медленное, но неуклонное расширение на Юг и Восток вызывали беспокойство и неудовольствие других мировых лидеров. К этому примешивались старые чувства недоверия и обид.

Крымская война неблагоприятно отразилась на характере русско-французских и русско-английских отношений и надолго исключила возможность тесного сближения и с Англией, и с Францией. Горечь крымской баталии в России долго не проходила.

В 60-е годы XIX века «император французов» Наполеон III не раз высказывал сожаления по поводу Крымской войны и проявлял явные признаки расположения к царю Александру II. Однако никаких существенных изменений в отношениях Франции и России не произошло. Свержение монархии Наполеона III в 1870 г. и провозглашение республики во Франции лишь усилило отчуждение.

Неизменно сложными оставались у России отношения с Англией. Находившаяся на английском престоле с 1837 по 1901 г. королева Виктория, являлась убежденной русофобкой. В России хорошо помнили, что во время Крымской войны она на своей яхте провожала «до последнего маяка» военную эскадру, показав тем всему миру, что это была не только война Британии, но и ее личная война.

После окончания сражений отношения оставались натянутыми. Имперская экспансия Лондона в Азии наталкивалась на претензии Петербурга. В 60-е годы премьер Дизраэли заявлял: «Россия непрерывно усиливается. Катится, как снежная лавина к границам Афганистана и Индии и представляет собой величайшую опасность, какая только может существовать для Британской империи»[1]. Эти чувства полностью разделяла и королева, для которой область внешней политики являлась сферой особых забот и интересов. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Англия стояла за спиной Турции и открыто помогала ей.

Сложные коллизии возникали в Средней Азии. Россия с середины XIX века уверено продвигалась в глубь обширных, малонаселенных территорий на Востоке от Каспийского моря. По мере этого движения русские рубежи все ближе и ближе подходили к владениям Британии в Индии. В 80-е гг. дело дважды чуть не дошло до военных столкновений из-за споров о принадлежности нескольких районов на Севере Афганистана.

На холодность англо-русских отношений в XIX веке не влияли даже близкие родственные отношения, сложившиеся между Романовыми и правившей в Англии Ганноверской династией. Старшая сестра русской императрицы Марии Федоровны (супруги Александра III) урожденная датская принцесса Александра состояла в браке со старшим сыном королевы Виктории, наследником английской короны принцем Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским. (С 1901 года — король Эдуард VII).

Существовали и другие династические узы. В 1874 г. единственная дочь Александра II Мария Александровна стала женой второго сына королевы Виктории Альфреда, герцога Эдинбургского, а в 1884 г. Внучка английской королевы Гессенская принцесса Елизавета вышла замуж за брата Александра III великого князя Сергея Александровича. И, наконец, в ноябре 1894 г. молодой царь Николай II венчался с младшей внучкой британского монарха, принцессой Алисой Гессенской, ставшей последней русской царицей Александрой Федоровной.

Межгосударственные связи между Россией и Англией стали улучшаться лишь в начале XX в., и это сближение закончилось заключением в 1907 г. англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния.

До начала 90-х годов XIX в. Россия сохраняла традиционные внешнеполитические приоритеты. Несмотря на свои антипрусские настроения, вскоре после восшествия на престол Александр III пошел на возобновление заключенного еще его отцом «Союза трех императоров»: Австрии, Германии и России. Правящие круги России сделали этот шаг, чтобы предотвратить складывание тесного военно-стратегического альянса между Германией и Австро-Венгрией.

В июне 1881 г. был подписан новый договор между тремя монархами, где стороны обязывались поддерживать «благожелательный нейтралитет», если случится война одной из них с четвертой страной. Правда была сделана оговорка, что в случае войны с Турцией нейтралитет определяется специальным соглашением об условиях мира, а возможные изменения территориальных владений Турции в Европе могут происходить лишь с согласия сторон.

Этот договор стратегически не был выгоден России, но, чтобы не оказаться в опасной изоляции на мировой сцене, Петербург согласился на подобные условия.

В 1882 г. в расстановке политических сил в Европе произошло важное событие: Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили тайное соглашение, получившее название «Тройственного союза». В отличие от «Союза трех императоров», где стороны на себя брали в основном моральные обязательства самого общего порядка, в данном случае имело место обра-

зование военно-стратегической коалиции, направленной напрямую против Франции и завуалировано против России. Участники союза обязывались не участвовать ни в каких соглашениях, направленных против одного из членов тройственной коалиции и оказывать друг другу взаимную военную поддержку в случае любых военных действий.

Этот договор неоднократно продлевался и просуществовал вплоть до 1915 г., когда Италия выступила на стороне Антанты против своих бывших партнеров. Тройственный союз (участники высокопарно именовали его «Лигой мира») положил начало складыванию мировых военно-стратегических коалиций.

Острое столкновение интересов России и Австро-Венгрии на Балканах (претензии на турецкое территориальное наследство, поддержка Россией православных христиан, борьба за влияние в Болгарии, солидарность с сербами и черногорцами в их противостоянии экспансии Австрии) вполне определенно вырисовывали возможность военного столкновения между трехсторонним блоком и Россией. В Петербурге прекрасно понимали опасность подобной ситуации.

Чтобы разорвать политико-дипломатическую изоляцию, в 1887 г. Россия пошла на заключение тайного соглашения с Германий, получившего название «Договора перестраховки». Канцлер О. Бисмарк таким путем старался обезопасить Германию с Востока, в случае возникновения военного конфликта с Францией. Некоторые политические выгоды получала и Россия.

Стороны обязались соблюдать нейтралитет в случае войны одной из сторон с третьей державой, кроме «случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию». Иными словами: Германия как бы подтверждала свои союзнические обязательства перед Австро-Венгрией, а Россия оставляла за собой право поддержать Францию. Характер российско-германских отношений резко изменился. «Вековая сердечная дружба» Берлина и Петербурга осталась в области предания.

В 1888 г. «повелителем Германии» стал Вильгельм II: человек резкий, неуживчивый, амбициозный и трудно предсказуемый. Сторонник мирных отношений с Россией престарелый князь О. Бисмарк был отправлен весной 1890 г. в отставку. К этому времени между Россией и Германией разгорелась жестокая таможенная и финансовая война.

Стремясь сделать Россию более сговорчивой, Бисмарк решил продемонстрировать Петербургу экономическую мощь рейха. В 1887 г. Германское правительство резко повысило (на 70%) пошлины на русские товары, в первую очередь на зерно. Одновременно началось наступление на русские фондовые ценности. Рейхсбанк прекратил выдачу авансов для

покупки русских ценных бумаг и перестал принимать их в залог. То же самое стали делать и коммерческие кредитные учреждения. Котировки русских государственных облигаций и ценных бумаг российских частных компаний на берлинской бирже резко пошли вниз.

Россия, в свою очередь, резко повысила пошлины на германский импорт, и запретила немцам владеть собственностью в западных губерниях, где подданные кайзера имели большие интересы. Русские же государственные и акционерные ценности были переориентированы на парижский фондовый рынок, который именно с начала 90-х годов становится главным потребителем русских процентных и дивидендных бумаг.

Экономический нажим не принес политических выгод, на которые рассчитывали в Берлине. «Бисмарковская механика» не сработала; она лишь усилила антинемецкие настроения в России. В развязанной таможенно-финансовой войне потери германской стороны оказались весьма ощутимыми.

«Договор перестраховки» между Берлином и Петербургом был заключен на три года, но продлен не был из-за нежелания германской стороны. Летом 1890 г. германский посол в Петербурге объяснил министру иностранных дел России Н. К. Гирсу отказ рейха возобновить «договор перестраховки» тем, что правительство в Берлине якобы не хотело, чтобы другие страны «подумали, что Германия конспирирует с Россией против Европы». Этот удивительный пассаж вызвал уместный вопрос Гирса: «Но в союзе с другими державами вы не боитесь, что вас обвинят в конспирации против России?»[2].

Вразумительного ответа из уст посла не последовало, но и без этого было ясно, что с уходом Бисмарка кайзер и его новый «первый министр» канцлер Л. Каприви не хотели связывать Германию никакими межгосударственными узами с Россией.

В Берлине в тот момент возобладало убеждение, что место России — на задворках европейской политики и что теснейший альянс с Веной предпочтительнее во всех отношениях. Германская дипломатия не просчитала возможность того, что Петербург может пойти на союз с давним своим антиподом — Францией. Много лет подобная возможность преследовала Бисмарка как кошмар, но новое поколение германских политиков считало такую перспективу нереальной. По этим представлениям, Россия неизбежно обречена на дипломатическую изоляцию и рано или поздно, но обязательно будет добиваться благорасположения Германии и, в конце концов, признает руководящую роль Германии в Европе.

К началу 90-х гг. на Западе Российской империи противостоял мощный политический и военно-стратегический германо-австрийский блок.

Все иллюзии времен князя А. М. Горчакова и Александра II о приоритетах династической «сердечной дружбы» перед всеми прочими политическими факторами окончательно развеялись. Вена являлась для Берлина главным, ближайшим и надежнейшим партнером и союзником.

В этих условиях Россия пошла на шаг, который трудно было еще недавно и представить: она заключила военно-политический союз с республиканской Францией, страной, где находили прибежище многие русские диссиденты и престолоненавистники. Но государственные интересы возобладали над консервативными убеждениями Александра III и две столь непохожих страны стали партнерами, определив тем самым расстановку сил в мире в последующие десятилетия.

Первым шагом к образованию союза стало политическое соглашение от августа 1891 г., где стороны обязались прилагать все силы к поддержанию мира и для этого проводить консультации по острым международным вопросам. Через год, в августе 1892 г., Россия и Франция согласовали военную конвенцию, которую император Александр III утвердил лишь в декабре 1893 г.

Против заключения тесного военно-стратегического альянса с республиканской Францией в России выступало немало влиятельных лиц. В их числе — старый германофил, министр иностранных дел (с 1882 г.) Н. К. Гирс, считавший, что сближение с Францией будет «пагубным для России». Не склонен был спешить в столь важном деле и Александр III, долго колебавшийся, прежде чем признал неизбежность смены внешнеполитических приоритетов в Европе. Дальнейшее сближение двух стран неизбежно обуславливалось самим фактом заключения политического соглашения, которое иначе становилось лишь пустопорожней велеречивой декларацией.

Опытные политики сразу же разглядели подобную перспективу. Накануне парада в честь гостивших в России французских моряков в августе 1891 г. посол Германии в Петербурге с 1873 г., генерал Ганс Швейниц писал своей жене: «У меня мучительное ощущение, что теперь окончательно похоронили политику династий, согласие монархов против революции. В течение тридцати лет я способствовал политике трех императоров, и сегодня, отправляясь верхом на парад, с орденом Андрея Первозванного, Черного Орла и Святого Стефана на груди, являюсь живым анахронизмом. Моя политическая деятельность заканчивается крушением всех принципов, ради которых я трудился»[3]. Политическое чутье не обмануло семидесятилетнего прусского генерала.

Русский царь тоже чувствовал, что начинается новая страница в европейской истории. Однако в отличие от германского посла, его настроение

было далеко не пессимистичным. Хотя его и несколько страшила неизведанность новых политических путей, но одно он знал наверняка: после заключения союза с Францией можно будет найти управу на Германию и обуздать «этого шалого Вильгельма». Геополитические интересы империи заставили такого ярого монархиста как Александр III отбросить свои антиреспубликанские предубеждения и одобрить заключение военной конвенции.

Ее основной смысл содержался в первой статье: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать, для нападению на Германию»[4].

В конвенции говорилось, что Франция обязуется выставить против Германии армию в 1 млн 300 тыс. человек, Россия от 700 до 800 тыс. Обе стороны обязывались ввести эти силы в действие «полностью и со всей быстротой», с тем, чтобы Германии пришлось одновременно сражаться и на Западе, и на Востоке.

Положения русско-французского союза являлись секретными. На этом настаивали в Петербурге, чтобы не форсировать дальнейшее военно-стратегическое сближение между Берлином и Веной. Однако сохранять долго в тайне столь важный международный договор было сложно и через несколько лет Франция и Россия официально признали свои союзнические обязательства.

Когда в апреле 1894 г. наследник престола цесаревич Николай Александрович был помолвлен с Гессенской принцессой Алисой, то в Париже возникли опасения за судьбу союза, тем более что в Берлине умышленно раздували этот факт, стараясь придать ему некое политическое значение. Но эти опасения были совершенно безосновательными. Россия твердо была намерена придерживаться заключенного соглашения. Александр III недвусмысленно заявил, что пока будет существовать Тройственный союз, «наше сближение с Германией невозможно».

В октябре 1894 г. в России появился новый монарх, и сразу возникли вопросы о том, насколько он будет следовать прежним курсом в вопросах внешней политики. Здесь узловым пунктом являлся русско-французский союз.

За несколько дней до похорон Александра III, состоявшихся 7 ноября, русским дипломатическим представителям за границей был разослан циркуляр МИДа, опубликованный 13 ноября в газете «Правительственный вестник», где говорилось: «Россия ни в чем не уклонится от вполне

миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению». Декларация служила подтверждением неизменности внешнеполитического курса.

Принимая главу официальной делегации Франции генерала Р. Буадефра, прибывшего на похороны Александра III, Николай II заверил его, что и во внутренней и во внешней политике он «будет свято продолжать дело отца»[5]. Настоящим же, как написала одна французская газета, «гимном радости» франко-русского союза стал первый государственный визит Николая II во Францию.

Вечером 23 сентября 1896 г. царь вместе с царицей сошли с императорской яхты в Шербуре, и утром следующего дня на поезде президента Феликса Фора прибыли в Булонский лес, где по этому случаю был построен специальный вокзал. Оттуда в сопровождении военного кортежа и высших лиц республики монаршая чета в открытом ландо проследовала через весь Париж в Елисейский дворец.

Такого «столпотворения», что творилось в тот и последующие дни в Париже, не могли припомнить даже старожилы. Более миллиона французов со всей страны прибыло на встречу царя в столицу. За место у окна по пути кортежа платили 20 франков (около 5 рублей), а цена в первом ряду на тротуаре доходила до 100 франков. Несметные толпы приветствовали высоких гостей на всем пути следования восторженными криками и рукоплесканиями. Подобного массового и темпераментного выражения чувств гости из России совсем не ожидали.

Последующие дни для царя и царицы стали непростым испытанием. Прием в городской ратуше, прием в Елисейском дворце, гала-представление в Опере, гала-представление в «Комеди Франсез», посещение русской церкви на рю Дарю, собора Нотр-Дам, монетного двора, Лувра, могил Наполеона и президента Карно, закладка моста Александра III, участие в заседании Французской академии. В программу визита входило еще посещение Севра и Версаля.

Пребывание во Франции длилось пять дней и закончилось грандиозным военным парадом на Шалонском поле. Вечером 27 сентября царь и царица на поезде покинули Францию, и Николай II записал в дневнике: «Совсем грустно было переезжать границу и покинуть добрых французов!»[6].

В самом конце XIX в. Россия выступила с неожиданной политической инициативой, которая оставила заметный след не только в истории дипломатии, но и сыграла роль одного из исходных импульсов в формировании мировой системы коллективной безопасности в XX в., получившей свое институциональное воплощение сначала в создании Лиги наций, а затем — Организации объединенных наций.

12 августа 1898 года представителям иностранных держав в Петербурге от имени министра иностранных дел была вручена нота (письменное заявление), содержавшая предложения России. В ней признавалась порочность международной гонки вооружений для финансового благополучия отдельных стран и констатировалось, что наращивание вооружений угрожает мировому спокойствию. «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелел мне обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века»,— говорилось в документе[7].

Русский призыв прозвучал тогда, когда ведущие мировые державы или уже реализовали обширные военные программы, или готовились к этому. В силу этого реакции в Берлине, Лондоне, Вене, Париже, Вашингтоне и Токио были более чем сдержанные. Никто не мог отбросить сразу подобные предложения, отвечавшие чаяниям и мечтам многих. Однако никакого энтузиазма у официальных лица и организаций не наблюдалось. В правительственных кругах ведущих стран отнеслись к инициативе России критически, расценивая ее как «несвоевременную акцию».

В это время Германия создавала мощный военно-морской флот («программа адмирала Тирпица»), в Австро-Венгрии полным ходом шло переоснащение сухопутных сил, а Соединенные Штаты Америки в том же году открыто заявили свои имперские претензии. В апреле 1898 г. США объявили войну Испании, уничтожили испанский флот и навязали побежденной стороне мирный договор, по которому Испания уступала североамериканской державе Кубу, Пуэрто-Рико в Карибском море, Гуам и Филиппины на Тихом океане. Правительство Великобритании «хранило гордое молчание», а военный министр Японии заявил, что его страна «будет слушать предложения об ограничении морских вооружений только тогда, когда ее флот достигнет уровня флота великих морских держав».

Однако результат русская инициатива все-таки имела. В начале лета 1899 г. в голландском городе Гааге, под председательством русского посла в Лондоне барона Е. Е. Стааля, состоялась первая международная конференция полномочных представителей двадцати семи стран. На ней были приняты важные международные правовые акты, касающиеся важнейших вопросов войны и мира: декларации о мирном разрешении военных споров; о законах и обычаях сухопутной войны и о ведении морской войны.

В соответствии с решениями конференции был учрежден Международный суд в Гааге (действующий в структуре Организации Объединенных наций), ставший международной арбитражной (судебно-посредническо) инстанцией в разрешении межгосударственных спорных ситуаций.

Какого-либо воздействия на гонку вооружений русская инициатива не оказала. Даже в момент конференции на ней звучали империалистические декларации, делавшие бессмысленными все призывы к ограничению. Представитель США Мэхен без обиняков заявил, что «жизненные интересы Америки больше не лежат на Севере или на Юге, а находятся на Востоке и Западе. Главный вопрос ближайшего будущего — китайский, и Соединенные Штаты будут вынуждены фактически взять на себя роль лидера в борьбе за китайские рынки, что повлечет за собой очень значительное увеличение их военно-морских сил в Тихом океане, которое, в свою очередь, повлияет на военно-морские приготовления по меньшей мере пяти держав».

Идею ограничения гонки вооружений не поддержала даже союзница России —Франция. Во время конференции в Гааге, французский министр иностранных дел Т. Делькассе в частной беседе заявил германскому послу в Париже графу Мюнстеру: «У нас практически те же интересы на этой конференции, что и у Вас. Вы в настоящий момент не желаете ограничивать свою оборонительную мощь, так же не хотите иметь никаких дел с предложениями по разоружению. Мы всецело разделяем эту позицию. Мы тоже хотим пощадить царя и найти формулу, позволяющую обойти вопрос, и не предпринимать ничего, чтобы ослабило нашу оборонную мощь» [8].

Вскоре после окончания конференции в Гааге в октябре 1899 г. началась англо-бурская война. Великобритания намеревалась установить полный контроль на всем юге Африканского континента, а для этого необходимо было уничтожить существовавшие там два государственных образования, созданных выходцами из Голландии: республику Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Беззастенчивая агрессия вызвала возмущение во всем мире, но правителей Британии это не смутило. Несмотря на огромные материальные и людские потери, несмотря на серию военных неудач в первый период войны, англичанам в 1902 году удалось реализовать свой стратегический имперский замысел.

К идее ограничения гонки вооружений отнеслись критически не только руководители иностранных держав, но и многие в России. Среди «либеральной публики» мало кто верил, что данный призыв продиктован доброй волей верховного правителя России, который, согласно всем модным либеральным представлениям, должен был олицетворять лишь «ре-

акцию» и «империализм». Отчуждение от власти той части общества, кого было принято называть «образованными слоями», проявилось вполне отчетливо и в этом вопросе.

В первые годы XX века общий внешнеполитический курс России не изменился: союз с Францией и поддержание как можно более дружеских отношений с другими державами.

Существенная роль во внешней политике России, как и раньше, отводилась Германии, экономическая и военная мощь которой росли год от года, а ее международное влияние неуклонно усиливалось. В свою очередь, Берлин был заинтересовал в политическом сближении с Петербургом, но царской империи в таком «дуэте» неизменно отводилась лишь роль «младшего партнера».

Вильгельм II, осознавая значение России, стал пропагандировать идею о необходимости возобновить альянс двух монархий, для поддержания равновесия в мире и укрепления консервативных принципов в политике.

Эти сигналы не находили отклика в России. В начале 1895 года русский МИД отправил послу в Берлине директиву, где говорилось, что в случае проявления попыток кайзера возобновить существовавший ранее политический договор («Договор перестраховки») необходимо недвусмысленно дать понять, что Николаю II «не угодно возобновлять какое-либо письменное соглашение», поскольку оно оказалось бы «в некотором противоречии с установившимися отношениями нашими и Франции».

Послу предписывалось «поддерживать и развивать самые дружеские отношения лично с императором Вильгельмом II и Берлинским кабинетом, не поощряя, однако его стремление к заключению секретного соглашения»[9].

Великобритания, находившаяся к концу XIX в. в политическом «блистательном одиночестве», тоже проявляла признаки внимания к России. Приход к власти нового правителя давал возможность изыскать приемлемую формулу сосуществования двух империй. Эта стратегическая цель манила и Россию: во всех отношениях представлялось гораздо более выгодным иметь с Альбионом если уж не дружеские, то хотя бы невраждебные отношения.

Во имя интересов Британии королева Виктория, была готова поступиться своей русофобией. Династические матримониальные связи открывали новые возможности. Правда, первоначально она без всякого энтузиазма отнеслась к брачной партии своей внучки Алисы с русским престолонаследником, но, когда познакомилась с ним лично, то предубеждение сошло почти на нет.

В день бракосочетания Николая II, 14 ноября 1894 г., 75-летняя королева устроила торжественный прием в Виндзорском замке, на который

впервые за время ее правления были приглашены все члены русской дипломатической миссии. «Королева Великобритании и Ирландии и Императрица Индии» была необычайно любезна с гостями, удостоила многих из них беседой, а на банкете подняла бокал и провозгласила: «Хочу предложить тост за здоровье их величеств русского императора и императрицы, моих дорогих внучат», а затем стоя выслушала русский национальный гимн [10]. Подобное радушие по отношению к русским Виктория выказывала впервые.

Николай II испытывал большое уважение к престарелой королеве: ведь она была так любима его женой, которой еще в раннем детстве заменила мать. Однако родственные симпатии — симпатиями, а интересы государства — прежде всего. В одном из своих посланий в Англию «любимый внук» заметил: «Увы! Политика, это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями. Подлинный учитель в этих вещах — история, а передо мной лично, кроме этого, всегда священный пример моего любимого Отца, как и результаты его деяний!» [11].

Британская королева все это знала как никто. Упоминание же имени умершего царя не могло не воскресить в ее памяти неприятные минуты и дипломатические неудачи, которые она всегда остро переживала.

Николай II написал «дорогой бабушке» несколько нежных посланий, где рядом с изъявлением родственных чувств, встречались пассажи совсем иного свойства. В октябре 1896 г. заметил: «Что касается Египта, дорогая Бабушка, то это очень серьезный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были свободны и открыты ее кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Египта — это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у кого в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света и обе страны желают реальной независимости канала» [12].

С конца XIX в. британскую дипломатию и лично королеву все больше и больше беспокоило усиление военной мощи и политической роли Германской империи. Характерная почти для всего XIX века маниакальная опасность русской экспансии отодвигалась на второй план перед лицом возникшего германского колосса. В Лондоне прекрасно были осведомлены об антианглийских настроениях в Берлине, главным носителем которых являлся кайзер — нелюбимый внук британской королевы.

Одолеваемая старческими немощами, дряхлеющая королева до последних лет своей жизни зорко следила за всем, что могло представлять

угрозу Британии. Германия такую опасность являла. Опасность могла многократно усилиться, если Берлин и Петербург начнут политическое сближение. Такую перспективу в Лондоне не исключали, тем более, что кайзер всеми силами старался подчинить своему влиянию царя.

«Европейская бабушка» внимательно наблюдала за всеми нюансами развития отношений между ее коронованными «дорогими внучатами» и не раз пыталась «раскрыть глаза» русскому монарху «на истинный облик» Вильгельма. В начале 1899 г., накануне встречи кайзера и царя, она писала Николаю II: «Я опасаюсь, что Вильгельм может высказать что-то против нас, так же как он это делает в отношении вас в беседах с нами. Если это будет так, то молю сообщить мне об этом откровенно и конфиденциально. Очень важно, чтобы мы понимали друг друга, и чтобы этим недостойным и злонамеренным маневрам был положен конец»[13]. Царь знал «дорогого Вилли» не хуже. Знал он и другое: его английская бабушка во всем руководствуется политическими соображениями, интересами Британской империи.

В начале 1899 г. в письме английской королеве Николай II сформулировал цели России на Дальнем Востоке: «Как Вам известно, дражайшая Бабушка, я теперь стремлюсь только к возможно более длительному миру во всем мире, это ясно доказали последние события в Китае — я имею в виду новое соглашение о постройке железной дороги, все, чего хочет Россия,— чтобы ее оставили в покое и дали развивать свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и считал бы это величайшим из возможных бедствий»[14].

К началу XX в. позиции России на мировой арене были прочны и общепризнанны. И хотя вооруженные силы России уступали ведущим мировым странам по уровню военно-технического оснащения, но с конца прошлого века этот разрыв начал стремительно сокращаться.

Противоречия между Россией и европейскими державами на Балканах, в Турции (старая и больная проблема черноморских проливов), в Средней Азии и на Дальнем Востоке сохранялись и порой приводили к острым конфронтациям в различных географических пунктах, но до рубежа военного столкновения дело не доходило. России боялись и с ней считались.

Русско-японская война и последующие затем социальные волнения сильно поколебали эти представления и некоторые политические лиде-

ры, в первую очередь германский император Вильгельм II, буквально начали воспринимать Россию как «колосса на глиняных ногах». Это опасное заблуждение сказалось непосредственно на развитии последующих событий.

2. Противоречия мировых держав на Дальнем востоке. Русско-японская война. Портсмутский мир. Сближение России с Великобританией.

Существование любой империи определяется факторами, часто не поддающимися прогнозированию и регуляции правительств. Инерция имперского мышления, имперских интересов и амбиций диктует политику, определяет государственные решения, ведущие нередко к трагическим результатам.

Столкновение устремлений региональных (Япония) и мировых (Россия, Англия, Германия, США) держав определило рисунок политического действия в северной части тихоокеанского региона в конце XIX — начале XX вв. Агрессивная, откровенно циничная политика, которую они вели за сферы влияния в слабом, раздираемом внутренними противоречиями Китае должна была, раньше или позже, окончиться военным столкновением главных фигурантов этого действия. И оно, в конце концов, произошло.

Россия имела обширные владения на Дальнем Востоке. Эти территории были чрезвычайно удалены от центра страны и слабо задействованы в общегосударственном хозяйственном обороте. Изменить ситуацию должна была Сибирская железнодорожная магистраль, строительство которой началось в 1891 г. Ее намечалось проложить по южным районам Сибири с выходом к Тихому океану во Владивостоке. Общая длина ее от Челябинска на Урале до конечного пункта составляла около 8 тыс. километров. Это была протяженнейшая железнодорожная линия в мире [15].

В 1894 г. Япония начала войну против Китая за овладение Кореей, являвшейся вассальным Китаю государством. Война сразу же выявила военное и стратегическое превосходство агрессора, и в апреле 1895 г. китайское правительство подписало унизительный Симоносекский договор, предусматривавший отторжение от Китая Тайваня (Формозы), некоторых других островов и Ляодунского полуострова.

Выполнение этих условий резко бы усилило мощь Японии, что не отвечало интересам европейских государств. Россия, Германия и Франция добились изменения кабальных условий, в результате чего Японии при-

шлось отказаться от Ляодунского полуострова, затем переданного Китаем в аренду России. Россия так же получила в аренду сроком на 25 лет и незамерзающую морскую базу на южной оконечности Ляодунского полуострова — Порт-Артур. Сибирская железная дорога сделалась инструментом дальневосточной экспансии России. В 1896 г. русскому правительству удалось добиться от Китая концессии на прокладку восточного участка дороги по территории Манчжурии.

Этим путем достигались, как казалось в Петербурге, две цели. Во-первых, на 500 километров укорачивалась дорога до Владивостока, заметно сокращались строительные затраты, а, во-вторых, железная магистраль открывала реальные возможности для утверждения военно-стратегического влияния в Северном Китае. (Регулярное железнодорожное движение до Владивостока открылось в августе 1903 г.). Однако отсутствие Кругобайкальского рельсового пути и переправа составов на паромах через Байкал, создавали постоянные «пробки» в пути.

Министр финансов С. Ю. Витте, отвечавший за весь железнодорожный проект, в особой секретной записке, составленной в 1896 г., писал: «С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией» [16].

Принимались в расчет и экономические интересы страны, но они не являлись определяющими, так как финансовое и торговое воздействие России в этом регионе было в тот период слабым.

Россия стремилась утвердить свое военно-стратегическое преобладание в Северном Китае и Корее и не допустить подчинения Кореи и Маньчжурии Японии, все явственней демонстрировавшей свои имперские претензии. В Токио не скрывали своих стремлений установить полное господство над Кореей и свести до символического минимума русское военное и экономическое присутствие в Северном Китае.

В правящих кругах России относительно дальневосточной политики отчетливо обозначились две тенденции, два подхода, две партии. К первой, условно называемой «партией силы», принадлежали: наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев, председатель Комитета министров П. Н. Дурново, министр внутренних дел В. К. Плеве и некоторые дру-

гие весьма высокопоставленные лица. Лидером же этого направления выступал зять императора Николая II великий князь Александр Михайлович (муж сестры царя Ксении Александровны).

Эти деятели, являясь носителями традиционных имперских представлений, ратовали за проведение жесткого внешнеполитического курса в сопредельных с Россией районах, считая, что любые уступки и компромиссы вредны для престижа государства.

Второе направление, «партию голубей», олицетворяли министры иностранных дел М. Н. Муравьев (1897—1900) и В. Н. Ламздорф (1900—1906), а также министр финансов, а с 1903 г. председатель Комитета министров С. Ю. Витте.

Последний особенно был активен и неустанно ратовал за мирные методы разрешения противоречий, за «мягкие приемы» экспансии. Глава финансового ведомства не сомневался, что любой вооруженный конфликт неизбежно приведет к нежелательным материальным потерям и социальным потрясениям. Для программы же хозяйственной модернизации, тесно завязанной на иностранные займы и внешние денежные рынки, война может стать просто убийственной.

В июле-сентябре 1902 г. С. Ю. Витте совершил подробную ознакомительную поездку в Маньчжурию и представил затем императору обстоятельный доклад. В нем он рекомендовал для сохранения мира сделать уступки Японии в Корее, полагая, что война с Японией стала бы «большим бедствием для России» [17]. Но в конечном итоге выбор курса зависел от самодержца.

Николай II чрезвычайно чувствительно относился ко всему, что хоть как-то задевало престиж России. Политика мирного сосуществования была близка и понятна императору, она отвечала его внутренним убеждениям и соответствовала политическим ориентирам, унаследованным от отца Александра III. Но время такой политики еще не пришло. Царь в этом убедился, после того как мирная инициатива России по сокращению гонки вооружений не принесла желаемых результатов.

В отношениях с Японией Россия готова была идти на уступки: не чинить Японии препятствий в экономической деятельности в Маньчжурии, вывести оттуда свои войска и признать приоритет японских интересов в Корее. Однако в Токио хотели не частичных уступок, а полного подчинения себе всего региона.

Непримиримость Японии поддерживали Великобритания и США, открыто и тайно поощрявшие экспансионистские притязания Японии, видя в них противодействие росту влияния России. В 1902 г. Англия и Япония заключили союзный договор о «нейтралитете» в случае войны одной из

сторон с третьей державой. Лондон признавал «несомненные» японские стратегические и экономические приоритеты в Корее и Маньчжурии [18].

В 1902 и 1903 гг. происходили интенсивные переговоры между Петербургом, Токио, Лондоном, Берлином и Парижем, которые ни к чему не привели. Япония, имея поддержку великих держав (явную Англии и США, тайную со стороны Германии) добивалась признания своего господства в Корее и требовала от России ухода из Маньчжурии. Подобная постановка вопроса являлась совершенно не приемлемой для Петербурга.

В Японии же националистические и милитаристские настроения проявлялись все явственней. Прекрасно осведомленный о положении дел русский военный агент в Токио А. И. Русин, еще в августе 1903 г. сообщал в Петербург: «Враждебная против России агитация, производившаяся почти без перерыва в течение последних лет японскими политическими деятелями и прессой, вместе со льстивыми заискиваниями Англии, Америки и даже Германии не могли не создать в конце концов серьезного препятствия к прочному соглашению между Россией и Японией. Тем более, что даже грандиозные уступки с нашей стороны, скажу для примера, создающие отношения Кореи и Японии в роде вассальных и предоставляющие японцам многие права на Маньчжурию, не обеспечат надолго мира на Дальнем Востоке, так как и эти условия вскоре покажутся японцам недостаточными и Япония начнет домогаться новых уступок» [19].

Царское правительство не стремилось доводить дело до военного столкновения и проявляло готовность к уступкам. На совещании высших сановников империи 15 декабря 1903 г. под председательством царя было решено предложить Японии, в случае ее согласия на неиспользование Кореи в стратегических целях, не чинить ей препятствий в Маньчжурии. В ответ на это Токио 31 декабря выдвинул ультиматум, требуя фактически полной капитуляции России. Даже после этого Россия была все еще готова вести диалог.

15 января 1904 г. прошло новое совещание, на котором был предложен еще ряд уступок. Единственный вопрос, в котором Россия заняла твердую позицию, касался Кореи. В Петербурге однозначно выступали против использования территории этого государства в стратегических целях [20]. В этот период Россия оказалась единственным гарантом суверенитета Кореи, в то время как некоторые другие державы (Великобритания и США) однозначно признавали «прерогативы Японии в Корее». Неудача России в противостоянии с Японией в конечном итоге означала полную потерю независимости Корейского государства [21].

Японские правящие круги несколько лет деятельно готовились к войне. Россия, в свою очередь, принимала некоторые ответные действия, но

ее военно-морская программа была рассчитана еще на годы, в то время как японские морские силы получили серию современных новейших кораблей. О серьезности грядущих событий на Дальнем Востоке в Петербурге мало кто думал.

Военный министр генерал А. П. Куропаткин летом 1903 г. совершил поездку в Японию, целью которой было подготовить обширный доклад о военной и политической обстановке в этой стране. Во время этой осведомительной миссии генерал пришел к следующему убеждению о военном потенциале возможного противника: «При 47 000 000 населения Япония, приняв германскую систему (организации армии.—*А. Б.*), что она охотно сделает, если достанет деньги, может иметь армию в мирное время в три раза большую, чем теперь (1% населения), т. е. армию в 450 тыс. от мирного состава. Но даже допустив, что она доведет свою армию только до половины сего состава, т. е. даст в армию не один, а только полпроцента населения, то и тогда мирный состав японской армии составит 225 тыс., а военный 450—500 тыс. постоянных, не считая территориальных войск»[22]. Между тем Япония выставила против России армию почти в полтора миллиона человек!

Многолетний профессор академии Генерального штаба (!), в начале 1904 г. исполнявший обязанности начальника канцелярии военного министра А. Ф. Редигер, ставший в 1905 г. военным министром, позже признался, что к моменту начала военных действий, он «не имел представления о Японии и японской армии и считал, что предстоящая война будет лишь крупной экспедицией, трудной только по отдаленности театра военных действий»[23]. Русский Генеральный штаб даже не разработал план возможной военной кампании, уверенный, что «японцы не посмеют». Когда разгорелись сражения, то русскому командованию приходилось лишь импровизировать, и эта импровизация порой носила дилетантский характер.

В ночь на 27 января (8 февраля) 1904 г. 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. На следующий день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Лишь 28 января Япония объявила войну России. Вероломство Японии вызвало бурю возмущения в России.

Однако в ряде западных стран не скрывали ликования. «Мастерский удар» японской эскадры восхвалялся англо-американской прессой. «Сказка о японском предательстве, несомненно, пущена в оборот Россией для домашнего потребления и она не обманет никого даже в странах, благоприятно относящихся к России» (лондонская «Таймс» 19 февраля).

Влиятельная американская «Нью-Йорк Таймс», в свою очередь, изрекала: «Едва ли возможно считать достойным поведение правителя великой нации, который жалуется на поражение только из-за того, что он не был достаточно подготовлен к войне... Если Россия была захвачена врасплох, то это ее собственная вина» (11 февраля). Через два дня та же газета заявила, что «практика официального объявления войны вышла из употребления»[24].

Однако верхом цинизма и лицемерия можно считать строки из редакционной статьи лондонской «Тайм» от 20 февраля 1904 г.: «В этой войне Англия сочувствует Японии не только потому, что она официально наша союзница. Это сочувствие усиливается и оправдывается потому, что в этой войне Япония сражается за дело всех цивилизованных народов».

Во Франции и Германии подобных откровенных панегириков агрессору не сочиняли, но и там публиковалось немало недоброжелательных по отношению к России статей. Запад боялся усиления России, и очень многие жаждали ее поражения. Находились такие люди и в самой России, в первую очередь среди разномастных противников монархического режима.

В правящих же кругах России вероломное нападение японцев и начало войны вызвали чувства возмущения и досады.

Положение на Дальнем Востоке находилось постоянно в центре внимания императора, о чем свидетельствуют его краткие дневниковые записи. «Вечером получил известие о прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда» (24 января); «Новых известий с Дальнего Востока не было» (25 января); «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим... Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!» (26 января); «Утром пришла другая телеграмма с известием о бомбардировке японскими судами Порт-Артура и о бое с нашею эскадрою. Незначительные повреждения получили «Полтава», «Диана», «Аскольд» и «Новик» (27 января)[25].

России была навязана война, которой она не хотела, но которая явилась логическим следствием имперской политики. Она продолжалась полтора года и была неудачной для страны. Причины общих неудач и отдельных конкретных военных поражений вызывались различными факторами, но к числу главных относились: незавершенность военно-стратегической подготовки вооруженных сил, значительная удаленность театра

военных действий от главных центров армии и управления и чрезвычайная ограниченность сети коммуникационных связей.

К началу войны Россия имела на театре военных действия около 100 тыс. человек, разбросанных на огромных пространствах от Порт-Артура до Владивостока. В распоряжении армии имелось лишь 148 орудий, а флот в Порт-Артуре насчитывал 55 кораблей, включавший по большей части небольшие и технически устаревшие суда. Отправляясь на театр военных действий, главнокомандующий А. П. Куропаткин сделал убийственное заявление о том, что «наша армия совсем не готова к войне» [26]. Это говорил человек, который до того шесть лет возглавлял Военное министерство!

На первом же этапе Япония выставила против русских сил армию почти в полмиллиона человек и 1140 орудий. Вскоре ее армия уже превышала 1,5 млн человек. Японское командование разработало план, в соответствии с которым надлежало нанести серию молниеносных ударов по русским гарнизонам в Манчжурии, полностью сокрушить их и закончить кампанию полным разгромом армии царя в течение нескольких недель.

План молниеносной войны провалился. Русские сражались с обескураживавшей японцев стойкостью. Только оборона полностью блокированного Порт-Артура длилась восемь месяцев.

Однако одного героизма оказалось уже мало. Определяющую роль играла техническая оснащенность и качество вооружения. А здесь у японцев в первый год войны наблюдалось явное преимущество. В то время как русским приходилось доставлять пополнения, вооружения, амуницию и провиант в Маньчжурию за многие тысячи километров по одноколейному Транссибирскому пути, японцы получали все это со своих баз, расположенных значительно ближе.

Основные военные события разворачивались в Маньчжурии, где имело место несколько кровопролитных сражений. В августе 1904 г. произошла битва при Лаояне, где русская армия потеряла 17 тыс., а японская 24 тыс. человек. Через месяц произошло сражение при Шахэ, где русские потеряли 42 тыс., а японцы около 30 тыс.

Самым же жестоким оказалось сражение при Мукдене в феврале-марте 1905 г., продолжавшееся почти три недели. Русские потеряли убитыми и ранеными около 80, а японцы более 70 тыс. человек. После Седана и до Первой мировой войны это было крупнейшее сухопутное сражение. Хотя в результате боя русская армия отступила, но японская армия, насчитывавшая к началу сражения почти 300 тыс. человек, была обескровлена и не двинулась с места.

Из сражений на море особо неудачным для России стало сражение в Корейском проливе около острова Цусима в мае 1905 г., когда японский

флот нанес поражение русскому флоту под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. Это было первое серьезное поражение русского военного морского флота за всю его историю.

Цусимское сражение стало последней крупной боевой операцией русско-японской войны. Затем на полях сражений наступило затишье. Япония, хоть и одержала серию побед, но ее ресурсы были исчерпаны, страна была истощена, хотя Англия и США оказывали японскому правительству щедрую помощь (за время войны Япония получила более 400 миллионов долларов кредитов, что являлось огромной по тем временам суммой).

Потерпев неудачи на полях сражений, Россия отнюдь не была разгромлена. К весне 1905 г. на Восток были переброшены большие военные силы (общая численность их превысила миллион человек), большое количество орудий, другой техники. В военном отношении Россия вполне могла продолжить войну и добиться реванша за предыдущие неудачи.

Но обстановка осложнялась тем, что на международной арене Россия оказалась фактически в изоляции. Проянонская позиция Великобритании не вызвала удивления, причем в конце 1904 г. дело чуть не дошло до объявления Лондоном войны России. Причиной послужил печальный случай. 15 октября эскадра балтийского флота под командованием адмирала З. П. Рожественского вышла из Либавы и должна была, обогнув Африку, пересечь Индийский океан и вступить в борьбу с японскими силами на море. У берегов Англии — союзника Японии на судах нашей эскадры царило тревожное ожидание, так как поступили сведения, что русскую эскадру поджидают закамуфлированные японские миноносцы. 22 октября недалеко от английского побережья, у Доггербанка произошло трагическое недоразумение: русские обстреляли английскую рыбачью флотилию. Несколько английских рыбаков погибло и инцидент вызвал бурю негодования в Англии. Только благодаря вмешательству французского министра иностранных дел Делькассе, Англия не объявила войну, а Россия согласилась передать дело на рассмотрение Гаагского международного трибунала.

Это был единственный раз за время войны, когда Франция проявила свою поддержку восточному союзнику. Париж не желал рисковать своими отношениями с Англией в интересах России. Германская дипломатия сразу же оценила выгоды, которые открывает трудное положение России. Германия стала снабжать русскую эскадру углем, в то время как французские власти от этого уклонились, опасаясь, что это станет нарушением одного из пунктов англо-японского договора, согласно которому Англия объявляет войну той стране, которая нарушит нейтралитет в пользу России. Кайзер в этот период необычайно активно использовал свою

личную переписку с царем, все время подталкивая того к «решительным мерам на Востоке».

Неудачность войны со всей определенностью проявилась уже к концу 1904 г., а после падения 20 декабря 1904 г. крепости Порт-Артур мало кто в России уже верил в благоприятный исход кампании. Первоначальный патриотический подъем сменился унынием и раздражением. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений. Оппозиционный тон стал характерен для большинства русской легальной печати, что же касается немалого числа нелегальных изданий, то там вообще не стеснялись в выражениях и беспощадно клеймили царя и «его сатрапов».

Император довольно долго не соглашался признать дальневосточный провал, считая, что это лишь временные неудачи и что России надлежит мобилизовать свои усилия для удара по Японии и восстановления престижа армии и страны. Он несомненно хотел мира, но только лишь «почетного мира», который могла обеспечить лишь сильная геополитическая позиция, в результате военных неудач сильно поколебленная.

К концу весны 1905 г. стало очевидным, что возможность изменения военной ситуации существует лишь в отдаленном будущем. Возникала необходимость приступить к мирному разрешению бесперспективного конфликта. К этому вынуждали не только соображения военно-стратегического характера, но, в еще большей степени, осложнения внутренней ситуации в России.

В мае 1905 г. Николай II принял посредничество президента США Т. Рузвельта по заключению мира. Министр иностранных дел граф В. М. Ламздорф начал формировать группу российских представителей, в которую должны были войти известные дипломаты и политики во главе с председателем Комитета министров С. Ю. Витте.

В начале июля делегация отбыла в США, в город Портсмут, где и начались переговоры. Ситуация для российской стороны осложнялась не только военно-стратегическими поражениями на Дальнем Востоке, но и отсутствием предварительно выработанных условий возможного соглашения с Японией. Глава делегации лишь получил два указания от царя: ни в коем случае не соглашаться ни на какие формы выплаты контрибуции, которую никогда в истории Россия не платила, и не уступать «ни пяди русской земли» (к тому времени японцы оккупировали уже южную часть острова Сахалин). Собираясь в Америку, Витте был уверен, что Россия обречена на потерю Сахалина и на выплату контрибуции. Но царское наставление заставило его проявить на переговорах упорство по двум самым спорным вопросам.

Япония заняла первоначально в Портсмуте жесткую позицию, потребовав в ультимативной форме от России полного ухода из Кореи и Маньчжурии, передачи российского дальневосточного флота, выплаты контрибуции и согласия на аннексию Сахалина.

Переговоры были сложными и несколько раз оказывались на грани срыва. Русской делегации удалось в итоге добиться почти невозможного: удачного завершения трудных переговоров с благоприятным результатом. В этом огромная заслуга Сергея Юльевича Витте.

В течение нескольких недель переговоров этот человек великолепно проявил свои способности государственного деятеля, раскрыл незаурядный дипломатический талант. Ему приходилось настойчиво и последовательно уламывать японцев, льстя, запугивая, угрожая и одновременно соблазняя их перспективой установления прочных добрососедских отношений.

23 августа 1905 г. стороны заключили соглашение. В соответствии с ним, Россия уступала Японии арендные права на территории в Южной Маньчжурии, половину Сахалина, признавала Корею сферой японских интересов. Стороны обязались вывести войска из Маньчжурии, использовать железнодорожные линии исключительно в коммерческих интересах и не препятствовать свободе мореплавания и торговли.

Портсмутские договоренности стали несомненным успехом России, ее дипломатии. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не договор, заключенный после неудачной войны.

Однако в России тогда не знали, что, несмотря на военные успехи, экономическое и финансовое положение «страны восходящего солнца» было почти катастрофическим. Япония вести дальнейшую войну фактически уже не могла.

В 1910 г. специальная комиссия военных специалистов составила историю русско-японской войны и представила свой труд Николаю II. Ознакомившись с ним, император сказал одному из составителей генералу П. Симанскому: «Сегодня я получил еще новое доказательство того, что сделал ошибку, заключив мир с Японией». Это доказательство царь почерпнул из воспоминаний бывшего японского посла в Лондоне барона Гайяши, тогда только что опубликованные. Там говорилось, что Япония к лету 1905 г. больше воевать уже не могла[27].

Несмотря на получение огромных англо-американских кредитов, экономика Японии не выдерживала военного бремени. Возникала реальная перспектива скорого коренного перелома в ходе боевых действий не в пользу Японии. О таком положении вещей хорошо были осведомлены в Вашингтоне, что стало важнейшим побудительным мотивом миролюби-

вого посредничества президента США. Как вполне обоснованно позднее заметил А. Ф. Керенский, «если бы Витте знал тогда положение Японии так же, как Теодор Рузвельт, то исход переговоров в Портсмуте был бы другой. Создалось бы другое соотношение сил на Дальнем Востоке. И в 1941 году другое бы было положение Соединенных Штатов»[28].

После Портсмута отношения между Россией и Японией начали быстро улучшаться. В январе 1907 г. было заключено русско-японское соглашение, где стороны признавали территориальную целостность друг друга, и разграничивали зоны влияния в Манчжурии. Россия признавала Корею «сферой специальных японских интересов», а Токио признавал приоритеты Российской империи в Монголии.

Летом 1910 г. в Петербурге было заключено новое соглашение, расширяющее и дополняющее предыдущее. Стороны обязывались вырабатывать совместные ответные меры, в случае угрозы нарушения статус-кво в Китае, или угрозы «особым интересам» двух стран в Маньчжурии. Фактически к началу второго десятилетия XX века Россия и Япония превратились в геополитических партнеров.

3. Балканский узел. Геополитические коалиции накануне Первой мировой войны.

В начале XX в. среди ведущих мировых держав все явственней обозначивались контуры военно-стратегических союзов. Второстепенные противоречия отходили на второй план, и начинали доминировать коренные интересы и генеральные цели.

Неприязнь между Лондоном и Берлином, между Парижем и Берлином, между Петербургом и Веной не только не уменьшалась, но приобретала непреодолимый характер.

При наличии системы военно-стратегических блоков — «Тройственного союза» и Русско-французского союза — оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» Великобритании становилось все труднее. Ее островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало старые географические преимущества призрачными.

В начале века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия. В апреле 1904 г. в Лондоне было подписано англо-французское соглашение, разграничивавшее сферы влияния Англии и Франции в Африке и Юго-Восточной Азии.

Ликвидация геополитических противоречий между двумя великими колониальными империями открывала возможность сблизить позиции межу Лондоном и Петербургом. Этого достичь было значительно сложней, чем между Лондоном и Парижем. Но подобная заинтересованность после окончания русско-японской войны, проявлялась и в Петербурге, и в Лондоне. Угроза германского гегемонизма заставляла преодолевать старые антипатии, страхи и предубеждения. В таком развитии событий были заинтересованы и французские правящие круги.

В 1906 г. по инициативе Лондона начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией, с целью урегулировать наиболее острые разногласия между двумя империями — в Азии[29]. Переговоры тянулись год и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что они близки к благополучному завершению. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии — разочарование и недовольство.

Беспрецедентный договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу отношений. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении у англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства.

Еще одним важным пунктом разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния: северная часть признавалась областью интересов России, восточная — Великобритании, а центральная часть — нейтральной зоной. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже вполне определенно обозначилась новая геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию. Эта коалиция получила название «Тройственного согласия» («Антанта»). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались под угрозой германского гегемонизма[30].

В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие: с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покойной королевы Виктории). Это был первый за всю историю визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II).

Эта поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный визит неуместным, так как, согласно непререкаемому либеральному канону, Россия находилась «во власти деспотии» и «Его Величеству» не стоит демонстрировать, свои симпатии.

Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями (царь являлся племянником Эдуарда VII). Но одно дело частные, семейные отношения и совсем другое — межгосударственные. Но, в конце концов, была изобретена такая форма визита, которая, хоть и могла рассматриваться нежелательной в России, но в Англии ее трудно было оспорить.

Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллинне). Точнее говоря, не в самом городе, а в территориальных водах России. На землю король и королева так и не ступили, а все переговоры происходили на королевской и на царской яхтах.

27 мая (8 июня) 1908 г. в акватории Ревельского порта появилась королевская яхта «Виктория и Альберт», в сопровождении военных кораблей, которую встречала русская военная эскадра. После взаимных приветствий королевская чета перешла на борт царской яхты «Полярная Звезда» и Эдуард VII сразу сообщил о присвоении Николаю II звания адмирала английского флота. В ответ на это королю было пожаловано звание адмирала русского флота.

Вскоре начались политические переговоры, продолжавшиеся два дня. Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призывали царя укрепить военные позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такая перспектива русской стороной не считалась единственно возможной и в России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами. Хотя разногласия оставались, но в заключительном коммюнике обе стороны заявили о полном совпадении взглядов «по всем международным вопросам».

Укрепление отношений с Британией стало важнейшим направлением внешней политики России. В 1910 году, давая аудиенцию английскому послу Дж.Бьюкенену, император твердо заявил, что правительство Его Величества может всегда рассчитывать на него[31].

В свою очередь, английский король Георг V (кузен Николая II), сразу же по восшествии на престол весной 1910 г., отправил царю личное послание, где писал: «Да, я знаю, что с самого начала мой дорогой отец старался делать все, что мог, чтобы обе наши страны были вместе, и ты можешь быть уверен, что я буду проявлять такой же интерес к России, как и

он. Я буду стремиться и трудиться, чтобы улучшить те дружеские отношения, которые, к счастью, сложились между нашими странами»[32].

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам и, прежде всего — к Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, а все, что касалось этих отношений, находилось под неусыпным контролем самого царя.

Потом, когда случились и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему же все-таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими связями, тесными торговыми отношениями оказались по разные стороны фронтовой линии. При этом у двух империй никаких прямых противоречий, территориальных претензий друг к другу не существовало.

Нередко в качестве ключевой причины отчуждения и вражды выставляли общеизвестное личное нерасположение между последними царями и кайзером Вильгельмом II. Подобные утверждения являются историческим упрощением.

Отношения между Россией и Германией в начале XX в., носили сложный характер. Обе стороны неизменно заявляли о желании поддерживать «самые дружеские отношения», но на деле эти отношения все более и более становились прохладными. Суть же происходившего объяснялась глубиной геополитических интересов двух мировых держав. Периферийные политические интересы (Балканы, Турция) выдвигались в разряд генеральных, затрагивали престиж, мировой облик каждой из империй. Положение на «задворках Европы» определяло настроение на «парадном дворе». Личное нерасположение монархов лишь усугубляло ситуацию, но не создавало ее.

Кайзер и царь внешне сохраняли видимость дружеских отношений. Вильгельм II долго тешил себя надеждой, что ему удастся путем личных увещеваний заставить Николая II пересмотреть внешнеполитические ориентации и добиться главной цели — разрушить стратегический союз России с Францией.

В этих видах кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Однако то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» «дорогому Ники» (их взаимные обращения в личной переписке) для достижения этой, «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России.

Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить свое главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность».

Этот излюбленный мотив из уст Вильгельма II звучал постоянно. Правда, оставался «Балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России противодействовала не только и не столько Турция (Оттоманская империя), но в еще большей степени Австро-Венгрия — ближайший партнер и «исторический союзник» Германии.

Но поступиться здесь ничем кайзер не желал. Для Берлина теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной. Предать же забвению этот важнейший клубок европейских противоречий не удалось и именно события на Балканах стали детонатором Первой мировой войны.

Австро-Венгрия при поддержке Германии в начале XX в. выказывала явное желание придти на смену Турции на Балканах и полностью подчинить этот район своему влиянию. Для этого надо было сокрушить главное препятствие — независимую Сербию: пользовавшуюся поддержкой России. Начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Хетцендорф в своих воспоминаниях писал: «Наиболее благоприятным моментом для окончательного разрешения сербского вопроса, то есть включения Сербии (в состав Австро-Венгрии. — *А. Б.*), был 1909 год. Мое тогдашнее предложение осуществить это решение, развязав войну, было отклонено, несмотря на проведенные уже в основном военные приготовления»[33]. Подобные планы в Вене были отложены, но от них так и не отказались, ожидая другого «благоприятного момента».

Министр иностранных дел в 1910—1916 гг. С. Д. Сазонов позднее справедливо написал: «Каждый раз, что Австро-Германская политика ударяла по славянам, она метила в Россию, стоявшую на страже как славянских, так и своих собственных, жизненных интересов на Балканах. В Вене и в Берлине отлично понимали, что без России никакого Балканского вопроса в двадцатом веке бы не было и что Сербия и Болгария уже давно перестали бы существовать, как независимые государства»[34].

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при со-

вместных усилиях обеих стран. В Берлине же твердо были уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией, Россия не может рассчитывать на дружбу Германии.

Противоречия же между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, оторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине считали, что принадлежность этих территорий рейху не может быть темой никаких обсуждений, а Париж, в самой категорической форме, требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны все политические партии и все общественные силы Французской республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрестанные воздействия на царя увенчались успехом и долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — близка к достижению. Это произошло в июне 1905 года, когда, во время свидания в финских шхерах, кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор.

Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит и война с Японией становилась бесперспективной. Внутри же страны с каждым днем множились социальные волнения. И на мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция, заключившая в 1904 г. договор с Англией, не оказала практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В правительственных кругах Петербурга царила безрадостная атмосфера.

В этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёрке (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн». Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями, в которых оказалась Россия, сделать непредусмотренный заранее шаг: предложил царю подписать союзнический договор с Германией.

Это предложение оказалось неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же, сразу возникла тема о союзе с Францией и кайзер заверил растерявшегося царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Николай II не был столь наивным, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать диплома-

тическими средствами. Император поставил свою подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре после этого события Вильгельм II, в характерной для него напыщенной манере самовосхваления, описал происшедшее. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании»,— заметил кайзер, после того как царь трижды прочитал предложенный текст. Последовал утвердительный ответ царя.

Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная Звезда», в изложении германского императора, выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал «Николай». Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей».

Свершилось! Исполнилось давнее заветное желание «Вилли». Кайзер не скрывает восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!»[35].

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению кайзера, должно было вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? В пункте первом говорилось о том, что каждая из сторон обещает, в случае нападения на другую сторону, прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее стороны обязывались не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон.

При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору.

В Бьёркском соглашении был очень важный пункт, предоставлявший России свободу дипломатического маневра. Он вступал в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого в июне 1905 г. были более чем отдаленными.

Вернувшись в Петергоф 11 июля 1905 г., царь записал в дневнике, что у него остались «самые лучшие впечатления» от встречи с Вильгельмом[36]. Русский монарх впервые испытал подобные чувства после общения с кайзером. Однако перспективе германо-русского союза не суждено было реализоваться.

После того как с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, а затем, осенью 1905 г., и премьер С. Ю. Витте, они убедили царя безусловно отказаться от договора, так как

это несомненно противоречило интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией не пойдет.

Император Николай II остался верен французскому союзнику и 13 ноября 1905 г. послал Вильгельму II письмо, где сообщал о том, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статья 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза».

Подобная постановка вопроса являлась совершенно неприемлемой для Германии и тонко задуманная интрига кайзера потерпела неудачу. Больше никаких попыток заключения русско-германского союза предпринято не было, хотя разговоры о его «желательности» или «нежелательности» не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала Первой мировой войны.

Формирование системы военно-политических коалиций не привело и не могло привести к стабильности и долговременному сохранению статус-кво. Имперские претензии ведущих мировых держав, вольно или невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие. Хотя с окончания франко-прусской войны и до самого начала XX в. на Европейском континенте не случалось военных конфликтов, но напряженность все время существовала. И главным центром опасной нестабильности все время являлись Балканы. Именно здесь в начале XX века три раза возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый такой кризис, в 1914 г., закончился мировой войной.

В 1908 г. возник «Боснийский кризис», когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально состояли в зависимости от Турции, которая в этот момент находилась в состоянии хаоса, вызванного революцией. Именно опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стало главной причиной решения венского правительства.

Обессиленная, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала состоявшуюся аннексию. Но другие страны балканского полуострова на это согласиться не могли.

Особенно сильным возмущение было в Сербии и Черногории, двух государствах, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти две страны, населенные православными, издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов в России.

Однако оказать реальную помощь своим «младшим братьям» Петербург в тот период не мог. После недавней русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы показывать силу на мировой арене. Дело закончилось устными декларациями, демонстрациями протеста и дипломатическими нотами. Когда 25 марта 1909 г. Германия предъявила ультиматум России, требуя признания аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Николай II поручил министру иностранных дел А. П. Извольскому согласиться на это требование, избежав таким образом начала мировой войны[37].

Осенью 1912 г. на Балканах разразился новый кризис, опять грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на Европейском континенте. Ей принадлежала Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония.

Турецкое иго было нестерпимым. В различных пунктах владений все время происходили возмущения, локальные восстания, которые подавлялись турецкими войсками с невероятной жестокостью. Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство». Социальные потрясения в Османской империи, ослабление власти Стамбула на местах, как и очевидная незаинтересованность великих держав в поддержке обреченной империи, объединили устремления балканских государств, решивших силой решить старую проблему.

В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага более чем 600 тысячную армию и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее войска потерпели серию поражений. К началу ноября 1912 г. турецкая армия была почти разбита, а ее остатки укрепились в 40 километрах от Стамбула.

Турция просила мира и взывала к европейским державам, которые начали выказывать признаки беспокойства. Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой были настроены антирусски, завладела Стамбулом и стала хозяином Черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить свое наступление. Австрия и стоявшая за ее спиной Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало общую тревогу.

В декабре 1912 г. воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов ведущих европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксировавшие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Но уже в июне 1913 г. в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в Первой балканской войне недолго оставались союзниками и не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз была создана коалиция против Болгарии, объединившая Сербию, Грецию, Черногорию и их «исконного врага» — Турцию. В числе союзников на этот раз была и Румыния. Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей обширные районы, территориальных уступок в свою пользу.

Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать ничего не хотели об уступках. Болгарские войска первыми напали на сербские и греческие позиции 30 июня 1913 г. В военный конфликт быстро втянулись и другие балканские государства. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре был заключен в Бухаресте мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на Юге, Западе и Севере.

Достигнутое равновесие сил на Балканах было временной передышкой, так как результаты двух войн не устраивали и самих непосредственных участников, и их менторов и покровителей в Вене, Берлине, Лондоне и Петербурге. «Балканский узел» не был развязан и европейские политики это понимали.

России удалось избежать прямой вовлеченности в балканские дела, благодаря ответственности дипломатии и позиции самого царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. Хотя, начиная с Боснийского кризиса русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать, все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций призывали Николая II вмешаться в войну! Но их призывы не возымели действия.

Несмотря на то, что войны за «турецкое наследство» не переросли в общеевропейский конфликт, напряжение на международной арене не проходило. Германия и Франция уже несколько лет реализовывали обширные программы перевооружения, Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции.

Весной 1913 г. германский канцлер Т. Бетман-Гольвег, обосновывая в Рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Глава правительства лишь повторял своего кайзера, после Первой балканской войны заявившего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли», русский царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 г. Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, выходившей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию.

Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от своих претензий на Черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия, со своей стороны, удержит Австрию от политики захватов на Балканах. Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился лишь разглагольствованиями на общие темы.

Осенью того же года, принимая в Берлине русскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром В. Н. Коковцовым, германский император без обиняков заявил, что видит «надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германской». Когда через несколько дней премьер сообщил об этом предсказании кайзера царю, то тот меланхолически заметил: «На все — воля Божия» [38].

Николай II до самого последнего момента считал, что большой войны в Европе не будет и что усилиями дипломатии, в том числе и династической, можно предотвращать опасное развитие событий. Такой заинтересованный наблюдатель как английский посол в Петербурге позже писал, что «ни разу царь не обмолвился ни одним словом, которое дало бы повод обвинять его в агрессивных намерениях против Германии. Напротив, он пользовался каждым удобным случаем, чтобы выразить свое искреннее желание жить с нею в хороших отношениях» [39].

О том, что император России не вынашивал никаких планов войны с Германией и придерживался убеждения, что подобной трагедии — лобового столкновения двух мощных империй — удастся избежать, убедительно подтверждает красноречивый, но малоизвестный факт: на счетах в берлинских банках оставались личные вклады членов царской семьи [40]. Однако общий ход мировых событий в целом мало зависел от желаний и настроений «Царя Всея Руси».

К началу 1914 г. отчетливо обозначились контуры двух противостоящих военно-политических коалиций, а среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин-Вена и Париж-Лондон-Петербург. Неизбежность войны чувствовалась всеми.

В январе 1914 г. русский посол в Токио барон Р. Р. Розен, выступая в Государственном Совете, заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непри-

миримо враждебные державы (имелись в виду Франция и Германия.— *А. Б.*) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущего, но такие чрезвычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать» [41].

Все шло так, как должно было идти и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло и летом 1914 года началась Первая мировая война.

Примечания

[1] Цит. по: *Попов И. В.* Жизнь в Букингэмском дворце. М., 1993. С. 95.

[2] *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968. С. 137.

[3] Там же. С. 146.

[4] Подробнее см.: *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975; *Рыбаченок И. С.* Брак по расчету. Н. К. Гирс и заключение русско-французского союза // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

[5] *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 18.

[6] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 172.

[7] *Лист Ф.* Международное право. Юрьев, 1909. Приложения, С. 79—95.

[8] См: *Керенский А. Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 213—214.

[9] *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. С. 24.

[10] *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894—1896. М., 1991. С. 87—88.

[11] ГА РФ. Ф. 601, Оп. 1. Д. 1111. Л. 38—38 об.

[12] *Боханов А. Н.* Романовы и Английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. М., 2000. № 3. С. 78.

[13] *Weintraub S.* Victoria. London. 1987. P. 599.

[14] См.: *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997. С. 131.

[15] Сооружение Транссибирской магистрали велось в несколько этапов и весь «русский маршрут» был окончательно завершен в 1916 г. Строительство велось одновременно с Запада и Востока. Уссурийская дорога (1891—1897), Западно-Сибирская (1892—1896), Забайкальская (1895—1900), Китайско-Восточная (1897—1901), Круго-

байкальская (1899—1905), Амурская (1908—1916). Пробный состав до Владивостока прошел в 1900 г., а регулярное сообщение (через Маньчжурию) открылось в 1903 г. Это был крупнейший экономический проект, осуществленный исключительно на отечественные средства.

[16] Записка министра финансов Витте // Красный архив. Т. 52. М., 1932. С. 92.

[17] *Игнатьев А. В.* С. Ю. Витте-дипломат. М., 1989. С. 156.

[18] *Гальперин А.* Англо-японский союз. М., 1947. С. 420—423.

[19] Из предыстории русско-японской войны. Донесения морского агента в Японии А. И. Русина (1902—1904 гг.) // Русское прошлое, Кн. 6. СПб., 1996. С. 73.

[20] Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. М., 1922, Т. 2 С. 95. *Рыбаченок И. С.* Николай Романов и К. Путь к катастрофе // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 317.

[21] Корея. Справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. Сеул, 1993. С. 102—103.

[22] Японские дневники А. Н. Куропаткина // Российский архив. Т. 6. М., 1995. С. 423.

[23] *Редигер А.* История моей жизни. Т. 1—2. Т. 1. М., 1999. С. 380.

[24] Когда через 37 лет после Порт-Артура, в декабре 1941 года, японцы так же вероломно нанесут удар по американской военной базе Пёрл-Харбор, то «Нью-Йорк таймс» и прочие американские издания будут неистовствовать по поводу «варварства» и нарушения Японией «международного права».

[25] Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 192—193.

[26] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 310.

[27] *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 252.

[28] Там же. С. 254.

[29] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 408.

[30] См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М., 1962.

[31] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 78.

[32] «Ты всегда в моих мыслях». Письма Георга V Николаю II // Источник. 1997. № 2. С. 25.

[33] *Hotzendorff von C.* Aus mainer Dinstzeit. Wein-Berlin. 1923, Vol. 2. S. 477.

[34] *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 63.

[35] *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991. С. 122.

[36] Дневники императора Николая II. С. 269.

[37] *Рутыч Н. Н.* Думская монархия. СПб., 1993. С. 66.

[38] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 188, 201.

[39] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 122.

[40] В одном из крупнейших частных банкирских учреждений Германии — берлинском банкирском доме «Мендельсон и К°» — находились счета пятерых детей Николая II. По данным на 1914 год общая сумма средств составляла 1 млн 819 тыс. 856 рублей, или почти 4 миллиона германских марок (1 марка = 46 копейкам). Деньги, вложенные в облигации прусского консолидированного займа, после начала Первой мировой были секвестрованы (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2105. Л. 10—15).

[41] *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 492.

1905 ГОД: ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ю. А. Петров

1905 год открыл в истории России эпоху революционных потрясений. XX век, по гениальному провидению Александра Блока суливший миру «неслыханные перемены, невиданные мятежи», начался для России именно с первой в ее истории революции. Широкий спектр оценок в современной исторической литературе и публицистике (от «безумной русской смуты» до «первого шага к свободе и парламентаризму») лишь подчеркивает значимость и внутреннюю противоречивость первых революционных потрясений 1905 г. для судеб нашей страны[1].

В современной историографии первой фазой Гражданской войны в России принято считать события Февральской революции 1917 г., когда четко выявилась линия социального противостояния и было положено начало эскалации насилия. Тогда в общественном сознании возникла атмосфера ненависти и вражды, и взаимное озлобление привело к потокам крови, залившим страну[2]. На наш взгляд, события революции 1905—1907 гг. стали не только «генеральной репетицией Октября», но и послужили прологом и прообразом Гражданской войны 1917—1922 гг.

Социальный взрыв в самодержавной России был сродни революциям 1848—1849 гг. в Западной Европе, обозначившим переход «старушки Европы» к новому индустриальному обществу. С опозданием на полвека в России назрели те же проблемы обновления, диктуемые растущей индустриальной экономикой и потребностями модернизации государственно-правового строя. Российскому кризису особую остроту придавало сложное переплетение как вновь возникших, так и застарелых социальных противоречий. Диспропорция между относительно развитым индустриальным сектором, внутри которого явственно обозначился конфликт между трудом и капиталом, и архаичным аграрным строем, эволюция которого по рыночной модели тормозилась правительственной властью в интересах поместного дворянства, драматический раскол между либеральной общественностью, жаждущей конституционной реформы государственного строя, и не склонным к каким-либо радикальным преобразовани-

ям авторитарным режимом стали глубинными импульсами того вулканического взрыва, который пережила Россия в 1905 г.

Едва ли не самый точный политический «диагноз» причин общенационального кризиса начала XX в. поставил в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, который, впрочем, сам немало сделал для пробуждения народного гнева. Выдающийся государственный деятель откровенно писал о вине официальной власти, не сумевшей приспособиться к новым условиям и сдержать напор народного недовольства: «В конце XIX и в начале XX в. нельзя вести политику средних веков; когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу»[3]. Именно так сложилась ситуация в России начала 1900-х годов, где самодержавная власть стремительно утрачивала авторитет как на международной арене, так и внутри страны. Не кучка революционеров-заговорщиков и либеральных «врагов престола», а само правительство стало «катализатором» революционного брожения, достигшего своего апогея в 1905 г.

Для автократической системы эта революция стала своего рода карой за неспособность дать достойный ответ на вызов времени и провести реформы, ослабляющие накал социального противостояния. Социальным «низам», вставшим на путь вооруженного сопротивления властям, она послужила крайним средством борьбы за достойные условия жизни, средством разрушительным и кровавым, но в тех условиях представлявшимся единственно возможным в отношениях с правящим режимом[4]. Своими кровавыми эксцессами революция оттолкнула от себя либеральную часть общества, но в широких слоях населения страны породила опасную иллюзию, будто насилие может стать панацеей от всех зол,— иллюзию, которая подготовила новый акт российской исторической драмы в 1917 г., когда страна очутилась на пороге Гражданской войны.

1. Накануне.

Революционный взрыв отнюдь не был фатально предопределен, альтернатива «реформа — революция» оставалась реальной вплоть до «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., но возможностью осуществить преобразования и мирным путем вывести страну из кризиса, поразившего российское общество на рубеже XIX—XX вв., власть не воспользовалась, отдав предпочтение привычным репрессивным методам.

В 1901 г. неурожай и голод охватили 147 уездов Европейской России с населением 27,6 млн человек. Это бедствие совпало с экономическим кризисом начала XX в., в результате которого численность промышленных рабочих сократилась на 200 тыс. С учетом того, что в деревне насчитывалось 23 млн избыточных рабочих рук («аграрное перенаселение»), экономическое положение народа резко ухудшилось. Ответом рабочих и крестьян стала активизация их социального протеста. В 1901—1904 гг. в России бастовало свыше 530 тыс. рабочих. Стачки охватывали большинство губерний, а в некоторых случаях (Ростов-на-Дону в 1902 г., Юг России в 1903 г.) они превращались во всеобщие. Менялся и характер рабочих выступлений: при явном преобладании экономических стачек пролетариат все чаще предъявлял и политические требования. Забастовки стали сочетаться с рабочими демонстрациями под политическими лозунгами, среди которых появился и призыв «Долой самодержавие!»[5].

Канун 1905 г. отмечен и началом новой крестьянской войны за землю. В 1900—1904 гг. произошло 670 крестьянских выступлений (за предыдущее пятилетие — всего 82). Весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях крестьяне разгромили 56 помещичьих экономий, присвоили барский инвентарь и запахали господские земли. Для «водворения порядка» были посланы около 10 тыс. солдат, которым с трудом удалось подавить стихийный протест крестьянства против извечного его антипода — дворян-помещиков. Ширилось и студенческое движение. Студенты, наиболее нетерпимые к проявлениям административного произвола, стали едва ли не самым «горючим» материалом антиправительственного движения. Попытка бороться с университетскими «бунтовщиками» отдачей их в солдаты привела к убийству эсерами министра просвещения Н. П. Боголепова (1901). Затем эсеровский террор настиг и всесильного министра внутренних дел В. К. Плеве, убитого в июле 1904 г.

Один из самых тонких наблюдателей русской жизни Л. Н. Толстой в 1902 г. точно подметил суть назревшего конфликта между властью и обществом. «Есть,— писал он,— только два выхода: первый, хотя и очень трудный,— кровавая революция; второй — признание правительствами их обязанности не идти против закона прогресса, не отстаивать старого или, как у нас, возвращаться к древнему, а поняв направление пути, по которому идет человечество, вести по нему свои народы...» В России же, по убеждению великого писателя, власть все более ведет народ к «братоубийственной бойне»[6].

Предчувствие грозных событий охватило все российское общество вплоть до самых «верхов». Министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский, как бы оправдываясь, писал своему родственнику графу

С. Д. Шереметеву: «Ведь не я же виноват, что Россия обратилась в бочку пороха?! ... Прошу тебя всем, которые на меня клевещут, что я хочу конституции, не верить. Конституции я не хочу до такой степени, что признаю необходимость реформ, дабы в скором времени не были бы вынуждены дать ту конституцию, которую потребуют. Уверяю тебя, что мы недалеки от этого, если сохраним существующий порядок управления, который довел Россию до вулканического состояния». Даже мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна требовала от венценосного сына уступок «благомыслящей части общества», пригрозив, что в противном случае уедет к родственникам в Данию и «пусть вам без меня сворачивают голову»[7].

Но Николай II, убежденный в том, что, приняв чашу самодержавной власти из рук родителя, он должен передать ее наследнику, не пролив ни капли[8], был непреклонен. «Благомыслящая часть общества» в лице российских либералов уже в течение нескольких десятилетий ходатайствовала об «увенчании здания» реформ Александра II, о введении конституционно-монархического образа правления, созыве законодательного представительного учреждения и установлении демократических свобод. Именно эти лозунги были начертаны в программах нелегальных либеральных организаций — «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения», возникших на рубеже 1903—1904 гг. Впервые открыто они прозвучали в конце 1904 г. во время так называемой «банкетной кампании», устроенной либералами по случаю 40-летия судебной реформы Александра II, когда во время ресторанных застолий либералами провозглашались тосты за конституцию и парламент[9].

Реакция императора на эти заявления, которые он считал далекими от истинных чаяний народа, была неизменной. Самодержавный властитель исходил из коренного, как ему представлялось, различия исторического пути России и Западной Европы. Могущественная империя и населявшие ее народы в его представлении могли управляться только автократическим властителем. Осенью 1904 г. Николай II признавался, что «душой переболел» над проблемой конституции и пришел к выводу, что «одно самодержавие может спасти Россию». «Мужик конституции не поймет,— заявлял он в узком кругу сановников,— а поймет, что царю связали руки, и тогда — я вас поздравляю, господа!»[10]

В громадной степени престиж династии и самодержавного образа правления в целом был подорван в результате неудачной войны с Японией. Накануне нападения японского флота на русскую дальневосточную эскадру в Порт-Артуре министр внутренних дел В. К. Плеве прямо заявил военному министру А. Н. Куропаткину, сетовавшему на недостаточную

готовность армии к войне: «Алексей Николаевич, Вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»[11]. На полях Маньчжурии русская армия славы не снискала, а череда болезненных поражений, венцом которых стало падение Порт-Артура в декабре 1904 г., вызвала всеобщую волну разочарования в военно-политических потенциях режима.

Фиаско императорской власти способствовало консолидации антиправительственных сил, формированию достаточно широкого оппозиционного фронта для борьбы с дискредитировавшей себя самодержавной системой. Осенью 1904 г. в Париже состоялась конференция революционных и оппозиционно-либеральных партий, принявших совместную декларацию. При всей несхожести программных положений и тактических лозунгов либералов и революционеров, все они сошлись на трех пунктах, для достижения которых договорились «соединить свои усилия». Ими были: уничтожение самодержавия, замена его свободным демократическим режимом и право на национальное самоопределение[12]. В ноябре 1904 г. Московская городская дума голосами либерально настроенных гласных приняла резолюцию, в которой впервые от имени официального учреждения выдвигалось требование «твердого установления начала законности» и «создания законов при постоянном участии выборных от населения»[13].

Необходимость некоторых уступок становилась очевидной и для самой власти. Николай II, по его собственному признанию, разрывался между желанием «отложить до более спокойного времени» любые шаги, чреватые отступлением от самодержавного образа правления, и боязнью из-за своего упорства «потерять все». В начале декабря 1904 г. на совещаниях под председательством императора обсуждался вопрос о политической реформе. Большинство участников, в том числе С. Ю. Витте, великие князья Александр Михайлович и Михаил Александрович высказались за «удовлетворение желаний умеренного и благоразумного общества», т. е. за конституционные уступки либералам, союз которых с революционерами, конечно, был временным и объяснялся именно непомерной твердостью правительства. В проекте указа, одобренного совещанием, содержался пункт о «привлечении местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших».

Но даже такой сравнительно безобидный призрак законосовещательного парламента не удовлетворил самодержца. Данный параграф был собственноручно вычеркнут Николаем II из текста указа, а без него весь акт 12 декабря терял смысл. Отсутствие ожидавшегося упоминания о

представительстве усугублялось указанием на «непременное сохранение незыблемости Основных законов империи»[14]. Выбор был сделан. 4 января 1905 г. П. Д. Святополк-Мирский на аудиенции попросил императора об отставке с поста министра внутренних дел, поскольку он не в силах «навести порядок в стране». Николай II отставку не принял, посоветовав министру отдать распоряжение «запретить собираться и говорить». В ответ же на недоуменный вопрос, как этого можно добиться, ведь придется «всех запереть, объявить осадное положение», царь спокойно заметил: «Ну что ж, может быть, и придется объявить»[15]. Репрессии вместо реформ — таков оказался ответ российской власти на вызов времени, ответ, фактически подтолкнувший движение страны к катастрофе.

2. «Кровавое воскресенье».

Рубиконом, разделившим правящий режим и российское общество, стало «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда войсками в Петербурге были расстреляны толпы рабочих, шедших с петицией к самодержцу. Организатор шествия священник Георгий Гапон — фигура во многом загадочная. В советские времена в нем видели лишь рядового провокатора. Несомненно, однако, что он не только «совращал» рабочих с революционного пути, но и организовывал их, заряжал энергией протеста против тяжелых условий жизни. Человек двуличный и тщеславный, он соединял в себе черты харизматического народного лидера и политического авантюриста, ставшего потом жертвой разбуженного им народного гнева (разоблаченный как провокатор, Гапон в отместку был убит эсерами в 1906 г.)[16].

Пролетарское движение вызывалось тяжелыми условиями жизни российского мастерового. Рабочий день по закону 1897 г. ограничивался 11,5 часами, но реально с учетом сверхурочных составлял 12—14 часов, средняя зарплата обеспечивала лишь скудное существование. Накануне 1905 г. правительственная инспекция отмечала, что уровень доходов рабочих «клонится к тому минимуму, при котором сносное удовлетворение жизненных потребностей становится невозможным»[17].

Главной статьей расходов городских рабочих являлось питание и жилье. У одиноких на них уходило 50—60% бюджета, у семейных мастеровых — 60—80%. Из остатка в 20—40% рабочий должен был удовлетворять все прочие потребности, в том числе высылать денег в деревню, с которой чаще всего сохранял кровную связь, имея там родственников, землю и даже собственное хозяйство. У среднего петербургского рабочего более

80% заработка шло на поддержание его физического существования. Для жилья он снимал дешевые «углы», питался в сомнительных трактирах, покупал на толкучках ношеную одежду, стараясь тем самым скопить денег для посылки родным в деревню [18].

В отношениях с работодателем прежние патриархально-попечительские отношения сменились глубоким отчуждением. Если прежде хозяин фабрики пользовался непререкаемым авторитетом как человек, дающий заработок сотням и тысячам вчерашних крестьян, то с конца XIX в. все чаще ему приходилось слышать выкрики из толпы рабочих: «Нас тут десять тысяч, а мы тебя одного кормим!» [19] В начале 1900-х годов правление хлопчатобумажной фабрики Н. Н. Коншина в подмосковном Серпухове провело специальное обследование настроений среди рабочих и пришло к неутешительному выводу, который, пожалуй, можно признать характерным для всей предреволюционной эпохи: «Социал-демократическая пропаганда настолько возбудила аппетиты, теория борьбы классов настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы понимается как грубая эксплуатация и посягательство на права пролетариата» [20].

В роли арбитра попыталось выступить правительство. По инициативе начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова с 1901 г. создавались общества взаимопомощи рабочих. Эти легальные рабочие организации действовали под контролем полиции и с ее помощью призваны были добиваться урегулирования конфликтов на предприятиях. Однако система «полицейского социализма», как прозвали изобретение Зубатова в леворадикальных кругах, не смогла сдержать роста недовольства рабочих и после серии крупных забастовок 1903 г. фактически была упразднена [21]. Переведенный в Петербург, Зубатов, однако, не оставил попыток реанимировать свое детище. С согласия и при поддержке министра внутренних дел Плеве он вошел в контакт со священником петербургской пересыльной тюрьмы Георгием Гапоном, вдохновив его на создание новой рабочей организации проправительственного толка.

Подавая в Департамент полиции просьбу о разрешении организовать «рабочее общество», Гапон писал: «...Сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнездо, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим» [22]. В феврале 1904 г. был утвержден устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». На открытии его после исполнения гимна «Боже, царя храни!» собравшиеся послали телеграмму Николаю II с изъявлением верноподданнических чувств, за что

удостоились «высочайшей благодарности»[23]. К началу 1905 г. общество насчитывало более 10 тыс. членов и являлось самой влиятельной рабочей организацией Петербурга.

«Банкетная кампания» либералов подтолкнула вождей рабочей организации к мысли присоединиться «к общему голосу всех сословий России». Сама идея петиции царю фактически была подсказана рабочим деятелями «Союза освобождения». Однако исход благонамеренной акции оказался столь трагичен, что развеял верноподданнические настроения в рабочей среде и дал волю революционной стихии, охватившей всю Россию.

В начале января 1905 г. в Петербурге забастовало более 150 тыс. рабочих. Стачка фактически охватила все предприятия столицы. В этой накаленной до предела обстановке Гапон выдвинул план подачи петиции царю от имени петербургского рабочего люда с изложением его нужд. Рабочие обсуждали не только каждый пункт петиции, но и характер будущей манифестации. Ей решили придать подчеркнуто торжественный и верноподданный характер, в петицию же включили не только ходатайства об улучшении жизненных условий (8-часовой рабочий день, повышение заработной платы и др.), но и общеполитические требования: свободы слова, печати, рабочих союзов, созыв Учредительного собрания и др. Кончалась петиция следующим обращением к царю-батюшке: «Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе... Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу,— мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее»[24].

Впоследствии многие в России недоумевали, как мог произойти этот вопиющий акт государственного вандализма, почему полиция не предотвратила опасной манифестации, как войска посмели стрелять в безоружную толпу? Фактом является то, что столкновение было подготовлено и санкционировано официальной властью. Самого императора в тот день не было в Петербурге, но воскресенье 9 января 1905 г. стало тем не менее одной из самых черных страниц в истории российской монархии.

Накануне событий в городе были сосредоточены 8 тыс. пехоты и 3 тыс. кавалерии под началом великого князя Владимира Александровича. Они встретили рабочие колонны, стекавшиеся к центру города с хоругвями и царскими портретами, и дали несколько залпов по мирному шествию. По официальному докладу Департамента полиции, «произведены были зал-

пы на Шлиссельбургском тракте, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади»[25]. Согласно правительственному сообщению, на улицах города в этот день погибло 96 и было ранено 333 человека, но число жертв было наверняка большим. По «делу 9 января» полиция арестовала также 608 «зачинщиков».

«Тяжелый день! — записал в своем дневнике самодержавный властитель России, не захотевший или не сумевший предотвратить побоище.— В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»[26]. Но запоздалые эти сетования не могли изменить ситуацию — революция в России началась, и невольным ее ускорителем стали сам самодержец и его ближайшее окружение.

Более всего официальные сферы пугало выдвижение в рабочей петиции 9 января общеполитических лозунгов, и именно они стали причиной жестокой расправы. В правительственном сообщении прямо говорилось, что «дерзкие требования политического свойства», появившиеся в петиции «рядом с пожеланиями об изменении условий труда», представляют собой «пропаганду явно революционную». К таковым были отнесены заведомо неприемлемые для власти требования Учредительного собрания и гражданских свобод, в то время как лозунги 8-часового рабочего дня и улучшения условий жизни правительство воспринимало более терпимо, рассчитывая удовлетворить их за счет работодателей. По свидетельству министра финансов В. Н. Коковцова, «это убедило бы рабочий люд в попечительном отношении к нему правительства и содействовало постепенному отдалению рабочих от революционных элементов, внушающих им, что улучшение быта рабочего может быть достигнуто только с помощью насильственных действий»[27].

Но после 9 января надежды на умиротворение рабочей массы экономическими мерами оказались явным анахронизмом. Кровь пролилась — и ответ на устроенную властями бойню не заставил себя ждать. Уже вечером 9 января в Петербурге распространялась листовка с призывом к революции: «К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины.. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное собрание народных представителей!». В городе продолжалась всеобщая забастовка — не работал ни один завод, толпа избивала военных в отместку

за устроенную властями кровавую бойню. В некоторых районах Петербурга вечером 9 января появились баррикады.

Правительство попыталось выйти из положения, устроив не состоявшуюся 9 января встречу «царя с народом». Через десять дней после «Кровавого воскресенья» Николай II принял рабочую депутацию, отобранную Департаментом полиции, и заявил, что прощает рабочим их вину, ибо знает о любви к себе простого народа, действовать который «скопом» подбили революционеры-мятежники. В заключение он пообещал пожертвовать 50 тыс. руб. для раздачи вдовам и сиротам жертв 9 января. Но было уже поздно. По оценке находившегося в Петербурге писателя Максима Горького, «престиж царя здесь убит»[28].

В январе в России бастовало 444 тыс. человек, в феврале — 293 тыс., в марте — 73 тыс. Только за один январь число забастовщиков в 10 раз превысило среднегодовой уровень предшествующего десятилетия[29]. Таков был первый результат 9 января. В течение одного месяца революции пролетарское движение проделало в своем развитии огромный путь: начавшись с мирной демонстрации, оно стремительно захватывало все новые и новые районы, ставя на повестку дня вопрос о переходе от стачек к вооруженному восстанию. Всего за первые три месяца политические требования выдвинули 206 тыс. рабочих, и большая часть политических забастовок была непосредственно связана с событиями 9 января.

Стачечная волна охватила основные экономические центры империи: в Москве в январе, по официальным, явно преуменьшенным данным, бастовало 140 заводов и фабрик, 50 тыс. человек, или треть московского промышленного пролетариата. Забастовочное движение развернулось и в Поволжье, особенно крупные волнения произошли в Саратове, где в январе всеобщая стачка продолжалась неделю. В Томске 18 января состоялась рабочая демонстрация, разогнанная казаками, причем погибло несколько участников шествия. Похороны жертв демонстрации превратились в новую манифестацию, в которой приняло участие около 2 тыс. человек.

Особенно широкий размах с первых же дней революция получила в Прибалтике, Польше и на Кавказе. В Риге после 9 января два дня проходили многолюдные демонстрации, которые пытались пресечь полиция и войска. В ходе настоящих уличных боев в городе погибло более 70 человек. В Ревеле (Таллинне) в дни всеобщей забастоки 14—15 января более 10 человек было убито, в Варшаве в результате вооруженных столкновений демонстрантов с войсками 14—16 января погибло более 100 человек, в текстильном центре Польши, Лодзи, в ходе подавления всеобщей забас-

товки, объявленной 13 января, также пролилась кровь на уличных баррикадах.

Ослабление стачечной борьбы рабочих в марте-апреле 1905 г. стало лишь временной передышкой, в обществе росло убеждение в неизбежности новых революционных взрывов в самое ближайшее время. Первомайские демонстрации, прошедшие по всей стране 18 апреля (1 мая нов. ст.), сопровождались новыми кровавыми столкновениями с войсками и полицией и привели к подъему забастовочной волны. Всего в мае бастовало 220 тыс. человек, причем более половины выдвинули политические требования.

Важнейшим симптомом политической активизации рабочих стало создание Советов уполномоченных депутатов, которые из центра руководства стачкой постепенно превращались в альтернативные властные органы. Первый такой Совет возник в мае 1905 г. в ходе забастовки текстильщиков в Иванове-Вознесенске. Рабочие поручили избранному ими Совету вести переговоры с владельцами фабрик и представлять их интересы перед городскими властями. Совет создал собственную милицию для охраны порядка, запретил на время стачки продажу в лавках крепких спиртных напитков, организовал боевую дружину и специальные комиссии (финансовую и продовольственную), распределявшие среди забастовщиков средства, собранные для них рабочими в других городах страны. По решению Совета в городе была проведена политическая демонстрация под лозунгом «Долой самодержавие!», разогнанная полицией и войсками. Иваново-вознесенская стачка показала, что рабочие готовы к прямой конфронтации с официальной властью, причем они не ограничивались критикой существующих порядков или требованиями политических реформ, а вырабатывали собственную альтернативную модель государственного управления и самоуправления.

3. Крестьянская война.

Вслед за рабочими всколыхнулось многомиллионное крестьянство, со времен реформы 1861 г. мечтавшее о «черном переделе», о «земле и воле», понимая под волей гражданские права. Власть привыкла видеть в мужике-богоносце свою массовую и наиболее преданную социальную опору, но в 1905 г. крестьянин вступил на путь открытого неповиновения и сопротивления. В январе-феврале 1905 г. власти зарегистрировали 126 крестьянских выступлений, в марте-апреле — 247, а в мае-июне — уже 791. Доминантой настроений на селе была вера в то, что скоро вся земля ста-

нет крестьянской: «Теперь все наше — и поля, и луга, и леса, все можно теперь забирать нам от владельцев — пахать землю, жать, рубить леса...»[30]. Прямой связи с рабочим движением и социалистической пропагандой радикальных партий, на которую делала упор советская историография (пролетариат во главе с социал-демократией выступает застрельщиком движения, крестьяне с некоторым отставанием следуют за ним), здесь не было. Крестьянское движение развивалось автономно и подчинялось скорее обычному «закону сезонности» (затишье во время страды), чем импульсам, идущим от городских рабочих. Российские крестьяне в основном следовали своим собственным склонностям, а не убеждениям радикальной интеллигенции или пролетариата[31].

Начались «беспорядки» в Центральном районе страны, где крестьянское безземелие было особенно острым. «Движение стало распространяться с поразительной быстротой,— доносили чины ведомства внутренних дел в Петербург,— причем нельзя было не усмотреть, что оно шло по заранее выработанному плану. Так, в каждом селении крестьяне с вечера запрягали лошадей и ждали сигнала, который подавался им... в виде пука зажженной соломы. Тогда село на подводах с криком и шумом и ружейными выстрелами бросалось на ближайшую экономию»[32].

Огромную роль в подготовке согласованных выступлений играла крестьянская община. Крестьяне разбивали помещичьи амбары, делили между собой хлеб, скот, уничтожали долговые расписки и конторские книги, сжигали винокуренные, сахарные, маслобойные заводы, а часто и господскую усадьбу. С наступлением весны они стали применять и другой способ — насильственный захват и запашку помещичьей земли. Однако в отличие от средневековой «жакерии» и беспощадного русского бунта прошлых веков выступления не сопровождались, как правило, физическим уничтожением владельцев имений. Крестьяне стремились лишь «выкурить» помещика из села, оставив за собой землю и инвентарь и предоставляя барину возможность устроиться подальше от них, в городе. Крестьянская война оказалась совсем не похожа на тот безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть правящие сферы, особенно в сравнении с теми жестокими карательными мерами, которым подвергались участники борьбы с помещиками. Восставшие продемонстрировали поистине удивительное единство целей и средств борьбы, особенно если учесть отсутствие у них общепризнанных лидеров, прочной, длительно существующей всероссийской организации и общенациональной системы связи.

Крестьянская организация всероссийского масштаба возникла летом 1905 г. в Москве, где делегаты из 22 губерний Центральной России выска-

зались за создание Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Съезд потребовал немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, объявления политических свобод, уничтожения частной собственности на землю и конфискации без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. При конфискации земли у частных собственников (помещиков) предусматривалась, как и в либеральной программе, частичная компенсация. Таким образом, крестьянская масса в лице своих лидеров впитала общеполитические установки либеральной оппозиции и революционной демократии, причем выдвинула радикальное требование ликвидации частной собственности на землю, отражавшее крестьянские представления о земле как о Божьей благодати и программные установки эсеровской партии, имевшие значительное влияние на политику ВКС[33]. К ноябрю 1905 г. он объединял около 200 тыс. членов из 27 губерний Европейской России.

Помимо штыков и розог для усмирения деревни власть пыталась применять и патерналистские методы, призванные восстановить пошатнувшуюся веру крестьян в царя-батюшку как справедливого и доброго защитника их интересов. В указе Сенату от 18 февраля 1905 г. повелевалось возложить на Совет министров принятие и обсуждение поступающих от частных лиц и учреждений «предложений по вопросам, касающимся улучшения народного благосостояния». Крестьяне горячо откликнулись на царскую милость. Повсеместно на сельских сходах принимались так называемые «приговоры» с перечнем крестьянских просьб и пожеланий. При этом вместо изъявления верноподданнических чувств крестьяне открыто выражали желание получить помещичью землю. Кроме того, деревенские сходы широко использовались революционными партиями для антиправительственной агитации и пропаганды политических требований. «Приговорной» кампании скоро был положен предел: крестьянам на сходах запретили затрагивать вопросы общегосударственного устройства, в том числе и вопрос о наделении их землей. 30 марта 1905 г. Николай II публично заявил, что помещичья собственность неприкосновенна, и призвал крестьян ждать реформ.

Осенью крестьянское движение вновь пошло на подъем. Особого размаха оно достигло в Воронежской, Курской, Пензенской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Черниговской губерниях, в Прибалтике и на Кавказе. Посланным на их усмирение войскам крестьяне оказывали вооруженное сопротивление. В октябре было зарегистрировано 219 крестьянских выступлений, в ноябре — 796, в декабре — 575. По приблизительным подсчетам Министерства внутренних дел, в 1905—1907 гг. было раз-

громлено и сожжено более 2 тыс. помещичьих усадеб, из них большая часть — осенью 1905 г.[34]

Нарастал конфликт крестьян с царской администрацией. Они отказывались платить налоги, поставлять рекрутов, а в ряде мест возникали «крестьянские республики», в которых власть всецело принадлежала самим селянам. Почти девять месяцев просуществовала основанная в конце октября 1905 г. «Марковская республика» в сел Маркове Волоколамского уезда Московской губернии. На сельском сходе был избран свой «президент», крестьяне потребовали созыва Учредительного собрания, перестали платить налоги а казну и отдавать рекрутов в царскую армию.

Таким образом, характерный для 1905 г. разлад официальной власти с российским обществом начал проникать и в сельскую глубинку. Чтобы сохранить влияние на многомиллионное российское крестьянство, правительство в ноябре 1905 г. пошло на решительную меру, отменив выкупные платежи, которые с 1861 г. являлись одним из наиболее тяжких налогов на крестьянство. Оно было избавлено от более чем 90-миллионного платежа в казну, и этот шаг, наряду с отменой круговой поруки в 1903 г., стал одним из первых в реформаторской деятельности царского правительства, направленной на смягчение социального конфликта в деревне и преобразование аграрного строя страны.

4. Мятежи в армии и на флоте.

Ростки недовольства дали обильные всходы и в армии — незыблемой прежде твердыне абсолютизма. После 9 января до июня было отмечено 34 случая массового неповиновения нижних чинов командирам, а летом и осенью 1905 г. произошло еще более 40 выступлений солдат и матросов, распропагандированных социал-демократами и эсерами. В целях борьбы с революционным движением власть все шире использовала войска. В 1905 г. «для содействия гражданским властям» было привлечено около 3,4 млн армейских чинов, тогда как в 1903 г.— 160 тыс. Однако оружие это оказалось обоюдоострым. Революционное брожение переходило в саму армию и на флот, и наиболее ярким эпизодом стало восстание на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический». События эти в очередной раз после 9 января всколыхнули всю Россию — впервые за 200-летнюю историю российского флота крупный современный военный корабль оказался в руках мятежников, призывавших к свержению существующего строя[35].

12 июня 1905 г. броненосец вышел из Севастополя в район Одессы (к Тендровской косе), где стал готовиться к учебным стрельбам. Утром 14 июня среди команды поползли тревожные слухи. Отправленные в Одессу за продовольствием матросы сообщили, что в городе идет всеобщая забастовка, началось строительство баррикад, в газетах пишут о столкновениях с войсками в Лодзи, Варшаве, о возникновении в Иваново-Вознесенске Совета рабочих депутатов, взявшего на себя властные функции. Взбудоражил потемкинцев и рассказ о том, что экономный офицер купил тухлое мясо, и в обед им предстоит хлебать щи, в которых вперемешку с капустой будут плавать черви.

Узнав, что команда отказалась от обеда, командир броненосца приказал выстроить ее на верхней палубе. Угрозы и уговоры не подействовали, и тогда был вызван вооруженный караул. Матросы решили, что «зачинщикам» грозит расстрел. Внезапно из толпы раздался возглас: «Братцы! Довольно терпеть! Ведь они хотят расстреливать наших товарищей! Бей их, извергов!»[36]. В тот же момент прогремели два выстрела: старший помощник командира убил одного из матросских вожаков — большевика Г. Н. Вакуленчука. Пролитая кровь выплеснула годами копившуюся ненависть к барину-офицеру. В одно мгновение матросы убили четырех наиболее ненавистных офицеров, а остальных арестовали в каютах. Власть на корабле перешла в руки восставших.

Николай II записал в эти июньские дни в своем дневнике: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда прибывшего туда броненосца „Потемкин-Таврический" взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится!»[37]. Из Севастополя в Одессу была вызвана вся черноморская эскадра. Командовавший ею адмирал получил из Петербурга грозное предписание: предложить команде «Потемкина» сдаться, «если же будет получен отказ, то немедленно потопить броненосец, ... дабы не дать возможности „Потемкину" открыть огонь по городу и судам. Спасающуюся команду броненосца, если будет сопротивляться, расстреливать, а остальных сдавать командующему войсками для заключения под стражу».

17 июня под Одессой произошла встреча мятежного броненосца с эскадрой, вошедшая в историю под названием «немой бой». В настороженной тишине броненосец приближался к эскадре. Никто не открывал огонь первым. Офицеры опасались, что матросы выйдут из повиновения, потемкинцы же не хотели быть зачинщиками братоубийственной бойни. С наведенными на адмиральский корабль орудиями «Потемкин» дважды пересек строй эскадры. Экипаж броненосца «Георгий Победоносец» не выдержал и поднял восстание. Матросы бросились на капитанский мос-

тик и потребовали поддержать потемкинцев, угрожая в противном случае выбросить за борт всех офицеров. Положение стало совсем угрожающим, когда начались волнения на броненосце «Синоп». Команда на время вышла из подчинения, высыпав на палубу и приветствуя братьев-матросов с «Потемкина».

«Немой бой» был выигран без единого выстрела, но что делать дальше, матросы восставших кораблей не знали. 22 июня «Потемкин» пришел в Феодосию, чтобы запастись углем и водой. Власти отказали ему, и тогда матросы попытались получить все необходимое силой, но встретили вооруженный отпор. Чтобы не сдаваться царским войскам, команда решила увести броненосец в Румынию.

25 июня 1905 г. в порту Констанца потемкинцы сдали свой корабль румынским властям, известив радиограммой «Ко всему цивилизованному миру» о своих требованиях: «Мы требуем немедленного созыва Всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права... Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание!» Свой красный флаг команда похоронила в море, а сама сошла на берег. По условиям сдачи матросы, ставшие эмигрантами, пользовались полной свободой (многие впоследствии вернулись на родину), броненосец же передавался российским властям. Мятежный корабль вернулся в состав российского флота и был переименован в «Святого Пантелеймона».

События на «Потемкине» стали еще одним ударом по престижу царской власти, в прочности позиций которой засомневались и в Европе. Русский посол в Лондоне граф А. Ф. Бенкендорф доносил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу: «По поводу недавних печальных событий, разыгравшихся в России, я должен указать вашему сиятельству, что ни одно из них — даже наши военные неудачи — не произвело на общественное мнение и, полагаю, на правительство более тягостного впечатления, чем последние одесские события и восстание на „Князе Потемкине". Впервые я увидел ясно, что здесь серьезно встал вопрос, не угрожает ли вспыхнувшая в России революция незыблемости существования правительства...»[38].

Армия и флот в конечном итоге сохранили верность официальной власти, но осенью 1905 г. было отмечено еще 195 антиправительственных выступлений солдат и матросов, причем в 62 случаях дело доходило до вооруженных столкновений. Самым масштабным оказалось восстание крейсера «Очаков» в Севастополе под предводительством лейтенанта П. П. Шмидта. Тот вошел в состав образованного в городе Совета матросских и солдатских депутатов, принявшего решение разоружить офицеров и освобо-

дить всех арестованных. Красный флаг был поднят над «Очаковым», начались волнения на «Святом Пантелеймоне», бывшем мятежном «Потемкине». Командующим революционным флотом, в составе которого насчитывалось 12 кораблей, стал Шмидт, «социалист вне партии», как он себя сам называл. 15 ноября сохранившими верность правительству 22 боевыми кораблями Черноморского флота отряд Шмидта был разбит, а сам он арестован и в марте 1906 г. вместе с тремя другими лидерами восстания расстрелян по приговору суда. Севастопольский мятеж оказался высшей точкой революционного брожения в армии, миновав которую, движение пошло на убыль.

5. «Патриотические» погромы.

Бурная политизация общественной жизни в 1905 г. активизировала не только оппозиционных либералов и революционные антиправительственные силы, но и вызвала к жизни массовое «охранительное» движение в защиту династии и монархии[39]. Зародившись в аристократических салонах Петербурга, «охранительное» течение обрело массовую опору в Москве, где вокруг газеты «Московские ведомости», возглавляемой обрусевшим остзейским бароном В. А. Грингмутом, весной 1905 г. сложилась Русская монархическая партия — предтеча всех позднейших «черносотенных» союзов и объединений.

На страницах «Московских ведомостей» монархисты признавали, что Россия нуждается во внутренних реформах. Однако эти реформы, по их мнению, не смогут принести благих плодов, «коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения». Они обещали императору полное содействие, если тот решится на применение диктаторских мер. «Когда верховная власть восторжествует над внутренней смутой и доведет войну с внешними врагами до желанного славного конца,— тогда лишь настанет время для основательных зрелообдуманных государственных реформ». При этом все будущие преобразования должны были привести к «еще большему укреплению неограниченной самодержавной власти на Руси», «возвеличению единой Православной церкви» и развитию «русской национальной идеи».

Однако благообразная по форме монархическая идея обрела весьма неприглядное обличье русского «черносотенного» погрома. Волна таких погромов осенью 1905 г., после провозглашения царского манифеста 17 октября, накрыла Россию, не укрепив, а еще более подорвав престиж благоволившей погромщикам власти. По последним данным, с 17 октября по

1 ноября 1905 г. погромы прокатились в 358 населенных пунктах, причем подавляющая их часть пришлась на Европейскую Россию (339 погромов). Погромы не были направлены против представителей какой-либо конкретной нации, но антисемитские настроения были весьма ощутимы. Антисемитский характер движения (по убеждению «черносотенцев», именно «жиды» являлись главными смутьянами и врагами трона) проявился в том, что 292 погрома, или более 80% от общего их числа, произошли в «черте еврейской оседлости». Ущерб, нанесенный защитниками «веры, царя и отечества», превышал 25 млн руб. Во время октябрьских погромов погибли по меньшей мере 1622 человека и еще 3544 были ранены[40].

Цифры эти, как и всегда при подсчете жертв массовых беспорядков, не претендуют на абсолютную точность, но дают представление о масштабах «черносотенного» бедствия, постигшего Россию в конце 1905 г. Вот лишь одно свидетельство современника, ставшего очевидцем киевского погрома: «Что из себя представлял Крещатик, я даже не могу вообразить, это был какой-то ад, где все посмешалось и подверглось разгрому. Вся улица была в дорогих коврах, перьях, валялись рояли, разбитые зеркала и домашняя утварь. Извозчику трудно даже было проехать». Из 26 еврейских магазинов на Крещатике уцелело лишь одно торговое заведение, хозяин которого догадался поставить в витрине иконы.

Нередко антисемитские лозунги помогали расправиться и с русскими по происхождению революционерами. 22 октября в Иваново-Вознесенске толпа «черносотенцев» с криками «Дайте нам евреев!» набросилась на рабочую делегацию во главе с руководителем местного Совета большевиком Ф. А. Афанасьевым, и в ходе столкновения тот был убит. В течение нескольких дней «черная сотня» являлась полной хозяйкой на улицах фабричного города, терроризируя местных революционеров.

Глубокую неприязнь «черносотенцев» вызывала сама принадлежность к интеллигенции, которую, наряду с «жидами», считали главной виновницей революционной смуты. Присяжный поверенный, врач, учитель, студент — все они вызывали праведный гнев «черносотенной» толпы. «Образованные», «ученые» в сознании крайне правых были повинны в колебании вековых устоев. Попавшийся «черносотенцам» человек «антилигентного» вида непременно подвергался издевательствам. Наиболее частыми объектами нападения становилась учащаяся молодежь. В бурном 1905 г. революционным брожением оказались охвачены учащиеся не только высших, но и средних учебных заведений. Соответственно действовала и «черная сотня», налеты которой на учебные заведения, в особенности университеты, не прекращались весь октябрь. По официальному отзыву, в ряде городов «появление семинаристов, гимназистов и в осо-

бенности студентов стало опасным, почему учащейся молодежи в форменной одежде на улицах не встречается».

Едва ли существовал какой-то единый центр, руководивший погромной волной по всей стране, как в том были убеждены представители левых партий. Видимо, те не брали в расчет монархические настроения, которые владели социальными низами в городах, считая эти слои инертной массой, не способной к самостоятельным действиям. Однако манифест 17 октября пробудил эти настроения и заставил выйти на улицы тысячи верных защитников самодержавной власти, не знавших иной формы политической активности, кроме погрома. Организованности и стойкости им, впрочем, в дни погромного дебюта явно не хватало. В дни монархических торжеств в списках добровольной охраны власти значились тысячи, но их не набралось и нескольких десятков, когда монархии угрожала реальная опасность, например, в дни декабрьского восстания в Москве, когда после октябрьской погромной волны о хоругвеносцах не было и слышно.

Местные власти, как правило, умышленно самоустранялись от противодействия погромщикам, рассматривая их действия как выражение «патриотических чувств». Полиция оказывала им содействие, используя погромы для сведения счетов с «крамольниками». Если прежде войска сдерживали активность «патриотических манифестантов», противодействовали погромному разгулу, то в конце 1905 г. вмешательство войск происходило все чаще на стороне «черносотенцев», особенно в их стычках с революционно настроенными студентами.

Русская Православная церковь осудила действия погромщиков, Синод разослал в те дни «Пастырское поучение народу православному» с призывом одуматься, не пятнать свои руки кровью. Духовные власти опровергали слухи о том, что погромы благословлены Церковью. Архимандрит Киево-Печерской лавры Антоний заявил, что распространенные по Киеву листки «великого отшельника лавры» с призывом к избиению иноверцев являются подделкой, а сам отшельник — нелепой выдумкой. Были случаи, когда представители духовенства вставали на пути «патриотических манифестаций» и даже принимали побои от ретивых защитников «вековых устоев», но все же Православной церкви не удалось остановить поток «черносотенных» погромов.

К судебной ответственности по обвинению в участии в октябрьских бесчинствах было привлечено и осуждено 1860 человек, хотя погромщиков, конечно, было в десятки раз больше. По сословной принадлежности 99% их являлись мещанами и крестьянами, но в действительности немало было и рабочих, которые, постоянно работая на фабрике, продолжали

числиться членами сельского общества. На селе не было революционных демонстраций и соответственно монархических контрдемонстраций. Из 1860 осужденных за участие в погромах 1713 были признаны достойными царского помилования, что подтверждает известный факт благоволения императора к «патриотическому» движению[41].

Погромы явились своеобразной пробой сил российской «черной сотни» на политической арене. Они показали, что сторонники неограниченного самодержавия имеют поддержку в достаточно широких слоях населения. Организационно «черносотенство» как общественное движение в поддержку правительственной власти оформилось в ноябре 1905 г., когда под предводительством А. И. Дубровина был создан Союз русского народа, пользовавшийся личным покровительством Николая II. Однако наивысшего пика стихийная активность «черной сотни» достигла еще ранее, в ходе октябрьских погромов.

6. События в Москве: от января к декабрю.

Революционный взрыв 9 января грянул в северной столице, но с лета 1905 г. эпицентр движения все более смещался в Москву. Прямым ответом на кровавое побоище в Петербурге стал террористический акт эсера Ивана Каляева, в феврале 1905 г. взорвавшего в Кремле экипаж московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дяди императора Николая II, женатого на сестре императрицы, великой княгине Елизавете Федоровне. Взрыв бомбы оказался столь силен, что тело генерал-губернатора было буквально разорвано в клочки. В Москве по поводу гибели нелюбимого царского наместника ходила сомнительная шутка: «В первый раз великому князю пришлось раскинуть мозгами». В ней отразилась атмосфера эпохи террора, когда ненависть становилась доминантой общественных отношений.

Священник Сергей Фудель достоверно передал умонастроения, овладевшие тогда всеми слоями российского общества: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или иной партии и даже не голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастырь церкви я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть — ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Она растет с каждым часом: у одних — к существующим порядкам, у других — к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой...»[42] Редкий по тому времени пример христианского пове-

дения явила великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого генерал-губернатора Москвы, которая посетила убийцу мужа в тюрьме, просила судей не лишать его жизни (правда, к ее мнению не прислушались, и Иван Каляев был казнен). Позднее Елизавета Федоровна приняла монашеский постриг и на собственные средства основала Марфо-Мариинскую обитель в Москве.

Однако в условиях разгоравшейся российской смуты основным вектором общественного движения становилось ожесточение противоборствующих сил. Весной-летом 1905 г. кристаллизовалась либеральная оппозиция, в Москве прошли съезды земцев-конституционалистов, на которых оформилась программа и тактика либералов. В мае либеральная фракция Московской городской думы представила доклад «Об основах организации народного представительства в России», в котором выдвигался лозунг всеобщего избирательного права. В ответ на опасения, что в будущий парламент попадут «революционные элементы», московские либералы благодушно замечали, что «присущий народу здоровый консерватизм, как свидетельствует вековой опыт, приводит к тому, что люди более расположены переносить бедствия, пока они не сделаются нестерпимыми, чем разрушать привычные им формы жизни»[43]. Однако либеральные центристы, склонные в тот период к союзу с леворадикальными силами для совместного давления на власть, явно просчитались с надеждами на «народный консерватизм».

По мере развития событий становилось очевидным, что дело идет к всеобщему вооруженному выступлению рабочих под руководством леворадикальных партий, взявших курс на насильственное изменение государственного строя. Уже в мае 1905 г. в Москве была создана боевая организация большевиков, занимавшаяся приобретением оружия, формированием отрядов-дружин, изучением тактики уличных боев. Был открыт пункт сбора денежных средств на оружие, и в числе главных жертвователей оказались Максим Горький, внесший 15 тысяч рублей, известный «красный фабрикант» Савва Морозов (20 тыс.) и владелец мебельной фабрики и революционер по убеждениям Николай Шмит (15 тыс.). Красноречиво звучали и заглавия нелегально издаваемых брошюр: «Технология взрывчатых веществ», «Тактика уличного боя» и т. п. Идеи революционного насилия завоевывали все больше сторонников среди учащейся молодежи. Московский университет стал главной политической трибуной приверженцев вооруженного восстания, а Императорское высшее техническое училище и реальное училище Фидлера превратились в штабы технической подготовки выступления[44].

С другой стороны, набирало силу и проправительственное движение, объединявшееся вокруг газеты «Московские ведомости». В марте 1905 г. главный ее редактор барон В. А. Грингмут призвал «всех истинно русских людей» выступить на борьбу с революционной крамолой, поддержав монарха и существующий государственный порядок. На стороне «черной сотни», придерживавшейся охранительно-националистической ориентации, выступила значительная часть рабочих, не разделявших революционно-социалистических идеалов. Противостояние революционной «красной», как называли ее современники, и охранительной «черной» сотни до декабря 1905 г. стало лейтмотивом общественного противоборства в Москве.

После заключения Портсмутского мира с Японией и издания закона 6 августа 1905 г. о созыве Государственной Думы с законосовещательными функциями («Булыгинская дума») волна социального противостояния не спала, а, против ожидания власти, взметнулась на новую высоту. «Мир заключен,— говорилось в одной из большевистских листовок того периода,— но только с Японией. К счастью, не заключен еще мир в другой войне, которую ведет Россия,— в войне русского народа с царским правительством. Эта война теперь только разгорается...»[45] В конце сентября забастовали рабочие крупнейшей московской типографии И. Д. Сытина, и их выступление послужило прологом всероссийской политической стачки. «Сытинцев» поддержали московские печатники, в городе перестали выходить газеты.

Тверская улица в районе Страстного монастыря превратилась в площадку политических митингов, во время которых происходили столкновения забастовщиков с полицией. 24 сентября для разгона митингующих впервые была привлечена армия — залпы воинских команд (первый — холостыми патронами, следующие — боевыми) оставили на мостовой первые трупы... На следующий день произошло выступление пекарей Филиппова, чья булочная располагалась напротив дома московского градоначальника. В ходе настоящего побоища с казаками несколько человек были убиты, более 180 «филипповцев» арестованы.

К концу сентября бастовала почти половина московских рабочих, остановился городской транспорт, вновь перестали выходить газеты. Уличные столкновения с полицией и войсками перерастали в настоящие сражения, с обеих сторон насчитывались десятки жертв. В рабочей среде возникли Советы. Поначалу это были координирующие стачечные органы, затем они стали приобретать характер альтернативных властных структур. Москва, как и вся Россия, все более раскалывалась на непримиримые враждующие лагери — революционный и правительственный. По-

стоянным рефреном полицейских сводок о событиях в городе стала фраза: «Сходка закончилась требованием изменения существующего государственного строя и криками „Долой самодержавие!"» [46]

Своего пика забастовочная атака на правительство достигла в начале октября, в дни всероссийской политический стачки. К 10 октября забастовали железнодорожники всех магистралей, идущих от Москвы; в течение следующей недели к ним присоединились рабочие промышленных предприятий и почтово-телеграфные служащие. К 14 октября в городе закрылись магазины и рестораны, перестал действовать водопровод, остановились электрические станции, бездействовал телефон и городской транспорт, закрылись биржа и банки, аптеки, театры и даже окружной суд. Жизнь Москвы оказалась полностью парализованной.

14 октября Петербургский градоначальник Д. Ф. Трепов разослал на места известную телеграмму с приказом вооруженной силой подавлять любое антиправительственное выступление: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть» [47]. Однако справиться с забастовкой подобными методами было невозможно. Специально командированному из Петербурга железнодорожному батальону не удалось даже восстановить железнодорожное сообщение с первопрестольной, не говоря уже о других сферах муниципальной жизни. «Забастовка дорог,— телеграфировали в Петербург московские власти,— создала безвыходное положение и грозит катастрофой» [48].

Деловая жизнь торгово-промышленной Москвы замерла. Под воздействием транспортных забастовок, как писали в прессе, «большие банки ограничиваются в лучшем случае продолжением кредитных дел с старыми клиентами, среднее купечество находится в плачевном состоянии, чем объясняется волна банкротств, особенно много их в Москве по мануфактурной части...» [49] Вместо зазывных криков торговцев на улицах все чаще стали звучать выстрелы — ширились стычки между революционерами и полицией, действовавшей вкупе с «черносотенцами». На заводе Ю. Гужона «красные» дружинники напали на отряд «черной сотни», сформированный из рабочих того же предприятия, причем погибло несколько человек. Толпа революционно настроенных участников уличных митингов разгромила помещение редакции газеты «Русское дело», издававшейся одним из идеологов «черносотенного» движения С. Ф. Шараповым. Отряды же черносотенцев, вооруженные ножами и револьверами, установили настоящий террор в городе, заблокировав 15 октября в здании университета на Моховой свыше 2,5 тысяч митингующих. Покинуть осажденное здание студентам и членам боевых дружин удалось лишь к вечеру следующего дня.

Руководство московской большевистской организации попыталось воспользоваться ситуацией, чтобы добиться перехода власти в городе в свои руки. Городской думе в обмен на гарантию защиты от черносотенных погромов предлагалось сложить свои полномочия, передав властные функции Совету из представителей революционных организаций и партий. Совет призван был заменить полицию находившимися под его контролем отрядами городской милиции, которых предлагалось вооружить за счет города. Московский муниципалитет тем не менее отверг это предложение, справедливо полагая, что оружие радикально настроенным «милиционерам» нужно не столько для борьбы с «черносотенцами», сколько для вооруженного сопротивления официальной власти [50].

Манифест «Об усовершенствовании государственного устройства», подписанный Николаем II 17 октября 1905 г., послужил водоразделом событий — самодержавие пошло на явную уступку чаяниям либеральной общественности, дотоле молчаливо поддерживавшей политическое движение рабочих. Манифест возвещал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», созыв законодательной Государственной Думы и расширение круга избирателей. Декларируя основы конституционного образа правления, император вместе с тем настаивал на прекращении революционной анархии: «Повелеваю подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий...» [51]

Разрешенная манифестом организация легальных политических союзов способствовала рождению двух основных либеральных политических партий дореволюционной России — конституционно-демократической (кадетской) и «Союза 17 октября» (октябристской). Обе партии конституировались на учредительных съездах в Москве в конце октября — начале ноября 1905 г. При всех программных и тактических различиях кадетскую и октябристскую партии объединяла в тот момент оценка манифеста 17 октября как желанного итога деятельности либеральной оппозиции и неприятие открытого вооруженного противостояния власти. Один из духовных вождей русского либерализма П. Б. Струве в те октябрьские дни 1905 г. полагал, что «с введением конституционного строя, как бы несовершенен он ни был, не только должны радикально измениться методы политической борьбы, именно став открытыми и легальными, но открылась возможность положительного сотрудничества либеральных слоев общества с правительством в деле реформ» [52].

К той же мысли склонялись и представители либеральных предпринимательских кругов, устами московского промышленника и банкира

П. П. Рябушинского выразивших готовность к политическому компромиссу с режимом. «До 17 октября,— говорил впоследствии Рябушинский, вспоминая несбывшиеся надежды,— она (буржуазия.— *Ю. П.*) в громадном большинстве была настроена оппозиционно. После 17 октября, считая, что цель достигнута, буржуазия стала сторониться пролетариата, а потом перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство, и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная»[53]. Однако в октябрьские дни 1905 г. либеральные круги переполняла эйфория по поводу союза с обновленной властью.

Развернувшиеся вскоре события показали, что надеждам либералов на скорое умиротворение страны под влиянием манифеста и перехода правительства к сотрудничеству с общественностью не суждено было сбыться. Сдержать волну революционного экстремизма не удалось ни правительству, ни фактически блокировавшимся с ним либералам. 18 октября в здании биржи на Ильинке состоялось торжественное собрание, на котором по предложению промышленника С. И. Четверикова была провозглашена здравица в честь императора, который «благо страны поставил выше прерогатив своей власти». Одновременно в консерватории на Большой Никитской проходил революционный митинг, об атмосфере которого современник оставил емкое, но весьма выразительное свидетельство: «В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом „На вооруженное восстание". На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом»[54].

В тот же день «черносотенцами» был убит один из руководителей большевистской организации в Москве Н. Э. Бауман. По случаю объявления манифеста по Москве прокатилась волна «патриотических» демонстраций с участием тысяч рабочих, ремесленников, мелких торговцев, приказчиков и т. п. С хоругвями, иконами, царскими портретами и пением «Боже, Царя храни» манифестанты призывали встречных присоединяться к шествию. Не снявших шапку и отказывавшихся петь царский гимн, особенно студентов и вообще лиц «интеллигентской» наружности, избивали, а открыто выражавших свои революционные симпатии, подобно Бауману, забивали до смерти.

Ответ последовал незамедлительно. Похороны Баумана 20 октября в Москве превратились в грандиозную демонстрацию революционных сил. Более 30 тыс. человек шли в траурной процессии за гробом, который охраняла боевая дружина. Особая депутация муниципалитета во главе с городским головой кн. В. М. Голицыным ходатайствовала перед московским генерал-губернатором, чтобы полиция и войска не чинили препятствий похоронному шествию. Однако, несмотря на данное обещание, избе-

жать новых стычек не удалось. Вечером более тысячи возвращавшихся с похорон студентов были остановлены «черносотенной» манифестацией возле университетского здания на Моховой. Студенты дали по манифестантам залп из револьверов, а в ответ открыли огонь казаки, размещенные на постой в Манеже. В результате 6 студентов были убиты и более 60 ранены [55]. В последующие дни, 21—22 октября, город фактически оказался во власти «черной сотни», которая терроризировала население и даже предприняла нападение на аудиторию университета, где находились раненные в стычке с казаками студенты. С трудом боевой дружине университета удалось отбиться от «хоругвеносцев».

По решению социал-демократических организаций всеобщая политическая стачка 22 октября была прекращена, но движение за вооруженное восстание приобретало все новых сторонников, тем более что в тот же день был опубликован указ об амнистии за политические преступления, благодаря чему в революционную армию влились новые значительные отряды освобожденных из тюрем революционеров. Политическая поляризация, выделение крайних радикальных течений, как левых, так и правых, обрело в Москве зримые организационные формы. К концу 1905 г. в городе насчитывалось около 5 тыс. членов социал-демократической партии (большевиков и меньшевиков) и от 1,5 до 3 тыс. эсеров, которым противостояли 12 тыс. членов и примыкающих к правым и «черносотенным» организациям. Довольно многочисленна была и либерально-центристская группировка в лице московских кадетов (8,5 тыс. человек) и октябристов (10 тыс.), однако у основной массы москвичей либеральные лозунги поддержки не находили [56].

Под воздействием агитации левореволюционных партий идея насильственного свержения монархии овладевала все большим числом московских рабочих. В ноябре стал регулярно собираться Московский совет рабочих депутатов как антитеза официальной власти. Смыслом его деятельности стал призыв к пролетариату «с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием...» [57]

Толчком к открытому выступлению в Москве послужил арест 3 декабря 1905 г. всего состава Петербургского совета рабочих депутатов во главе с Л. Д. Троцким. Арестованы они были в ответ на публикацию в прессе так называемого «Финансового манифеста» Петербургского совета, Всероссийского крестьянского союза и революционных партий. Манифест был по сути прямым вызовом правительству, имея целью спровоцировать государственное банкротство и крушение всей системы денежного обращения. Население радикальными партиями призывалось не платить пода-

тей казне, требовать выдачи заработной платы не бумажными деньгами, а золотой монетой, чтобы истощить золотой запас Государственного банка, изымать вклады из государственных сберегательных касс, требуя их выдачи тоже золотом. Под манифестом стояла подпись и Московского совета рабочих депутатов[58].

На заседании его исполкома 4 декабря в ответ на арест питерских товарищей было решено, что «московскому пролетариату нужно быть готовым к активному выступлению». Еще за несколько дней до объявления всеобщей забастовки на митингах и собраниях все громче раздавались призывы к вооруженному противоборству с режимом. При этом решение о начале восстаний принимали не высшие партийные органы социал-демократов или эсеров, а сами рабочие. Непосредственное руководство борьбой, по решению Моссовета, принадлежало районным Советам «ввиду трудности поддерживать связь с центральным органом»[59].

Революционное брожение нарастало и в частях московского гарнизона, что давало рабочим надежду на поддержку восстания армией. В первых числах декабря солдатские митинги проходили в расквартированных в Москве Перновском, Несвижском и Ростовском полках. Солдаты требовали сменить полковых командиров, отличавшихся жестоким обращением с нижними чинами, допускать в казармы газеты, улучшить довольствие и т. п. 3 декабря дело дошло до открытого неповиновения солдат Ростовского полка. Лишь с помощью ареста зачинщиков и обещаний улучшить положение солдат командованию удалось загнать «ростовцев» в казармы, окружив их верными правительству драгунами. Переход частей гарнизона на сторону революционеров удалось, таким образом, предотвратить, но рабочие все же решились на самостоятельное выступление.

7 декабря вышел первый номер «Известий Московского совета рабочих депутатов» — единственного на тот момент печатного органа в городе, поскольку другие газеты из-за стачки не выходили. На первой странице «Известий» было помещено заявление: «Московский совет рабочих депутатов, Комитет (большевики) и Группа (меньшевики) Российской социал-демократической рабочей партии и Комитет партии социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Рубикон был перейден — революционные партии объявили войну правительству. Один из лидеров эсеровской партии В. М. Зензинов на заседании Московского совета 7 декабря прямо заявил: «Революция и правительство — как два человека, нацелившихся уже один в другого из пистолета. Весь вопрос в том, кто первый нажмет на собачку»[60]. Надо сказать, что

именно эсеры пользовались наибольшим влиянием в рабочей среде Москвы. На Пресне, ставшей цитаделью движения, безусловными лидерами считались эсеры М. И. Соколов (кличка «Медведь»), а также Н. И. Ривкин, В. Я. Зоммерфельд («Мартынов»), С. Г. Мухина («Пчелка») и лишь один большевик — З. Я. Литвин («Седой»). Эсеры участвовали в вооруженных выступлениях во многих местах Москвы, активнее всего — на Пресне, где почти все дружины были эсеровскими[61].

Ситуация в целом благоприятствовала повстанцам, так как московские власти были явно дезорганизованы и не готовы к серьезному сопротивлению. Еще в конце ноября председатель Совета министров С. Ю. Витте докладывал Николаю II: «В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора»[62] (25 ноября им был назначен генерал-адъютант Ф. В. Дубасов). Кризис власти затронул и муниципалитет — в конце октября сложил с себя полномочия городской голова князь В. М. Голицын, на место которого был избран Н. И. Гучков, родной брат основателя партии октябристов. Чувствуя бессилие перед революционной стихией, подал в отставку и московский градоначальник Г. П. Медем, но Николай II, чтобы не оставить московскую полицию без руководства в критический момент, прошение Медема отклонил.

В начале декабря в городе забастовало более 150 тыс. рабочих фабрик и заводов, железных дорог, служащих различных учреждений, в том числе муниципальных, в результате чего полностью прекратила работу городская управа. Вновь остановились поезда, погасло электрическое освещение, перестали выходить газеты.

Первые два дня после объявления всеобщей стачки события развивались мирно — войска и полиция оружия не применяли. Однако вечером 8 декабря они окружили театр в саду «Аквариум», где проходил революционный митинг. Воинские части были обстреляны эсеровской боевой дружиной, многие из участников митинга арестованы. На следующий день уличные стычки разгорелись в полную силу. Утром 9 декабря произошло столкновение у Страстного монастыря, где боевая дружина, вооруженная револьверами и бомбами-«македонками», завязала перестрелку с группой черносотенцев и пришедшими к ним на подмогу драгунами. Вечером на том же месте драгуны залпами в упор расстреляли митингующих рабочих. «Есть убитые и раненые,— сообщал петербургскому знакомому находившийся в Москве М. Горький,— сколько? — неизвестно. Но, видимо, много. Вся площадь залита кровью, пожарные смывают ее»[63]. В тот же день артиллерия обстреляла здание Реального училища Фидлера, где проходило собрание дружинников-боевиков, причем несколько человек было убито. Полиции при поддержке воинских частей удалось задер-

жать часть собравшихся на улице, где они подверглись нападению драгун; большинству же удалось скрыться с места событий.

Однако для предотвращения вооруженных выступлений сил у московских властей было явно недостаточно. По свидетельству прибывшего в Москву Дубасова, лишь треть московского гарнизона была вполне надежна, а остальные две трети сильно затронуты революционной пропагандой. Фактически власти могли положиться лишь примерно на 2 тыс. солдат. Полиция же проявила полную беспомощность в столкновениях с вооруженными боевиками, и в первые дни восстания множество городовых было разоружено прямо на улицах. Чтобы избежать подобной участи, полицейские переодевались в штатское платье. Правда, полиции удалось арестовать почти всех членов Московского комитета большевиков. По мере разрастания восстания ослабла и связь Моссовета с районами, движение оказалось разрозненным и руководилось фактически районными Советами.

К 10 декабря восстание стало свершившимся фактом. Баррикадами, воздвигнутыми стихийно, без санкции революционных партий или Совета рабочих депутатов, покрылись Пресня, Замоскворечье, Бутырки, Миуссы, Лефортово, Симоновка, Сокольники. Первая баррикада была построена в ночь на 10 декабря на углу Тверской и Садовой улиц. В последующие дни они строились по Садовому кольцу, на Долгоруковской улице и во многих других местах города. Основанием баррикады часто служили поваленные телеграфные столбы, сверху на них валили все, что попадалось под руку: бочки, ворота, доски, даже вагоны конки и трамвая. Строились эти уличные заграждения не столько членами боевых дружин, сколько простыми москвичами, которые с их помощью защищались от тех самых войск, которые призваны были оберегать их от революционеров, а на деле стреляли из пушек по мирным домам, били и расстреливали всех попавшихся под руку, не разбирая правого и виноватого. Поэтому особенно в первые дни восстания население Москвы было настроено по отношению к революционерам скорее сочувственно, нередко воспринимая их как защитников от произвола официальной власти.

Войскам и полиции на улицах города противостояли около 1600—1700 вооруженных револьверами дружинников. Кроме того, в боевых действиях участвовало еще около 6 тыс. безоружных студентов и рабочих[64]. Наиболее организованными и дееспособными являлись партийные дружины большевиков (500—600 человек), меньшевиков (около 250 человек) и особенно эсеров (300 человек). Помимо них действовали беспартийные дружины общей численностью в 500—600 человек: «университетская», «типографская», «железнодорожная» и даже «кавказская», сформированная

из студентов и боевиков с Кавказа. Единого руководящего центра фактически не существовало, несмотря на то, что в октябре 1905 г. был создан коалиционный совет дружин.

В первый момент численный перевес был явно на стороне восставших. Под их контролем оказалась значительная часть города за пределами Садового кольца, тогда как за правительственной властью оставались центральные районы. «Мы начнем с окраин,— говорилось в одном из документов Боевой организации московских большевиков,— будем захватывать одну часть города за другой»[65]. Тактика эта не являлась секретом и для правительства. «Путем баррикад они хотят разъединить город на отдельные кварталы,— доносил министр внутренних дел П. Н. Дурново главе кабинета Витте,— и, препятствуя таким образом доступу войск в отдельные районы, захватить постепенно город»[66]. То была война хижин против дворцов, наступление рабочих слободок на благополучный дворянско-буржуазный центр города. План восставших заключался в том, чтобы отрезать центр от окраин, сжимая кольцо баррикад, принудить официальную власть к капитуляции.

Собственных сил, чтобы помешать осуществлению этих замыслов, у московских властей не хватало. «Положение становится очень серьезным,— телеграфировал Дубасов в Петербург 12 декабря,— кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты». Не рискуя оставить войска московского гарнизона в казармах, где они подвергались усиленной агитации со стороны революционеров, Дубасов распорядился стянуть имеющиеся в его распоряжении силы в центр города, разместив воинские команды в Кремле, Манеже и даже, несмотря на сильный мороз, под открытым небом на Театральной площади[67].

Борьбу с дружинниками осложняла и применявшаяся ими партизанская тактика. Представление о ней дает упомянутый документ Боевой организации большевиков под названием «Советы восставшим рабочим», опубликованный 11 декабря в «Известиях Московского совета рабочих депутатов». Дружинникам рекомендовалось не действовать толпой, разбиваясь на летучие отряды из 3—4 человек, которые могли бы быстро скрыться после нападения на войска и полицию. Боевики не должны были занимать укрепленных позиций на баррикадах, которые легко было разрушить артиллерией, не скапливаться на митингах, уметь исчезать через проходные дворы. Членам дружины предлагалось не трогать по возможности солдат, чтобы привлечь их на свою сторону, но в отношении остальных противников приговор был суров и беспощаден: офицеров «безусловно убивайте», «казаков уничтожайте без пощады», высших по-

лицейских чинов «при всяком удобном случае убивайте» (городовых рекомендовалось просто разоружать). Даже дворникам, не исполнившим приказ дружинника не запирать ворота, грозила та же кара: «Если кто не слушает, в первый раз побейте, а во второй — убейте». Полное пренебрежение к человеческой жизни, свойственное психологии гражданской войны, доносит до нас этот памятник трагической эпохи, когда убийства оправдывались высокой целью построения будущего счастливого общества. «Мы докажем,— обращались авторы к рабочим,— что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свобода и права каждого будут ограждены более, чем теперь» [68].

На улицах древней столицы между тем разгоралась настоящая битва революционеров с правительственными силами, в которой, заметим, почти не участвовали столь активные недавно «черносотенцы», явно не готовые к открытой вооруженной борьбе. Горький в очередном письме в Петербург так описывал декабрьские события в Москве: «Сейчас получил сведения: у Николаевского вокзала площадь усеяна трупами, там действуют 5 пушек, 2 пулемета, но рабочие дружины все же ухитряются наносить войскам урон. По всем сведениям, дружины терпят мало — больше зеваки, любопытные, которых десятки тысяч. Все сразу как-то привыкли к выстрелам, ранам, трупам. Чуть начинается перестрелка — тотчас же отовсюду валит публика, беззаботно, весело. Бросают в драгун чем попало, все, кому не лень... Вообще — идет бой по всей Москве. В окнах стекла гудят» [69].

«Линией фронта» в первые дни, как отмечалось, служило Садовое кольцо, затем бои локализовались в западной части города, в районе Пресни. Упорные сражения происходили и в Замоскворечье, где отличились рабочие типографии Сытина. Напуганные боевиками, войска действовали с особым ожесточением. «Идешь, а у тебя все кишки переворачиваются,— вспоминал один из участников подавления восстания,— так и смотришь: окон много, а из которого в тебя пальнут,— не знаешь... Другой раз покажется — скомандуешь стрелять и лупишь в дом, а там, может, и ни одного дружинника-то нет... На войне ничего подобного люди не испытывают» [70].

Действительно, в отличие от обычной, в этой уличной, гражданской по сути войне боевые действия разворачивались среди собственного мирного населения, ставшего главной жертвой патологического ожесточения обеих враждующих сторон. Не имея возможности распознать дружинников среди городских обывателей, солдаты иной раз готовы были стрелять просто в толпу, несмотря на то, что там находились женщины и дети. Во время декабрьских событий было отмечено несколько случаев самоубий-

ства офицеров, причем офицеров боевых, вернувшихся с полей Маньчжурии, которые не в силах оказались вынести кошмара уличных боев в родной Москве.

Но были и иные командиры, которые пугали солдат жестокостью боевиков, якобы выкалывающих пленным глаза, подпаивали нижних чинов водкой «для храбрости». Нередки в этой истерической обстановке пьяной вседозволенности были случаи, когда солдатские патрули упражнялись в стрельбе по случайным прохожим или стреляли в спину обысканным и как будто отпущенным мирным жителям. Практиковался и такой невиданный доселе в России способ «успокоения», как пальба шрапнелью по уличной толпе. Мостовые после таких залпов оказывались в буквальном смысле залитыми потоками крови. С наступлением темноты город словно вымирал, многие предпочитали не выходить из домов и даже спали в одежде на случай, если придется срочно покидать жилище при обстреле дома войсками.

Не меньший страх вызывали действия дружинников, осуществлявших террор на улицах, в особенности в отношении полиции, казаков и драгун. Лишь один пример: 12 декабря возле Горбатого моста на Пресне вооруженными дружинниками был задержан околоточный надзиратель Сахаров, труп которого спустя двое суток выловили в Москве-реке. На теле полицейского судебные эксперты насчитали 19 огнестрельных ран — по всей видимости, околоточного расстреливали все члены дружины. Подобным же образом был сначала задержан, а затем убит начальник московской сыскной полиции (уголовного розыска, по современной терминологии) Войлошников, в которого стреляли 11 раз. После задержания его сначала привели на Прохоровскую мануфактуру, где по настоянию одного из большевистских лидеров восстания Литвина («Седого») приговорили к смертной казни, несмотря на протесты со стороны меньшевиков. Боевики явно перепутали сыщика с жандармом. Дав проститься с родными, Войлошникова расстреляли тут же, во дворе Трехгорки[71].

В эти дни анархии с лучшей стороны проявила себя Городская дума, вставшая на защиту мирных жителей. На экстренном совещании думских гласных 13 декабря глава муниципалитета Н. И. Гучков призвал «отцов города» способствовать возобновлению работы благотворительных учреждений и организации санитарно-медицинской помощи населению, пострадавшему в вооруженных столкновениях. Под давлением Гучкова Дубасов издал приказ не стрелять из пушек по домам в ответ на одиночные выстрелы. Артиллерийскому обстрелу могли подвергаться только те здания, в которых обнаруживали революционеров, причем из этих домов должно было быть эвакуировано мирное население. Генерал-губернатор

в ответ на запрос Городской думы сообщил также, что всем патрулям и заставам строго внушено не трогать мирных жителей и только при необходимости производить их обыск. Дубасов отдал распоряжение, чтобы медицинская помощь оказывалась на улицах города всем пострадавшим, независимо от того, к какой партии они принадлежат. По настоянию городского головы 15 декабря при генерал-губернаторе Москвы был создан совет с участием представителей органов городского самоуправления для контроля за происходящим в городе [72].

И усилия эти стали приносить плоды: 15 декабря 10 фабрик в Замоскворечье и городская типография возобновили работу, на полную мощность стал действовать газовый завод, рабочих которого городской голова убедил в бессмысленности и крайнем вреде для москвичей продолжения их забастовки. Дума приняла постановление о принятии всех возможных мер к обеспечению населения Москвы продовольствием. Некоторые рабочие обратились в Думу с предложением сдать оружие, но заключительный акт декабрьской драмы был еще впереди.

Восставшие контролировали все железнодорожные линии, кроме Николаевской дороги, связывавшей Москву с Петербургом. Именно по ней в мятежную столицу были переброшены Семеновский и Ладожский полки, прибытие которых 15—16 декабря перевесило чашу весов в пользу правительства. В канун переброски войск Москва, по описанию очевидца, представляла ужасающую картину: «Канонада не смолкает. Грохочут пушки, трещат пулеметы, в воздухе свистит шрапнель. Бой еще в полном разгаре. Пали уже сотни, а может быть и тысячи жертв, по всем улицам валяются трупы, переполнены все мертвецкие и больницы... Быстро редеющие ряды революционеров, расстреливаемых буквально, как птицы, ежеминутно пополняются новыми и новыми силами. Боевая дружина превратилась в какую-то многоголовую гидру: вместо каждой отрубленной головы у нее вырастают две новые. Четыре дня уже по всем центральным улицам идет почти беспрерывная ожесточенная резня, каждый час выбрасываются сотни жертв; однако сейчас у революции под руками едва ли не больше народа, чем было четыре дня назад. Замечательное мужество обнаруживают, между прочим, женщины. Простые женщины — жены рабочих — работают на баррикадах наравне с мужчинами. Они неутомимы; они тоже подпиливают деревья, сокрушают телеграфные столбы, громят киоски, разбивают коночные вагоны, строят баррикады, заграждения, защищают их и стоят против пушек и пулеметов. Канонада гремит по всей центральной части города» [73].

Получив подкрепление из Петербурга, Дубасов перешел в решительное наступление. Семеновцам и ладожцам удалось расчленить силы вос-

ставших и поодиночке загасить очаги вооруженного сопротивления. В ходе боев погибла в пожаре подожженная драгунами типография И. Д. Сытина, в которой печатались «Известия Московского Совета рабочих депутатов». Дольше других держалась Пресня — фабричный район вокруг знаменитой Трехгорной мануфактуры, где концентрировались главные силы московских дружинников. Взаимное ожесточение противников и масштаб разрушений превзошли здесь все уже пережитое Москвой. Но жертв могло оказаться гораздо больше, если бы не самоотверженная деятельность городского головы Н. И. Гучкова.

Вечером 16 декабря ему стало известно, что на 5 часов утра следующего дня по приказу Дубасова намечен артиллерийский обстрел Пресни. Городской голова обратился к генерал-губернатору с просьбой перенести обстрел на 12 часов дня, чтобы вывести из-под огня женщин и детей. Тот поначалу отказал, ссылаясь на то, что «если дать отсрочку и предупредить, революционеры разбегутся». «Но если бы были одни революционеры, ведь там много заблуждающихся,— настаивал Гучков.— Много невиновных погибнет, если расстреливать начнем без предупреждения. Ведь это наши сограждане! Это будет безумное кровопролитие, ответственность за которое на нас, на вас, на всех распространится!» Уступая голосу разума, генерал-губернатор отдал распоряжение командиру Семеновского полка полковнику Г. А. Мину «оказать женщинам и детям, находящимся в районе Пресненской части, подлежащем очищению, содействие к удалению их из опасных для их жизни жилищ». Однако приказ этот запоздал: утром 17 декабря семеновцы, начавшие разбирать баррикаду у Горбатого моста, были обстреляны из окрестных домов. Полк ответил ожесточенным артиллерийским огнем, остановить который Гучков был уже не в силах. Обстрел продлился весь день, деревянная Пресня заполыхала пожарами.

В ночь на 18 декабря рабочие «Трехгорки» обратились к Гучкову, ставшему единственным посредником между противоборствующими сторонами, с просьбой убедить военных не стрелять по жилым домам с тем, чтобы женщины и дети могли покинуть опасный район. Глава муниципалитета немедленно отправился к Мину, который согласился прекратить бомбардировку при условии, что рабочие разберут воздвигнутые на Пресне баррикады. 18 декабря обстрел прекратился, рабочие разбирали баррикады, солдаты вывозили женщин и детей с горящей Пресни на санях. Для оставшихся без крова по распоряжению Гучкова были созданы пункты питания в здании Городской думы, на эти нужды из бюджета управы было выделено 5 тыс. рублей — немалые по тем временам деньги[74].

При штурме Пресни выгорели целые жилые кварталы, в огне погибла и мебельная фабрика Н. П. Шмита, организовавшего на своем предприятии многочисленную дружину. Шмит был в те дни арестован, а впоследствии убит полицейскими в тюрьме. Сильно пострадала и Трехгорная мануфактура, владелец которой Н. И. Прохоров заявил, что не сочувствует действиям своих рабочих, но все же не покинет их в драматический момент. «Против фабрик Прохорова и Шмита,— доносили градоначальнику с места боев,— действует артиллерия. Обстреливают владение, потом продвигаются цепью. Из окон масса выстрелов, нельзя ничего понять, приходится по одному обстреливать дома»[75]. По приказу Мина на месте были расстреляны несколько задержанных с оружием в руках или просто по подозрению в участии в бою. Многим участникам декабрьских боев удалось тем не менее скрыться с Пресни и спасти свою жизнь. Еще до трагической развязки состоялось заседание штаба восстания, на котором было принято решение прекратить вооруженную борьбу. «Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим,— говорилось в последнем приказе командира пресненских боевых дружин большевика З. Я. Литвина.— Но это — ничего. Будущее за рабочим классом... Мы — непобедимы! Да здравствует борьба и победа рабочих!»[76]. «Мятеж кончается,— сообщал в Петербург Дубасов,— волею мятежников, а к истреблению последних упущен случай».

Бои продолжались до 19 декабря, после чего активисты и рядовые участники восстания скрылись — интеллигенты ушли «в подполье», рабочие по своим деревням. Многих из них вскоре арестовали, иные, вернувшись, явились в полицию с повинной. Машинист А. В. Ухтомский руководил эсеровской дружиной, действовавшей в районе Московско—Казанской железной дороги. После того, как положение восставших стало безвыходным, Ухтомский сумел вывести из Москвы поезд, на котором находилось более сотни дружинников. В ночь на 15 декабря он был арестован, а через день расстрелян.

Жертв среди участников боев и особенно среди мирного населения оказалось немало: только по официальным, далеко не полным данным,— 1100 москвичей, в том числе 66 детей; еще около ста человек убитыми потеряли полиция и войска[77]. В газетах, которые вновь стали выходить в Москве, появились экстренные сообщения с «пресненского фронта»: «Баррикады расчищены, прохоровские революционеры сдаются партия за партией... Горсть отчаянных, засев в подвалах, продолжает оказывать сопротивление, хотя революционный комитет распорядился о прекращении стрельбы... Фабричные постройки окружены войсками, прохожих обыскивают. Число потерпевших пока не определено. Находят обгорев-

шие трупы у стен»[78]. Над зданием «Трехгорки», как над сдавшейся крепостью, были водружены белый и национальный трехцветный флаги. На улицах Москвы, на фабриках и заводах полиция проводила массовые облавы и обыски. По малейшему подозрению («за длинные волосы», «за красный платок в кармане») студентов и мастеровых тащили в полицейский участок, где избивали, а нередко и без суда расстреливали[79].

В результате декабрьских боев городу и его обитателям был нанесен громадный ущерб. Приемом прошений «о возмещении понесенных во время мятежа убытков» занималась специально образованная при канцелярии генерал-губернатора комиссия. Сохранившийся в архиве отчет о ее работе дает представление о той цене, которую заплатили москвичи за подавление декабрьского восстания. По заявлениям домовладельцев, ущерб от действия артиллерии и возникших вследствие того пожаров исчислялся в 2,5 млн руб. В числе прочих соответствующее прошение подали Н. П. Шмит, находившийся под арестом, и хозяин сгоревшей типографии И. Д. Сытин. Им, однако, в рассмотрении ходатайств отказали из—за «потворства» мятежникам (Сытину инкриминировалось то, что в его типографии с молчаливого согласия владельца печатались революционные «Известия Московского совета»).

Владельцы торгово-промышленных заведений заявили об ущербе от действий войск в размере 734 тыс. руб. Убытки государственных и общественных учреждений исчислялись в 65 тыс. руб. В особенности пострадал расположенный близ Пресни Зоологический сад, где в декабрьские дни артиллерийским обстрелом были уничтожены ихтиологическая лаборатория и аквариум. Наконец, частные лица обратились в комиссию с просьбами возместить утраченное движимое имущество на сумму 40 тыс. руб. Всего, таким образом, «умиротворение» Москвы только правительственными войсками нанесло ущерб в размере 3,3 млн руб.[80]

Сумму эту следует по меньшей мере удвоить, если принять в расчет убыток, причиненный городскому хозяйству действиями революционных дружин (массовый снос телеграфных столбов для строительства баррикад, использование в тех же целях вагонов городской конки и т. д.). Правительство, однако, Москве и москвичам не возместило ни копейки. По итогам работы комиссии генерал-губернатора было выделено всего 100 тыс. руб., которые пошли на благотворительные выплаты семьям погибших при подавлении восстания армейских и полицейских чинов. Всем же остальным заявителям в компенсации за ущерб было отказано. По сравнению с правительственной властью более гуманную позицию заняла власть муниципальная. По настоянию Н. И. Гучкова Городская дума приняла решение начислить заработную плату рабочим и служащим го-

родских предприятий за все время забастовки, поскольку невозможно было установить, кто участвовал в ней сознательно, а кто оставил работу по принуждению. Благодаря этому акту примирения городская жизнь Москвы быстро возвратилась в прежнюю колею.

* * *

Декабрьское вооруженное восстание в Москве поставило всю Россию над бездной гражданской войны. По примеру Москвы антиправительственные выступления с оружием в руках охватили множество городов и целых регионов империи. Харьков и Донбасс в целом, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Пятигорск, Нижний Новгород (Сормово), Пермь (Мотовилиха), Красноярск, Чита, Грузия и Прибалтика — вот далеко не полный перечень мест, где в течение двух декабрьских недель, а в ряде городов и дольше (в Новороссийске и Красноярске почти два месяца) происходили массовые вооруженные восстания рабочих и крестьян против официальной власти.

Революция, об очищающей силе которой мечтало не одно поколение радикальной русской интеллигенции, обернулась таким насилием и кровью, перед которыми меркли прежние светлые идеалы. Декабрьские события заставили всю либеральную общественность вспомнить о «беспощадном русском бунте», и недаром в разгар московского восстания либерально-центристские партии выступили с единодушным протестом против разрушительной стихии революции, готовящей «убийства, грабежи и пожары по всей России»[81].

В среде самих адептов революции мнения разделились. Часть социал-демократов в лице меньшевиков и их лидера Г. В. Плеханова полагала, что, не поддержанное армией, декабрьское выступление изначально было обречено и потому его следует признать «исторической ошибкой». С другой стороны, в среде революционеров, не обремененных моральными рефлексиями, причем не только большевиков, зрело убеждение в эффективности вооруженной борьбы за власть. Лидер эсеровской партии В. М. Чернов подчеркивал, что «московские события с новой убедительностью доказали возможность вооруженного восстания», и призывал к дальнейшей борьбе с режимом методом террора и массовых вооруженных выступлений[82].

События 1905 г. обернулись для России десятками тысяч жертв, убитых и раненых. Мятежный год принес стране сотни миллионов рублей экономического ущерба от забастовок и поджогов помещичьих усадеб, обернулся гибелью культурных ценностей от погромов, усилил идеологическое разложение в армии. При этом декабрь 1905 г. еще не означал конца ре-

волюции, которая продолжалась после этого еще полтора года, хотя правительство уже целиком и полностью контролировало ситуацию в стране.

Но нельзя не замечать и тех изменений общественной жизни, которые произошли в результате того, что правящая верхушка поняла необходимость изменений, инстинкт выживания заставил искать выход из кризиса. Манифест 17 октября и закон о выборах в законодательную Государственную Думу стали первым шагом в преобразовании государственного строя на конституционно-парламентских началах, отмена выкупных платежей положила начало аграрной реформе, указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г. обеспечил равноправие религиозным меньшинствам империи, была расширена университетская автономия, смягчена политика русификации на национальных окраинах, сокращены сроки воинской службы, уменьшена продолжительность рабочего дня и повышена заработная плата рабочим и т. п.[83] 1905 год обнажил косность правящего режима, который назревшие преобразования решался проводить с запозданием и лишь под давлением растущей стихии протеста.

Революция 1905—1907 гг. была вызвана непримиримым расколом общества, приведшим к разрыву гражданского мира, что является ключевым признаком перехода общества к внутреннему вооруженному конфликту. Налицо была и эскалация насилия, нарастание атмосферы взаимной ненависти, что также является симптомом беременности общества гражданской войной. Тем не менее для идентификации социального противоборства как гражданской войны необходимо, кроме того, воздействие трех решающих факторов: 1) наличие, при ослабленной государственной власти, двух или более непримиримо противостоящих сил, обладающих своими идентификационными символами (идеология, лозунги, программы и др.), а также сопоставимыми потенциалами ведения вооруженной борьбы (армия, ударные группы, оружие и т. д.); 2) наличие базовых территорий или анклавов у противоборствующих сил; 3) наличие у этих сил резервуаров гражданской поддержки (под лозунгом «за» или «против»). В той или иной степени эти элементы присутствовали и в период Первой русской революции, однако антиправительственные силы в 1905 г. все же не обладали необходимыми ресурсами для длительной и упорной вооруженной борьбы, что воспрепятствовало возникновению гражданской войны сразу после серии декабрьских вооруженных восстаний[84]. «Полномасштабной» гражданской войны, подобной войне 1917—1922 гг., России удалось избежать.

И все же события 1905 г. оставили неизгладимый след в общественном сознании, подготовив почву для будущей братоубийственной войны. Для «красного Октября» и Гражданской войны 1917—1922 гг. формирующую

роль сыграла социальная поляризация, на полтора десятилетия отложившая в памяти социальных низов взрывной запал классовой ненависти. Оттуда, от 1905-го года, протянулась трещина непримиримого социального раскола. Пресненские баррикады в Москве, «республики» в Новороссийске, Красноярске, Чите и других городах, военные мятежи на «Потемкине», в крепостях Кронштадте и Свеаборге летом 1906 г. стали провозвестниками грядущей кровавой смуты.

Примечания

[1] См.: *Волобуев П. В.* 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 7.

[2] Подр. см.: *Поляков Ю. А.* Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 45—46; История Европы. Т. 5. М., 2001.

[3] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 517.

[4] См.: *Тютюкин С. В.* Революция 1905—1907 гг. в современной отечественной историографии // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. С. 71.

[5] См.: *Корелин А. П., Тютюкин С. В.* Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 12—37.

[6] Цит. по: *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1966. С. 228—229.

[7] Цит. по: *Шацилло К. Ф.* Исторические альтернативы в России на рубеже двух веков // 1905 год — начало революционных потрясений в России. С. 41.

[8] См. *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1998.

[9] Подр. см.: *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985.

[10] Цит. по: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 475.

[11] Цит. по: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 291.

[12] См.: *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 237 и сл.

[13] См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 38.

[14] Подр. см.: Власть и реформы. С. 457—475.

[15] Цит. по: *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 259.

[16] См.: *Шевырин В. М.* Священник Гапон и рабочие Петербурга в 1904—1905 гг. // Рабочий класс капиталистической России. М., 1992; *Кавторин В. В.* Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 г. СПб., 1992.

[17] Цит. по: Рабочий класс в Первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981. С. 50.

[18] См.: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX.). М., 1979; *Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.

[19] См.: *Рябушинский В. П.* Судьбы русского хозяина // Русский колокол. Берлин. 1928. № 3. С. 46.

[20] Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 673. Оп. 8. Д. 6. Л. 380.

[21] См.: *Корелин А. П.* Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10.

[22] Цит. по: *Корелин А. П.* Крах идеологии полицейского социализма в царской России // Исторические записки. Т. 92. С. 138—139.

[23] История рабочих Ленинграда. Л., 1972. С. 261.

[24] Цит. по.: *Шацилло К. Ф.* 1905-й год. М., 1980. С. 35.

[25] Начало первой русской революции. Документы и материалы. М., 1955. С. 103.

[26] Цит. по: *Боханов А. Н.* Император Николай II. С. 203.

[27] Цит. по: Власть и реформы. С. 477.

[28] *Горький А. М.* Собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 346—347.

[29] См.: *Шацилло К. Ф.* Первая революция в России 1905—1907 гг. М., 1985.

[30] Цит. по: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 47.

[31] См.: *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905—1907 гг.— 1917—1922 гг. М., 1997. С. 273—274, 280—288.

[32] Начало первой русской революции. Документы и материалы. С. 632.

[33] Подр. см.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 110—117; *Кирюхина Е. И.* Всероссийский Крестьянский союз // Исторические записки. Т. 50. М., 1955.

[34] См.: *Шацилло К. Ф.* Первая революция в России 1905—1907 гг. С. 122—123.

[35] Подр. см.: *Кардашев Ю. П.* Буревестники. Революции в России и флот. М., 1988. С. 14—53.

[36] Цит. по: *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. М.—Л., 1948. С. 116.

[37] Цит. по: *Кардашев Ю. П.* Буревестники. С. 29.

[38] Красный архив. 1925. № 2. С. 41—42.

[39] Подр. см.: *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 32—85.

[40] Там же. С. 54—56.

[41] Там же. С. 81—82.

[42] См.: Новый мир. 1991. № 5. С. 195.

[43] Цит. по: *Чебарин А.* Москва в революции 1905—1907 гг. М., 1955. С. 79.

[44] См.: *Шацилло К. Ф.* 1905-й год. М., 1980. С. 7—9.

[45] Цит. по: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. М., 1955. С. 8.

[46] Цит. по: Первый штурм царизма. М., 1986. С. 93.

[47] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. С. 354.

[48] Цит. по: Первый штурм царизма. С. 112.

[49] См.: *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в.— 1914 г. М., 1998. С. 100.

[50] См.: Декабрьское вооруженное восстание в Москве. М., 1920. С. 48—49.

[51] Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1908. № 26803.

[52] Цит. по: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. С. 152.

[53] Цит. по: *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 89.

[54] *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Кн. III. Париж, 1936. С. 406.

[55] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. С. 465—470.

[56] См.: Политические партии в России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 35, 74, 122, 160, 221.

[57] Цит. по: 1905-й год в Москве. М., 1955. С. 133.

[58] См.: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. М., 1955. С. 25—26.

[59] См.: Москва в декабре 1905 года. М., 1906. С. 142.

[60] Цит. по: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. С. 207.

[61] Там же. С. 210—211; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

[62] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 581.

[63] *Горький А. М.* Собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 399.

[64] См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905—1907 гг. С. 204.

[65] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 666.

[66] Там же. С. 678.

[67] Там же. С. 676—677.

[68] Там же. С. 665—666.

[69] *Горький А. М.* Собр. соч. Т. 28. С. 399—401.

[70] Цит. по: *Шацилло К. Ф.* 1905 год. С. 155.

[71] См.: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 720.

[72] См.: *Воробьева Ю. В.* Меж двух огней. Николай Гучков в декабре 1905 г. // Муниципальная власть. 1998. № 2. С. 85.

[73] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 703.

[74] См.: *Воробьева Ю. В.* Меж двух огней... С. 86.

[75] См.: *Коган Э. С., Лескова Л. И.* Дежурные дневники московского градоначальства 25 сентября 1905 г.—12 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905—1907 гг. М., 1967. С. 135.

[76] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 688—689.

[77] См.: Москва в декабре 1905 года. С. 189—190.

[78] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 712.

[79] См.: 1905-й год в Москве. С. 213.

[80] ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 10. Л. 52—55.

[81] См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. С. 210.

[82] См.: *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. С. 214.

[83] См.: *Тютюкин С. В.* Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. № 4. С. 78—79.

[84] См.: *Игрицкий Ю. И.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 58—59.

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Н. А. Иванова

Возникновение политических партий в России свидетельствовало о более высоком уровне гражданственности, политической культуры и организованности населения и вместе с тем о качественно новом периоде в длительных поисках представителями русского образованного общества путей преобразования страны. По данным исследователей, в начале XX в. в разное время в России существовало более 150 политических партий, являвшихся организациями общероссийского, регионального или национального типа[1]. При всем своем многообразии они представляли в конечном счете три основных направления общественной мысли, аналогичные тем, которые существовали в странах Западной Европы и США — консервативное, либеральное и социалистическое.

Политические партии в России возникли намного позже, чем в передовых странах Западной Европы и Америки. Однако процесс развития общественной мысли, подготовивший их создание, уходил своими корнями в XIX столетие, особенно усилившись во второй его половине. Заимствуя сложившиеся на Западе идеологические доктрины, российская интеллигенция стремилась приспособить их к сложной российской действительности. И здесь неизбежно вставал вопрос об ориентации развития страны на Запад или на сохранение российской самобытности. В результате все появившиеся в России в начале XX в. политические и социальные теории и созданные на их основе общероссийские политические партии продолжали в своих основах традиционное деление общественно-политической мысли страны на «западников» и «почвенников».

Иной, чем на Западе, была последовательность возникновения политических партий в России. В странах Западной Европы консервативные, либеральные и затем социалистические партии возникали по мере эволюции капитализма: первые выражали интересы крупных аграриев и торговцев доиндустриальной эпохи, вторые — интересы промышленной, финансовой и торговой буржуазии, связанные с индустриальной стадией развития, третьи появились в условиях, когда противоречия буржуазного

общества как сложившейся системы обозначились в полной мере. В России индустриализация конца XIX — начала XX в. накладывалась на процесс первоначального накопления капитала, крупная капиталистическая промышленность соседствовала с широко распространенными в ряде отраслей и районов доиндустриальными формами капитализма, сохранялись (особенно в аграрном строе и на отсталых окраинах страны) традиционные формы хозяйства. Это спрессовывало процесс оформления партий различной ориентации в достаточно короткий промежуток времени, а последовательность складывания российских политических партий — вначале возникли партии социалистической ориентации, затем либеральной и, наконец, консервативной — объяснялась не столько экономическими, сколько политическими и социальными причинами.

Возникновению партий в России на рубеже XIX—XX вв. во многом способствовало разложение традиционного сословного строя и новая стратификация общества на основе развивающегося капитализма и индустриализации 1890-х гг., обострение социальных и политических противоречий в стране, но особенно — подъем общественного движения, вылившийся в революцию 1905—1907 гг. Многие партии возникли после издания манифеста 17 октября 1905 г., открывшего возможность для их легального существования. Росту либеральных партий особенно способствовали кампании по выборам в Государственную Думу, а радикальных — массовые народные выступления. Крупнейшие консервативно-охранительные партии возникли в период высшего подъема революции, когда необходимость «защиты самодержавия» от оппозиционеров и революционеров стала, по мнению их лидеров, настоятельно необходимой.

1. Правые партии.

Российский консерватизм представлял собой сложное, неоднозначное явление. Далеко не всегда он выступал в своем классическом виде, выражая стремление к «постепенному улучшению существующего» или «склонность к сохранению при способности к улучшению»[2]. С одной стороны, консервативные идеи нередко соединялись с либеральными в неком «либерально-консервативном синтезе»[3]. С другой — в тех случаях, когда верх брали интересы традиционного общества, консерваторы больше оглядывались назад, соседствуя с реакционерами. Так произошло с политическими партиями и организациями, выступившими в период революции 1905—1907 гг. на стороне самодержавия и всего правительственного лагеря. Они оказались на столь правых позициях, что лишь с

большой долей условности могут быть причислены к консерваторам. Об этом говорит и закрепившееся за ними название — «черная сотня». В 1905 г. оно утвердилось как презрительная кличка участников патриотических манифестаций и погромов, но уходило своими корнями в феодальное прошлое России и отразило специфику этих партий: на Руси «черной сотней» называли тяглое посадское население. Подчеркивая свою связь с народом и свои верноподданнические чувства, «черносотенцы» с гордостью вспоминали, как «нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников» [4].

Союзов и организаций правого направления насчитывалось несколько десятков. Наиболее крупными из них являлись Русское собрание, Русская монархическая партия, Союз русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела. Еще в 1901 г. министр внутренних дел В. К. Плеве утвердил устав Русского собрания, которое в качестве дворянского литературно-художественного клуба должно было содействовать укреплению «русского начала» в культурной, духовной и бытовой жизни народа. В 1905—1906 гг. Русское собрание постепенно превращалось в политическую организацию правого направления. В апреле 1905 г. в консервативной газете «Московские ведомости» был опубликован манифест Русской монархической партии, которую возглавил главный редактор газеты В. А. Грингмут. В ноябре 1905 г., когда накал революционной борьбы достиг своего апогея, в Петербурге по инициативе членов Русского собрания основывается Союз русского народа, который окончательно оформился в крупную партию к 1907 г. Союз Михаила Архангела был создан в начале 1908 г.

«Черносотенные» организации были едва ли не самыми многочисленными среди партийных организаций разных направлений. В конце 1907 — начале 1908 г. (а это был пик правого движения) в «черносотенных» организациях насчитывалось 410 тыс. человек, в том числе в Союзе русского народа примерно 350 тыс. «Черносотенные» организации действовали в 2208 населенных пунктах 66 губерний и областей. При этом большинство организаций (97,3% их общего числа) возникло в Европейской части страны, преимущественно в губерниях с менее развитой промышленностью и неоднородным национальным составом населения (в Белоруссии, на Украине). В Московской губернии насчитывалось 12 тыс., а в Петербурге — около 11 тыс. «черносотенцев» [5].

В руководящих органах Союза русского народа и других монархических партий преобладали дворяне, составлявшие 61,5% всех руководителей. Выходцев из духовенства было 4,5%, купцов и почетных граждан —

8,8%. По своим занятиям все эти лица распределялись следующим образом: чиновников (в том числе высших государственных служащих) было 49,5%, представителей интеллигенции (преподаватели, врачи, юристы, инженеры) — 18%. 8,2% приходилось на торгово-ростовщическую буржуазию, ориентировавшуюся на старые патриархальные порядки, 4,1% составляли помещики, 4,8% — священнослужители[6].

Председателем Главного совета Союза русского народа в ноябре 1905 г. был избран сын полицейского, доктор медицины, статский советник, владелец 5-этажного доходного дома и акционер общества Путиловских заводов А. И. Дубровин. Широкую известность приобрел В. М. Пуришкевич — крупный землевладелец (имел 1600 десятин земли), бывший председатель земской управы в Аккерманском уезде Бессарабской губернии, а затем чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Имя этого одаренного, пишущего стихи и пьесы и обладающего ораторским талантом человека стало нарицательным обозначением реакционеров после того, как он сделался одним из основателей и лидеров Союза русского народа, а затем Русского народного союза имени Михаила Архангела. Во главе Русского собрания стоял совет, в который входили граф Д. П. Голицын, граф П. Н. Апраксин, князь В. В. Волконский, граф Н. Ф. Гейден и др. В организации состояли 6 губернаторов, 10 сенаторов, 9 членов Государственного совета. Активное содействие «черносотенному» движению оказывали церковные деятели — волынский архиепископ Антоний, саратовский епископ Гермоген, Иоанн Кронштадтский и др. В 1905—1907 гг. почетными и действующими председателями отделов Союза русского народа были 2 митрополита, 9 архиепископов и епископов[7].

Одной из главных задач «черносотенцы» считали вовлечение в свои ряды представителей простого народа, и это им во многом удалось — большинство членов правых организаций составляли крестьяне, значительно меньшую часть — ремесленники, мелкие торговцы, рабочие. Объясняя этот феномен, можно вспомнить о приверженности значительной части народа (прежде всего консервативного по своей природе крестьянства) исконно русским началам соборности, церковности и монархизма, о близости им лозунга, который «черносотенцы» сделали своим девизом — «За Веру, Царя и Отечество». Однако в большинстве случаев вступление в правые организации простых людей было все же результатом не их сознательного политического выбора, а темноты и невежества. Это обстоятельство «черносотенцы» умело использовали, прибегая к социальной демагогии, спекулируя на патриотических и религиозных чувствах, разжигая национализм и предельно упрощая процедуру вступления в партию — достаточно было лишь поставить свою подпись.

В петербургской газете «Слово» за 2 сентября 1907 г. рассказывалось о том, как в одном захолустном городишке «черносотенцев» вербовал местный лавочник: «Каждому приходившему в его лавочку агитатор подсовывал петицию, причем с изумительным однообразием велся следующий разговор: «Вы в Бога веруете? — Верую. — Царя чтите? — Конечно, чту. — Ну, значит, подписывайте». А вот как описывал открытие отдела Союза русского народа крестьянин местечка Почаев Волынской губернии, где духовенство усиленно внедряло Православие среди униатского населения: «Нам объявили после обедни собраться через час к церкви для открытия союза. Мы собрались. Батюшка отслужил молебен; осенил нас крестом в знак того, что мы должны слиться в один союз, так как и крест Христов — один. После этого мы все единодушно перед дверьми Покровской церкви избрали председателя союза, товарища его и двух советников»[8].

«Черносотенные» союзы пополняли и рабочие — недавние выходцы из деревни. В «Истории Путиловского завода» читаем: «В партиях (бригадах) горячих цехов нередко работали земляки однодеревенцы: они находились в двойной зависимости от своих стариков — и по деревне, и по работе. Если такой старик записывался в черную книгу, за ним тянулись земляки»[9]. Существенное значение имели и финансовые соображения: вступившие в «черносотенную» организацию, внеся небольшой членский взнос, рассчитывали на получение пособий и ссуд. Для этих и других целей правительство не скупилось снабжать «черносотенцев» деньгами.

Естественно, что при таком «членстве» говорить о какой-либо партийной дисциплине не приходилось. Самая массовая из партий — Союз русского народа — была чрезвычайно аморфной. Наиболее цельной в организационном отношении являлась Русская монархическая партия, однако она насчитывала всего 2—5 тыс. членов. Русское собрание окончательно в партию не сложилось, но именно оно пыталось объединить распыленные силы правых партий, созвав в 1905—1907 гг. четыре монархических съезда. Начиная с 4-го съезда, который проходил в апреле 1907 г. в Москве, инициатива объединения правых сил перешла к Союзу русского народа, однако и он не смог решить эту задачу.

Не было единства и во взглядах «черносотенцев». Тем не менее на основании программ главных партий правого направления[10] идеология «черносотенства» вырисовывается вполне определенно. Она вобрала в себя важнейшие принципы ряда доктрин и учений XIX в. Многие ее положения были заимствованы из официальной монархической доктрины, из платформы националистов, из славянофильского учения с его идеализацией патриархальной старины и противопоставлением России Западу.

Используя формулу теории официальной народности «Православие, самодержавие, народность», «черносотенцы» считали Русскую православную церковь духовной основой общества и государства. Они выступали за упрочение господствующего положения Русской православной церкви, которая одна только имела право на свободную проповедь своего учения.

«Народное благо», по их мнению, могло быть достигнуто лишь на основе «единения царя с народом», при этом всю ответственность за «вредную» политику нес не самодержавный царь, а правительство[11]. Отстаивая исконно-русские начала в самодержавии и критикуя его бюрократизацию со времен Петра I, «черносотенцы» отвергали изменения государственного строя на конституционной или парламентской основе, категорически выступали против созыва Учредительного собрания. Они не соглашались с тем, что Государственная Дума может ограничить власть царя, утверждали, что и после издания манифеста 17 октября самодержавие сохраняется. «Основоположения Союза русского народа» (его программа) предлагали восстановить «исконную русскую соборность», созвать Земский собор из «коренных русских людей», избранных по сословному признаку[12].

Выступая за единую и неделимую Россию, «черносотенцы» категорически отвергали самоопределение какой-либо нерусской нации. Одновременно они проводили мысль о «господствующей и первенствующей» роли русского народа. Для русских предусматривался целый ряд льгот и привилегий по службе в государственном аппарате, в земских и городских органах, в экономической деятельности, в земельных отношениях и т. д. Русский национальный характер должна была носить и система просвещения.

Однако в предвыборной программе во II Государственную Думу, принятой в сентябре 1906 г., лидеры Союза русского народа вынуждены были отказаться от требования привилегий исключительно для русского населения, подчеркивая, что все народы России, за исключением евреев, должны пользоваться равными правами. Одновременно антиеврейские лозунги были расширены, что являлось проявлением общей антисемитской направленности идеологии «черносотенцев». Русское собрание особые законы для евреев оправдывало враждебностью «еврейства христианству и нееврейским национальностям» и его стремлением к «всемирному господству»[13].

Национальный принцип был основным и в экономической части программы, направленной на освобождение русских капиталистов от подчинения иностранным банкам и предпринимателям, на принятие ряда протекционистских мер. Защищая принцип неприкосновенности частной

собственности и полностью отвергая возможность конфискации помещичьей земли, «черносотенцы» в то же время высказывались за укрепление крестьянских хозяйств, признавая их ведущую роль в экономике России. Они предлагали продажу крестьянам казенных земель по пониженным ценам, содействие переселению, развитие мелкого кредита и др. Представители Союза русского народа выступали за сохранение общины, хотя и предусматривали возможность при определенных условиях выхода крестьян из общины и закрепления за ними земли. «Черносотенцы» обещали добиваться сокращения рабочего дня на фабриках и заводах, улучшения условий труда, государственного страхования рабочих. Отмечая «доминирующее значение национального начала в решении комплекса проблем общественно-государственного бытия», некоторые историки считают возможным рассматривать «черносотенцев» в ряду национальных (хотя и «имперских») партий[14].

«Черносотенцы» — сторонники насильственных действий не только против революционных, но и либерально настроенных общественных и государственных деятелей. «Защиту» самодержавия они начали осенью 1905 г. с многочисленных погромов — нападений на демонстрации и митинги, а то и просто разнузданных грабежей магазинов, лавок, квартир. Только с 17 октября по 1 ноября 1905 г. погромы прокатились в 358 населенных пунктах России. В черте еврейской оседлости было 292 погрома[15]. При Главном совете Союза русского народа была образована Боевая дружина и районные группы для проведения террористических актов. Боевые дружины были созданы в 10 городах; наиболее крупной явилась одесская «Белая гвардия», включавшая до 350 человек. Жертвами покушений стали не только революционеры, но и кадеты; неудавшееся покушение было совершено на С. Ю. Витте.

Другим направлением деятельности правых партий была довольно широкая агитационно-пропагандистская работа среди населения. В ноябре 1905 г. стала выходить газета Союза русского народа «Русское знамя», а в январе 1906 г. — газета «Вестник Русского собрания». По стране широко распространялись летучие листки, пропагандистские брошюры, воззвания, осуждавшие революционное движение, «злые силы» в лице интеллигенции и призывавшие к патриотическим демонстрациям и поддержке самодержавия.

Свидетельством равнодушного отношения масс к монархистам, неприятия их лозунгов было полное поражение «черной сотни» на выборах в I Государственную Думу: по всем четырем куриям за правых проголосовало лишь 9,2% выборщиков. Не удивительно поэтому, что «черносотенцы» развернули активную пропагандистскую кампанию, направленную

на роспуск Думы. Некоторых результатов им удалось добиться на выборах во II Государственную Думу: завоевав четверть голосов выборщиков, они встали вровень с объединением «прогрессивных партий» и «левым блоком». Однако этот успех явно потускнел, когда «черносотенцами» во II Думе оказалось не более 30 депутатов, а к концу ее существования группа правых поредела до 10 человек. Между тем и в I, и во II Думе большинство получили либеральные партии.

2. Либералы.

Хотя первые, незрелые ростки либерализма в России появились еще в конце XVIII в., возникновение его как особого течения политической мысли связывают обычно с деятельностью западников и славянофилов в 40—50-х гг. XIX столетия. Создание земств и земская деятельность привели к появлению земского либерализма. В 90-е годы в результате деятельности интеллигенции началось зарождение так называемого «нового» либерализма в лице «легального марксизма», правого крыла «экономизма», партии «Народного права», а также оппозиционных интеллигентских группировок, которые складывались вокруг редакционных коллегий ряда журналов, Вольного экономического общества, Союза писателей, Юридического общества, профессиональных съездов интеллигенции и т. д.[16]

Важным шагом в деле идейно-политической и организационной подготовки создания либеральной партии явилось начало издания в июне 1902 г. в Штутгарте (Германия) нелегального журнала «Освобождение», редактором которого стал бывший лидер «легального марксизма» Петр Бернгардович Струве. Выходец из семьи дворян (обрусевших немцев), сын пермского губернатора, Струве в годы учебы в университетах Петербурга и города Граца (Австрия), а затем во время поездок в Германию и Швецию познакомился с марксизмом. Участвовал в полемике русских марксистов с народниками, был автором «Манифеста Российской социал-демократической партии», провозгласившего создание РСДРП (1898 г.). В конце XIX в. Струве отошел от марксизма, не признавая необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата, и стал выступать за создание широкого фронта нелегальных оппозиционных организаций на базе программы демократических реформ.

Под влиянием роста народного движения и консолидации революционно-демократических сил объединившаяся вокруг журнала «Освобождение» либеральная интеллигенция и некоторые «левые» представители земского движения создали в июле 1903 г. нелегальную организацию

«Союз освобождения». Участники его учредительного съезда, состоявшегося в Петербурге и принявшего программу и устав Союза, представляли «освобожденческие» кружки, существовавшие в 22 крупных городах России. В свою очередь, образование этой организации стимулировало оформление в ноябре 1903 г. «Союза земцев-конституционалистов». На съездах Союза (а их прошло в Москве в течение 1903—1905 гг. пять) рассматривались общеполитические вопросы — о поддержке русско-японской войны, необходимости созыва «народного представительства при органическом единении царя с народом» (о чем Союз обращался с просьбой к императору Николаю II) и др.

Однако создать политическую партию к началу революции 1905 г. лидерам русского либерализма так и не удалось. «В настоящее время, — писал Струве в марте 1905 г., — такая партия должна, наконец, образоваться, в противном случае элементы, составляющие ее естественные необходимые кадры, будут оттеснены на задний план и политические судьбы России будут решены состязанием реакционных и крайних партий»[17]. Между тем разногласия среди представителей различных течений и направлений внутри либерального лагеря не ослабевали. Умеренные либералы считали, что ядром партии должны стать земские элементы; либеральные интеллигенты настаивали на необходимости выйти за узкие рамки земского либерализма, вступить в тесный контакт с «Союзом освобождения», а также с «Союзом союзов» (объединившим в годы революции профессионально-политические союзы интеллигенции) и другими демократическими организациями.

Более четкое размежевание политических сил в революции произошло в связи с опубликованием 6 августа 1905 г. царского манифеста о созыве законосовещательной Булыгинской Думы. Большевики, эсеры, а также левый фланг либерализма в лице «Союза союзов» выступили за бойкот этой Думы и использование всеобщей стачки как средства борьбы с самодержавием. 4-й съезд «Союза освобождения», проходивший в Москве в конце августа, высказался против бойкота Думы, а также принял решение о немедленной организации легальной Конституционно-демократической партии.

Учредительный съезд Конституционно-демократической (кадетской) партии проходил 12—18 октября 1905 г. в Москве. Основным ядром ее стали умеренные элементы из «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». За месяц до этого на состоявшемся в Москве съезде земских и городских деятелей после длительных дебатов удалось добиться принятия за основу программы «Союза освобождения», утвержденной в марте 1905 г. Вместе с тем кадетское руководство отказалось

сотрудничать с левым крылом «Союза освобождения» и «Союза союзов», которые в период высшего подъема революции качнулись в сторону поддержки действий пролетариата. Определяя место кадетов в системе политических сил, один из лидеров партии П. Н. Милюков говорил на съезде, что «справа они отмежевались от тех общественных элементов, которые со временем рассчитывают создать «политические группы аграриев и промышленников», отстаивающих узкоклассовые интересы помещиков и капиталистов. Граница слева прошла там, где левые партии выступают за вооруженное восстание и установление демократической республики» [18].

Согласно принятому уставу, высшим органом партии являлся партийный съезд, созываемый не реже одного раза в год (в 1905—1906 гг. прошло четыре съезда партии). Центральный комитет кадетской партии состоял из двух отделов — Петербургского (который должен был заниматься разработкой партийной программы, законопроектов для внесения в Государственную Думу и руководством думской фракцией) и Московского (решавшего организационные и агитационно-пропагандистские вопросы). Членами партии могли быть лица, «принявшие партийную программу и согласные подчиняться партийной дисциплине» [19].

В 1905—1907 гг. было создано более 360 организаций кадетской партии (при этом основная масса их возникла в период выборов в I Государственную Думу). Подавляющее большинство их находилось в Европейской России (прежде всего в 34 земских губерниях), главным образом в столичных, губернских и уездных городах. Лишь 75 организаций были созданы в сельской местности, где, как правило, имелись промышленные предприятия и были развиты кустарная промышленность и торговля [20]. В университетских (Петербург, Москва, Харьков, Казань, Юрьев (Тарту), Томск) и некоторых других городах возникли студенческие кадетские фракции. Общая численность кадетской партии к концу 1906 г. составляла около 70 тыс. человек. Наиболее крупная московская организация насчитывала в январе 1907 г. свыше 12 тыс., петербургская — около 8 тыс. членов [21].

Социальный состав кадетской партии отличался разнородностью, включая интеллигенцию, либеральное дворянство, среднюю городскую буржуазию, служащих, приказчиков, рабочих и др. В руководящем звене преобладал высший слой дворянской интеллигенции и обуржуазившихся помещиков. Так, из 68 членов Центрального комитета, о которых есть сведения, 54 были выходцами из дворян, еще 4 — из потомственных почетных граждан [22]. Все члены ЦК (115 человек), за исключением четырех, имели высшее образование и являлись либо видными учеными, известными адвокатами, земскими и общественными деятелями, литераторами и публицистами, либо крупными землевладельцами и домовладельцами. В их

числе были братья князья Павел и Петр Долгоруковы, князь Д. И. Шаховской, академик В. И. Вернадский, профессора С. А. Муромцев, В. М. Гессен, А. А. Корнилов и многие другие.

Признанным лидером партии кадетов стал Павел Николаевич Милюков[23]. Потомственный дворянин, выпускник историко-филологического факультета Московского университета Милюков начал свою политическую карьеру широко образованным человеком, известным в России и за рубежом преподавателем и крупным ученым, автором капитальных трудов по русской истории и истории культуры. В начале 1900-х гг. он сближается с либеральными земскими деятелями, а затем становится постоянным сотрудником журнала «Освобождение». В 1905 г. Милюков — один из организаторов «Союза союзов», за что был арестован и подвергнут тюремному заключению. Выйдя через месяц из тюрьмы, он становится одним из создателей и руководителей Конституционно-демократической партии. Среди своих коллег по партии, представлявших широкий спектр политических убеждений, Милюков занимал центристскую позицию, был поборником компромисса, старался примирить тех представителей ее правого крыла, которые примыкали по своим взглядам к Союзу 17 октября, и левых кадетов, приближавшихся в известной мере к правым эсерам и меньшевикам.

Добавив к своему основному наименованию слова «партия народной свободы», кадеты заявляли об общенародном, внеклассовом характере своей организации, подчеркивали, что она выражает не интересы какой-либо одной социальной группы, а общие потребности развития страны. Ориентируясь на западные образцы парламентского строя (главным образом английского), кадеты стремились к введению в России норм демократического правового государства. Их программу[24] открывал раздел об основных правах граждан, в котором предусматривалась отмена сословных различий и установление равенства перед законом всех российских граждан без различия пола, вероисповедания и национальности. Предусматривалась свобода совести и вероисповедания, освобождение Церкви от государственной опеки, отмена цензуры, свобода печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения и выезда за границу, упразднение паспортной системы, строгое соблюдение законности, отделение судебной власти от администрации.

Кадеты выступали за конституционное устройство Российского государства, причем уже на II съезде партии, состоявшемся в январе 1906 г. в Петербурге, было уточнено, что речь шла о конституционной и парламентской монархии. Народное представительство, созданное путем всеобщих прямых и равных выборов, наделялось законодательной властью,

участвовало в установлении государственной росписи доходов и расходов, в определении размеров налогов и пошлин, в контроле за действиями высшей и низшей администрации. Министры должны были быть ответственны перед собранием народных представителей. Предполагалось расширение прав органов местного самоуправления, распространение их на всю территорию государства, избрание путем всеобщего и равного голосования.

В экономической части программы предусматривалось уменьшение в бюджете доли непроизводительных расходов и «увеличение затрат государства на действительные нужды народа», развитие прямого налогообложения за счет сокращения косвенных налогов, введение прогрессивного подоходного обложения и др. Аграрный вопрос предполагалось решить путем отмены выкупных платежей, наделения землей безземельных и малоземельных крестьян за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских владений, а частично и за счет принудительного отчуждения помещичьей земли с компенсацией владельцам за счет государства по «справедливой (не рыночной) оценке», а также широкой организации государственной помощи для переселения и устройства крестьянского быта на новых местах. Реализация программы кадетов должна была способствовать смягчению отношений между предпринимателями и рабочими, предусматривая предоставление последним права собраний, стачек и союзов, постепенное введение 8-часового рабочего дня, сокращение сверхурочных работ, запрет на привлечение к ним женщин и подростков и т. д.

Выступая за сохранение государственного единства России и являясь противниками федерализма, кадеты признавали возможность автономного устройства Царства Польского и восстановления конституции Финляндии. Вместе с тем они отстаивали право на свободное культурное самоопределение народов, употребление наряду с государственным «местных языков», получение всеми гражданами образования на родном языке.

В целом кадеты требовали проведения радикальной политической и социальной реформы, учитывая при этом те реальные возможности реформирования страны, которые существовали тогда в России. Следует также отметить, что жизнь вносила коррективы в намерения кадетов, и многие из провозглашенных ими в программе гражданских прав и политических свобод были значительно урезаны в их думских законопроектах.

Выступая в качестве оппозиции самодержавию, кадеты пытались для давления на него использовать революционное движение масс и одновременно стремились направить его в реформистское русло. Этим определялась их тактика. С одной стороны, они высказывались за солидарность с забастовочным движением пролетариата не только в ходе Всероссийской октябрьской политической стачки, но и в ноябре 1905 г. С другой сторо-

ны, признавалось, что манифест 17 октября создал условия для установления в стране конституционно-монархического режима.

В резолюции I съезда кадетской партии, принятой на следующий день после издания манифеста, ближайшей задачей партии провозглашались созыв Учредительного собрания на основе всеобщих выборов. При этом проводилась мысль, что оно может быть созвано через Государственную Думу. Вместе с тем кадетские лидеры пошли в 1905 г. на переговоры с правительством. В ходе нескольких встреч с председателем Совета министров С. Ю. Витте члены ЦК кадетской партии П. Н. Милюков, Ф. Ф. Кокошкин, И. В. Гессен и другие предлагали выработать конституцию «достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкие круги общества», видя в этом путь к недопущению насильственного переворота и переводу революции на мирный путь развития. «...Отчего вам не произнести этого решающего слова: конституция?» — спрашивал Милюков Витте.— «Не могу, потому что царь этого не хочет»,— ответил Витте каким-то упавшим голосом»[25]. Убедившись в неготовности властей идти на уступки, кадеты отказались поддержать власть, заявляя о своей оппозиционности. Одновременно они резко осудили декабрьское вооруженное восстание.

В 1906—1907 гг. кадеты сосредоточили основные усилия на предвыборной агитации и парламентской деятельности. Программа кадетской партии была переведена на немецкий, латышский, литовский, эстонский, украинский, армянский, бурятский, монгольский, казахский и другие языки. По всей стране проводились собрания, издавались многочисленные листовки, брошюры, воззвания, организовывались партийные клубы. В Петербурге стала выходить ежедневная газета «Речь» и еженедельник «Вестник партии народной свободы». В целом же в центре и на местах кадетской ориентации придерживалось около 70 газет и журналов. В результате на выборах в I Государственную Думу кадеты добились убедительной победы, получив в ней 179 мест. При этом члены ЦК кадетской партии заняли в Думе ведущие посты: С. А. Муромцев — председателя Думы, кн. П. Д. Долгоруков и Н. А. Гредескул — товарищей председателя, кн. Д. И. Шаховской — секретаря. На выборах во II Государственную Думу кадеты получили 98 депутатских мест и сохранили за собой главенствующее положение. Председателем II Думы стал член ЦК партии Ф. А. Головин.

* * *

Самой крупной и влиятельной из русских умеренно-либеральных партий (по другим определениям — либерально-консервативной партией) был Союз 17 октября. Как политическое течение октябризм возник на

земско-городских съездах 1904—1905 гг. Вначале правое меньшинство земского либерализма группировалось вокруг крупного помещика, бывшего председателя московской губернской земской управы, действительного тайного советника и камер-юнкера императорского двора, члена кружка «Беседа» и «Союза земцев-конституционалистов» Д. Н. Шипова. Шиповцы выступали против ограничения власти монарха, соглашаясь лишь на созыв Земского собора (главным образом из представителей земского и городского самоуправления), который должен был стать законосовещательным органом при царе. Это сближало их с консерваторами. «Русскому народу,— утверждал Шипов,— чуждо стремление к народовластию, и в нем сильна привязанность к идее самодержавия, в которой он хочет видеть выражение соборной совести народа, к которой он питает доверие и любовь» [26].

Летом и осенью 1905 г. к шиповцам потянулись консервативные круги торгово-промышленной (прежде всего московской) буржуазии, для которых выработанная к тому времени «освобожденческая» программа, особенно ее социальные разделы, затрагивающие интересы крупных землевладельцев и предпринимателей, оказалась неприемлемой. В деле создания Союза наряду с земцами — Д. Н. Шиповым, уездным предводителем дворянства, тайным советником графом П. А. Гейденом и губернским предводителем дворянства М. А. Стаховичем видное место занял выходец из крупного купечества, выпускник Московского университета, директор Московского учетного банка, гласный городской думы, видный общественный деятель Александр Иванович Гучков.

Организационное оформление Союза началось вскоре после издания манифеста 17 октября (положения которого легли в основу политической программы создаваемой партии и в честь которого она была названа), а завершилось на I съезде в Москве в феврале 1906 г. К осени 1906 г. Союз пополнился представителями возникших после издания манифеста Торгово-промышленной партии, объединявшей крупных предпринимателей Московского промышленного района, петербургской Партии правового порядка, получившей прозвище «партии превосходительных чиновников» и ряда других подобных организаций. В то же время часть левых октябристов вышла из Союза и образовала Партию мирного обновления. В октябре 1906 г. Союз 17 октября был зарегистрирован петербургским градоначальником как легальная организация.

Согласно уставу, в Союз 17 октября могли входить все партии и лица, признающие необходимость укрепления в России «начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве, и примыкающие к основным положениям про-

граммы»[27]. Те, кто выступал за сохранение неограниченного самодержавия или отстаивал требование созыва Учредительного собрания и демократической республики, в Союз не принимались. В 1906 г. в России действовало свыше 260 отделов Союза с 80 тыс. человек. Сюда включены 23 организации, однородные с Союзом по программе и тактике и входившие в него на автономных началах. Большинство отделов возникли в период выборов в I Государственную Думу и существовали в земских губерниях Европейской части страны. 227 отделов находилось в столичных, губернских, областных и уездных городах и только 33 отдела — в сельской местности[28].

Основу партии октябристов составляла крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия, крупные помещики, деловая буржуазная интеллигенция (директора и управляющие промышленных предприятий, торговых фирм, банков, высокооплачиваемые инженеры и т. п.), «цензовая» интеллигенция (консервативно настроенные профессора, приват-доценты, преподаватели духовных семинарий, адвокаты и др.), высшие военные чины, чиновники разных рангов. Число средних и низших служащих, которых нередко насильно тянули в партию, было невелико, а рабочих и крестьян почти совсем не было.

За все время существования партии в составе ее ЦК были представлены (за исключением трех человек) выходцы только из сословий дворян (84 человека из 121) и потомственных почетных граждан (это звание обычно получали купцы и представители интеллигенции). Все они имели высшее образование, являлись крупными землевладельцами и предпринимателями, лицами интеллигентских профессий, государственными и общественными деятелями. Петербургский отдел ЦК возглавлял крупный землевладелец, директор общества освещения газом Петербурга, председатель петербургского отделения комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ, действительный статский советник барон П. Л. Корф. Во главе Московского отдела ЦК стоял Д. Н. Шипов, являвшийся также до осени 1906 г. председателем ЦК партии октябристов. В конце октября председателем ЦК был избран А. И. Гучков, ставший признанным лидером Союза. Состав октябристской партии — свидетельство общности интересов тех слоев, которые являлись фактическими хозяевами российской экономики. Тесно связанные с властью и пользующиеся ее постоянной поддержкой, они были заинтересованы в сохранении и упрочении существующей общественно-экономической системы и ее незначительной модернизации.

Программа октябристов[29] начиналась разделом о сохранении «единства и нераздельности Российского государства». Они отрицали возможность предоставления автономии отдельным частям империи, кроме

Финляндии. Октябристы выступали за установление в России конституционно-монархического строя на основе манифеста 17 октября с сохранением за монархом титула «самодержец». Двухпалатный представительный орган должен был формироваться путем двухстепенных цензовых выборов. Объясняя позицию октябристов, категорическое отрицание ими парламентаризма (отстаиваемого кадетами), один из видных представителей Союза профессор В. И. Герье писал: «У конституционной и парламентской монархии разные носители правительственной власти — король или парламент. Парламентарные монархии ведут свое начало от революций; в конституционных монархиях конституция исходит от законной традиционной власти. Поэтому в конституционных монархиях власть монарха не подорвана, а ограничена учреждениями, введенными данной конституцией»[30]. Подобные мысли развивал и А. И. Гучков: «Мы, конституционалисты, не видим в установлении у нас конституционной монархии какого-либо умаления царской власти; наоборот, в обновленных государственных формах мы видим приобщение этой власти к новому блеску, раскрытие для нее славного будущего»[31]. Выход из революционного кризиса октябристы видели в немедленном созыве законодательной Думы.

Программа октябристов признавала необходимым введение демократических свобод (совести, слова, печати, собраний, союзов) и гражданского равенства без различия пола, национальности и вероисповедания, содержала требования бессословного независимого суда, расширения компетенции суда присяжных, развития и укрепления местного самоуправления. Октябристы высказывались за уравнение крестьян в правах с другими гражданами, облегчение им выхода из общины и закрепления земли в их полную собственность, за принудительное отчуждение части частновладельческих земель с обязательным вознаграждением владельцев. Решение рабочего вопроса имело целью урегулирование отношений предпринимателей и рабочих, перевода их борьбы в экономическое русло. Предполагались установление свободы рабочих организаций, союзов и собраний на основе их экономических, профессиональных и культурных нужд, свобода стачек «на экономической почве», учреждение примирительных камер для разрешения споров с работодателями, организация государственного страхования рабочих и др. Предусматривалось также принятие ряда мер в области экономики, народного образования и др.

Отличительной чертой октябристов была резкая критика действий революционных и оппозиционных партий: вооруженного восстания в Москве, законопроектов, исходящих от левого крыла Государственной Думы, Выборгского манифеста, который после роспуска I Думы подписали представители фракций кадетов и трудовиков. В этом документе населе-

ние призывалось к пассивному сопротивлению — отказу платить налоги и давать рекрутов правительству. Вместе с тем члены Союза 17 октября активно поддерживали карательные действия царизма по подавлению восстания, создание военно-полевых судов для борьбы с революцией, роспуск II Государственной Думы и избирательный закон 3 июня 1907 г., столыпинскую аграрную политику. Недаром октябристов называли правительственной партией.

На выборах в I Государственную Думу октябристы выступали в блоке с Партией правового порядка, Прогрессивно-экономической партией и Всероссийским союзом торговли и промышленности, но потерпели поражение и оказались самой правой и малочисленной (16 депутатов) думской фракцией. В ходе избирательной кампании во II Думу октябристы вступили в блок не только с крупнобуржуазными партиями, но и с «черносотенцами», в результате чего число их депутатов увеличилось до 43. Лишь в III Думе, блокируясь с правыми, октябристы получили 110 мест, а лидеры партии Н. А. Хомяков, А. И. Гучков и М. В. Родзянко — последовательно стали председателями Думы.

3. Социалисты.

Политические партии социалистической ориентации, как всероссийские, так и национальные, в большинстве своем представляли социал-демократическое и неонародническое (эсеровское) направления общественной мысли. Отстаивая, в отличие от либералов и консерваторов, не эволюционный, а революционный путь развития общества, социалисты связывали, согласно их программам, демократические преобразования с ликвидацией не только самодержавия, но и капитализма, с созданием более совершенного социалистического общественного строя. Однако в понимании сущности этого перехода и путей его достижения у них имелись существенные отличия.

Социалистические теории и складывавшиеся на их основе политические организации, получившие распространение в России в конце XIX — начале XX в., имели давнюю историческую традицию, восходящую к работам А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Н. Ткачева, первого русского марксиста Г. В. Плеханова и многих других идеологов и практиков русского революционного движения. В кругах радикально настроенной интеллигенции широко изучались и зарубежные социалистические учения и прежде всего получивший распространение в Западной Европе во второй половине XIX в. марксизм.

В условиях отсутствия в России демократических свобод и запрещения всяких политических (и даже профессиональных рабочих) организаций важную роль в идейной и организационной подготовке создания социалистических партий играли различные заграничные объединения и центры. Так, образование РСДРП было подготовлено деятельностью группы «Освобождение труда», объединявшей живших в Женеве русских марксистов-эмигрантов Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча и В. Н. Игнатова, и созданного в 1894 г. «Союза русских социал-демократов за границей». Выработке программы партии и объединению социал-демократов в России во многом способствовала издававшаяся за границей с декабря 1900 г. В. И. Ульяновым (Лениным), Ю. О. Цедербаумом (Мартовым) и А. Н. Потресовым вместе с членами группы «Освобождение труда» газета «Искра». Большую роль в создании Социал-демократии Королевства Польского и Литвы сыграла сформировавшаяся в 1890—1893 гг. в Цюрихе группа польских студентов-демократов — Р. Люксембург, Я. Тышка, Ю. Мархлевский и др.

Первые эсеровские организации также появились за границей. Среди них были «Союз русских социалистов-революционеров», возникший в Берне (Швейцария) и «Аграрно-социалистическая лига», созданная в 1900 г. в Париже по инициативе В. М. Чернова. В Лондоне в 1899 г. выходила эсеровская газета «Накануне», а с 1901 г. в Женеве печатался журнал «Вестник русской революции», появившийся по инициативе кружка русских эмигрантов, проживавших в Берлине, и ставший затем идейно-теоретическим органом партии социалистов-революционеров.

Заграница и в дальнейшем служила базой российского социалистического движения. Здесь проходили партийные съезды и конференции, издавались газеты, готовились кадры профессиональных революционеров, находились партийные центры, а также многочисленная российская эмиграция из нелегалов. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и Л. Д. Троцкий (Бронштейн), В. М. Чернов и многие другие в начале XX в. большую часть времени провели за границей. Влияние Запада и слабая связь с Россией не могли не сказываться на утопизме и схематизме многих партийных доктрин и оценок социалистами конкретных ситуаций.

В России создание социалистических партий было подготовлено деятельностью многочисленных союзов, кружков и групп марксистского, неонароднического, переходного от марксизма к неонародничеству и более неопределенного демократического толка. В 90-е гг. XIX в. идея борьбы за социализм буквально захватила умы интеллигентской и студенческой молодежи. При этом не только в социал-демократической, но и в народнической среде складывается признание первенствующей роли рабо-

чего класса в борьбе с самодержавием и капиталистами (хотя неонародники понятие «рабочий класс» трактовали более широко, чем марксисты, включая в него пролетариат и трудовое крестьянство). Не удивительно, что создаваемые и руководимые интеллигентами и студентами нелегальные организации служили целям революционно-демократической и социалистической пропаганды и просвещения рабочих, а также агитации «на почве конкретных нужд» среди фабрично-заводского пролетариата и ремесленников (преимущественно западных и южных губерний). Наиболее крупными из этих организаций были Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Рабочие союзы в Москве, Одессе, Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе, «Группа новых народовольцев», «Рабочая партия политического освобождения России», «Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др. В условиях российской действительности, где крестьянство составляло большинство населения страны и являлось основным источником формирования рабочего класса и армии наемного труда в целом, социалистическая идеология понималась в самом широком смысле этого слова, включая и марксизм, и утопический социализм и даже анархизм.

Первые социалистические партии на территории России появились в национальных районах — в Финляндии, Польше, Литве, Украине, Белоруссии, Армении. Финляндия и Польша отличались более высоким уровнем экономического и социального развития. Существенное значение имела близость заграницы, тесные связи с социал-демократами западных стран и их непосредственное влияние. Более развитое национальное самосознание, давние традиции национально-освободительной борьбы также способствовали созданию этих национальных по своей природе организаций. Наконец, Польша, Литва, Украина, Белоруссия были местом компактного проживания еврейского населения, известной «черты оседлости». Ущемление гражданских и культурно-образовательных прав евреев при их высоком интеллектуальном уровне способствовало активному участию евреев в политической борьбе.

Если исключить Финляндию и следовать хронологии, то первой социал-демократической партией, начавшей действовать в России, окажется армянский «Гнчак» («Колокол»). Но она была создана в 1887 г. за границей, в Женеве, группой студентов — выходцев из Русской Армении. В 1890 г. в Тифлисе возник Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» («Союз»), который по своим воззрениям и методам борьбы был близок к будущей Партии социалистов-революционеров (эсеров) и пытался соединить марксизм с неонароднической идеологией. Вместе с тем армянские революционеры стремились увязать демократические требова-

ния с борьбой всех армян за освобождение от национального и религиозного гнета (которому они подвергались на территории многих стран) и за государственное объединение. Характерно, что в «Дашнакцутюн» входили представители как национальной буржуазии и интеллигенции, так и рабочих, крестьян, служащих.

В 1893 г. была создана Польская социалистическая партия (ППС), а также Социал-демократия Королевства Польского. В 1900 г. в результате слияния СДКП с Рабочим союзом Литвы возникла Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В 1880—1890-х гг. стали оформляться национальные еврейские партии. Одной из самых известных организаций стал Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд), I съезд которого прошел в Вильно в 1897 г. В 1900 г. начал действовать Латышский социал-демократический Союз (ЛСДС), а в 1904 г.— Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП), Украинский социал-демократический союз («Спилка») и т. д.

Создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) провозгласил ее I съезд, состоявшийся в Минске в 1898 г. Однако программа и устав партии были приняты лишь на II съезде РСДРП, проходившем летом 1903 г. в Брюсселе, а затем в Лондоне. Съезд открыл «патриарх» российской социал-демократии Георгий Валентинович Плеханов, которому в 1903 г. было 46 лет. В его судьбе отразились многолетние искания российской интеллигенции наиболее радикальных и вместе с тем социологически обоснованных способов обновления страны, лишения и страдания, которые выпали на ее долю на этом нелегком пути. Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, Г. В. Плеханов[32] уже в годы учебы в петербургском Горном институте вступил в народнический кружок, затем в организацию «Земля и воля», а после ее раскола в 1879 г. возглавил «Черный передел». Придерживаясь взглядов народников-бакунистов, Плеханов связывал надежды на преобразование России с крестьянской революцией и общиной как основой будущего социалистического общества. В январе 1880 г. под угрозой ареста он вынужден был покинуть родину, как оказалось на целых 37 лет.

Вскоре Плеханов пережил глубокий идейный кризис, связанный с разочарованием в народнической доктрине и переходом на позиции марксизма. Преодолевая материальную нужду, гонения, тяжелую болезнь, Плеханов благодаря своему таланту, систематическому самообразованию и исключительному трудолюбию стал одним из ведущих марксистских теоретиков, широко известным в России и за рубежом. В течение 20 лет созданная им в 1883 г. в Женеве группа «Освобождение труда» вела идейную борьбу с народничеством, занималась распространением марксист-

ских идей в России. Придя к выводу о руководящей роли марксистской партии в освободительной борьбе рабочего класса, Плеханов принял предложение В. И. Ленина об участии в издании газеты «Искра» и журнала «Заря», внес большой вклад в разработку проекта программы РСДРП. Открывая II съезд партии, он говорил: «Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, восклицал словами рыцаря-гуманиста: «Весело жить в такое время!» Ну, а когда весело жить, ...тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу; в этом и заключается весь смысл нашей жизни» [33].

Несмотря на долгие дебаты при обсуждении проекта программы, она была принята съездом в предложенном редакцией «Искры» виде. Однако при обсуждении организационных вопросов среди «искровцев» произошел раскол, положивший начало существованию в РСДРП фракций большевиков и меньшевиков.

Разногласия возникли по-существу по вопросу о характере создаваемой партии. Ленинская модель партии, разработанная им еще в книге «Что делать?» (1902 г.), предусматривала нелегальную, централизованную организацию профессиональных революционеров, пригодную для конспиративной деятельности и захвата власти. Повышение «боевой готовности» партии достигалось сужением ее демократизма. Членство в партии по предложению В. И. Ленина обусловливалось жестким условием: обязательным личным участием в работе одной из ее организаций.

Более либеральную формулировку предложил Ю. О. Мартов. Она допускала прием в партию лиц, признающих ее программу и оказывающих ей материальную помощь и регулярное содействие под контролем одной из партийных организаций.

Большевики требовали строгого соблюдения партийной дисциплины, настаивали на широких полномочиях Центрального комитета (его состав, как и состав партийных комитетов, пополнялся путем кооптации), на безоговорочном подчинении местных организаций ЦК.

Меньшевики допускали большую самостоятельность местных комитетов, а делегаты Бунда на II съезде РСДРП потребовали признания его единственным представителем еврейского пролетариата и вхождения в партию на федеративных началах. Однако съезд с этим не согласился. Бунд, СДКПиЛ, а также Социал-демократия Латышского края вошли в состав РСДРП лишь в 1906 г. на правах автономных организаций.

После съезда разногласия между большевиками и меньшевиками усилились. Были созданы фракционные центральные органы. Поскольку «Искра» оказалась в руках меньшевиков, большевики начали выпускать

свою газету — «Вперед». В апреле 1905 г. в условиях начавшейся революции большевистские делегаты собрались в Лондоне, объявив себя очередным, III съездом РСДРП. Одновременно меньшевики проводили в Женеве свою конференцию. Становилось все более очевидным различное понимание большевистской и меньшевистской фракциями не только организационных, но и программных, и тактических вопросов.

Признанным лидером и идеологом большевиков стал Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Несмотря на дворянский сословный статус, семья Ульяновых была демократичной и трудовой. Отец Ленина — инспектор, а затем директор народных училищ Симбирской губернии дослужился до чина действительного статского советника, за что и получил потомственное дворянство. Дед со стороны отца был из крепостных крестьян, портной, со стороны матери — врач. Большое влияние на Ленина оказал старший брат Александр, привозивший из Петербурга в Симбирск новейшую литературу по истории, экономике, социологии и участвовавший в народовольческом движении. Казнь брата в 1887 г. за подготовку покушения на Александра III произвела на Владимира Ульянова большое впечатление и «уже сама по себе была сильным толчком на революционный путь»[34]. Дальнейшие его шаги в политике были типичны для многих молодых людей того времени: учеба в Казанском и Петербургском (он сдал экзамены экстерном) университетах, участие в нелегальных кружках, чтение работ Н. Г. Чернышевского, П. Н. Ткачева, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, полемика с народниками и «легальными марксистами», пропаганда среди рабочих, создание в Петербурге вместе с Ю. О. Мартовым «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», арест в декабре 1897 г. и ссылка на 3 года в Сибирь, а затем — эмиграция и издание там «Искры» и «Зари». К тому времени Ленин был автором многих работ, посвященных социально-экономическим (развитие капитализма в России) и политическим вопросам, где обосновывалась необходимость создания такой партии, которая оказалась бы способной «перевернуть Россию». Его товарищи по партии достаточно быстро убедились в том, что Ленин был не только фанатично предан делу, но и «органически не переваривал мнений, отличных от его собственных». (Это обстоятельство в немалой степени способствовало нетерпимости, сложившейся среди большевиков, постоянной борьбе их с инакомыслием.) А. Н. Потресов отмечал, что в работах Ленина «большая сила и в то же время что-то однобокое, однотонно-упрощенное и упрощающее сложности жизни»[35].

В этом отношении прямой противоположностью Ленину был Юлий Осипович Мартов (Цедербаум), ставший во главе меньшевиков. По мнению исследователей, «ум Мартова охватывал, оценивал всю сложность,

всю противоречивость события, явления»[36]. Натура тонкая, легко ранимая, нравственно чистая, он был глубоко демократичен, лишен вождистских замашек, не признавал диктата над собой и над другими. Слабыми сторонами Мартова как политика и партийного лидера были недостаток волевого начала, быстрая смена настроений, оторванность не только от масс, но и от рядовых партийцев, излишняя щепетильность в отношениях с политическими противниками, а главное — внутреннее тяготение к западноевропейским социально-политическим и социокультурным моделям, мало пригодным для России. У Мартова не было ленинского напора, фанатизма и нетерпимости, неразборчивости в средствах достижения поставленной цели, что и предопределило его конечное поражение. В состав меньшевистской фракции вошли также П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, Ф. И. Дан, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе и др. К ним присоединился и Г. В. Плеханов.

Среди членов РСДРП была широко представлена демократическая интеллигенция, студенты, учащиеся, а в 1905—1907 гг. значительно увеличилось число рабочих. В конце революции в РСДРП рабочие составляли 64%, служащие — 4%, интеллигенты — 32%[37]. В партийном активе соотношение было иным. На V съезде РСДРП, проходившем весной 1907 г., из 303 делегатов, избранных местными организациями, доля делегатов-рабочих составляла третью часть. В руководящих большевистских и меньшевистских органах за все время их существования от 30 до 65% составляли выходцы из сословия мещан, 20—25% — лица дворянского происхождения, из крестьян было менее 30%[38]. По роду занятий большинство социал-демократов являлись представителями демократической интеллигенции (учителя, врачи, статистики и др.), а также квалифицированными рабочими. Партия была многонациональной, но большинство в ней (по данным на 1905 г.) составляли русские — 60,8%, евреи — 18,9% и украинцы — 10,8%. Максимальная численность РСДРП (весной 1907 г.) достигала 150—170 тыс. человек, из которых 60 тыс. были большевиками и свыше 45 тыс.— меньшевиками. В Петербурге насчитывалось примерно 8,7 тыс. социал-демократов, в Москве — 7,7 тыс. В целом же в 1905—1907 гг. социал-демократические организации были в 551 населенном пункте России — 79 в губернских городах, 312 — в уездных и 160 — в сельской местности[39].

В программе РСДРП, принятой на II съезде, признание социальной революции как конечной цели партии обусловливалось не конкретными условиями России, а «господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире»[40]. Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия выдвигала ту же цель, к которой стремились социал-демократы всех других стран.

При этом сущность социальной революции заключалась в замене частной собственности на средства производства и обращения общественною, а необходимым условием этого считалась диктатура пролетариата, которая понималась как «завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»[41]. Следует отметить, что необходимость ликвидации частной собственности и установления диктатуры пролетариата признавали и национальные социал-демократические партии России — левое крыло («молодые») ППС, СДКПиЛ, ЛСДРП и др.

Однако этот абстрактный лозунг вскоре оказался наполнен большевиками вполне реальным содержанием. В 1905 г. гегемонию пролетариата (который считался выразителем общенародных интересов) под руководством РСДРП в буржуазно-демократической революции большевики стали рассматривать как условие и залог победы этой революции и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и перехода «в меру нашей силы» (по словам Ленина) к социалистической революции. Это, в свою очередь, послужило бы импульсом к началу социалистической революции на Западе и обеспечило возможность построения социалистического общества в России. Большевики явно преувеличивали степень развития капитализма в стране, а впоследствии зрелость мировой системы капитализма для перехода к социализму.

В отличие от большевиков меньшевики предостерегали рабочих от возможной попытки захвата власти в ходе буржуазно-демократической революции, ибо тогда рабочий класс был бы вынужден «делать» социалистическую революцию, к которой ни Россия, ни сам пролетариат не были подготовлены. Главную задачу меньшевики видели в развитии самосознания и самодеятельности пролетариата, в создании широкой рабочей партии. Переход к социализму они обусловливали наличием для этого объективных и субъективных предпосылок в стране.

Ближайшей политической задачей РСДРП ее программа объявляла низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой. Необходимость таких преобразований связывалась с тем, что в стране сохранились «очень многочисленные остатки нашего старого, докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства»[42]. Царское самодержавие считалось «самым значительным из всех этих пережитков», к тому же по самой своей природе оно было враждебно всякому общественному движению. Предполагалось, что конституция, которая должна была быть принята при установлении демократической республики, обеспечит самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верхов-

ной государственной власти в руках законодательного собрания, избранного всеобщим, равным и прямым голосованием, а также широкое местное самоуправление, «неограниченную» свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, неприкосновенность личности и жилища, свободу передвижения, уничтожение сословий и полное равноправие всех граждан. Основным условием демократизации государственного хозяйства считалась отмена всех косвенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства.

Требования по рабочему вопросу были направлены на охрану духовных и физических сил рабочих, усиление их способности к освободительной борьбе. Среди них были 8-часовой рабочий день, установление минимальной заработной платы, страхование рабочих за счет государства и хозяев, охрана труда и др. Программа РСДРП предусматривала отмену выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих на крестьянство, как на податное сословие, возвращение уже выплаченных крестьянами сумм в форме выкупных и оброчных платежей, учреждение крестьянских комитетов для передачи сельским обществам тех земель, которые были отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права («отрезков»), отмену всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей, и др. Однако уже III съезд большевиков высказался за поддержку социал-демократией идущего аграрного движения и крестьянских требований вплоть до конфискации всех помещичьих, монастырских и удельных земель, что фактически означало отказ от программного положения о возврате крестьянам только «отрезков». В свою очередь меньшевики на IV (Объединительном) съезде РСДРП, проходившем в апреле 1906 г. в Стокгольме, предложили программу муниципализации земли, которая предусматривала передачу государственной, монастырской, удельной, церковной, кабинетской и помещичьей земли в распоряжение органов местного самоуправления для пользования ею крестьянами.

Положения программы РСДРП по национальному вопросу сводились к признанию права населения на получение образования на родном языке, использования родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях, а также «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». В 1913 г. на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Поронино в большевистской резолюции по национальному вопросу эти пункты были уточнены. Подчеркивалась необходимость широкой областной автономии и вполне демократического местного самоуправления, а также права «угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е.

на отделение и образование самостоятельного государства»[43]. Однако, как считает ряд исследователей, лозунг самоопределения был для большевиков не столько реальной целью, сколько средством укрепления своих позиций в политической борьбе с Бундом, «ликвидаторами» и другими «оппортунистами», стимулятором революционного процесса и способом противостояния правым[44]. Как подчеркивалось в поронинской резолюции, «вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации»[45]. Ленин высказывался и против федерации: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»[46]. Следует также учитывать, что задачи классовой борьбы пролетариата всегда были приоритетными для социал-демократии, а решение этих задач связывалось с интернациональным сплочением рабочих всех национальностей. Ликвидация же национального гнета обусловливалась демократическим устройством государства.

В целом национальный вопрос был главным в программах национальных социалистических партий, хотя он и рассматривался там в связи с решением социальных проблем. Наиболее радикальную позицию занимала ППС, которая выступала за создание федеративного, независимого от России государства в границах бывшей Речи Посполитой, основанного на добровольной федерации Литвы, Польши, Украины, Белоруссии и Латвии. В программе польских социал-демократов, принятой на их I съезде в 1894 г., речь шла о «самоуправлении краев» (стран) в конституционной России. Теоретик партии Р. Люксембург считала восстановление независимости Польши в тех условиях нереальным, а лозунг национальной независимости — политически вредным, ибо он отдалил бы польский пролетариат от пролетариата всей России. На II съезде СДКПиЛ в 1900 г. формулировка I съезда СДКП по национальному вопросу была заменена лозунгом «полной автономии» польского, литовского и других народов в рамках демократической конституционной России, которая со временем превратится «в федерацию свободных политических групп»[47]. Под влиянием ППС в программе Литовской социал-демократической партии (1896 г.) предусматривалось (как первый шаг в осуществлении программы-максимум) создание самостоятельной Литовской республики, соединенной с другими вновь образованными государствами на западной территории России в федеративный союз. При этом литовские социал-демократы прямо заявляли, что они опираются на положение Ф. Энгельса о том, что «настоящее международное сотрудничество народов Европы возможно лишь тогда, когда каждый из этих народов является полным хозяином у себя дома»[48].

Представители Бунда придерживались лозунга национально-культурной автономии (заимствованного из национальной программы социал-демократии Австрии). IV съезд Бунда (май 1901 г.) принял резолюцию, в которой признавалось, что будущим государственным устройством России должна стать федерация национальностей с полной национальной автономией каждой из них независимо от занимаемой территории. Однако в тех условиях требование национальной автономии признавалось преждевременным. Считалось целесообразным бороться за отмену всех исключительных законов, принятых в отношении евреев. VI съезд Бунда в октябре 1905 г. зафиксировал следующие основные положения: полное гражданское и политическое равноправие евреев; употребление ими родного языка в сношениях с судом, государственными учреждениями и органами местного и общественного самоуправления; национально-культурная автономия (изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры).

Для реализации выдвинутых требований программа РСДРП 1903 г. признавала необходимым после свержения самодержавия созыв Учредительного собрания, «свободно избранного всем народом». Но уже III съезд большевиков, опираясь на ленинские идеи, высказанные в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», сделал вывод о необходимости установления в результате победы революции «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и допустимости участия социал-демократов во Временном революционном правительстве.

Существенные расхождения у российских социал-демократов существовали по тактическим вопросам. Для большевиков задачей номер один было обеспечение руководящей роли партии в революции. Меньшевики устами Ю. О. Мартова призывали основывать тактику РСДРП на доверии к «стихии революционного развития»[49]. Большевистская идея гегемонии пролетариата предполагала союз с крестьянством и противостояние не только самодержавию, но и либеральной буржуазии. Меньшевики считали, что революция в России развивается по образцу западноевропейских революций, а потому буржуазия не только является ее движущей силой, но и должна возглавить освободительное движение в стране. Задача пролетариата виделась им в содействии буржуазно-либеральной демократии в деле прихода ее к власти. Крестьянство же хотя и считалось способным «двигать революцию», но могло также, по мнению меньшевиков, осложнить достижение победы своим стихийным бунтарством и политической несознательностью.

Считая рабочий класс основной движущей силой революции, социал-демократы активно поддерживали его стачечную борьбу, использовали

демонстрации и митинги для политической агитации, а в условиях революции 1905 г. большевики стали активно готовить вооруженное восстание не только в организационном, но и в военно-техническом отношении. Являясь противниками индивидуального террора, они, однако, повсеместно участвовали в вооруженных восстаниях декабря 1905 и 1906 гг., а также в различных формах «партизанской» борьбы, которая включала в себя так называемые «экспроприации» в пользу партии (одной из таких «экспроприаций» было крупное ограбление банка, совершенное в Тифлисе группой большевиков под руководством известного революционера Камо).

Делая ставку на вооруженное свержение самодержавия, большевики вначале проявляли недоверие к возникавшим в ходе революции внепартийным организациям — Советам рабочих депутатов, профсоюзам, а также бойкотировали выборы в I Государственную Думу. Когда же они убедились в проигрышности своей позиции, то стали использовать эти и другие легальные организации прежде всего в целях революционной борьбы и агитации, а не для конструктивной работы. Что касается меньшевиков, то они, хотя и допускали возможность применения вооруженного восстания, но не абсолютизировали его, а вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г. оценили позже как ошибку. Меньшевики переносили центр тяжести партийной работы в массовые рабочие организации: профсоюзы, Советы, кооперацию и др. Они признавали равноценность думской и внедумской деятельности партии. Для достижения конкретных целей социал-демократы осуществляли тактику «левого блока», договариваясь о совместных действиях с представителями других революционно-демократических партий, в частности с эсерами.

* * *

Еще с середины 90-х гг. XIX в. члены революционных народнических организаций стали называть себя «социалистами-революционерами», подчеркивая этим свою преемственность по отношению к народникам 70-х гг., членам «Народной воли» (которые считали себя социалистами и революционерами). Одновременно они отмежевывались от термина «народник», ставшего к тому времени уже непопулярным. В январе 1902 г. в газете «Революционная Россия», издаваемой нелегально «Союзом социалистов-революционеров», появилось извещение о слиянии неонароднических организаций и создании Партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров) на платформе журнала «Вестник русской революции». В течение 1902—1904 гг. за границей шла выработка программы партии; ак-

тивное участие в этом принимали В. М. Чернов и его сторонники. Одновременно на страницах газеты «Революционная Россия» для широкой публики излагались теоретическая концепция и основы тактики создаваемой партии.

Однако процесс организационного оформления ПСР шел сложно, в бурной полемике не только среди самих эсеров, но и с социал-демократами. Лишь в декабре 1905 — январе 1906 г. на I съезде ПСР была принята программа и временный организационный устав. По сравнению с социал-демократами эсеры создали партию менее сплоченную и дисциплинированную и стремились удержать в своих рядах колеблющихся, в частности будущих энесов и максималистов. И дело заключалось не только в отсутствии четких критериев членства и уставных принципов, которые вырабатывались с трудом, но и в ином понимании задач партии: она предназначалась для революционной борьбы, а не для захвата власти.

Эсеры существенно уступали социал-демократам и по численности: в 1905—1907 гг. в партию социалистов-революционеров входило немногим более 60 тыс. человек. Абсолютное большинство из них (свыше 54 тыс.) работало в Европейской России. Губернские комитеты ПСР здесь существовали в 48 губерниях (из 50), группы — в 254 уездах (из 504). В Петербурге весной 1907 г. насчитывалось более 6 тыс. эсеров. В Москве в 1906 г. в эсеровскую организацию входило от 1500 до 3000 организованных рабочих. В 2067 первичных сельских организациях ПСР по всей стране было свыше 26 тыс. крестьян[50]. Во всех городах, где имелись высшие учебные заведения, были созданы студенческие эсеровские организации. Активно работали социалисты-революционеры во Всероссийском железнодорожном союзе — профессионально-политической организации железнодорожных рабочих и служащих. Имелась также Волжская судоходная организация ПСР. Значительным влиянием пользовались эсеры (наряду с меньшевиками) в союзах конторщиков и бухгалтеров, фармацевтов, народных учителей, почтово-телеграфных служащих. В столичных, портовых (Свеаборг, Кронштадт, Севастополь, Владивосток) и некоторых других городах действовали военные организации эсеров.

По сведениям о 21 губернской организации, объединявшей примерно треть эсеров, 43,2% в них составляли рабочие, 45,2% — крестьяне (вместе с солдатами), 11,6% — интеллигенты (включая учащихся)[51]. В руководящем ядре партии эсеров большинство составляла демократическая интеллигенция (многие из них стали уже профессиональными революционерами), студенты, а по сословному статусу треть приходилась на дворян, четвертая часть — на мещан, остальные были выходцами из всех других сословий. Показателен также чрезвычайно высокий процент евреев в выс-

шем звене руководства партией — более 38%[52], что, правда, не было исключением, т. к. значительную роль евреи играли также в руководстве РСДРП и партии кадетов.

В политическом руководстве ПСР преобладали те, кто начинал свою революционную деятельность в народнический и народовольческий период, а потому обладал большим опытом. Но были среди руководителей и более молодые, включившиеся в движение в 80—90-гг. XIX в. Партия эсеров выдвинула целую плеяду ярких, выдающихся деятелей революционного движения. Центральной фигурой и признанным авторитетом был Виктор Михайлович Чернов[53]. Отец Чернова, бывший крепостной крестьянин, благодаря полученному образованию и службе стал уездным казначеем, получил дворянство; мать — из обедневшей дворянской семьи. В. М. Чернов окончил гимназию (в Саратове, а затем в Дерпте) и в 1832 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Знакомство с бывшими народовольцами А. В. Сазоновым и М. А. Натансоном, с работами Н. К. Михайловского, П. Б. Струве способствовало пробуждению у Чернова интереса к общественному движению, привело в тайные неонароднические организации, по делу одной из которых — «Партии народного права», он был арестован. В тамбовской ссылке 1895—1899 гг. Чернов стал инициатором агитационной работы среди крестьян, а также начал свою публицистическую деятельность. Однако по-настоящему его роль теоретика и идеолога эсеровской партии, видного публициста проявилась в эмиграции, куда Чернов уехал в 1899 г. Он формулирует задачи и принципы созданной в 1900 г. в Париже Аграрно-социалистической лиги, а с образованием партии социалистов-революционеров входит в ее заграничный ЦК, разрабатывает теоретические основы, программу и тактику партии, становится одним из редакторов и основных авторов «Революционной России», других легальных и нелегальных изданий.

В конце октября 1905 г., в условиях объявленных царизмом «свобод», Чернов вернулся в Россию, где активно включился в главную, как он считал, работу — по организации масс, установлению связи с Всероссийским крестьянским союзом и Петербургским советом рабочих депутатов. Среди товарищей по партии В. М. Чернов занимал центристскую позицию, склоняясь к реформистскому пути социалистического преобразования России.

Выдающимися организаторскими способностями отличался Марк Андреевич Натансон — старейший революционер, бывший член «Земли и воли» и «Партии народного права». Он активно участвовал в устройстве различных организаций, в координации левых сил. Григорий Андреевич

Гершуни — основатель партии эсеров и ее боевой организации сочетал в себе способности оратора, публициста и организатора. Будучи убежденным террористом, он много занимался также пропагандой, агитацией и организацией масс. Его более всего интересовали тактические вопросы, тогда как в обсуждении теоретических проблем он, как правило, участия не принимал.

Многими талантами, в том числе литературным, был наделен Борис Викторович Савинков. Но более всего его привлекал террор. В своей автобиографии, написанной в Лубянской тюрьме в Москве в 1924 г., он писал: «... в 1903 году бежал за границу, в Женеву, где вступил в ПСР и вошел в ее Боевую организацию. Вернувшись нелегально в Россию, я принял участие в убийстве Плеве (15.VII.1904), а потом в убийстве великого князя Сергея Александровича (4.II.1905), а также во многих других террористических актах, в том числе в покушении на Дубасова, Дурново, Чухнина, Столыпина и в нескольких покушениях на Николая II» [54].

«Бабушкой русской революции» называли Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую. Еще в 70-е гг. XIX в. она принимала участие в «хождении в народ» и осталась верна этому делу до конца: в начале XX в. она призывала молодежь, интеллигенцию заниматься агитацией и пропагандой в массах, а в годы революции сама участвовала во множестве крестьянских съездов, вела агитационную и организационную работу среди крестьян.

В основе эсеровской идеологии лежала перенятая у народников идея о возможности особого пути России к социализму. Вместе с тем эсеры внесли в народническую концепцию ряд существенных коррективов, отражавших в определенной мере те изменения, которые произошли не только в российской действительности, но и в экономическом положении, общественном движении, философской и социалистической мысли Запада. В. М. Чернов пытался «европеизировать» народничество, создать социалистическую теорию, приложимую к странам с преобладающим крестьянским населением.

Программа ПСР открывалась положением о все более тесной связи России с «передовыми странами цивилизованного мира» и одновременном сохранении ею ряда особенностей, «обусловленных своеобразием ее предыдущей истории и местных условий и международного положения» [55]. Говоря о развитии буржуазного общества, программа отмечала различное соотношение между его положительными и отрицательными сторонами в развитых и отсталых странах (в России это соотношение было наименее благоприятно), говорила об изживании капитализмом своего прогрессивного содержания. Признавая себя одним из отрядов «между-

народного социализма», эсеры выдвигали задачу «социально-революционного переворота», суть которого сводилась к обобществлению труда, собственности и хозяйства; уничтожению частной собственности, деления общества на классы, к «планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу»[56]. Лишь осуществление этой программы могло обеспечить, по мнению ее авторов, благосостояние и свободу, всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности. Реорганизация общественного строя на социалистических началах связывалась с полной победой рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и «в случае надобности» с установлением его «временной революционной диктатуры»[57]. При этом если в промышленности переход к социализму, как считали лидеры эсеров, осуществится в результате развития капитализма, то в сельском хозяйстве — некапиталистическим путем, через социализацию земли и обобществление земледельческого производства с помощью различных форм кооперации. Здесь эсеры опирались на традиции и формы жизни русского крестьянства — общину и крестьянское трудовое хозяйство, которое они не считали мелкобуржуазным.

Осуществление этой конечной цели требовало в условиях России уничтожения царизма, являющегося «опорой паразитических классов» внутри страны и оплотом «европейской реакции». Эсеровская программа предусматривала установление демократической республики и предоставление всем гражданам свобод, аналогичных тем, которые отстаивали и социал-демократы,— всеобщего избирательного права, свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и т. д. Близкими к социал-демократическим были и требования по рабочему вопросу, а также их мотивация (с целью охраны духовных и физических сил рабочих в городе и деревне и усиления их способности к борьбе за социализм).

А вот аграрная программа эсеров существенно отличалась от социал-демократической. Она содержала требование социализации земли, которое означало отмену частной собственности на землю без выкупа, превращение ее не в государственную собственность, а в общенародное достояние без права купли-продажи (эсеры основывались на убеждении крестьян, что земля ничья, Божья). Предусматривалась передача всей земли в ведение центральных и местных органов самоуправления и предоставление ее бесплатно всем работающим на земле на условиях уравнительного пользования. Отличались от социал-демократических требований и требования по национальному вопросу. Эсеры заявляли себя сторонниками федерации, широкой автономии для областей и общин (как городских, так и сельских), а также для национальных регионов с призна-

нием за ними права на самоопределение вплоть до отделения. Однако это право реально предусматривалось лишь для Польши и Финляндии. Вопрос об отделении от России других территорий, на которых компактно проживали те или иные национальности, всерьез не обсуждался.

Эсеры исходили из того, что в российском обществе существуют два лагеря: один объединяет самодержавие, дворянство, буржуазию и высшую бюрократию, другой — рабочих, трудовое крестьянство и интеллигенцию (последнюю они считали антибуржуазной). Союз этих трех социальных сил должен был обеспечить успех революции. Однако эсеры отказались от народовольческой идеи «захвата власти». Преобладающим было мнение о переходе власти после свержения самодержавия к буржуазии. Предполагался созыв Учредительного собрания, в котором эсеры рассчитывали получить в ходе демократических выборов большинство.

Формы и методы борьбы, которые использовали эсеры, были разнообразны и включали пропаганду и агитацию (под лозунгом «Земля и воля»), мирную парламентскую деятельность, а также все формы внепарламентской борьбы (стачки, бойкот, демонстрации, восстания и др.). От социал-демократов в этом отношении эсеров отличало лишь то, что они признавали индивидуальный террор в качестве эффективного средства политической борьбы. Террор, использование которого обусловливалось запрещением в полицейском государстве легальных форм протеста, рассматривался эсерами как средство агитации и возбуждения общества, мобилизации революционных сил, сдерживания произвола и дезорганизации правительственных властей. С апреля 1902 г. начала свою террористическую деятельность Боевая организация эсеров, входившая в партию на автономных началах и возглавлявшаяся Г. А. Гершуни, а затем Е. Ф. Азефом (оказавшимся, как выяснилось впоследствии, агентом охранки). Численность Боевой организации составляла от 10 до 30 человек, всего же в ней перебывало свыше 80 эсеров[58]. Особое значение придавалось террору, направленному против влиятельных, реакционно настроенных государственных деятелей. Жертвами эсеровского террора стали министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, харьковский губернатор кн. И. М. Оболенский и уфимский — Н. М. Богданович и др. В период революции 1905—1907 гг. было совершено до 200 террористических актов. К этому можно добавить свыше 50 террористических актов, совершенных в 1906—1907 гг. «Союзом социалистов-революционеров максималистов», выделившимся из партии эсеров[59].

Подобно социал-демократам эсеры бойкотировали I Государственную Думу, однако затем способствовали организации в ней крестьянской Трудовой группы, которая использовала ряд программных положений эсеров,

в частности при составлении своего аграрного проекта «104-х». На эсеровских принципах был основан также выдвинутый в Думе земельный проект «33-х». Во II Думе эсеры получили 37 депутатских мест и особенно активно участвовали в прениях по аграрному вопросу. Однако по влиянию на крестьянских депутатов эсеры все же уступали представителям более умеренного неонароднического течения — народным социалистам.

* * *

Противостояние государства и общества — характерная черта исторического развития России. Она обусловливалась длительным господством самодержавного строя в стране, при котором сосредоточение максимума прав у правящей верхушки сочеталось с почти полным их отсутствием у основной массы населения. Если под политической культурой понимать характер (стиль) взаимоотношений власти и населения, а также различных политических сил между собой, то следует признать, что в этом отношении в начале XX в. в стране произошли существенные изменения. В XIX в. консервативно и либерально настроенные представители привилегированных слоев имели возможность выражать свои интересы через сословные корпоративные организации, а также путем прямого и косвенного влияния на государственный аппарат. Во второй половине столетия важным каналом взаимодействия общества и государства становятся органы городского и земского местного самоуправления. Радикально настроенная часть общества в своем противостоянии властям вынуждена была действовать нелегально и самыми различными способами, вплоть до террора.

Рост общественного движения в конце XIX — начале XX в. и особенно революция 1905—1907 гг. дали мощный толчок процессу формирования в стране многопартийной политической системы, которая просуществовала (со значительными изменениями) до середины 1920-х гг. В отношении многопартийности Россия напоминала некоторые другие страны (в частности, Францию) и отличалась от тех государств (например, Англия, США), где существовала двухпартийная система. Российская многопартийность основывалась на многообразии путей и методов модернизации страны, предлагаемых представителями различных политических партий, начиная от крайне правых, консервативных и кончая радикальными и крайне левыми. Вместе с тем многопартийность была обусловлена переходным состоянием и исключительно дробной социальной структурой российского общества и многонациональным характером населения страны. В создании и деятельности партий наиболее активно участвовала

прежде всего дворянская и разночинская интеллигенция, широко представленная во всех партиях и особенно в их руководящем ядре. В то же время вполне отчетливо прослеживается вовлечение в партийные ряды и всех других слоев населения, а также ориентация различных партий на определенные классы и социальные группы. В целом, однако, партийно-политической деятельностью была охвачена крайне незначительная часть населения страны. Правда, она несколько возрастала за счет тех, кто приобщался к политике, участвуя в профессионально-политических союзах интеллигенции и служащих, во Всероссийском крестьянском союзе, в Советах рабочих депутатов, в легальных рабочих организациях, прежде всего в профсоюзах, массовое возникновение которых относится к 1905—1907 гг.

Длительная историческая традиция способствовала выработке различными партиями довольно четких программных основ. Однако незрелость складывавшейся партийно-политической системы проявлялась в идейном разброде и организационной неустойчивости и аморфности многих партий, в постоянном возникновении новых и распаде некоторых ранее возникших партий, в делении их на фракции и противостоящие друг другу группы, в переходе членов одной партии в другую и т. д. Поражение революции повлекло за собой идейное разложение и распад ряда политических организаций, уменьшение численного состава большинства партий.

Наконец, типичной чертой российской многопартийности являлась конфронтационность, проявлявшаяся во взаимоотношениях партий не только с властью, но и между собой. История российских политических партий — это история межпартийной борьбы, а также борьбы фракций, групп, лидеров, история нетерпимости, нежелания идти на компромиссы. В немалой мере это служило показателем личностных амбиций, но в конечном счете являлось выражением сложного, противоречивого характера массового народного движения, результатом тех острых социальных противоречий, которые были так характерны для России.

Примечания

[1] См.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 5.

[2] См.: *Филиппова Т. А.* Российское реформаторство второй половины XIX века. Проблема либерально-консервативного синтеза // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 96, 97.

[3] Там же. С. 103.

[4] Цит. по: *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 9.

[5] Там же. С. 108—109; *Степанов С. А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 194—195, 221, 227.

[6] Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. С. 237—238.

[7] Там же. С. 198—199.

[8] Там же. С. 200.

[9] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода. 1801—1917. М., 1961. С. 278.

[10] См. Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995. С. 420—459.

[11] Там же. С. 421.

[12] Там же. С. 442.

[13] Там же. С. 422.

[14] *Волобуев О. В.* К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 286.

[15] *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914). С. 54—55.

[16] См. *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 38—62.

[17] Цит. по: *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 49.

[18] Конституционно-демократическая партия. Съезд 12—18 октября 1905 г. СПб., б/г. С. 4.

[19] Там же. С. 22.

[20] *Шелохаев В. В.* Указ. соч. С. 62; *он же.* Численность и состав кадетской партии // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. С. 97—98.

[21] Там же. С. 98; Политические партии России... Энциклопедия. С. 267.

[22] Подсчитано по: Политические партии России... Энциклопедия. Приложение 5. С. 759—767.

[23] См. *Думова Н. Г.* Павел Николаевич Милюков // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.

[24] См. Программы политических партий России. С. 326—333.

[25] *Думова Н. Г.* Указ. соч. С. 204.

[26] Цит. по: *Шелохаев В. В.* Партия октябристов в период Первой российской революции. М., 1987. С. 23.

[27] Там же. С. 34.

[28] Там же. С. 35—36.

[29] См. Программы политических партий России. С. 341—349.

[30] См.: *Шелохаев В. В.* Партия октябристов в период первой российской революции. С. 53.

[31] См. *Боханов А. Н.* Александр Иванович Гучков // Россия на рубеже веков... С. 91.

[32] См. *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997.

[33] Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 5.

[34] Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 499.

[35] Политические партии России... Энциклопедия. С. 309.

[36] *Иоффе Г. З.* Юлий Осипович Мартов // Россия на рубеже веков... С. 282.

[37] *Волин М. С.* К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции // Революция 1905—1907 гг. в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 175, 176.

[38] Подсчитано по: Политические партии России... Энциклопедия. Приложение 7. С. 772—779.

[39] *Уткин А. И.* К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905—1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. С. 10, 22—23, 35, 39.

[40] Программы политических партий России. С. 47.

[41] Там же. С. 46.

[42] Там же. С. 47.

[43] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. 1, 1898—1925. М., 1953. С. 315—316.

[44] *Журавлев В. В.* Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX века // История национальных политических партий России. С. 88; *Смирнова М. И.* Национальные политические партии России социал-демократического направления (конец XIX — начало XX в.) // Там же. С. 141.

[45] КПСС в резолюциях. С. 316.

[46] *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. Т. 48. С. 235.

[47] Политические партии России... Энциклопедия. С. 569.

[48] ГА РФ. Ф. 102. 00. 1910. Д. 12.Л. 16.

[49] Политические партии России... Энциклопедия. С. 343.

[50] *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 45—51.

[51] Там же. С. 59.

[52] Там же. С. 70.

[53] См. *Колесниченко Д. А.* Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков...

[54] *Савинков Б.* Воспоминания. М., 1990. С. 3—4.

[55] Программы политических партий России... С. 139.

[56] Там же. С. 141.

[57] Там же. С. 143.

[58] Политические партии России... Энциклопедия. С. 436.

[59] Там же. С. 437, 580.

ОТ САМОДЕРЖАВНОЙ К САМОДЕРЖАВНО-ПАРЛАМЕНТСКОЙ МОНАРХИИ

А. Н. Боханов

1. Манифест 17 октября 1905 года. Социальная ситуация в стране, политика правительства. Законодательные акты конца 1905 — начала 1906 годов.

В сентябре 1905 г. в России развернулась широкая забастовочная кампания. События начались 19 сентября в Москве, когда печатники прекратили работу, выдвинув экономические требования. Скоро к ней присоединились представители других профессий, а забастовки перекинулись в другие районы. Помимо экономических требований появились и политические, в том числе и требование созыва «народных представителей».

В начале октября 1905 г. хозяйственная жизнь империи оказалась почти полностью парализованной. Не работали железные дороги, почта, телеграф, не выходили газеты, закрылись рестораны, аптеки, многие магазины. Большинство промышленных предприятий то же не работало. В ряде мест случились беспорядки, сопровождаемые грабежами и насилием.

В крупнейших городах начали возникать так называемые, советы рабочих депутатов, стремившиеся перенять функции местной власти. 13 октября подобная организация возникла в Петербурге, чуть позже — в Москве (в октябре они существовали почти в 50-ти населенных пунктах). Эти организации объединили главным образом представителей крайне левых партий и течений. Советы в двух столичных городах оказались самими деятельными, а их тактика и требования наиболее радикальными.

Петербургский Совет уже 14 октября потребовал от Городской Думы выдать деньги, для «вооружения рабочих» и перестать выделять довольствие для содержания войск. Естественно, что это требование не нашло поддержки среди «отцов города».

17 октября 1905 г. Совет избрал руководящий орган — Исполнительный комитет, состоявший из 31 человека. Его возглавил двадцативосьмилетний помощник присяжного поверенного П. А. Хрусталев (Носарь). В тот же

день из печати вышел и первый номер газеты под названием «Известия совета рабочих депутатов», редактором которой являлся Л. Д. Троцкий.

Лидеры Совета были убеждены, что «сила творит право». Руководствуясь подобной «философией», 29 октября они постановили явочным порядком устанавливать на предприятиях восьмичасовой рабочий день. Подобное решение было с энтузиазмом воспринято многими рабочими. Однако затея успеха не имела. Хозяева начали прибегать к локауту, и уже через две недели за воротами оказалось около ста тысяч рабочих. Призыв Совета объявить по этому поводу всеобщую забастовку отклика не получил.

К середине октября центральная власть находилась в состоянии оцепенения. В правящих кругах заговорили о диктатуре и одним из претендентов на роль диктатора называли двоюродного дядю монарха великого князя Николая Николаевича (Младшего), который уклонился от этих сомнительных лавров.

О царившей тогда атмосфере на самом верху иерархической пирамиды поведал начальник канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов: «Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие — за создание совещательного органа, третьи — за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами» [1].

На авансцене политического действия оказался С. Ю. Витте, только недавно вернувшийся триумфатором из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мир. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек «может все».

Ранее он был сторонником «твердых решений» считая, что для укрепления власти необходимо создать единое консолидированное правительство, способное проводить «сильную политику» (в качестве его главы он видел себя). В начале 1905 г. в письме К. П. Победоносцеву С. Ю. Витте писал: «Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе и, в особенности, обезумевшей» [2].

К осени 1905 г. взгляды «его сиятельства» (в награду за Портсмутский мир Витте получил графский титул) сильно изменились и заметно «порозовели». Он не оставил мысль об объединенном кабинете, но вместе с тем, уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными, а не только совещательными правами. Он составил специальную записку, представленную царю 9 октября, в основу

которой легли предложения известного общественного деятеля, отставного генерала В. Д. Кузьмина-Караваева. Это была программа срочных преобразований. Она предусматривала предоставление гражданских свобод, созыв народного представительства с законотворческими функциями, создание объединенного совета министров, введение нормированного рабочего дня, государственного страхования и ряд других, более частных положений.

Будучи по природе прагматиком, С. Ю. Витте понимал, что предлагаемые, еще совсем недавно немыслимые уступки, необходимы для ослабления сокрушительного социального натиска, считая, что полноту царской власти можно сохранить и при народном представительстве. Главное, по его мнению, одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в «данную критическую минуту», а потом все можно будет «урегулировать».

«Ход исторического прогресса неумолим»,— заявлял граф, обращаясь к монарху. И далее продолжал: «Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма,— они будут неудачны, но они будут, несомненно,— разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права. Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так и в настоящий несоизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения... Государственная власть должна быть готова вступить на путь конституционный. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или иной формы»[3].

Император серьезно отнесся к доводам и аргументам С. Ю. Витте и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для «восстановления порядка повсеместно». Однако граф этим не удовлетворился и заявил, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить в совещании лиц «по усмотрению государя».

Такие обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 года самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», текст которого был составлен главой правительства и его давним знакомым, членом Государственного Совета князем А. Д. Оболенским.

Манифест стал важнейшей политической декларацией последнего царствования.

Он содержал обещания «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов; привлечь к выборам в Государственную Думу все слои населения; признать Думу законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу. Осуществление намечаемых Манифестом предначертаний возлагалось на Совет министров.

Манифест 17 октября 1905 г.— переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия в стране, монархическая власть отказывалась от исконных, освещенных веками истории и «Божественным соизволением» прерогатив. Под напором событий и увещеваний С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича и ряда других лиц из ближайшего окружения Николай II принял новые реальности [4].

Через два дня после манифеста император писал матери в Данию: «В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром, и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее, единственный в настоящий момент... Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать» [5].

Получив большие властные полномочия, главе кабинета надлежало решить невероятно сложные задачи: создать дееспособную администрацию, покончить с анархией и кровавыми эксцессами, разработать серию законодательных мер по реализации положений Манифеста 17 октября. И все это в атмосфере паралича власти, паники, безответственности и финансового кризиса.

Первая и самая насущная задача сводилась к наведению порядка, в установлении мирного и предсказуемого течения общественной жизни. Октябрьский манифест, как и предполагал С. Ю. Витте, внес некоторое замешательство в ряды оппозиции, умеренно-либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя

они не стали сторонниками правительства, но на некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению.

Левые же не собирались довольствоваться достигнутым. Лидер большевиков Ульянов (Ленин) неистовствовал на страницах газеты «Пролетарий»: «Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!».

Однако восторженный энтузиазм даже в либеральной среде разделяли далеко не все. Один из известных общественных деятелей П. Н. Милюков (будущий бессменный руководитель кадетской партии) находился в момент опубликования Манифеста в Москве. Здесь, в Литературном кружке, по получении известия о Манифесте, восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанной залы, поставили на стол, дали в руки бокал шампанского и заставили произнести речь. И будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него многие не ожидали: «Ничто не изменилось, война продолжается»[6].

Ученик известного историка В. О. Ключевского не принимал от власти никаких половинчатых уступок. Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, полных гражданских прав, всеобщего избирательного права и т. д., а пока «власть этого не дала, мы будем с ней бороться». К сожалению, взгляды социалиста-экстремиста Ленина и кадета-либерала Милюкова совпадали не только в этом пункте.

Либералы милюковского толка не только выдвигали политические требования самого крайнего характера, но по сути дела выступали и соучастниками террористических преступлений левых, которые так ни разу и не осудили. Однозначному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей. Когда же убивали губернатора, министра, офицера, городового или даже («по ошибке») простого обывателя, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было. Пройдут годы и в первые дни Февральской революции 1917 г., выступая в Таврическом дворце, Милюков публично признает «дружеские привязанности»: «Мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета»[7].

Но до этих широковещательных саморазоблачительных заявлений лидера партии, называемый часто «главной силой российского либерализма», в 1905 г. было далеко. Еще были не исполнены «главные партии». Но «партнерская тактика» была сформулирована именно тогда. Обращаясь к левым, Милюков обозначил ее красочной театральной метафорой: «Зачем, господа, нам спорить? Вы делаете за сценой гром и молнию, а мы будем играть на сцене»[8].

Кадетом очень хотелось исполнять «первые роли»! Известнейший в начале века журналист, обозреватель влиятельной столичной газеты «Новое время» М. О. Меньшиков в 1906 г. язвительно прокомментировал распределение ролей в кровавой «антрепризе» под названием «освободительное движение». «Длинный ряд молодых людей, подростков с неустановившимися мозгами, длинный ряд экзальтированных девушек с револьверами и бомбами — это лишь актеры бунта, редко опытные, чаще бездарные. За кулисами скрываются более тонкие режиссеры; они не срывают рукоплесканий райка, зато загребают кассу. В случае победы партии, кости Зинаиды Коноплянниковой (эсерка, в августе 1906 года покушавшаяся на убийство командира Лейб-гвардии Семеновского полка генерала Г. А. Мина.— *А. Б.*) будут гнить в Шлиссельбурге, а в министры попадет, пожалуй, г. Набоков. Он корректен, он, кажется, даже ест в перчатках... Он, видите ли, только режиссирует «освободительное движение», не больше» [9].

Главе объединенного кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с известными общественными деятелями либеральной ориентации, некоторым из которых он предложил министерские портфели. В их числе были: Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, князь Е. Н. Трубецкой, А. И. Гучков, П. Н. Милюков и ряд других. Свое согласие они обставили таким количеством условий и требований, принять которые самодержавной власти было невозможно.

Особо неприемлемыми было два: убрать из администрации не угодных земцам лиц и провозгласить политическую программу деятельности кабинета. Удовлетворение последнего требования по сути дела означало признание ответственности правительства не перед монархом, а перед земско-либеральными кругами.

Конфронтационный характер носили и решения земского съезда (последнего в истории), открывшегося 6 ноября 1905 г. в Москве. Собравшиеся отказались выразить поддержку кабинету Витте даже в условной форме, выступили за введение всеобщего избирательного права (всеобщего, равного, тайного и прямого, так называемая, «четыреххвостка») и за предоставление Думе права принимать конституцию. Фактически они призвали созвать Учредительное собрание.

Кроме того, участники съезда потребовали «немедленного осуществления» полной свободы: отмены всех чрезвычайных законов, всеобщей амнистии, отмену смертной казни. При этом все знали, что волна террора расширялась. Как позднее написал один из известных либералов В. А. Маклаков, «тогда никто серьезно не думал, что можно бороться с террористическими покушениями только амнистией и свободами» [10]. Это была лишь «политическая линия»...

Нежелание «идти во власть» объяснялось не только политическими расчетами и идеологическими разногласиями. Некоторые просто боялись. Примечательный в этом смысле эпизод описал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте.

Вскоре после Манифеста 17 октября пост министра просвещения глава правительства решил предложить известному юристу, почетному профессору Петербургского университета Н. С. Таганцеву, которого и пригласил к себе для личного объяснения. Далее произошло следующее: «Таганцев, очень взволнованный, заявил мне, что он не чувствует себя в силах принять мое предложение, я его начал уговаривать, и это продолжалось несколько минут. Он схватил себя за голову и с криком «не могу, не могу» убежал из моего кабинета; я вышел за ним, но его уже не было, он схватил пальто и шапку и убежал». Описав эту сцену, С. Ю. Витте логично заключил, что «в то время перспектива получить бомбу или пулю никого не прельщала быть министром» [11].

Манифест 17 октября, хотя и привел к ликованию в некоторых салонно-либеральных кругах, но не погасил революционный пожар, достигший наивысшего размаха в ноябре — декабре 1905 г. В середине декабря дело дошло до вооруженного восстания в Москве. За несколько дней до того, царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить манифест и подтвердить незыблемость царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли, и акт, не подлежащий изменению» [12].

Первые недели после 17 октября С. Ю. Витте пребывал в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе правительства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть находилась в коллапсе.

В письмах матери Николай II писал: «Вообще он (Витте) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение» (27 октября). «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять» (10 ноября) [13].

Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Правые ненавидели его за то, что он нарушил «исконный порядок», что он пошел на поводу у либеральных крикунов и заставил монарха подписать «ужасный акт». Либералы кадетского толка не верили ни

Витте, ни царю, ни государственным институтам, подозревая всех и вся лишь в интригах и лицемерии. Левым же группам и течениям не нужны были никакие преобразования, они добивались полного разрушения всех составляющих государственной системы.

Витте не предполагал, что после Манифеста, вместо успокоения, в стране усилятся антигосударственные выступления. Власть сделала невероятные уступки, а результат был обратный ожидавшемуся. Глава правительства этого не предвидел и не предучел. Получив огромные полномочия, которых давно добивался, не знал, как ими распорядиться. Один из сановников, близко наблюдавших его в тот момент, вспоминал: «В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить и никакого определенного плана действий... Может быть в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля» [14].

После появления Манифеста 17 октября административная власть во многих частях империи была фактически парализована. Старые методы управления как бы упразднялись, а новых директив из Петербурга не поступало. Между тем народные толпы в разных местах чинили бесчинства, и эта вакханалия насилия продолжалась все первые недели осенней «весны свободы».

Московский губернатор Д. Ф. Джунковский позднее писал: «18 октября Москва приняла праздничный вид, забастовка в городских предприятиях закончилась, железные дороги стали функционировать. Везде чувствовался большой подъем. Но одновременно с сим и оппозиционные и революционные кружки не дремали и старались везде ввести беспорядок. Появились процессии по улицам, одни — с портретом Государя, другие — с красными флагами, между ними происходили стычки, одни пели гимн, другие — революционные песни. Те и другие бесчинствовали, учиняли насилие над прохожими, которые не снимали шапок. Полиция, не имея никаких директив, смотрела и не принимала никаких мер, разнузданность толпы наводила панику на мирного обывателя» [15].

Стычки между «красными» и «черными» становились повседневностью. На протяжении многих десятилетий ангажированные «бесценным учением» отечественные историки все кровавые эксцессы тех дней однозначно объясняли «политикой властей», якобы науськивавшей «темные силы» на «расправу с революционным движением». Сочинителей не смущало, что никаких документальных фактов, подтверждающих подобную «аксиому», так обнаружить и не удалось. Однако отголоски подобных

представлений можно встретить и в работах, вышедших уже после крушения коммунистического режима[16].

Конечно, эти печальные события не режиссировались властями; они стали неизбежным результатом неразберихи и хаоса, господствовавших в стране. Самые жестокие и продолжительные кровавые столкновения развернулись в декабре 1905 г. в Москве, где в течение нескольких дней шли настоящие уличные бои между левыми и войсками. Имелось много жертв и разрушений. События ошеломили современников.

От правительства требовалось принять силовые решения и они, после некоторых колебаний, были приняты. Войска для усмирения беспорядков использовались многократно.

После московского восстания взгляды премьера резко поправели, что озадачило даже царя, который, как ему казалось, хорошо знал сановника. В одном из писем к матери Николай II заметил: «Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона»[17].

Единого восприятия, универсальной оценки Манифеста 17 октября 1905 г. не было ни тогда, когда он появился, ни позднее. Некоторые считали, что это конституционный акт и что с этого момента идет отсчет конституционной эпохи; другие, и таких было немало, были убеждены, что это лишь «фиговый листок самодержавия», только тактический маневр царизма, желавшего обмануть «народные чаяния» и продлить свое существование.

Манифест 17 октября не был конституцией; это была декларация намерений. Но эта очевидность нередко игнорировалась (и игнорируется). Немалое число современников, главным образом из числа фигурантов «освободительного движения», как и последующих исследователей, в угоду политическим интересам и догматическим мировоззренческим пристрастиям трактовали его как «закон прямого действия». Согласно подобным воззрениям, все положения о свободах и правах должны были стать нормой жизни в огромной империи сразу же после опубликования. И это при отсутствии всякого законодательного регулирования! В действительности никаким «актом прямого действия» манифест не являлся, и являться не мог.

Власть намечала перспективу преобразований, которые надлежало проводить постепенно, в атмосфере стабильности и порядка. Перво-наперво надлежало разработать законодательную основу для выборов в Государственную Думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями манифеста.

21 октября 1905 г. появился указ об амнистии, согласно которому освобождались от суда, преследования и «прочих последствий» все подданные, учинившие «преступные деяния без насилия». Прочим лицам срок лишения свободы сокращался наполовину[18].

26 ноября появился указ о «Временных правилах о повременных изданиях». Условия существования газет и журналов теперь существенно менялись, полностью упразднялась предварительная цензура: отменились издательские залоги, отменялось право Министерства внутренних дел издавать циркуляры, запрещавшие освещать в печати те или иные события. Отныне преступления против закона, «учиненные посредством печати», могли преследоваться лишь в судебном порядке.

В конце октября начались регулярные заседания консолидированного Совета министров, указ о создании которого увидел свет 19 октября. В центре его внимания сразу же оказались наиболее острые социальные вопросы и первейший среди них — аграрный. Стало уже очевидным, что широкое распространение революционных беспорядков во многом было связано с неблагополучным положением крестьянства, в первую очередь центральных и западных губерний России (за 1905 г. было разграблено и сожжено около 2 тыс. имений, в том числе около 600 в прибалтийских губерниях).

Манифест 17 октября не содержал никаких упоминаний о положении крестьян. Этот пробел сразу стал очевидным. У Витте возникла мысль издать отдельный манифест, обращенный к крестьянам, где содержалось бы обещание улучшить их положение. 31 октября премьер от имени Совета министров представил Николаю II докладную записку. Ознакомившись с предложением, царь наложил резолюцию: «Если в манифесте будет даровано сложение всех выкупным платежей, то он произведет желанное успокоение. Одними же обещаниями ничего достигнуто не будет».

В письме главе правительства монарх пояснил свою позицию: «Я очень сожалею, что в Манифесте 17 октября не было упомянуто о крестьянах и мерах удовлетворения их нужд. Издание второго манифеста сейчас, через две недели после первого, должно произвести впечатление спешно составленного, как бы запоздавшего акта, опубликованного вдогонку первому». Далее, размышляя о насущных первоочередных мерах, заметил: «Вопрос, конечно, первостепенной важности и, по-моему, несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет»[19].

Улучшению положения крестьянства было посвящено специальное заседание правительства, проходившее 3 ноября под председательством ца-

ря. Вопрос о необходимых мерах сразу же затронул «больной нерв» государства: состояние финансов, находившихся в весьма плачевном состоянии. Огромные расходы, связанные с войной, убытки от социальных волнений, потери от забастовок — все вместе взятое к концу 1905 г. расстроило денежное хозяйство России. В этих условиях министерство финансов было озабочено не сокращением налогов, а их увеличением. (Выкупные платежи крестьян за землю составляли 7% бюджетных поступлений.)

Однако позиция царя была выражена вполне определенно. По словам одного из участников заседания, император «высказал весьма решительно мнение, что от обещаний и прекрасных слов следует перейти к крупным и осязательным мерам по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится... Для достижения такого результата государь находил возможным не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми сильными мерами»[20].

Непосредственным результатом этих обсуждений стало появление царских указов о сокращении наполовину размера выкупных платежей (с 1907 г. они вообще отменялись), а также об «усилении капиталов Крестьянского банка для увеличения приобретения частновладельческих земель и облечении условий получения заемщиками кредита». (Функция банка состояла в предоставлении крестьянам ссуд для покупки земли.)

В последующие месяцы правительство Витте не оставляло без внимания аграрную проблему и разрабатывало предложения по общей реформе землевладельческого строя в России.

Один из таких проектов был составлен главноуправляющим (с 28 октября 1905 г.) Главного управления землеустройства и земледелия Н. Н. Кутлером. Для ликвидации крестьянского малоземелья он предлагал принудительное отчуждение в пользу крестьян части казенных, удельных и частновладельческих земель, а общий размер подобного отчуждения должен был достигать 25 млн десятин[21]. Фактически почти половина всего фонда частновладельческих земель должна была стать предметом административного перераспределения.

О данном проекте стало широко известно, его обсуждали в прессе, руководство кадетской партии его открыто поддержало. Однако автор проигнорировал важнейшее царское указание, что ни при каких условиях переустройство земледелия не должно предусматривать насильственных форм изъятия земли. Принцип нерушимости частной собственности не должен был подвергаться сомнению. Хотя Кутлер высказывался за денежную компенсацию владельцам отчуждаемых угодий, но сам факт признания возможности насильственной экспроприации создавал опасный прецедент.

Перед правительством возникла сложная дилемма: как дезавуировать проект главы государственного ведомства (Николай II в одном из частных писем назвал его «подлецом»), но при этом сохранить лицо. В конце концов 4 февраля 1906 г. Кутлер был уволен со своего поста. К этому времени разработкой земельного проекта занималась особая комиссия, готовившая предложения по широкому кругу имущественно правовых вопросов.

Царь счел необходимым публично огласить принципы государственной политики в деревне. Принимая 18 января 1906 года депутацию крестьян из Курской губернии, заявил: «Вы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно, то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля, принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может... Помните всегда, что право собственности свято и должно быть неприкасаемо» [22].

В конце 1905 — начале 1906 гг. перед властью существовала и еще одна первоочередная политическая задача, поставленная манифестом 17 октября: созыв Государственной Думы. Утвержденный в августе 1905 г., так называемый «Булыгинский проект», требовал существенной переработки. Октябрьский манифест наделял Думу законодательными правами, расширяя и круг избирателей.

Совет министров в ноябре 1905 г. разработал проект нового избирательного закона. Одновременно с этим по просьбе Витте представители общественных кругов Н. Д. Шипов и А. И. Гучков, принадлежавшие к правому крылу земско-либеральной оппозиции, предложили свой вариант. Оба эти проекта стали предметом рассмотрения на совещаниях высших должностных лиц империи, происходивших в начале декабря 1905 г. под председательством монарха в Царском Селе.

Существенная разница между двумя проектами состояла в нескольких принципиальных пунктах: первый сохранял выборы непрямые, неравные и куриальные, а второй предусматривал мажоритарную систему выборов по округам, предоставляя равные избирательные права всем подданным, достигшим 25 лет, проживающим в данном районе не менее 6 месяцев, кроме монахов, учащихся, а так же лиц имеющих судимость и находящихся под следствием.

На царскосельских совещаниях разгорелись дискуссии о возможности введения «четыреххвостки». Витте и некоторые другие считали подобный избирательный прием совершенно не приемлемым в условиях России, где большая часть населения необразованна и политически неискушенна, чтобы принимать ответственные решения. Это могло привести

к победе безответственных демагогов, а в парламенте будут заседать «преимущественно адвокаты».

Эту же точку зрения разделял и царь, в конце второго дня обсуждения заметивший: «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики, Это было бы бессмысленно и преступно. Первый проект дает более гарантий для осуществления реформ, возвещенных в манифесте 17 октября»[23]. В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы становились многоступенчатыми. Указ об этом появился 11 декабря 1905 г.

Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но, с другой стороны, гарантировал присутствие в Государственной Думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени. Общая численность Государственной Думы определялась в 524 депутата, выборы намечались на март 1906 г., а открытие на конец апреля.

Не участвовали в выборах: лица моложе 25 лет, иностранные подданные, женщины, учащиеся, военные на действительной службе, признанные виновными в преступлениях или находившиеся под следствием, состоявшие под опекой, банкроты, душевнобольные, губернаторы, вице-губернаторы, полицейские чины и некоторые другие социальные группы. (На практике обнаруживалось, что запрет на участие в выборах нередко нарушался. Только в I Государственной Думе оказалось несколько десятков депутатов, привлекавшихся раннее к судебной ответственности и скрывших судимость[24].)

20 февраля 1906 г. появился манифест, развивавший положения Манифеста 17 октября. В нем указывалось, что за монархом сохраняются все права, кроме тех, которые «Он разделяет с Государственной Думой», Государственный Совет приобретал характер верхней палаты и реформировался. Отныне только половина его членов назначалась царем, а другая часть комплектовалась представителями от православного духовенства, дворянства, земства, от организаций науки, промышленности и торговли.

Все эти нововведения совершенно не устраивали левые круги и удовлетворяли лишь часть либерально настроенной общественности. В январе 1906 года состоялся съезд кадетской партии, который высказался за конституционную монархию и парламентаризм (ответственность правительства перед Думой).

Даже умеренные представители кадетской партии все еще были убеждены, что Россия способна реализовать новейшие достижения европейской «политической практики и науки». Когда весной 1906 г. один из лидеров конституционно-демократической партии Маклаков посетил в Париже министра внутренних дел Ж. Клемансо, и с пафосом стал ему рассказывать, что его партия (кадеты) «решительно выступает за введение всеобщего избирательного права», то его собеседник покачал головой и спросил тоном, в котором уже содержался ответ: «Как, уже?»[25].

2. Основные законы 1906 года.

После появления манифеста 17 октября 1905 г. стало ясно, что новые политические реальности диктуют необходимость пересмотра Основных Законов Российской империи. Витте считал (это мнение разделяли и многие другие сановники), что нельзя откладывать эту работу, которую необходимо завершить до начала заседаний Государственной Думы, чтобы наперед исключить всякую возможность принятия на себя ею функции Учредительного собрания. Опасность подобного развития была вполне реальной.

Царь поручил составить предварительный проект новой редакции основных законов государственному секретарю барону Ю. А. Икскуль фон Гильденбандту и председателю Государственного Совета графу Д. М. Сольскому. В начале марта 1906 г. разработанный проект поступил в Совет министров, где он обсуждался на протяжении четырех заседаний. 19 марта премьер сообщал царю: «Имею честь всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что Совет министров окончил рассмотрение вопроса об издании Основных законов и проект таковых».

Николаю II были представлены проект и «мемория» (памятная записка) Совета министров. После ознакомления с документами царь решил созвать совещание высших должностных лиц империи, для окончательного обсуждения предлагаемых изменений первой части первого тома Основных Законов.

Такие совещания состоялись в Большом Петергофском дворце 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года под председательством царя. В них участвовало несколько десятков лиц; почти все известные сановники, сенаторы и министры, как бывшие, так и действующие. Кроме того, к обсуждению были привлечены и царские родственники: брат Николая II великий князь Михаил Александрович, двоюродный дядя монарха великий князь Николай Николаевич (председатель Совета государственной обороны и Главноко-

мандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа), а также его родной дядя великий князь Владимир Александрович.

Особое волнение участников вызвало обсуждение двух пунктов: обозначение верховных прерогатив монарха (ранее они определялись в законе как «самодержавные» и «неограниченные») и принцип несменяемости судей. Первостепенным представлялся вопрос о законодательном определении верховных прерогатив монарха. Большинству участников было ясно, что 17 октября 1905 г. произошел коренной перелом в облике российской государственности и оставлять все без изменения, значило проявить политическую слепоту и дать врагам возможность использовать этот аргумент в борьбе с властью.

На обсуждение было представлено две новых редакции. Первая звучала так: «Самодержцу Всероссийскому принадлежит верховная в государстве власть». Второе же предложение видоизменяло старую правовую норму, и формулировалась следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». И в том и другом случае из закона предполагалось исключить определение «неограниченный».

Монархисты-традиционалисты же считали, что Манифест 17 октября «предуказал» лишь то, что Дума получила ограниченные законодательные права. Что же касается полноты исполнительной власти, то тут монарх продолжает сохранять неограниченные прерогативы. А раз так, то никаких изменений этого пункта не требуется.

С такой трактовкой был не согласен С. Ю. Витте. Он считал, что раз существует норма, что «Российское государство управляется на твердом основании законов», то «толкование о неограниченной власти управления отпадает, ибо в действительности верховная власть подчиняется закону и им регулируется». Через полгода после Октябрьского манифеста глава кабинета уже отчетливо понимал всю сложность соединения традиционных государственных норм с заявленными принцами гражданской свободы и продекларированными новыми приемами управления. Поэтому граф вынужден был признать, что он «ныне смущен, как был смущен 17 октября»[26].

Сомнения одолевали и царя, которыми он и поделился с собравшимися. «Все это время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил. Борьба во мне продолжается. Я еще не пришел к окончательному выводу... Искренне говорю вам, верьте, что если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы для блага ее сделал бы это с радо-

стью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1 Основных законов уже 109 лет»[27].

В конце концов, в последний день заседаний Николай II согласился на изъятие из закона понятия «неограниченный». Одновременно был решен и другой спорный вопрос, вызвавший продолжительные прения: о законодательном закреплении принципа несменяемости судей. В итоге эта норма была зафиксирована[28].

23 апреля император утвердил новую редакцию «Основных законов Российской империи». Они подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому,— гласила статья 4,— принадлежит верховная самодержавная власть». Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников.

В Основных законах появился и новый момент, которого не было раньше. В статье 86 говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственный Думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора». Следующая, 87 статья, позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме «чрезвычайных указов».

Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, штатов и смет различных ведомств, отчетов Государственного контроля, рассмотрения всех вопросов, связанных с железнодорожным строительством и т. д.

Реформированный Государственный Совет также получал право законодательной инициативы. Законопроекты не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора[29].

Возникшая система мало походила на развитый парламентский строй, который существовал к тому времени в целом ряде европейских государств. Правительство назначалось монархом и несло ответственность только перед ним, избирательные права населения были заметно урезаны, а Дума получала ограниченные возможности воздействия на власть. Однако при всем при том, это был переломный момент в развитии монархической государственности.

Известный знаток права В. В. Леонтович, проанализировавший сумму законодательных норм, включенных в апреле 1906 г. в Основные законы,

рассматривал их как конституционный акт. «После конституции 23 апреля 1906 года законодательная власть царя утеряла свой абсолютный характер полностью... Теперь царь не мог устранять или менять законы без участия Государственной Думы и Государственного Совета. А это, в свою очередь, означало, что исполнительная власть его ограничена была законами, которые существовали независимо от его власти»[30].

Основные законы содержали и широкий перечень прав и обязанностей граждан (Глава 8). Собственно к числу обязанностей относились только две: исполнять всеобщую воинскую повинность и платить налоги. Зато перечень гражданских прав был значительно шире. В их числе: гарантия юридической защиты в случае ареста или судебного преследования, неприкосновенность жилища, неприкосновенность частной собственности.

В статье 77 особо оговаривалось, что конфискация собственности могла иметь место лишь в случае государственной надобности и только при справедливой компенсации. Закон признавал право граждан свободно выбирать местожительства в России, беспрепятственно выезжать за границу. Граждане России впервые в истории получили свободу вероисповедания и право создавать союзы и объединения.

Если к этому добавить, что граждане получали право создавать партии, а члены враждебных государству партий, не получивших официальную регистрацию, имели право избирать и быть избранным в Думу как «независимые деятели», то уместен вывод о том, что в Основных законах 1906 г. «с достаточной ясностью и точностью сформулированы принципы гражданской свободы»[31].

Основные законы 1906 года утвердили три исходных элемента конституционного строя: выборное представительство с законодательными правами, разделение исполнительной и законодательной власти, независимость судебной власти.

3. Первая государственная дума: выборы, состав представительства. Власть и дума.

Выборы в Государственную Думу проходили в марте 1906 г., когда в стране все еще были накалены общественные страсти, когда ежедневно из различных мест империи поступали сообщения о погромах, поджогах, насилиях и убийствах на политической почве. Но ситуация уже начинала поддаваться контролю со стороны властей, хотя в некоторых окраинных районах продолжала сохраняться нестабильность и там не удалось провести выборы.

Некоторые левые и правые группы призывали к бойкоту избирательной кампании и среди самых влиятельных здесь была большевистская партия, все еще не потерявшая надежду на возможность массового народного восстания. Помимо большевиков выборы бойкотировали эсеры и правые партии.

В общей сложности в I Думу было избрано 478 депутатов. По своей политической принадлежности они распределились следующим образом: кадеты — 176 человек, октябристы — 16, беспартийные — 105, крестьяне-трудовики — 97, социал-демократы (меньшевики) — 18, а остальные входили в состав национально-окраинных партий и объединений, в значительной своей части примыкавших к либеральному крылу. В числе депутатов доминировали кадеты.

Открытие Думы стало крупным общественным событием; его подробно описывали все газеты. Накануне занятий первой сессии делегаты Государственной Думы и Государственного Совета были приняты в Зимнем дворце императором, который обратился к ним с речью. Среди прочего он сказал: «С пламенной верой в светлое будущее России, Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудные и сложные работы предстоят вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас».

Царь выражал надежду, что думцы отдадут «все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права»[32]. В дневнике за этот день Николай II записал, что вечером «занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества».

Местом занятий Думы был определен старый Таврический дворец. Во второй половине дня 27 апреля, после краткого молебна, Государственная Дума первого созыва приступила к работе.

К этому времени кабинет Витте пал и премьером был назначен известный царедворец И. Л. Горемыкин, убедивший царя пригласить на пост министра внутренних дел бывшего Гродненского, а затем Саратовского губернатора П. А. Столыпина. Новому правительству досталось тяжелое наследство.

Кабинет Витте, оставаясь у власти шесть месяцев, подготовил к открытию Думы ряд законодательных предложений, но новое правительство сочло, что они будут внесены в Думу позднее, после решения многочис-

ленных организационно-структурных вопросов деятельности выборного представительства.

Однако уже с первых дней работы стало ясно, что мирной и неспешной деятельности от депутатов ждать не приходится. Буквально с первых часов своды Таврического дворца стали оглашать призывы и декларации крайне радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное министерство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т. д. Либеральные газеты, ежедневно публикуя подробные и сочувственные материалы о работе законодательного органа, единодушно назвали его «думой народного гнева».

Депутаты хотели полного изменения всего и сразу, и это их страстное желание делало Думу больше похожей на антиправительственный митинг, чем на работу серьезного и ответственного государственного органа. Большинство депутатского корпуса не было заинтересовано в конструктивной работе.

Разгоряченные баталиями революционных битв, многие смотрели на думскую трибуну лишь как на новый инструмент социальной борьбы, позволявший делать бесплатную рекламу и конкретным лицам и определенным политическим течениям.

Все это происходило в атмосфере непрекращающегося террора революционеров. По неполным данным, в январе 1906 года было совершено 80 террористических актов, в феврале — 64, в марте — 50, в апреле — 56, в мае — 122, в июне — 127[33]. По некоторым подсчетам, всего с февраля по май 1906 г. революционными террористами по всей стране было убито и тяжело ранено не менее 1421 человека[34]. Сотни людей стали жертвами беспощадных актов «борцов за свободу» и ни один из них не был осужден не только левыми, но и кадетами.

За день до открытия Думы состоялся съезд конституционно-демократической партии, на котором главная думская партия приняла, по предложению Милюкова, резолюцию, оценивавшую характер опубликованных основных законов: «Накануне открытия Государственной Думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Государственную Думу, средочение надежд исстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства. Никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ»[35]. Перед этим, получив известие о покушении на московского генерал-губернатора адмирала Ф. В. Дубасова, либерал-кадеты разразились аплодисментами...

Подобные настроения свидетельствовали, что сотрудничества впереди не предвидится и конфронтационная борьба неизбежно разгорится с но-

вой силой уже в условиях существования представительного органа. Так оно и случилось.

Эпохальное собрание в Таврическом дворце началось в пять часов пополудни. Перво-наперво надлежало решать ряд важных организационных вопросов и первый среди них — избрание председателя Думы. Почти единогласно (426 голосов из 436) прошла кандидатура доктора римского права, профессора Московского университета кадета С. А. Муромцева.

Оставались другие первоочередные темы: утверждение регламента работы Думы и подготовка ответного адреса на тронную речь императора. Но тогда же, в тот вечер 27 апреля, стало ясно, что народные избранники отдают предпочтение «жестам», а не «результатам».

Как только занял свое место председатель, на трибуну буквально выбежал кадет И. И. Петрункевич и разразился страстной тирадой, которая во всем блеске продемонстрировала общее настроение собрания. «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (гром аплодисментов). Все тюрьмы в стране переполнены (продолжительные аплодисменты), тысячи рук протягиваются к нам с надежной и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (продолжительные аплодисменты). Мы просим мира и согласия. Я думаю, господа, что если в настоящую минуту мы и не приступим к обсуждению этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будем отвечать на тронную речь Государя Императора, то сейчас мы не можем удержаться, чтобы не выразить всех накопленных чувств, крика сердца и не сказать, что свободная Россия требует освобождения всех пострадавших». Далее стенограмма зафиксировала «продолжительные аплодисменты»[36].

Гремели овации, все были возбуждены и воодушевлены. На следующий день после открытия Думы лидер кадетов П. Н. Милюков писал в передовице кадетского официоза газеты «Речь», что «первое слово с думской трибуны было посвящено свободе».

Петрункевич и его соратники просили «мира и согласия», но какого мира? Согласия с кем, и во имя чего? По представлениям думского (кадетского) большинства первоочередная акция должна была свестись к тому, чтобы объявить всеобщую амнистию политическим заключенным. Но ведь такая амнистия уже была объявлена.

Еще 21 октября 1905 г. был опубликован царский указ, где предписывалось освободить от преследования, суда и прочих последствий и даровать полное помилование всем совершившим до 17 октября 1905 г. «пре-

ступные деяния без насилия». Политические оппоненты режима получили право жить и действовать совершенно открыто, а главные действующие лица русской эмиграции вернулись в Россию. Так кого же надо было амнистировать? Тех, кто попал под арест и следствие с конца октября 1905 г. по апрель 1906 г., тех, кто непосредственно замешан был в насилиях. Это были в подавляющем большинстве поджигатели, грабители («экспроприаторы»), убийцы. И либеральное общественное мнение им сочувствовало, поднимало их имена на щит, выставляя подобных лиц «жертвами правительственного террора».

Видный кадет И. Ф. Родичев призывал с думской трибуны: «Господа, я вас приглашаю: будьте единодушны, не будемте возбуждать спора об ограничении амнистии, постановив одно общее пожелание: амнистия должна быть всеобщей, без исключения. За все те преступления, мотивами которых было не низменное своекорыстие, а увлечение — для всех для них прощение». И далее продолжал: «Если их можно наказать — то можно наказать одним прощением, это — единственная казнь, допускаемая за преступления по политическим мотивам после того, как страна обновилась, и это всепрощение да послужит залогом того, что в начавшейся работе Монарх пойдет рука об руку с народом»[37].

Думскому большинству казалось, что они делают самое важное дело и для того, чтобы идти вперед, надо «всех простить», всех, кроме... представителей власти, по адресу которых непрерывно звучали гневные голоса. Им простить ничего не хотели. «Убийцы», «насильники», «грабители», именно так немалое число депутатов именовало представителей власти, а председатель Думы редко кого прерывал за недопустимые выражения...

Первые дни Государственная Дума была занята обсуждением ответного адреса на тронную речь императора. И в этих дискуссиях, полных эмоционального накала и страстности, обозначились приоритеты-требования. Помимо амнистии в их число входило: создание ответственного перед Думой правительства, упразднение Государственного Совета, введение всеобщего избирательного права, обновление администрации на всех уровнях, установление полных политических свобод. Иными словами, думцы ратовали по существу за ниспровержение существовавшего строя, хотя и не признавались в этом.

В конце политических требований стояли социальные вопросы и острейший среди них — аграрный. Крестьянское малоземелье намеревались разрешить путем изъятия государственных, церковных и части частновладельческих земель с передачей их крестьянам. Это была обычная политическая риторика, доступная и понятная крестьянству, с которым заигрывали, как могли (ведь это главная категория выборщиков!).

Реализация подобной программы аграрную проблему не решала, так как не устраняла корневую причину тяжелого положения крестьянства — малоэффективные формы землевладения и землепользования. Что же касается рабочего вопроса, что Дума считала, что первым шагом для его разрешения должно быть «обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самодеятельности для поднятия своего материального благосостояния». Ничего более вразумительного господа депутаты придумать не могли.

Адрес был принят 5 мая, а через несколько дней, 13 мая, с речью к депутатам обратился премьер И. Л. Горемыкин. Вопросы о введении всеобщего избирательного права и создании ответственного перед Думой правительства он вообще не стал рассматривать, так как они касались «коренного изменения основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной Думы».

В своем выступлении глава правительства первоочередные задачи сформулировал совсем иначе, чем это виделось депутатам. Здесь на первом месте стоял аграрный вопрос. Но пути его решения не соответствовали тем, к чему призывали собравшиеся в Таврическом дворце. Об этом было заявлено недвусмысленно: «Совет министров считает своею обязанностью заявить, что решение этого вопроса на предложенных Государственную Думою основаниях, безусловно, недопустимо. Государственная власть не может признать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще право частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество»[38].

Власть ясно и последовательно отвергала самую идею экспроприации, понимая, что ни в коем случае нельзя потакать подобным вожделениям. Те же, кто называли себя русскими либералами, это игнорировали и, следуя политической конъюнктуре, переступали через принцип, который является нерушимым в любом правовом государстве: неприкосновенность частной собственности[39].

Достаточно определенной была позиция правительства и по другому вопросу, который с первого дня был в центе внимания депутатов: о всеобщей амнистии. Премьер выразил уверенность, что «помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях» «в настоящее смутное время» не отвечало бы общему благу. В тоже время он заверил собравшихся, что дела лиц, задержанных в порядке административном, будут тщательно пересмотрены.

Когда Горемыкин закончил свое выступление, то в зале не раздалось ни одного одобрительного хлопка. Зато сразу же в адрес исполнительной

власти полетели стрелы даже не критики, а скорее беспощадного бичевания.

Первым выступил видный кадет профессор уголовного права В. Д. Набоков, сын министра юстиции в 1878—1885 гг. Д. Н. Набокова. Заклеймив государственную власть как «антиконституционную», и по сути дела оправдав революционный террор, который якобы порождался исключительно «правительственным террором», он сформулировал лозунг кадетского большинства: «исполнительная власть да покорится власти законодательной!!»[39]. Призыв к установлению думского самодержавия был встречен продолжительными аплодисментами собравшихся...

За 72 дня работы I Государственной Думы депутаты рассмотрели и приняли лишь два законопроекта: об отмене смертной казни и об ассигновании 15 миллионов рублей на помощь пострадавшим от неурожая (правительство просило выделить 50 миллионов). На другую законотворческую деятельность у думцев времени не хватило.

Зато на изобличение действий правительства времени не жалели. Здесь Дума использовало свое право запроса высшим административным учреждениям и должностным лицам. Всего она предъявила 222 запроса, касавшихся в основном якобы «неправомерных действий» властей[40].

Материалами для запросов служили главными образом газетные заметки о «произволе», а также письма отдельных лиц с жалобами на «притеснения». Точность фактических данных не проверялась, и «дума народного гнева» почти всегда без обсуждения и единогласно принимала подобные запросы. Дума фактически отрицала за правительством право борьбы с революционными выступлениями, утверждая в общественном сознании тезис о безусловной вине власти во всех бедах и потрясениях.

Буквально с каждым днем раскол между Думой и властными структурами усугублялся. Кадетские либерал-радикалы обвиняли правительство в том, что оно не пошло на встречу «чаяниям страны», а правящие круги возмущались поведением депутатов, их крайними лозунгами, экстремистскими призывами, отсутствием у них хоть каких-то примирительных нот вообще.

Уже в эмиграции В. А. Маклаков констатировал: «Идеология Думы была уделом ничтожного интеллигентского меньшинства населения. Народ тогда еще не мыслил государства без Государя. Власть Государя была для него более привычной и признанной, чем власть новорожденной Думы. Заняв такую позицию, давая отпор беззаконным претензиям Думы, правительство защищало не одну конституцию, но понимание обывательской массы. И если бы, как позднее утверждал либеральный канон, правительство только и мечтало о поводах к роспуску Думы, зачем оно им не воспользовалось? Ясно, что ни Государь, ни министры разрыва совсем не

хотели; и после адреса они все еще надеялись с Думой работать»[41]. Это соображение участника и очевидца тех событий представляется вполне обоснованным.

На протяжении нескольких недель власть все еще была убеждена, что «накал страстей» пройдет, что с думцами можно будет начать конструктивно сотрудничать. При дворе даже составляли список «кадетского правительства», над возможностью которого серьезно размышлял и царь[42].

Правительство все первые недели демонстрировало уважительное отношение к Думе, куда постоянно являлись давать объяснения высокопоставленные лица: министры, главноуправляющие, военный прокурор. Некоторые их них, столкнувшись с оскорбительным поведением депутатов, потом долго не могли прийти в себя.

Находились и такие, кто смело «шел в бой», спокойно и аргументировано отвечал на выпады и этим поддерживал престиж власти. В этом ряду на первом месте находился новый министр внутренних дел, которому неоднократно пришлось пройти «думское чистилище».

Он не оправдывался (как делали многие другие), а излагал факты и свои взгляды по различным животрепещущим вопросам. Выступая 8 июня 1906 г., П. А. Столыпин говорил с думской трибуны: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона»[43].

Как министру внутренних дел ему пришлось вести переговоры с некоторыми общественными деятелями, зондируя возможность привлечь их в состав правительства. Но эта попытка окончилась так же безрезультатно, как в свое время и у Витте.

К этому времени, окрыленные успехом думских выборов, многие из них были уверены, что «режим на последнем издыхании» и они имеют право диктовать свои условия. Порой демонстрация такого самомнения носила просто оскорбительный характер. Милюков в беседе со Столыпиным заявил: «Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль, его и за пятак не примут»[44].

Выразители «чаяний несчастной России» из числа интеллектуальной элиты все еще видели «угрозу свободе» там, где ее уже не было, боролись с тем и теми, с кем, во имя будущего, во имя спасения и себя и страны,

надо было заключить долговременное перемирие. Через тридцать лет П. Б. Струве написал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания — как бы не оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг. — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К сожалению, вся русская оппозиция, с конституционно-демократической партией во главе, не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялась не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 года брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина, в частности» [45].

Те истины, которые открылись, да и то лишь наиболее прозорливым «русским европейцам» через десятилетия, чувствовали и понимали и некоторые современники, люди консервативной мировоззренческой ориентации. Они видели угрозу преображению России там, где она действительно существовала.

В начале 1907 года нововременец М. О. Меньшиков предрекал: «Всем ясно, что если победит старая власть, то это нимало не остановит государственной реформы. Самая жестокая из реакций не вычеркнет из жизни конституции, ибо она — плод убеждения самой власти и требование истории. Если же победит бунт, путем ли штурма или осады,— то он внесет в страну самую лютую из тираний — тиранию черни. Начнется разгром нашей слабой культуры. Начнется окончательный развал империи и, может быть, гибель нации» [46].

В переломные же 1905—1907 гг. ни Струве, ни его друзья и единомышленники ничего подобного не писали, не говорили. Они видели совсем иную перспективу. Правда, потом появился сборник «Вехи», но авторы статей не шли дальше критической оценки роли интеллигенции, а уж о принципиальном изменении политической тактики по отношению к власти там не упоминалось вовсе.

В конце июня 1906 г. стало ясно, что дальнейшее существование радикального думского представительства чревато серьезными осложнениями. Повод к роспуску дали сами депутаты, решившие на своем заседании 4 июля обратиться к населению с обращением, где «разъяснить» свою позицию по аграрному вопросу, подтвердив, что она «от принудительного отчуждения не отказывается». 9 июля 1906 г. I Государственная Дума была распущена и были объявлены новые выборы.

На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в городе Выборге, где опубликовало, так называемое, «Выборгское воззвание», в котором, в знак протеста «против роспуска народного представительства»,

население призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займы. Эта акция никакого успеха не имела.

Депутаты не показали себя государственными людьми, способными, во имя государственных интересов, идти на компромисс, отказываясь от своих мировоззренческих догматов. Через много лет, накануне Второй мировой войны, это с грустью констатировал участник тех событий, один из главных лидеров кадетской партии В. А. Маклаков: «Но что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной Думы? Она оказалась способна только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам... А своих государственных людей она не выдвинула потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью; а этого кадетская партия не захотела, так как легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не может», «революционеры» им подчинятся и что они все смогут одни. И жизнь прошла мимо этих детских претензий» [47].

Все эти родовые черты отечественного либерализма и главной политической силы его кадетской партии — со всей очевидностью проявились в I Государственной Думе. Она обнажила одну характерную особенность кадетской партии, черту, которая не позволяет относить эту политическую структуру к либеральным партиям в изначальном смысле этого слова. Преклонение перед отвлеченным, абстрактным правом («благо народа», «благо страны») неизменно сочеталось с тем, что реальное право, действующие законодательные нормы, существующие приемы общественного устройства они не просто критиковали, но и игнорировали.

Это стало очевидным уже с первого дня. При вступлении в число депутатов каждый думец обязан был подписать торжественную присягу, гласившую: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной Думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся» [48].

Ни один из депутатов не отказался от подписи, и ни один потом не отозвал свою подпись. Однако не успели чернила на подписном листе просохнуть, как клятва была забыта. Все основополагающие законы, подписанные монархом, главные должностные лица, назначенные монархом, все это стало объектом бесконечного шельмования. Что же касается Бога, то большинство «русских европейцев» давно порвали и с церковью, и с Богом. Все это для них являлось лишь титулами «реакции» и «невежества».

Опасения многих сановников оправдались: кадеты намеревались придать Государственной Думе функции Учредительного собрания и сокрушить существовавший строй. Ни о каком сотрудничестве с властью они и не помышляли ни тогда, ни потом. Они к нему не были готовы ни морально, ни психологически. Воспитанные в духе безусловного и тотального отрицания традиционных форм и норм они, по сути, не изменились за все время своей открытой политической деятельности. I Государственная Дума обнажила это с поразительной беспощадностью.

Кадеты, постоянно «бросая перчатку» власти, сделали законодательное собрание совершенно недееспособным. И если власть, невзирая на все политические «зигзаги», все-таки старалась руководствоваться законом, то кадеты стремились утвердить антилиберальный принцип «захватного права». Царь, распуская Государственную Думу, имел на то юридическое обоснование, а господа-думцы, составляя Выборгское воззвание, выступая за финансовый крах страны, руководствовались только «идеологией государственного отщепенства».

Когда 3 июня 1907 г. власть в лице П. А. Столыпина совершила правовой переворот и изменила в одностороннем порядке избирательный закон, то эта акция вызвала бурю негодования в кадетской среде. Однако после Выборга кадетская партия потеряла всякое моральное право критиковать «нарушение закона», с которым она сама считалась лишь тогда, когда это отвечало ее тактическим и стратегическим интересам. Подобный антигосударственный «селективный подход» к праву подчеркивал идейное родство кадетской партии с радикально-левыми течениями вообще и с социал-демократией в частности, а не с либеральной партией европейского образца.

Именно в период I Государственной Думы сложились и обнаружились очертания роковой политической диспозиции общественного раскола и разлада, не только просуществовавшей до самого падения монархической государственности в России, но во многом способствовавшей этому страшному крушению.

Примечания

[1] *Мосолов А. А.* При дворе императора. М., 1992. С. 54.

[2] Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева // Красный архив. Т. 30. М.—Л., 1928. С. 109.

[3] Записка Витте от 9 октября 1905 г. // Красный архив. Т. 4. М.—Л., 1925. С. 55.

[4] Один из современных исследователей заметил: «Глубокая и искренняя уверенность в специфическом характере исторического пути развития России, господстве в

сознании русского народа идеи божественного происхождения царской власти, неприменимости в российской действительности парламентских форм правления западного типа и самой теории общественного договора делали консервацию государственного строя религиозно-нравственным долгом монарха. И все изменения в характере строя производились как бы в отступление от этого долга. Но ощущение велений времени, катаклизмы, сотрясавшие Российскую империю, общность логической аргументации реформаторов из числа высших сановников — убежденных монархистов — и представителей либеральной среды ставили царя в необходимость отходить от непримиримых противников государственных преобразований и делать нерешительный шаг в сторону компромисса». (*Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 218). Думается, что прилагательное «нерешительный» в данном случае уместней было бы заменить на «решительный».

[5] ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 12 об.— 13.

[6] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 221.

[7] Цит. по: *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года // Возрождение. (Париж). 1952. №21.

[8] *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 200.

[9] *Меньшиков М. О.* Красные иезуиты // Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 178.

[10] *Маклаков В. А.* Первая Государственная Дума. Париж, 1939. С. 464.

[11] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 68.

[12] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 329.

[13] *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997. С. 232.

[14] *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, (б.г.). С. 115.

[15] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. I. М., 1997. С. 87.

[16] В подтверждение тезиса о тотальном насилии лишь черносотенцев осенью 1905 г. один из современных историков привел следующий эпизод. «Так, в Иваново-Вознесенске черносотенцы потребовали у большевика В. Е. Морозова снять шапку перед царским портретом. В ответ В. Е. Морозов назвал царя сволочью, прострелил портрет и убил двух портретоносцев и сам был избит до полусмерти». Описав это «героический акт», автор далее возмущенно заметил, что «феноменальная физическая сила позволила В. Е. Морозову выжить, но с больничной койки он отправился прямо на 10-летнюю каторгу» (см.: *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 58). Гротесковую абсурдность подобных «фактов» не склонны замечать те, кто все еще умиляется деяниями революционеров-уголовников. Как справедливо заметил в этой связи другой автор, «нам предлагают всей душой возмутиться столь жестоким и несправедливым приговором — за всего только двух убитых людей целых десять лет каторги!». (См.: *Кожинов В. Е.* Загадочные страницы истории XX века. Черносотенцы и революция. М., 1995. С. 80.)

[17] *Боханов А. Н.* Указ. соч. С. 233.

[18] Собрание Узаконений и распоряжений правительства СПб., 1905. № 195.

[19] Совет Министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л. (СПб), 1990. С. 31—32.

[20] Там же. С. 39.

[21] Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). Сборник документов. М.—Л., 1924. С. 76.

[22] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

[23] Царскосельские совещания // Былое. Пг., 1917. №3. С. 258—259.

[24] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 86.

[25] *Маклаков В. А.* Первая Государственная Дума. Париж, 1939. С. 389.

[26] Царскосельские совещания (II). Былое. (Пг.), 1917. № 4. С. 205—206.

[27] Там же. С. 204.

[28] Там же. С. 222.

[29] Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1.

[30] *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 430.

[31] Там же. С. 443.

[32] См.: *Боханов А. Н.* Сумерки монархии. М., 1993. С. 23.

[33] *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 357.

[34] Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XXв. М., 1996. С. 35.

[35] *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 343.

[36] Первая Государственная Дума. Стенографический отчет. Заседание первое. С. 3.

[37] Там же. С. 24.

[38] Там же. С. 322.

[39] Насильственное перераспределение земли противоречило и закону, гарантировавшему неприкосновенность частной собственности. Статья 77 предусматривала возможность отчуждения исключительно в «пользу государства» и лишь «при справедливой компенсации». Кадеты же, подыгрывая социалистам, выступали за перераспределение земли в пользу одного сословия — крестьян.

[40] *Демин В. А.* Государственная Дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 75.

[41] *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 91.

[42] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. С. 175.

[43] *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911. М., 1991. С. 40.

[44] *Гессен И. В.* Указ. соч. С. 230.

[45] *Струве П. Б.* Мои встречи с Родичевым // Возрождение. (Париж). 1949. № 1. С. 44.

[46] *Меньшиков М. О.* Указ. соч. С. 187.

[47] *Маклаков В. А.* Указ соч. С. 247.

[48] Первая Государственная Дума. Стенографический отчет. С. 2.

К СТАБИЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ РЕФОРМЫ?

А. П. Корелин

1. Революция и первые попытки смены внутриполитического курса.

Разразившаяся революция, несмотря на очевидные еще в первые годы XX в. симптомы обострения кризиса режима, застала правящие верхи врасплох. Признавая в принципе неотложность перемен, Николай II ограничивался созданием многочисленных совещаний и комиссий, изданием многообещающих манифестов и указов, но так и не решился стать на путь структурных реформ. Более того, правительство не располагало сколько-нибудь цельной и конкретной программой действий. Попытка создания такой программы была предпринята П. Д. Святополк-Мирским в его всеподданнейшем докладе от 23 ноября 1904 г. Автором его фактически был С. Е. Крыжановский, в то время помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, а затем — товарищ министра внутренних дел. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, он, оказавшись на государственной службе, стал автором многих важных реформаторских проектов.

По сути дела, ноябрьский доклад 1904 г. был второй после преобразований 1860-х гг. попыткой приступить к реформированию основ государственной жизни страны — от введения народного представительства (при формальном отрицании конституционализма и при сохранении полновластного самодержавия), более точного разделения функций трех ветвей власти и создания объединенного правительства до пересмотра всей системы местного управления и суда, от предоставления населению элементарных гражданских прав и свобод до обещаний пересмотра социального законодательства[1].

Программа эта была значительно урезана известным указом 12 декабря 1904 г. В ней уже не только не упоминалось о представительстве, но, наоборот, делался упор на «непременное сохранение незыблемости основных законов империи». В общей форме упоминалось и о разрабатываемых властью мерах по «устроению крестьянской жизни» и измене-

нию законодательства о крестьянах, о введении государственного страхования рабочих, о расширении прав земского и городского самоуправления, устранении стеснений печати, введении некоторых начал веротерпимости, обеспечении самостоятельности судов и равенства перед ними лиц различных «состояний», о сокращении применения положений об усиленной и чрезвычайной охране и т. п. Наблюдение за разработкой и реализацией этих положений указа возлагалось на Комитет министров, возглавлявшийся тогда С. Ю. Витте, который воспринял все это как шаг к исполнению своих надежд на создание «объединенного министерства» — некоего подобия западноевропейского кабинета министров.

Трудно сказать, как пошло бы дело с реализацией очередных царских обещаний, если бы не события, последовавшие за 9 января 1905 г. Оказавшись перед лицом грозной опасности, правительство бросалось из крайности в крайность, переходя от репрессий к уступкам и обещаниям реформ, зачастую продиктованным просто недостатком войск, для переброски которых с дальневосточного театра военных действий требовалось время. При этом на первый план в преобразовательских усилиях властей вышли политические реформы (введение народного представительства, создание объединенного правительства во главе с премьером, предоставление населению гражданских свобод и т. п.), рассчитанные на то, чтобы успокоить общество и заручиться содействием «верхних классов» в борьбе с революцией. Деятельность правительства в социально-экономической области носила в основном характер отдельных уступок с целью умиротворения населения. В какой-то мере эти уступки совпадали с пунктами программы Святополк-Мирского, но в целом они представляли собой разрозненные меры, не объединенные общим замыслом. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что высочайшим повелением от 23 сентября 1905 г. все подготовленные ведомствами законопроекты, в том числе и уже внесенные на рассмотрение Государственного Совета, были возвращены для последующего направления их «согласно новому законодательному порядку»[2], т. е. через Государственную Думу, о предстоящем созыве которой было объявлено 6 августа.

Ход революционных событий поставил в центр внимания властей аграрно-крестьянский вопрос. Дворянство и даже высшая бюрократия не были едины в вопросе о способах борьбы с революцией и будущем государственного устройства страны. Чувствуя, что почва уходит из-под ног, самодержавие пыталось укрепить свои позиции в крестьянской среде. Д. Ф. Трепов, в то время товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов, в записке от 16 февраля 1905 г., озаглавленной «Земельная политика и крестьянский вопрос», убеждал царя в необходимо-

сти заручиться поддержкой крестьянства, не останавливаясь даже перед возможностью передачи ему части помещичьих земель. «Крестьянский вопрос есть центральный вопрос русской жизни,— писал он.— С крестьянским вопросом связано все наше дальнейшее существование». Между тем, по его мнению, главнейшие проблемы жизни деревни не только не решены, но и не осознаны властью. Трепов предлагал уделить первостепенное внимание не юридическим аспектам жизни крестьян, а решению неотложных экономических проблем деревни. «Изменение поземельных отношений и широкое развитие экономических реформ представляет в данный момент более настоятельный вопрос, чем какая-то бы ни было реформа политическая»,— утверждал он, явно метя и в различные проекты расширения крестьянского представительства и в рекомендации виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в намечаемый им способ решения данной проблемы путем распространения на крестьянство общегражданских законов и упразднения его сословной обособленности. Последнее, по его мнению, является в корне неправильным и грозит в будущем непредсказуемыми осложнениями. Преобразования в деревне нужны, считал Трепов, но они не должны выходить за рамки «предоставления земли нуждающимся крестьянам и улучшения существующих форм землепользования»[3].

В какой-то мере мысли, высказанные Треповым, нашли воплощение в рескрипте о Булыгинской думе и при выработке думского избирательного закона, который предусматривал численное преобладание крестьян в будущем народном представительстве. Но в целом даже эти весьма скромные предложения не нашли поддержки: верховная власть еще не пришла к убеждению о необходимости радикальной ломки существующего строя крестьянской жизни. Программа же виттевского Особого совещания, казалось, вообще была отброшена, а само оно 30 марта 1905 г. было даже не распущено, а скорее, по словам самого Витте, разогнано. Вместо него Николай II объявил об учреждении Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения во главе с И. Л. Горемыкиным. Целью его должно было стать «облегчение выдела крестьянам в частную собственность причитающихся на их долю участков надельной земли». Намечавшиеся законодательные меры по реформированию общины должны были «всемерно избегать изменений правительственной регламентации крестьянского землевладения и резкого вмешательства принудительными мерами в исторически сложившийся земельный быт сельского населения». При этом Горемыкин ссылался на манифест 26 февраля 1903 г и указ от 8 января 1904 г., что фактически означало намерение следовать аграрному курсу, предложенному комиссией под председатель-

ством В. К. Плеве. Предполагалось сохранить и укрепить общину, но облегчить возможность выхода из нее для отдельных общинников[4].

Вместе с тем в работе нового совещания было и немало сдвигов в сторону пересмотра старой аграрной политики. По его рекомендации было создано, в частности, указом от 6 мая 1905 г. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), преобразованное из Министерства земледелия и государственных имуществ и вобравшее в себя Переселенческое управление МВД. В наказе ГУЗиЗ были определены основные направления его деятельности: поземельное устройство и улучшение условий землевладения и землепользования в существующих границах; содействие введению сельскохозяйственных усовершенствований; увеличение площади крестьянского землевладения; поддержка и развитие подсобных промыслов. Упоминались и другие рычаги аграрной политики — переселения, продажа и аренда казенных земель, расширение деятельности Крестьянского банка. Несмотря на консервативную позицию большинства членов совещания, в его работе все более явственно ощущалась и тенденция к пересмотру старого курса аграрной политики. Все это свидетельствовало об усилении внутри правящего лагеря оппозиции старому курсу, находившей все более широкую поддержку и в помещичьих кругах. Да и сами решения совещания были эклектичны и внутренне противоречивы, отражая лихорадочные поиски компромисса между традиционными установками и неизбежными уступками требованиям жизни.

С нарастанием осенью 1905 г. волны революционного движения и особенно массовых крестьянских выступлений в правительственной аграрной политике на первый план выходят меры по немедленному удовлетворению экономических требований крестьянства, хотя в манифесте 17 октября об этом фактически даже не упоминалось. Горемыкин и начальник императорской канцелярии по принятию прошений А. А. Будберг считали, что политические свободы ни в коей мере не интересуют крестьянство. Оно настроено процаристски, и этим следует воспользоваться, предоставив ему ощутимые материальные послабления в виде отмены выкупных платежей. Совет министров, обсудив сложившуюся ситуацию на своем заседании 31 октября, предложил императору обратиться к крестьянам с особым манифестом, считая, что «единственная мера, которая может повлиять успокоительно на сельское население,— это царский голос, обращенный к народу». На это уже сам Николай II заметил, что «одними обещаниями ничего достигнуто не будет», что манифест произведет желанное успокоение крестьян, если им «будет даровано сложение всех выкупных платежей». В письме Витте по поводу проекта такого манифеста он писал: «Я очень сожалею, что в манифесте 17 октября не было упомя-

нуто о крестьянах и мерах удовлетворения их нужд... Вопрос, конечно, первенствующей важности и, по-моему, несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России. Правильное и постепенное устройство крестьян на земле обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет» [5].

Спохватившись и боясь упустить момент, царь подписывает опубликованный 3 ноября манифест о снижении с 1 января 1906 г. наполовину и о полной отмене с 1 января 1907 г. выкупных платежей всего на сумму около 80 млн руб. Одновременно публикуется указ, предоставлявший Крестьянскому банку право неограниченной скупки помещичьих имений с последующей перепродажей их крестьянам и предоставление им ссуд в размере до полной стоимости приобретаемых земель. Отмена выкупных платежей неминуемо должна была повлечь за собой пересмотр всего законодательства в отношении крестьянского надельного землевладения. Этим вопросом занялась специально созданная в 20-х числах ноября комиссия по согласованию манифеста с действующим законодательством.

Однако даже в дворянско-бюрократической среде этот шаг казался уже недостаточным. Появляются проекты, предусматривавшие принудительную «уступку» крестьянам части помещичьих земель. В наиболее законченном виде эта идея нашла воплощение в проекте профессора П. П. Мигулина, который через Д. Ф. Трепова представил его царю. Мигулин видел выход из кризиса крестьянского хозяйства в его интенсификации. Но для этого необходимо было, во-первых, сначала расширить площадь крестьянского землевладения до размеров, обеспечивающих переход к интенсивному хозяйству, и, во-вторых, принять меры к организации мелиоративного и сельскохозяйственного кредита. Было предложено передать крестьянам на условиях «самого умеренного выкупа» 10—20 млн дес. государственных и удельных и 20—25 млн дес. частновладельческих земель (в основном из сдававшихся в аренду). Проект был, однако, отвергнут, и Совет министров подтвердил неприкосновенность частной собственности на землю [6].

Но крестьянское движение в осенне-зимние месяцы 1905 г. приняло такие масштабы, что Витте, несмотря на манифест 3 ноября и отрицательную позицию Совета министров в отношении идеи принудительного отчуждения части помещичьей земли, поручил главноуправляющему землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлеру срочно разработать новый проект. Такой проект, во многом сходный с мигулинским, но более «мягкий» для помещиков, был создан в ноябре-декабре 1905 г. Однако спад крестьянского движения в конце 1905 — начале 1906 г. привел к тому, что участились резкие выступления дворянства против какого-либо покуше-

ния на помещичью собственность, и, несмотря на предупреждение Витте о возможном новом усилении аграрных беспорядков, Николай II отверг кутлеровский проект, начертав: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»[7].

Витте представил дело так, что оказывался как бы не причастным к составлению этого документа. Кутлер был вынужден покинуть свой пост. Вместе с тем было распущено 30 января 1906 г. и горемыкинское Особое совещание. Разработка нового курса аграрно-крестьянской политики сосредоточилась в МВД, где работу по его формированию возглавил В. И. Гурко, бывший в ту пору начальником земского отдела. Активный противник отчуждения помещичьих земель, он считал, что умиротворения крестьян можно достичь не наделением их дополнительным количеством земли, а усилением социальной дифференциации в их среде. Он призывал власть опираться не на неимущие и бедные слои и даже не на все крестьянство в целом, а на «наиболее крепкую и надежную часть его». «Правительственная власть не может искать опоры в наиболее неимущих слоях населения хотя бы уже потому, что эти слои одновременно и наименее нравственно устойчивые, и наименее деятельные,— писал он в записке, дошедшей до императора.— Власть должна опираться на наиболее крепкие народные элементы»[8]. Фактически это был призыв отказаться от традиционного принципа попечительности, столь характерного для правительственной аграрно-крестьянской политики.

Наряду с жесткими мерами по подавлению революционных выступлений и отдельными, часто спонтанными уступками кабинет Витте, сформированный после назначения последнего 24 октября 1905 г. председателем Совета министров, был занят и разработкой более долгосрочной программы действий. Такая программа была в самом общем виде изложена во всеподданнейшем докладе Витте еще 10 октября, который будущий премьер предлагал монарху утвердить вместо издания манифеста 17 октября. Николай II тогда отклонил предложение, которое, по его мнению, могло бы умалить роль верховной власти, но, став председателем Совета министров, Витте попытался продолжить реализацию своего плана. В докладе царю 10 января 1906 г. он отмечал, что карательные меры являются «так сказать, мерами отрицательного свойства», дающими «только наружное временное успокоение». Наряду с ними необходимы и меры «органического свойства», которые «направляются к устранению самой возможности явлений, недопустимых ни в каком культурном государстве»[9]. Подробно изложив силовую, репрессивную часть программы действий правительства и указав на трудности ее реализации в связи с отсутствием достаточной военной силы, Витте вместе с тем указывал и на необходи-

мость заняться позитивной программой, в первую очередь аграрно-крестьянской. «В этом отношении нельзя рассматривать крестьянские беспорядки только как проявление необузданности сельского населения, облегчаемой отсутствием на местах полицейской и военной силы,— докладывал он императору.— Аграрный вопрос стоит совершенно особо в числе других требующих разрешения социальных задач...». И премьер — в который уже раз! — вновь предлагал принципиальные основы решения этой проблемы: 1) признание надельных земель личной собственностью владельцев и 2) установление порядка выхода крестьян из обществ в связи с выделением им отдельных участков из общинных земель. «Разрешение этих вопросов,— убеждал он царя,— может иметь, по мнению Совета министров, благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушить крестьянам и более здравые взгляды на чужое право собственности». На полях доклада против этой фразы император написал: «Одобряю». С этого одобрения и началась окончательная разработка законопроектов.

Необходимость выработки общей программы действий правительства становилась все более настоятельной по мере приближения срока созыва Государственной Думы. Совет министров, обсудив этот вопрос на своем заседании 24 января 1906 г., пришел к заключению о необходимости, «чтобы правительство выступило перед собранием народных представителей с готовой и зрело обдуманной программой созидательной деятельности по главнейшим вопросам». Это важно и желательно «как в интересах поддержания правительственного авторитета, так и в тех видах, чтобы сразу же направить деятельность Государственной Думы по определенному, строго деловому руслу» [10]. При этом Совет министров опять подчеркнул, что среди всех важнейших вопросов первостепенное, краеугольное значение имеет вопрос крестьянский, причем в двух его аспектах — экономическом и правовом. Первый упирается в крестьянское малоземелье и требует мер по расширению площади крестьянского землепользования. Второй требует пересмотра всего правового положения деревни и неразрывен с целым рядом других преобразований, связанных с системой местного управления и суда. Витте настойчиво напоминал о рекомендациях Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности как важнейшем ориентире при разработке программы реформ. Министрам предлагалось в непродолжительное время подготовить и внести «свои предположения по вопросам деятельности своих ведомств, а министру внутренних дел разработать главные основания по крестьянскому делу для внесения их на обсуждение Совета министров» [11].

Во исполнение этих решений, утвержденных императором, кабинет министров неоднократно собирался для обсуждения законопроектов,

вносившихся главами ведомств. Были рассмотрены, в частности, проекты Министерства финансов (о реформе налогообложения), Министерства юстиции (о преобразовании местного суда, об охране авторских прав, об условном осуждении), предложения о возобновлении действия правил о переселении от 9 июня 1904 г. и др. Однако, когда 5 марта 1906 г. Совет министров вновь вернулся к обсуждению общей программы правительства, выяснилось, что далеко не все законопроекты отвечают необходимым требованиям, а по некоторым из них выявилось расхождение мнений. В частности, как отмечалось в мемории, направленной царю, «сложность и спорность крестьянского вопроса, а равно краткость времени, остающегося до начала деятельности Государственной Думы, делают весьма затруднительным предоставление на рассмотрение Государственной Думы подробного и цельного законопроекта по крестьянскому делу». Предлагалось даже создать очередное совещание из представителей заинтересованных ведомств, которое выяснило бы состояние разработки отдельных аспектов этой сложной и многозначной проблемы. В связи с тем, что по ряду таких спорных вопросов преодолеть разногласия не удалось, правительство сочло возможным изложить по ним лишь «общие основания», наметив только принципиальные подходы к их решению[12].

Наконец, где-то к середине апреля была составлена «Программа вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной Думы», которая была представлена 23 апреля 1906 г. Николаю II[13]. Император ознакомился с программой 26 апреля, не выразив своего к ней отношения и ограничившись лишь пометой об ознакомлении с документом. Наиболее развернутой частью программы оказались, естественно, «Предположения по крестьянскому делу», значение которых, однако, выходило далеко за рамки собственно крестьянского вопроса. Исследователи, как правило, уделяют основное внимание при изучении правительственной аграрной политики рассматриваемого времени столыпинской реформе и до сих пор проходят мимо этого важного, в какой-то мере этапного документа. Между тем анализ его дает возможность проследить эволюцию этой политики, представленную глазами автора данного раздела программы (которым был, видимо, В. И. Гурко) как в целом за пореформенный период, так и в годы Первой русской революции.

Обосновывая необходимость преобразований, автор ведет анализ ситуации, сложившейся в российской деревне, от реформы 1861 г., положившей начало освобождению крестьянства от «помещичьей опеки». Сложность ситуации обусловливалась прежде всего тем, что сельское население «оказалось после развязки крепостных отношений в совершенно непривычных для него условиях экономического и гражданского оборо-

та». Трудности перехода и приспособления к новому строю жизни усугублялись «быстрым преобразованием всего хозяйственного строя страны из натурального в капиталистический»[14]. Это весьма важное определение сущности и основного вектора развития пореформенной российской деревни, еще не получившее тогда всеобщего признания в правящих кругах, по-прежнему рассчитывавших на «русскую самобытность», которая якобы поможет избежать в России «язв капитализма». Вместе с тем, отмечалось во вводной части «предположений», реформа 1861 г. оставила неурегулированными многие стороны жизни деревни. Главным ее недостатком была и остается сословная и правовая обособленность крестьян. Объяснялось это особенностями выкупной операции, которая вводила существенные ограничения в пользование крестьянами «дарованными им правами» и связывало их гражданскую свободу.

Вся правительственная политика по аграрно-крестьянскому вопросу, констатировал автор проекта, отличалась крайней противоречивостью. С одной стороны, ей были присущи попытки привести в соответствие с платежеспособностью деревни причитающиеся казне платежи, которые неоднократно понижались, а некоторые, весьма обременительные (подушная подать, выкупные платежи), были вообще отменены. Упразднены были и такие архаичные положения законодательства, как круговая порука и телесные наказания крестьян по приговору волостных судов, приняты меры по расширению крестьянского земельного фонда и т. п. С другой стороны, с отменой временнообязанного состояния крестьян они продолжали находиться под опекой местной власти, а их землевладение и землепользование жестко регулировалось законодательством (неотчуждаемость надельных земель, «упорядочение» переделов и т. п.). Издержки сословной обособленности крестьянства, его имущественной и гражданской неполноправности становились все более очевидными. Но с момента учреждения в 1893 г. специальной комиссии по пересмотру крестьянского законодательства фактически так ничего и не было сделано для того, чтобы как-то изменить ситуацию.

Последние высочайшие акты (указ 12 декабря 1904 г., манифесты 17 октября и 3 ноября 1905 г.) заложили основания для новой крестьянской реформы. Во введении к «Предположениям...» намечались меры — ближайшие и на перспективу — для удовлетворения неотложнейших нужд крестьянства: содействие к увеличению площади крестьянского землевладения за счет передачи крестьянам за небольшой выкуп свободных казенных и поступивших на рынок частновладельческих земель, упорядочение землевладения и землепользования при посредстве землеустроительных комиссий и Крестьянского банка, возобновление льгот переселенцам.

Сам «Проект основных положений для изменения законодательства о крестьянах», декларировавший распространение на крестьян действия общих законов — гражданских, уголовных, а также об управлении и суде — состоял из ряда разделов, касавшихся важнейших сторон жизни деревни. Среди имущественных прав первостепенное внимание уделялось статусу надельных земель, которые должны были бы из общинного и семейного владения перейти в личную собственность домохозяев. Причем в обществах, в которых длительное время не было переделов, они сразу закреплялись в собственность за их владельцами. В передельных обществах домохозяевам предоставлялось право выхода из общины с закреплением их долей общинной земли также в личную собственность. Такие участки теперь могли приобретаться, а следовательно и продаваться, но только «лицам сельского состояния». Вместе с тем проект предполагал ввести ограничения в процесс мобилизации надельных земель: закон должен был установить предельные размеры сосредоточения земельной площади в одних руках и определить предел их дробления. Залог таких земель в частных кредитных учреждениях запрещался.

Проектом предусматривалось упразднение особого сословного управления крестьян. Сельские общества лишались всех административно-полицейских функций и превращались в земельные союзы, в состав которых могли входить все земельные собственники. Взамен их предполагалось учредить общие для всех сословий сельские, волостные, участковые, уездные и губернские «установления», компетенция и функции которых должны были быть строго регламентированы. Предполагалось реформировать также существующую судебную систему на началах равенства перед судом лиц всех сословий, независимости суда от администрации, близости и доступности его для населения. Вместо упразднявшихся волостных судов и земских начальников предлагалось восстановить институт мировых судей, выбиравшихся местными земствами и городскими думами.

Наконец, намечались и перечислялись рычаги реализации крестьянской реформы: землеустройство и разверстание земель, осуществляемое землеустроительными комиссиями, расширение крестьянского земельного фонда за счет сдачи в аренду и приобретения в собственность казенных и удельных земель; активизация деятельности Крестьянского банка, на который возлагалась выдача кредитов под залог надельных земель и землеустроительные функции; продолжение переселения крестьян на окраины империи и т. п.

Определив основные направления преобразований, проект предусматривал разработку ведомствами на основе перечисленных выше принципиальных положений важнейших конкретных законопроектов. ГУЗиЗ

должен был представить детальные разработки положений о землеустройстве; МВД — положения о надельных землях, о сельском и волостном управлении, а также новый устав о паспортах; Министерство финансов — проект реформы налогообложения на основе подоходного налога с прогрессивными ставками и полного освобождения от обложения определенного минимума доходов; недавно учрежденное Министерство торговли и промышленности разрабатывало законопроект о выборных учреждениях «торгово-промышленного класса», правила о биржевом суде. Кроме того, это новое ведомство, получившее в наследство от Министерства финансов пакет разрабатывавшихся ранее проектов, заявило о готовности внести на первую же сессию Думы серию законопроектов о страховании рабочих фабрично-заводской и горной промышленности от болезней и несчастных случаев на производстве, о сберегательных кассах, о рабочих жилищах, рабочем времени малолетних и женщин, о фабричной инспекции и учреждении промысловых судов.

Но Витте так и не суждено было реализовать представленную программу. Буквально накануне открытия I Государственной Думы он был отправлен в отставку. Николай II не мог простить ему покушений на прерогативы самодержавной власти, амбициозности и властности. В отставку были отправлены и почти все члены первого российского кабинета министров. Правительство на короткое время возглавил И. Л. Горемыкин. На пост министра внутренних дел был приглашен П. А. Столыпин, занимавший к тому времени пост саратовского губернатора. Через два с небольшим месяца он станет председателем Совета министров, сохранив и министерский портфель. Началась новая эпоха реформ, связанная с именем этого последнего выдающегося государственного деятеля царской России. Назначение его на высокий государственный пост само по себе чрезвычайно наглядно и ярко характеризует состояние власти и общества, а также пути, которыми предполагалось решать проблемы выживания политического режима и выхода страны из кризиса.

2. П. А. Столыпин: путь к премьерству.

П. А. Столыпин (2 апреля 1862 г.—5 сентября 1911 г.) был представителем старинного дворянского рода и располагал довольно крупными поместьями в ряде губерний (Саратовской, Пензенской, Казанской, Новгородской, Виленской), общая площадь которых превышала 7 тыс. дес. Окончив Виленскую гимназию, он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. После окончания университетско-

го курса молодой бакалавр оказался на службе в МВД, а затем в Министерстве государственных имуществ. Карьера поначалу не задалась, но годы, проведенные на службе, не прошли бесследно. Будучи чиновником сравнительно невысокого ранга, он занимался систематизацией сельскохозяйственной литературы и даже выпустил указатель книг и статей по важнейшим аграрным проблемам. Знакомство с фундаментальными трудами видных российских ученых-аграрников А. Ф. Фортунатова, А. И. Скворцова, И. А. Стебута и др. о земельной собственности, о различных типах крестьянских хозяйств и способах их улучшения, о земельном кредите и т. п., несомненно, сказалось на формировании его взглядов. В 1889 г. Столыпин вновь переходит на службу в МВД и вскоре назначается уездным предводителем дворянства в Ковенской губернии (в юго- и северо-западных губерниях эта должность была коронной). Он много занимается своими имениями, решает организационно-хозяйственные вопросы, посещает разбросанные в разных губерниях владения. В 1899 г. следует назначение Столыпина на должность ковенского губернского предводителя дворянства, а в 1902 г. неожиданно для себя он становится гродненским губернатором. Выдвинул его ставший к тому времени министром внутренних дел В. К. Плеве, взявший курс на замещение губернаторских постов образованными местными землевладельцами, хорошо знавшими жизнь губернии и твердо охранявшими дворянские интересы. Столыпин, которому тогда было 39 лет, стал одним из самых молодых губернаторов. Плеве высоко ценил своего протеже, хотя по многим вопросам у них уже тогда намечались расхождения. Действительно, молодой губернатор отвечал самым высоким требованиям: был прекрасно образован, знал три иностранных языка, к тому же был крупным помещиком и настоящим хозяином.

В то время, как уже отмечалось, во многих губерниях и уездах России были созданы местные комитеты, обсуждавшие нужды сельского хозяйства и имевшие целью сбор сведений о положении деревни и предложений по скорейшему подъему крестьянского хозяйства. Несмотря на ведомственную принадлежность к МВД, точка зрения Столыпина оказалась ближе к позиции Витте. На заседаниях гродненского губернского комитета он впервые публично изложил свои взгляды о путях модернизации российской деревни. Разделяя идею необходимости развития отечественной промышленности, он все же считал, что укрепить экономику страны можно только через развитие сельского хозяйства. Эта мысль стала потом одной из центральных в его социально-экономической программе: аграрная реформа должна стать архимедовым рычагом для подъема экономики империи и укрепления государственного строя.

Важнейшими в ряду мер по реализации этой программы Столыпин уже тогда считал крестьянское землеустройство, ликвидацию чересполосицы, переселения на хутора и отруба, организацию для крестьян мелиорации и доступного кредита, развитие общего и особенно сельскохозяйственного образования. При этом он ссылался на опыт Восточной Пруссии, Дании, Бельгии, на особенности крестьянского хозяйства российских северо-западных губерний, что обнаруживало его достаточно обширную научную и практическую эрудицию. Вместе с тем Столыпин считал, что инициатором в этом деле должна выступать власть и весь процесс перестройки деревни должен проходить под ее контролем. «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы,— говорил он,— рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой,— это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслимы ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью»[15]. В этом, как показали последующие события, были кардинальные расхождения его позиции с предложениями Витте, который больше полагался на стихийный, спонтанный процесс разложения общины. В целом же и предложенные Столыпиным меры не были его изобретением. Об этом в течение полувека шел спор между сторонниками и противниками общины, об этом, в частности, неоднократно писал брат Петра Аркадьевича, Алексей, известный публицист. Среди членов гродненского комитета было немало сторонников губернатора, что в немалой степени объяснялось особенностями крестьянского землевладения в самой Гродненской губернии, где позиции общины были изначально слабы.

Весьма важным, хотя и коротким этапом в служебной карьере П. А. Столыпина стало губернаторство в Саратове, куда его перевели в 1903 г. Назначение было ответственным, ибо уже тогда губерния считалась «красной». Ситуация, особенно усугубившаяся с осени 1904 г., действительно была непростой. В самом губернском городе шли демонстрации и митинги. То здесь, то там вспыхивали крестьянские волнения, горели помещичьи усадьбы. У Столыпина созревает план действий, который он изложил в своем всеподданнейшем отчете за 1904 г. Отчет понравился Николаю II, который на полях отметил: «Высказанные мысли заслуживают внимания»[16]. Что же привлекло внимание императора?

В отчете фиксировался, казалось бы, позитивный факт: год оказался для губернии чрезвычайно благоприятным, т. к. был собран необычно высокий урожай. Однако, как констатировал губернатор, это обстоятельство никак не сказалось на положении деревни. Вырученные от продажи

зерна средства ушли как в песок вода. Продолжались крестьянские волнения. Случаи поджогов помещичьих усадеб хотя и сократились до 50, но цифра эта сама по себе оставалась высокой и вызывала тревогу. Все это дало повод автору отчета сделать заключение, что «год дал печальное доказательство какого-то коренного неустройства в крестьянской жизни». Зимой крестьяне целых деревень занимались нищенством как промыслом. По мнению Столыпина, главной причиной этого «неустройства» деревни является засилье в ней общинного землевладения, общинного строя жизни. Отсюда господство среди крестьян уравнительных настроений, трудности с внедрением в сельское хозяйство каких-либо агрикультурных и агротехнических улучшений, сложности с приобретением через Крестьянский банк земли в личную собственность, что в условиях малоземелья было причиной высоких арендных цен.

Все это озлобляло крестьян и создавало условия для революционной пропаганды, в которой особенно преуспевали эсеры. «Если дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни,— предлагал губернатор,— и если дать возможность трудолюбивому землеробу сначала временный, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный участок, вырезанный из государственных земель или земельного фонда Крестьянского банка, причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то наряду с общиною, где она жизненна, появился бы зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип народился уже в западных губерниях...».

Единоличная земельная собственность, по мнению Столыпина, не только приведет к подъему сельского хозяйства, но она «служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку общества, на которой покоится устойчивый порядок в государстве». Здесь начальник губернии выступает уже и как трезвый политик. Развивая политический аспект своей программы, он, с одной стороны, выступает за расширение и усиление полномочий губернаторов, а с другой — предлагает в противовес революционерам и оппозиционерам «поддерживать народжение земельной партии, имеющей корни в народе, которая, будучи противопоставлена теоретикам-революционерам, могла бы их обезвредить».

Трудно сказать, что в этих соображениях могло привлечь внимание Николая II. Сама по себе аграрная часть предложений Столыпина, сформулированная весьма осторожно, не выходила за рамки известного манифеста 26 февраля 1903 г., которым, при сохранении в целом общинного строя, предусматривалось облегчить выход из общины отдельным состоятельным крестьянам. Видимо, губернатор, убедительно нарисовав карти-

ну бедственного положения саратовской деревни, сумел убедить царя в необходимости каких-то практических мер, а их умеренность вполне совпадала с намерениями верховной власти. Не исключено, что Николая II заинтересовал и политический аспект предложений Столыпина.

Январские события 1905 г. послужили мощным детонатором революционного взрыва, волны которого разошлись по всей империи. Уже тогда Столыпин показал себя не только энергичным администратором, но и зрелым политиком. Саратовская губерния стала одной из самых горячих точек страны. Не рассчитывая только на военную силу, губернатор попытался действовать и политическими методами, стремясь сплотить всех противников революции — от черносотенцев до умеренных земцев. В результате каждый раз, когда левые силы организовывали демонстрации, правые устраивали контрдемонстрации, градом камней забрасывая противников. С ростом крестьянского движения Столыпин стал принимать личное участие в подавлении бунтов. В сопровождении казаков он разъезжал по мятежным деревням, производя повальные обыски, аресты, порки зачинщиков, но иногда и просто выступая перед сельскими сходами, ограничиваясь уговорами или пытаясь «нагнать страху» на крестьян, чтобы не обострять ситуацию применением силы. Такие выступления порой бывали весьма небезопасными и требовали от Столыпина проявления личного мужества.

Какое-то время такие меры давали свои плоды, и товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов докладывал царю 6 августа 1905 г.: «В настоящее время в Саратовской губернии благодаря энергии, полной распорядительности и весьма умелым действиям губернатора, камергера двора Вашего Императорского Величества Столыпина порядок восстановлен»[17]. Когда же осенью того же года аграрные беспорядки в губернии возобновились с новой силой, пришлось вызывать карательные отряды, подавившие крестьянские выступления с чрезвычайной жестокостью. В ответ в результате терракта эсеров был убит начальник карательной экспедиции генерал-адъютант В. В. Сахаров. На этом фоне Столыпин, оказавшийся как бы в стороне от репрессий, прослыл даже либеральным губернатором, что впоследствии сыграло немаловажную роль в его карьере, возбудив в определенных кругах надежды на сотрудничество с властью. Так формировались взгляды будущего реформатора, постепенно набиравшегося опыта и знаний.

Все эти обстоятельства, несомнено, сказались на дальнейшей судьбе Столыпина. Кандидатура его на пост министра внутренних дел обсуждалась еще в октябре 1905 г., когда формировался кабинет Витте. Тогда предпочтение было отдано П. Н. Дурново. Вторично этот вопрос возник в

апреле 1906 г., когда правительство Витте уходило в отставку. Решающую роль в назначении Столыпина, по мнению ряда исследователей, сыграли рекомендации шурина Столыпина Д. Б. Нейдгардта и особенно Д. Ф. Трепова, ставшего к тому времени дворцовым комендантом (оба они пользовались большим влиянием при дворе). Головокружительная карьера недавнего рядового губернатора вызывала удивление и зависть. Как вспоминал С. Е. Крыжановский, ставший товарищем министра внутренних дел, «достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собою попечительную руку Провидения»[18]. Как бы то ни было, после аудиенции у царя 26 апреля 1906 г. он был назначен на пост министра внутренних дел, а 8 июля — после роспуска I Государственной Думы — стал председателем Совета министров.

Ситуация к тому времени сложилась для Столыпина достаточно благоприятно. После подавления к весне 1906 г. вооруженных выступлений, в центре забот новоявленного министра оказалась Дума. Несмотря на временные успехи правительственных сил, до полной победы над революцией было еще далеко. Созванная в апреле I Государственная Дума оказалась для правительства чересчур левой, что привело к ее резкому конфликту с властью. Само появление народного представительства требовало кардинально новых, парламентских форм политической практики. Министры же еще долго не могли привыкнуть к существованию Думы, не любили да и не могли выступать перед депутатами. Из всех членов кабинета Столыпин обладал наибольшими навыками выступлений перед многочисленной, часто враждебно настроенной аудиторией. С думской трибуны он говорил твердо, но достаточно корректно, хладнокровно отвечая на выпады в адрес правительства и МВД. Его образные сравнения, чеканные фразы, особенно обращенные к левому крылу Думы, становились известны всей стране. Личность Столыпина вызывала уважение даже у его политических противников. Спустя уже много лет А. В. Тыркова-Вильямс, тогда член ЦК кадетской партии, так описывала свои первые впечатления от выступлений Столыпина: «Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом, это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Говорил он ясно и горячо. Дума сразу насторожилась. Первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек». После первого же выступления Столыпина она сказала на заседании кадетской фракции: «На

этот раз правительство выдвинуло человека сильного и даровитого. С ним придется считаться»[19].

Не умалял авторитета Столыпина и тот факт, что авторство большинства его «крылатых фраз» не принадлежало ему. Как свидетельствовал сотрудник МВД, а затем член Государственного совета П. П. Менделеев, по большей части речи Столыпину писал чиновник-правовед, член совета МВД, известный публицист И. Я. Гурлянд — «острый, блестящий ум и бойкое, красочное перо». «Он,— писал Менделеев,— был автором многих изречений, сделавшихся в устах Столыпина историческими, между прочим знаменитой фразы: „Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия". Мне это доподлинно известно». Однако Менделеев считал, что это никак не умаляет ораторских талантов Столыпина. «Надо было слышать, как он произносил заранее приготовленные для него речи, никогда наизусть. Читал по тетради. Но как будто импровизировал. С нужными паузами, ярким выделением отдельных слов и выражений. А главное с необыкновенным подъемом и темпераментом»[20].

Однако ни парламентские приемы Столыпина, ни его ораторское искусство и твердость характера не помогли правительству достичь компромисса с Думой. Конфликт был связан в первую очередь с аграрным вопросом, с поиском путей и методов его решения. В Думе столкнулись три основных аграрных программы — кадетская, крестьянская и правительственная. Кадетский проект аграрной реформы предусматривал наделение безземельных и малоземельных крестьян за выкуп землей, отводимой не в собственность, а в пользование в пределах трудовой нормы за счет отчуждения части государственных, удельных, кабинетских, церковных, монастырских и частновладельческих земель по «справедливой» оценке. Предусматривалось поступление отчуждаемых земель в специальный государственный фонд, т. е. частичная национализация земли. Крестьянская аграрная программа, отраженная в проекте 104 депутатов-трудовиков, исходила из приципа национализации всех земель, превышающих трудовую норму, что означало фактическую ликвидацию помещичьего землевладения. В Думу был внесен и эсеровский законопроект о немедленном уничтожении вообще частной собственности на землю и распределении ее на основе «уравнительного землепользования». Правительственные предложения исходили из принципиальных основ проекта виттевского кабинета и категорически отрицали возможность отчуждения хотя бы части помещичьих имений.

Довольно скоро стало ясно, что правительству и правым силам не ужиться с народным представительством. Однако его разгон в условиях назревания нового революционного подъема мог привести к непредска-

зуемым последствиям. Требовалось какое-то время, чтобы выяснить реальную силу различных политических лагерей. И Столыпин вновь проявил себя как опытный политик. С согласия царя он завязывает негласные контакты с председателем Думы кадетом С. А. Муромцевым и лидером кадетской партии П. Н. Милюковым, чтобы выяснить возможность соглашения с либералами о вхождении их представителей в так называемое «правительство доверия». Одновременно велись и переговоры с Советом съездов уполномоченных дворянских обществ, созданным в мае 1906 г. Дворянство обещало поддержку Столыпину при условии: 1) роспуска Думы — «этого сборища революционеров»; 2) введения военно-полевых «скорорешительных» судов; 3) прекращения переговоров с буржуазно-либеральными деятелями; 4) изменения избирательного закона[21].

Разобравшись в ситуации, правительство решилось на разгон Думы. 20 июня было опубликовано правительственное сообщение, в котором указывалось на недопустимость решения аграрного вопроса за счет отчуждения частной земельной собственности, что означало открытый вызов Думе. В ответ она постановила обратиться к народу, что фактически и предрешило ее роспуск. Эта миссия была возложена на Столыпина, который подготовил подписанный царем манифест о роспуске Думы от 8 июля 1906 г. Одновременно Столыпин назначался председателем Совета министров с сохранением портфеля министра внутренних дел. На этот пост его рекомендовал царю глава предыдущего состава кабинета И. Л. Горемыкин, считавший кандидатуру Столыпина едва ли не единственно возможной в столь сложной, кризисной ситуации.

Новый премьер, как и его предшественники, не имел большой свободы в формировании своего кабинета, так как назначение министров попрежнему оставалось прерогативой императора. Ему позволено было удалить лишь такие наиболее одиозные фигуры, как А. С. Стишинский и кн. А. А. Ширинский-Шихматов, выделявшиеся своими консервативно-охранительными убеждениями. Далеко не все члены нового кабинета были сторонниками премьера. Правда, в дальнейшем, с ростом своего престижа и влияния, он сумел добиться постепенной замены отдельных министров, но все же ему не удалось противостоять назначению ряда откровенных реакционеров вроде министра народного просвещения Л. А. Кассо. И хотя позиции Столыпина в правительстве со временем стали достаточно прочными, все же силу и уверенность в своих действиях он черпал главным образом в поддержке императора.

На посту премьера Столыпин с первых же дней зарекомендовал себя как жесткий администратор и искушенный политик. Фактически сразу же были пресечены попытки собравшихся в Выборге депутатов разогнан-

ной Думы обратиться к народу с призывом к гражданскому неповиновению. Подавлены были восстания матросов и солдат в Свеаборге и Кронштадте, так же как и попытки рабочих поддержать эти выступления путем организации политической забастовки. Решительность и последовательность в проведении репрессивного курса на какое-то время сделали Столыпина кумиром правых кругов, престиж его необыкновенно вырос. Причем акции премьера поднялись после покушения на него, совершенного эсерами-максималистами 12 августа 1906 г. Террористы бросили две мощные бомбы прямо в приемной главы правительства, где в это время находилось много людей. Были убиты 27 и ранены 32 человека, в том числе дочь и сын Столыпина. Сам он не пострадал. Опасаясь за его судьбу, Николай II предоставил ему помещение в Зимнем дворце и обеспечил усиленной охраной всех членов его семьи. 19 августа в чрезвычайном порядке был принят указ о введении военно-полевых судов, состоявших из строевых офицеров. Судопроизводство должно было завершиться в 48 часов, а приговор по распоряжению командующего округом приводился в исполнение через 24 часа.

Вместе с тем император не решился окончательно ликвидировать Думу или изменить ее статус на законосовещательный. В манифесте о роспуске Думы объявлялось о подготовке к новым выборам и даже указывался срок ее созыва — 20 февраля 1907 г. В преддверии выборной борьбы и в ходе ее Столыпин попытался найти опору в зарождавшихся политических партиях, делая ставку прежде всего на октябристов и правых. В их распоряжение отпускались довольно значительные суммы, поддерживались материально их печатные органы. Правительство, отмечал Крыжановский, содержало более 30 газет в разных регионах страны, расходуя (правда, без особого успеха) довольно крупные средства. Учреждено было даже особое издательство, которое публиковало заказные брошюры, книги, листовки. Общий расход на эти цели составлял около 3 млн руб. в год. Как писал тот же Крыжановский, Столыпиным был создан «зачаток Министерства пропаганды», функционировавший все годы его премьерства[22].

Наряду с этим Столыпин едва ли не сразу после роспуска Думы возобновил и переговоры с общественными деятелями либерального толка — Д. Н. Шиповым, князем Г. Е. Львовым, графом П. А. Гейденом, Н. Н. Львовым, А. И. Гучковым — о вхождении их в состав коалиционного кабинета. Переговоры оказались безуспешными. Трудно сказать, насколько премьер был искренен в своих намерениях. Что касается партнеров по переговорам, то их, естественно, смущал правительственный политический курс. К тому же они, видимо, рассчитывали на большее, чем роли простых пешек в правительственном аппарате. Важно, однако, отметить, что

в принципиальных установках Столыпина в это время происходили некоторые корректировки политического курса: его главный принцип — сперва успокоение, потом реформы — несколько трансформировался. Теперь он все больше склонялся к мысли о том, что обе линии нужно проводить одновременно. В одной из заметок, обнаруженной в его бумагах и относящейся к началу 1907 г., эта идея получила свой завершенный вид. «Реформы во время революции необходимы,— писал он,— так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину... К тому же этот путь торжественно возвещен, создана Государственная Дума, и идти назад нельзя. Это было бы ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти» [23].

3. Программа преобразований кабинета Столыпина.

Но все же сколько-нибудь целостной конкретной программы действий у Столыпина первоначально не было. «В Петербург Столыпин приехал без всякой программы, в настроении, приближавшемся к октябризму,— отмечал Крыжановский.— Первое время своего министерства он был очень скромен, почти робок в непривычном ему служебном мире. Став председателем Совета министров, он старался привлечь к себе общественные элементы, на которые привык опираться в Саратове» [24]. Такое же впечатление сложилось у Д. Н. Шипова во время переговоров о вхождении в правительство. В ответ на его пожелание ознакомиться с программой формируемого кабинета Столыпин с пафосом отвечал, что «теперь не время для слов и для программы, сейчас нужны дело и работа» [25]. Однако программа все же оказалась необходимой, и ее составили практически те законопроекты, которые уже были подготовлены при Витте, а их общее направление было намечено в высочайших манифестах и указах. «В области идей,— свидетельствует Крыжановский,— Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная программа была получена им в готовом виде в наследстве от прошлого» [26].

Как бы то ни было, Столыпину удалось составить нечто вроде перспективного плана деятельности своего кабинета, который был опубликован в «Правительственном вестнике» 24 августа 1906 г. Правительственная дек-

ларация начиналась угрозами беспощадной расправы с революционным движением. В местностях, объявленных на военном положении и положении чрезвычайной охраны, вводились военно-полевые суды. Вместе с тем возвещалось, что «путь правительства — упокоение, порядок и реформы». «Правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования,— отмежевывался премьер от позиции ультраправых сил,— приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолою, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Население извещалось, что соответствующие ведомства готовят законопроекты для внесения их в Государственную Думу и Государственный Совет и что первыми шагами правительства будет введение в чрезвычайном порядке, по статье 87 Основных законов, мер, которые были провозглашены в высочайших манифестах и которые уже в силу их обязательности не должны сказываться на свободе действий будущих законодательных учреждений. Последнее положение впоследствии послужило во многом причиной неприязненного отношения либеральной оппозиции к методам проведения правительственной политики. Так, даже умереннейшего оппозиционера Д. Н. Шипова крайне раздражало то обстоятельство, что это «чрезвычайное законодательство» должно было навязывать Думе царскую волю и ставить ее перед свершившимся фактом, в чем он видел «неуважение к правам законодательных учреждений» [27].

В более полном и развернутом виде правительственная программа была изложена премьером в его первом выступлении во II Думе 6 марта 1907 г. [28] Столыпин отдавал себе отчет в том, что принятые предыдущими составами правительства меры во многом носили характер разрозненных и вынужденных уступок, как правило, не имевших четко сформулированного общего замысла и плана реализации. Он считал, что это обусловливалось не только привходящими, случайными факторами, но и самим характером государственного строя страны. «В странах с установившимся правительственным строем,— разъяснял он депутатам,— отдельные законоположения являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка... Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а, следовательно, брожения...». Здесь, по его мнению, необходимо при выработке законопроектов предусмотреть, чтобы все они были подчинены единой идее — идее создания правового государства. «Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое,— заявил Столыпин,— так как, пока писаный закон не определит обязанностей и не огра-

дит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены».

Правда, толкование самим Столыпиным ключевого понятия «правовое государство», как мы увидим, было весьма своеобразным. Но он вынужден был признать декларативность ряда правительственных постановлений. Так, некоторые важнейшие гражданские свободы, дарованные манифестом 17 октября (свобода слова, собраний, печати, союзов, вероисповедания), были закреплены временными правилами, но так и не были подтверждены законами, а другие (неприкосновенность личности, жилища, тайна корреспонденции) вообще были только обещаны. Этот комплекс вопросов, подлежащих разработке и законодательному утверждению, и должен был составить правовую базу общества.

Другую группу составляли законопроекты по реорганизации и усовершенствованию системы местного управления и самоуправления. Ими предусматривалось укрепление губернских и уездных административных структур: расширение полномочий губернаторов, замена уездных предводителей дворянства, фактически заменявших отсутствующее уездное административное звено, коронными начальниками уездов, ликвидация окончательно скомпрометировавших себя земских начальников и замена их участковыми комиссарами. Предполагалось также реорганизовать полицию: общая полиция должна была слиться с жандармскими управлениями, с которых снималась функция политического дознания, передававшаяся судебным органам. Министерство юстиции готовило законопроекты о преобразовании местных судебных органов: с отменой судебных функций земских начальников и ликвидацией волостных судов вновь предполагалось ввести институт мировых судей, выбиравшихся земствами. Предусматривалось также допущение защиты на стадии предварительного следствия, упрочение состязательного начала в суде, введение института условного осуждения и условного досрочного освобождения из мест заключения. Все это должно было сблизить российскую судебную систему с общеевропейской.

В области местного самоуправления предполагалось ввести земства в Прибалтике, Западном крае и Польше, несколько расширить компетенцию земских управ, создать в качестве низшего административно-общественного звена всесословную земскую волость, а также образовать особые поселковые управления в крупных населенных пунктах, где проживало и некрестьянское население.

Особый комплекс составляли законопроекты социально-политического плана. Здесь на первом месте был уже получивший к тому времени из-

вестность указ от 9 ноября 1906 г. о выходе крестьян из общины и закрепление надельных земель в личную собственность, принятый по ст. 87 Основных законов и лишь теперь представлявшийся на утверждение Думы. Это был фактически разработанный под руководством В. И. Гурко еще при Витте вариант законопроекта, который едва ли не дословно повторял упоминавшийся уже «Проект основных положений для изменения законодательства о крестьянах».

Не меньшую головную боль для правительства представлял и рабочий вопрос. Предполагалось коренное изменение отношения властей к рабочему движению. Экономические забастовки теперь предполагалось рассматривать как «естественное стремление рабочих к улучшению своего положения». Соответственно рабочему движению предоставлялась возможность «естественного выхода, если оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Таким образом, предполагалось придать силу закона указу от 2 декабря 1905 г., которым отменялись статьи «Уложения о наказаниях», предусматривавшие уголовное преследование участников экономических стачек. Реформу рабочего законодательства намечалось вести в двух направлениях: с одной стороны, речь шла об оказании помощи рабочим в виде государственного попечения о неспособных к труду, осуществляемого путем страхования на случай болезни, инвалидности и старости, организации врачебной помощи, а также о пересмотре нормирования труда подростков и женщин (сокращение продолжительности рабочего времени, запрещение использовать труд детей и женщин на подземных работах и в ночное время). С другой стороны, планировалось постепенное ограничение административного вмешательства в отношения рабочих и предпринимателей и предоставление им необходимой свободы действий при посредстве профсоюзов и предпринимательских организаций.

Сознавая тесную зависимость экономического развития страны от уровня образования и профессиональной подготовки населения, правительство предлагало провести совместно с земствами и городскими управами реформу, призванную обеспечить доступность знаний для всех слоев населения, введение обязательного начального образования и создание широкой сети самых разнообразных типов профессиональных учебных заведений, дающих вместе с тем необходимый минимум общего образования.

Для обеспечения государственной казны необходимыми средствами Министерство финансов предлагало ввести новые принципы налогообложения с целью «достижения возможной равномерности обложения и возможного освобождения широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени». Предполагалось ввести прогрессив-

ный подоходный налог, проекты которого разрабатывались едва ли не два десятка лет. Полученные дополнительные суммы правительство надеялось использовать для проведения реформ, а часть их передать в распоряжение земств и городских управ.

Наконец, большое внимание в программе уделялось возрождению боевой мощи российской армии и флота, в значительной мере утраченной в ходе русско-японской войны. В целом Столыпин был последовательным сторонником того, чтобы Россия не ввязывалась в ближайшие годы в серьезные международные конфликты. Для проведения намеченных реформ ему необходимы были те 20 лет покоя — внутреннего и внешнего, о которых он как-то говорил на одной из встреч с журналистами. Вместе с тем Столыпин как патриот своего Отечества выступал за сохранение за Российской империей статуса великой мировой державы.

Такова была в общих чертах программа столыпинского кабинета. Она повторяла в основном задачи, сформулированные в виттевской программе, составленной весной 1906 г. для внесения в Государственную Думу, хотя за прошедший год она была несколько расширена, углублена и конкретизирована. Несмотря на ее обширность и несомненную прогрессивность, она, за немногими исключениями, не предусматривала каких-либо коренных, структурных преобразований. В ней нашли отражение прежде всего умеренные пожелания и требования как либеральной оппозиции, так и умеренно-консервативных кругов, уже давно выдвигавшиеся ими перед правительством. Большая часть предложенных мер уже давно, порой десятилетиями, разрабатывалась в недрах различных ведомств. Лишь революция заставила власть активизироваться. Но, как мы увидим ниже — ненадолго.

Программная речь Столыпина, выдержанная во властных, резких, чтобы не сказать вызывающих тонах, спровоцировала левых депутатов на ответные заявления, выдержанные в радикальном духе. И тогда премьер с неприкрытой угрозой заявил: «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли, все они сводятся к двум словам: „Руки вверх!" На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием и сознанием своей правоты может ответить двумя словами: „Не запугаете!"». Эта фраза, вошедшая в историю, вызвала взрыв энтузиазма у сторонников правительства и во многом ужесточила противостояние политических сил в Думе.

Спустя неделю, 13 марта 1907 г. Столыпин вновь выступает в Думе, на этот раз по вопросу о военно-полевых судах. Признавая, что, введя их, власть допустила много «неправильностей», он в то же время фактически выступил в защиту этой меры, оправдывая ее государственной необходи-

мостью. «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада,— заявил он.— Это было, есть и будет всегда неизменно... Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочий приостанавливать все нормы права»[29]. Это «состояние необходимой обороны», по его мнению, не только оправдывает применение репрессий, но в крайних случаях может привести и к установлению диктатуры. Здесь этатизм премьера достигает абсолюта: государство, в том числе авторитарное,— превыше всего, считает он. Естественно, что отношение общества к подобным силовым методам правления всегда остается неоднозначным и зависит от правовых воззрений сторонников и противников тех или иных политических режимов. На первый план при этом выходят интересы якобы надклассового государства, тогда как общество и его чаяния в расчет не принимаются. И все же, учитывая общественные настроения, Столыпин не решился на утверждение указа о военно-полевых судах в Думе, и он, по положению, через два месяца потерял свою силу.

Но пока триумф премьера продолжался, хотя попытки установить рабочий контакт с Думой оставались безуспешными — слишком велики были расхождения их позиций. Новая Дума по своему составу оказалась даже левее первой. И вновь основным пунктом расхождений стал аграрный вопрос. Либеральное крыло Думы не могло отказаться от требования отчуждения в той или иной форме помещичьих земель. Правительство же не шло в этом вопросе ни на какие уступки. Выступая в Думе 10 мая 1907 г., Столыпин отверг и радикальный проект крестьянских депутатов-трудовиков, и компромиссные предложения кадетов, которые, как он считал, вели к «социальной революции», к разрушению «редких культурных очагов на местах», к разорению еще довольно многочисленного — по его данным, около 130 тыс. семей — класса землевладельцев[30]. Говоря о многочисленности помещиков, Столыпин допустил явное преувеличение: к 1905 г. владельцев имений площадью 500 и более десятин насчитывалось около 30 тыс. А вот его утверждение, что лишь малую часть помещичьих имений можно отнести к «культурным очагам», вполне отвечало реальности. Действительно, к началу XX в. более половины всех владельцев имений фактически по-прежнему паразитировали на земле, что не могло не обострить социальную напряженность в деревне.

Столыпин, видимо, понимал это и потому разделял идею передачи крестьянам какой-то части частновладельческих земель. Но перераспределе-

ние земельного фонда он предлагал провести путем скупки государством продаваемых помещиками земель и перепродажи их крестьянам через Крестьянский банк. Однако главным направлением аграрной реформы, подчеркивал он вновь и вновь, должно быть освобождение крестьян от тисков общины и закрепление земли в их личную собственность. Осознавая сложность этой проблемы и учитывая неоднозначность отношения думцев к общине, Столыпин настаивал на постепенности и осторожности ее решения: «Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная». Решение аграрного вопроса, считал он, требует времени. «Разрешить этот вопрос нельзя,— утверждал он,— его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия». Все остальные пути решения аграрного вопроса, так или иначе связанные с национализацией земли, он решительно отвергал как подрывающие устои государственности, исторические и культурные традиции. В заключение Столыпин произнес в адрес радикалов ставшую знаменитой фразу: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия». Справедливости ради надо заметить, что к потрясению страну привела прежде всего именно близорукая, эгоистическая политика старого режима. И косвенное признание этого — глубоких причин «нестроения» страны — содержится в высказываниях самого Столыпина.

Так выкристаллизовывались взгляды главы российского кабинета, более четко определялись его позиции в тех или иных вопросах. Масштаб замыслов был довольно обширен, хотя не все аспекты плана модернизации страны были проработаны и осмыслены достаточно глубоко и последовательно.

Наиболее противоречива и неопределенна была политическая часть программы, касающаяся государственного устройства. В какой-то мере она отражала традиционализм менталитета самого Столыпина с его глубоко укоренившимся монархизмом. Но в еще большей степени она отражала противоречивость самого государственного строя страны, установившегося после 17 октября 1905 г. и принятия Основных законов, строя, суть которого может быть определена сочетанием двух взаимоисключающих понятий: «правовое самодержавие». Именно эти понятия премьер и пытался соединить в своих выступлениях перед Думой. С одной стороны, целью правительства провозглашалось «сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ императора Николая II, и создать правовое государство»[31]. В связи с этим признавалось целесообразным и даже неизбежным существование Государственной Думы и реформированного и также теперь частично избиравшегося Государст-

венного Совета, формально наделенных верховной властью законодательными функциями. И надо отдать Столыпину должное: несмотря на все конфликты с этими учреждениями, в целом он приложил немало усилий для сохранения их в первоначально задуманном виде. С другой стороны, премьер настойчиво подчеркивал фактически неограниченную полноту полномочий российского монарха-самодержца, волею которого и было создано народное представительство в качестве помощника царя в управлении страной. И главнейшая задача правительства в этой области, как считал Столыпин, должна состоять в том, чтобы «хранить исторические заветы России». Несколько позднее, выступая уже перед III Думой, он расшифровал эту формулу, заявив, что «историческая Самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности...». Правительство, согласно этой формуле, назначается монархом и не только не подотчетно Думе, но ей не дано даже права выражать ему «неодобрение, порицание и недоверие». Поэтому «нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок»,— заявил премьер, явно имея в виду западноевропейский парламентаризм[32].

Вскоре Столыпин на деле показал истинное место высших законодательных учреждений в системе власти. Когда явно обнаружилось, что соотношение сил и во II Думе не устраивает правительство, что конфликт между ними неустраним и достиг своей высшей точки, премьер вновь стал готовить ее разгон. Как показал опыт I Думы, сделать это было несложно, но у правительства не было гарантии, что III Дума не будет повторением двух предыдущих. Поэтому встал вопрос: править без Думы или пойти на изменение избирательного закона, чтобы изменить ее состав. Первый путь казался рискованным. Николай II не оставлял мысли вернуться к неограниченному самодержавию, но революция показала, что старый режим в «чистом виде», без конституционного прикрытия больше существовать не может. И правительство решило избрать второй путь. Однако в данном случае статья 87 помочь ему не могла, так как Основные законы предусматривали, что изменение порядка выборов не может быть произведено без санкции законодательных палат. И Столыпин с согласия царя пошел на прямое нарушение закона. Одновременно с роспуском 3 июня 1907 г. II Думы, которой официально инкриминировалась защита социал-демократических депутатов, обвиненных полицией в подготовке военного заговора, был опубликован новый избирательный закон, известный, по характеристике самого царя, как «бесстыжий». Это событие вошло в историю под названием третьеиюньского государственного переворота.

Новая, III Дума, открывшаяся в начале ноября 1907 г., по своему составу значительно отличалась от предшествовавших. Общее число депутатов уменьшилось с 524 до 442. После провала расчетов властей на крестьянство как массовую социальную опору режима политика цезаризма была отброшена. Представительство от крестьян и рабочих было значительно — почти вдвое — сокращено. Уменьшилось число депутатов от Польши и Кавказа. А население ряда национальных окраин (10 областей и губерний Азиатской России) под предлогом «недостаточного развития гражданственности» было вообще лишено избирательных прав. Судя по думскому справочнику 1910 г., Дума вместо крестьянской стала дворянской. Представители высшего сословия составляли 40,3% депутатского корпуса (при удельном весе дворянства в общей массе населения россиян 1,5%), депутаты от крестьян-земледельцев (составлявших около 80% населения) получили 15% депутатских мест, лица так называемых либеральных профессий — 19%, духовенство — 10%, промышленники и торговцы — 8%, рабочие и ремесленники — 2,3%. В национальном отношении преобладали великороссы — 77%, потом шли украинцы — 6%, поляки — 4,9%, немцы — 2,3%, белорусы — 2,2%; на все остальные национальные группы многоязычной империи приходилось менее 10%.

В политическом отношении Дума стала заметно правее. Наиболее многочисленной фракцией были октябристы. «Союз 17 октября» стал фактически правительственной партией («партией последнего правительственного распоряжения», как ее называли), с помощью которой Столыпин намеревался проводить в Думе свою политику. Но октябристская фракция не имела квалифицированного большинства, и правительство при проведении своих законопроектов опиралось в Думе на два большинства — октябристско-кадетское (при проведении либеральных преобразований) и правооктябристское (при осуществлении «охранительного», карательно-полицейского, реакционно-консервативного законодательства). В результате сложилась бонапартистская по своей сущности система, которая отражала переходный характер складывавшегося политического режима. Таким образом, новый избирательный закон, как считал являвшийся его автором Крыжановский, «дал правительству послушное и гибкое орудие для отбора того, что было лучшего в русском обществе, наиболее прочного и государственного»[33] (конечно, по мнению инициаторов переворота).

Анализ взаимоотношений Столыпина и Думы показывает, что премьер при контактах с нею пользовался в основном двумя приемами. Во-первых, стремясь перехватить инициативу, он, как планировал в свое время и Витте, пытался ограничить ее деятельность исключительно обсуждением правительственных проектов, а все необходимые, с его точки

зрения, меры проводил, как правило, в указном порядке, ставя народное представительство перед свершившимся фактом и ссылаясь при этом на высочайшую волю. По подсчетам Д. Н. Шипова, только за период между I и II Думами указным порядком были изданы 59 положений, из которых лишь 5 действительно обусловливались чрезвычайными обстоятельствами. Во-вторых, под предлогом необходимости накопления молодым представительным учреждением опыта законодательной работы Столыпин вносил на рассмотрение Думы множество мелких, третьестепенных дел, так называемую «думскую вермишель». Причем делал это сознательно. Как свидетельствует тот же Крыжановский, сам премьер в своем кругу откровенно говорил о «законодательной жвачке», которая должна была отвлечь внимание законодателей от более серьезных вопросов. Примерно такой же тактики придерживался он и в отношении Государственного совета, не раз добиваясь от императора «неприсутствия» назначенных верховной властью членов, не согласных с правительственными законопроектами.

Выступая перед III Думой 16 ноября 1907 г., Столыпин вновь изложил правительственную программу. В ней вновь были неприкрытые угрозы в адрес уже фактически подавленной революции и даже говорилось о готовности приостановить действие закона о несменяемости судей в случае недостаточной жесткости приговоров. По пути «искоренения» революции правительство шло ранее, заявил премьер, «этим путем оно пойдет и впредь». Затем в декларации следовал уже известный перечень предполагаемых и уже реализуемых преобразований, правда с некоторым сокращением их круга. На первом плане по-прежнему стояла аграрная реформа, фактически уже вступившая в фазу реализации.

Действия правительства вызвали резкую критику со стороны части депутатов, обвинявших власть в государственном перевороте, установлении режима восточной деспотии, полицейского произвола, в резком повороте к национализму. Столыпину пришлось доказывать, что российский монарх, даровавший стране народное представительство, в минуты опасности вправе определять судьбу этого института. «Историческая самодержавная власть и свободная воля монарха,— заявил он в заключение своей речи,— являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призваны в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». Фактически Столыпин оказался в крайне противоречивой позиции, отстаивая неограниченность российского самодержавия при одновременном существовании законодательного народного представительства. Может быть, Дума, как утверждал Столыпин,

действительно была не готова к самостоятельной законодательной деятельности в силу своей неопытности и остроты противоречий в обществе, но несомненным остается тот факт, что старый режим не мог ужиться с народным представительством, постоянно стремясь превратить его в одну из деталей самодержавной власти, и Столыпин играл роль то буфера между ними, то орудия верховной власти.

4. Столыпинская аграрная реформа.

Какова же была судьба столыпинских программ преобразований? Центральное место среди них, как уже отмечалось, занимала аграрная, или, как ее еще называли, вторая крестьянская реформа. Начало ей положил указ от 9 ноября 1906 г., имевший скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Формально указ лишь конкретизировал и вводил в действие ст. 165 «Положения о выкупе». Как известно, по замыслу авторов крестьянской реформы 1861 г., после выкупа надела крестьянин становился полным его собственником. Однако самодержавие, сделавшее общину орудием своей фискальной, административно-полицейской и социальной политики в деревне, всячески старалось оттянуть этот момент. Контрреформы 80—90-х гг. сделали выход из общины практически невозможным. И хотя в правительственных и общественных кругах к первоначальной идее возвращались неоднократно, понадобилась революция, чтобы власть решилась на практические шаги в данном направлении.

Пересмотр курса аграрной политики стал неизбежным с изданием манифеста 3 ноября 1905 г. об отмене выкупных платежей. Этот поворот, как уже отмечалось, фактически был одобрен резолюцией Николая II на всеподданнейшем докладе Витте от 10 января 1906 г. В нем предлагались принципиальные основы решения этой проблемы — признание надельных земель личной собственностью владельцев и установление порядка выхода крестьян из обществ с выделением им отдельных участков из общинных земель. В результате работа над законопроектом была поставлена на практическую почву, и он фактически был готов к внесению еще в I Государственную Думу. Однако судьба виттевского министерства была предрешена, и все подготовленные материалы перешли в руки нового кабинета, которому оставалось лишь воспользоваться ими.

В начале июня 1906 г. Столыпин внес в Думу два законопроекта — «О земельных обществах, владеющих надельной землей» и «Об укреплении

и расширении крестьянского землевладения», подготовленные его предшественниками. Однако Дума, настроенная очень радикально, отвергла оба законопроекта, даже не передав их на рассмотрение своей аграрной комиссии. И тогда 20 июня 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение, в котором излагалась позиция правительства по аграрному вопросу. Авторы сообщения пытались убедить сторонников идеи отчуждения помещичьих земель, что эта мера не только противозаконна, но и бессмысленна, ибо таким путем нельзя ни существенно увеличить крестьянское землевладение, ни поднять достаток крестьян, что она разорит все государство и обречет само крестьянство, которое потеряет заработки, на нищету и голод. Заявление более чем спорное, учитывая, что подавляющую часть сельскохозяйственной продукции производило именно крестьянство. Правительство обещало передать крестьянам все годные для земледелия казенные земли, продать через Крестьянский банк часть владельческих земель, предлагаемых к продаже, и увеличить помощь переселенцам, признать наделы в беспередельных общинах личной собственностью владельцев, а остальным крестьянам предоставить право свободного выхода из общины с укреплением наделов в личную собственность. Предполагалось также провести землеустройство и ликвидировать чересполосицу, облегчить продажу надельных земель при условии перехода их в крестьянские же руки и т. д. Вместе с тем подчеркивалось, что правительство находит целесообразным сохранить определенные ограничения в мобилизации надельных земель, чтобы предотвратить концентрацию их в немногих руках и обезземеливание крестьянских масс. Таким образом, в декларации изложены были основные положения подготовленных законопроектов и намечался новый курс аграрной политики.

Став председателем Совета министров, Столыпин вплоть до осени 1906 г. продолжал фактически прежнюю политику отдельных уступок, не решаясь в сложных условиях революции перейти к радикальным мерам. Крестьянскому банку актами от 12, 27 августа и 19 сентября передавались для продажи крестьянам участки казенной, удельной и кабинетской земли в Европейской России и Сибири. Затем указом от 5 октября 1906 г. был отменен ряд существовавших ограничений в правовом статусе крестьян, что сближало их с остальным населением империи[34]. Отменялись ограничения в отношении поступления на государственную службу и учебные заведения, предоставлялось право свободного получения паспортов и выбора места жительства, снимались препятствия к уходу крестьян на заработки, отменялись пункты законодательства, затруднявшие семейные разделы; зажиточные крестьяне, имевшие купленную землю, могли участвовать в земских выборах по курии землевладельцев и т. д. Обещан был

коренной пересмотр системы местного управления и суда. Большая часть пунктов этого указа имела самое непосредственное отношение к планировавшимся аграрным преобразованиям. Но обнаружилось это лишь с изданием указа от 9 ноября 1906 г., когда окончательно прояснился характер и направление столыпинской аграрной политики.

Таким образом, Столыпин, идя уже по проложенному предшественниками и высочайше одобренному пути и пользуясь готовыми материалами, фактически не был творцом новой аграрной политики. Но он не был и простым плагиатором, поскольку некоторые сходные идеи родились у него еще до революции. Став же премьером, Столыпин сделал аграрную реформу осью всей своей внутренней политики, рассчитанной на модернизацию социально-экономического, а отчасти и политического строя империи. И, наконец, он первый перешел от слов к делу, приступив к реализации нового аграрного курса и проявив завидную настойчивость и умение в отстаивании его в Государственной Думе и Государственном Совете.

Указ 9 ноября 1906 г., ставший 14 июня 1910 г. законом, гласил, что в связи с отменой выкупных платежей надельные земли освобождаются от ограничений общинного владения, а крестьяне приобретают право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность домохозяина. Последнее положение отменяло толкования Сената, согласно которым имущество крестьянского двора признавалось собственностью всей семьи. Несмотря на формально провозглашенную свободу принятия решения каждым домохозяином, предусматривались экономические и административные меры по ускорению этого процесса. Чтобы создать заинтересованность крестьян в скорейшем выходе из общины, указ провозглашал, что, если хозяйства имели к моменту опубликования указа земельные излишки, то последние подлежали выкупу у общества по сравнительно низким ценам начала 1860-х гг. Этот внешне незначительный пункт указа имел особый скрытый смысл: расчет был на то, что владельцы излишков станут активными сторонниками выхода из общины, что впоследствии и подтвердилось. Он же свидетельствовал и о начале переориентации правительственной аграрной политики с попечительства в отношении малоимущего крестьянства к поддержке прежде всего его зажиточных слоев. Вместе с тем указ, а затем специальные инструкции местным властям предоставляли последним возможности административным путем влиять на темпы «разобщинивания». Формально заявление о выходе должно было утверждаться простым большинством сельского схода. Однако, если сход в течение месяца не принимал решения, то дело передавалось на усмотрение земского начальника, который, выполняя правительственную установку, решал его обычно в пользу заяви-

теля. Более того, официальная оценка служебного соответствия, а также материальное поощрение представителей местной администрации ставились в зависимость от успешности реализации указа. В сельских обществах, где переделов не было с момента наделения крестьян землей, все члены общины автоматически объявлялись владельцами своих наделов.

Итак, основное назначение этого акта — пробудить в крестьянстве частнособственнический инстинкт, дать толчок разрушению общины. Но это был лишь первый этап реализации нового аграрного курса. В хозяйственном отношении простое объявление наделов личной собственностью не снимало всех неудобств, связанных с раздробленностью наделов, чересполосицей, принудительным севооборотом, совместным пользованием угодьями и т. п. Вторым шагом в наступлении на общину стал закон 29 мая 1911 г., которым центр тяжести реформы переносился на землеустройство. Право крестьянина, ставшего индивидуальным владельцем надела, свести все полосы в один участок предусматривалось еще указом 9 ноября. Теперь же сам акт о землеустройстве считался основанием для признания надела личным владением. Основной упор был сделан на насаждении хуторских (с перенесением усадьбы на свой участок) и отрубных (с оставлением усадьбы в деревне) участковых хозяйств.

С изданием новых законов патриархально-попечительная направленность старого курса аграрной политики принципиально меняется. Главным объектом внимания правительства становится среднее и зажиточное крестьянство. Как говорил сам Столыпин, «ставка была сделана не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»[35]. Преобразования в аграрной сфере приобрели определенную логичность и комплексность. В частности, главной цели реформы — насаждению крестьян-собственников — оказались подчинены и операции Крестьянского банка, получившего возможность выдавать ссуды для организации хозяйства под залог надельных земель (указ 15 ноября 1906 г.), и вся деятельность Переселенческого управления. Еще одним рычагом реформы стали предпринятые правительством меры по поддержке и развитию крестьянских промыслов[36]. Нашел свое место в системе мер по преобразованию деревни и указ 5 октября 1906 г. С одной стороны, он способствовал выходу из общины и разрыву с землей тех элементов, связь которых с деревней становилась искусственной. С другой — укреплял позиции зажиточных слоев, их правовой и имущественный статус, предоставляя им возможность принять активное участие в органах земского самоуправления, ликвидировал архаичные функции общины.

Однако, устраняя наиболее существенные препятствия на пути буржуазной модернизации аграрного сектора экономики, власть не отказалась от традиционного стремления регулировать социальные процессы в

деревне. Непоследовательность и ограниченность нового законодательства проявилась прежде всего в трактовке статуса надельной земли и ее владельцев. Надельные земли по-прежнему сохраняли сословно-крестьянский характер, а владельцы наделов были ограничены в своем праве свободно распоряжаться ими. Как заявил Столыпин, выступая в III Думе, «государство в целях обеспечения за земледельческим населением определенных земель ограничивает распоряжение этой землей: надельная земля не может отчуждаться лицам других сословий; не может быть заложена, кроме как в Крестьянском банке; не может быть продана за долги, не может быть завещана...»[37]. Кроме того, были установлены временные нормы концентрации надельных земель в одних руках — не свыше 6 наделов в одном уезде. Крестьянский банк тоже ограничивал свои операции с крестьянами-покупщиками — не свыше 3 наделов. Все эти ограничения тормозили процесс мобилизации крестьянских земель, способствовали их обесценению. Правда, законом 29 мая 1911 г. было установлено, что надельные земли, если к ним при выходе из общины присоединяется земля купленная, могут приобретать характер частной собственности, что было серьезной уступкой буржуазным принципам. Однако, взяв курс на создание слоя зажиточных крестьян-собственников, правительство не ставило целью образования из них предпринимателей-фермеров.

Впрочем, тенденция к попечительству в правительственной политике имела и реальную объективную причину. Сельское население, несмотря на некоторое сокращение его доли в общей численности населения империи, количественно продолжало расти ускоренными темпами, обостряя проблему занятости. Как показали расчеты исследователей, несмотря на отток сельского населения в города и переселения на окраины, больше половины его естественного прироста оставалось в деревнях, что обусловливало дальнейшее дробление наделов и обострение ситуации с малоземельем крестьян. Установление пределов дробимости наделов и концентрации земли призвано было как-то поддержать «статус-кво» в деревне.

Важно отметить, что столыпинская аграрная реформа не ограничивалась только задачей модернизации крестьянского хозяйства, а была многоцелевой и комплексной. В отличие от Витте, у Столыпина на первом плане при ее разработке и реализации стояли социально-политические цели. Первоочередной, двуединой задачей реформы были разрушение общины, придававшей крестьянским выступлениям массовость и определенную организованность, и создание из мелких зажиточных крестьян-собственников крепкой консервативной опоры власти. Это было связано как с провалом цезаристского курса, традиционно исходившего из представления, что социальной опорой режима является все крестьянство, так

и с продолжавшимся размыванием дворянского землевладения (за 1905—1914 гг. оно сократилось еще на 20%) и достаточно четко обнаружившимся в годы революции политическим расслоением высшего сословия (дворянство пополнило собой почти все политические партии — от ультраправых до крайне левых). Новая социальная сила должна была стать активной составной частью третьеиюньской политической системы, укрепить на несколько подновленной основе старый политический режим, ликвидировать социальную напряженность в деревне, отвлечь крестьян от помещичьих земель. Направленная в первую очередь против революции, реформа фактически начала реализовываться после ее подавления. Но контрреволюционная ее направленность сохранилась, приобретая как бы превентивный характер. Уже после третьеиюньского переворота Столыпин, представляя указ 9 ноября 1906 г. на утверждение III Думы, особо подчеркивал ее политический характер: насаждение «крепкого личного собственника» в деревне необходимо «для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, для создания преграды развитию революционного движения»[38]. При успешной реализации реформы, отмечалось в журнале Совета министров 13 июня 1907 г., «...мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз и навсегда был бы положен конец»[39].

С осуществлением аграрной реформы столыпинский кабинет связывал также и большие экономические надежды. Ожидалось не только возрождение деревни на новой агрокультурной и агротехнической основе, но и общий подъем всей экономики страны. Отдавая должное созданию ее индустриальной основы, Столыпин все же отстаивал приоритет сельского хозяйства. «Наше экономическое возрождение,— заявлял он,— мы строим на наличии покупательной способности у крепкого достаточного класса на низах». Более того, без перестройки деревни, как отмечал в своем выступлении перед Думой соратник премьера, главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин, России невозможно будет удержать свои позиции в мировом сообществе. «Нам,— говорил он,— не устоять в великом трудовом состязании народов, если мы попрежнему будем вырабатывать на каждую душу населения всего 22 1/2 пуда, и из этого должны будем, как теперь, кормиться, оплачивать всю нашу внутреннюю промышленность, покупать иноземные товары, платить наши долги»[40]. К тому же, по твердому убеждению Столыпина, только достигнув определенного материального благосостояния крестьянства, можно и должно ставить вопрос о развитии его гражданственности.

Столыпину, как и Витте, не удалось дождаться плодов реализации своего замысла. Но есть, видимо, смысл подвести краткие итоги за все время

проведения реформы (в мае 1915 г. в связи с войной она была приостановлена, а 28 июня 1917 г. прекращена по постановлению Временного правительства).

В отечественной и зарубежной литературе и особенно в публицистике, так или иначе касающейся этой темы, содержатся различные, порой полярные оценки этой правительственной акции. Одни авторы считают, что реформа достигла намеченных целей: в деревне не только наступил перелом в психологии крестьян от общинности к частнособственническому индивидуализму, но и были достигнуты позитивные результаты в модернизации крестьянских хозяйств и повышении их производительности и товарности. Другие, напротив, придерживаются мнения, что реформа явно провалилась, указывая на незначительный удельный вес хуторян и отрубников, относительность экономической эффективности их хозяйств, сохранение духа общинности и тяги деревни к «черному переделу». Истина, как обычно, видимо, находится где-то посредине между этими крайними точками зрения.

За 1907—1914 гг. было подано 2,7 млн ходатайств об укреплении наделов в личное владение и 5,8 млн — о землеустройстве. За это время было реализовано почти 90% заявлений об укреплении наделов и около 30% — о землеустройстве, что по закону также давало право личного владения надельной землей. Всего же формально из общины вышли несколько более 3 млн хозяев, т. е. около четверти всех общинников, по данным на 1916 г., и примерно треть — по данным переписи 1905 г. Правда, далеко не все подавшие заявления хозяева воспользовались своим правом в полном объеме: число выделенцев, которые свели свою землю к одному месту, было значительно меньше. Многие же, укрепив наделы, продолжали хозяйствовать чересполосно, пользуясь нераздельными общинными угодьями (лесом, лугами, выпасами и т. п.). А из 3,5 млн членов беспередельных общин укрепительные документы вообще взяли лишь около 470 тыс.[41] Все это отнюдь не улучшало, а еще более усложняло и чрезвычайно затрудняло земельные отношения в деревне.

Всего на надельных землях было образовано 1,6 млн единоличных участковых хозяйств, из которых почти $^3/_4$ возникли в 1911—1914 гг. Еще 270 тыс. таких хозяйств было образовано с помощью Крестьянского банка и 13 тыс.— на казенных землях. Всего же на хутора и отруба вышли примерно 1,5 млн хозяев (около 10% всех хозяйств), владевших к началу войны 16 млн дес. (10—11% всей общинной земли). Из них хуторян насчитывалось немногим более 200 тыс. Вместе же с примерно 100 тыс. хуторов, существовавших в основном в западных губерниях еще до реформы, таких хозяйств было около 300 тыс., что составляло лишь 2% кресть-

янских дворов. Сами по себе количественные данные о выходе из общины и создании участковых хозяйств еще не дают однозначного ответа на вопрос — много это или мало? С одной стороны, видимо, немало, сравнивая темпы этого процесса с землеустройством на Западе, где на это потребовались многие десятилетия и даже века, а также сдвиги, происходившие в крестьянской ментальности, и сроки, отпущенные историей на реализацию реформы. С другой — явно недостаточно, если принять во внимание условия, придававшие живучесть российской общине, и особенно то обстоятельство, что общее количество вышедших из нее все же далеко не достигало той критической массы, которая определяет необратимость этого процесса.

Оценивая социально-экономический аспект реформы, следует отметить по крайней мере три обстоятельства. Во-первых, относительную немногочисленность участковых хозяйств, хотя, как отмечалось, по темпам землеустройства российской деревне того времени не было равных в мире. Во-вторых, неравномерность размещения таких хозяйств: основная их масса приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии, где община и ранее не имела глубоких корней. Земледельческий же центр, требовавший по первоначальным замыслам Столыпина особого внимания, оказался менее всего затронутым реформой. В-третьих, большинство таких хозяйств были далеки от фермерского типа. Большая часть их по-прежнему страдала от малоземелья. По расчетам дореволюционных экономистов, необходимый минимум для ведения хозяйства составлял, в зависимости от районов, от 8 до 15 десятин. Средний размер хуторов и отрубов в России равнялся 9,8 дес., что было несколько больше, чем у общинников, но около половины участковых хозяйств располагали площадью менее 8 дес., т. е. меньше даже потребительской нормы. Причем меньше этой нормы была средняя площадь таких хозяйств в 24 губерниях Европейской России[42].

В целом реформа несколько усилила процесс мобилизации крестьянских земель и социальное расслоение деревни. Всего крестьяне продали за это время более 4 млн дес., т. е. около 1/4 надельных земель, перешедших в личное владение. Лишь 25% «выделенцев» продали наделы с целью приобретения других земель для улучшения хозяйства. Остальные расстались с наделами потому, что одни уже практически не занимались сельским хозяйством, уйдя на заработки в город, другие — из-за невозможности вести хозяйство собственными силами, третьи решили попытать счастья в переселении на новые места. Вместе с тем следует заметить, что часть зажиточных, так называемых кулацких элементов деревни, широко пользовавшихся внутриобщинной арендой и разного рода

торгово-ростовщическими приемами эксплуатации однообщинников, предпочла остаться в общине.

Заметную роль в землеустройстве и переходе к крестьянам частновладельческих земель сыграл Крестьянский банк, деятельность которого в эти годы заметно активизировалась. Это вызвало резко негативную реакцию у поместного дворянства, усмотревшего в нем одну из причин сокращения дворянского земельного фонда и снижения земельных цен. Если ранее в операциях банка преобладали коллективные покупки земли обществами и товариществами, то теперь 90% его клиентов составляли индивидуальные покупщики. В 1907—1914 гг. крестьяне приобрели у банка или купили с его помощью 9,8 млн дес., получив ссуд на сумму 929 млн руб. Главной задачей банка стало создание образцовых участковых хозяйств, и таких было создано около 270 тыс. Правда, далеко не все его клиенты смогли расплатиться за ссуды: за неуплату процентов банк отобрал у задолжников более 600 тыс. дес. В рыночных условиях это был вполне естественный процесс. И все же надо отметить, что банковская задолженность тяжелым бременем ложилась на хозяйства, затрудняя и замедляя их модернизацию[43].

Средством избавления от маломощных и разоряющихся хозяйств центральных губерний должна была служить, по первоначальным замыслам, активизация переселения крестьян на свободные казенные земли, главным образом за Урал, для чего переселенцам предоставлялись пособия и льготы. Общее число переселенцев за 1906—1914 гг. составило 3,1 млн человек, т. е. вдвое больше, чем за предыдущее десятилетие. Часть их сумела закрепиться на новых землях и обзавестись хозяйством, другие расселились по необъятным сибирским просторам, так и не став самостоятельными хозяевами, третьи вернулись обратно. Вернулось 456,6 тыс. человек, т. е. 18%, пополнив пауперизированные слои города и деревни. Тем не менее переселенцы составили заметный процент прироста населения Сибири, ускорив процесс освоения этого богатейшего края.

Однако, посетив в 1910 г. вместе с Кривошеиным Сибирь и Поволжье, Столыпин понял ошибочность своих первоначальных расчетов на переселение прежде всего малоземельных и маломощных хозяев, которые и на новом месте не в состоянии были обзавестись крепким хозяйством. К тому же, как он сам признал, на новые земли, освоение которых требовало значительных усилий, невольно переносилась старая общинная организация. Теперь упор был сделан на переселение действительно крепких хозяев, которые могли бы более эффективно пользоваться казенной помощью. Активизировалась и работа по землеустройству. И, наконец, более отчетливо была сформулирована и еще одна цель переселения — ос-

воение колониальных окраин империи, укрепление ее границ и ассимиляция коренного населения, т. е. несколько более отчетливо зазвучали политические мотивы этой меры и были приглушены социальные. Но главное, Столыпин вынужден был признать, что как ни заманчива мысль воспользоваться переселением для разрешения земельного вопроса в Европейской России (переселение хотя и не достигло даже половины естественного прироста населения, все же освободило во внутренних губерниях около 1,5 млн дес.), «но от этой мечты необходимо отказаться», так как доведение переселения до крупных размеров будет иметь следствием «чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России», что «едва ли желательно и экономически и политически».

В целом же, давая оценку степени продвинутости реформы, премьер заключал: «Было бы самообманом и самообольщением думать, что жизнь сельской России уже меняется. Во многих местах землеустройство почти не начато или идет туго и медленно... Но начало положено... В Пруссии, где землеустройство проводится с 1821 года, оно также еще далеко не закончено и идет более медленными темпами». Тем не менее Столыпин был уверен: «Начало переустройству земельного быта положено, и распространение его на всю Россию, по моему убеждению,— вопрос времени» [44].

Что же касается общины, то ликвидировать или даже серьезно подорвать ее позиции не удалось. К моменту прекращения действия реформы в Европейской России в пределах современной ее территории еще оставалось более 110 тыс. общин [45]. Несмотря на массированное административное давление, а может быть, отчасти и в результате его, большинство крестьян выступило против насильственного ее разрушения. Не случайно почти $^3/_4$ вышедших из общины не получили согласия общества. Потребовалось вмешательство властей, что лишь обострило социальную напряженность в деревне. Можно даже предположить, что, освободившись в какой-то мере от зажиточных, предприимчивых крестьян и пролетаризировавшихся и пауперизированных слоев, община только стабилизировалась. Ее живучесть объяснялась рядом факторов. С одной стороны, сказывалось влияние традиций, которые коренились в низком уровне социально-экономического и культурного развития деревни. Несмотря на некоторый рост количества усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, в 1910 г., по данным специальной переписи, из орудий вспашки более $^2/_3$ составляли деревянные сохи, косули, плуги, имевшие лишь железный наконечник; из орудий рыхления — деревянные бороны составляли 97%. Настоящей бедой деревни было аграрное перенаселение. В результате высоких темпов прироста населения и слабого оттока его в не-

земледельческие сферы в центральных губерниях России в начале XX в. насчитывалось около 23 млн «лишних» рабочих рук[46]. Все это способствовало сохранению функции общины как института социальной защиты. С другой стороны, община сумела в какой-то мере приспособиться к новым условиям. Немецкий профессор Аухаген, посетивший в 1911—1913 гг. ряд российских губерний с целью выяснения хода реформы и давший ей высокую оценку, в то же время отмечал, что община не является врагом прогресса, что она вовсе не противится внедрению усовершенствованных орудий и машин, лучших семян и введению рациональных способов обработки полей. Причем в таких случаях, что весьма важно, к улучшениям приступают не отдельные, наиболее развитые и предприимчивые крестьяне, а целиком все общество[47]. К тому же при всей заинтересованности властей в скорейшем изживании общины и насаждении участковых хозяйств правительственная экономическая политика не имела под собой достаточной материально-финансовой базы. Переустройство хозяйств требовало больших затрат — по приблизительным подсчетам от 250 до 500 руб. на каждое. Правительственные же субсидии на «домообзаведение» хуторян и отрубников в среднем не превышали 165 руб., да и получали их далеко не все. Расход же хуторян в первый год хозяйствования на новом месте требовал 800 руб. единовременно и 267,8 руб. постоянных ежегодных затрат[48]. Даже частичное их возмещение было не под силу казне, учитывая к тому же огромные расходы на военно-морские программы, а деревня не располагала необходимыми собственными ресурсами.

Экономические последствия реформы определить весьма сложно. В экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве, в эти годы происходили глубокие структурные изменения. Этому способствовали и общая благоприятная экономическая ситуация, ряд особо урожайных лет, рост цен на сельскохозяйственную продукцию, отмена выкупных платежей и т. д. Увеличились объемы сельскохозяйственного производства, его товарность, урожайность, использование машин и усовершенствованных орудий, искусственных удобрений. Вдвое выросли крестьянские накопления в государственных сберегательных кассах, почти в 10 раз увеличилось число разного рода кооперативов. Но в целом, как отмечалось, попрежнему большая часть так или иначе полученных крестьянами средств шла на покупку земли, на уплату налогов, на потребительские нужды и в самой небольшой части — на модернизацию производства. В этом плане землеустроенные хозяйства, казалось, выделялись на общем фоне. По материалам официального выборочного обследования 22,4 тыс. таких хозяйств в 12 уездах различных губерний были сделаны заключения об ус-

пешности реализации реформы: заметно выросла урожайность (от 1/2 до 1/3 всех обследованных хозяйств), на треть увеличилось число хозяйств, использовавших наемный труд, на треть или даже наполовину увеличилось число хозяев, участвовавших в различного рода кооперативах, и т. д.[49] Повысился и агротехнический, и агрикультурный уровень хозяйств, чему в немалой степени способствовало внедрение государственной и земской агрономии.

Несомненно, реформа внесла определенный вклад в расширение внутреннего рынка — как потребительского (особенно за счет обезземеленных крестьян и ушедших в города), так и производственного (за счет приобретения хуторянами и отрубниками улучшенного инвентаря и товаров).

Землеустроенные хозяйства, видимо, действительно функционировали эффективнее, чем общинные. Но все же они едва ли могли оказать существенное влияние на общие показатели сельскохозяйственного производства. Более того, по анкетным обследованиям Вольного экономического общества оказывалось, что в массе своей хозяйства хуторян и отрубников мало чем отличались от общинных. К тому же у новых владельцев после выхода из общины возникали, как правило, проблемы с содержанием скота, в связи с чем поголовье его сокращалось.

В отчете государственного контроля за 1910 г. отмечалось «несовершенство» ведения сельского хозяйства в стране. «Плохая обработка земли, незначительное распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, недостаточное удобрение почвы, исключительно зерновое, большей частью по трехпольной системе, хозяйство являются до сих пор характерными признаками земледельческого промысла не только у крестьян, но и у многих частных земледельцев,— констатировалось в отчете.— В зависимости от сего состоящая под культурой площадь используется у нас слабо, урожайность полевых растений низка, непостоянна, скотоводство поставлено плохо, а переработка продуктов сельского хозяйства развита недостаточно». Причем по урожайности хлебов Россия отставала от западноевропейских стран: по пшенице — на 48,5%, по ржи — на 57,1%, по ячменю — на 34,3%, по овсу — на 50,3% и по картофелю — на 69%[50]. В более оптимистических тонах составлен был отчет за 1913 г., в котором отмечались сдвиги в аграрной сфере. Среди мер по улучшению сельского хозяйства на первое место было поставлено общее содействие правительства и земства в увеличении агрономической помощи населению и распространении сельскохозяйственного образования: казенные ассигнования на эти цели за 1903—1913 гг. выросли с 5,7 млн до 29,1 млн руб. Экспорт хлеба в 1913 г. составил 647,8 млн пудов против 548,4 млн пу-

дов в 1912 г. Но тем не менее и этот едва ли не рекордный вывоз не смог существенно повлиять на торговый баланс страны: превышение стоимости вывоза над ввозом составило всего 200 млн руб.— самый низкий показатель за последнее десятилетие. Несмотря на высокие абсолютные показатели сборов основных сельскохозяйственных культур, темпы прироста их за эти годы даже несколько снизились. Особенно низкие показатели были в скотоводстве: в отрасли душевой прирост продукции продолжал падать[51].

На негативные тенденции в аграрной сфере указывали и предпринимательские организации. В частности, Совет съездов представителей промышленности и торговли отмечал, что в целом сравнительно высокие урожаи последних предвоенных лет «не могут быть еще поставлены в заслугу новому аграрному законодательству»[52]. После богатейшего урожая 1909 г. Россия, остро нуждаясь в валюте, три года подряд выбрасывала на мировой рынок все свои запасы, действительно доведя вывоз до невиданного уровня. Но уже 1913 г. показал, что усиленный зерновой экспорт не решает проблемы торгового баланса, положительное сальдо которого сократилось с 581 млн руб. в 1909 г. до 200 млн руб. В целом сельское хозяйство еще не стало прочной опорой экономики страны. Лидеры торговли и промышленности, да и само Министерство финансов отмечали зыбкость промышленного подъема, не имевшего прочной опоры в аграрном секторе экономики. «В сельском хозяйстве,— отмечалось в докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговле от 12 июля 1914 г.,— в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету». Пока же сельское хозяйство не может обеспечивать промышленность сырьем: хлопок, шерсть, сало, шелк и т. д. приходится ввозить, и импорт увеличивается в прогрессирующей степени. Ненадежна и подпитка сельскохозяйственным экспортом финансовой системы страны, устойчивости денежного обращения, выплаты заграничных долгов, т. к. все это зависит от урожаев, отличающихся «чрезвычайной неустойчивостью»[53].

В сфере политической реформа явно не сложилась. История не отвела Столыпину тех 20 лет покоя, на которые он так рассчитывал. Оправдались его самые мрачные прогнозы: в случае неуспеха аграрных преобразований правительство будет окончательно дискредитировано, а престиж революционеров неизмеримо вырастет[54]. Во-первых, процесс образования массового слоя политически консервативных крестьян-собственников оказался прерванным войной. Но еще современники выражали сомнение: оказались ли бы новые собственники сторонниками старого ре-

жима? К тому же еще при жизни Столыпина наметился спад темпов реализации реформы: с 1910—1911 гг. пошли на убыль заявления о выходе из общины, уменьшилось число переселенцев, затем с 1912 г. сократилась клиентура Крестьянского банка, а с 1913 г. уменьшилось и число ходатайств о землеустройстве. Таким образом, видимо, сказывалась тенденция к исчерпанию контингента крестьян, желавших радикально разорвать с общиной. Выделившиеся из общины отрубники и особенно хуторяне, составляя в принципе приемлемый элемент для подтверждения научно-теоретических расчетов выгод индивидуального хозяйства, ни в экономическом (в силу малочисленности и хозяйственной слабости), ни в социально-политическом отношениях не гарантировали необратимость процесса реформирования деревни. Во-вторых, реформа не сняла социальной напряженности ни в деревне, ни в обществе в целом. Общинники повели борьбу против «выделенцев», стремясь вернуть их обратно. Не оправдались и расчеты Столыпина на то, что в процессе землеустройства удастся отвлечь крестьян от помещичьих земель. Недовольство реформой зрело и в помещичьих кругах, связывавших с ней ускорение процесса мобилизации дворянских земель. Идея всеобщего передела земли не покидала крестьянство, подогреваемая деятельностью левых партий, шансы которых, особенно в годы войны, резко возросли. Именно община в 1917 г. поглотила не только помещичьи имения, но и основную массу хуторов и отрубов.

5. Судьба столыпинского реформаторского курса.

Внутриполитический курс столыпинского кабинета, особенно после подавления революции, привел в скором времени к обострению противоречий как между правительством и обществом, так и внутри правящих кругов. Причем реализация этого курса не могла удовлетворить политические силы, стоявшие даже на диаметрально противоположных позициях. Он не устраивал право-консервативные круги, поскольку реформы непосредственно затрагивали их интересы и либо ущемляли последние, либо страшили своей непредсказуемостью. Леворадикальные силы видели в них опасность для своих целей, ибо преобразования сужали возможности для революционного переворота. Не удовлетворяла политика Столыпина и либералов и даже умеренный октябристский центр, так как премьер по мере нарастания сопротивления реформам все чаще оглядывался назад. Либералы видели ущербность столыпинского курса прежде всего в попытках совместить самодержавие с представительским строем,

что неизбежно вело к нарушениям законности, к пренебрежению завоеванными демократическими свободами.

Чрезвычайно яркие свидетельства настроения общественности и ее отношения к правительственной политике содержатся в подборке перлюстрированных полицией в 1908 г. писем. Так, В. И. Гурко — один из авторов аграрной реформы, вышедший в отставку и открыто примкнувший к дворянским правым кругам, писал князю М. Шаховскому: «Все творящееся в политике настолько несогласно с моими взглядами и с моим пониманием нашей родины, что не хочется даже мысленно на нем останавливаться». Князь Кочубей делился своими впечатлениями о происходящем в стране с адресатом, находившимся в Токио: «Внутренние неурядицы все продолжаются, и хотя на вид стало спокойнее, но на самом деле идет усиленная работа, так что мое впечатление, что мы сидим на вулкане». Неизвестный корреспондент, близкий к высшим сферам, писал в начале 1908 г. князю А. М. Горчакову: «Теперь времена хуже, чем при покойном Плеве, и все это потому, что, перешагнув через грань законности, администрация не знает больше удержу и даже не может понять, что революционный угар миновал и надо вступать на почву законности... Правы были те, кто скептически относился к манифесту свободы — данные обещания не исполняются». Уже известный нам умереннейший либерал Д. Н. Шипов, ставший к тому времени членом Государственного совета, подытоживая в октябре 1908 г. сложившуюся ситуацию, с горечью констатировал: «Разбиты надежды на мирное преобразование политического и социального строя... В действиях государственной власти нет необходимой искренности, и все мероприятия имеют целью по внешней форме дать одно, а в сущности установить совершенно противное. От представительского строя по форме не отказываются, но в сущности с представительством не считаются и сводят его на нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо прежде. Политические свободы включены в наши Основные законы, но где они? Все это ведет к тому, что пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитываются чувства злобы и ненависти... Столыпин не видит или скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее». И, наблюдая «общую деморализацию общества», он считал даже, что «чем скорее грянет гром, тем менее он будет страшен и опасен». И даже «Союз 17 октября», будучи фактически правительственной партией, все более выражал недовольство политикой кабинета, который, по мнению октябристских лидеров, не спешил с обещанными преобразованиями. Профессор Проскуряков из

Харькова, отражая общее нетерпение общественности, писал А. И. Гучкову: «Прогресс путем эволюции идет так медленно, что общественная мысль все более примиряется с мыслью о революции, которая должна одним ударом разрубить гордиев узел запутавшихся социальных отношений» [55].

Крен правящих кругов вправо к этому времени был уже совершенно очевиден. Расправившись с революцией, они постарались свернуть объявленную программу преобразований и вернуться по возможности к старому порядку. Наступление на реформы началось едва ли не с момента их провозглашения, приобретая все более жесткий и ожесточенный характер. Фактически оказался свернут весь комплекс законопроектов, связанных с политическими и гражданскими свободами. Из всего пакета законопроектов на обсуждение Думы были представлены лишь три вероисповедных законопроекта, конкретизировавших указы о веротерпимости — о переходе из одного вероисповедания в другое, о старообрядческих общинах и об отмене ограничений, связанных со снятием сана духовными лицами. Однако и эти проекты, в какой-то мере решавшие проблему свободы совести, после ряда изуродовавших их доработок были отвергнуты консервативным большинством Государственного совета.

Фактически не был реализован и комплекс административно-судебных реформ. Наиболее резкие возражения в правящих сферах и особенно в помещичьих кругах вызвали столыпинские проекты реорганизации местного управления, суда, земских учреждений. Целью их было усилить административный аппарат на местах, ликвидировать сословные структуры в местных административных органах и в суде, защитить имущественные интересы и личность крестьянина-собственника, дать ему возможность принимать активное участие в земском самоуправлении. Особое недовольство консерваторов вызвало намерение авторов проектов заменить уездных предводителей дворянства, фактически возглавлявших уездную администрацию, и земских начальников, назначавшихся преимущественно из дворян, коронными чиновниками — соответственно начальниками уездов и участковыми начальниками.

Возражения против проектов возникли уже в ходе обсуждения их в самом правительстве. Недовольство ряда министров вызвало намерение Столыпина усилить роль губернаторов в ущерб представителям других ведомств в губернии и умалить роль уездных предводителей, что было расценено некоторыми главами ведомств как «выражение недоверия к дворянскому сословию». Проекты были переработаны и внесены в Думу. Но отдельные уступки, на которые был вынужден пойти Столыпин, не изменили общего отрицательного отношения правых к реформам. Первоначально консервативно настроенные круги дворянства попытались дей-

ствовать обычными закулисными методами, представив премьеру в январе-феврале 1907 г. записку группы правых членов Государственного совета, в которой выражалось недовольство основными положениями местной реформы. Затем критика была перенесена на съезды уполномоченных дворянских обществ и на специально созванные в июле и августе 1907 г. съезды заметно поправевших за годы революции земских деятелей. Конец 1907 — начало 1908 г. стало временем фронтального наступления дворянства на Столыпина сначала при попустительстве, а затем по прямому разрешению царя. Тон критики становился все резче, вплоть до инкриминирования премьеру едва ли не сознательного разрушения государственных устоев.

Уже в январе 1908 г. начали распространяться слухи о возможной скорой отставке Столыпина. Состоявшийся в марте IV съезд Объединенного дворянства объявил местную реформу не только «нежелательной и нецелесообразной», но и «вредной», а устранение сословных привилегий дворянства — «несовместимым с правильно понимаемой заботою о сохранении и развитии монархического начала». Постановления съезда требовали сохранения прежней роли уездных предводителей и земских начальников и были направлены против принципа бессословности в организации местного управления и суда. В них утверждалось, что правительство своими реформами подрывает именно те учреждения, которые «отстояли царское самодержавие и русский исторический уклад». Постановления были переданы императору, отнесшемуся к ним весьма благосклонно [56].

Столыпин обещал учесть замечания и передать проекты для обсуждения в Совет по делам местного хозяйства — орган, созданный при МВД, в заседаниях которого принимали участие специально приглашенные представители земств и дворянских обществ. Более того, выступая на одном из заседаний Совета, он заявил о намерении правительства сохранить в земстве влияние «класса поместных землевладельцев». Проекты в очередной раз были переделаны, но и в таком виде они оказались неприемлемыми для высшего сословия. Состоявшийся в феврале 1909 г. V съезд Объединенного дворянства еще раз заявил, что дворянство является непоколебимой опорой трона и что весь существующий порядок держится именно на «первенствующем сословии» и без него рухнет. Депутация от дворянства дважды добилась приема у императора, и тот пообещал учесть их пожелания, в частности не затрагивать статуса предводителей.

Выступивший на съезде В. И. Гурко, еще недавно бывший единомышленником Столыпина, вообще объявил ошибочным и вредным весь курс внутренней политики премьера и его кабинета. Главная ошибка правительства, по его мнению, состояла в том, что оно сосредоточилось на «пе-

реустройстве порядка управления и суда» вместо того, чтобы основные усилия направить на улучшение материального положения народа. Он, как недавний представитель бюрократической системы, резонно заметил, что бессмысленно принимать отдельные законы, касающиеся прав личности, когда не введен в действие гражданский кодекс, разрабатывавшийся в недрах ведомств уже не одно десятилетие.

Недавний соавтор указа 9 ноября 1906 г. обвинил Столыпина в извращении сути задуманных аграрных преобразований. В частности, он считал, что в результате ошибочной форсированной реализации реформы, во-первых, искусственно усиливается процесс обезземеливания помещиков, земли которых скупаются Крестьянским банком по заниженным ценам, и идет исчезновение важного культурного слоя в сельской местности; во-вторых, ускоряется пролетаризация деревни, и остановить этот процесс не смогут ни переселения, ни перепродажа банком помещичьих земель крестьянам. Реформа, по его мнению, действительно имеет прежде всего политическое значение, но не в плане укрепления режима, а фактически означает осуществление «социально-революционной программы». В деревне нет малоземелья. Народу надо предоставить «возможность безбедно жить, умственно развиваться и материально богатеть». Для этого должны сосуществовать три типа хозяйства: крупные культурные и «рентные» имения, дающие заработки сельскому населению, зажиточные фермерские и мелкие крестьянские хозяйства. Только материально обеспеченные крестьяне могут стать полноправными гражданами. Этот тезис, казалось бы, совпадал с положением столыпинской программы. Но если Столыпин представлял себе процесс становления крестьянской гражданственности как результат комплексного — правового и хозяйственного — преобразования деревни, то Гурко разделял этот процесс, откладывая реализацию правовых аспектов реформы на неопределенное время.

Кроме того, Гурко считал, что решить аграрные проблемы нельзя без одновременного развития промышленности. И в этом он был ближе к позиции Витте, также беря себе в союзники Д. И. Менделеева. «Земледелие,— цитировал он известного ученого,— никогда не даст стране богатства, если рядом с ним не будет процветать промышленность вполне развитая, при помощи которой земледелие в состоянии получить необходимые ему удобрения, орудия и средства перевозки, обеспечение выгодного сбыта его произведений». В противном случае, предупреждал он, Россию ждет «насильственное низвержение всего нашего не только государственного, но и социального строя». Его предложения не получили безусловной поддержки съезда, продемонстрировавшего в очередной раз по-

литическую близорукость и эгоизм высшего сословия. Но его общие соображения и особенно критическая позиция в отношении правительственной политики подвели как бы теоретическую базу под антиреформаторскую платформу консерваторов[57].

Отшатнувшееся от Столыпина поместное дворянство заметно ослабило его позиции. Недоброжелатели премьера из помещичьих и придворных кругов всячески старались столкнуть его с императором, выставить его перед монархом в невыгодном свете. И отношение Николая II к своему недавнему фавориту постепенно меняется. Первоначально его впечатления от Столыпина граничили с восторгом и восхищением. «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши только на него! И за это спасибо ему!» — писал Николай II своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне. Покушение на премьера потрясло его. И он вновь писал матери: «Ты, наверно, читаешь в газетах многочисленные телеграммы Столыпину со всех сторон России, они все дышат доверием к нему и крепкою верою в светлое будущее! Я все еще боюсь за доброго Столыпина. Вследствие этого он живет с семейством в Зимнем и приходит с докладами в Петергоф на пароходе»[58].

Все предложения своего протеже царь первоначально принимал и поддерживал. Даже меры по ограничению привилегий дворянства сначала не вызывали у него особого возражения: он не раз с обидой вспоминал, что высшее сословие не оказало ему действенной поддержки в деле сохранения монарших прерогатив. Но по мере роста авторитета и амбиций премьера, все чаще занимавшего достаточно жесткую и самостоятельную позицию, расходившуюся с интересами влиятельных кругов, отношения между ними охладевают — в немалой степени в результате искусных интриг. В частности, меры по укреплению губернаторской власти были представлены царю как стремление премьера умалить прерогативы монарха, так как губернатор становился как бы представителем МВД, а не императора. Небезызвестный интриган и аферист князь М. Андроников, пользовавшийся большим влиянием в придворных кругах, направил Николаю II ряд записок, возглавив кампанию по дискредитации премьера и его политики. Хорошо зная слабости в характере монарха, он сделал упор на самой болезненной точке. Передавая якобы сложившееся в обществе настроение, он писал, что премьер затмевает фигуру царя, и намекал даже на притязания Столыпина на верховную власть. «Деятельность премьера приобрела такую окраску и такие черты,— писал он где-то в конце 1910 г.,— что приходится все чаще слышать весьма странный в России вопрос: „Государь еще царствует или отрекся от престола и своим за-

местителем сделал Столыпина?"»[59]. По словам близкой к царской семье А. А. Вырубовой, он даже сказал однажды: «Столыпин был бы рад занять мое место»[60]. Охладела к нему и императрица ввиду неприятия им набиравшего силу Распутина, уже втершегося в доверие к царской семье.

Дважды Столыпин оказывался на грани отставки. Первый раз это произошло в марте 1909 г. в связи с утверждением Думой законопроекта о смете и штатах Морского генерального штаба, внесенного правительством. Правые развязали шумную кампанию, обвиняя премьера в том, что его кабинет и Дума «незаметно, исподволь захватывают прерогативы короны, распространяя влияние на армию, флот, внешнюю политику». Столыпину удалось добиться принятия законопроекта и Государственным Советом. Однако давление правых, требовавших отклонения закона царем, приняло такие масштабы, что Столыпину пришлось пустить в ход последний аргумент — прошение об отставке. Николай II отставки не принял, не преминув дать урок «зарвавшемуся» сановнику. «О доверии или недоверии речь быть не может,— заявил он обескураженному премьеру.— Помните, что мы живем в России, а не за границей... и поэтому я не допускаю мысли о чьей-либо отставке»[61]. Глава кабинета сохранил свой портфель, но положение его оказалось существенно подорванным. В немалой степени из-за этого Столыпин начал сдавать свои позиции, уступая правым по многим важнейшим положениям своей программы.

В частности, в новом варианте местной реформы, завершенном МВД в мае 1911 г., предводители дворянства и земские начальники сохраняли все свои права. Но и этот вариант остался без движения. Как отмечал Крыжановский, «попытки затронуть особое положение дворянства в местном управлении ... подняли против него (Столыпина.— *А. К.*) такие слои, которые имели большое влияние у престола, приближенные государя его открыто осуждали». Учитывая настроение императора, дворянства и происки своих противников в придворно-бюрократической среде, Столыпин решил сыграть на идеях национализма, получивших в то время значительное распространение. Надо сказать, что и ранее в силу своих личных убеждений, а затем, видимо, и из тактических соображений он отдал немалую дань этим настроениям. В частности, произнеся ряд горячих речей в националистическом духе («Россия для русских») в Думе и Государственном Совете, он добился ущемления автономии Финляндии. В таком же духе был выдержан и законопроект о введении земств в 6 западных губерниях (Минской, Могилевской, Витебской, Киевской, Виленской и Подольской), которым русское население было противопоставлено полякам. Столыпин заявил, что новое земство должно быть «национально русским». С этой целью, чтобы избежать засилья поляков-помещиков, со-

ставлявших большинство среди частных землевладельцев края, для проведения земских выборов образовывались бессословные национальные курии. В этом случае поляки оказывались в меньшинстве, поскольку среди избирателей преобладали украинские и белорусские крестьяне — все они считались русскими. Приняв этот проект весной 1910 г., Дума к тому же высказалась за понижение имущественного избирательного ценза, что окончательно давало преобладание в земствах крестьянству.

Правые увидели в этом опасный прецедент, грозивший утратой в земстве помещичьих позиций. Назрел новый «министерский» кризис. Перед обсуждением законопроекта в Государственном Совете лидеры правых — «назначенцы» П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов посетили Николая II, и он по сути дела предал своего премьера, разрешив голосование «по совести», т. е. поддержал правую оппозицию. 4 марта 1911 г. проект был провален, и Столыпин был вынужден вновь поставить вопрос о своей отставке. Нежелание царя и его ближайшего окружения создавать прецедент с отставкой из-за отклонения законопроекта, а также давление Марии Федоровны и некоторых великих князей, выступивших за сохранение премьера на его посту, привели к тому, что Николай II после недели колебаний отклонил просьбу Столыпина. Условия его были приняты. Заседания Думы и Государственного Совета были прерваны на три дня, и законопроект был проведен по 87 статье. Главные организаторы интриги Дурново и Трепов были отстранены от участия в заседаниях Совета. Но для Столыпина это была «пиррова» победа. Этот случай послужил поводом для постановки — теперь уже и правыми — вопроса о «незакономерности» действий кабинета. Лидер Объединенного дворянства и член Государственного Совета А. А. Бобринский, в целом высоко оценивавший Столыпина как государственного деятеля, занес по этому поводу в дневник: «Вот так идиот Петр Аркадьевич! Имел такую исключительно удачную партию на руках и так глупо профершпилился!». И, анализируя сложившуюся ситуацию, продолжал: «Положение Столыпина незавидное. Все и вся негодует и пышет гневом против его глупости и самодурства»[62]. И действительно, этот, казалось бы, частный случай дал выход всеобщему возмущению справа и слева. Столыпин и сам понял, что дни его сочтены. «Что-то в нем оборвалось,— писал в своих воспоминаниях близко наблюдавший его В. Н. Коковцов,— былая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него, молчаливо или открыто, но настроены враждебно»[63]. Отставка премьера теперь уже действительно представлялась делом недалекого будущего.

Таким образом, ни один проект из пакета преобразований местного управления, самоуправления и суда так и не был проведен в первоначаль-

но задуманном виде и объеме. Лишь закон о реорганизации местного суда, связанный с введением мировых судей, начал осуществляться в ряде губерний, но уже накануне войны. Однако сохранение крестьянских волостных судов означало полное отрицание той идеи, которая была в свое время положена в основу замысла. Из вероисповедных законов действовало в качестве временного «Положение о старообрядцах», также проведенное по 87 статье. По существу план политических реформ не удался.

В пакете социальных преобразований большое внимание было уделено рабочему законодательству. В основу его пересмотра первоначально была положена программа, разработанная в Министерстве торговли и промышленности под руководством В. П. Литвинова-Фалинского и представленная им уже в апреле 1906 г. Доставшаяся по наследству столыпинскому кабинету, это была одна из наиболее последовательных и комплексных буржуазных по своему характеру программ. Выдержки из объяснительной записки к ней были включены Столыпиным в его программную речь перед II Думой в марте 1907 г. Комплекс подготовленных проектов ставил целью пересмотр всех фабрично-заводских законов и преобразование органов надзора. Но уже с первых же вневедомственных обсуждений представленных материалов, особенно после спада революции, началось давление на разработчиков со стороны как промышленников, объединившихся в многочисленные региональные, отраслевые и всероссийские организации, так и чиновников, особенно из МВД, подведомственного, как известно, самому премьеру.

Основной удар был направлен против проектов, предусматривавших свободу стачек, против рабочих организаций, особенно профсоюзов, против примирительных камер — и все под предлогом борьбы с социал-демократическим влиянием и со ссылками на слабость российской промышленности. Премьер, ставший едва ли не сразу на путь компромиссов, сдал свои позиции довольно скоро. Уже в своем выступлении перед III Думой 16 ноября 1907 г. из всей прежней программы по рабочему вопросу он лишь глухо упомянул о разработке мер по страхованию рабочих и оказанию им врачебной помощи. Проекты по этим вопросам, внесенные в Думу в начале 1908 г., надолго исчезли в недрах комиссий и совещаний. В конце концов они были приняты, уже без Столыпина, после бурной вспышки протестов, последовавших вслед за Ленским расстрелом, и утверждены царем 23 июня 1912 г. Касались они вопросов обеспечения рабочих медицинской помощью и страхования от несчастных случаев на производстве, охватывая рабочих, занятых только на предприятиях, подчиненных фабрично-заводскому и горному надзору. Выплата пособий возлагалась на больничные кассы, средства которых составлялись из

взносов предпринимателей (2/3) и рабочих (1/3). На больничные кассы, как и на профсоюзы, распространялись Временные правила от 4 марта 1906 г., что ставило рабочие организации под постоянный полицейский контроль. Таким образом, важнейшие стороны жизни рабочих регулировались временными правилами: стачечное движение — указом от 2 декабря 1905 г., рабочие организации — правилами от 4 марта 1906 г., продолжительность рабочего времени определялась различными подзаконными актами для отдельных профессий и отраслей. В целом же власть с большим трудом отходила от традиционной охранительно-попечительной политики в рабочем вопросе, вступая во все большее противоречие и с уровнем развития рабочего класса, и с общей социально-политической обстановкой в стране.

И, наконец, в сфере культурно-образовательной из намеченной программы на обсуждение Думы был представлен проект закона о введении всеобщего начального обучения. Разработка его под давлением земских ходатайств была начата Министерством народного просвещения еще в начале 1900-х гг. Проблема низкого культурного и образовательного уровня народных масс, особенно деревни, была столь остра, что I Дума считала «своим долгом употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщем обучении». Стремясь перехватить инициативу, Министерство народного просвещения вносило свой проект и в I, и во II Думы, но те не успевали его рассмотреть. Лишь III Дума приняла его к обсуждению, но приступила к нему только весной 1909 г.

Первая статья проекта провозглашала: «Всем детям обоего пола должна быть предоставлена возможность, по достижении школьного возраста, пройти полный курс обучения в правильно организованной школе». Открытие необходимого числа школ и их оборудование возлагалось на учреждения местного самоуправления — земские и городские управы и сельские общества, которые в течение двух лет должны были составить проекты школьной сети и планы осуществления всеобщего обучения. Эти материалы должны были направляться в Министерство народного просвещения (МНП), которое из своей сметы обязывалось отпускать на каждую школу пособия в размере годового расхода на жалование учителям. В записке к проекту устанавливался 10-летний срок для введения всеобщего начального обучения[64].

Сама по себе идея не вызывала возражений в Думе. Дебаты велись по вопросам ведомственного подчинения школ, об обязательности начального обучения, о преподавании на национальных языках, об отношении к церковно-приходским школам. Для Столыпина все это имело второсте-

пенное значение. Главным было то, что проект отвечал его основному замыслу: обеспечить возможности крестьянам-собственникам и их детям повысить свой культурный и образовательный уровень. И еще до принятия закона постановлением Совета министров от 13 июля 1907 г. на нужды народного образования на 1907—1908 гг. было отпущено более 2 млн руб., из которых Министерство начало выдавать пособия земствам и городским управам на нужды просвещения. Были разработаны типовые образцы школьных сетей, составлены необходимые инструкции и т. д. Таким образом, не дожидаясь принятия закона, правительство начало осуществлять меры по его реализации, деликатно назвав их «подготовительной работой по введению всеобщего обучения». Затем Дума и Государственный Совет в 1908—1910 гг. приняли ряд законов об отпуске средств на эти цели, об образовании специального школьно-строительного фонда, что позволило увеличить расходы только на начальную школу с 9 до 35,9 млн руб. Уже к середине 1910 г. почти все земские управы сделали заявки на министерские пособия и более половины, получив их, приступили к реализации своих планов по введению всеобщего начального обучения. Сроки осуществления назывались разные — от 10 до 25 лет. Но сам закон так и не был принят. Дебаты продолжались, так как правительственный проект включал уже многие поправки правых и националистов.

Однако все компромиссы, столь характерные для попыток кабинета и его главы так или иначе провести свою программу преобразований, уже не могли спасти Столыпина. Отставка его была предрешена. К тому же премьер стал сдавать и физически. «Пять лет тяжелого труда подорвали его здоровье, и под цветущей, казалось, внешностью он в физическом отношении был уже почти развалиной,— вспоминал Крыжановский.— Ослабление сердца и Брайтова болезнь, быстро развиваясь, делали свое губительное дело, если не дни, то годы его были сочтены. Он тщательно скрывал свое состояние от семьи, но сам не сомневался в близости конца. Наконец, в политике своей Столыпин зашел в тупик и в последнее время стал выдыхаться»[65]. Сам он еще не сдавался. В мае 1911 г., будучи на отдыхе в своем имении, он, по свидетельству своего сотрудника А. В. Зеньковского, диктовал обширный план преобразований центральных исполнительных структур, принципов подоходного обложения, разрабатывал меры по активизации участия крестьян в земствах и т. п.

В конце августа — начале сентября 1911 г. в Киеве состоялись торжества по случаю открытия памятника Александру II. Приехал туда и царь с семьей и свитой. По должности там следовало быть и Столыпину. Организаторы торжеств, предчувствуя, видимо, скорую отставку премьера, сделали все, чтобы оттеснить его в тень. Развязка наступила неожиданно:

1 сентября в Киевской опере, в присутствии самого императора Столыпин был смертельно ранен провокатором Д. Г. Богровым и 5 сентября скончался. Был ли убийца революционером или агентом охранки, о чем до сих пор спорят исследователи, в конечном счете не столь важно. Как бы то ни было, Столыпин пал жертвой собственной системы полицейского сыска и репрессий, созданных им для борьбы с революцией, но неожиданно сработавшей и против него самого.

* * *

Итак, правительственная программа преобразований Столыпина в самых основных своих положениях фактически осталась невыполненной — не хватило ни времени, ни средств, ни политической мудрости правящих кругов, ни поддержки общества. На некоторое время — правда, ненадолго — ему удалось достичь некоторой политической стабилизации, счастливо, казалось бы, совпавшей с экономическим подъемом, но такими методами, которые в конечном итоге вызвали противодействие всего общества. Аграрная реформа, составлявшая стержень преобразований, была в научно-экономическом, теоретическом да и в практическом планах вполне реальна и прогрессивна и уже имела в принципиальных своих положениях удачные западноевропейские аналоги. Реализация ее — своевременная, разумная, без административного нажима и с материальной поддержкой государства — могла бы, видимо, снять проблемы революции. Но эволюционный путь развития страны в значительной мере зависит не только от объективных факторов, но и от субъективного расположения к реформам правящих кругов, их готовности отказаться от старого и встать на путь преобразований, а также от готовности общества принять эти преобразования. Столыпину не удалось найти социальную опору для реализации своих планов. Да и сам он в немалой степени был продуктом своей среды и политической системы.

Окостенелость российского самодержавия, сословный эгоизм и консерватизм поместного дворянства, социально-политическая недальновидность российской буржуазии и, конечно, низкий социально-экономический и общий культурный и политический уровень развития основной массы населения представляли мощный депрессивный фактор, тормозивший буржуазную модернизацию страны. В частности, эволюционное развитие деревни после 1861 г. было заторможено и деформировано аграрной политикой правительства. Были потеряны как минимум те 50 лет, которых хватило, например, Германии и Франции, чтобы землеустроить крестьян и придать капиталистический импульс развитию сельского хо-

зяйства, ставшего надежной базой и для индустриальной модернизации этих стран. Все основные проекты, составлявшие столыпинскую программу преобразований, отражали давно назревшие потребности развития российского общества, большая часть их давно, порой десятилетиями разрабатывалась в недрах ведомств, но так и не находила практического выхода. За это время на старые проблемы наслаивались новые, крайне затрудняя их решение и обостряя ситуацию. В этих условиях скачкообразность преобразований в чем-то сродни была скачкообразности революции.

В России, как и в большинстве стран с авторитарными режимами власти, самодержцы-монархи оказывались едва ли не главными двигателями реформ. Но это же обстоятельство определяло и характер преобразований, и их ограниченность. Обстоятельства, порождаемые самим развитием общества и усложнением его потребностей, со временем неизбежно требовали модернизации и политической надстройки, и только последовательные комплексные структурные реформы могли обеспечить сравнительно бесконфликтную эволюцию страны. Пореформенная история России показывает, как волею обстоятельств, в силу особенностей политического режима эти две линии развития расходились, порождая все углублявшиеся конфликты между всеми слоями и группами российского общества. К началу XX в. самодержавие все более теряло способность к обновлению страны, а прежняя тактика улавливания необходимости преобразований и осуществления их без существенных потерь своих прерогатив уже казалась обществу недостаточной.

Весь опыт разработки и попыток реализации столыпинских реформ показывает, что пережившее себя самодержавие, даже попадая в кризисные ситуации, постоянно запаздывало с преобразованиями, а решившись на них, не могло обеспечить благоприятные условия для их проведения. Николай II пытался через реформы Столыпина совместить старое и новое, под внешне конституционными формами сохранить сущность старого режима. Все, что было сделано Столыпиным, делалось при поддержке монарха и с его согласия. Но сам император не стал двигателем преобразований, предоставив эту функцию премьеру и возложив на него ответственность за возможные неудачи и неприятие обществом его начинаний. Каждый шаг вперед, как правило, был вынужденным, делался под давлением чрезвычайных обстоятельств и имел целью прежде всего стабилизацию режима. Когда же давление этих факторов ослабевало и непосредственная угроза революции проходила, российские правящие круги стремились свернуть реформы.

Все это тормозило столыпинские попытки преобразований, сужало возможности маневра кабинета, усиливало бюрократический характер

осуществляемых реформ. Последнее обусловливалось не только давлением оппозиции справа и слева, но и особым взглядом премьера на характер государственного строя страны. Выступая за укрепление законности и правопорядка, Столыпин был склонен внедрять их внезаконными, чрезвычайными мерами, пытаясь не только перехватить инициативу, но и ограничить компетенцию представительных учреждений. И первое время ему удавалось не только стабилизировать положение в стране, но и придать определенный авторитет правительству. Однако вскоре обнаружилось, что прилагаемые им усилия не дают ожидаемого эффекта, что возрастает сопротивление предлагавшимся им мерам. Недовольство, зревшее в различных слоях общества и имевшее самые различные, порой противоположные поводы и причины, начинает прорываться наружу и в виде открытых выступлений народных низов, и в виде нарастающей оппозиции высших слоев общества. Неудачи реформ, как и предвидел Столыпин, повлекли за собой активизацию и рост влияния революционных сил.

Примечания

[1] Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 464—475.

[2] Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 309.

[3] *Дейч Г. М.* К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905—1907 гг. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971. С. 153.

[4] *Симонова М. С.* Аграрная политика самодержавия в 1905 г. // Исторические записки. Т. 81. М., 1968. С. 202—203.

[5] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 193.

[6] *Симонова М. С.* Указ. соч. С. 209; *Мигулин П. П.* Аграрный вопрос. Харьков, 1906. С. 54, 58.

[7] Совет министров Российской империи. С. 150.

[8] *Симонова М. С.* Указ. соч. С. 212.

[9] Совет министров Российской империи. С. 145—146.

[10] Там же. С. 204.

[11] Там же. С. 209.

[12] Там же. С. 308—310.

[13] Там же. С. 448—467.

[14] Там же. С. 449.

[15] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XI. Гродненская губерния. СПб., 1903. С. 1, 22, 28, 29, 76.

[16] Красный архив. 1926. Т. 4. С. 83—87.

[17] Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции. М., 1957. Ч. I. С. 836.

[18] *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Петрополис, б/г. С. 211.

[19] Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. 2-е изд. Нью-Йорк. 1989. С. 324—325.

[20] *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни // Отечественная история. 1992. №5. С. 166.

[21] *Изгоев А. С.* Столыпин. Очерки жизни и деятельности. М., 1912. С. 37.

[22] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 100—104.

[23] *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233—234.

[24] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 214.

[25] *Шипов Д. Н.* Воспоминания о пережитом. М., 1918. С. 464.

[26] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 215.

[27] *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 464.

[28] *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 50—62.

[29] Там же. С. 74.

[30] Там же. С. 87.

[31] Там же. С. 63, 64.

[32] Там же. С. 102, 107.

[33] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 115.

[34] Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 26. № 28392.

[35] *Столыпин П. А.* Указ. соч. С. 179.

[36] См.: *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М., 1995.

[37] *Столыпин П. А.* Указ. соч. С. 179.

[38] Там же.

[39] *Аврех А. Я.* Аграрный вопрос в III Думе // Исторические записки. Т. 62. М., 1958. С. 26.

[40] Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1987. С. 350.

[41] Власть и реформы. С. 591—593; Известия земского отдела МВД. 1915. №7. С. 242; № 12. С. 419.

[42] Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий к 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 21—51.

[43] См. *Проскурякова Н. А.* Крестьянский поземельный банк (1883—1916) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 66—82.

[44] Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 66, 72.

[45] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 97.

[46] Сборник статистико-экономическиех сведения по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1913. С. 32—59; *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1969. С. 370—371.

[47] *Аухаген.* Критика русской поземельной общины. СПб., 1914. С. 21.

[48] *Зайцева Л. И.* Земельные отношения в России в начале века и аграрная реформа Столыпина // Труды Вольного экономического общества России. М., 1997. С. 136—137; *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892—1914 гг. СПб., 1997. Всего ГУЗиЗ выдал в Европейской России 34,2 млн руб. на землеустройство и 11,5 млн руб. ссуд на земельные улучшения (см. *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 594).

[49] Обследование землеустроенных хозяйств, проведенное в 1913 г. в 12 уездах Европейской России. Пг., 1913.

[50] Объяснительная записка к отчету государственного контролера по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1910 г. СПб., 1911. С. 120—121.

[51] То же за 1913 г. Пг., 1914. С. 97—101, 234—247.

[52] Цит. по: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 187.

[53] Россия: 1913 год. Статистико-экономический справочник. СПб., 1995. С. 27, 29.

[54] *Аврех А. Я.* Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 66.

[55] Красный архив. 1928. № 2. С. 141—142, 144—145, 148.

[56] *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. М., 1978. С. 257.

[57] Доклад В. И. Гурко на V съезде Объединенного дворянства был в развернутом виде опубликован в виде книги «Наше государственное и народное хозяйство». СПб., 1909.

[58] Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 204.

[59] Цит. по: *Соловьев Ю. Б.* Политическая смерть П. А. Столыпина // Государственная деятельность П. А. Столыпина. М., 1994. С. 143.

[60] Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 198.

[61] Красный архив. 1924. № 5. С. 120.

[62] Красный архив. 1923. Т. I (26). С. 147.

[63] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. I. М., 1992. С. 397.

[64] *Чижевский П. И.* Всеобщее обучение и земство. СПб., 1910. С. 176—177.

[65] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 212—214.

ОБЛИК И ИМПУЛЬСЫ ВЛАСТИ

А. П. Корелин

1. Власть и общество в третьеиюньской системе.

Формально Основные законы 1906 г. превращали Российскую империю в дуалистическую конституционную монархию, хотя и сохранявшую огромные преимущества короны по отношению к двухпалатному народному представительству, но все же предполагавшую обязательное участие Государственной Думы и Государственного Совета в законодательном процессе и наделявшую их определенными рычагами воздействия на правительство.

Как уже отмечалось, сам по себе факт создания и функционирования законодательных палат означал существенные перемены в механизме управления страной. Однако ни у современников, ни у позднейших исследователей нет единого взгляда на природу российского государственного строя того времени. Это объясняется как противоречивостью самих законодательных актов, так и сложившейся административной практикой, стремлением правящих верхов модернизировать приемы государственного управления при сохранении в возможно более полном виде старого политического режима. Преобразования в какой-то мере затронули высшие управленческие структуры, в то время как местный административно-полицейский аппарат практически оставался в прежнем виде, открывая простор для начальственного произвола.

И все же Основные законы подверглись в 1906 г. значительной корректировке, а облик власти и характер всей государственной системы претерпели существенные изменения. Впервые монарх-самодержец был как бы «вписан» в законодательно-правовую систему координат и ему вменялось законом в обязанность соблюдать определенные правила поведения при проведении государственной политики. В России действительно начиналась эпоха конституционализма. В целом складывавшаяся государственно-политическая система представляла собой тип конституционного монархизма, вобравшего в себя многие черты наиболее консервативных конституций западноевропейских и азиатских стран. Не случай-

но С. Ю. Витте в бытность свою премьером при разработке новой редакции Основных законов просил составителей «посравнивать» их с «консервативными конституциями (прусской, австрийской, японской, английской) и заимствовать оттуда полезные консервативные начала»[1].

Большинство аналитиков склонялись к мысли о переходном характере установившегося в России государственного строя, принципиально открывавшего возможности трансформации в политические системы различного типа. Либералы, признавая октроированный характер российской конституции, дарованной «сверху», рассматривали сложившийся строй как дуалистическую монархию, эволюционировавшую в конституционную монархию парламентского типа. Умеренно-правые круги также готовы были удовлетвориться совещательным характером представительных учреждений при властном, но подзаконном монархе. Ультраправые и левые радикалы считали установившийся строй лжеконституционным и выступали: первые — за реставрацию неограниченного самодержавия с возможным сохранением Государственного Совета, но только в качестве законосовещательного органа, вторые — за немедленное свержение существующего режима. Из различного понимания сущности складывавшейся политической системы вытекали и стратегия и тактика различных партий по использованию представительных учреждений.

Николай II в отношении форм государственного управления Россией твердо придерживался принципов, четко сформулированных при восшествии его на престол К. П. Победоносцевым, едва ли не главным идеологом самодержавия в царствование Александра III. В записке, поданной им молодому императору в январе 1896 г., утверждалось, что «самодержавная власть государя не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но и ...существенное условие национального единства и политического могущества государства», причем только она представляет «надежнейшие гарантии общественного порядка, свободы личности в рамках закона». «Отлично»,— начертал на полях записки император, придерживавшийся изначально тех же взглядов[2]. Более того, вслед за Победоносцевым он считал, что парламентская форма управления, демократия и сама конституция — «великая ложь нашего времени», что только самодержавие дает возможность реализовать насущные нужды государства и обеспечить личные права и свободы подданных. Вынужденный в ходе революции пойти на уступки, о чем он неоднократно высказывал потом сожаление, и по-прежнему считая Россию не готовой к восприятию западноевропейских форм управления, Николай II тем не менее в силу ряда внешне- и внутриполитических соображений должен был налаживать сотрудничество с народным представительством. Наряду

с необходимостью поддерживать облик России как цивилизованной европейской страны в международных отношениях, невозможностью использовать устаревшие приемы управления в условиях усложнявшейся социально-экономической жизни страны немалую роль в этих подвижках сыграло и ослабление социальной опоры самодержавного строя. Дворянство продолжало стремительно обезземеливаться и расслаиваться не только в социально-экономическом, но и в политическом плане, пополняя собой ряды и левой, и правой оппозиции режиму. Годы революции показали, что крестьянство также перестает быть опорой самодержавия. Нарождавшийся слой новых мелких земельных собственников был еще малочислен, да к тому же политическая позиция его еще далеко не определилась. Избирательный закон 3 июня 1907 г., казалось, давал возможность создать в Думе большинство, близкое к власти. Но и это, как вскоре выяснилось, не гарантировало сотрудничества правительства с народным представительством.

Как бы то ни было, сложившаяся система «сдержек и противовесов», основывавшаяся на использовании в Думе механизма двух большинств (реформаторского и консервативно-охранительного), а также двухпалатной системы, в которой Государственному Совету отводилась роль «чистилища» законопроектов как от либеральных «увлечений», так и от «перегибов» вправо, казалось, вполне устраивала верховную власть. «Чрезвычайно-указное» законодательство (по ст. 87) поддерживало в Николае II веру в свои неограниченные прерогативы и в возможность при необходимости и формального превращения законодательного представительства в совещательное. Так называемые «министерские кризисы» 1908 и 1911 гг., в ходе которых император мог отвергать или утверждать любое из представленных нижней и верхней палатами мнений, фактически были прецедентами именно такого рода. Организация «народных торжеств» и «ликований» по случаю 100-летней годовщины Бородинского сражения (сентябрь 1912 г.) и 300-летия Дома Романовых (февраль — июнь 1913 г.) укрепили в Николае II веру в преданность народных масс престолу и династии и в превосходстве верховной власти над представительными органами. Он не заметил или постарался оставить без внимания холодок отчуждения, бросавшийся в глаза придворным, при встречах народных масс с царственными особами. Свой взгляд на роль и место народного представительства император достаточно четко сформулировал на приеме депутатов III Думы 6 января 1908 г. «Помните,— заявил он,— что вы созваны мною для разработки нужных России законов и для содействия мне в укреплении у нас порядка и правды».

Отношение к представительным учреждениям и практические шаги для налаживания сотрудничества с ними во многом зависели от расклада

политических сил. Надо отметить, что в существовании народного представительства оказались заинтересованы почти все политически активные силы, так или иначе пытавшиеся использовать его в своих интересах. В. Н. Коковцов, занявший после убийства П. А. Столыпина пост премьера и еще недавно заявлявший, что в России «слава Богу, нет парламента», вскоре проникся сознанием необходимости налаживать сотрудничество с Думой и общественностью. Либералы, естественно, рассматривали народное представительство как главное средство превращения России в правовое государство, как законодательный механизм регулирования всей жизни страны. И даже правые вскоре осознали, что наличие законодательных палат предоставляет им дополнительные возможности давления на бюрократию и корректировки курса правительственной политики. Лишь в деятельности леворадикальных партий преобладала ориентация на использование Думы прежде всего как трибуны для критики режима, для легальной агитации и пропаганды своих идей. Быстро поняв ошибочность тактики бойкота первых думских выборов, они, используя революционные настроения широких народных масс, смогли провести во II Думу 223 депутата (66 социал-демократов, 104 трудовика, 37 эсеров и 16 народных социалистов)[3]. Изменение избирательного закона и спад революционной волны значительно сократили представительство этих партий: в III и IV Думе социал-демократическая фракция насчитывала 13—14 депутатов, и в их деятельности все более проявлялись элементы делового практицизма.

Опыт законотворческой деятельности III Думы, казалось, свидетельствовал о возможности конструктивного сотрудничества власти с представительными учреждениями. За пятилетие своего существования (1907—1912 гг.) Дума обсудила и приняла 2197 законодательных актов. Такое их обилие в значительной мере объясняется преобладанием среди них той самой законодательной «вермишели», которой постарался загрузить ее П. А. Столыпин. Но были в этом потоке и законы, касавшиеся коренных проблем страны,—аграрная реформа, страховые законы для рабочих, расширение сферы деятельности местного самоуправления, восстановления мирового суда и т. п.[4]

Обсуждение и принятие законопроектов происходило, как правило, в обстановке острой борьбы различных политических партий, которая часто внешне воспринималась как конфликт между двумя законодательными палатами. Государственный Совет в целом не только играл отведенную ему роль противовеса Думе, но иногда даже выходил за ее пределы, вступая в конфликт с правительством и даже верховной властью. По сравнению с общей массой принятых законов число отклоненных, откорректированных или задержанных проектов было невелико: отклонено оконча-

тельно было 32, три остались не утвержденными после обсуждения в согласительной комиссии и 37 не были рассмотрены вообще. Однако среди отклоненных были такие важные пункты столыпинской правительственной программы, как введение земских учреждений в Сибири, осуществление всеобщего начального образования, введение условного осуждения и состязательного начала в процессе предания суду (право участия адвокатов на стадии следствия), а среди задержанных — законопроекты о волостном земстве, о распространении земских учреждений на Область Войска Донского и Архангельскую губернию, об улучшении земских и городских финансов, о старообрядческих общинах и о переходе из одной конфессии в другую и т. д. В результате важные реформаторские законопроекты, принятые думским октябристско-кадетским большинством, оказались фактически провалены. Формально мотивы голосования верхней палаты были различны, но суть позиции правого большинства Государственного совета была достаточно четко сформулирована одним из его лидеров — П. Н. Дурново. «Идя вперед по пути прогресса,— заявил он на одном из заседаний,— нельзя идти так быстро и разбрасывать по пути все старое.., все, чем только жило, чем существовало государство». Подготовленные Думой законопроекты, по его мнению, к тому же «нередко заключают в себе такие основные мысли, которые стоят вне русского государственного управления и устройства»[5]. Этот мотив стал постоянным в причитаниях правых по поводу правительственной политики, и Коковцов, выступая верхней палате в январе 1912 г., согласился, что, внося различного рода проекты на рассмотрение законодательных учреждений, «мы вообще теперь начинаем работать, чрезмерно спеша»[6]. В результате МВД даже отозвало из Думы ряд своих представлений, в том числе проект отмены политических и гражданских ограничений по религиозным признакам, как «не вызывающийся потребностями жизни»[7].

Либерально-оппозиционные лидеры в Думе считали, что позиция Государственного совета объясняется, главным образом, лишь соотношением в нем партийно-политических сил, засилием «кучки реакционеров», в основном из числа членов, назначенных императором, и требовали реформы верхней палаты и ее полной выборности. Однако дело было не только и не столько в том, что правые пользовались поддержкой монарха и его сочувствием, но и в тех консервативных началах, которые пронизывали весь социальный и политический строй страны и весьма туго поддавались модернизации. Именно это было главной причиной постепенного свертывания правительственного курса на преобразования. Сущность происходящего очень точно и образно сформулировал С. С. Ольденбург в письме от 14 октября 1911 г. к отцу, академику С. Ф. Ольденбургу: в годы

революции, считал он, обещано было слишком много, чтобы все это «пережевать и проглотить». Исполнение обещанного, по его мнению, привело бы к анархии и социальной революции. Но от обещанного в то же время нельзя было и просто отказаться, а отсюда и определенный характер правительственной политики: новшества нельзя было взять назад — надо было создать фикцию, видимость деятельности[8].

По мере того, как становился очевидным провал столыпинского курса реформ, оппозиционность Думы нарастала. Кабинет Коковцова не мог предложить сколько-нибудь комплексной программы преобразований. Главные усилия его главы, сохранившего за собой портфель министра финансов, направлены были на поддержание бюджетного равновесия, введение режима жесткой экономии средств и накопление за счет этого свободной наличности, что вызывало растущее недовольство как торгово-промышленных кругов, так и аграриев. Ужесточились нападки крайне правых, которых к тому же не устраивали заявления премьера о готовности к сотрудничеству с общественностью и законодательными учреждениями. Все чаще звучали оппозиционные заявления кадетов и недавних союзников правительства — октябристов, настаивавших на продолжении преобразований, что свидетельствовало об углублении кризиса третьеиюньской системы.

Осложнялась и общая обстановка в стране. Уже с 1910 г. наблюдается оживление общественного движения, прежде всего в городах и особенно среди рабочих. Правда, на этой стадии преобладали экономические выступления, что давало надежду на придание рабочему движению тред-юнионистского характера. Но правительство не сумело воспользоваться этой возможностью. Заметный подъем общественного движения наблюдался с весны 1912 г., что было связано с известным расстрелом 4 апреля забастовавших рабочих на Ленских золотых приисках. Это событие явилось поводом к резкому росту массовости и политизации рабочего движения и дало лишний шанс революционерам. В апреле по всей стране прошло около тысячи политических стачек с 360 тыс. участников. В первомайских стачках и демонстрациях участвовало уже не менее 400 тыс. человек. «Ленские события,— по признанию полиции,— явились лишь толчком, который дал возможность выйти наружу глухому недовольству, накапливавшемуся населением за последние годы». Отреагировала на Ленские события и общественность. Особое возмущение вызвало выступление по запросу думских депутатов министра внутренних дел А. А. Макарова, который, обвинив рабочих в нападении на солдат, вынужденных, по его мнению, применить оружие, заявил: «Так было и так будет впредь». «В обществе,— сообщал Особый отдел департамента полиции,— беско-

нечные разговоры по поводу Ленских событий. Подобного повышенного настроения давно уже не было, причем приходится слышать в отношении правительства отзывы в самом резком несдержанном тоне. Многие говорят, что «расстрел» ленских рабочих напоминает «расстрел рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г.»[9]. В либеральной прессе правительство подверглось осуждению: власти все позабыли и ничему не научились. Указывалось, что на Западе правительства сумели найти компромисс с рабочими. Действительно, в Германии в январе социал-демократы добились крупного успеха на выборах в рейхстаг и оказали определенное влияние на рабочую политику правительства. В марте в Англии прошла первая всеобщая стачка горняков, охватившая более миллиона участников и вызвавшая широкое движение солидарности в Германии и США. Это заставило английское правительство срочно принять закон о введении минимальной заработной платы. В России власти ограничились принятием страховых законов, охвативших лишь фабрично-заводской пролетариат, рабочих горной промышленности и транспорта (всего около 3 млн человек), и отчасти регламентировали рабочее время торговых служащих. Несмотря на растущую активность рабочих, правительство вплоть до лета 1913 г. не придавало особого значения рабочему вопросу и не пыталось комплексно подойти к его решению. Недовольство рабочих масс своим положением нарастало, крепли и множились рабочие организации (профсоюзы, больничные кассы, кооперативы и т. п.), росло влияние среди них революционных партий. Но уровень и масштабы организованности пролетариата, видимо, не вызывали особого беспокойства властей. Так, общая численность членов профсоюзов к середине 1914 г. не превышала 150 тыс. человек. Больничные кассы, созданные по закону 23 июня 1912 г., формально насчитывали 2860 организаций и охватывали более 2 млн рабочих, но значительная часть их (до 40%) еще находилась в стадии становления[10]. Отношение властей к рабочим организациям в значительной мере сводилось к попыткам установления полицейского надзора и контроля за их деятельностью и борьбе с влиянием в них социал-демократов и других леворадикальных партий.

Деревня, казалось, не давала поводов для беспокойства. Количество открытых крестьянских вступлений было невелико. Всего за послереволюционные годы (1907—1914) зарегистрировано было около 100 крестьянских волнений, потребовавших вмешательства властей и вызова военных команд или полиции. Причем большая их часть была как бы затухающим откликом на революцию. Преобладали такие пассивные формы протеста, как потравы помещичьих посевов, самовольные захваты сена, порубка леса, недопущение землемеров к работам по размежеванию и раз-

верстанию земель и т. п.[11] Но тем не менее ситуация в деревне продолжала оставаться напряженной, особенно после очередного жестокого неурожая 1911 г., когда недородом оказались поражены 20 хлебопроизводящих губерний. В адрес С. Е. Крыжановского, недавнего товарища министра внутренних дел, поступали тревожные донесения, в одном из которых, относившемся к декабрю 1911 г., сообщалось: «Мужик сатанеет не по дням, а по часам. Бунт неминуем; по-прежнему если и протянется, то очень недолго»[12]. Либерально-демократическое «Русское богатство» (1912. № 12) поместило чрезвычайно тревожное свидетельство сельского священника о состоянии деревни, обратившее на себя внимание общества. «Такая злоба выросла в деревне,— свидетельствовал он,— такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух. Очевидность бессилия, жгучие, неотмщенные обиды, междоусобная брань, ненависть без разбору, зависть ко всему благополучному, уютному, имущему». И прежде была зависть и злоба, отмечал автор, но «люди верили и находили силу терпеть в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче вера такая: мы — поработители, они — порабощенные».

В таких условиях началась подготовка к выборам в IV Государственную Думу, в которой активное участие приняли все властные структуры. 25 июля 1912 г. МВД разослало местным властям специальный циркуляр, которым указывалось на необходимость вести предвыборную кампанию в тесном взаимодействии с губернскими и уездными предводителями дворянства, председателями земских управ. В связи с ослаблением позиций помещиков предлагалось привлечь для обеспечения выбора благонадежных кандидатов по землевладельческой курии также и духовенство. Готовились к выборам и политические партии. Предвыборная кампания становилась частью общественно-политической жизни страны, характер которой во многом определялся уровнем политической и общей культуры населения и общественных объединений. Активностью в этом плане выделялись лишь крупные города, где действовали практически все политические партии. В целом же, однако, к этому времени количество партий, число их местных организаций и численность членов резко сократились. Так, численность ультраправого «Союза русского народа», насчитывавшего в годы революции, по разным подсчетам, 350—400 тыс. членов, уменьшилась до 40 тыс., а сам он распался на несколько соперничавших между собой организаций. Численность кадетов сократилась почти вдвое — с 70 до 40 тыс., а число их местных организаций уменьшилось в 5 раз. «Союз 17 октября» потерял почти треть своих местных отделов (число их сократилось с 260 до 90) и почти вся деятельность его сконцентрировалась фактически только вокруг Думы.

Большие потери понесли и революционные партии. Численность социал-демократов со 150—170 тыс. (весна 1907 г.) упала в несколько раз, причем после Пражской конференции большевиков (январь 1912 г.) и Венской конференции меньшевиков (август 1912 г.) РСДРП фактически распалась на две партии, внутри которых существовали многочисленные фракции и течения. Идейный и организационный раскол и сокращение численности партийных рядов были характерны и для эсеров, переживавших к тому же кризис в связи с разоблачением провокаторов, проникших в партийное руководство (дело Е. Ф. Азефа) [13].

Провинция же, по отзывам губернаторов, представляла собой едва ли не политическую пустыню. Такая картина вырисовывалась из ответов начальников губерний на запросы МВД, с которыми оно обратилось в январе 1912 г. к местной администрации. Даже в такой центральной губернии как Московская, по сообщению В. Ф. Джунковского, деятельность партий почти не была заметной, рядовой и беспартийный обыватель настроен был индифферентно, а деятельность Государственной Думы мало отразилась на настроении местного населения. Примерно такую же характеристику «состояния умов и настроений» дали губернаторы киевский, саратовский, орловский и курский. В последней губернии после революции какое-то время верховодили правые, которые являлись едва ли не единственной организованной силой. Но со временем и их деятельность практически заглохла. Другие партии, по свидетельству губернатора, совершенно не проявляли никакой деятельности и как будто исчезли с политического горизонта. Основная же масса населения, заключал он,— «мелкие землевладельцы, крестьянство, городские жители, часть дворянства, мелкое чиновничество — неорганизованна и за последние годы под влиянием установленного административного режима совершенно затихла...» Но вместе с тем, отмечалось в донесении, «население в глубине души, конечно, продолжает таить хотя и неясные, но достаточно радикальные взгляды и стремления» [14]. Положение несколько изменилось с развертыванием предвыборной кампании, что становилось уже типичным для российской политической жизни. Так, на каждое место в Думе от горожан и землевладельцев выдвигалось не менее 3—4 кандидатур.

2. IV дума и назревание нового политического кризиса.

Полномочия III Думы истекли 9 октября 1912 г. Новая, IV Дума приступила к работе 15 ноября. Благодаря во многом стараниям властей она заметно поправела. Теперь правые имели 65 депутатских мест (в III Думе —

51), националисты — 120 (против 96), октябристы — 98 (154), прогрессисты — 48 (28), кадеты — 58 (54), близкие к ним национальные группы — 21 (26), трудовики — 10 (14), социал-демократы — 14 (19). Потомственные и личные дворяне составляли 52,4% всего депутатского корпуса[15]. Два большинства, необходимые для проведения правительственной политики, сохранились, но теперь третьеиюньская система становилась все более непредсказуемой и неустойчивой. При новом раскладе политических сил правооктябристское большинство было невозможно без ультраправых, роль которых, вкупе с правым крылом Государственного совета, заметно возросла. Провал столыпинской программы реформ значительно подорвал позиции «Союза 17 октября», который все более терял и влияние, и внутреннее единство. Кадеты в поисках союзников все чаще были вынуждены смотреть «налево». Парадоксально, но более правая по составу IV Дума становилась даже оппозиционнее, чем ее предшественница, причем именно правые в значительной мере усилили нестабильность политической системы.

Особенно наглядно это было продемонстрировано при обсуждении в Думе правительственной декларации, с которой 5 декабря выступил премьер Коковцов. Правительство не смогло представить сколько-нибудь цельной конструктивной программы действий. Стремясь к компромиссу со всеми влиятельными думскими фракциями, Коковцов попытался учесть и удовлетворить все, порой полярно противоположные политические требования. С одной стороны, он заявил, что деятельность народного представительства должна состоять в поиске путей осуществления манифеста 17 октября, которое благодаря наступившему «успокоению» стало достижимым и для правительства, и для законодательных учреждений. Вместе с тем Коковцов потребовал неуклонно охранять «освященные историей» основы русской государственности — «единство и неразделенность империи, первенство в ней русской народности и веру православную». Далее шел длинный перечень всевозможных законодательных предположений, разделенных на 8 разделов, в которых предпринимались попытки соединить охранительные и либеральные начала. Причем упор делался на том, чтобы откупиться от политических реформ мерами социально-экономического порядка, направленными на некоторое улучшение материального положения широких масс населения. Рабочим было обещано улучшение бытовых условий, продолжение реформ по урегулированию отношений труда и капитала, крестьянам — дешевый и доступный кредит и землеустройство. Оппозиции обещаны законодательное урегулирование и упорядочение исключительных положений и правовые реформы, но при условии сохранения исконных государственных начал.

В результате декларация вызвала недовольство всех фракций Думы, которые сошлись в одном — у правительства отсутствует четкий политический курс. Правые видели выход из создавшегося тупика только в ужесточении политики кабинета в отношении либеральных поползновений. Оценивая речь Коковцова, один из лидеров крайне правых В. М. Пуришкевич заявил: «Нам надоела, нам претит шаткость правительственной власти... Программа, с которой выступил здесь перед нами председатель Совета министров,— это не путеводная звезда, а туманность». Назвав поведение и речь премьера «политическими качелями», Пуришкевич от имени фракции потребовал «ярко очерченной программы, которая... упрочивала бы ту самодержавную власть, под которую подкапываются левые фракции». В качестве мер по стабилизации положения требовалось ужесточение репрессий, вплоть до введения телесных наказаний, причем не только в отношении крестьян, но и для «хулиганов-интеллигентов, для хулиганов из высшего класса населения». Затем следовали ставшие традиционными требования обуздания печати, «инородцев», борьбы с крамолой в учебных заведениях и т. п. Удовлетворение требований либералов о необходимости утверждения «правовых начал», по мнению правых, означало бы неизбежное сползание к конституции, к революции и, наконец,— к демократической республике, что означало бы уничтожение исконно русских государственных начал и неминуемо вело к гибели России [16].

Леворадикальные фракции — трудовики и социал-демократы, не имея никаких надежд на проведение в Думе своих программных положений, продолжали основной упор делать на использование ее в качестве политической трибуны, выступая с резкой критикой всей внутренней политики правительства и выдвигая заведомо неприемлемые требования. В частности, трудовики требовали отмены столыпинского аграрного законодательства, расширения прав Думы, создания ответственного перед народным представительством правительства, всеобщего избирательного права, отмены исключительных положений, подлинной независимости и несменяемости судей и т. п.

Еще более радикально были настроены социал-демократы, открыто заявившие в своей контрдекларации об антинародной сущности третьеиюньского режима. Однако вскоре и без того малочисленная социал-демократическая фракция распалась на самостоятельные большевистскую (6 депутатов) и меньшевистскую (7 депутатов). Большевики, взяв в условиях роста стачечного движения курс на организацию всеобщей политической забастовки с возможным переводом ее в вооруженное восстание, вновь выдвинули лозунги провозглашения демократической республики, конфискации всех помещичьих земель и введения 8-часового рабочего

дня. Исходя из этого, думская большевистская фракция по-прежнему делала упор на критику правительства, широко используя тактику запросов по поводу тяжелого положения трудящихся, злоупотреблений местных властей, репрессивных акций в отношении рабочих выступлений и т. п. Разработанный фракцией законопроект о введении 8-часового рабочего дня носил демонстрационный характер и был заведомо обречен. Меньшевики, будучи по характеру своей платформы и тактики ближе к западноевропейской модели социал-демократии, считали реализацию большевистских установок чрезвычайно опасной, так как под удар ставились все легальные рабочие организации и само народное представительство. Фракция придерживалась тактики борьбы за полновластную Думу, за использование всех легальных форм деятельности, за широкую коалицию с различными политическими силами, в том числе и с либералами. Альтернативой «демагогическим» лозунгам большевиков меньшевистская фракция стремилась сделать организацию политических выступлений рабочих в поддержку разработанных ею законопроектов, направленных, в частности, на полную легализацию стачек, и рассчитывала на коалицию с либеральной оппозицией, с помощью которой можно было бы достичь какого-то успеха в Думе. Несмотря на фракционный раскол, деятельность социал-демократических депутатов находила сочувствие достаточно широких рабочих масс, причем наибольшей поддержкой пользовалась именно «экстремистская», по определению меньшевистских лидеров, позиция большевиков.

Думский центр, для которого предложенная правительством программа также оказалась в значительной мере неприемлемой (но уже в плане недостаточности ее реформаторской направленности), в целом находился в состоянии разброда. Составлявшие его правый фланг октябристы и националисты разбились на ряд мелких групп, конфликтовавших между собой. Националисты также критиковали правительственную декларацию за неопределенность, однако с иных позиций, требуя твердого реформаторского курса, строго «скоординированного» при этом с «незыблемыми основами русского государства», под которыми понимались прежде всего «монархическая власть, русская народность и Православная церковь». Такие реформы, как заявил представитель их фракции В. Н. Львов, необходимы, и их нужно дать хотя бы для того, «чтобы они не были взяты». Оправдывая название своей фракции «консервативные конституционалисты», националисты заявляли о своей приверженности сохранению законодательного народного представительства и поддержали реформистскую часть правительственной декларации, претендуя на место октябристов, но оговорив, однако, при этом свое понимание важнейших

пунктов программы. Тот же В. Н. Львов, в частности, подчеркивал: «Веротерпимость и свобода совести не должны клониться к нарушению прав Православной церкви; затем реформа, клонящаяся к расширению прав инородцев... не должна клониться к уничтожению прав русской народности, которая всегда была первенствующей в русском государстве... Также, наконец, реформы правовые не должны поколебать тот монархический строй, на котором незыблемо покоится русское государство»[17].

Октябристы, еще недавно бывшие основной проправительственной партией, резко сдали свои позиции, расколовшись на несколько соперничавших между собой групп. Правые октябристы по-прежнему выступали за продолжение старой линии поддержки правительства, ограничиваясь в основном требованиями расширения земского и городского самоуправления. Левое крыло партии на конференции «Союза 17 октября», состоявшейся в ноябре 1913 г., заявило о разрыве «договора» с властью, политика которой стала представлять «прямую угрозу конституционному принципу». Правительство, по словам А. И. Гучкова, своими реакционными действиями «революционизирует общество и народ, приближая тем самым революцию». При всех расхождениях внутри партии и фракции октябристы единодушны были в нападках на Коковцова, обвиняя его в отступлении от столыпинского курса преобразований и в пассивности.

В состоянии «рассыпанной храмины» оказались и кадеты, представлявшие левый центр либеральной оппозиции. Правые кадеты настаивали на продолжении тактики «вымогательства» у власти новых реформ, хотя бы даже в «укороченном» виде, «воспитании» Думы и страны на примерах положительной работы вокруг земского и городского самоуправления, создании в Думе прочного конституционного большинства и т. п. Левые кадеты считали, что в условиях нарастания в стране массовых выступлений против режима необходимо иметь поддержку масс и попытаться направить их протест в определенное русло. С этой целью по предложению лидера партии П. Н. Милюкова фракция внесла в Думу целый ворох законопроектов, рассчитанных прежде всего на пропагандистский эффект — о всеобщем избирательном праве, о реализации обещанных манифестом 17 октября гражданских и политических свобод и т. п., чтобы таким путем заручиться сочувствием масс и поднять престиж народного представительства.

Ближе всего к роли думского леволиберального центра оказались прогрессисты, становившиеся выразителями реальных интересов деловой российской буржуазии. Сравнительно немногочисленная фракция развила бурную деятельность по сплочению левых сил. Относительный успех на выборах подтолкнул их к организационному оформлению своего

течения. На состоявшемся 11—13 ноября 1912 г. съезде был образован из петербургского и московского комитетов Центральный комитет партии прогрессистов, приняты основные программные положения и руководящие начала тактики. Программа предусматривала утверждение конституционно-монархического строя, ответственное перед народным представительством правительство, расширение избирательного права и компетенции Думы, реформу Государственного совета, отмену исключительных положений и введение гражданских свобод. От своих союзников слева прогрессисты отличались принципиальным отказом от всеобщего избирательного права, уклончивостью в вопросе о равноправии наций и повышенным вниманием к «защите народно-хозяйственных интересов». Именно отставание России в экономическом и техническом отношениях от передовых развитых стран было названо одним из самых тяжких «прегрешений» старого режима. Невнимание правительства к этой проблеме побудило А. И. Коновалова, одного из молодых прогрессистских деятелей, выступить с критикой коковцовской декларации. «...Можно ли нам продолжать идти черепашьим шагом в то время, когда наши мировые конкуренты гигантскими шагами идут вперед по пути национального развития? — патетически восклицал он.— Мы страшно отстали, мы страшно бедны... Далее медлить нельзя». Выход он видел один — идти по пути западных стран, взяв из их опыта не только экономические и технические, но и гражданские и политические ценности. «Только усвоив себе наиболее совершенные формы гражданского общежития, присущие другим культурным народам,— заключал Коновалов,— мы будем в состоянии двигать страну по пути ее духовного и материального развития, созидая народу богатство и счастье» [18].

Стремясь сгладить разногласия и объединить оппозиционные силы, лидеры прогрессистов провели несколько совещаний с представителями различных фракций. В январе 1914 г. у А. И. Коновалова, ставшего товарищем председателя Думы, состоялось совещание правых кадетов, прогрессистов и левых октябристов. Предметом обсуждения были поиски того минимума умеренных реформ, на основе которого могло бы состояться соглашение о создании левоцентристского большинства. Признано было желательным создать межфракционное бюро, которое выработало бы план думских занятий и тактических шагов по каждому отдельному вопросу. Однако в связи с отказом земцев-октябристов принять участие в создании такой организации затея провалилась. В марте 1914 г. прогрессисты предприняли новую попытку создания блока левых и леволиберальных сил. Тот же Коновалов созвал конспиративное совещание, в котором приняли участие прогрессисты, левые октябристы, кадеты, народ-

ные социалисты и социал-демократы. Открывая совещание, он заявил, что ближайшей целью проектируемого объединения оппозиционных и революционных сил должно стать осуществление манифеста 17 октября. Для этого был создан информационный центр из представителей либеральных и левых партий, который должен был координировать их деятельность. Однако и эта попытка оказалась в конечном счете безуспешной.

В целом в IV Думе так и не удалось преодолеть рознь между даже близкими по политическим взглядам фракциями. Механизм двух большинств, с определенным успехом использовавшийся властью для реализации правительственной программы, все чаще не срабатывал. Да и сама законотворческая база становилась все более узкой и упрощенной в связи с откровенным нежеланием правительства заниматься политическими реформами.

Раскол наблюдался и в правительственном стане. Против Коковцова в кабинете сложился альянс глав ряда ведомств (Л. А. Кассо, И. Г. Щегловитов, С. В. Рухлов, В. К. Саблер), придерживавшихся правой ориентации и недовольных «заигрыванием» премьера с представительными учреждениями и либеральной общественностью. Этот правый блок заметно усилился с назначением министром внутренних дел Н. А. Маклакова, крайне правые убеждения которого находили симпатию и поддержку Николая II. В результате в январе 1914 г. Коковцов был отправлен в отставку, а премьерский пост занял известный ретроград И. Л. Горемыкин.

Министерские и думские «разборки» не были изолированным явлением — они отражали общее состояние и противоречивость российского общества. Съезды уполномоченных дворянских обществ, состоявшиеся весной 1912 и 1913 гг., продемонстрировали нараставшую враждебность помещичьих кругов не только к крестьянству и его требованиям, но и к торгово-промышленной буржуазии. Это проявилось и в отказе от создания всесословного Союза земельных собственников, и во все чаще звучавших откровенных признаниях крестьянства не союзником, а враждебной силой, и в ожесточенных нападках на предпринимательские объединения — тресты и синдикаты, на правительственную политику, потворствующую «ограблению» страны отечественным и иностранным капиталом, и в демонстративном отказе приписать к дворянским обществам предпринимателей, даже получивших за те или иные заслуги дворянское достоинство. В свою очередь, лидеры «молодой» московской буржуазии все более демонстративно подчеркивали свою оппозиционность и требовали признания за представителями капитала политической роли. В сентябре 1912 г. на банкете по поводу 100-летия фирмы Коноваловых П. П. Рябушинский произнес речь, в которой говорилось о вырождении дворян-

ства и о фактической «первенствующей» роли купечества. Летом 1913 г. председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета А. С. Салазкин на банкете, в присутствии самого Коковцова, бывшего тогда еще премьером, от имени купечества заявил о необходимости осуществления реформ, обещанных манифестом 17 октября. И его поддержали московские и петербургские предпринимательские круги. Весной 1914 г. очередной съезд представителей торговли и промышленности принял ряд оппозиционных резолюций в духе выступления Салазкина[19].

Продолжало расти и шириться рабочее движение. В 1913 г. стачечная волна поднялась еще выше: бастовали около 2 млн человек, причем более 1,2 млн были участниками политических стачек. Предприниматели ответили на забастовки рядом крупных локаутов.

Российское общество опять оказалось в состоянии политического кризиса. Нововременский публицист А. А. Столыпин, брат убитого премьера, член ЦК октябристской партии, с тревогой отмечал появление знакомых признаков общественного возбуждения, предшествовавших революционному взрыву. Отмечая нарастание забастовочного движения, он писал, что оптимисты обычно ссылаются на статистику, но при этом не учитывают того, что «для таких не поддающихся учету и измерению величин, как настроение людской массы, должно существовать и другое, более тонкое мерило, чем мертвый язык статистики и объективная показательность фактов». Тот, кто пережил революцию, писал он, ссылаясь на собственный опыт, «никогда не забудет настроений, сопутствовавших событиям, ни примет этих настроений. Их нельзя объяснить словами или описать... Но впечатление настолько неизгладимо, что человек, переживший все это, не может не узнать запаха подобной атмосферы». А этот «запах» говорит о том, что «общество возвращается к психологии 1902—1903 гг.», чувствуется возврат к состоянию «знакомого политического психоза», своего рода эпидемии[20].

К общему возбуждению добавлялось недовольство национальной политикой правительства. Национализм вообще являлся составной частью этой политики, направленной на предотвращение распада империи, на сохранение «единой и неделимой России». В целом тенденция к унификации положения всех частей империи обусловливалась общим социально-экономическим развитием страны, требовавшим установления более тесных связей между всеми ее регионами. Но в условиях России с ее разноуровневыми особенностями развития отдельных национальных районов и националистической направленностью правительственной политики поддержание единства обеспечивалось и поддерживалось такими методами, которые не могли не вызывать сопротивления, часто выливав-

шегося в национально-освободительное движение. Особенно болезненно эта политика воспринималась в регионах, выделявшихся своим более высоким уровнем политического и экономического развития. Государственная автономная Финляндия с ее конституцией и всеобщим избирательным правом, экономические успехи, достигнутые в трудных природных и экономических условиях стали объектом нападок националистов, обвинявших местные власти в сепаратистских тенденциях. Закон, принятый еще III Думой (17 июня 1910 г.), о так называемом общеимперском законодательстве, изымал из сферы финляндского законодательства ряд важных вопросов, фактически ликвидируя автономию Финляндии. Однако все попытки реализовать антифинляндские законы и проекты оказались практически безуспешными, лишь добавив напряженности в обществе.

Другим очагом социально-политической напряженности, возникшей в результате проведения правительственной национальной политики, стала Польша. Польские депутаты в первых двух Думах («польское коло») требовали автономии Царства Польского и даже внесли соответствующий законопроект. Однако затем они отказались от этого лозунга и стали на путь реальной политики, ограничив свои требования так называемой культурной автономией, введением земства и городского самоуправления, суда присяжных и польского языка в школах. Все их усилия в этом плане, как известно, увенчались лишь введением земства в 9 западных губерниях, но с особой выборной системой, ограничивавшей права польских помещиков, а также выделением из состава Польши восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии, которая под предлогом преобладания в ней украинцев и белорусов превращалась во внутреннюю русскую губернию. Принятие этих законов, особенно последнего, сопровождалось воинствующей националистической пропагандой, давшей, однако, в конечном итоге обратный эффект.

И, наконец, еще одним, традиционным направлением национальной политики стал антисемитизм, принявший в эти годы особый размах и направленность. Черносотенная пресса развернула дикую кампанию травли евреев, призывая поставить их в такие условия, чтобы «они постепенно вымирали». Объединенное дворянство на своем III съезде заявило о необходимости «очищать русскую землю от евреев, очищать твердо, но неуклонно, шаг за шагом и по выработанному плану». И правительство, и особенно местная администрация предпринимали жесткие меры, часто не санкционированные законом, по выселению евреев из городов и дачных местностей, ограничивало круг их занятий, строго следило за соблюдением «черты оседлости», процентной нормы в учебных заведениях и

т. п. Все эти меры стали теперь подаваться как ответ на активное участие евреев в революционном движении, в подрыве российской государственности.

Кульминацией непрекращавшейся антисемитской кампании стало уже упоминавшееся в одной из предыдущих глав знаменитое дело Бейлиса, сфабрикованное властями в связи с убийством в предместье Киева мальчика А. Ющинского. Полиция едва ли не с самого начала напала на след убийц, оказавшихся обычной воровской шайкой. Но под давлением думских правых и местных черносотенцев следователи квалифицировали преступление как убийство с ритуальными целями и обвинили в нем приказчика местного кирпичного завода Менделя Бейлиса[21]. Но власти просчитались. Затея черносотенцев провалилась. Обвиняемый, несмотря на специально подобранный состав присяжных, был оправдан, в немалой степени благодаря участию в процессе выдающихся русских адвокатов. «Процесс Бейлиса,— писал в своем отчете представитель департамента полиции,— это полицейская Цусима, которую никогда не простят» [22].

Ситуация накалялась. Власти метались в поисках выхода, не останавливаясь перед проектами роспуска Думы и превращения ее из законодательной в совещательную. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков докладывал императору 14 октября 1913 г.: «Настроение среди фабрично-заводского люда неспокойное... Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, неотрадное». Предлагая жестко предупредить думцев и предвидя «взрыв негодования в Думе», министр обрисовывал возможные варианты принятия правительственных мер: «Если поднимется буря и боевое настроение перекинется далеко за стены Таврического дворца, администрация сумеет подавить волнение, но для этого необходимы будут две меры: роспуск Думы и немедленное объявление столицы на положении чрезвычайной охраны». Николай II одобрил представление Маклакова, предложив обсудить в Совете министров и свою давнюю идею о превращении Думы в совещательную, что по сути дела было бы вторым государственным переворотом. «Представление на выбор и утверждение государя мнения большинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе»,— наставлял он министра.

Совет министров рассмотрел этот вопрос на своем заседании 17 октября, составив, как положено, особый журнал. В нем отмечалось, что представление министра внутренних дел действительно было вызвано значительным усилением «революционного брожения», а также ярко выраженным подъемом оппозиционного настроения «левых групп населения». Совет министров согласился с необходимостью введения в столице,

в случае «беспорядков», положения чрезвычайной охраны, а также предложил заготовить указ о роспуске Думы, но с тем, чтобы, во-первых, время его опубликования было предоставлено председателю Совета министров, и, во-вторых, чтобы в нем был определен срок созыва новой Думы. Таким образом, Совет министров не рискнул изменить статус народного представительства. Вынужден был согласиться с этим и Николай II, резолюция которого от 23 октября гласила: «Согласен. Но при этом срок созыва новой Г[осударственной] Думы должен быть значительно отдален». Подготовлен был и соответствующий указ Правительствующему Сенату[23].

Однако эти акции в задуманном виде так и не последовали. Видимо, сказались и нежелание усугублять конфликт между властью и обществом, и опасения срыва переговоров о заграничном займе, которые вел в это время Коковцов. Правда, 11 июля 1914 г. в связи с рабочими выступлениями в обеих столицах было введено положение чрезвычайной охраны. Мотивировалось это, по признанию Маклакова, тем, что «власть бессильна бороться нормальными средствами с такого рода явлениями, а таковое невольное бездействие власти ведет к подрыву ее высокого авторитета и окрыляет тех, кто целью своей работы ставит смуту». Разразившаяся война на некоторое время вызвала рост патриотических настроений и сняла остроту кризиса. Однако, как известно, гражданский мир продолжался недолго.

* * *

Итак, к кануну Первой мировой войны российское государственное устройство представляло собой переходную политическую систему, находившуюся в состоянии неустойчивого равновесия. С одной стороны, верховная власть и полностью ей подчиненная власть исполнительная еще располагали всей мощью государственного аппарата, собственным огромным экономическим потенциалом в виде государственного сектора экономики и еще могли опираться в значительной мере на неподвижность и политическую пассивность огромной массы населения. Вынужденная в силу внутренних и внешних факторов укреплять свои социально-экономические позиции, эта власть неминуемо — хотя бы в результате последствий своей собственной политики — должна была идти на существенные социально-экономические, а затем и политические преобразования, стремясь, однако, при этом в возможно более полном виде сохранить свои прерогативы. И это стремление также не было беспочвенным: оно опиралось на сравнительно низкий материальный, культурный и политический уровень основной массы населения, на обширность многонацио-

нальной империи, что — наряду с сохранением традиционных укладов жизни — являлось питательной почвой для сохранения авторитарного режима.

С другой стороны, усложнявшаяся экономическая, социальная и политическая жизнь страны, развитие капиталистических отношений требовали преобразований в сфере государственного устройства, демократизации управленческих структур, решения национального вопроса, усовершенствования и пересмотра гражданско-правовых узаконений, т. е. комплекса реформ, которые, в свою очередь, требовали изменения и самого характера государственного устройства, природы верховной власти. Становилось все более очевидным, что абсолютная монархическая власть, выступавшая ранее движущей силой реформаторского процесса, все более исчерпывает свой преобразовательский потенциал. В результате обостряются противоречия между властными структурами и политически активными слоями общества, выразителями настроений которых становятся учреждения представительной законодательной власти — реформированный Государственный совет и Государственная Дума. Они появляются как бы по воле монарха-самодержца, но фактически вопреки его убеждениям и желаниям.

Деятельность представительных учреждений — при всей противоречивости Основных законов — объективно создавала новое политико-правовое поле для становления гражданского общества и правового государства. Они не только встраиваются в существующие государственные властные структуры, но и начинают активно выстраивать собственную политическую систему, становясь центром притяжения общественных сил и заметным фактором развития всей политической жизни страны, способствуя подъему уровня политической культуры и власти, и электората. Дума стала важным фактором в процессе становления многопартийной системы и способствовала формированию новой политической контрэлиты. Законодательные и бюджетные полномочия народного представительства, несмотря на известные ограничения, представляли все же обществу новые возможности влияния на экономическую и социальную политику правительства. Все это, казалось, давало возможность постепенной трансформации Российской империи в конституционную монархию.

Однако неуступчивость старого режима, порой демонстративное третирование им представительных учреждений, приверженность к старым, патриархально-попечительным методам правления, трудности в выборе наиболее эффективного курса внутренней политики, который позволил бы без крайних издержек ликвидировать отсталость страны от передовых, ушедших далеко вперед конкурентов, с одной стороны, и чрезмер-

ный радикализм как правой, так и левой оппозиции, их отказ от поиска возможностей конструктивного сотрудничества с правительством, чрезмерная торопливость в подгонке глубинных процессов к порой абстрактным программным схемам — с другой, привели к тому, что народное представительство в значительной мере превратилось в политическую трибуну для различных партийно-классовых сил, а его созидательно-конструктивная роль все более отходила на задний план. Все это сыграло на руку революционерам. Сознавая опасность нового революционного взрыва, власть и оппозиция делали порой диаметрально противоположные выводы. Правительство делало упор на меры по улучшению материального и культурного положения масс и тормозило политические преобразования, оппозиция настаивала на активизации процесса политического реформирования, пытаясь таким образом откупиться от революции. Раскол в российском обществе продолжался, что в какой-то мере позволяло правительственному лагерю удерживать свои позиции. В целом же даже в предвоенные годы, по-видимому, еще не были окончательно утрачены возможности мирного, эволюционного развития страны.

Примечания

[1] *Таганцев Н. С.* Пережитое. Пг., 1919. С. 157.

[2] *Соловьев Ю. Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 316—317.

[3] Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981. С. 317.

[4] Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907—1912. Ч. 1. СПб., 1912. С. 325—326, 329—338, 407—408.

[5] Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 420.

[6] Там же. С. 502.

[7] Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 610.

[8] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 188.

[9] *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 59.

[10] Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 222, 226.

[11] Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 413—415.

[12] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство... С. 196.

[13] См.: Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 267—269, 436—439, 518, 576—580.

[14] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство... С. 236.

[15] Россия: 1913 год. С. 245, 254.

[16] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С. 36—37.

[17] Там же. С. 39—40.

[18] Там же. С. 42.

[19] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 80—81, 92.

[20] Новое время. 28 сент. 1913 г.

[21] Речь. 16 окт. 1913 г.

[22] *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934. С. 280.

[23] Монархия перед крушением. 1914—1917: Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927. С. 92, 93—94; Кризис самодержавия в России. С. 526; Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 310—311.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА (1903—1913 гг.)

Г. Н. Ульянова

Начало XX в. сконцентрировало на небольшом по хронологической длительности отрезке исторического времени сложное переплетение социальных и эстетических проблем. В общественном сознании явственно проявила себя проблема отношения к национальному культурному и историческому наследию.

С одной стороны поражение первой русской революции 1905—1907 гг. породило тревожное, кризисное состояние в среде образованной публики. Одновременно, поиск общественного идеала в эти годы становится ведущим мотивом литературы, искусства. Этот поиск вдохновил многие публичные дискуссии того времени. Он же привел к тому, что в поисках оптимизма и веры в социальные перемены — потребность в опоре на положительные национальные традиции была сознана практически во всех слоях общества, включая сюда и тех, кто стоял у руководства страной.

Наряду с бурным развитием художественного авангарда (в известной своей части пестовавшего настроения пессимизма и безысходности), мощно проявилась тенденция интереса и пристального внимания к прошлому историческому и духовному опыту России. Эта тенденция нашла свое воплощение не только в выставках, издании фундаментальных многотомников по российской истории, научных и общественных дискуссиях. Во время празднования целого ряда важнейших исторических юбилеев, постепенно происходило вызревание нового отношения к прошлому Отечества. Оно не было лишено черт идеализации старины (и к примеру, на большом балу в Зимнем дворце 22 января 1903 г. всем гостям следовало быть в русских костюмах XVII века). Но при этом процесс пускал свои корни в гущу народной жизни, поскольку в массовых празднествах принимали участие десятки, и даже сотни тысяч людей.

На наш взгляд, после сильнейшего отторжения самодержавия и его атрибутов от жизни населения, после длительного периода взаимной ненависти, выразившейся в репрессиях против народных выступлений с одной стороны и террористических актах, направленных на императоров и

видных государственных деятелей с другой, в начале XX в. была предпринята попытка преодолеть возведенный барьер, создать новый, модернизированный в сравнении с XIX в. образ монарха.

Эта попытка стала возможной в условиях форсированного экономического развития страны и повышения уровня благосостояния населения, в условиях определенных уступок самодержавия либерально-демократическим требованиям эпохи, что выразилось, прежде всего в создании парламентских институций и разрешения деятельности политических партий.

Однако, эта попытка не стала удачной — терроризм не стих, а идея народного представительства не была доброжелательно воспринята правящими кругами и полноценно реализована. Тем не менее, даже в столь краткий отрезок времени, отпущенный стране историей до начала Первой мировой войны, ростки нового взаимоотношения власти и народа нарождались. Интереснейшей приметой этого процесса стали массовые народные празднества по случаю юбилеев крупных исторических событий национального масштаба.

1. Двухсотлетие Петербурга.

Из крупных национальных юбилеев первым по времени было празднование двухсотлетия со дня основания Петербурга, проходившее в столице 16 мая 1903 г.

Основной идеей празднеств было прославление Петра Великого как отца российского флота и основателя города, который носит имя его святого. Юбилей вызвал в газетах и журналах, в среде просвещенной публики целый поток размышлений о роли Петербурга в российской истории. Наиболее часто повторялся мотив огромной роли северной столицы в европеизации России. Газета «Новое время» писала в дни торжеств: «Юбилей Петербурга — это вместе с тем юбилей решительного и бесповоротного вступления России на путь европейской цивилизации... Конечно, не Петр сделал Россию европейской страной. Рано или поздно Россия должна была вступить на тот же путь развития, на который так энергически поставил ее Петр. Петербург — с первого дня своего существования оплот европеизма в России — неизменно остался таковым во все последующее время, и в этом его огромная историческая заслуга»[3].

Не случайно в дни праздника во многих местах города были установлены гигантские панно с изображением Петра Великого. Одно из них находилось у Николаевского вокзала. Большая арка с золотым куполом была

возведена у Гостиного двора. В центре арки размещалась мощная фигура Петра в образе мастерового-плотника с топором в руке. В том же стиле была украшена площадка перед Народным домом императора Николая II: картины из жизни Петра Великого располагались под пологом огромной палатки. Одна из картин изображала «Царя-плотника», работавшего на постройке корабля, другая — «Царя-кузнеца». В местах празднеств и народных гуляний продавались, помимо памятных жетонов, маленькие флажки (их называли «флажки-лилипуты») с портретами Петра I.

Примечательно, что большая часть праздника происходила на воде — вдоль берегов Невы в строгом порядке стояли военные и коммерческие корабли. Порядок их расстановки даже публиковался в газетах, чтобы публика знала, где можно полюбоваться лучшими российскими судами. 15 мая, в 4 часа дня на Неве прошел парад тяжеловесных старинных 18- и 14-весельных галер. При этом команды солдат Лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков облачились в костюмы матросов времени царя Петра. А ранним утром 16 мая в пределах городской акватории появились около 150 (по другим сведениям — 80) яхт из нескольких петербургских яхт-клубов. Все суда были украшены яркими флагами.

В 8 часов утра 16 мая раздался 21 залп артиллерийского салюта. Из домика Петра I, который являлся старейшей постройкой города (сооруженной в мае 1703 г. из тесаных сосновых бревен и служившей резиденцией Петра I в 1703—1708 гг.), вышел отряд гвардейских моряков в форме петровского времени. Моряки несли на руках четырехместную верейку — небольшую легкую лодку с парусом — на которой плавал сам Петр. Эта лодка была установлена на специальную баржу, украшенную гирляндами и транспарантами. Баржу взяла на буксир миноноска «Пика».

Вслед за этим из часовни домика Петра была вынесена икона Христа Спасителя, которая сопровождала русские войска в Полтавской битве. Икону поместили на пароходе, где находились представители высшего духовенства и генералитет. Эта процессия — пароход впереди, а за ним миноноска с баржей — пошла вверх по Неве. Стоявший на набережных народ с интересом наблюдал за этой торжественной церемонией, приветствуя суда радостными возгласами. На носу идущего впереди парохода высились красные с золотом хоругви, яркими пятнами смотрелись малиновые парадные камзолы придворных певчих, а также сверкавшие золотом и серебром облачения духовенства. Пройдя примерно километр, оба судна развернулись и пошли к новому Троицкому мосту, который должен был открыться в этот день в ознаменование юбилея.

Флотилия остановилась напротив памятника Петру Великому. Духовенство с иконой сошло с парохода и направилось к устроенной у памят-

ника, нарядно украшенной трибуне, где их ожидали митрополит и император Николай II с императрицей Александрой Федоровной. Здесь прошло торжественное богослужение. Церемония на Сенатской площади, у «Медного всадника» стала центральной. В дни юбилейных торжеств, как отмечали современники, погода стояла редкая — «лучи солнца золотили красавицу Неву, и она была еще торжественнее и величественнее»[4]. С раннего утра народ стал стекаться на набережную Невы, чтобы наблюдать за праздником. Вход на Сенатскую площадь был строго по билетам. Здесь собралось «множество военных в блестящих праздничных формах, представители всех гвардейских полков, генералы, придворные чины в золотых мундирах, высокопоставленные лица». Репортер продолжал: «Элегантная толпа эта еще скрашивается летними нарядами дам, укрывающихся от чисто летнего зноя под легкими зонтиками»[5].

Полукругом у памятника Петру размещались 12 изящных тонких решеток (по терминологии того времени — трельяжей), на которых в лепных сероватого цвета венках красовались золоченые инициалы всех императоров от Петра I до Николая II. Дуга решеток замыкалась двумя высокими шестами, украшенными золотыми орлами. Внизу на шестах были силуэты ботиков, а вверху — на одном вензель Петра I, на другом — Николая II. Между решетками было еще два шеста, увенчанных орлами, и между этими центральными шестами было натянуто громадное полотно с шитым золотом и серебром и разрисованным яркими красками гербом Дома Романовых. Все мачты и трельяжи соединялись многочисленными гирляндами мелких разноцветных флажков и цветов[6].

Этот полукруг окаймлял стоящую в центре, у подножья памятника Петру царскую палатку, декорированную в стиле Людовика XIV. Царская палатка выглядела очень эффектно — белая, шелковая с бирюзовыми, шитыми золотом стягами, украшенная пятью золотыми орлами и коронами, она резко выделялась на фоне флагов и зелени[7]. В садике около «Медного всадника» к дню торжеств было разбито несколько клумб, куда высадили множество цветущих тюльпанов и незабудок. С обеих сторон от царской палатки были устроены гостевые трибуны на 15 тысяч человек.

После молебствия у памятника Петру все участвовавшие в нем направились по Дворцовой набережной к новому мосту. Вдоль всего пути шеренгами стояли, образуя проход, гвардейские части. Духовые оркестры исполняли «Коль славен...». У моста царскую чету и сопровождающих лиц ожидали городской голова и депутация чиновников высокого ранга. Разводная часть нового моста была открыта, и чтобы ввести мост в действие, надо было совместить его раскрытые створки. Этот момент стал кульминацией церемонии и одновременно неким символом технологического

прогресса, к которому приобщалась Российская империя. Николаю II, который стоял на набережной в группе архитекторов и инженеров, городским головой П. И. Леляновым была на красной бархатной подушке поднесена кнопка, от которой шел провод к разводной части моста. Государь нажал кнопку,— и разводная часть пришла в движение. Когда створки моста соединились, обеим императрицам — матери царя Марии Федоровне и супруге царя Александре Федоровне — были поданы на голубых бархатных подушках серебряные ножницы, которыми они перерезали две бело-красно-синие перевитые шелковые ленты, натянутые у входа на мост. После этого момента, отмеченного раскатами «ура», разнесшегося далеко по городу, по Троицкому мосту церемониальным маршем прошли воинские части и члены добровольных пожарных дружин в ярко начищенных медных касках[8]. Весь остаток дня и в последующие дни жители Петербурга «обновляли» мост, гуляя по нему в обе стороны двумя широкими процессиями. Все стремились полюбоваться чудесным видом, открывавшимся с середины нового моста на Неву и город.

Следует сказать несколько слов о Троицком мосте, который являлся выдающимся инженерным сооружением (его протяженность — 578 метров). Решение о строительстве моста было принято в 1891 г. Петербургской городской думой, решившей таким образом ознаменовать 25-летие бракосочетания императора Александра III с Марией Федоровной. В 1890-х гг. были проведены два международных конкурса на лучший проект моста. Рассмотрев 21 проект, конкурсная комиссия выбрала проект французского инженера А. Г. Эйфеля и французской фирмы «Батиньоль». Проект фирмы «Батиньоль» и был осуществлен в 1897—1903 гг. при некотором изменении французского проекта русскими инженерами, причем на церемонию закладки моста в Петербург прибыл президент Франции Феликс Фор. Мост строился русскими рабочими под наблюдением отечественных инженеров и архитекторов, на городские средства. По сообщениям газеты «Новое время», сам мост стоил 5,2 млн руб., дамба и съезд — 1,2 млн руб. и столько же — гранитная набережная[9]. Декоративное убранство моста было исполнено в стиле «модерн». Силуэт Троицкого моста и по сей день славится своими великолепными пропорциями[10].

Целый ряд официальных церемоний происходил под эгидой Петербургской городской думы и Дворянского собрания. На торжества в Петербург прибыло множество гостей из России и Европы. Среди них были городские головы почти всех губернских центров империи, а также мэры и бургомистры крупнейших и старейших европейских городов и столиц (Берлина, Бухареста, Будапешта, Христиании, Софии, Версаля, Тулона, Дрездена, Кенигсберга и др.), видные муниципальные деятели. 15 мая в 9

часов вечера в помещении городской думы состоялся большой прием, закончившийся изысканным холодным ужином. 16 мая городское общественное управление принимало участие в церемонии открытия Троицкого моста. У памятника Петру была исполнена юбилейная кантата, созданная композитором М. М. Ивановым и поэтом К. К. Случевским по заказу городского управления. В кантате, великолепно встреченной публикой, были использованы две мелодии петровского времени. Одна тема основывалась на марше Преображенского полка, а другая была взята из песни «Как на матушке на Неве-реке молодой матрос корабли снастит». Кантату исполняли более тысячи человек — 250 военных музыкантов, 400 взрослых певчих и 400 детей из хоров городских народных училищ. Слова кантаты были наполнены пафосом прославления Петербурга:

За двести лет в законной славе
Родной наш город стал велик!
Ты не по царственной забаве,
По мысли гения возник.

17 мая Петербургское городское управление давало парадный обед. 18 длинных столов, за которыми разместились гости, были украшены розами, ландышами и орхидеями, а меню отпечатали на бумаге, напоминающей бумагу XVIII в., шрифтом петровского времени.

Официальные торжества завершились 18 мая парадным исполнением оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» в Мариинском театре. На спектакле присутствовал весь двор, министры, зарубежные гости.

Для простых петербургских жителей в дни празднеств были организованы народные гулянья в нескольких местах, в частности в Народном доме императора Николая II, в Екатерингофском парке, в Василеостровском саду, в других районах города, заселенных фабрично-заводскими рабочими и городской беднотой. Гулянья начинались ежедневно в 2 часа дня и продолжались до полуночи, как правило, завершаясь к радости собравшихся фейерверком. Для дежурства в местах большого скопления народа городской думой были приглашены 48 врачей и 32 фельдшера и санитара[11].

В программу увеселений входили бесплатные спектакли, среди которых особым успехом пользовалась пьеса Н. А. Полевого «Дедушка русского флота», различные аттракционы, вечерние фейерверки. В праздничные дни Народный дом императора Николая II посетило свыше 20 тыс. человек, Екатерингофский парк — 15 тыс., Петровский парк — до 25 тыс. человек. Вот одно из описаний Петергофского парка, оставленное совре-

менником: «Кто сидит на траве, окруженный детворой, кто попросту дремлет под деревом, кто занимается чаепитием или лущением подсолнечников. В воздухе шум и гул, по временам долетают звуки гармоники или голос песенников с эстрады. Чего только нет на лугу: здесь и карусели, и открытая сцена, и плясуны, и оркестр, и гармонисты, и ларьки с незатейливыми яствами, и разносчики с квасом, булками и юбилейными флажками и орденами, которые довольно быстро раскупаются...»[12].

Особым успехом в парках пользовались различные состязания. Ежедневно в 4 часа раздавался звонок, после чего в воздух поднимался разрисованный шар — это был сигнал к началу состязаний. Все устремлялись на площадку, где проходили соревнования в ловкости и смекалке. Состязания включали в себя: лазанье по шесту высотой более 5 саженей (10 метров) с тем, чтобы позвонить в колокольчик на верхушке шеста; гонки на велосипедах; гонки на лошадях без седел. Больше всего потехи вызывал проезд на лошадях под ведром с водой — неудачники оказывались совершенно мокрыми. Победители состязаний получали в виде призов серебряные часы, чарки и стопки, серебряные ложки.

К юбилею города были приурочены интересные художественные и исторические выставки. Например, в галерее «Современное искусство» на Морской была открыта выставка «Старый Петербург» с великолепным собранием старинных гравюр и картин, видов прежнего Петербурга, уличных сценок и исторических портретов. «Неделя Петра» проходила в Летнем саду. В отличие от бесплатных народных гуляний вход в Летний сад был платным (составляя от 50 копеек для школьников до 1 руб. 40 коп. для взрослых), причем собранные средства намеревались использовать на благотворительные цели. В Летнем саду молодыми художниками — учениками И. Е. Репина — были сделаны диорамы из жизни Петра Великого. Ежедневно в 10 часов вечера в Летнем саду устраивался самый лучший в городе фейерверк. Все его 15 залпов отличались друг от друга рисунком огненных картин. Каждый залп имел свое интригующее зрителей название, к примеру «Золотые воздушные пчелы», «Огненный дождь в воздухе», «Бомбы со швермерами и свистками», «Китайские миражи».

В честь юбилея прошли благотворительные акции. Например, был устроен Петровский праздник для детей самых бедных родителей — жителей Гавани и Васильевского острова. 100 детей утром были приведены в бесплатный народный детский сад Калачевой, там умыты, переодеты во все чистое (белье и русские рубашки для мальчиков, сарафаны для девочек) и бесплатно привезены (вначале пароходом, потом поездом) в загородный сельскохозяйственный приют. Там состоялся праздник, который заключался «в обязательных играх на лугу, детском представлении в при-

юте, угощении, снова играх и т. д. Присутствовавший на празднике журналист писал: «Надо было видеть восторг и изумление многих из этих детей при виде леса, зелени полей, которых они раньше никогда не видели!»[13] Вечером детей доставили обратно в Петербург. А попечители сельскохозяйственного приюта вскоре приняли решение взять этих детей на летний отдых, чтобы каждый ребенок провел бесплатно 6 недель на свежем сельском воздухе.

2. Двухсотлетие Полтавской битвы.

С именем Петра Великого был нерасторжимо связан и другой крупнейший юбилей, отпразднованный в 1909 г., уже после того, как страна пережила тревожные годы революции 1905—1907 гг. Было всенародно отмечено двухсотлетие победной Полтавской битвы. Одна из самых тиражных российских газет «Русское слово» писала в передовой статье: «Полтавский бой принадлежит к числу тех событий военной истории, значение которых определяется не узкими рамками специальных военных интересов, но соображениями политическими и общекультурными». Газета отмечала, что Полтавская битва явилась «одним из первых моментов в развитии новой России»[14].

Основная часть торжеств прошла в конце июня 1909 г. в Полтаве. В связи с праздником в городе весь июнь царило большое оживление — улицы были украшены национальными флагами, арками, увитыми полотнами ткани и декорированными цветами. Столбы фонарей и колонны зданий были также перевиты гирляндами зелени и цветов. На перекрестках улиц ставились белые мачты, увенчанные золочеными орлами. В начале лета, когда проходили торжества, вся Полтава утопала в свежей зелени садов, стояла великолепная погода.

Для участия в празднествах прибывали депутации, роты и эскадроны от всех воинских полков, участвовавших в историческом сражении. Прославленные Семеновский и Преображенский полки прибыли в полном составе. На торжества стремились попасть многочисленные зрители — газеты сообщали, что поезда между Харьковом и Полтавой идут переполненными.

Император Николай II прибыл в Полтаву 26 июня в 9 часов утра. На время его пребывания была устроена специальная царская Ставка, к месту которой провели железнодорожную ветку (во время торжеств царь жил в вагоне личного императорского поезда). Ставка находилась на поле, где происходила Полтавская битва. Вблизи от ставки разместились лагерем Преображенский и Семеновский полки. Между Ставкой и Брат-

ской могилой высились установленные к празднествам 12 памятных колонн из коричневого мрамора с золочеными гербами. Эти колонны были поставлены в тех местах,где находились русские редуты во время Полтавского боя. Около Братской могилы были сооружены гостевые трибуны на 3 тыс. человек с платными местами. Здесь же были устроены ложи для министров, высших чинов центральной и местной администрации [15].

На платформе царя встречали великие князья, министры, представители местных властей с хлебом-солью. Торжества начались с церемонии у Братской могилы воинов, павших в Полтавской битве. Была отслужена панихида. Трогательным моментом стала картина, когда «после провозглашения «вечной памяти» героям, погибшим... 200 лет назад, все опустились на колени» [16]. По окончании панихиды Николай II сел на коня и объехал войска, построенные вокруг могилы. В этот патетический момент, как писал один из очевидцев, «загремели оркестры, склонились знамена, и русское могучее «ура», сливаясь с гимном, огласило поле славной Полтавской битвы» [17].

Дневное время 26 июня император провел в Полтаве, где состоялось молебствие в Успенском соборе, а затем посещение исторического памятника, связанного с полтавскими событиями,— Спасской церкви. В этой церкви Петр Великий служил молебен после победы. Спасская церковь, возведенная в конце XVI в., бережно сохранялась в последующие столетия и была заключена в каменный щит, а возле церкви установлен монумент «Победа».

После этого состоялась встреча царя с деятелями Полтавской губернской земской управы и посещение выставки кустарных изделий. Выставка пользовалась большим успехом, и за 2 дня праздника ее посетили 20 тыс. человек. После беседы с земцами состоялась встреча царя с дворянством Полтавской губернии. На прием в Дворянском доме, устроенный предводителем дворянства князем Щербатовым, были приглашены потомки участников Полтавского боя.

Вечером, неожиданно для организаторов торжеств, государь, узнав, что для участия в торжествах прибыло около 4 тыс. волостных сельских выборных Полтавской губернии, поехал к ним. Николай II беседовал с крестьянами. Интересной деталью этой встречи стало то, что царь расспрашивал выборных, одетых в красочные украинские национальные костюмы, об особенностях одежды в разных волостях (виде, цвете и покрое кушаков, шапок и т. д.) и к концу встречи уже «отличал легко уезды по этим приметам, что приводило выборных в восторг» [18]. После встречи с крестьянами Николай II заехал к шведскому памятнику и почтил память погибших в бою шведских солдат.

На следующий день, 27 июня состоялись главные торжества в честь Полтавской победы. После молебна прошел военный парад, за которым наблюдали несметные толпы народа. По окончании парада была проведена церемония возложения венков к монументу «Славы» при въезде в Полтаву — здесь было более 40 венков от разных городов и дворянских обществ. Затем был устроен завтрак на тысячу человек в кадетском корпусе. На завтраке Николай II произнес прочувствованную речь, которая взволновала всех присутствующих своим настроем. Он, в частности, сказал: «Россия только что пережила времена невзгод, но я верю, что отныне она вступит на путь развития и благоденствия и что будущим поколениям легче будет жить и служить своей Родине... Нужна вера в силу своего Отечества, любовь к нему и любовь к своей старине» [19].

Вечером 27 июня государь отбыл в Ставку, откуда его поезд отправился в Петербург. По дороге в столицу император провел некоторое время в Киеве. Вечером вся Полтава была расцвечена огнями иллюминаций, в трех местах в центре города проходили народные гуляния, завершившиеся великолепным фейерверком.

Надо добавить, что в дни торжеств был открыт памятник полковнику Келлину, коменданту Полтавы во время Полтавской битвы. Находясь в Полтаве, Николай II пожертвовал 5 тыс. руб. для раздачи беднейшим жителям города.

Не преминули использовать полтавский юбилей и быстро реагирующие на вкусы публики коммерсанты. Крупный московский производитель водки Шустов выпустил новый напиток под названием «Юбилейная полтавская варенуха „Спотыкачъ"».

3. Столетие Бородинского сражения.

Приготовления к 100-летнему юбилею Бородинской битвы начались заранее, за несколько лет. В 1907 г. в Москве был учрежден Особый комитет по устройству в Москве военно-исторического музея в память войны 1812 г., развернувший большую и разнообразную работу. О деятельности комитета широкая публика могла узнать из газет и журналов. Уже через два года комитетом не только было собрано почти 100 тыс. руб., [20] но в его распоряжении оказалось и множество исторических документов и предметов эпохи 1812 г., переданных в комитет частными лицами и организациями. Это дало возможность устроить и открыть 20 февраля 1909 г. выставку в Историческом музее в Москве. Среди ее экспонатов были, например, печатный станок Наполеона Бонапарта, который был с ним в по-

ходе в Москве, золотая сабля, поднесенная Барклаю де Толли от города Лондона с надписью на английском языке «За талант и храбрость, проявленные в деле охранения вольностей, покоя и счастья Европы», отчет обер-полицмейстера Москвы за 1811 г., а также великолепные картины и гравюры[21].

Несмотря на большую подготовительную работу, к 1912 г. предполагаемый музей еще не был создан, и поэтому комитетом был устроен ряд выставок. Яркой и содержательной была юбилейная выставка в Историческом музее, открывшаяся в начале августа 1912 г. и занимавшая девять залов. Дадим вкратце ее описание. Первый зал посвящался императору Александру I. Здесь была мебель из кабинета царя, по приказу Николая I хранившаяся в Оружейной палате, а в витринах помещались другие вещи Александра I — письменный стол и приборы, бумаги, бювар, грифельная доска, гусиные перья, конверты. Следующий зал с экспонатами из Эрмитажа посвящался героям войны 1812 г. Были также залы, рассказывающие о старой Москве (экспонаты были представлены коллекционерами Бахрушиным, Щукиным, Рябушинскими, Гиршманом и др.), об отступлении наполеоновской армии (здесь были показаны лафеты, сани, другие вещи, отобранные при бегстве французов), зал Наполеона с коллекцией оружия, присланной французским военным министерством, зал эпохи освободительных войн и зал ремесленных изделий с памятной символикой[22]. Одним из интереснейших экспонатов являлась коллекция масонских знаков, собранная ивановским текстильным фабрикантом Бурылиным. Эту богатейшую юбилейную выставку августейшее семейство посетило во время своего пребывания в Москве после торжеств на Бородинском поле.

19 февраля 1912 г. был заложен юбилейный Бородинский мост через Москва-реку в районе Дорогомилова. Стоимость моста оценивалась в сумму свыше 1 млн руб. Мост выполнялся в стиле александровского ампира. Барельефные орнаменты, украшающие мост, были сделаны по мотивам важнейших моментов Отечественной войны 1812 г.[23]

Апофеозом юбилея стали торжества на поле Бородинской битвы в августе 1912 г. На этом поле 26 августа 1812 г. встретились две великие армии — русская и французская, и, по меткому выражению генерала Ермолова, «расшиблась французская армия о русскую». К празднованию готовились заранее — на Бородинском поле были заняты работами сотни людей, прокладывалось шоссе, исторические флеши и редуты восстанавливались в том виде, какой они имели во время битвы, были проведены телефонная и телеграфная линии, потому что ожидался приезд императора Николая II. Были также уничтожены деревья и перелески, появившиеся за сто

лет: считали, что это необходимое условие придания исторического вида Бородину. Интересно, что во время работ на поле в земле было найдено много пуль, картечи, ядер. Восстановительные работы на Бородинском поле, стоившие казне 85 тыс. руб., предполагалось закончить к 10 августа.

8 июля в Бородине состоялось погребение останков генерала Д. П. Неверовского, привезенных из Германии на Родину. Неверовский — герой обороны Смоленска, отбивший около 40 атак противника, был смертельно ранен в сражении под Лейпцигом в 1813 г. Перезахоронение праха произошло по инициативе «Московского кружка ревнителей 1812 года». Останки Неверовского были погребены у Семеновской флеши, где Неверовский героически сражался против французских маршалов Мюрата, Нея и Даву в день Бородинского сражения[24].

23 августа на торжества в Бородино выехал из Петербурга Совет министров в полном составе с председателем В. Н. Коковцовым во главе. Ожидалось, что на Бородинском поле соберется до 16 тыс. гостей, в том числе около тысячи человек одних только генералов и штаб-офицеров. Сюда собирались прибыть старейшие российские полки и депутации от 149 воинских частей, принимавших участие в битве.

С исторической точки зрения был интересен и такой момент: накануне юбилея был проведен розыск оставшихся в живых ветеранов войны, очевидцев и современников 1812 г. Разыскали 8 человек в возрасте от 109 до 122 лет. Самым старым был проживающий в Кишиневе отставной фельдфебель Аким Бентенюк 122 лет. Он был единственным оставшимся в живых участником войны 1812 г. Примечательно, что в связи с юбилеем ему была назначена пенсия в размере 300 руб. в месяц (до этого он никакого пособия не получал). Все восемь найденных очевидцев событий 1812 г. были приглашены на торжества в сопровождении особо приставленных к ним лиц. На дорогу выдавались пособия из казны[25]. Смогли прибыть на торжества шестеро из восьми. Один из организаторов торжеств, московский губернатор Джунковский писал в своих мемуарах, что эти старики «мало что помнили и давали довольно неопределенные показания», часто трогательные и комичные одновременно. В частности, участник Бородинского боя Аким Бентенюк во время разговора с государем «рассказывал про свое участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его», как он выразился, «шарахнуло»[26]. Другой очевидец делился своими впечатлениями о Наполеоне, описывая внешность Бонапарта так: «Такой молодчина, косая сажень в плечах, бородища во какая», и указал, что «бородища» была до пояса[27]. Все время торжеств старики-ветераны были окружены особым вниманием — имели хорошее жилье, собственные экипажи и наблюдали за церемониями с лучших

мест. «В уважение к преклонным летам» им было разрешено сидеть в присутствии императора. Джунковский вспоминал: «Это всех очень тронуло, старики сидели, а государь и великие князья стояли. Каждый из стариков вставал, когда государь непосредственно к нему обращался»[28].

В преддверии прибытия императора Николая II, в начале третьей декады августа 1912 г. Бородинское поле преобразилось. Там, где прежде были глухой лес и болото, была устроена в стиле ампира эпохи Александра I царская Ставка. От станции Бородино к ней была проложена специальная железнодорожная ветка и устроена платформа, на которой были поставлены лавровые деревья в кадках. Здесь же находилось и почтово-телеграфное отделение, где имелся прямой телефон с Москвой. И территория вокруг Ставки, и путь вдоль железнодорожной ветки были украшены нарядными арками, мачтами с флагами, перевитыми зелеными еловыми ветками и украшенными гербами, а между мачтами были натянуты гирлянды разноцветных флажков.

За два дня до начала торжеств погода вдруг резко испортилась и начался дождь, вскоре усилившийся до ливня с ураганным ветром. В результате дороги были размыты, украшения сорваны ветром, флаги полиняли. Восстановительные работы начались под дождем и продолжались около полутора суток. Люди работали не покладая рук ночью и днем. К счастью, утром 25 августа показалось солнце, погода наладилась. В спешном порядке солдаты чинили дороги, вешали новые флаги, привезенные из Москвы, красили арки и мачты. К 9 часам утра все было готово.

А в 11 часов утра к платформе станции Бородино подошел императорский поезд. Царь с семьей приветствовал встречавших его великих князей, министров, представителей государственной и местной власти. Со станции Бородино поезд с августейшими особами отправился в царскую Ставку. В тот день в 2 часа дня состоялось посещение императором и его семьей Спасо-Бородинского монастыря, где после молебна высокие гости имели беседу с потомками героев Бородина — генерала Тучкова и графа Коновницына.

В три часа Николай II на автомобиле прибыл на Бородинское поле, где его встречали построенные войска. На границе поля он пересел на коня и начал объезд войск. Затем царь проследовал к Инвалидному домику, в садике которого его ожидали французские депутации, лица свиты, старики-ветераны и очевидцы исторических событий 1812 г. В Инвалидном домике Николай II осмотрел небольшую музейную выставку. В этот момент ему доложили о приближении крестного хода, вышедшего из Смоленска 2 августа с образом Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы) Смоленской. Огромных размеров икону (примерно 1 м 75 см в высоту и

1 м 5 см в ширину) в тяжелом киоте несли на высоких носилках с пением в течение 22 дней. Процессия состояла из тысяч людей — духовенства, конных солдат и богомольцев. К крестному ходу постепенно присоединялись все новые и новые участники. Крестьяне даже бросали спешную в это время года уборку льна, чтобы провести несколько дней или несколько часов в составе процессии. По дороге подростки и взрослые спускались к речкам и ручьям, рвали охапки сочной зеленой травы-осоки и устилали ею дорогу, по которой двигалась святыня.

Следует вкратце сказать о самой иконе, не менее популярной в Смоленске, чем Иверская икона в Москве. Образ Богоматери Смоленской был древнего византийского письма, ее прислал в дар Смоленску Борис Годунов в 1602 г. Эта икона была копией с более древней чудотворной иконы, также хранящейся в Смоленске с 1101 г., когда ее перенес туда Владимир Мономах. По преданию она была написана евангелистом Лукой и попала на Русь в 1146 г., когда византийский император Константин Мономах, выдавая свою дочь Анну замуж за переяславского князя Всеволода Ярославича, благословил ее этой иконой[29]. Во время Отечественной войны 1812 г. икона Богоматери Одигитрии Смоленской являлась святыней русской армии. Сам Кутузов со слезами и на коленях молился перед ней накануне битвы, прося о помощи. А готовясь к генеральному сражению на Бородинском поле, Одигитрию носили по всему русскому лагерю[30].

За несколько дней до бородинских торжеств 1912 г. к крестному ходу присоединились представители московского духовенства и хоругвеносцы, принесшие из первопрестольной 30 драгоценных старинных хоругвей московских соборов. Когда крестный ход вошел на территорию празднеств, наступила волнующе торжественная минута: «Каждый невольно вспоминал, что ту же самую икону сто лет тому назад, в этот же день проносили по Бородинскому полю... накануне величайшего из боев, когда каждый, прикладывавшийся к ней, невольно думал, что это, быть может, последний день его жизни»[31].

В составе крестного хода от Инвалидного домика Николай II и сопровождающие его лица пошли к месту, где была в 1812 г. батарея Раевского. Икона Одигитрии Смоленской была помещена в походную церковь императора Александра I[32]. В открытом поле была отслужена панихида по Александре I и всем павшим в Отечественной войне. После панихиды икону, как и сто лет назад, обнесли вдоль всего фронта войск, протянувшегося на четыре километра, а Николай II со свитой шел в процессии крестного хода вслед за иконой.

На следующий день, 26 августа в семь часов утра пятью пушечными выстрелами было возвещено о начале торжеств. Многие тысячи людей

собрались на поле. Они шли сюда из близлежащих и дальних, за десятки верст, мест. А из Москвы прибывали все новые и новые поезда, привозившие официальные депутации разных городов и учреждений. Праздник начался с литургии в соборном храме Спасо-Бородинского монастыря. И вновь в центре внимания была чудотворная икона Смоленской Богоматери. Крестный ход из собора двинулся к памятнику на батарее Раевского над братской могилой павших русских воинов. Он представлял собой громадную чугунную колонну, отлитую из неприятельских пушек. После молебна у памятника состоялся объезд войск и также были зачитаны торжественный высочайший приказ по армии и флоту и приказ по военному ведомству. Последним устанавливались Бородинские стипендии, денежные пособия и пенсии, другие льготы потомкам участников войны 1812 г., инвалидам и ветеранам других войн и семьям убитых.

Состоявшийся затем военный парад был поистине блестящим. Незабываемым стал для участников праздника момент, когда перед зрителями лихо пронеслись рысью на конях двести стариков — донских казаков, среди которых находились 108 георгиевских кавалеров в возрасте от 60 до 80 лет. После парада состоялся завтрак на полторы тысячи персон в саду Бородинского дворца.

В этот день, 26 августа Николай II верхом совершил полуторачасовой объезд всего Бородинского поля, посетив все установленные там памятники героям, заехал в деревню Утица (что не предусматривалось программой), к восторгу местных крестьян, а также посетил лагерь волостных старшин — 5 тысяч их со всей России приехали на торжества и жили в палаточном лагере вблизи Бородинского поля. Следует заметить, что Московским столичным попечительством о народной трезвости для народных представителей на празднике были устроены бесплатные народные столовые. В память об участии в празднике каждый крестьянин получил сувенирную фарфоровую кружку с соответствующими надписями, а вечером был показан фильм с картинами из Отечественной войны. Он содержал заснятые кинематографистами весной 1912 г. инсценировки ключевых моментов войны. По журналам того времени удалось установить, что картина отступления наполеоновской армии из Москвы снималась 10 марта. Любопытно, что, кроме специально приглашенных статистов, в съемках участвовали части войск московского гарнизона, — всего около тысячи человек. Спустя два месяца, 15 мая были сняты сцены вступления Наполеона в Москву. Съемка производилась в Нескучном саду — на том месте, где сто лет назад происходили реальные события[33].

Вечером 26 августа Николай II и великие князья присутствовали на освящении памятника погибшим французам. Место для него было выбрано

напротив места, с которого Наполеон руководил боем. Деньги на этот памятник собирались во Франции по подписке, которая приняла всенародный характер. Однако судьба памятника была несчастливой. Изготовленный во Франции, он представлял собой колонну из бургонского гранита и весил 47 тонн. Его отправили морем из Антверпена в Петербург, но пароход «Курск» потерпел крушение во время бури в Балтийском море и затонул вместе с памятником. Поэтому во время бородинских торжеств была установлена временная лепная копия памятника с надписью «Павшим воинам Великой армии».

День закончился концертом духовной и военной музыки для узкого круга лиц. А на следующий день, в 6 часов утра императорский поезд со спящими пассажирами плавно отошел от перрона и направился в Москву.

Москва в ожидании царя была празднично украшена. Николаю II предстояло пробыть здесь 3 дня. Проследовав своим обычным маршрутом по Тверской к Кремлю, он с семейством совершил молебен в Иверской часовне. Днем состоялся высочайший выход из Большого Кремлевского дворца в Успенский собор, где появления царя уже ожидали председатель Совета министров, министры, председатель Государственного совета, сенаторы и статс-секретари. Вечером императора принимало московское дворянство в Колонном зале Благородного собрания. А на следующий день на Ходынском поле происходил парад войск с участием 40 тыс. военных. После обеда в Кремле состоялся прием депутаций, а позже государь посетил Московскую городскую думу. Помимо официальной части, там состоялся осмотр модели строящегося Бородинского моста.

29 августа прошло торжественное заупокойное богослужение по Александру I и всем погибшим в войне в храме Христа Спасителя, который, как известно, был возведен как памятник героям Отечественной войны 1812 г. Во второй половине дня в Кремле состоялся смотр учащимся учебных заведений Москвы. Во время него сводный детский хор под управлением директора Московской консерватории М. М. Ипполитова-Иванова исполнял «Славься!» из оперы Глинки «Жизнь за царя». Вечером этого дня, посетив выставку в Историческом музее, Николай II с семейством осматривал панораму Бородинской битвы, находившуюся на Чистопрудном бульваре. Объяснения давали авторы панорамы академик Академии художеств Ф. А. Рубо и профессор кафедры военного искусства Военной академии Б. М. Колюбакин. Цельный холст панорамы был изготовлен по заказу в Брюсселе. Устройство панорамы стоило 120 тыс. руб., из которых 50 тыс. руб. были пожалованы царем, а 70 тыс. руб. отпущены из казны[34].

В последний день пребывания императора в Москве, 30 августа на Красной площади состоялось всенародное моление в память избавления

Москвы от нашествия двунадесяти языков. Церемония, по воспоминаниям современников, была грандиозной. В крестном ходе участвовала тысяча представителей духовенства в парадных малиновых облачениях с вытканной на спинах надписью под золотым крестом «Сим победиши». Из Успенского собора крестный ход прошел на Красную площадь, и молебен происходил вокруг шатра, сделанного в древнерусском стиле и укрепленном на особом возвышении. Пел хор из 3 тысяч человек. При провозглашении «вечной памяти» сотни тысяч людей, присутствовавших на площади, опустились на колени.

На вечернем обеде в этот день, как и на приеме, устроенном двумя днями ранее московским дворянством, хор и оркестр Большого театра исполняли только русскую музыку — Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Глинки, Глазунова, Даргомыжского. Около полуночи император отбыл в Петербург.

Через несколько дней, 9 сентября состоялось открытие и освящение музея-часовни в Филях, рядом с Кутузовской избой.

Помимо бородинских торжеств и визита царя в Москву немало интересных событий, связанных с годовщиной войны 1812 г., происходило в других русских городах. В начале августа 1912 г. столетие Отечественной войны отмечалось в Смоленске. Там, в Лопатинском саду был открыт памятник герою войны — генералу Скалону (сооруженный на деньги его внуков). Генерал Скалон, убитый 5 августа 1812 г., был единственным русским офицером, похороненным французами с воинскими почестями в присутствии императора Наполеона Бонапарта и французских маршалов[35]. Николай II и императрица посетили Смоленск 31 августа 1912 г. В городе был открыт новый бульвар в честь юбилея Отечественной войны[36]. Спустя год, в сентябре 1913 г. на этом бульваре состоялось освящение и передача городу сооруженного военным ведомством памятника в честь смоленских боев 1812 г. Памятник был изваян в виде скалы, на вершине которой располагалось гнездо, символизирующее Россию. Два орла защищали это гнездо от галла, который с мечом в руке по уступу скалы пытался добраться до гнезда. Один из орлов лапой сдерживал руку, в которой враг держал меч. На лицевой стороне памятника имелась надпись: «Благодарная Россия героям 1812 года», а на оборотной стороне перечислялись имена героев, прославившихся при обороне Смоленска, — Барклая де Толли, Багратиона, Неверовского, Раевского и Дохтурова[37].

В начале августа 1912 г. в Калуге состоялось освящение Народного дома в память Отечественной войны 1812 г., сооруженного на средства, собранные княгиней Горчаковой. В Можайске 18 августа было открыто городское реальное училище в память об Отечественной войне. В Пернове

(сейчас Пярну в Эстонии) имя Александра I было присвоено мужской гимназии, а 26 августа был устроен благотворительный обед для нижних чинов и для бедных в богадельнях[38].

29 сентября 1912 г. в Верее Московской губернии был открыт памятник еще одному герою 1812 г.— генералу И. С. Дорохову, возглавлявшему партизанское движение и лихим набегом отбившему Верею у неприятеля, взяв при этом в плен целый французский гарнизон. Памятник был сооружен на личные средства командира Сумского гусарского полка полковника А. Ф. Рахманинова[39].

4. Трехсотлетие Дома Романовых.

«Ни один из предшествовавших юбилеев не возбуждал столько разнообразных чаяний и упований, как 300-летний юбилей царствования Дома Романовых,— упований, которые в большинстве остались неосуществленными»[40]. Символично, что этот юбилей пришелся на последний мирный год Российской империи.

Юбилей стал всенародным. Повсюду ощущался патриотический подъем. 300-летие Дома Романовых не воспринималось в обществе только как праздник правящей династии и ее ближнего окружения. Этот юбилей осознавался обществом как исключительно важная веха в истории страны, для которой последние 300 лет стали особым периодом становления государственности. Историк А. Е. Пресняков в предисловии к юбилейному шеститомнику «Три века» писал, что «под властью первых Романовых сложились и те основные черты русского государственного и социального слоя, которые господствуют до освободительных реформ Александра II», после чего наступил период «борьбы старого с новым в русской государственной и общественной жизни», начатый освобождением крестьян, а также «тяжко медленное» преобразование России в конституционное государство[41]. Видный царский бюрократ, московский губернатор в 1904—1912 гг. В. Ф. Джунковский выразил ту же мысль так: «За эти триста лет Россия совершила работу тысячелетий, развернулась на две части света и из безвестной Московии обратилась в необозримую и всевластную великую державу Российской империи. Романовы, особенно с воцарением Петра, двинули Россию богатырским шагом вперед и путем обогащения и завоеваний привели к мировому господству и всеобладанию, создав великую и цельную Россию»[42].

К юбилею готовились несколько лет и особенно интенсивно начиная с 1911 г. Для координации празднеств были организованы специальные

комитеты и комиссии, в частности Комитет по устройству празднования 300-летия со дня воцарения Дома Романовых под председательством А. Г. Булыгина и Романовская комиссия Государственной Думы. По всей России действовали местные комитеты под председательством губернаторов.

В праздновании юбилея можно выделить три значительных этапа — торжества в Петербурге в феврале 1913 г., «паломничество» Николая II с семьей по историческим местам романовской династии в волжские города в мае 1913 г., пребывание в Москве в конце мая 1913 г.

Начало празднования было приурочено к 21 февраля. В этот день в 8 часов утра в Санкт-Петербургской крепости раздался 21 пушечный выстрел, возвестивший о начале торжеств. Этот день, объявленный нерабочим по всей России, открылся литургией и благодарственным молебствием в Казанском соборе в Петербурге. На церемонии присутствовала вся царская семья во главе с Николаем II, императрицами Александрой Федоровной и Марией Федоровной, а также 4 тысячи приглашенных. На всем пути следования царских экипажей в собор и из собора (Николай II с наследником Алексеем ехали в открытой коляске вслед за конной сотней конвоя, члены которого были в нарядных красных черкесках и с ружьями на бедре) стояли войска и курсанты военно-учебных заведений. Очевидец сообщал, что «гул стоял в воздухе по всему пути следования царского поезда, знамена склонились, хоры музыки играли встречу, сменявшуюся гимном, все колокола церквей гудели»[43].

Вернувшись с церковной службы в Зимний дворец, император с 4 часов дня принимал поздравления от придворных, высших государственных чинов, генералов и адмиралов. От Синода ему была поднесена грамота на пергаменте. С речью выступил председатель Государственной Думы М. В. Родзянко. Вечером общественность столицы собралась в помещении городской думы, красиво убранном в честь праздника. Состоялся концерт с участием лучших русских артистов и роскошный ужин. А на улицах города в это время происходило народное гулянье. Невский проспект и Большая Морская улица были украшены гирляндами электрических лампочек. Движение экипажей было прекращено, и толпы народа шли сплошной стеной. Все были на эмоциональном подъеме, то тут, то там слышалось пение гимна. Чтобы избежать скученности людей в центре города, народные гулянья с фейерверками были устроены также на окраинах Петербурга — в Екатерингофском парке, на Горячем поле, в Народном доме императора Николая II, на Гаваньском поле, в Петровском парке, на аэродроме близ Царскосельского вокзала, в Лесном, в Царском городке и других местах. Вечером и в центре и здесь состоялся фейер-

верк. В этот день было объявлено об амнистии из петербургских тюремных заведений, и освобождено до 1300 заключенных.

На следующий день, 22 февраля, прием поздравлений семейству Романовых продолжался. С 11 часов утра в концертном зале Зимнего дворца принимали представителей дворянства, земств и городов, различных обществ, а с 5 часов вечера — представителей дипломатического корпуса. Вечером состоялся парадный спектакль в Мариинском театре. По традиции, как и во время других крупных государственных праздников, шла опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».

В этот вечер публика выглядела чрезвычайно нарядно из-за многоцветья парадных мундиров, как русских зрителей, так и множества иностранцев, приглашенных на спектакль. Сам Николай II был в красном с золотом мундире — бальной форме Лейб-гвардии Конного полка. Когда поднялся занавес и перед публикой предстали артисты в русских национальных костюмах, радость эмоций прорвалась наружу — раздалось мощное «ура». Все взоры обратились к царской ложе. Роли в опере исполняли лучшие российские певцы — Нежданова, Збруева, Касторский, Ершов. В танцевальном акте участвовали ведущие балетные силы, включая Матильду Кшесинскую, Ольгу Преображенскую, Анну Павлову, Елизавету Гердт. А в финальной сцене, где звучал хор «Славься!», участвовала вся оперная труппа во главе со Славиной, Собиновым, Фигнер, Долиной, Каменской. Оркестром дирижировал Э. Ф. Направник.

В субботу 23 февраля с 12.30 часов дня император (в сопровождении министров) принимал поздравления от волостных старшин и других представителей сельского населения, приехавших в Петербург со всех концов России, а обе императрицы в то же время — поздравления от придворных дам и знатных петербурженок. Вечером в Дворянском собрании состоялся бал, устроенный петербургским дворянством. Зал Дворянского собрания был украшен тропическими растениями, к которым во время танцев добавилось множество корзин со свежей белой сиренью, фиалками, розами, нарциссами, мимозой, столь экзотически смотревшимися в холодный февральский вечер. Николай II с Александрой Федоровной и дочерьми Ольгой и Татьяной прибыли туда в 9.30 вечера. Предводитель дворянства князь Салтыков преподнес им хлеб-соль. Бал открылся торжественным полонезом из «Жизни за царя». Согласно этикету, в первой паре шел сам император с супругой петербургского уездного предводителя дворянства Сомовой, во второй — мать-императрица Мария Федоровна с князем Салтыковым, а в третьей — императрица Александра Федоровна с Сомовым. В этот вечер Николай II был одет в бальную форму Лейб-гвардии Николаевского гусарского полка — белый ментик с бобровой выпушкой.

За полонезом последовал вальс, который открыла пара, состоявшая из князя Салтыкова и великой княжны Ольги. Конечно, все внимание публики, а на балу присутствовало 3 тысячи участников, было приковано в этот вечер к Ольге и ее сестре Татьяне, которые «танцевали все время, ... были очаровательны, особенно Ольга Николаевна, которая одной своей чарующей улыбкой и каким-то особенным вниманием ко всем, при необычайной скромности и женственности, привлекала к себе все сердца»[44],— как писал мемуарист.

В воскресенье 24 февраля в семь часов вечера был дан парадный обед в Зимнем дворце. А до этого, в час дня Николай II посетил Народный дом своего имени, где на бесплатные спектакли (опера «Жизнь за царя» и драматическое представление «Воцарение дома Романовых» шли параллельно в двух залах) собралось 4 с половиной тысячи гимназистов, студентов и учащихся других учебных заведений. В Народном доме царь пробыл два часа, обходя во время антрактов группы детей и молодежи и беседуя с ними.

Парадный обед, которым завершились торжества, шел одновременно в четырех залах Зимнего дворца. Столы были накрыты на несколько тысяч человек. Меню, лежавшие на приборах, были оформлены в стиле XVI в. Во время обеда за здоровье играли на трубах и литаврах, прозвучал салют — 51 выстрел за здравие их величеств, 31 выстрел — за здравие наследника, 61 выстрел — за здравие духовных особ и всех верноподданных.

Вся столица в дни торжеств была празднично украшена, чувствовалось приподнятое настроение. Однако невыгодное впечатление даже на бывалых военных производило огромное количество нарядов полиции. В. Ф. Джунковский, назначенный в то время командиром корпуса жандармов, писал, что «город буквально был обращен в военный лагерь», и критиковал администраторов, которые, «боясь за свою шкуру, своими распоряжениями... способствовали только увеличению числа недовольных» и не понимали, что в дни патриотического подъема демонстрировать недоверие к народу не следовало[45].

Событийно насыщенными были юбилейные торжества в Костроме и других поволжских городах, состоявшиеся в мае того же 1913 г. Программа путешествия (современники называли его также «паломничеством») императора Николая II с семьей включала посещение тех городов, по которым 300 годами раньше двигался в Москву первый царь из династии Романовых — Михаил.

Путешествие началось во Владимире, куда царь с семьей прибыл на поезде, впереди которого в целях безопасности шли два других императорских поезда с интервалом в один час. Сразу по прибытии в старинный

русский город, основанный в 1108 г., царское семейство на автомобилях поехало в Успенский собор. Ликующая толпа, стоявшая по обеим сторонам центральных улиц приветствовала царя. В Успенском соборе Николай II приложился к чудотворной иконе Владимирской Богоматери, а также к мощам князей Георгия, Андрея Боголюбского и Глеба. После Успенского собора последовало посещение Дмитриевского собора — выдающегося памятника владимиро-суздальской архитектуры, построенного великим князем Всеволодом в 1193—1197 гг.

После этого царская семья разделилась на две части — императрица Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем отправились в Боголюбово, а император с дочерьми посетил Суздаль. Вдоль всего шоссе, где ехали царские экипажи, стояли десятки тысяч человек. «...Народ, собиравшийся со всей губернии и не попавший в самый Владимир, толпами шел и располагался на 34-верстной дороге из Владимира до Суздаля и от Суздаля до Боголюбова... По старому русскому обычаю на всех перекрестках дорог крестьяне ставили столы с хлебом-солью»[46]. Прибытие царя было редким, удивительным событием для народа. На въезде в Суздаль высилась арка, украшенная гирляндами зелени и цветов с надписью «Боже, Царя храни», а на мосту через реку Каменку — еще одна со словами: «Суздальское земство своему Государю бьет челом»[47]. Когда царь появился на центральной площади Суздаля, украшенной цветами, зеленью и коврами, то, по свидетельствам очевидцев, восторженные крики многотысячной толпы заглушили звон колоколов. Все были настолько взволнованы встречей, что многие плакали.

В Суздале Николай II осмотрел церковные святыни, в том числе Образ Нерукотворного Спаса, принесенный из Греции в 990 г., почтил мощи святого Федора и святой Ефросинии, а потом участвовал в литии на могиле князя Д. М. Пожарского в Спасо-Евфимиевском монастыре. Вечером царь с дочерьми заехал в древнее Боголюбово, по преданию, основанное князем Андреем Боголюбским в 1158 г. по случаю чудесного явления ему Богоматери, помолился перед тамошними святынями, а также принял ряд депутаций от хуторян, рабочих, крестьян, земства, которые специально прибыли к монастырю. Из Боголюбова император был доставлен к станции железной дороги, куда вскоре прибыл императорский поезд с императрицей и наследником. В десятом часу вечера поезд направился в Нижний Новгород — начальный пункт путешествий по Волге.

На следующее утро царский поезд был уже в Нижнем Новгороде. Опять ликующая, нарядная толпа. Опять крики «ура», сопровождавшие коляски с царской семьей на всем пути от вокзала к кафедральному собору. На паперти собора Николая II встретил архиепископ нижегородский

Иоаким. Царь приложился к кресту и прошел с семьей внутрь храма, где опустился на колени перед гробницей Козьмы Минина. Затем состоялась закладка памятника Минину и Пожарскому. Потом прошел военный парад и прием царем должностных лиц, волостных старшин и других представителей крестьянства. Николай II посетил также новое здание Нижегородского отделения Государственного банка, выстроенное в древнерусском стиле. Из банка царь поехал в Дворянское собрание.

В семь часов вечера состоялся роскошный прием в честь царя с семейством на барже, где собрались ведущие судовладельцы Волги, Камы и Оки, а также руководители Биржевого общества. Здесь наследнику Алексею в качестве подарка преподнесли на память модель парохода. В это время на берегах Волги собрались десятки тысяч народа, и постепенно все сильнее звучал национальный гимн «Боже, царя храни» в эмоциональном порыве исполняемый людьми, пришедшими проводить императора. С баржи государь с семьей перешел на пароход «Царь Михаил Федорович», и там состоялся парадный обед на 100 персон. Все это время звуки гимна с берегов, по воспоминаниям очевидцев, не умолкали. Смеркалось, и вскоре иллюминация осветила Кремль, центр города и ярмарочное место. После окончания обеда, в 11 часов вечера царь с семейством перешел на пароход «Межень». Царская флотилия пошла вверх по Волге, в сторону Костромы, в сопровождении парохода «Царь Михаил Федорович» и парохода министра путей сообщения Рухлова, на котором находились председатель Совета министров В. Н. Коковцов и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. При отбытии флотилии зазвонили колокола всех нижегородских церквей и вновь послышалось мощное хоровое пение с берегов — сначала пели гимн, а потом любимую народом песню «Вниз по матушке по Волге».

Весь следующий день, 18 мая «Межень» без остановок плыл по великой русской реке. На волжских берегах толпами собирался народ. За несколько дней до этого по населенным пунктам береговой полосы начались работы по украшению берега нарядными арками, национальными флагами, панно с вензелями и государственными гербами, а также мачтами, перевитыми гирляндами зелени и лентами цветов национального флага.

В Костроме Николай II должен был провести два дня. К его приезду здесь реставрировался Ипатьевский монастырь, сооружался Романовский музей, строилась на средства местной благотворительницы Рылеевой больница Красного Креста[48]. Газета «Новое время» отмечала, что «предстоящие торжества... внесли оживление в тихую и монотонную жизнь Костромы»[49].

Рано утром 19 мая пароходы торжественно подошли к особо устроенной у Ипатьевского монастыря пристани. Их приветствовали тысячи человек на берегах реки, а также на плотах и на лодках. У ворот Ипатьевского монастыря императора встретил архиепископ Тихон с братией. Он держал список знаменитой Федоровской иконы Богоматери, которой в 1613 г. инокиня Марфа благословила на царство своего сына Михаила — первого царя династии Романовых. В Ипатьевском монастыре состоялось богослужение в Успенском соборе, после чего царь и вся императорская фамилия осматривали в «Романовских палатах» предметы начала XVII в. Надо сказать, что эта поездка в Кострому была для Николая II первым посещением старинного русского города, и потому все события приобретали какую-то особую остроту и яркость.

Переехав через Волгу в город, царь осмотрел в Костроме Романовский музей, затем посетил Дворянское собрание. В честь прибытия императора костромским дворянством был учрежден благотворительный «Романовский капитал» в размере 500 тыс. руб. Вечером августейшая семья на пароходе «Царь Михаил Федорович» давала обед, на котором присутствовал цвет костромской административной и церковной элиты. Поскольку незадолго до этого в Костроме было устроено электрическое освещение, то гирлянды лампочек украшали Ипатьевский монастырь, центральные постройки города и пароходы, стоявшие на приколе близ Костромы. В 11 часов вечера вблизи Ипатьевского монастыря был устроен красочный фейерверк, а в это время множество лодок, наполненных людьми, сновали по широкой водной глади Волги. Народные гуляния продолжались всю ночь.

Центральным событием 20 мая стала закладка памятника Дому Романовых — памятника, деньги на который собирались по всей России в виде народных пожертвований. Церемония началась с величественного крестного хода, причем облачения духовенства были специально сшиты к этому дню из золотисто-розовой и зеленой парчи «под древний рисунок», а певчие были одеты в синие узорчатые стихари. Царь с семейством шли за крестным ходом на место закладки памятника, где состоялось молебствие. Николаю II был преподнесен именной кирпич, окропленный святой водой, и подан молоток, с помощью которого государь уложил этот кирпич в основание памятника. Вслед за монархом то же самое проделали и другие представители царской семьи. После закладки памятника состоялся военный парад, а потом царь встречался с различными депутациями в саду губернаторского дома. Почти все репортеры, освещавшие ход поездки царя, не оставили без внимание его встречу с так называемыми «бело-

пашцами» — потомками костромского крестьянина Ивана Сусанина и его зятя Василия Сабинина. Эти крестьяне, которых на встрече присутствовало три десятка человек, были навечно освобождены от государственных податей в знак признательности за то, что их предок ценой собственной жизни спас царя, заведя врагов-поляков в болота.

В жизни российской провинции, приезд царя был выдающимся событием, запоминавшимся на всю жизнь. Конечно, были предприняты чрезвычайные меры охраны государя (дед которого Александр II погиб в результате покушения). Это было неудивительно, поскольку все время поездки Николай II периодически выходил к народу, при этом вел себя очень естественно и просто, что подкупало всех, близко видевших его. Иногда при этом происходили трагикомические случаи. Один из них произошел в Костроме. Волостной старшина, подносивший хлеб-соль от волнения не мог вымолвить ничего из заготовленной речи, кроме фразы «Ваше императорское величество». Он повторил эту фразу несколько раз и ничего больше не мог вспомнить. По свидетельству В. Ф. Джунковского, на старшину было жалко смотреть. Ситуация была спасена тактичностью императора, который «ласково улыбнулся и сказал ему: «Что же ты еще мне скажешь?» Далее неизменно восхищавшийся Николаем II Джунковский пишет, что «ободренный ласковым тоном государя и его добрым взглядом, старшина воскликнул: «Ура вашему императорскому величеству!» и подал хлеб-соль. Государь со словами «Вот и хорошо» взял за плечи несчастного растерявшегося старшину и поцеловал его три раза. У многих старшин на глазах появились слезы, все были растроганы этой сценой» [50].

После этой встречи Николай II посетил офицерское собрание и казармы, больницу Красного Креста, осмотрел древнюю церковь Воскресения. Много внимания он уделил земской кустарно-промышленной выставке — в красивых павильонах в древнерусском стиле были представлены изделия костромичей.

Утром 21 мая звоном колоколов 77 церквей царя встречали в старинном русском городе Ярославле. На пристани Николая II приветствовал рапортом губернатор, а затем городской голова Щапов с гласными преподнесли государю хлеб-соль. После этого царская семья направилась в Успенский собор. За утро были осмотрены три древнейших церкви Ярославля, а также Спасо-Преображенский монастырь, где царь приложился к святым мощам ярославских чудотворцев святых Федора, Давида и Константина и посетил покои, в которых по пути из Костромы провел в 1613 г. 26 дней его предок царь Михаил Федорович. После парадного завтрака царь с дочерьми поехал на открытие сиротского приюта, основанного в память 300-летия Дома Романовых, а после этого на выставку мест-

ных ярославских производств[51]. Особо торжественным было посещение Толгского монастыря.

Поздно вечером царское семейство на поезде отправилось в Ростов, где на следующий день, 22 мая они осмотрели древней Кремль и музей церковных древностей, а также отзавтракали в здании городского управления по приглашению местного городского головы.

23 мая императорский поезд сделал остановку на станции Петровск. Близ Петровска, на огромной поляне состоялась еще одна запланированная встреча — на этот раз с сельскими должностными лицами Ярославской губернии, хуторянами, деятелями землеустройства. Там Николай II провел один час, в течение которого обходил одну за другой группы крестьян, беседовал с ними, расспрашивал об их хозяйствах.

Следующий отрезок путешествия — из Петровска в Переславль — был проделан на автомобилях (в колонне их было более 20). И здесь на протяжении всех 50 верст пути по обеим сторонам шоссе стояли толпы народа, приветствуя своего монарха. На границе Ярославской и Владимирской губерний императорскую семью встречал владимирский губернатор И. Н. Сазонов. В Переславле были осмотрены не только церковные древности, но также музей, посвященный основанию российского флота, и в том числе ботик Петра I «Фортуна». Из Переславля царь вернулся в Петровск и оттуда собственным поездом отбыл в Москву через Сергиев Посад, потому что по пути была запланирована остановка в Сергиевом Посаде и посещение Лавры. К приезду высочайшей персоны на станции Сергиево всю платформу устлали красным сукном и коврами, а станционный павильон превратили в настоящий зимний сад — там все было украшено кадками с тропическими растениями и живыми цветами. В Сергиевом Посаде царь пробыл два с половиной часа, а после продолжал свой путь в Москву.

Утром 24 мая императора встречала первопрестольная столица. Царь на четыре торжественных дня прибывал в город, где 300 лет назад состоялось всенародное избрание на царство Михаила Федоровича Романова[52]. Уже с утра на центральных улицах наблюдалось необычайное скопление народа. Все стремились занять места вдоль Тверской, по которой поедет царский кортеж. По одну сторону улицы в шеренгу стояли войска в парадной форме, по другую — москвичи. На площади возле городской думы было собрано 10 тысяч учащихся начальных школ, а на Красной площади — курсанты военно-учебных заведений и толпы народа.

На вокзале Николая II встречали градоначальник, а также городской голова с гласными думы, преподнесшие хлеб-соль. Затем конный кортеж во главе с императором, ехавшим на коне золотистой масти, двинулся к

Кремлю. Впереди ехала сотня царского конвоя в красных черкесках. За кортежем шла коляска с императрицей Александрой Федоровной и царскими детьми. У Иверской часовни вся процессия остановилась, чтобы приложиться к чудотворной иконе. Через Иверские ворота царь въехал на Красную площадь, где его встречали ликующие толпы народа. Потом Николай II пересек Красную площадь и подъехал к Спасским воротам, где митрополит Макарий приветствовал, а затем благословил царскую семью. Въехав в пределы Кремля, царь через выстроившиеся колонны кадетов, высших гражданских и военных чинов, представителей депутаций земств, городов и сословий император направился в Архангельский собор, чтобы поклониться гробнице царя Михаила Федоровича. Тут была отслужена лития. Вечером повсюду в Москве вспыхнула великолепная иллюминация.

На следующий день, 25 мая в 11 часов утра состоялся торжественный выход в Успенский собор через Красное крыльцо. Уже в 9 часов утра над Москвой поплыл гул колоколов Ивана Великого, который был подхвачен перезвоном колоколов всех восьми с половиной сотен московских храмов. Как только император вышел на Красное крыльцо, церковный звон разом смолк. В это время государю преподнесли хлеб-соль от депутации из 300 крестьян Московской губернии. В Успенском соборе состоялись литургия и молебен, которые служил митрополит Макарий. После обеда царская семья осматривала историческую церковную юбилейную выставку, откуда поехала в дом бояр Романовых на Варварке — старейшее здание, принадлежавшее в Москве их предкам и бережно восстановленное как историческая святыня в 1859 г. Вечером в залах Большого Кремлевского дворца был дан парадный обед на 700 человек. Музыкальная программа, сопровождавшая обед, состояла из произведений русских композиторов. Изысканное меню включало «суп черепаховый и пюре из кур со спаржей; пирожки; стерлядь по-императорски; седло дикой козы с гарниром; цыплята с трюфелями; пунш „Виктория"; жаркое: утки и пулярды; салат и огурцы; спаржа с соусом; персики „Кардинал"; мороженое парижское; десерт»[53].

26 мая Николай II принимал многочисленные депутации, после чего с семьей отправился в Новоспасский монастырь (в Крутицах, за Таганкой), чтобы поклониться могилам своих предков, прежде всего гробнице инокини Марфы, матери царя Михаила Федоровича. И вновь вдоль улиц стояли толпы народа, звонили колокола церквей. После литургии, император и его семья на коленях помолились перед гробницами. Потом они осмотрели новый храм, выстроенный в монастыре в честь 300-летия Дома Романовых на средства купца Грачева. После Новоспасского монастыря

состоялось посещение Марфо-Мариинской обители. Последующие несколько часов были отданы посещению Московской купеческой управы, где в честь гостей был дан концерт воспитанников Мещанских училищ и устроена выставка ученических работ. Дом купеческой управы был украшен розами. Закончился второй день пребывания императора в Москве балом в Дворянском собрании. Колонный зал весь сиял огнями и был украшен пальмами и живыми цветами. По традиции бал открылся торжественным полонезом М. И. Глинки из оперы «Жизнь за царя», и в первой паре Николай II шел с супругой уездного предводителя дворянства А. В. Базилевской. Здесь, на балу, императорская семья оставалась до часу ночи, с удовольствием приняв участие в ужине, который дало московское дворянство.

В последний день торжеств, 27 мая царь принял членов юбилейного Романовского комитета и поблагодарил всех, кто принимал участие в подготовке торжеств. Потом состоялся осмотр Оружейной палаты. Программу празднеств завершал прощальный завтрак с участием уездных предводителей московского дворянства. Обратный путь высоких гостей из Кремля к вокзалу проходил под несмолкаемые крики «ура» тысяч москвичей.

В четыре часа императорский поезд отошел от перрона Александровского вокзала и направился по направлению к Царскому Селу.

Так прошли две недели, ставшие апогеем романовских торжеств. В эти дни было роздано немало наград и подарков. Тысячами раздавались, в частности, золотые юбилейные монеты лицам простого звания (в последующие десятилетия уже советского времени история этих монет обрастала многими легендами). Велика была и радость школьников — их по случаю праздника освободили от годовых экзаменов.

Наряду с официальными церемониями в 1913 г. во многих местах страны происходили интереснейшие события, связанные с празднованием 300-летнего юбилея Дома Романовых. Юбилеем заинтересовались кинематографисты. 13 января 1913 г. Красная площадь представляла собой необычайное зрелище. Здесь производились съемки богато костюмированного фильма о событиях начала XVII в. Длинная вереница бояр, священников, всадников, стрельцов в костюмах эпохи царя Михаила Федоровича вышла из Кремля через Спасские ворота и направилась к Лобному месту. Число статистов составляло более двух тысяч человек. С Лобного места священники объявляли об избрании царем Михаила Федоровича. Статисты кричали «ура», бросали вверх шапки, выражая свою бурную радость. Съемки привлекли много зрителей из прохожих и зевак, а поскольку зрелище было в новинку, то, как писал репортер: «Посторонняя

публика, наблюдавшая это представление, моментами забывалась и сама принимала участие, бросая шапки вверх и прорываясь из цепи вперед к статистам»[54].

А несколькими днями ранее киносъемка состоялась на Воробьевых горах, где снимались сцены фильма в заснеженном лесу. Статисты, изображавшие «народные типы» (посохи, клочковатые бороды, зипуны), на коленях стояли вдоль дороги, по которой ехал богато изукрашенный царский возок и шла толпа бояр в дорогих одеждах. Кроме статистов в съемках приняли участие артисты императорских театров[55].

К юбилею были изданы почтовые марки с портретными изображениями всех русских императоров начиная с Петра I. Был открыт целый ряд крупных инженерных сооружений — мостов, каналов, общественных зданий. Все они получили название Романовских. Так, например, 21 февраля был открыт новый железнодорожно-пешеходный мост через Волгу в Ярославле. Другой мост начал действовать с 11 июня около Свияжска (примерно в 40 км к северу от Казани)[56].

5 октября 1913 г. в Туркестане, в Голодной степи был открыт построенный на средства казны Романовский канал, бравший начало из Сыр-Дарьи. Работы по его сооружению были начаты еще в 1900 г. и в первые десять лет шли очень трудно и медленно. Но в 1911 г. стройка была передана известному подрядчику инженеру Чаеву, под руководством которого пошла быстрыми темпами. Романовский канал для своего времени считался чудом техники. Выемка грунта осуществлялась при помощи экскаваторов. Стоимость работ оценивалась в 7 с лишним млн руб. Канал должен был оросить 60 тыс. десятин безводной солончаковой земли, причем 20 тыс. десятин предполагалось в будущем засеять хлопчатником. Новые земли могли дать 1 млн пуд. хлопка для нужд отечественной текстильной промышленности. Орошаемые области предполагалось заселить русскими крестьянами-переселенцами, а в дальнейшем устроить разветвленную сеть каналов, чтобы оросить еще 160 тыс. десятин бесплодной земли[57].

Большой вклад в празднование 300-летия внесли местные самоуправления. По инициативе городских дум было решено открыть: агрономический институт в Полтаве, сельскохозяйственные институты в Минске и Новониколаевске (Новониколаевская городская дума приняла постановление об ассигновании на это 1,5 млн руб.), коммерческий институт в Казани. Ходатайства городских дум были направлены в Петербург. В Саратове к новому учебному 1913/1914 г. открылся Николаевский университет. Был открыт также целый ряд средних учебных заведений, в том числе политехникум в Нижнем Новгороде (городской думой было ассигновано 100 тыс. руб.), мужские гимназии в Ольгополе, Кременчуге, Белеве

Тульской губернии, Новых Ушицах Подольской губернии и в других городах, а также реальные училища в Костромской и Псковской губерниях.

Не только земства и муниципалитеты создавали новые учебные заведения. Романовская комиссия приняла постановление об открытии 93 учительских семинарий, чтобы решить проблему нехватки учителей начальной школы. Реализация этой программы, рассчитанной на 5 лет и оценивавшейся в 20 млн руб. из средств государственного бюджета, должна была стать важной вехой на пути к введению в России всеобщего начального обучения. Кроме семинарий, предполагалось также учредить в Костроме — городе, с которым было связано начало царствования Романовых,— педагогический институт с 4,5-годичным сроком обучения для лиц обоего пола. На это собирались отпустить из казны 2 млн руб.[58]

Кроме учебных возникло много благотворительных заведений. Московские промышленники решили создать приют для малолетних детей рабочих, погибших на фабриках и заводах от несчастных случаев. За короткий срок на эти цели было собрано несколько десятков тыс. руб. Ярославская городская дума ассигновала 10 тыс. руб. на постройку приюта для детей-сирот. Были учреждены «романовские стипендии» для беднейших учащихся в различных учебных заведениях в Саратове, Тамбове, Ростове-на-Дону, Туле. Стипендии финансировались городскими думами, биржевыми комитетами, земствами

Юбилей отмечался оригинальными памятными знаками. К примеру, в Москве на Цветном бульваре был воздвигнут обелиск из ... цветов, открытый 10 июня и финансированный на средства из городского бюджета. Он был выдержан «в тоне зеленого мрамора» и представлял собой холм высотой примерно в два человеческих роста, увенчанный колонной с двуглавым орлом. Холм имел форму четырехгранной пирамиды (со стороной подошвы примерно 6 метров), на гранях которой размещались выложенные из цветов картины. Смысловым центром композиции было панно (одно из четырех) с изображением башен Кремля на фоне голубого неба с плывущими по нему белыми облаками[59].

Своеобразными символами начала XX в. были легендарные автопробеги и авиаперелеты, собиравшие тысячи зрителей. Технические новинки завораживали публику. В честь 300-летнего юбилея Дома Романовых был объявлен Романовский перелет, призовой фонд которого составил 10 тыс. руб. Авиатору-победителю надо было преодолеть расстояние от Москвы до Петербурга и обратно за 48 часов. Немало отважных летчиков попробовали силы в этом испытании. Газетчики называли и возможных фаворитов авиаперелета, например летчиков Самойло и Павленко, которые одними из первых пытались преодолеть дистанцию. Но их первая по-

пытка не удалась — неожиданно в конце сентября 1913 г. пошел снег, и из-за снежного бурана экипаж не долетел до финиша. В ноябре сделал свою попытку А. А. Васильев. Он благополучно долетел из Петербурга до Москвы и без посадки отправился в обратный путь. К несчастью, за 270 верст до Петербурга мотор самолета испортился, и летчик был вынужден приземлиться. В конце концов Васильев все-таки долетел до столицы, но весь путь занял у него 51 час (вместо 48), и приза он не получил[60]. Один из участников Романовского перелета — Ганьшин — разбился, получив тяжелые травмы. Летчик стал выздоравливать, однако над ним висел приговор врачей, которые сказали, что из-за тяжести травм Ганьшин вскоре начнет сходить с ума. Ганьшин решил не дожидаться своего тяжелого конца — в ноябре 1913 г. он собрал своих друзей, включая дам, в отдельном кабинете шикарного петербургского ресторана. Играл нанятый Ганьшиным оркестр, и когда зазвучал заказанный авиатором популярный мотив песни «В последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья, а завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя родня» — Ганьшин, неожиданно для присутствующих застрелился. Эта трагедия вызвала большие толки, получив название «Смерть под музыку»[61].

К юбилею была издана и специальная литература. Особенно большим успехом пользовались исторические исследования. Только в 1913 г. было опубликовано 402 книги, посвященные юбилею Дома Романовых. Они вышли тиражом более 4 млн экз.[62]

Широко праздновавшийся в больших и маленьких городах и деревнях России 300-летний юбилей Дома Романовых вызвал подъем национального чувства. И этот грандиозный праздник, по воле исторической судьбы, стал фактически, последним ярчайшим событием мирного времени.

Всего лишь через год атмосфера оптимизма была уничтожена трагедией первой мировой войны.

* * *

Рассмотрение церемониала национальных торжеств показывает, что все подобные акции были четко регламентированы. В ходе последнего царствования постепенно формировалась концепция образа монарха, присущая именно Николаю II, отличавшемуся от своих предшественников мягким (по мнению некоторых авторов, слабовольным) характером и неброским поведением.

Ничто не должно было опорочить образ царя и истории династии Романовых. Здесь следует отметить, по крайней мере, два характерных эпизода. Был запрещен ряд сувениров, выпущенных к юбилею Бородинской

битвы, например, платки с изображением Александра I и фарфоровые пепельницы с портретами Александра I и Наполеона, сделанные частными предпринимателями в Москве[63]. Целая дискуссия развернулась в 1913 г. в связи с выпуском серии марок с портретами царей Дома Романовых. Представители высшего духовенства осуждали подобную коммерциализацию — прежде всего их смутили цены — три копейки за Александра III и одна копейка за Петра Великого. По их мнению, этим осквернялся священный образ монарха. Вскоре выпуск новых марок был прекращен[64].

В описываемый период постепенно складывается ритуал торжеств, отражавший взгляды и вкусы последнего российского монарха. Глубокая религиозность Николая II, отмечаемая всеми без исключения его современниками, а также нынешними историками[65], нашла свое отражение в заполнявших все церемониальные мероприятия бесконечных молебнах, в почитании православных святынь, в вынесении интимного акта молитвы Господу на широкие пространства — на Красной площади, на полях Бородинского и Полтавского сражений царь смиренно преклонял колени во время молитвы, ничем не выделяясь среди своих подданных. Несомненно, такое поведение вызывало уважение в народе. Другим моментом, который необходимо отметить, являлось сильное пристрастие царя к различным военным парадам. Прошедший хорошую военную подготовку, Николай II чувствовал себя в военной среде естественно и уверенно. Поэтому любой торжественный ритуал с участием царя включал в себя и военный парад.

Во время торжественных празднеств обнаружилась и еще одна черта личности Николая II. С искренним интересом он встречался с представителями крестьянского сословия. И постепенно «выход к простому народу» стал воплощаться именно во встречах и неспешных беседах с сельскими депутациями. В Полтаве он поехал в лагерь волостных сельских выборных, во время Бородинского юбилея неожиданно для сопровождавших, уговаривавших его не ехать по размытой дождями дороге, решил свернуть в деревню Утица, где тоже беседовал с крестьянами.

Между тем поездки эти, по мнению полицейских чинов, были небезопасными. Каждый раз во время разъездов императора по стране значительные средства тратились на организацию охраны. Иногда с охраной настолько перебарщивали, что, как писал В. Ф. Джунковский, существовала угроза возникновения неприятного впечатления, что власть очень боится народа. С. Ю. Витте писал в воспоминаниях, что поездка царя в Полтаву «стоила очень много денег в смысле охраны государя», причем Витте возмущало то, что об израсходованных на это 250 тыс. руб. от ответственных лиц даже не потребовали никакого отчета[66].

Эпоха последнего царствования вызывала, вызывает и будет вызывать немало различных оценок, споров и интерпретаций. Одним из инструментов исследования является выявление «идейного облика» эпохи. В отличие от своих венценосных предков XVIII—XIX вв., в значительной степени стремившихся демонстрировать стремление России к европейскому идеалу при сохранении черт национальной самобытности, последний российский император ориентировался на роль московского царя и смиренного христианина, что, по мнению современных историков, с которым нельзя не согласиться, было выражением национальных и исторических корней русского самодержавия[67].

Однако встречный процесс десакрализации верховной власти, который в начале XX в. стремительно набирал в России силу, обрек на неудачу все попытки создать в стране атмосферу единения царя и народа. Невозможно было исполнять роль национального лидера в стране, где все было взвихрено ветрами эпохи. Несмотря на очевидную невыполнимость этой задачи, поиски нового поведения царя и его взаимоотношений с подданными не прекращались, наиболее ярко проявляясь во время национальных торжеств.

Примечания

[1] См.: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России 1900—1910-х годов. М., 1988. С. 7.

[2] Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 173—174.

[3] См.: Новое время. 1903. 16 мая.

[4] Там же. 17 мая.

[5] Там же.

[6] Там же. 15 мая.

[7] Там же. 16 мая.

[8] См.: Там же. 17 мая; *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 21—22.

[9] См.: Новое время. 1903. 17 мая.

[10] См.: Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992. С. 265.

[11] См.: Новое время. 1903. 13 мая.

[12] Там же. 17 мая.

[13] Там же. 15 мая.

[14] Русское слово. 1909. 26 июня.

[15] Там же. 24 июня.

[16] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 401.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 402.

[19] Там же. С. 403.

[20] Русское слово. 1909. 25 июня.

[21] *Джунковский В. Ф.* Указ.соч. Т. 1. С. 362—363.

[22] Новое время. 1912. 5 августа.

[23] Искры. 1912. № 9.

[24] Там же. № 27.

[25] Новое время. 1912. 22 сентября.

[26] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 18—19.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 25.

[29] См.: Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 599.

[30] Новое время, 1912. 18 августа.

[31] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 26.

[32] По свидетельству Джунковского, решением комитета по устройству Музея 1812 г. попечителем этой церкви стал Алексей Александрович Бахрушин, известный основатель театрального музея в Москве. Ко дню торжеств он лично организовал перевозку церкви, иконостаса и утвари в Бородино и руководил ее установкой. Он также отпечатал на свои деньги роскошное издание «Походная церковь императора Александра I» и преподнес его царской семье.

[33] Искры. 1912. № 12.

[34] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 57.

[35] Искры. 1912. № 31; Новое время. 1912. 3 августа.

[36] Искры. 1912. № 35.

[37] Там же. 1913. № 37.

[38] Новое время. 1912. 6 августа.

[39] Искры. 1913. № 39.

[40] Русская школа. 1913. № 3. С. 92.

[41] Три века. (Репринт). Т. I. М., 1991. С. 9.

[42] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 145.

[43] Там же. С. 149.

[44] Там же. С. 154.

[45] Там же. С. 148.

[46] *Богданович Е. В.* Историческое паломничество нашего царя в 1913 году. СПб., 1914. С. 21.

[47] Там же.

[48] [*Виноградов Н. Н.*] Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 года. Кострома, 1913. С. 21.

[49] Новое время. 1912. 12 августа.

[50] *Джунковский В. Ф.* Указ.соч. Т. 2. С. 200.

[51] См.: Пребывание их Императорских Величеств в Ярославской губернии в лето 1913-ое месяца мая в 21—23 день. Б. м., б.г.

[52] О церемониале см.: Справочная книга к торжествам во время Высочайшего пребывания в Москве в мае 1913 г. М., 1913; Высочайше утвержденный порядок торжественного празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Москве, в мае месяце 1913 г. Б. м., 1913.

[53] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 211.

[54] Искры. 1913. № 3.

[55] Там же. № 2.

[56] Там же. № 9, 27.

[57] Там же. № 41. С. 324—326.

[58] Русская школа. 1913. № 3. С. 93.

[59] Искры. 1913. № 39. С. 45.

[60] Там же. № 39. С. 45.

[61] Там же. С. 48.

[62] Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 358.

[63] Новое время. 1912. 19 августа.

[64] См.: *Вортман Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или Революция? Россия 1861—1919. Материалы Международного коллоквиума историков. СПб., 1992; *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997 и др.

[65] См., например: *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997.

[66] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. III. Таллинн — Москва, 1994. С. 502.

[67] См.: *Боханов А.* Н. Николай II; *Вортман Р.* Николай II и образ самодержавия.

Г. Н. Ульянова

За полтора десятилетия XX в. система образования Российской империи сделала гигантский шаг вперед. Если учесть, что развитие школы для широких масс населения фактически началось только с отмены крепостного права[1], то надо признать несомненные успехи системы образования на всех уровнях. При этом следует отметить, что развитие этой системы прежде всего стимулировалось подвижнической деятельностью русской интеллигенции, лозунгом которой начиная с 1860-х гг. стала «борьба с народным невежеством».

В начале XX в. развитие народного образования шло особенно быстрыми темпами. Но, несмотря на все достижения в этой области, в обществе не было удовлетворения от состояния системы просвещения. Широкие общественные и частные контакты русской публики со странами Европы рождали в общественном мнении чувство неполноценности и понимание того, как много еще предстоит сделать в России, чтобы приблизиться к желаемому идеалу.

Но вначале рассмотрим, что же представляла из себя Россия по уровню грамотности.

1. Уровень грамотности населения.

Первая общероссийская перепись населения, состоявшаяся в 1897 г., показала, что средний процент грамотности населения составлял 21,1%, т. е. грамотными являлись 26,5 млн человек из 125,6 млн всего населения.

Среди мужчин грамотных было почти 30%, а среди женщин — только около 13%. Значительный разрыв существовал между уровнем грамотности городского и сельского населения. Если в городах 45% жителей являлись грамотными, то в селах и деревнях — всего 17%. Соответственно различались по грамотности городские и сельские мужчины и женщины. Среди городских мужчин грамотных было 54%, среди деревенских — 25%,

а среди женщин эти показатели соответственно составляли — около 36% и около 10%. Лица младших возрастов были грамотнее поколения своих родителей. Приведем весьма любопытные цифры. Среди родившихся до отмены крепостного права (до 1861 г.) уровень грамотности в среднем составлял 14—15%. А для тех, кто родился в 1875 г. и позже, уровень грамотности не опускался ниже 50%, т. е. грамотным в начале века являлся каждый второй российский гражданин младших возрастов[2]. Неодинаковым был уровень грамотности в разных частях обширной империи. Выше среднего показателя грамотность была в Царстве Польском и прибалтийских губерниях, а также в Финляндии (где система образования была издавна поставлена в духе европейской традиции), ниже среднего — на территориях Кавказа и Средней Азии.

А теперь рассмотрим подробнее ситуацию в губерниях с преобладанием великорусского населения и прежде всего в областях Европейской России. Средний уровень грамотности здесь равнялся 22,9%. Из почти 93,5 млн человек населения грамотными были 21,5 млн, в том числе 15 млн мужчин и 6,5 млн женщин. Эти показатели включали людей всех возрастов. Естественно, что в стране, где система образования еще не сложилась до конца и неграмотность была существенным барьером на пути национальной модернизации, весьма значим такой показатель, как грамотность новобранцев, то есть лиц 18—20-летнего возраста, которые происходили из наиболее грамотной возрастной группы населения[3].

Видный деятель народного образования В. И. Чарнолуский собрал и сравнил данные о грамотности всего населения и новобранцев в европейских странах. Эта статистика показала неутешительную для России картину. В 1900 г., по данным, относящимся ко всему населению (789 неграмотных из каждой тысячи человек), Россия входила в тройку самых отсталых в смысле образованности стран Европы, занимая по этому отрицательному показателю третье место после Румынии (884 неграмотных из 1000) и Сербии (830 неграмотных из 1000). Следом за этими «самыми неграмотными» странами шли Португалия (786 неграмотных из 1000), Испания (681), Венгрия (478), Австрия (356). В остальных странах Европы на рубеже XIX—XX вв. подавляющее большинство населения, включая людей самого простого происхождения, прошло тот или иной курс обучения и было грамотным.

Ту же ситуацию относительно положения России среди европейских стран отразили и данные о грамотности новобранцев в 1900 г. По количеству неграмотных новобранцев Россию опережала только Румыния (690 неграмотных на каждые 1000 новобранцев). В России из каждой тысячи призванных юношей 511 не умели читать и писать. В Италии неграмот-

ных новобранцев было 307, а в Греции — 300 на каждую тысячу. В наиболее грамотных странах Западной Европы эти показатели были следующими: Бельгия — 83 неграмотных, Франция — 40, Нидерланды — 21, Великобритания — 10, Швейцария — 5, Дания — 2, Швеция — 0,8, Пруссия — 0,6 неграмотных на 1000 новобранцев[4].

Не случайно в Европе было широко известно крылатое выражение (относившееся к победам немецкого оружия в военных конфликтах второй половины XIX в. в Европе), которое гласило, что «Австрию в 1866 г., Францию в 1871 г. победили не прусские и германские войска, а немецкий школьный учитель». Связь грамотности солдат с боеспособностью армии отчетливо проявилась во время войны с Японией. Осмысливая позорный провал русских на Дальнем Востоке, один из публицистов писал, что русско-японская война показала, как «гигантская и казавшаяся непреодолимою полуневежественная Россия потерпела поражения от миниатюрного и духовно образованного противника». И продолжал далее: «Результатом всех тягостей и разочарований этой войны явилось сознание необходимости самых широких реформ, и в том числе реформы образования»[5].

С 1896 по 1905 гг. грамотность российских новобранцев выросла с 40% до 58%, другими словами, из почти 399 тыс. молодых мужчин, призванных на военную службу в 1905 г., 231,5 тыс. человек являлись грамотными. Из этого числа 62 тыс. человек окончили начальные и средние учебные заведения, а 169 тыс. умели только читать и писать[6]. Интересно, что наибольший процент грамотных (не менее 50%) давали губернии с великорусским промышленным населением, с развитыми отхожими заработками, а также с большим городским населением — Московская, Петербургская, Ярославская. Причем большое влияние на ситуацию оказывали не только экономические, но и культурные и национальные факторы, а также роль постепенно складывавшихся в обществе традиций («дети должны учиться в школе, чтобы иметь больше возможностей устроиться во взрослой жизни»). Как правило, в земских губерниях, где дело народного просвещения было поставлено хорошо, процент грамотных новобранцев ощутимо превышал тот же показатель по неземским губерниям.

Уровень грамотности был достаточно высоким среди квалифицированных рабочих. Например, процент грамотных рабочих Петербурга в 1900 г. составлял 67%, в 1910 — более 75%, а к 1914 г. — 82%. В Москве с 1902 до 1912 г. процент грамотных рабочих увеличился с 64% до 70%. Грамотность фабрично-заводских рабочих Юга России составляла 72—85%[7]. Это были наивысшие показатели среди лиц непривилегированных сословий.

Отсталость России в области образования была очевидна. Это давало полное основание говорить о том, что в отношении развития системы просвещения Россия «поразительно отстает от Западной Европы, Америки и Японии», а также констатировать тот горький факт, что «процентное отношение числа учащихся в наших народных школах к общему числу жителей втрое, впятеро и даже вдесятеро меньше соответствующих показателей в Японии, Европе и Америке» и что «расходы на это дело, падающие на одного жителя, у нас в 20 раз менее, чем в Саксонии, и в 30 раз менее, чем в Америке»[8].

В известной степени результатом косности и умственной спячки являлись убогие бытовые условия, в которых жило (а точнее, влачило жалкое существование) большинство населения страны. Целый ряд земств в своих обследованиях вынуждены были признать, что «нет у нас достаточного количества опытных искусных мастеров, ремесленных навыков и традиций в населении». По материалам своих обследований Курское земство писало в отчете: «У нас беспомощность доходит до того, что в некоторых местах крестьяне почти поголовно не умеют взяться за топор и пилу и со всякой мелочью вынуждены обращаться к мастеру в более бойкие пункты»[9].

Таким образом, российское общественное мнение однозначно понимало, что невежество является настоящим народным бедствием, дурно влияющим на все стороны жизни. На его преодоление следовало направить огромные общественные усилия и финансовые средства.

2. Рост числа учебных заведений и их финансирование.

В стране в период царствования Николая II наблюдался стремительный рост числа учебных заведений на всех уровнях. За 15-летний период (с 1896 по 1910 г.) было открыто больше школ, училищ, институтов, чем за весь предшествующий 1896 г. период российской истории. В области *низшего* образования это составило почти 57 тыс. начальных училищ (57% от всего числа заведений этого типа), 1,5 тысячи низших профессиональных училищ (56% от всего числа), почти 600 городских училищ (55%). В области *среднего* образования за указанные 15 лет было создано 1323 учебных заведения, или 54% всех имевшихся. В те же годы возникло 20 новых мужских *высших* учебных заведений (28%) и 28 женских вузов (97% от их общего числа)[10].

Росло финансирование образования: с 1903 г. (это был последний «нормальный» финансовый год перед русско-японской войной) до 1912 г. доля

ассигнований Министерству народного просвещения возросла в государственном бюджете с 2,1 % до 4,4 %[11]. Столь существенное повышение размеров государственных расходов на народное образование требовало немалых бюрократических ухищрений со стороны руководителей Министерства народного просвещения. Один из них, граф И. И. Толстой, министр в 1905—1906 гг., писал в связи с этим: «...Отношение правительства, взятого в целом, к составляющему часть его же самого ведомству народного просвещения весьма характерно и достопримечательно. Это поистине какой-то пасынок в государственно-административной семье или какой-то блудный сын, не вернувшийся еще к отцу. В спокойное время и Государственный совет, и министры, стоявшие во главе других ведомств, почти игнорировали нужды ведомства народного просвещения, и куда легче было управляющему Морским министерством добиться ассигнования десятка-другого миллионов на военные суда неизведанной еще системы, чем министру народного просвещения получить один миллион на самые неотложные и ясные нужды университетов или на увеличение числа народных школ»[12]. Но и в этой непростой ситуации расходы 1913 г. составили 300 % суммы, израсходованной Министерством народного просвещения в 1903 г., что явилось наибольшим ростом расходов среди всех ведомств[13]. Высокие темпы расширения системы народного образования являлись положительным и отрадным фактом. Однако, несмотря на эти успехи, Россия, в сопоставлении с развитыми государствами Западной Европы и Северной Америки, имела множество проблем.

Во-первых, остро не хватало начальных и средних школ. Это было связано как с трудностями финансирования, так и с нехваткой учительских кадров. Средние учебные заведения, как казенные, так и частные, возникали в крупных городских центрах, но уже города уездного калибра зачастую были их лишены. В результате, по данным статс-секретаря А. Н. Куломзина, «жители свыше 500 городских поселений и прилегающих к ним обширных сельских районов» были «совершенно лишены возможности давать образование своим детям поблизости к домашнему очагу»[14]. Во-вторых, даже уже поступившие в школу дети были вынуждены по ряду причин (которые будут описаны ниже) бросать ученье. В-третьих, в стране с низким уровнем жизни материальное положение учителей было незавидным — именно тогда родилась фраза о «нищей русской интеллигенции». В-четвертых, шли бесконечные дискуссии о содержании и методах обучения.

Статистика показывала, что по удельному весу учащихся в общей массе населения страны Россия занимала в 1905 г. одно из последних мест в Европе (3,9 %) наряду с Португалией, Сербией и Финляндией. Даже в от-

носительно неблагополучных, с точки зрения грамотности, странах — Болгарии, Греции, Испании, Италии и Румынии — этот процент был выше (7—8%). (В благополучных Бельгии, Дании, Франции и Швеции — 12—14%, а в Австро-Венгрии, Великобритании, Нидерландах, Швейцарии, Норвегии и Германии — 16—17%). К 1913 г. эти показатели несколько выросли и составили по России в среднем около 5%, в том числе по Европейской России — 5,5%. Наивысшие показатели давали губернии: Московская (8,9%), Лифляндская (8,7%), Петербургская (8,5%), а самые низкие — Тамбовская (2,4%), Виленская (2,7%), Ковенская (2,8%), Уфимская (3%), Астраханская (3,5%) [15]. На содержание одного ученика в России тратили в год 11,3 руб., т. е. примерно столько же, сколько в группе отсталых стран — Испании, Италии и Сербии, где расходы составляли от 10 до 13 руб., тогда как соответствующие показатели развитых стран колебались в интервале от 16,6 до 28,4 руб. на одного ученика (наивысшие траты были в Швейцарии) [16].

И по размерам расходов на образование одного жителя Россия вновь попадала в группу стран с наименьшими показателями, занимая (вместе с Сербией) самое последнее место — 40 коп. на человека (наивысшие показатели были в Швейцарии — 5 руб. 40 коп., Шотландии — 4 руб. 60 коп., Германии — 3 руб. 50 коп., Нидерландах — 3 руб.). Интересно, что на рубеже XIX—XX вв. еще более высокие показатели, чем в Европе, характеризовали систему народного образования в Соединенных Штатах: учащихся там было 20% от всего населения, средний расход на образование на душу населения составлял 7 руб. 10 коп., а на одного учащегося — 50 руб. 8 коп. [17] Не случайно североамериканская динамичная система образования высоко оценивалась русскими и европейскими специалистами-современниками, единодушными в том, что именно она является залогом мощного рывка в американской экономике.

Финансирование системы народного образования в России не было целиком государственным. По статистике 1911 г., всех поступивших средств было почти 321 млн руб. Из этой суммы ассигнования казны составляли 165 млн руб. Остальные средства в размере 156 млн руб. выделялись общественными и сословными учреждениями (64 млн руб., из них 55 млн руб. на начальные школы); родителями или другими лицами в виде платы за обучение, слушание лекций и содержание в интернатах (54 млн руб.), за счет частных благотворительных пожертвований (более 22,5 млн руб.) [18].

Цифры показывают, что огромную роль в финансировании всех типов учебных заведений играли местные общественные учреждения — земские, муниципальные и сословные. В расходах на начальное образование казенные расходы составляли примерно половину, а другая половина обеспечивалась из общественных фондов. По среднему образованию об-

щественное финансирование превосходило казенное на 25%, а в области высшего оно обеспечивало 2/3 расходов на мужские вузы и почти все расходы на женские.

Особенно динамично возрастали земские расходы на народное образование. Если в 1901 г. они составляли 16,5 млн руб., то через пять лет — около 25 млн руб., еще через пять, в 1911 г.— более 53 млн руб., а в 1912 г.— уже свыше 66 млн руб.[19] Именно земства, в бюджете которых расходы на народное образование стали составлять главную статью[20], пошли навстречу потребности широких народных масс хотя бы в начальном образовании, осознанной именно в первой декаде XX в. Роль земств в просвещении народа была исключительной. Признание этого факта государством выразилось в том, что в 1908 г. Государственной Думой и императором Николаем II был утвержден закон о порядке обеспечения земских народных училищ пособиями от казны в размере 360 руб. в год на каждый комплект в 50 учеников[21].

Немалую роль в развитии образования играли также благотворительные пожертвования, некоторые из которых составляли десятки и даже сотни тысяч рублей. Например, Казанскому университету поступило от тайного советника М. Н. Ахматова 173,7 тыс. руб. для стипендий студентам юридического факультета и единовременных пособий им по окончании курса, а от вдовы профессора Н. А. Виноградова — 70,2 тыс. руб. на стипендии и пособия имени покойного мужа. По количеству внесенных пожертвований лидировал Московский университет, располагавший 391 капиталом на сумму свыше 6 млн руб. Среди них были капитал на Константино-Варваринскую стипендию в размере 85 тыс. руб., анонимно внесенный крупнейшим текстильным фабрикантом К. В. Третьяковым; капитал купчихи Ф. И. Ушаковой — свыше 270 тыс. руб.; капитал, внесенный Т. С. Морозовым на пять коек имени М. Ф. Морозовой в гинекологической клинике,— свыше 61 тыс. руб. и т. д. Особенно значительные суммы получил медицинский факультет. Ю. И. Базанова, супруга крупнейшего сибирского золотопромышленника, подарила 527 600 руб. на клинику болезней уха, горла, носа, а купец В. И. Щукин — 70 тыс. руб. на стипендии, премии и койки в психиатрических и детских клиниках. Купец П. Г. Шелапутин дал 120 тыс. руб. на содержание Гинекологического института. Для финансирования Петербургского университета частными лицами было внесено 136 капиталов на сумму свыше 1,1 млн руб. Немалые стипендиальные фонды имелись и в других российских университетах[22].

Огромные благотворительные взносы поступали на развитие средних учебных заведений. К примеру, одним из лучших и дорогих государственных учебных заведений Москвы была Медведниковская гимназия,

созданная на средства купеческой семьи Медведниковых. Уроженцы Иркутска, они разбогатели на торговле с Китаем, после чего переехали в Москву. С 1903 г. гимназия, которой по духовному завещанию Александры Ксенофонтовны Медведниковой перешло более 713 тыс. руб., размещалась в собственном здании, выстроенном на Пречистенке по проекту И. С. Кузнецова. Кроме средств на устройство гимназии, Медведникова также оставила 214 тыс. руб. на церковно-приходские и другие школы[23]. В Петербурге имелась 5-я «Ларинская» гимназия, где 118 тыс. руб. на содержание воспитанников были внесены купцом Лариным.

Для финансирования средних и начальных технических училищ наиболее охотно вносили деньги предприниматели, а также, что удивительно, зажиточные крестьяне. На техническое училище в Вязниках Владимирской губернии семьей уже упоминавшихся сибирских золотопромышленников Базановых было пожертвовано 100 тыс. руб. Более 580 тыс. руб. на устройство Кунгурского технического училища (в Пермской губернии) поступило от чаеторговой фирмы А. С. Губкина. В том же небольшом уральском городе ими было пожертвовано около 310 тыс. руб. Елизаветинской женской рукодельной школе. От коммерции советника П. Пономарева поступило 836,5 тыс. руб. «на содержание народных школ в Иркутске и его округе», а от томского мещанина Косыгина — 417,3 тыс. руб. на устройство и содержание народных школ в Иркутской губернии. При таких щедрых пожертвованиях богатых сибиряков становится понятным, почему статистика по Западно-Сибирскому учебному округу выглядела довольно благополучно и по количеству учебных заведений, и по размерам расходов на одного ученика.

Среди пожертвований на образование обращают на себя внимание пожертвования богатых крестьян. Это малоизвестное даже профессиональным историкам явление расширяет наши представления о социально—экономических реалиях России начала XX в. В селе Вознесенском Архангельской губернии крестьянин П. Амосов дал 125,3 тыс. руб. «на устройство и содержание низшей ремесленной школы». В Арзамасском уезде Нижегородской губернии 73,3 тыс. руб. были пожертвованы крестьянином Пузаковым на содержание Выездно-Слободского церковно-приходского училища[24]. Видный русский публицист А. С. Пругавин писал, что «можно указать много случаев, когда разбогатевшие крестьяне охотно затрачивают большие деньги на устройство училищ, чаще всего на месте своей родины». Несколько таких «прекрасно обставленных и вполне обеспеченных» школ, по наблюдению Пругавина, уже с конца XIX в. существовало в Архангельской губернии «благодаря пожертвованиям того или другого из местных крестьян, которые, живя в Петербурге

в качестве артельщиков при торговых конторах, успевали составить себе состояние»[25].

Явление, когда представители предпринимателей (старшее поколение которых не получило никакого порядочного образования) жертвовали огромные суммы на развитие народного просвещения, без сомнения, было удивительным. Оно показывало, что в общественном мнении была воспринята и поддержана оценка образования как бесспорного фактора прогресса. К примеру, фабрикант Никифор Михайлович Бардыгин, избранный в 1872 г. первым городским головой г.Егорьевска и прослуживший на этом посту почти 30 лет, устроил в городе на муниципальные и другие общественные средства прогимназию и 2 начальных училища, а на свои собственные средства построил церковно-приходскую школу. Эту традицию продолжил сын Бардыгина, который в память об отце оплатил постройку огромного здания профессионального училища на 400 человек для подготовки «научно и практически подготовленных мастеров и монтеров-механиков и электротехников». В комплекс зданий училища, кроме зданий с классными комнатами, входили мастерские, корпуса для квартир преподавателей и общежития учеников. После завершения постройки в 1907 г. училище было подарено Егорьевску. Так семья текстильных фабрикантов отметила 50-летие своего торгово-промышленного дела[26]. В итоге в провинциальном Егорьевске, находившемся на границе московских и рязанских земель и насчитывавшем всего 15 тыс. жителей, силами одной семьи было создано 5 учебных заведений.

Финансирование школ из разных источников создавало пеструю картину их обеспеченности зданиями, мебелью, учебными пособиями: были и богато устроенные элитарные школы в столицах, и влачившие жалкое существование сельские начальные училища. Мемуары дают нам возможность представить, в каких условиях проходило обучение там и тут.

Поэт Осип Мандельштам описывал годы своей учебы в петербургском Тенишевском училище: «На Загородном, во дворе огромного доходного дома с глухой стеной... десятка три мальчиков в коротких штанишках, шерстяных чулках и английских рубашечках со страшным криком играли в футбол. У всех был такой вид, будто их возили в Англию или Швейцарию и там приодели, совсем не по-русски, не по-гимназически, а на какой-то кембриджский лад»[27]. Это училище было такого ранга и такой репутации, что в дни торжеств сюда наведывался министр финансов (затем премьер-министр) С. Ю. Витте. На весь Петербург было известно здание училища и особенно его зал в виде амфитеатра с откидными партами («на манер парламента»). Он сдавался для проведения собраний либеральной интеллигенции. Главным съемщиком был Литературный фонд, регулярно

проводивший памятные вечера, посвященные выдающимся отечественным литераторам. Здесь заседало также Юридическое общество, возглавляемое Максимом Ковалевским и Петрункевичем, и тогда, как иронично подмечал мемуарист, «с тихим шипением разливался конституционный яд» [28]. В Тенишевском училище получали образование дети из семей столичной и провинциальной элиты (из выдающихся русских писателей, кроме Мандельштама, там учился Владимир Набоков). Мандельштам писал, что мальчики в училище были «из того же мяса, из той же кости, что дети на портретах Серова» [29].

Училище было открыто при содействии князя В. Н. Тенишева в 1898 г. Это была элитарная экспериментальная школа, где плата за обучение составляла от 200 до 360 руб. в год (соответственно в младших и старших классах). Широко применялось наглядное обучение: на уроках анатомии дети препарировали и зарисовывали внутренние органы телят, лягушек, мышей, а на уроках химии должны были уметь получить металл из руды. Мальчики из состоятельных семей усиленно обучались ручному труду. Так, например, в программу обучения обработке дерева у первоклассников входило изготовление ножей для разрезания бумаги, а у третьеклассников — «небольшого шкапика (на винтах)». Родители могли присутствовать на уроках, а отметки не ставились — результаты учебы подводились всего 4 раза в год на «семестровых собраниях» [30].

В сельской местности некоторые школы, напротив, представляли собой отталкивающее зрелище, впрочем, мало трогавшее местных жителей из-за их безразличия и привычки к убогим бытовым условиям. В своих интереснейших мемуарах «Два года в земской школе» С. Константинов пишет, что когда он в 1906 г. приехал к месту своего учительства, находившемуся в полутора часах езды от Москвы, то ужаснулся от состояния школьного помещения. В классной комнате, площадь которой составляла примерно 30 кв. метров и была рассчитана на 70—80 человек, были «черные от грязи полы, не мывшиеся по целым месяцам; выбитые во многих рамах стекла; печь, угощавшая при каждой топке учеников и учительницу дымом и головными болями; поломанные парты, которые ремонтировались самими учениками — где гвоздик вобьют, где веревочкой к стенке привяжут,— и стоит себе; доски пола, прогнившие и проваливавшиеся под ногами, грозя оставить кого-либо калекой» [31]. У детей зимой зубы стучали от холода.

Молодой учитель многое привел в порядок. В первую очередь он написал в земскую управу о нуждах школы, и уже через пару недель прибыли возы с мебелью — партами, классной доской, шкафом, часами. Крестьянские дети постепенно приучались к порядку и чистоте, которых по бедно-

сти не знали, и вскоре в школе стало намного уютней. Огромным событием для детей стали устроенные учителем школьные обеды — до этого большинство детей высиживало на уроках в полуголодном состоянии. Мемуарист писал: «Жизнь школы, когда она идет правильно, является источником счастья для обездоленной деревенской детворы; мало того, учитель, чувствующий себя творцом этой новой жизни, получает высшее нравственное удовлетворение, сглаживаются шероховатости его тусклой, однообразной жизни в какой-нибудь Тужиловке» [32].

В сходной ситуации оказалась учительница С. Н. Розова, после окончания епархиального училища с 1904 г. работавшая в своем родном селе Васильевском Ярославской губернии: «Я была просто подавлена запущенностью Васильевской школы. Везде была масса копоти, грязи и пыли. Я чувствовала, как тяжело сказывалась эта атмосфера на здоровье детей. Нужно было что-то предпринять немедленно. К весне оба класса стали неузнаваемы — вымытые парты и окна, чистый пол, постоянно освежаемый воздух» [33]. В 1910 г. после тяжелейшего конфликта с волостным правлением, в доме которого помещались школьные классы, в Васильевском было построено на добровольные взносы крестьян 15 окрестных деревень, дети из которых посещали школу, собственное здание школы. «Вносили кто что мог — рубли, полтинники. Меня особенно растрогал такой факт: крестьянин-бедняк из деревни Ильдомское Михаил Марушкин принес... петуха. „Денег у меня нет,— сказал он,— возьмите хоть петуха"»,— вспоминала учительница. Она отмечала, что в такие моменты пробуждались «богатые духовные качества простого русского человека — сам порой будучи неграмотным, прозябая в бедности, горе, когда коснется дело о помощи,— он отдаст последнее» [34].

3. Структура системы народного просвещения.

Руководство народным образованием принадлежало Министерству народного просвещения (МНП). В его ведении находились почти все категории низших и начальных школ, а также большинство средних и высших учебных заведений, включая университеты. К православному духовному ведомству (Святейшему Синоду) относились такие заведения начальной школы, как церковно-приходские училища и так называемые «школы грамоты». Кроме того, некоторое количество школ (в основном низших профессиональных и коммерческих) имелось в системе Министерства промышленности и торговли, Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства внутренних дел и Министерства пу-

тей сообщений. Наконец, Военное и Морское министерства вели программы (с финансированием в размере около 0,5 млн руб. в год) для обучения грамоте новобранцев[35].

В период последнего царствования (1894—1917) в МНП сменилось 14 министров. В 1900—1913 гг. ими являлись: Н. П. Боголепов, П. С. Ванновский, Г. Э. Зенгер, В. Г. Глазов, И. И. Толстой, П. М. фон Кауфман, А. Н. Шварц, Л. А. Кассо. Среди них были люди разных судеб, карьер и воззрений. К примеру, в кабинете С. Ю. Витте ведомство народного просвещения в 1905—1906 гг. возглавлял просвещенный аристократ-петербуржец 47-летний граф Иван Иванович Толстой. Известный нумизмат и археолог, в 1893—1905 гг. он являлся вице-президентом Петербургской Академии художеств. Совершенно противоположным И. И. Толстому по своему духовному облику и стилю руководства был один из его предшественников на посту министра генерал-адъютант П. С. Ванновский. До своего назначения главой МНП в марте 1901 г. он вполне успешно 17 лет руководил военным министерством и был даже избран почетным членом Петербургской Академии наук. Однако несмотря на почетное звание академика, даже среди офицерства генерал был непопулярен из-за своей властности и грубости. Тем не менее после того, как Ванновский по высочайшему повелению «успешно» расследовал причины студенческих беспорядков в Петербургском университете в 1899 г., и студенты были сданы в солдаты, в «кабинетах власти» было решено, что он способен разбираться и в проблемах образования юношества. Характерно, однако, что, став министром народного просвещения, Ванновский этих студентов освободил, и было решено в дальнейшем подобную меру наказания не практиковать. В 1901—1902 гг. Ванновский подготовил правила, по которым студентам предоставлялась возможность устраивать легальные сходки, учреждать научно-литературные общества, общества взаимопомощи. Однако все это сопровождалось такими стеснительными условиями, что студенты не захотели принимать эти правила. Самому генералу — известному стороннику муштры в армии — было в то время уже 80 лет, и нетрудно догадаться, что его представления о том, какой свободой должны пользоваться студенты, шли вразрез со взглядами более молодых поколений как профессоров, так и студентов.

Несмотря как на удачи, так и на неудачи российской системы просвещения, деятельность практически всех министров народного просвещения в начале XX в. оценивалась и современниками, и последующими историками весьма критически. Эти не вполне справедливые оценки в свете приведенных выше впечатляющих цифр о динамике развития системы образования в период последнего царствования, вероятно, можно было

бы объяснить словами одного из министров того времени: «И кто только не считает себя компетентным в этой области? Ведь всякий в ней заинтересован — один в качестве родителя, другой в качестве обучающего, третий — учащегося, наконец, хотя бы в качестве учившегося или даже желающего учиться. ... И надо сознаться — только ленивый, можно сказать, не ругает нашей школы, а защитников ее совсем не слышно»[36].

Под председательством министра народного просвещения действовал совет, в состав которого входили: товарищ министра, директор департамента народного просвещения, председатель ученого комитета, ряд лиц, назначаемых высшей властью, а также попечители учебных округов, когда они находились в Петербурге. Этот совет рассматривал все важнейшие вопросы управления и устройства учебных заведений, учебные планы и проблемы воспитательной работы.

Вся территория страны разделялась на 12 учебных округов. Как правило, каждый учебный округ охватывал от четырех (как Одесский) до одиннадцати (как Московский) губерний. Попечители учебных округов, которыми назначались видные сановники, осуществляли руководство на местах. Только в Туркестанском, Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах заведование учебной частью осуществляли сами генерал-губернаторы.

Рассмотрим теперь подробнее три уровня системы просвещения: начальную, среднюю и высшую школу.

Начальное, или, по терминологии того времени, *низшее образование* осуществлялось в 104 350 учебных заведениях (здесь и далее данные на 1911 г.), где преподавали почти 165 тыс. учителей и обучались более 6,5 млн детей. Из этого числа подавляющее большинство составляли начальные «народные» училища Министерства народного просвещения (почти 60 тыс. с 4,2 млн учащихся) и церковно-приходские (и другие начальные) школы ведомства Святейшего Синода (почти 38 тыс. с 1,8 млн учащихся). Эти два основных типа начальных школ составляли 94% начальных школ в стране, и в них обучалось 92% всех учеников начальной школы[37].

Хотя начальными народными училищами ведало земство, а церковно-приходскими училищами — Церковь, программа обучения в них включала приблизительно один и тот же набор предметов, а именно: закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре действия арифметики. По возможности добавлялись церковное пение, ремесла, гимнастика. В процессе обучения письму и русской словесности дети получали также некоторые знания по географии, естествознанию, истории. Земские начальные школы были рассчитаны на трехлетний срок обучения. Приходские училища были одноклассные (с двух-

годичным сроком обучения) и двухклассные (с четырехгодичным). Кроме того, еще примерно полмиллиона детей проходило обучение в низших профессиональных школах (ремесленных, сельскохозяйственных, лесных, коммерческих, технических), в так называемых «городских» школах и начальных школах прочих ведомств. Допускалось также домашнее обучение под руководством специальных учителей.

Такие начальные учебные заведения, как городские училища и двухклассные начальные училища, представляли собой заведения повышенного типа. Обучение в них продолжалось пять или шесть лет. К примеру, городские училища предназначались для детей ремесленников, служащих, мелкой буржуазии. Разумеется, и программа здесь была шире. К закону Божьему, чтению, письму и арифметике добавлялись практическая геометрия, география и история Отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, естественная история и физика, черчение, рисование, пение, гимнастика[38].

Наряду с типовыми школами в местностях с компактным проживанием нерусского населения существовали школы инородческие и иноверческие, где программы обучения особо регулировались законодательством. Все эти школы (протестантские, католические, армяно-григорианские, колонистские и т. п.) также подчинялись Министерству народного просвещения и работали по типовым программам, но вместо закона Божьего представители духовенства соответствующих конфессий имели право наблюдать за религиозным образованием юношества в рамках своей религии. Караимы имели училища при синагогах, существовали магометанские школы (медресе и низшие школы при мечетях), еврейские учебные заведения. К примеру, в еврейские учебные заведения принимались в первый класс дети в возрасте 6—10 лет. В подготовительном классе изучались русский язык и письмо, счет до 100, древнееврейский язык и объяснение первой книги Моисеева Пятикнижия; в одноклассном училище — русский язык, четыре первых правила арифметики и все остальные предметы по программам начальных народных училищ. Преподавание осуществлялось на русском языке.

Своеобразием отличалась постановка учебного дела на казачьих территориях. Здесь, в отличие от большей части территории страны, существовало обязательное обучение детей грамоте. Мальчики обучались с 9 до 15 лет, а девочки — с 8 до 14. Обучение длилось 5—6 лет. В каждой казачьей станице существовало две школы — мужская и женская. Помимо предметов, входивших в программы начальных народных училищ, были обязательными гимнастика, церковное пение и строевая подготовка. Дополнительно мальчиков обучали ремеслам, а девочек рукоделию[39].

Быстрыми темпами расширялась в начале XX в. *сфера среднего образования*, включавшая почти 2,5 тыс. учебных заведений. В 1 262 мужских и 1 190 женских средних учебных заведениях обучались около 728 тыс. человек и преподавали 34 тыс. учителей[40]. Подавляющее большинство средних учебных заведений составляли школы двух типов — гимназии и реальные училища. В классических гимназиях большое внимание уделялось изучению древних языков — латинского и греческого (примерно половина гимназий была с обоими языками, остальные — только с латынью). В программе реальных училищ большее внимание уделялось точным и естественным наукам, тогда как древние языки не преподавались. Вообще «содержание преподавания, ...общий дух этих учреждений (реальных училищ.— *Г. У.*) были более приспособлены к нуждам и запросам капиталистического города, промышленности и торговли»[41].

Обучение девочек и мальчиков в средней школе было раздельным. По данным на 1911 г., по всей Российской империи в качестве средних учебных заведений для мальчиков действовало 445 гимназий и прогимназий, и 274 реальных училища (в 1913 — 470 и 284[42]), а также ряд коммерческих, технико-механических, железнодорожных, музыкальных, медицинских, сельскохозяйственных, землемерных и горных училищ. К системе мужских средних учебных заведений относились 50 военных и военно-морских училищ, 57 православных и 12 римско-католических духовных семинарий, 134 педагогических учебных заведения. Независимо от того, казенным или частным являлось учебное заведение, оно обучало детей по типовым программам, утвержденным в Министерстве народного просвещения.

Дети принимались в гимназию в возрасте 10—11 лет (изредка с 9), как правило, уже пройдя курс начального обучения с домашним учителем или на других подготовительных курсах. Курс обучения в мужской классической гимназии составлял 8 лет. Пять предметов изучались на протяжении всех 8 лет — закон Божий, русский и немецкий языки, математика, история. Гимназисты изучали закон Божий 2 урока в неделю, русский и церковнославянский языки — 4—5 уроков, математику — 4 урока, историю — от 2 до 4 уроков в разных классах, немецкий язык — приблизительно 3 урока в неделю. Для младших гимназистов в первый год обучения имелись уроки чистописания, а на протяжении 1—3 классов — рисование. Из предметов естественнонаучного цикла изучались природоведение (с 1 по 3 класс) и география (с 1 по 5 класс) по 2 урока в неделю, а затем в 6—8 классах гимназисты переходили к изучению физики (3—4 часа в неделю). Кроме того, в 7-м и 8-м классах преподавались законоведение и философская пропедевтика (основы логики). Со 2-го года обучения изучался также французский язык[43]. Усиленное внимание к языковой подго-

товке проявлялось в том, что с первого класса начинали изучать немецкий язык, со второго — французский, с третьего — латынь, с четвертого — наряду с русским языком изучался старославянский, а с пятого — желающие могли изучать еще греческий. Общая нагрузка составляла, таким образом, примерно 4 урока в день для младших гимназистов и 5—6 уроков для учеников средних и старших классов.

Что касается классических языков, то изучение латыни начиналось с 3-го класса и продолжалось по 8-й. На этот предмет отводилось 5 уроков в неделю. Латинский язык, как и любой иностранный язык, требовал от гимназистов большого усердия и времени, причем многое здесь приходилось просто зазубривать. Не случайно среди педагогов и среди родителей, а также в самом Министерстве народного просвещения не прекращались дискуссии о целесообразности столь серьезного изучения «мертвого» языка. В какие-то периоды латынь становилась прямо-таки неким жупелом, зацепкой для критики всей системы среднего образования. В чем тут было дело? Российская система классических гимназий не была выдумана на голом месте. Структура обучения (в том числе число часов, выделяемых на изучение каждого предмета) была построена на основе европейского опыта. В гимназиях же европейских стран число часов на уроки латинского языка, как правило, в 2,5—5 раз превышало число уроков родного языка, поскольку со средневекового периода латынь считалась наилучшим фундаментом для изучения гуманитарных предметов и развития дисциплины мышления. Как мы видим, в России соотношение в изучении латинского и русского языков было смягчено по сравнению с западноевропейскими гимназиями и составляло примерно 1:1.

Наряду с прямо-таки яростной критикой «классической» системы обучения звучали и противоположные мнения, высказываемые профессионалами-лингвистами. Так, выдающийся русский филолог профессор Л. В. Щерба в своем отзыве, переданном в МНП, отмечал: «Все мы выросли в классической школе, и поэтому масса слов для нас понятна без дальнейших объяснений — мы сами можем сочинять такие слова, как трансформатор, конденсатор, прогресс, регресс и т. д. и т. п. Все эти префиксы транс-, про-, пре-, кон-, цис- и т. п., входящие в состав бесконечного запаса международных культурных слов, нам хорошо известны с 1-го или 2-го класса». Далее он говорил, что если детей «будущей демократической школы» лишить латыни, то «все то, что в иностранных языках кажется нам само собою понятным и известным, благодаря нашему раннему знакомству с латинским языком, будет служить большим камнем преткновения в старших классах при изучении иностранного языка впервые. Отсутствие понимания этого международного словаря явится также большим минусом

в других предметах, где множество обычных терминов», которые совершенно ясны для знающих основы латыни [44].

В соответствии с законом от 30 июля 1871 г. об уставах гимназий, выпускникам классических гимназий предоставлялась монополия при поступлении в университеты и, следовательно, на доступ к так называемым «либеральным» профессиям, требовавшим наличия историко-филологического или юридического образования. Только на физико-математический и медицинский факультеты принимались лица, имевшие среднее, но не обязательно гимназическое образование, после сдачи ими дополнительного экзамена по латыни. Курс в прогимназиях был облегченным по сравнению с основным курсом гимназий.

Поступавшим в гимназию следовало сдать экзамены по русскому языку, арифметике и закону Божьему. Вся семья с тревогой следила за результатами этого испытания. Перед экзаменом «на счастье надевали на шею ладанку, крестили перед входом в класс, плакали, когда получал тройку — с ней было не попасть» [45].

И педагоги, и гимназисты носили форму. У учителей на сюртуке были золотого цвета пуговицы с изображением пеликана, кормящего птенцов. Это был символ полной отдачи учителями своих знаний ученикам. Ведь по преданию, пеликан, чтобы накормить птенцов, разрывал свою грудь. Гимназисты носили синюю фуражку с белым кантом и посеребренным гербом из скрещенных веточек лавра (между ними помещался номер гимназии), черную куртку-тужурку навыпуск, подпоясанную лакированным ремнем, где на светлой пряжке также был выбит номер гимназии. В торжественных случаях полагалось надевать мундир из синего сукна, отделанный по воротнику серебряной тесьмой — галуном. Но нарядные мундиры были не у всех. Уличной одеждой была шинель серого сукна со светлыми пуговицами и синими петлицами. Что касается прически, то требовалось, чтобы волосы были коротко подстрижены [46].

Уроки, начинавшиеся обычно в 9 часов утра, продолжались по 50 минут, а перемены длились от 5 до 30 минут. Большая перемена, обычно в середине дня, отводилась для чаепития. Практически все авторы мемуаров отмечали, что учебная нагрузка в гимназии была большой. После 5—6 уроков «средний» ученик тратил еще 3—4 часа в день на приготовление обширных домашних заданий.

Начиная с конца XIX в., в гимназиях преподавались гимнастика и военный строй. Выпускники гимназий умели неплохо фехтовать и вести бой на саблях. Кроме учебных занятий, гимназисты по желанию пели в хоре, играли в духовом или струнном оркестре, брали за плату уроки танцев. Все эти занятия проводились в помещении гимназии после уроков.

Как правило, мемуаристы с восторгом и теплыми чувствами вспоминали свои школьные годы (высокий уровень гимназий не случайно сохранялся в виде мифа все советские годы). Отношение к гимназическому обучению можно выразить словами одного из авторов воспоминаний: «Теперь, когда прошло много лет, можно спокойно и объективно оценить своих учителей. За редкими исключением это были знающие, добрые, честные и преданные своему делу люди. Какое надо было иметь терпение и выдержку, чтобы преподавать в классах, где было много шалунов, упрямых и неразвитых мальчишек! Они свято исполняли долг, передавая нам свои знания» [47].

В реальных училищах мальчики учились 7 лет. Целью ставилось поступление в высшие технические учебные заведения. В отличие от классических гимназий здесь не изучались древние языки, однако из новых языков немецкий давался в том же объеме, что и в гимназиях, как и второй иностранный язык (обычно французский), изучавшийся со 2-го класса. Преподавание закона Божьего, русского языка, истории, физики, законоведения шло в том же объеме, что и в гимназиях, а курс географии был даже шире, чем в гимназиях. Рисование преподавалось по 2 урока в неделю весь 7-летний курс обучения (в гимназии только в 1—3 классе), а с 3-го по 5-й класс параллельно с рисованием реалистами изучалось еще и черчение. В старших классах реальных училищ могли быть устроены коммерческие классы, в которых изучались основы бухгалтерии, делопроизводства. Вместо рисования и естествоведения вводились часы на «письмоводство и книговодство» [48].

Среди реальных училищ, особенно столичных, были школы очень высокого уровня, дававшие прекрасную подготовку, с которой удавалось поступать даже в солидные европейские университеты. Одним из лучших было московское реальное училище святого Михаила в Лефортове. Его директор, действительный статский советник фон Ковальциг, собрал в училище первоклассных педагогов. Уже сама обстановка училища, размещавшегося в старинном особняке, производила на новичка чарующее впечатление, остававшееся на всю жизнь. Видный русский философ Ф. Степун так описывал свое первое посещение училища: «Мы входим в очень странную комнату. Среди античных ваз, лиственных орнаментов и геометрических тел молчат на полках и под самым потолком Зевс, Афина Паллада, Гомер и Аполлон. У подножия гипсового Олимпа — потрепанные чучела тетеревов, ястребов, белок, сусликов и всякой иной твари. На столах физические приборы и электрические машины: поршни и колбы, синие и матовые стекла. На стенах и даже на дверях — карты» [49].

Спектр средних учебных заведений для девочек не был таким широким, как для мальчиков. Более 85% средних женских школ составляли гимназии. Имелось также по нескольку десятков женских духовных и коммерческих училищ. В женских гимназиях программа 7-летнего обучения была немного легче, чем в мужских. В ряде гимназий были организованы дополнительные педагогические классы, выпускницы которых получали право работать учительницами или воспитательницами.

В отличие от начальных учебных заведений, в большинстве средних обучение было платным. При этом обучение мальчика в среднем стоило вдвое больше, чем образование девочки. Рассмотрим, оперируя средними статистическими показателями, за счет каких средств покрывались расходы на образование. Как в казенных, так и в частных мужских гимназиях стоимость годового обучения составляла 124 руб., в реальных училищах — 111 руб. И в том, и в другом случае часть этих расходов покрывалась за счет казенной дотации (47 и 46 рублей). С родителей брали в год по 60 руб. за гимназистов и по 43 руб. за реалистов. Остальные расходы покрывались из муниципальных, земских, сословных средств, а также благотворительных стипендиальных капиталов. К примеру, в 1909/1910 учебном году поступило 3 млн руб. на стипендии ученикам профессиональных училищ[50].

Несмотря на то, что плата за обучение в среднего уровня петербургской гимназии составляла немалую сумму в 60 руб. в год, там учились дети скромных служащих и чиновников, среднего достатка интеллигенции. Не были исключением и дети квалифицированных рабочих (например, как указывается в мемуарах, с Путиловского завода). Без сомнения, бедным семьям было трудно платить за детей, но в большинстве учебных заведений существовала целая система финансовых льгот для успевающих учеников. В 1913/1914 учебном году 27% гимназистов по сословному статусу родителей являлись мещанами и цеховыми, а еще 18% — крестьянами, тогда как из дворянско-чиновничьей среды происходило примерно 33% учеников гимназий[51]. Многие дети из малообеспеченных семей учились на казенные стипендии или на пожертвования благотворителей. Кроме того два-три раза в год во многих учебных заведениях устраивались благотворительные вечера (концерты или балы), и собранные на них средства шли в пользу малоимущих учеников. Получить освобождение от платы имели возможность те, кто хорошо учился и имел пятерку по поведению.

Однако удовлетворить всех нуждающихся все же не удавалось. Иногда неполучение стипендии или повышение оплаты учебы ставило под

удар завершение учебы и получение аттестата о среднем образовании. К примеру, в женской прогимназии в Богородске Московской губернии, где обучалось более 200 учениц, плата составляла 5 руб. с местных и 10 руб. с иногородних в год в младшем классе, и с каждым годом обучения увеличивалась, составляя в старших классах соответственно 45 и 60 руб. После повышения платы за обучение, проведенного с согласия попечительного совета, местная пресса отреагировала так: «Может быть, попечительный совет думает, что обучать своих детей можно только богатым, а не разной мелкой сошке и шушере?» Точка зрения, согласно которой школы и гимназии должны содержаться главным образом на общественные средства, активно поддерживалась педагогами, один из которых посетовал, что «в частном учебном заведении каждый ученик мнит себя «платежной единицей» и преисполнен самомнения» [52].

Стремление к получению детьми образования было очень сильным, проявляясь и среди низших социальных слоев. Постоянный рост платы за обучение на фоне инфляции, наблюдавшейся в начале XX в., больно бил по интересам родителей, которые были вынуждены забирать детей уже из старших классов. В реальном училище родителям приходилось платить от 25 руб. в младших классах, до 100 руб. в старших. Отец одного из подмосковных «реалистов» писал в заявлении в школу: «Очень жалею, что пришлось прервать образование..., что средств на образование не хватает. Более 60 рублей в год я не могу на него израсходовать, а этого далеко недостаточно. Один проезд стоит больше этой суммы». И печально добавлял: «Что делать, видно, мы еще не дожили до того времени, когда образование будет доступным для всех» [53].

Средняя стоимость обучения девочек в гимназиях и школах составляла 61 руб. в год. Родители платили только две трети этой суммы. В закрытых учебных заведениях, например в институтах благородных девиц Ведомства учреждений императрицы Марии, с девочек, имеющих родителей, бралась плата до 200 руб. в год (при общей стоимости содержания 522 руб. на человека), а сироты и полусироты могли получить льготы или даже полное освобождение от платы за счет благотворительных капиталов и собственных фондов учебного заведения.

Наиболее дорогим было обучение воспитанников в военных учебных заведениях — 664 руб., однако родители платили только 38 руб., а более 600 руб. шло из казны.

Высшая школа, как и другие сферы народного образования, в начале XX в. развивалась ускоренными темпами. К 1914 г. в Российской империи имелось 63 государственных и 54 общественных и частных высших учебных заведения, в том числе 10 университетов. В них обучались более

123,5 тыс. студентов и преподавали около 4,5 тыс. человек профессорского-преподавательского состава[54].

Несмотря на тот факт, что в 1900—1913 гг. отечественные вузы выпустили более 87 тыс. специалистов, их по-прежнему остро не хватало. Поэтому в годы экономического подъема (1910—1913) возникли идеи государственного планирования развития высшей школы, что было связано с резким возрастанием потребности «в кадрах высшей квалификации, в первую очередь народнохозяйственного профиля»[55].

Идеи эти обсуждались и в Государственной Думе, куда в 1909 г. был внесен запрос 33 депутатов о развитии высшего агрономического образования, и в Министерстве народного просвещения, куда поступали многочисленные ходатайства с мест о необходимости открытия вузов по разным специальностям, и в Совете министров, когда после поездки по Сибири и Поволжью П. А. Столыпин также получил целый ряд ходатайств об организации вузов, подкрепленных обязательствами частичного или даже полного финансирования их из местных средств[56].

Однако, несмотря на осознание разными силами общества и частью бюрократии необходимости значительного расширения системы высшего образования, сделано было в этом направлении очень немного. Дело тормозилось апатией, а то и противодействием представителей высших государственных сфер. Роковую роль сыграла царская резолюция от 2 апреля 1912 г. на постановлении Совета министров о создании ряда вузов. Николай II написал следующее: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, что с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее указание»[57]. Реакция министра народного просвещения Л. А. Кассо была боязливой и, перестраховываясь, он не принял мер к открытию даже того количества учебных заведений в провинции, решение по которым было согласовано с императором.

Кратко противоречия в области развития высшей школы можно было бы описать следующим образом. Быстрое буржуазное развитие делало настоятельно необходимым энергичное развитие системы высшего образования для подготовки отечественных специалистов. Это признавали все — царские сановники и университетские профессора, промышленники и сельские хозяева. В стране не хватало квалифицированных врачей, учителей и инженеров, ощущался недостаток юристов и экономистов. Но поскольку высшая школа была наиболее заметным и постоянно напоминавшим о себе очагом политического брожения, своеобразной «отдушиной» полицейски сыскного аппарата, причем недовольство режимом де-

монстрировали не только студенты, но и маститые свободомыслящие профессора, то государственная власть считала, что не стоит собственными руками укреплять позиции того, кого она считала общественным противником. Поэтому увеличение количества университетов и студенчества сдерживалось всеми способами. Академик Владимир Иванович Вернадский писал о ситуации в науке и высшей школе так: «Русские ученые совершали свою научную работу вопреки государственной организации»[58].

Целый клубок противоречий, существовавших в развитии высшей школы, и прежде всего попытки правого крыла российской бюрократии отыграться на высшей школе за свои политические неудачи и просчеты (прогрессивно мыслящих профессоров вытесняли из университетов, и пресекались все проявления университетской автономии),—в конечном счете создавали в студенческой среде атмосферу постоянного морального надлома. В. И. Вернадский в своей статье «1911 год в истории русской умственной культуры» описал «разгром» Московского университета в 1911 г., когда из него было уволено более 130 лучших преподавателей. Во время студенческих волнений университетская администрация «оказалась отстраненной от управления университетом; в университет произвольно являлась полиция и распоряжалась там согласно своим данным и своим инструкциям». В этой ситуации «университетское начальство никогда не могло знать, чем кончится любой день и какие последствия вытекут из самой пустой студенческой истории», а когда начались запросы о поведении отдельных преподавателей, основанные на агентурных сведениях, и «полицейские власти стали не только прекращать волнение, но подбирать аудиторию читающему профессору», то это унизительное положение вынудило ректора А. А. Мануйлова, его помощника М. А. Мензбира и проректора П. А. Минакова подать в отставку с административных должностей[59].

Ситуация морального надлома тяжело отражалась на всех студентах — и на тех, кто хотел учиться, и на тех, для кого требования профессоров оказывались непосильными. В статье А. С. Изгоева, опубликованной в знаменитом сборнике «Вехи», был дан историко-социологический анализ состояния российского студенчества. Автор преподнес общественному мнению немало нелицеприятных суждений о студенчестве. Он критиковал молодежь за «слабую культуру ума и воли, нравственное разгильдяйство, привычку к фразерству», писал, что «напряженная, взвинченная студенческая жизнь, создавая видимость какого-то грандиозного общественного дела, поглощая в ущерб занятиям много времени, мешает студентам заглядывать к себе в душу и давать себе точный и честный отчет в своих поступках и мыслях»[60]. Изгоев не отрицал того, что до 1905 г. сту-

денчество играло огромную положительную роль в политической жизни страны — «будило общественную мысль, ... тревожило правительство, постоянно напоминало самодержавной бюрократии, что она не смогла и не сможет задушить страну»[61]. Но признавая эту заслугу, он с горечью писал о том, что увлеченные политическими страстями студенты не стремятся к культурности и образованности, а это в конечном счете делает интеллигенцию бессильной и малополезной народу.

Рассмотрим теперь, что представляла собой российская система высших учебных заведений. В 1913/1914 учебном году в университетах обучались почти 36 тыс. студентов, что составляло около трети всего студенчества. С 1905 до 1913 г. число студентов выросло в полтора раза. Университеты имелись в обеих столицах — Петербурге и Москве, а также в Казани, Харькове, Киеве, Одессе, Юрьеве, Варшаве, Томске, Саратове. Внутренняя структура университетов сложилась в начале XIX в. и оставалась неизменной до 1917 г. Обучение велось на физико-математическом (с естественным и математическим отделениями), историко-филологическом (с историческим и словесным отделениями), юридическом и медицинском факультетах. Однако, не во всех университетах этот список был типовым. В Петербургском университете имелся восточный факультет и не было медицинского. В Юрьевском университете (сейчас Тарту в Эстонии) был богословский факультет, где готовили пасторов евангелическо-лютеранского исповедания. Не было всех перечисленных выше четырех факультетов в Томском и Саратовском университетах.

Наиболее привлекательной в начале века была юридическая специальность. На девяти юридических факультетах российских университетов обучалось более 15 тыс. студентов[62]. На втором месте по численности студентов (более 23 тыс. человек в 1913/1914 учебном году) шли технические вузы, которых было 15. Шесть институтов находилось в Петербурге: технологический, политехнический, горный, инженеров путей сообщения, гражданских инженеров (по строительству дорог и других гражданских сооружений) и электротехнический. Два института были в Москве — Императорское московское техническое училище (в советское время знаменитое Бауманское) и Институт инженеров транспорта. Четыре инженерных вуза находились на Юге Европейской России (в Екатеринославе, Киеве, Новочеркасске и Харькове), один в Сибири (Томск) и два в Балтийских губерниях и Царстве Польском (в Риге и Варшаве). Все эти города, за исключением Новочеркасска, входили в число крупнейших городов империи, причем 12 вузов действовали в университетских центрах (Петербург, Москва, Варшава, Харьков, Томск), где был уже отлажен полицейский надзор за студенчеством.

1910-е гг. стали временем преобразования учебной системы в высших инженерных учебных заведениях. Новые программы были нацелены на реализацию принципов научно-технической специализации. В начале XX в. система технического образования включала подготовку кадров по целому ряду специальностей (основными являлись «инженер-механик» и «инженер-технолог») и имела широкую географию. Чтобы получить инженерное образование, после 1905 г. уже не обязательно было ехать в Москву, Петербург или Харьков. К тому же, возникавшие в провинции вузы давали при поступлении льготы уроженцам близлежащих местностей. Экономически выгоднее становилось готовить кадры на месте. Начиная со 2-го курса будущие инженеры проходили практику на заводах, фабриках и железных дорогах. После долгих дебатов и изменений в учебных программах к началу XX в. в технических вузах была достигнута сбалансированность учебного процесса. Но несмотря на это, отсев студентов был значительным. До дипломов доходила только половина поступивших на 1-й курс. Кто-то не выдерживал интеллектуального напряжения, другие — тягот несытой студенческой жизни. К тому же среди строгостей, сопровождавших жизнь российских студентов, было запрещение вступать в брак (соответственно женатые не могли поступать в вузы). Исключения из этого правила начали допускаться, согласно циркуляру МНП, только с 1898 г. по разрешению попечителей учебных округов. И лишь с 1906 г. запрет был фактически отменен — на брак требовалось формальное разрешение ректора, как и для поступления женатых в вуз[63].

В 1906 г. закончилась эра безраздельного господства мужчин в инженерной профессии. В Петербурге открылись Политехнические женские курсы, где лекции читали профессора Политехнического и Технологического институтов. К 1916 г. было выпущено 50 женщин-инженеров[64].

Следующую позицию после университетов и технических вузов по количеству заведений занимали высшие военные и военно-морские учебные заведения, готовившие кадры для высших командных должностей в армии и на флоте. Их было восемь, в том числе: Академия Генерального штаба, существовавшая с 1832 г., Артиллерийская, Инженерная, Военно-юридическая, Интендантская, Морская академии, а также Морское и Морское инженерное училища. Последнее принадлежало к старейшим российским вузам — оно существовало с 1734 г. и базировалось в Кронштадте. Высшее образование армейские специалисты получали также в Военно-медицинской академии и в Восточном институте[65].

Имелось также 4 юридических вуза (Демидовский юридический лицей в Ярославле, Училище правоведения, Александровский лицей и Лицей цесаревича Николая Александровича), 6 сельскохозяйственных (Сельскохо-

зяйственный институт в Москве, Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии близ Варшавы, Лесной институт в Петербурге и др.). В шести богословских учебных заведениях готовили священнослужителей православного, евангелического, римско-католического и армяно-григорианского исповеданий. Православные духовные академии находились в Москве, Петербурге, Киеве и Казани; Армяно-григорианская духовная академия — в Петербурге, Римско-католическая — в Вильне. Центрами высшего музыкального образования были Петербургская (с 1862 г.) и Московская (с 1866 г.) консерватории. Незадолго перед войной открылись консерватории в Киеве (1912 г.) и Саратове (1913 г.).

Ярким явлением начала XX в. стало развитие высшего женского образования. К 1914 г. в России имелось 29 женских вузов, в которых обучалось более 25 тыс. студенток. История высшего образования для женщин в России была непростой, и любые попытки общественности организовать вузы для женщин наталкивались на многочисленные препятствия. Посещение женщинами университетских лекций в 1860-х гг. вызвало бурные дебаты в прессе и в министерских кругах. С 1869 г. министр просвещения граф Д. А. Толстой был вынужден разрешить открывать публичные курсы для лиц обоего пола. Несмотря на их популярность, они не давали, однако, слушательницам «никаких прав, кроме ранее существовавшей возможности стать домашней наставницей, гувернанткой или учительницей начальных классов»[66]. Невозможность получить нормальное высшее образование в России привело к тому, что русские женщины устремились в европейские университеты, особенно в 1880—1890-е гг. Журнал «Неделя» в 1890 г. сообщал: «Русские студентки разбросаны по всем университетам Европы, где только допускаются женщины, и повсюду составляют подавляющее большинство между учащимися женщинами» (к примеру, в 1901 г. в Швейцарии из 748 женщин-студенток 560 были из России)[67].

Наконец, в Петербурге в 1878 г. появились первые Высшие женские курсы (Бестужевские). Они представляли собой общеобразовательное учебное заведение университетского типа с тремя отделениями. Как и университеты, Высшие женские курсы имели историко-филологическое, физико-математическое и юридическое отделения. За десятилетие с 1900 по 1910 гг. было открыто еще 15 Высших женских курсов в разных городах, в том числе в Петербурге (Раева и Лесгафта), в Москве (так называемые Высшие женские, Женские юридические и Женские историко-филологические), в Киеве, а также в Казани, Одессе, Варшаве, Новочеркасске, Тифлисе, Юрьеве, Томске, Воронеже. Высшие женские медицинские учебные заведения были открыты в 1897—1910 гг. в Петербурге, Мо-

скве, Одессе и Киеве. Возникли и три женских сельскохозяйственных вуза, начавших свою деятельность после 1905 г.,— Высшие курсы Стебута в Петербурге, Голицынские курсы в Москве и Молочный институт в Вологде. В Петербурге имелись Политехнические курсы и Архитектурные курсы Багаевой. Четыре педагогических вуза находились в трех крупнейших городах — в Петербурге (два), в Москве и Киеве. В развитии высшего женского педагогического образования большую роль сыграла деятельность Фрёбелевского общества[68].

Несмотря на широкое развитие системы высшего образования, в стране существовал значительный дефицит дипломированных специалистов. Вот почему большое развитие получили не только государственные высшие учебные заведения, но и негосударственные — общественные и частные, которых появилось несколько десятков.

4. Проблема перехода ко всеобщему обучению.

Начиная с 1880-х гг.[69] и особенно в период революционного подъема 1905—1907 гг. российское общественное мнение при обсуждении вопросов народного просвещения в качестве одного из главных требований выдвигало общедоступность школы. В 1902 г. группой видных земских деятелей был подготовлен и издан сборник публицистических статей «Всеобщее образование в России». В нем анализировались и высоко оценивались итоги деятельности земства в этой области. Один из авторов сборника, Н. Ф. Буняков отмечал, что «тридцать лет тому назад у нас, на всем протяжении почти совершенно безграмотной тогда России, вся забота относительно народного образования была направлена на распространение в массе народа простой грамотности в смысле умения читать и писать хоть бы как-нибудь, хотя бы только механически». Начиная с конца XIX в., речь пошла уже не только об искоренении неграмотности, но и о всестороннем развитии младшего поколения и его представлений об окружающем мире. Осознание ценности образования в начале XX в. пришло не только к интеллигенции и власть имущим, но постепенно стало проникать и в гущу народной жизни. Н. А. Рубакин писал (около 1900 г.): «Одна школа... приходится теперь в России на 237 квадратных верст и на 1652 души населения. Немудрено поэтому, что около ста миллионов живых людей, таких же, как мы с вами, до сего времени отрезаны от книги, и некому показать им и разъяснить, что значат каких-нибудь три десятка крючков и завитушек, называемых буквами, будто это огромный, непреоборимый труд»[70].

Несмотря на собственную неграмотность, многие крестьяне, как свидетельствуют наблюдения народных учителей, уже понимали необходимость грамоты для своих детей. Учительница Н. Б. Петрова рассказывала, что, с одной стороны, некоторые крестьяне смеялись над детьми, особенно девочками, которые ходят в школу («Зачем тебе грамота? Муж будет пить, а ты бутылки считать?»), а с другой — имелись нередкие примеры сознательного отношения к детским урокам. Мать одного из учеников, простая необразованная женщина, уговаривала сына: «Ваня, учись, родимый, и гасу (керосину.— *Г. У.*) не жалей, сиди хоть до двенадцати, а ежели боишься, и я с тобой буду сидеть». Мать другого мальчика, Егора, читала вместе с ним, хоть и не знала букв. Когда он забывал, она ему напоминала: «Смотри, Егорка, эта совсем такая, что мы с тобой допреж читали, и хвостик в эту сторону загнут»[71]. Крестьяне очень ценили красивое и разборчивое письмо. Приводя детей в школу, крестьяне говорили обычно: «Пускай, мол, Петруха или Варька научится читать и писать, а то безграмотному плохо, как слепому»[72].

В условиях революционного подъема 1905—1907 гг. пришла в брожение вся сфера народного образования. Недовольство выплескивалось наружу на всех уровнях — в волнениях участвовали гимназисты и реалисты, студенты, учителя, критиковавшие как школьную и вузовскую администрацию, так и политику правительства в отношении просвещения в целом. Требования были самые разные: отменить обязательное посещение церкви, не вмешиваться в жизнь ученика вне школы, отменить в гимназиях латынь, уволить не нравившихся учащимся преподавателей[73]. Наиболее взвешенно и серьезно среди этого разноголосья обоснованных и необоснованных (да и просто неумных) требований прозвучал голос российской интеллектуальной элиты. Это произошло в январе 1905 г., когда в газете «Наши дни» была опубликована записка 342 ученых «Нужды просвещения». В этом документе известные ученые, в том числе 16 академиков, заявили, что «наука может развиваться только там, где она свободна, где она ограждена от постороннего посягательства... Где этого нет, там и высшая школа, и средняя, и начальная должны быть признаны безнадежно обреченными на упадок и прозябание»[74]. Авторы записки выступали против мелочного контроля административных органов государства буквально за всеми сторонами деятельности учебных заведений и характеризовали существующее положение так: «С глубокой скорбью каждый из нас вынужден признать, что народное просвещение в России находится в самом жалком положении, совсем не отвечающем ни насущным потребностям нашей Родины, ни ее достоинству»[75].

Согласно закону, принятому 14 июня 1910 г., в январе 1911 г. была проведена однодневная перепись начальных школ (в участвовавших в ней школах училось 60% всех российских школьников). Это было сделано с целью выяснения реального положения и потребностей *всеобщего обучения*. В анкету, состоявшую из 37 пунктов, были включены сведения о половозрастном и сословном составе учеников, их родном языке и вероисповедании, о расстоянии от дома до школы и т. д. Полученные данные показали, что в период с 1894 по 1911 г. прогресс школьного дела шел быстрыми темпами — число школ и учащихся увеличилось более чем в полтора раза[76]. Вместе с тем данные переписи подтвердили, что, кроме недостаточности количества школ, существуют еще две серьезнейших проблемы. Первая — отказы в приеме в школу, вторая — оставление детьми школы до окончания учебы. Так, в Петербургском учебном округе, куда входили Петербургская и еще 5 северных российских губерний, число отказов (более 25 тыс. детей в возрасте 7—14 лет) составило более 6% от всего числа учащихся. В первый класс не были приняты 15% от общего числа первоклассников. До окончания учебы оставили школу 17%, или 68 тыс. детей. В Московском учебном округе, охватывавшем 11 плотнонаселенных центральных губерний России, в течение учебного года из школ выбыло, не окончив курса, 16% мальчиков и 26% девочек — всего 216 тыс. учеников[77]. Такая же безрадостная ситуация наблюдалась и в других учебных округах. Печальнее всего было то, что дети бросали учебу, уже пробыв какое-то время в школе, хотя только каждый третий ребенок школьного возраста имел возможность посещать школу.

Об остроте этой проблемы писали и центральные, и местные газеты. В частности, в 1911—1912 гг. не раз обращалась к этой теме газета «Богородская речь», выходившая в крупном фабричном центре Московской губернии. Когда осенью 1911 г. было отказано в приеме в начальную школу 30 девочкам, «из которых только трем по малолетству, остальным же за неимением места», то «Богородская речь», мыслившая в данном вопросе высокими политическими и просветительскими категориями (и позиция этой скромной газеты уездного масштаба вызывает уважение), резко критически писала: «Наше городское управление почти накануне введения всеобщего обучения отказывает в приеме почти целому комплекту учащихся. Стыдно!». Вскоре был поднят вопрос о школе в селе Рахманово. Школа эта из года в год отказывала в приеме все большей массе детей, желающих учиться. В какой-то момент школу расширили за счет учительской квартиры, сделав из нее еще один класс, а учительницу выселив в неудобное помещение кухни. Но «дети всё продолжали лезть в школу». Председатель местного училищного совета сказал учительнице, обратив-

шейся к нему за советом: «Не принимать лишних». Было отказано в приеме 20 детям, и их родителям пришлось тщетно обивать пороги, прося о приеме детей в школу[78].

Основной причиной ухода детей из школы до окончания курса было тяжелое материальное положение среднестатистической российской семьи, которая для поддержания своего благосостояния была вынуждена пользоваться детским трудом в домашнем хозяйстве или на стороне. Для крестьянских детей посещение школы во время полевой страды было невозможным. Хотя учебный год начинался 1 сентября, но окончательно все ученики собирались только к половине октября. В марте, с началом полевых работ и других промыслов, для многих учение опять прекращалось. Учитель церковно-приходской школы Первушин из Оренбургской губернии в своих записках привел несколько таких случаев: «Из мальчиков одного отец еще до Пасхи отпустил в соседнюю деревню пасти скот». Другого «после Пасхи отец не стал пускать в школу как единственного сына, помогавшего отцу при засевании хлеба весною». Первушин писал: «Несколько раз ходил я на дом к отцам этих двух мальчиков, убеждал их не брать до экзамена детей своих из школы. Но все было тщетно». Еще одну девочку «мать взяла нянчить новорожденного ребенка, и несмотря на усиленные просьбы с моей стороны, а также и священника, мать не согласилась пускать больше дочь свою в школу»[79]. На всей территории страны эта проблема стояла очень остро, и в педагогической прессе звучали даже предложения отпускать детей в сельских школах в апреле-мае на 25 дней для помощи семье во время весеннего сева, а после продолжать учебный год, наверстывая пропущенное время[80].

По земским данным, из-за необходимости работать не посещала школу пятая часть всех остававшихся за пределами школьной системы детей. Однако основной причиной непосещения школы половина детей в возрасте 7—14 лет (респондентов анкеты, проведенной земством в середине 1890-х гг.) указала «бедность», еще 13% — «отсутствие обуви и одежды», 9% — «необходимость жить на стороне», 6% — «трудность платить за учение». 1% детей заявил, что они вынуждены «ходить по миру, побираться»[81]. Учителю Константинову, который пошел по крестьянским избам, чтобы уговорить родителей отпускать детей в школу, крестьяне отвечали, что сами знают, «что хорошо учить детей, и если не учат, так значит — нельзя, не могут». Учителя даже укоряли тем, что он *дразнит* детей, «которые плачут, желая учиться». Некоторые родители при этом добавляли, что «всем хочется учить детей, да не могут: не то что в школу, на двор выйти не в чем, по очереди ходят»[82].

Первые более или менее обоснованные проекты введения всеобщего начального обучения появились вскоре после переписи 1897 г., которая дала обширный и достоверный материал для оценки состояния народного просвещения. Наибольшее внимание профессионалов и общественности в целом привлекли два проекта — чиновника МНП В. И. Фармаковского (1903 г.) и статс-секретаря А. Н. Куломзина (1904 г.). Именно с учетом этих проектов, а также земских материалов вскоре был составлен и третий проект, вышедший из стен Министерства народного просвещения.

Проект Фармаковского предусматривал открытие целой сети новых школ с тем, чтобы все желающие дети 8—11 лет могли пройти курс четырехгодичного обучения. Стоимость проекта составляла около 108,5 млн руб., и он предназначался для 11 губерний Московского учебного округа, как наиболее развитых и подготовленных для реформирования школы. На вопрос, где взять деньги, Фармаковский отвечал однозначно: большую часть средств должно было обеспечить правительство.

По проекту Куломзина[83], начинать создание сети новых школ, которая постепенно должна была охватить всю страну, следовало с наиболее отсталых, окраинных районов. Стоимость проекта составляла 110 млн руб., при этом 41 млн руб. (около 37%) надлежало получить от государства, 20 млн руб. (18%) — от земств, 19 млн руб.— от сельских обществ и остальные 30 млн руб.— от земских сборов, городских обществ и частных пожертвований. По идее Куломзина, правительственная помощь предназначалась исключительно на открытие новых школ. Реформирование и улучшение уже существующих учебных заведений должны были обеспечить в сельской местности крестьянские общества и земства, а в городах — муниципальные бюджеты и благотворительные пожертвования частных лиц. Интересны данные о соотношении количества учеников и учителей. Проектом Куломзина предполагалось, что в сельских школах будет один учитель на 50, а в городских — на 60 учеников[84].

И по расчетам Фармаковского, и по расчетам Куломзина, число детей, остававшихся за стенами школы, составляло 6—7 млн человек. По отзывам земских деятелей, для реализации планов всеобщего обучения стране требовалось от 3 до 22 лет. Такой разброс в цифрах был вызван главным образом разительным отличием одних местностей Российской империи от других по общему уровню культуры, бытовым и экономическим условиям и этноконфессиональному составу населения. Если в Лифляндии общедоступность образования была почти достигнута (обучалось три четверти всех детей школьного возраста), то в ряде отдаленных местностей начальное образование почти отсутствовало[85].

Проект Министерства народного просвещения «О введении всеобщего обучения в России» был внесен министром П. М. Кауфманом в Государственную Думу 1 ноября 1907 г. и передан для разработки в специальную думскую комиссию. Пока шла работа по усовершенствованию проекта, в Государственную Думу были внесены еще два проекта: разработанный под руководством сменившего Кауфмана на посту министра А. Н. Шварца проект положения о начальных училищах и общественный проект, подготовленный Лигой образования и представленный группой из 76 депутатов (преимущественно кадетов). На основе трех вариантов впоследствии был составлен сводный, который к осени 1910 г. был внесен, а весной 1911 г. принят Государственной Думой. Однако когда проект поступил для утверждения в Государственный Совет, то был там отклонен. Такого поворота дел никто не ждал. Ситуация вызвала «замешательство и растерянность среди буржуазной интеллигенции, народных учителей, деятелей просвещения» [86]: ведь не только для левых и центристских политических сил, но и для правых не было сомнения в том, что «скорейшее осуществление в России всеобщего начального обучения является первейшей задачей государства» [87]. Так оказалось отложенным на неопределенное время «удовлетворение одной из насущнейших и неотложных нужд страны» [88].

Несмотря на непринятие важнейшего для судеб государства законодательного акта, III Государственная Дума продолжала работать в направлении увеличения финансирования школы, и в результате правительственные ассигнования на начальное обучение с 1907 по 1912 г. выросли более чем в 5 раз, составив 46 млн руб. [89]

* * *

Положительным фактом исторического значения явилось то, что в 1900—1913 гг. в обучение включались дети из всех слоев населения. Произошло преодоление такой ситуации, когда образование было доступным только для представителей привилегированных групп.

Отрицательным же было то, что в условиях революционизирования всей общественно-политической обстановки в стране высшая государственная власть своими негибкими действиями усиливала конфронтацию с преподавателями и учениками учебных заведений всех уровней. А это, в результате, вело к еще большему отторжению образованных либеральных сил от власти. Их нежелание понимать друг друга, в конечном счете, больно отзывалось на судьбе системы народного просвещения в России. Эта система, несмотря на значительные финансовые вливания из казен-

ных общественных средств, находилась в неуравновешенном моральном состоянии, и это не создавало благоприятных условий для работы. Тем не менее всего за каких-то 15 лет, предшествовавших началу Первой мировой войны, мысль о народном образовании как главном стимуле к продвижению страны по пути прогресса стала ведущей в умах как образованных людей, так и огромной массы простого народа.

Видные русские публицисты Г. Фальборк и В. Чарнолуский образно написали: «Русский народ — не жалкий нищий, которого можно удовлетворить подачкой черствого куска хлеба: он имеет такое же право на пользование благами широко поставленного элементарного образования, как и другие народы». В качестве подтверждения своей мысли они приводили трогательные слова одного гласного-крестьянина: «Расходами на народное образование вы не разорите народа»[90]. Ту же мысль развивал и выдающийся русский экономист и статистик А. И. Чупров в статье «Знание и народное хозяйство»: «Есть, конечно, немало причин, тормозящих развитие русского народного хозяйства, но в числе их мы должны поставить на самом видном месте ту почти повальную безграмотность, которая так резко отличает наше отечество от всех сколько-нибудь культурных стран». Он утверждал, что только образование может создать в людях потребность в лучшей жизни и указать им средства ее достигнуть. Если же этого не произойдет, то «могут пройти целые поколения без всякой перемены». И далее: «Большинство будет томиться в нищете, меньшинство, проникнутое желанием улучшить его судьбу, будет бесплодно тратить свои силы и средства, а между тем дело улучшения не подвинется ни на шаг». Единственный и беспроигрышный выход виделся в преодолении народного невежества: «Для того, чтобы благородные усилия лучших людей страны встретили для себя подготовленную почву, образование, хотя бы в самом элементарном виде, должно несколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшего. Не нужно забывать, что *единственный* способ для борьбы с бедностью заключается в увеличении производительности труда, для чего важнейший путь — знание и образование»[91].

5. Печать.

Рост грамотности населения, тяга простых людей к достоверным источникам информации о внешнем мире создали условия для бурного развития печатного слова — книг, газет и журналов. Этот процесс был неразрывно связан со стремительным развитием народного образования. По мнению современников, еще в 1870-х гг. безотрадное положение сущест-

вовало не только в глухой провинции, но и в столицах, а уж «в глубине России» царила «вековая тишина»[92]. Спустя 20 лет картина резко изменилась.

В 1880—1890-е гг. возникли солидные книгоиздательские и книготорговые фирмы капиталистического типа. Среди лидеров этой отрасли бизнеса ярко проявили себя Иван Дмитриевич Сытин, Алексей Сергеевич Суворин, издатель журнала «Нива» А. Ф. Маркс, владелец крупнейшего петербургского книжного магазина, модного среди петербургской знати Н. П. Карбасников, а также А. С. Панафидина, Н. В. Соловьев, М. Вольф и др.[93] В начале XX в. наступил подъем книгопечатания. Книжная продукция приобрела необычайное разнообразие — от простеньких книжечек, которые стоили по 75 коп. за сотню, до роскошно изданных юбилейных изданий в вычурном художественном оформлении (как, например, книга Н. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси» в 4-х томах с иллюстрациями И. Е. Репина, Е. Е. Лансере и А. Н. Бенуа). И все эти издания находили своего читателя, потому что, по слóвам И. Д. Сытина, не было «такого угла в народной жизни, где русскому издателю совсем нечего было бы делать. Народное просвещение, народное здоровье, народное богатство, народное хозяйство, народное ремесло — все требовало помощи, все искало опоры в науке и знании и не находило ничего. Кругом была пустыня, девственный лес...»[94]. И не случайно Сытин, сам проделавший путь от костромского крестьянского мальчика до миллионера, называл Россию «страной неограниченных возможностей и неограниченного невежества».

И эта полуграмотная Россия в 1908 г. по количеству издаваемых книг стала занимать третье место в мире после Германии и Японии[95]. В результате интенсивного формирования книжного рынка в 1913 г. в России было издано более 34 тыс. названий книг тиражом почти 119 млн экз. Стоимость их составила свыше 39 млн руб. Примерно четыре пятых всех книг выходило на русском языке[96]. Кроме русского, книги выходили еще на 48 языках: на польском (примерно 4%), латышском (3%), немецком (1,7%), идиш (1,7%), эстонском (0,9%), татарском (0,9%), древнееврейском (0,7%), украинском и литовском (примерно по 0,6%), грузинском и армянском (примерно по 0,4%)[97].

Наибольшим спросом на книжном рынке пользовались учебные пособия, народные издания, календари-справочники. Годовой тираж учебных пособий составил 22,6 млн экз., народных изданий — 21,6 млн экз., календарей — 13,7 млн экз. При этом учебных пособий было издано более 2760 названий, а народных изданий — более 2500 названий. Учебные пособия приносили российским издателям и наибольшую прибыль по сравнению с другими видами литературы — стоимость изданных в 1913 г. книг

приближалась к 10 млн руб. В следующую группу по прибыльности (тиражи от 2 до 7 млн экз. в год) вошли беллетристика (включая собрания сочинений, которых за год было издано почти 2 млн томов), религиозная, детская литература и уже упомянутые календари.

Неудивительно, что лидирующими центрами книгопечатания являлись обе столицы — Москва и Петербург. В 1913 г. в Петербурге вышло почти 8 тыс. книжных новинок, а в Москве свыше 6 тыс. Однако Москва в полтора раза обгоняла Петербург по тиражам изданных книг. В «первопрестольной» за год было отпечатано более 45 млн книг, что составило почти 40% всех книжных тиражей, вышедших в России в последний мирный год, а в Петербурге — почти 32 млн экз. (27%)[98]. Такое соотношение в значительной степени определялось тем, что в Москве печаталась львиная доля выпускаемых в России так называемых «книг для народа», написанных доступным, понятным языком и посвященных животрепещущим для ума и сердца простого человека вопросам и сюжетам. Наряду с неизменно популярными в последние 200—300 лет книгами «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» и быстро завоевавшим популярность «разбойником Чуркиным», с конца XIX в. в виде народных изданий стали издавать сочинения Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина, а также специально написанные рассказы Л. Н. Толстого, в которых рассматривались нравственно-этические вопросы.

Стоили «народные книжки» недорого — по 3, 5, 10 коп. Продавались они по всей России ходячими книгопродавцами — офенями. Такой офеня приходил в Москву, оптом закупал свежеизданные книги в районе Никольской улицы (там были сосредоточены крупные и мелкие книжные лавки) и возвращался в провинцию, где вел свой не очень-то прибыльный промысел. Рекордсмены среди офеней преодолевали тысячи верст (Пругавин писал об одном офене, преодолевшем за несколько лет 17 тыс. верст, или более 18 тыс. км., на пароходе, лошадях, пешком и на лодке и распространившем около 15 тыс. книжек)[99]. Некоторые из них специализировались на распространении книг в войсках, другие — на фабриках. Благодаря офеням книга доходила до самых глухих уголков российской глубинки.

В Москве находились крупнейшие издательства, специализировавшиеся на народной литературе,— издательство И. Д. Сытина и издательство «Посредник». «Товарищество И. Д. Сытина» в начале XX в. являлось крупнейшей и, можно сказать, самой легендарной из российских издательских фирм. Треть всех книг (по тиражу), выпускаемых в Москве в начале XX в., была издана Иваном Дмитриевичем Сытиным (1851—1934). Паевое

товарищество Сытина владело целым рядом типографий, постепенно скупая те полиграфические предприятия, которые не выдерживали конкуренции. На Пятницкой улице в Москве был специально построен оснащенный по последнему слову техники типографский комплекс из трех огромных четырехэтажных корпусов — известная в советское время и сейчас Первая образцовая типография. Качество полиграфии «Товарищества И. Д. Сытина» было отмечено золотыми и серебряными наградами на многих российских выставках, а также на всемирных выставках в Париже в 1889 и 1900 гг. и в Льеже в 1905 г. На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. изделия сытинской фирмы получили право использования государственного герба [100].

За первое десятилетие XX в. «Товариществом И. Д. Сытина» было издано около 14 млн экз. букварей и азбук, почти столько же книг духовно-нравственного содержания, 16 млн экз. беллетристики (837 названий), 34 млн экз. «народной литературы», 56 млн экз. календарей, 4,5 млн детских книг. Существенную часть продукции составляли напечатанные в семь красок (такой красочности и качества прежде не видали) «картины», в том числе портреты государя и императорской семьи,— их было издано несколько десятков миллионов штук [101]. К 1910 г. на долю фирмы Сытина приходилось 22% всех издававшихся в России учебников [102]. Товариществу принадлежало 4 книжных магазина в Москве, 2 — в Петербурге, а также магазины в Нижнем Новгороде, Воронеже, Киеве, Варшаве, Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Иркутске.

Свою начальную прибыль Сытин получил от издания лубочных картин и дешевых «народных» книжек. Но в отличие от большинства купцов, хозяйничавших на «Никольском рынке» (так, по названию улицы, стали образно называть систему популярной книготорговли и особенно той, что потрафляла дешевому вкусу обывателей), Сытин понимал, что книгоиздатели должны стремиться не только к наживе, но и к высоким идеалам преодоления умственной темноты народа. В качестве авторов он привлек ведущих русских писателей и ученых, а также молодых и подающих надежды специалистов. Книги стали выходить с иллюстрациями В. И. Сурикова, И. Е. Репина и других известных художников.

Сытин обладал удивительно тонким чутьем на читательский спрос. Принципом сытинского дела стало: «Как можно лучше и как можно дешевле!» Сытину принадлежал целый ряд свежих начинаний в книжном деле. Он развернул широкое печатание календарей, включая календари-альманахи в виде книжек и отрывные календари. Тиражи их доходили до 6 млн экз. в год (они, кстати, почти не давали прибыли, но расходы покрывались за счет изданий другого типа). В своих воспоминаниях Сытин так

писал о задачах календарей: «Я смотрел на календарь как на универсальную справочную книгу, как на домашнюю энциклопедию на все случаи жизни. В календаре должно быть все: и святцы, и железнодорожные станции, и экономика, и средство от лишаев, и государственное устройство России, и лечение ящура. Я имел в виду читателя массового, для которого календарь часто является его первой и последней книгой и который в календаре ищет ответа на все запросы пробуждающегося ума» [103].

Благодаря Сытину впервые проявила себя как особый жанр детская литература. До изданий Сытина в России были хорошие детские книги, издаваемые М. Вольфом, Битепажем, Колесовым. Но, во-первых, это была переводная (или переделанная на русский манер) литература, а во-вторых, цена книг (предпочитался подарочный тип издания стоимостью в 3 и даже 5 руб.) была очень высока, что делало издания доступными по цене только состоятельным людям. Сытин понял, что «развитие грамотности и рост школьного дела вызывали спрос на дешевую, всем доступную книжку: азбуку, сказочку, занятную побасенку» [104]. Вскоре в круг чтения русских детей вошли прекрасно иллюстрированные книги с русскими и украинскими народными сказками, со сказками братьев Гримм, Шарля Перро, Р. Киплинга. Непревзойденным образцом полиграфического искусства стало художественное издание сказок А. С. Пушкина. Не были забыты ставшие популярными в Европе и Америке, но неизвестные прежде широкому русскому читателю «Путешествие Гулливера», «Робинзон Крузо», «Хижина дяди Тома», произведения Ч. Диккенса и В. Скотта. Можно сказать, что в дальнейшем, включая и советский период, высокие вкусы российской читающей публики определялись тем уровнем, который был достигнут в начале XX в., и роль И. Д. Сытина здесь была, без преувеличения, исключительной.

До массового появления книг высокого литературного класса любимым чтением широких слоев являлись, выражаясь современным языком, детективы (из разряда «разбойничьих») с элементами мистики и чертовщины. Офени так и говорили в беседе с Львом Толстым, происходившей на сытинском складе: «Писал бы ты, Лев Николаевич, книжечки-то свои пострашнее, а то все милостивые пишешь да жалостливые. Такие берут только грамотеи: поповы дети, писаря, а в глуши, в деревнях только и выезжаем мы на чертяке... А к ним, чертякам, историйку подсочинить — вот бы и дело». Писатель Н. Д. Телешов отмечал, что копеечные народные издания Сытина и «Посредника» «завоевали-таки себе деревню и повытеснили „чертяку"» [105].

В 1891 г. Сытин купил журнал «Вокруг света», тираж которого через несколько лет вырос до нескольких десятков тыс. экз. В середине 1890-х гг.

по совету А. П. Чехова Сытин приобрел газету «Русское слово», тиражи которой в 1914 г. дошли до полумиллиона экз.[106] Но сказочный успех газеты пришел не сразу. Первые несколько лет приходилось преодолевать одно цензурное унижение за другим, газета терпела неудачи. Безграничные горизонты открылись перед газетой, когда главным редактором ее стал знаменитый журналист Влас Дорошевич.

Наряду с многотиражными и доступными народу изданиями в 1910-х гг. Сытин осуществил два совершенно выдающихся проекта, посвященных великим датам русской истории. Лучшие научные силы из российских университетов были привлечены для написания текстов. Шеститомный труд «Великая реформа» посвящался 50-летию отмены крепостного права, а семь томов издания «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» — столетию Отечественной войны 1812 г. Издатель говорил: «Мне хотелось, чтобы русская наука спустя 50 лет поближе заглянула в русскую деревню и подвела итоги: что было сделано за 50 лет для народа и до конца ли истреблены в русской жизни остатки рабства. По себе ... я знал, что не до конца. Моего сына не принимали в Поливановскую школу[107], потому что он был крестьянин. На выставках меня обходили наградами, потому что я был крестьянин»[108]. Об издании, посвященном войне 1812 г., Сытин отзывался так: «И здесь мое крестьянское происхождение давало себя знать. ...Кто из русских сословий был обойден, кого забыли при разделении наград и милостей? Мужика забыли, солдата забыли.... Тот, кто освобождал отечество, сам не был освобожден от рабства. В свободной России он один остался рабом, и еще полвека после наполеоновских войн его продавали, как скотину. Это была неслыханная неблагодарность, и мне хотелось, чтобы хоть через 100 лет на могилу русского солдата, солдата-раба, пришла история и поклонилась его светлой памяти»[109]. Несмотря на высокую цену, оба многотомника превосходно разошлись. В результате своей неутомимой деятельности И. Д. Сытин стал первым русским издателем-миллионером. Его издательство лидировало на российском рынке и по количеству названий, и по тиражам, и по получаемым доходам.

Вторым по тиражам после издательства Сытина было издательство «Посредник», ежегодно выпускавшее более 5 млн экз. книг. Оно возникло в 1884 г. по инициативе Льва Николаевича Толстого, В. Г. Черткова и И. И. Горбунова-Посадова и, по мысли его создателей, должно было играть роль посредника между русскими писателями и народом[110]. Книги «Посредника» стоили дешево — от 1 до 5 коп., и вся Россия читала их.

Большой популярностью пользовалась «Дешевая библиотека», издававшаяся еще одним ярчайшим деятелем российского книгоиздания —

Алексеем Сергеевичем Сувориным (1834—1912). К 1910 г. Сувориным было издано 366 названий книг тиражом 5 млн экз. Почти вся русская литература до середины XIX в. нашла свое отражение в «Дешевой библиотеке». Наряду с этим Суворин издавал «Научную дешевую библиотеку», серии исторических сочинений, а также художественные альбомы. Среди последних высоко ценились такие роскошные издания, как «Дрезденская галерея», «Лондонская галерея», «Императорский Эрмитаж». Используя свои связи с высшей бюрократией, Суворин фактически монополизировал издание объемных справочных изданий «Вся Москва», «Весь Петербург» и «Вся Россия». Он выпускал журнал «Исторический вестник».

Было открыто 6 фирменных «суворинских» магазинов, а вдобавок фирма Суворина (в 1911 г. она приобрела форму паевого товарищества, причем три четверти паев сохранил за собой Суворин) принимала ведущее участие в особом контрагентстве по торговле произведениями печати на железных дорогах[111]. На 150 станциях располагались суворинские газетно-журнальные киоски.

Однако главным делом А. С. Суворина была газета «Новое время», ставшая благодаря своему хозяину одной из крупнейших дореволюционных газет. Она выходила тиражом 40—60 тыс. экз. и была рупором националистически-консервативных сил. Газета обладала большим влиянием в административно-чиновничьих кругах, и «почти все министры и лица, назначаемые на высшие посты, чуть не тут же после получения назначения или в ожидании его стремились лично встретиться с А. С. Сувориным и произвести на него благоприятное впечатление»[112].

Одновременно с развитием книжного и газетного рынка с конца XIX в. в стране наблюдалось довольно интересное явление, отражавшее тягу даже неграмотных к книжной информации. Выдающийся русский библиофил Н. А. Рубакин описал его так. На людных местах в городах, главным образом на базарах, существовал особый тип бродячих чтецов, зарабатывавших на хлеб чтением публике всяких интересных книг. Например, в Харькове эти чтецы по добровольному соглашению разделили между собой площадь базара, и в каждом участке промышлял свой чтец. «Едва только рассветает, как эти чтецы, жалкие по внешности, худые и изможденные, появляются на базаре. Дрожа от стужи, эти люди снуют между торговками и другим пришлым на базаре людом и предлагают желающим «почитать». В охотниках послушать недостатка нет. Собирается группа в 8—10 человек, которые и располагаются вокруг чтеца. Последний взимает с каждого слушателя по копейке. Сами платные слушатели строго следят за тем, чтобы в числе их не было даровых слушателей. Лишь только к кучке приближается новое лицо, чтец прерывает чтение и

предлагает этому лицу тоже заплатить копейку»[113]. Дневная выручка чтецов доходила до рубля, не считая провизии, которая также считалась за гонорар.

Популярность чтецов свидетельствовала об их большой востребованности среди неграмотных и дала основание для вывода о том, что «читателей на Руси существует больше, чем грамотных людей». А поскольку спектр издаваемой литературы неуклонно расширялся, то в народе постепенно делались известными имена русских классиков и прежде всего А. С. Пушкина. Особенно быстро пушкинское слово вошло в народное сознание и в народный лексикон начиная с 1887 г. Дело в том, что 27 января 1887 г. настал день, когда истек 50-летний срок права собственности наследников на произведения великого поэта, и уже первое дешевое издание его сочинений, выпущенное А. С. Сувориным, «было буквально расхватано публикою чуть ли не с бою в течение какого-нибудь получаса времени». Всего в 1887 г. было выпущено почти полтора миллиона экземпляров сочинений А. С. Пушкина[114]. Громадное народное пристрастие к книгам Пушкина и Льва Толстого устойчиво сохранялось и в последующие десятилетия. Спрос на эти издания превысил самые смелые ожидания издателей, хотя до этого известный либеральный народник, публицист Н. К. Михайловский утверждал, что «Пушкин есть поэт по преимуществу дворянский» и поэтому «ни русский купец, ни русский мужик ему большой цены не дадут...»[115].

С огромным интересом к книге связан расцвет в эти годы рекомендательной библиографии[116]. Опубликованными книжными каталогами активно пользовались библиотечные деятели, книготорговцы, частные покупатели, публицисты. Поскольку сеть библиотек, особенно земских и муниципальных, развивалась быстро, каталоги оказались очень кстати. Любопытно, что в начале XX в. пользование каталогами стало столь распространенным, что даже небольшие провинциальные библиотеки издавали каталоги имеющихся в них книг. А уже упоминавшийся выше книгоиздатель Карбасников лично составлял и издавал книговедческие журналы «Антиквар» (1902—1903) для коллекционеров и «Русский библиофил» (1911—1915)[117]. Летом 1907 г. вышел первый номер ежемесячного государственного информационного библиографического указателя «Книжная летопись», издающегося и до наших дней[118]. Каталоги периодической печати тоже издавались ежегодно и как самостоятельные издания, и в разделах справочных изданий, таких, например, как ежегодник «Справочная книга о печати всей России»[119].

Периодика поражала своим разнообразием. История периодической печати началась в России с появлением в 1702 г. «Ведомостей» Петра I и

получила широкое развитие уже после Великих реформ 1860—1870-х гг. Во второй половине XIX в. сформировался и стандартный тип русских газет. Основными отделами в них были: официальный (где освещались действия правительства), внутренних известий и заграничных новостей. Для привлечения публики обязательно печатались фельетоны, уголовная хроника и «романы с продолжением». На рубеже веков все наиболее значительные российские газеты издавались исключительно в крупнейших центрах России. К началу 1913 г. 25% всей периодики выходило в Петербурге и 10% — в Москве (соответственно 531 и 208 наименований) [120]. Три четвертых всех тиражей газет и журналов издавалось на русском языке. По содержанию почти треть из них была посвящена политике, публицистике и литературе [121].

Нельзя обойти молчанием цензурный вопрос. «Над газетами, как вообще над всей печатью, постоянно тяготели жесточайшие цензурные ограничения». Царил цензурный произвол. Любая газета могла быть закрыта по соглашению четырех министров. Только после Первой русской революции положение изменилось. В ноябре 1905 г. были введены новые «Временные правила о периодической печати», отменившие предварительную цензуру и упростившие получение разрешения на новое издание. После ослабления цензурных ограничений наблюдался резкий рост числа новых газет самых разных политических направлений, в том числе либерально-монархических («Речь», «Голос Москвы», «Слово») и большевистских («Новая жизнь»). Однако после спада революционной волны власти стали в административном порядке закрывать неугодные газеты. Кроме того, согласно «Временным правилам», цензурное ведомство использовало и такой метод давления, как наложение крупных денежных штрафов за печатание «вредных» статей. Эти штрафы часто вели к угасанию преследуемых изданий.

Новый подъем прессы начался с 1910 г. В начале 1914 г. в Петербурге и Москве издавалось одновременно более 60 ежедневных газет — в 2,5 раза больше, чем в 1900 г. Суммарная величина общего одноразового тиража всех российских газет составляла 2,7 млн экз., при более чем 800 единицах газетных наименований [122]. Около 15 газет имели многотысячные тиражи: «Биржевые ведомости» — более 90 тыс. экз., «Листок-копейка» — 100 тыс. экз., «Петербургский листок» — 11 тыс. экз., «Новое время» — 62,5 тыс. экз., «Русское слово» — 263 тыс. экз., «Русские ведомости» — 30 тыс. экз., «Утро России» — 35 тыс. экз., «Церковные ведомости» — 46 тыс. экз. Большую роль в финансировании газет играли платные объявления. Благодаря платным объявлениям рекламного и частного характера газеты стали источником немалой прибыли для издателей. Их доходы, полученные бла-

годаря объявлениям, исчислялись в сотнях тысяч рублей. К примеру, в «Русском слове» доходы от объявлений составили в 1911 г. более 1 млн руб. и покрыли половину расходов по изданию [123]. Эта тенденция отражала новые запросы читателя. Уже на рубеже XIX—XX вв. в мелкой, а чуть позже и в крупной прессе, как писал один из известных журналистов того времени, «биржевой отдел затмил и спорт, и театр. «Рецензии» о биржевых сделках, повышениях и понижениях, появлялись изо дня в день, подстегивая одних, разочаровывая других, поощряя третьих, ввергая в меланхолию четвертых» [124]. Во многих газетах в 1907—1914 гг. рубрики акционерной хроники и биржевые справочные таблицы стали постоянными. Особенно развитой была реклама банков и других кредитных учреждений, популяризировавших свои ценные бумаги. Широко рекламировались рестораны, курорты, распродажи, отдельные товары.

Реклама стала неотторжимым явлением российской жизни. Ее уязвимые стороны даже нашли отклик в творчестве известных писателей. А. П. Чехов, например, написал небольшой рассказ «Писатель», герой которого — спившийся старичок-неудачник, потерявший все, кроме способности держать в руке малограмотное перо, находится на службе у «культурного» купца-владельца бакалейной лавки. Несчастный «писатель» составляет рекламу, прославляющую залежавшийся товар — чай сортов «Китайская эмблема, или зависть конкурентов», «Богдыханская роза» и прочую дрянь, и получает вознаграждение даже не деньгами, а «натурой». Купец всячески третирует его, но в то же время держит как «умственную силу», без которой уже нельзя обойтись И старик пишет цветистые рекламы, в то же время прекрасно сознавая, что он «обманывает всю Россию» [125].

В описываемый период среди периодики широким потоком появились специализированные издания справочно-экономического характера, среди которых были «Биржевые ведомости», ежедневная газета «Деньги», журнал «Биржа», иллюстрированный журнал «Банки и биржа» (с фоторубрикой «Рыцари финансового мира», где печатались портреты банковских магнатов).

Спектр названий газет стал своеобразным отражением социальных реалий предреволюционной России. Издатели шли навстречу вкусам и интересам публики. Любопытно, что появились такие ежемесячные журналы, как «Автомобиль», «Автомобилист» и «Автомобильное дело» (годовая подписка на них стоила 4—5 руб.) для интересующихся новым видом транспорта. Газеты «Бега и скачки» (московский еженедельник) и «Бега и фавориты» (издавалась в Петербурге накануне бегов) предназначались для азартных завсегдатаев ипподромов. Газета стала играть роль свахи —

имелись еженедельные «Брачная газета» и «Брачная мысль». Имели свою «Босяцкую газету» (стоимость подписки также составляла 5 руб. в год) лица соответствующих занятий, а для франтов издавалось более 20 модных журналов, в том числе и завлекающий своим названием «Венский шик»[126]. 30 изданий предназначалось для детей и юношества, 48 были юмористическими.

Однако это разнообразие нельзя однозначно оценивать положительно. В начале XX в. стало очевидным, что так и не сложившаяся до конца в российской жизни функция литературы и публицистики быть «рупором передовых общественных сил» неудержимо подрывалась сильнейшей коммерциализацией всего издательского дела. Писатель и журналист был зависим от законов рынка. Если для старшего поколения русских писателей (занявших свое место на литературной арене в предыдущий период) эта зависимость не была неотвратимой, то для представителей следующего поколения, даже для таких гигантов, как А. П. Чехов и Леонид Андреев, гонорары являлись источником существования и давали возможность для дальнейшего творчества. Величина гонораров была своеобразным «барометром успеха». При этом творчество популярных писателей покупалось издателями, грубо говоря, «на корню».

Когда в 1910 г. Л. Н. Толстой предложил Леониду Андрееву, гостившему в Ясной Поляне, писать для дешевых копеечных изданий «Посредника», тот отказался, заявив, что он «сделал, как Чехов: запродал какой-то фирме раз навсегда не только то, что написал, но и то, что он когда-нибудь в будущем напишет»[127].

В отличие от видных писателей, нравы газетной среды были еще проще и циничнее. Газеты шли по пути, который был еще в 1890-х гг. определен популярным московским газетчиком В. Н. Пастуховым, ответившим на вопрос генерал-губернатора о политическом направлении своей газеты «Московский листок»: «Кормимся, Ваше сиясь!»[128]

Недаром С. П. Мельгунов с горечью писал о драме литературной среды: «Печать теряет свое руководящее значение и в значительной степени переходит уже на положение служанки общественного мнения, а еще более делается простым барометром обывательских настроений». Он сетовал, что газеты стали обслуживать переменчивые вкусы толпы, падкой на сенсации, что «становится иногда жутко перед тем маразмом, который не только стучит в двери русской общественности..., но заполняет все и губит, как удушливые газы»[129].

Такова была пестрая картина состояния средств массовой информации. В отсутствие радио и телевидения — книги, газеты и журналы имели доминирующее влияние на все стороны общественной жизни. Они помо-

гали, но они и вредили, делая все более причудливой мозаику взглядов, вкусов и пристрастий во всех слоях общества — от утонченных интеллигентов и прожженных бюрократов до крестьян и рабочих.

Примечания

[1] С изданием «Положения о земских учреждениях» и «Положения о начальных народных училищах» в 1864 г. и «Положения о городских училищах» в 1872 г.

Большую роль в осознании необходимости активной борьбы с народной темнотой сыграли голод и холера 1891—1893 гг., когда удручающе низкий уровень жизни сельского населения стал ясным для многих представителей российских образованных слоев, включая бюрократию.

[2] Здесь и далее данные приведены или рассчитаны по кн.: *Чарнолуский В. И.* Спутник народного учителя и деятеля народного образования. СПб., 1908. С. 349.

[3] Грамотность новобранцев показывает высший предел грамотности мужского населения и дает возможность судить о динамике грамотности всего мужского населения.

[4] Данные приведены или рассчитаны по кн.: *Чарнолуский В. И.* Спутник народного учителя. С. 346.

[5] *Генкель Г.* Народное образование на западе и у нас. СПб., 1906. С. 4.

[6] Данные приведены или рассчитаны по кн.: *Чарнолуский В. И.* Спутник народного учителя. С. 357.

[7] См.: *Крузе Э. Э.* Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. Л., 1961; *она же.* Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг. Л., 1976. Цит. по: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М., 1991. С. 73.

[8] *Мижуев П. Г.* Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни. СПб., 1901. С. 71.

[9] Цит. по: *Обухов М.* Ближайшие практические вопросы народного образования в России. М., 1910. С. 196.

[10] Данные приведены или рассчитаны по кн.: *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912.

[11] Статистический ежегодник России. 1913. СПб., 1914. С. 4.

[12] *Толстой И. И.* Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907. С. 7—8.

[13] Статистический ежегодник России. 1913. С. 5.

[14] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 20.

[15] Статистический ежегодник России. 1913. С. 114—115.

[16] Данные приведены или рассчитаны по кн.: *Чарнолуский В. И.* Спутник народного учителя. С. 347.

[17] Там же. С. 347—348.

[18] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 7.

[19] См.: *Караваев В.* Земские расходы на народное образование в 1911 году // Народный учитель, 1912. № 16.

[20] См.: *Веселовский Б.* Народное образование и Государственная Дума // Современный мир. 1911. Кн. 1.

[21] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 8.

[22] Данные приведены по изд.: Указатель пожертвованных капиталов по Министерству народного просвещения. СПб., 1912.

[23] ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 134. Д. 275. Л. 17.

[24] Данные приведены по изд.: Указатель пожертвованных капиталов.

[25] *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. С. 199.

[26] См.: Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин. М., 1913. С. 158—159.

[27] Цит. по изд.: *Мандельштам О. Э.* «И ты, Москва, сестра моя, легка...». Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. М., 1990. С. 122.

[28] Там же. С. 124.

[29] Там же. С. 123.

[30] Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 3, 13—16, 137—142, 236.

[31] *Константинов С.* Два года в земской школе // Русская школа. 1913. № 2. С. 66.

[32] Там же. С. 62.

[33] *Розова С. Н.* Полвека в школе. Повесть о жизни сельской учительницы. Ярославль, 1952. С. 21.

[34] Там же. С. 25—26.

[35] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 10.

[36] *Толстой И. И.* Заметки о народном образовании в России. С. 5, 7.

[37] Рассчитано по изд.: *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 6, 22.

[38] См.: *Фальборк Г., Чарнолуский В.* Народное образование в России. СПб., б.д. С. 87—88.

[39] Там же. С. 112, 115—116.

[40] См.: *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 6, 72.

[41] *Дмитриев С. С.* Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С. 49.

[42] См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 331.

[43] См.: Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения. Пг., 1915. С. 9.

[44] Цит. по изд.: Материалы по реформе средней школы. С. 452.

[45] См.: *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 135.

[46] Там же. С. 136.

[47] Там же. С. 145.

[48] Данные приведены по изд.: Материалы по реформе средней школы. С. 10.

[49] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 31.

[50] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 14.

[51] Рассчитано по изд.: Россия. 1913 год. С. 333.

[52] Цит. по изд.: *Жукова Е. В.* Старый Павловский посад. М., 1994. С. 73—74.

[53] Там же. С. 80.

[54] Рассчитано по изд.: Россия. 1913 год. С. 346—349.

[55] *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века М., 1991. С. 181.

[56] См.: Там же. С. 181—183.

[57] См.: Там же. С. 184.

[58] *Вернадский В. И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. С. 8.

[59] Цит. по изд.: Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 141—142.

[60] *Изгоев А. С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 106, 111.

[61] Там же. С. 113.

[62] *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 47.

[63] См.: ЦИАМ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 494. Л. 132.

[64] См.: Первые женщины-инженеры. Л., 1967.

[65] См.: *Иванов А. Е.* Высшая школа России. С. 48—49.

[66] *Федосова Э. П.* Бестужевские курсы — первый женский университет в России. М., 1980. С. 43.

[67] Там же.

[68] Данные приведены или рассчитаны по изд.: *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. С. 38—39.

[69] В 1880 г. был издан 1-й том «Материалов по вопросу о введении обязательного обучения в России».

[70] *Рубакин Н. А.* Русские читатели и их обстановка // Вестник знания. 1901. С. 181.

[71] *Петрова Н. Б.* Из дневника народной учительницы. М., 1915. С. 9.

[72] *Константинов С.* Два года в земской школе. С. 82.

[73] См.: *Тебиев Б. К.* На рубеже веков: правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 103—111.

[74] Там же. С. 103.

[75] *Чарнолуский В.* Итоги общественной мысли в области образования. СПб., 1906. С. 39.

[76] См.: Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 1—4. СПб., 1913—1914.

[77] Там же. Вып. 1. С. 11; Вып. 2. С. 12.

[78] Цит. по изд.: *Жукова Е. В.* Старый Павловский посад. С. 63—64.

[79] *Первушин Л.* Из дневника учителя церковноприходской школы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1906. №2. С. 56, 57.

[80] См.: Распорядок занятий в сельской школе // Оренбургские педагогические записки. 1908. Вып. III. Декабрь. С. 42.

[81] *Вихляев Г.* Приемы выяснения влияния экономических условий на успешность начального обучения // Первый Общеземский съезд по статистике народного образования 1913 года. Доклады. Харьков, 1913. С. 250.

[82] Цит. по: *Константинов С.* Два года в земской школе. С. 72.

[83] А. Н. Куломзин был управляющим делами Комитета министров в 1883—1902 гг. С 1903 г.— член Государственного Совета.

[84] Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении. СПб., 1906. С. 48—49, 52.

[85] Там же. С. 99.

[86] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М., 1991. С. 62—64.

[87] Русская школа. 1913. №4. С. 73.

[88] Там же.

[89] Там же. С. 65.

[90] *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Народное образование в России. С. 158.

[91] Цит. по: *Мижуев П. Г.* Влияние народного образования на народное богатство. С. 76.

[92] См.: *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции. С. 18.

[93] См.: *Говоров А. А.* История книжной торговли в СССР. М., 1976. С. 235; *Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е.* История книги. Ч. 1. Книга в России до 1917 г. М., 1960. С. 138—142.

[94] *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1985. С. 149.

[95] См.: Полвека для книги: 1866—1916. Литературно-художественный сборник, посвященный 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина. М., 1916. С. 260.

[96] Данные приведены по изд.: Россия. 1913 год. С. 357.

[97] Там же. С. 359.

[98] Данные приведены по изд.: Россия. 1913 год. С. 357—360.

[99] *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции. С. 126.

[100] Очерк издательской деятельности Товарищества И. Д. Сытина. М., 1910. С. XVI.

[101] Там же. С. V.

[102] См.: *Рууд Ч.* Русский предприниматель, московский издатель Иван Сытин. М., 1993. С. 123.

[103] *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. С. 110.

[104] Там же. С. 124.

[105] Цит. по изд.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. С. 342—343.

[106] *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. 1914 г. М., 1984. С. 61.

[107] Поливановская гимназия была одной из лучших московских средних школ.

[108] *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. С. 156.

[109] Там же. С. 158—159.

[110] См.: *Говоров А. А.* История книжной торговли. С. 194.

[111] См.: Как печатается газета «Новое время» и что было сделано А. С. Сувориным за 33 года его издательской деятельности. СПб., 1911. С. 12—15.

[112] *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал. С. 44—46.

[113] Цит. по: *Рубакин Н. А.* Русские читатели и их обстановка. (Отдельный оттиск из журнала «Вестник знания»). Б. г. С. 175—176.

[114] Цит. по: *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции. С. 195.

[115] Цит. по изд.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. С. 92.

[116] *Дмитриев С. С.* Очерки русской культуры. С. 78.

[117] *Говоров А. А.* История книжной торговли. С. 236.

[118] См.: Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 268.

[119] Справочная книга о печати всей России. СПб., 1911—1912.

[120] См.: *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал. С. 31.

[121] Адресная и справочная книга «Газетный мир» на 1911 год. СПб., 1911. С. 329—330.

[122] См.: *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал. С. 37.

[123] Там же. С. 61.

[124] *Кугель А. Р.* (Homo Novus). Литературные воспоминания. Пг.—М., 1923. С. 116.

[125] См.: *Цыперович Г.* Реклама // Современный мир. 1911. №1. С. 191.

[126] См.: Альманах печати на 1909 год. СПб., 1909.

[127] Цит. по: *Булгаков В.* Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 188.

[128] Там же. С. 50.

[129] *Мельгунов С. П.* О современных литературных нравах. М., 1916. С. 19, 20, 56.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И МЕДИЦИНА

Г. Н. Ульянова

Как и в области народного образования, в области здравоохранения и медицины Россия отставала от передовых европейских стран. Современники признавали, что «в России болеют и умирают больше, чем в других странах Европы; в особенности велика детская смертность», а «средняя продолжительность жизни мала» [1].

Однако ситуация постепенно менялась. В здравоохранение был вложен большой труд и значительные средства, и в результате обеспеченность населения медицинской помощью постоянно возрастала. С 1901 по 1913 г. бюджетные расходы на медицинскую часть выросли в Российской империи с 43,9 млн руб. до 145,1 млн руб. в год, то есть в 3,3 раза. Особое развитие получили лечебницы, находившиеся под эгидой местного самоуправления (губернские и уездные земства получали 45% от всего госбюджетного финансирования здравоохранения, а города — 20%). Одновременно развивалась сеть больниц и амбулаторий при фабриках и заводах. Немалое число лечебных учреждений имелось в неземских губерниях, где развитие медицинской помощи шло в целом медленнее, чем в земских губерниях.

В 1913 г. расходы на медицинское обслуживание составили в среднем 90 коп. в год на каждого жителя страны. Учитывая неравномерность развития системы здравоохранения, этот показатель в разных местностях значительно колебался. В Петербурге и Москве расход на одного человека составлял более 4 руб. в год, в Варшаве, Одессе, Бакинском и Николаевском градоначальствах, в Московской губернии, Амурской, Приморской и Сахалинской областях — более 2 руб. [2]

Начало XX в. стало периодом профессиональной консолидации врачей, число которых превысило в 1914 г. 30 тыс. человек. Врач-интеллигент стал одной из ключевых фигур общественной жизни. Русская медицинская наука прославилась целым рядом достижений, в том числе разработкой теории иммунитета И. И. Мечниковым, а также практических способов борьбы с инфекционными болезнями. В этом контексте большое зву-

чание получили санитарно-гигиенические вопросы, а также разработка мер по предупреждению заболеваний. К примеру, от оспы в 1901—1908 гг. были привиты около 40 млн человек[3], однако и эти впечатляющие результаты признавались неудовлетворительными.

1. Продолжительность жизни. Уровень заболеваемости и смертности

По медицинским данным на рубеже XIX—XX вв. средняя продолжительность жизни россиян составляла 32,3 года (31,3 г. для мужчин и 33,4 г. для женщин). В то же время соответствующие средние показатели в странах Европы были следующими (по восходящей): в Австрии — 38,8, в Германии 42,2, в Италии 43, в Англии 46, во Франции 47,4, в Дании 51,9, в Норвегии 52,2, в Швеции 52,3 года[4]. Смертность в России была крайне высокой во всех возрастных группах как в детском, так и в рабочем возрасте. В региональном отношении наивысшие показатели смертности наблюдались в Пермской, Калужской, Оренбургской и Самарской губерниях. Среди городов хуже всего дело обстояло в Астрахани, городах Самарской и Саратовской губерний[5].

Особенно высокими показателями отличалась детская смертность, которая была настолько высока в России, что ни одна страна на европейском континенте не может быть сравниваема с нею[5а]. Здесь по всем возрастным группам до 15 лет Россия занимала первое место в мире[6]. В 1900—1909 гг. в стране ежегодно рождалось 4,8—5,2 млн человек, из которых в возрасте до года умирали 1,1—1,3 млн, что составляло 22—27% всех родившихся младенцев. На том же уровне этот показатель оставался и в 1910—1911 гг. (соответственно 27,4% и 23,7%), когда рождаемость упала до уровня 3,4—3,5 млн человек в год. Если сравнить эти цифры со странами Европы, то худшие показатели были в Венгрии и Австрии (около 20%). В то же время в Германии умирало 17,6% детей в возрасте до 1 года, во Франции — 12,1%, в Англии — 11,6%, в Швеции — 7,6%[7]. В России наивысшая детская смертность в возрасте до 1 года наблюдалась в 1902—1904 гг. в Пермской (37,1%), Нижегородской (34,2%), Вятской (33,7%) губерниях; а в 1905—1907 гг. в Костромской (36,1%), Нижегородской (34,9%), Владимирской (34,6%) губерниях. Наименьшей была младенческая смертность в прибалтийских губерниях и в Крыму, составляя 13—16%.

Причины высокой детской смертности у православного русского населения были известны и понятны современникам. Главной из них был низ-

кий уровень бытовых и санитарных условий крестьянского населения. К этому добавлялись ужасные деревенские обычаи крайне рано, чуть ли не с первых дней жизни ребенка, давать ему, кроме материнского молока, жеваный хлеб, кашу, другие пищевые продукты, вызывающие острые желудочно-кишечные заболевания. В результате, деревенский русский ребенок был «с первых же дней своей жизни поставлен в самые невыгодные условия ухода вообще и питания в частности»[7а]. Наивысшие показатели смертности приходились на лето — период интенсивных полевых работ. В некоторых губерниях летом смертность младенцев доходила до 80%, т. е. умирали 80 детей из 100 родившихся.

Врачи констатировали, что «главнейшими причинами громадной детской смертности в России являются тяжелый труд женщин во время беременности, отсутствие свободного времени и недостаток ухода за детьми как следствие крайней бедности и безграмотности»[8]. Российские исследователи начала XX в., сравнивая показатели смертности у православных русских, мусульман и евреев, также установили, что сравнительно низкая смертность у мусульман, «живущих в общем в весьма антисанитарных условиях», зависела от традиции обязательного грудного вскармливания детей в соответствии с религиозными предписаниями Корана[9], а также с тем обстоятельством, что в отличие от русских женщин, которые зачастую уже через несколько дней после родов вновь приступали к тяжелым сельскохозяйственным работам, мусульманки не менее месяца-двух были освобождены от всех семейных забот, кроме ухода за новорожденным. Тем же образом влияли традиции грудного вскармливания детей до года и на невысокую смертность в еврейской среде[10].

В следующей возрастной группе от 2 до 10 лет высокие показатели смертности обусловливались распространением в осенние и зимние месяцы острозаразных болезней — оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша и тифов. В городах эти показатели были ниже вследствие проводившихся там противоэпидемических мероприятий, а также лучшей обеспеченности населения врачебной помощью.

В возрасте 10—35 лет пик смертности от тех же острозаразных заболеваний приходился на весну (после 35 лет на зиму и весну), когда вследствие неполноценного питания сопротивляемость организма болезням резко падала.

От острозаразных заболеваний в 1901—1913 гг. ежегодно в России умирало от 358 до 508 тыс. человек[11]. Ниже приведем некоторые цифры (в тыс. человек).

При этом, несмотря на постепенное снижение смертности от острозаразных заболеваний, этот показатель был очень высоким — почти 400 че-

Таблица 1

Годы	Среднее количество умерших в год	От оспы	От скарлатины	От дифтерита	От кори	От коклюша	От тифов
1901—1905	466,3	41,9	112,4	53,3	107,8	73,3	78,4
1906—1910	423,1	42,0	106,6	57,6	80,3	63,9	72,7
1911—1914	374,3	29,0	86,9	54,8	85,1	58,2	60,2

ловек на 100 тыс. жителей, что втрое и вчетверо превышало показатели «неблагополучных» Венгрии, Австрии и Испании. В Англии, Германии и Голландии показатель смертности от острозаразных болезней составлял соответственно 80, 68 и 53 человек на каждые 100 тыс. жителей[12]. В «Отчете о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 г.» отмечалось, что «такие болезни, как сыпной и возвратный тифы и цинга, принадлежащие в Западной Европе в настоящее время к явлениям исключительным, наблюдались в России в количестве десятков тысяч случаев, встречались повсеместно и нередко принимали форму эпидемий»[13]. В 1913 г. наибольшее число заболевших пришлось на грипп (23%, или 3,6 млн человек), малярию (22%, или 3,5 млн человек) и сифилис (8%, или 1,2 млн человек)[14]. Показатели по онкологическим заболеваниям в России были ниже европейских, а по сердечно-сосудистым — примерно такими же, как в Европе. По данным 1912 г., по смертности от кори и коклюша Россию опережала Англия. По смертности от бугорчатки — Австрия и Франция. По болезням дыхательных органов Россия имела примерно одинаковые показатели с Францией[15]. Таким образом, в России больше всего были распространены именно эпидемические заболевания, напрямую связанные с низким уровнем гигиенических условий и ослабленным (вследствие плохого питания и удручающих бытовых условий) иммунитетом большей части населения.

Выдающийся российский деятель медицины (швейцарец по происхождению) Ф. Ф. Эрисман писал, что «пищевое довольствие наших русских рабочих оказывается бедным главными и наиболее ценными питательными началами — усвояемыми белками и жирами»[16]. Доктор С. Н. Игумнов из Харькова в своем докладе на одном из Пироговских съездов с горечью говорил о том, что важным фактором, способствующим развитию эпидемий, является тяжелое экономическое положение населения и прежде всего «голодовки». По словам Игумнова, народ «питается... одним лишь хлебом, не всегда доброкачественным и не всегда в достаточном количестве, все остальные продукты являются лишь приправой, вкусовыми веществами, сдабривающими его хлебное сухоядение»[17]. Вследствие жиро-

вого голодания во многих местностях ежегодно весной появлялось поголовное заболевание куриной слепотой (резкое падение зрения при слабом освещении). Результатом плохого питания было «громадное развитие заболеваний пищеварительных органов», «крайне высокий процент третичных форм сифилиса среди сельского населения». А чесотка и трахома, имевшие огромное распространение, в «Отчете о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 г.» прямо характеризовались как «болезни бедного, малокультурного, живущего в антисанитарных условиях населения»[18].

Вот почему в период 1901—1913 гг. распределение больных, обратившихся за помощью к врачам, по отдельным группам болезней из года в год давало одну и ту же картину. Наибольшее число больных (18%) приходилось на болезни пищеварительных органов, 17% — на заразные болезни, 11% — на болезни органов дыхания (легочный туберкулез не зря называли «болезнью бедняков»), 9% — на кожные заболевания, по 7% — на травмы и паразитические болезни. В 1913 г. в группе незаразных болезней 65% случаев составляли анемия и бледная немочь. В группе паразитических болезней 74% составляла чесотка, 11% — глисты. В группе «отравления» 72% приходилось на острое и хроническое отравление спиртом[19].

По наблюдениям врачей, типичной была картина, когда эпидемии развивались в ряде местностей на следующий год после неурожая хлебов. В 1903 г. наблюдалась эпидемия цинги в Новгородской губернии. Там заболело 18 344 человека. Громадные размеры цинга приняла в Старорусском уезде, где было зарегистрировано 16 890 случаев из всех 18 с лишним тысяч в губернии. Дело в том, что в 1902 г. был настолько сильный неурожай, что уже в декабре 1902 г. большинство крестьян, исчерпав собственные запасы, начали покупать зерно. Для этого «многие были вынуждены продать все, почти весь скот, всех лошадей, но вырученных через эту продажу денег едва хватило только на хлеб, а других необходимых к пище приправ, как-то: картофеля, капусты, луку, огурцов и проч.,— которые в 1902 г. совершенно не уродились, купить было не на что и негде»[20]. Крестьянам приходилось есть, «и то не досыта», один хлеб, а пить воду — редко кто мог себе позволить чай и квас. По мнению врачей, такое бедственное положение и скудное питание крестьян «подготовило почву для повального развития цинги». Эпидемия продолжалась три месяца, начавшись в марте. Были деревни, где в редком доме не лежал больной, и даже между крестьянами, которые считали себя здоровыми, не оказалось при осмотре ни одного, у кого десны не были бы припухшими и не кровоточили. Погасить эпидемию удалось только в июне благодаря Новгородскому губернскому земству и главному управлению Красного Креста. Земство

организовало 11 временных врачебных участков с усиленным медицинским персоналом, где были открыты временные больницы. А Красный Крест открыл 91 бесплатную столовую, где кормились 28 тыс. человек, которым было отпущено 1,3 млн порций еды. Кроме того, всем без исключения крестьянам выдавались продовольственные ссуды мукой [21].

Голод 1911 г. вновь принес в деревню ужасные бедствия. Была собрана только одна треть урожая против среднего. Видный врач-публицист Д. Н. Жбанков писал: «Болезни и случаи голодной смерти, разорение и повальное нищенство, калечение нравственного облика — грабежи, поджоги, торговля детьми и собой, самоубийства и полная физическая и духовная прострация — все это приносят с собой неурожаи в России» [22]. Сплошь пострадало 8 губерний, главным образом волжских, а также отдельные уезды еще 6 европейских губерний и сплошь или частью 11 губерний и областей в Сибири. Число нуждающихся, по самым приблизительным подсчетам, составило 8,2 млн человек. Саратов, Царицын и Сердобск были переполнены пришлыми, ищущими заработка крестьянами, которые, не находя работы, нищенствовали, а молодые крестьянки торговали собой. В Саратовском уезде школы пустовали, а редкие пришедшие в школу ученики падали в обморок от голода. В Сердобском уезде, напротив, «число учеников повысилось на 40%, родители посылают лишние рты в школы, рассчитывая на школьные столовые» [23]. Газета «Речь» писала о положении в Оренбургской губернии: «По неимению топлива многие семьи сходятся в одну избу и живут в страшной тесноте»; «земский начальник 2 участка Челябинского уезда просит об одежде: многие дети сидят дома абсолютно голые»; «мука из пшеницы урожая этого года темного цвета и едва ли годна для питания; башкиры прибавляют к муке белую глину, березку, кору, картофель, отруби, мякину» [24].

Итак, вспышки эпидемий наблюдались после каждого неблагополучного в сельскохозяйственном отношении года.

Еще одной тревожной тенденцией в начале XX в. являлось повышение заболеваемости населения сифилисом и чесоткой. Причем, заболеваемость возрастала абсолютно и относительно. В 1901, 1904 и 1905 гг. число сифилитиков было менее 1 млн человек, в 1902, 1903, 1906, 1907 гг. превысило 1 млн человек, с 1908 г. превысило 1,1 млн человек, а с 1910 г. уже не опускалось ниже 1,2 млн человек заболевших в год. В 1913 г. сифилисом заболело 1 млн 248 тыс. человек, главным образом в средневолжском и центрально-земледельческом районах.

Цифры о распространении чесотки были прямо-таки ужасающими. До 1899 г. наблюдалось не более 3 млн случаев в год, с 1901 г. число заболевших неуклонно возрастало с каждым годом, с 1908 г. перешагнув 4-милли-

онный рубеж, а в 1913 г. достигнув 5,5 млн случаев за год. Наиболее страдали от чесотки жители малороссийских и северных районов, а именно, Екатеринославская, Харьковская, Вятская и Вологодская губернии [25].

И вновь, врачи признавали, что распространение всех этих заболеваний являлось следствием ослабления иммунитета из-за неудовлетворительных санитарно-бытовых условий большей части населения. В марте 1905 г. в выступлении врача-делегата из Саратова на Пироговском съезде по борьбе с холерой прозвучал социальный диагноз причин высокой заболеваемости населения: «И теперь наши поселения так же мало удовлетворяют основным требованиям санитарии, как и десять лет назад» [25а].

2. Городская и земская медицина. Врачебное дело в неземских губерниях. Фабричная медицина.

Описание системы здравоохранения, существовавшей в России в начале XX в., следует начать с земской медицины, потому что именно здесь нашли свое воплощение прогрессивные формы оказания медицинской помощи населению. В 1914 г., в дни празднования 50-летнего юбилея введения земских учреждений журнал «Общественный врач» писал: «Вряд ли кто будет отрицать совершенно исключительное значение всей совокупности земской работы в русской жизни: только с возникновением земских учреждений началась в стране организованная культурная работа, приблизилась к населению и медицинская, и агрономическая помощь; на земской работе вырос и воспитывался целый ряд общественных деятелей и выдающихся специалистов в разных областях педагогики, медицины и санитарии, агрономии, статистики и т. д.; в земской работе десятки лет воспитывался русский человек как гражданин, ибо другого легального поприща для проявления общественности и гражданственности тогда не было» [26]. Земская медицина в России «зародилась в особой исторической обстановке периода, следовавшего за освобождением крестьян». Она постепенно «развивалась в определенном направлении под действием особых культурно-исторических условий нашей родины с ее чрезвычайно слабым развитием городов и городской культуры, с ее еще свежими психологическими навыками сельского общинного строя» [27].

В круг действия земской медицины в 34 земских губерниях Европейской России входили: организация бесплатной медицинской помощи с бесплатной выдачей лекарств через амбулатории, бесплатное лечение в больницах, бесплатные хирургические операции и родовспоможение, а также предупреждение эпидемических заболеваний и проведение других са-

нитарных мероприятий. Надо напомнить, что, по данным за 1910 г., 34 земские губернии занимали чуть менее половины площади Европейской России с Кавказом (2,49 млн кв. верст из 5 млн) и в них проживало 60% населения указанной территории (74 млн человек сельского населения).

Как и в других областях земской деятельности, в основу земской медицины были положены такие выработанные годами принципы, как «общедоступность и равномерность пользования населением услугами земских учреждений» при тщательном учете всех местных условий[28]. Следуя этим принципам, земская медицина пользовалась доверием народа и развивалась планомерно — новые врачебные участки, амбулатории и больницы возникали там, где в них существовала наибольшая нужда. Основой земской медицинской организации в начале XX в. были так называемые «врачебные участки» (эта же система существует в России и сегодня). Но участковая система возникла не сразу. Сначала земства придерживались так называемой разъездной системы: на территории, закрепленной за врачом, имелись особые выездные пункты в крупнейших селах, куда врач выезжал в определенные дни месяца для приема больных. Разъездная система возникла не из потребностей населения, а из возможностей земского бюджета, в котором ассигнования на медицинские расходы вначале были минимальными.

При разъездной системе доктору приходилось 1—2 дня находиться в каком-либо селе или деревне, а попутно проверять и фельдшерские пункты[29]. На Дрезденской гигиенической выставке 1912 г. в качестве экспоната русского отдела была представлена большая картина «Земский врач в разъездах». На ней были изображены сани, запряженные «гусем» (то есть, 3 лошади друг за другом, чтобы можно было ехать по узкой зимней дороге), в которых сидел земский врач, закутавшийся в тяжелую шубу. Ямщик уже был готов к отъезду от лечебницы. «Много часов ежедневно и много дней терялось врачом в пути»[30]. Уже с 1880-х гг. неудобства разъездной системы часто критиковались на медицинских съездах. Постепенно начался переход к новой, стационарной системе, при которой в каждом участке земство устраивало лечебницу с амбулаторией, собственно больницей, сифилитическим отделением, заразным бараком, родовспомогательным отделением и домом для персонала.

Не всегда каждое из этих отделений размещалось в отдельном здании. В архитектурном отношении простейший тип земской лечебницы представлял собой деревянный (реже каменный) одноэтажный дом, построенный в виде буквы «П». В одном крыле размещалась амбулатория, в другом — кухня и подсобные помещения. В удлиненной средней части вдоль бокового коридора имелось 3—4 палаты для больных (как правило, на 4 че-

ловека), операционная, комната для рожениц и родивших. В амбулаторном крыле находилось несколько комнат, в том числе ожидальня, из нее был вход в кабинет врача и перевязочную и отдельный вход в комнату-аптеку[31].

Участковый врач должен был оказывать лечебную помощь всем приходящим больным, руководить больничным отделением, делать хирургические операции, а также принимать роды. Приведем содержание еще двух картин, рисующих жизнь земской медицины и представленных на гигиенической выставке в Дрездене. Одна из них изображала двор земской амбулатории в Николо-Погореловском участке Смоленской губернии. В часы амбулаторного приема весь двор был буквально запружен телегами, на которых съехались отовсюду больные. На другой картине была представлена «ожидальня» в одной из земских лечебниц Саратовской губернии: обширная комната была заполнена людьми, сидящими в очереди к доктору,— здесь и женщины с малыми детьми, и подростки, и взрослые, и старики[32].

Постепенно у сельских жителей вырабатывалась привычка обращаться при всех заболеваниях в свою участковую лечебницу. По подсчетам одного из земских врачей-статистиков, при расстоянии не больше 5—6 верст от лечебницы туда обращались все 100% больных, при расстоянии от 6 до 12 верст до лечебницы добиралась только половина заболевших, а свыше 12 верст — до 20% и менее в год[33]. В 1910 г. больницы имелись уже в 64% (1670 из 2686) земских врачебных участков. Кроме того, 331 участок обслуживался уездными больницами, и, таким образом, только 24% земских врачебных участков были лишены больниц. По данным за 1910 г., в сельской земской больнице в среднем было 13 кроватей, в уездной — 45, а в больницах губернских городов (таких имелось 32) — приблизительно 190 кроватей в каждой[34].

Энергичная деятельность врачей приводила к тому, что недоверие, проявляемое вначале к земским врачам, постепенно перерастало в уважительное и доверительное отношение. Приведем типичную биографию земского врача, отдававшего все свои силы служению народу. Сын протоиерея г. Оханска Пермской губернии Александр Николаевич Попов учился в Петербургской медико-хирургической академии (как стипендиат Пермского управления Красного Креста) и после окончания учебы вернулся к себе на родину. Сначала 12 с половиной лет он проработал земским врачом в Оханском уезде, а потом его пригласили быть хирургом в Александровской больнице Пермского губернского земства. На фотографии Попов предстает перед нами мощным широкоплечим мужчиной («косая сажень в плечах») с крупными чертами лица и уверенным взгля-

дом. Весь его облик должен был располагать к себе больных. Когда Попов переезжал из Оханского уезда в Пермь, то крестьяне девяти волостей Очерского врачебного участка преподнесли ему икону с благодарственной надписью, а «население пожелало открыть народную читальню имени Попова в знак уважения к своему доктору»[35].

Развитие земской медицины оказало влияние на становление всей системы российского здравоохранения. С использованием основных принципов земского здравоохранения создавалась и *система медицинской помощи в городах*. Однако в городской медицине акцент делался прежде всего на санитарно-гигиенических мерах, регулировании жилищного вопроса и на вопросах общественного призрения. Несмотря на активную деятельность городских дум, русские врачи считали, что и к 1914 г. «наши города значительно отставали от земств в деле санитарного благоустройства». Статистика показывала, что «больницы имелись только в 12,4% городов, водопроводы в 20% городов, а общая сплавная канализация только в 13 городах»[36].

Безусловно, наилучшим образом была налажена медицинская помощь населению в Петербурге и Москве. В Петербурге муниципальная врачебная помощь была организована с 1884 г. и осуществлялась почти бесплатно. В 1914 г. на городской службе — в 12 больницах, 12 амбулаториях и 15 родильных приютах — состояло 440 врачей, 170 фельдшеров и 100 акушерок. В муниципальных больницах Петербурга было более 12 тыс. мест (и еще почти 10 тыс. мест в больницах других ведомств и частных лиц). Интересно, что уже с 1900 г. в городских амбулаториях была организована ночная неотложная помощь больным. Однако «скорая помощь для несчастных случаев на улицах» осуществлялась не городской думой, а под эгидой общества Красного Креста[37].

В Москве муниципальная лечебная помощь была организована с 1866 г., когда во время эпидемии тифа была создана больница на 240 кроватей. В 1888 г. городу принадлежало уже 9 больниц, а к 1914 г.— 21 больница на 8 тыс. кроватей, 14 амбулаторий и 11 родовспомогательных заведений. Помощь осуществлялась бесплатно. Всего на городской службе в 1913 г. было 436 врачей, из них 95 в амбулаториях. Амбулаторные врачи работали очень напряженно, принимая по 60 больных в день. В 1913 г. в муниципальные амбулатории обратилось почти 700 тыс. человек (при населении Москвы в 1,4 млн человек). Помимо муниципальных лечебниц, в Москве действовали 20 университетских клиник, 22 больницы благотворительных ведомств, 88 частных и 157 фабрично-заводских больниц (таким образом, кроме муниципальных кроватей, было еще около 4,5 тыс. мест). В городе имелось общество скорой помощи, обеспеченное автомо-

билем,— но только для оказания помощи в общественных местах. На благотворительные средства были созданы еще 7 станций скорой помощи при полиции. В отличие от Петербурга ночное дежурство осуществлялось только частными врачами и лечебницами[38].

Третьей важной составной частью системы здравоохранения после земской и муниципальной была *фабрично-заводская медицина*, развитие которой началось в России после 1866 г., когда в ожидании эпидемии холеры было принято постановление Комитета министров об обязательном устройстве предпринимателями больниц при заводах и фабриках из расчета 1 кровать на 100 рабочих. Конечно, хозяева предприятий чаще всего медленно и неохотно устраивали больницы, однако развитие рабочего законодательства привело к принятию в 1903 г. первого правительственного закона об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими. Реализация этого закона пошла быстрее после 1905 г., когда стало возможным создание рабочих профсоюзов, вплотную занявшихся вопросами оказания медицинской помощи. По закону о государственном страховании рабочих, принятому в 1912 г., в России начали учреждаться больничные кассы, выдававшие пособия по «больничным листам» рабочим на период нетрудоспособности[39]. Безусловно, создание системы больничного страхования было положительным моментом. Однако после введения закона 1912 г. система коечного лечения в больницах при фабриках стала угасать, поскольку обязательной для предпринимателей осталась только организация амбулаторного лечения и первой помощи при несчастных случаях. Фабрично-заводские больницы не были полностью уничтожены, но предприниматели перестали создавать новые лечебницы, предпочитая договариваться о лечении своих рабочих с какими-нибудь благотворительными учреждениями или частными лечебницами.

3. Положение российских врачей. Деятельность Пироговского и других медицинских обществ.

Одной из причин неблагополучной санитарно-эпидемиологической ситуации являлся недостаток профессионального медицинского персонала. Это и неудивительно, поскольку в России позже, чем в других европейских странах, началось развитие высшего и среднего медицинского образования. К тому же огромные размеры территории России затрудняли нормальное медицинское обслуживание, особенно на периферии. Один из выпускников Петербургской Медико-хирургической академии, работавший в Уральской области и в Тургайской степи, писал, что в

1880—1890-х гг. он «в течение 14 лет... был *единственным* врачом для города и уезда на многие сот верст»[40].

Если взять динамику роста количества медиков, то прогресс здесь был очевиден. Можно даже говорить о больших успехах в подготовке дипломированных врачей. Если в 1889 г. в России было около 13 тыс. врачей (примерно 12,3 тыс. мужчин и несколько сот женщин)[41], то через 20 лет (данные за 1911 г.) Россия по численности врачей (25,5 тыс.) вышла на второе место в Европе вслед за Германией (около 32 тыс.), опередив Англию (25,4 тыс.) и Италию (21 тыс.)[42]. Еще через 4 года, к середине 1915 г. Россия сохранила свои лидирующие позиции: в стране насчитывалось более 33,1 тыс. врачей, что обеспечило ей 3-е место в мире после вырвавшейся вперед Японии (36,6 тыс. врачей) и Германии (34,1 тыс.)[43]. При этом, «благодаря большей доступности образования и более сильному стремлению получить его врачи стали вербоваться из слоев общества все более и более демократических»[44]. Резко возросло число женщин-врачей: в середине 1915 г. их число составило 4270 человек (13% от общего количества), в то время как мужчин было почти 29 тыс. человек. А ведь в 1903 г. женщин-врачей было всего 4%[45].

Однако в начале XX в. по-прежнему остро стоял вопрос о неравномерности обеспечения населения медицинской помощью. В России в 1911 г. один врач приходился на 6360 человек (в 1915 г.— на 5140 жителей), в то время как в Англии один врач приходился на 1400, а в Германии — на 2 тыс. человек. Но при этом обеспеченность жителей крупных российских городов медицинской помощью была такой же, как в Европе, и даже лучше. По данным за тот же 1911 г., в Харькове один врач обслуживал 550 человек, в Петербурге — 700, в Одессе — 740, в Москве — 900, тогда как в Лондоне — 720, в Вене — 750, в Париже — 790, а в Берлине — 800 человек[46]. Таким образом, в России наблюдалась концентрация врачей в крупнейших городах. Это давало повод говорить о «переполненности рынка врачебного труда» (слова писателя В. В. Вересаева, работавшего врачом)[47]. Дело в том, что число штатных мест врачей — государственных, земских и муниципальных — было недостаточным (много меньше, чем дипломированных врачей) и к тому же зарплата врача была небольшой — земский врач получал 1200—1500 руб. в год.

Парадокс заключался в том, что более всего в медицинской помощи нуждались бедные крестьянские слои населения. Между тем в сельской местности в начале 1914 г. 1 врач приходился в среднем на 20 тыс. человек. Но крестьяне рассчитывали в основном на бесплатную медицинскую помощь (доктор С. А. Новосельский писал, что «население слишком бедно, чтобы пользоваться платной помощью»[48]). Поэтому врачи, не нашед-

шие себе штатного места, могли искать себе заработка и открывать частную практику только в городах. Этот перекос стойко держался начиная с 1880-х гг. и не мог быть устранен иначе, как резким увеличением количества врачебных вакансий в сельских местностях. Однако как у государства, так и у местного самоуправления (земств и городских дум) не было необходимых средств для решения этой проблемы. В результате, возможность обращения к врачу имела лишь часть населения, тогда как другая, как писали современники, «болеет и умирает без всякой помощи»[49]. В результате нехватки врачей в России, особенно в сельской местности, было много фельдшеров, не имевших высшего медицинского образования. В 1903 г. почти треть всех больных была принята фельдшерами, а две трети — врачами[50].

Тем не менее постепенно положение улучшалось, о чем свидетельствовало постоянное увеличение количества лечебных участков. В 1902 г. в стране было 2892 участка, в 1905 — 3158, в 1908 — 3525, в 1911 — 3925, в 1913 — 4282[51]. Наиболее обеспечены бесплатной медицинской помощью были жители 34 земских губерний — на протяжении всего периода 1901—1913 гг. врачебные участки земских губерний составляли около 70% от всего количества врачебных участков по стране. В каждом уезде земских губерний в начале XX в. имелось по 4—5 врачебных участков. Для центральной России диаметр среднего участка составлял примерно 30 верст с лечебницей в центре. В участке обслуживалось, как правило, 100 селений с 20 тыс. жителей[52]. Поэтому все большее признание получала стационарная система медицинского обслуживания, когда население само приезжало в больницы и амбулатории. Среди врачей шли постоянные дискуссии о размере врачебного участка. Участниками Пироговских съездов в 1900-х гг. было признано, что наиболее действенно помощь может оказываться в участке с радиусом не более 10—15 верст — в этом случае медицина становилась доступной для всех жителей участка.

В неземских губерниях, по примеру земских территорий, правительством организовывались сельские врачебные участки с небольшими больницами на 6—10 коек или приемными покоями (на 2 койки) и с двумя сельскими врачами в каждом участке. По законодательству больницы и амбулатории обязательно создавались также в фабрично-заводских поселках, на железных дорогах, при тюрьмах.

В результате бесплатное медицинское обслуживание постепенно становилось доступным для самых различных слоев населения страны. Это наглядно показывает медицинская статистика. В 1901 г. в России медицинскую помощь получили 49 млн человек, в 1904 г. — 57 млн, в 1907 г. — 69 млн, в 1910 г. — 86 млн и в 1913 г. — 98 млн человек, то есть две трети

всего населения[53]. При этом примерно 90% больных обращались за помощью в общественные лечебницы (86% в амбулатории, 3—4% — в больницы) и только 7% к частнопрактикующим врачам[54].

К концу 1913 г. в России насчитывалось почти 8 тыс. больниц со 177 тыс. кроватей (без учета психиатрических больниц и родильных приютов). Около 2 тыс. лечебных заведений представляли собой маленькие больнички на 2—3 койки. Общее число коек было незначительным — на 10 тыс. жителей приходилось 10,6 больничных коек, в то время как в благополучной Германии — 40,6 коек. С 1901 по 1913 гг. количество мест в больницах увеличилось почти в 1,7 раза (с 136,5 тыс. до 227,9 тыс., включая психиатрические больницы и родильные приюты), а число пациентов, воспользовавшихся помощью в этих больницах, за тот же период выросло в 2,1 раза (1 млн 697 человек в 1901 и 3 млн 506 тыс. человек в 1913 г.)[55]. Что касается обеспеченности лекарствами, то в сельских (неземских губерний), земских и муниципальных лечебницах лекарства обратившимся за помощью выдавались главным образом бесплатно. Существенно выросло число аптек, где в рецептурных отделах и отделах ручной продажи можно было купить необходимые лекарственные препараты. В 1903 г. в империи насчитывалось 3 765 аптек с годовой выручкой около 20 млн руб., а в 1913 г. — уже почти 6 тыс. аптек (и свыше 12 тыс. фармацевтов) с годовой выручкой 33 млн руб.[56]

Что касается профессионального статуса врача, то согласно российскому законодательству, врачебная практика в Российской империи разрешалась исключительно лицам с дипломами медицинских факультетов университетов или Военно-медицинской академии. Врачи-иностранцы с дипломами европейских университетов были обязаны знать русский язык.

Управление врачебно-санитарным делом координировалось Медицинским департаментом МВД. Существовал (с 1804 г.) и медицинский совет МВД — высший врачебно-ученый совещательный орган, куда входили, наряду с инспекторами различных министерств и ведомств, ведущие представители медицинской науки — к примеру, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Г. В. Хлопин[57]. Медицинскому департаменту подчинялись губернские врачебные управления, в ведении которых находились все лица, занимавшиеся медицинской практикой на территории губернии (или области). Практика в каком-либо городе или в сельской местности могла осуществляться только с ведома местного врачебного управления. Для того чтобы помощь оказывалась только профессиональными медиками, Медицинским департаментом МВД ежегодно издавался так называемый общий «Российский медицинский список», содержавший имена всех штатных и вольнопрактикующих врачей, фармацевтов, дантистов и повиваль-

ных бабок в стране. Этот список имелся во всех аптеках, чтобы фармацевты отпускали лекарства, назначенные только профессионалами, а любой человек, нуждавшийся в лечении, мог проверить, допущен ли врач к лечебной практике[58].

Закон гласил: «Первый долг всякого врача есть быть человеколюбивым и во всяком случае готовым к оказанию деятельной помощи всякого звания людям, болезнями одержимым»[59]. Если врач, акушер или фельдшер не являлся по просьбе больного для оказания помощи «без особых законных к тому препятствий», то в первый раз он подвергался денежному штрафу до 10 руб., во второй — до 50 руб., в третий — до 100 руб. (последняя сумма зачастую была больше месячной зарплаты штатного медика). Если же врач неоднократно проявлял «неисправность и неуважение к страждущему человеку», то он мог быть отрешен от должности[60]. При этом в законе оговаривалось, что помощь людям бедным и неимущим, проживающим в участке, закрепленном за врачом, оказывается бесплатно. С посторонних же лиц, не проживающих в участке, могла браться плата.

Обязанностью врачей было сообщать местному медицинскому начальству о каждом случае «повально-заразительных и прилипчивых болезней» (то есть эпидемических заболеваний.— *Г. У.*), чтобы можно было принять меры против распространения эпидемии. Врач, не сообщивший об опасном заболевании, мог быть подвергнут взысканию. При этом во время эпидемий главнейшие решения принимались губернаторами.

Врач в дореволюционной России стал одной из ключевых фигур российской интеллигенции. В высших медицинских учебных заведениях студентов-медиков воспитывали в традиции, что «врач не ремесленник, а подвижник, носитель в жизни света знания и гуманности». Идея общественного служения помогала врачам, находящимся на общественной службе (в земстве или в муниципальных лечебницах), терпеть тяготы несытой и загруженной работой жизни. Уже студентами большинство медиков «твердо восприняли сознание, что профессия врача состоит не в одном лечении больных, но в самом широком служении обществу и больному — в облегчении и врачевании всех его недугов»[61]. Поэтому немало врачей вели большую общественную работу, являясь гласными земских органов и городских дум, мировыми судьями. К примеру, земским гласным являлся земский врач с многолетним стажем Василий Дмитриевич Имшенецкий, работавший в Черниговской губернии. После окончания Петербургской медико-хирургической академии он уехал в небольшой город Сосница Черниговской губернии, там 17 лет заведовал больницей на 25 мест и участком с радиусом в 40 верст. Потом Имшенецкий 5 лет работал сосницким уездным врачом. Сам он писал в автобиографии, что

«тяжелые условия и работа земского врача вызвали кровохарканье, затем кашель и эмфизему» и «только общественная деятельность и желание помочь ближнему наполняли мою жизнь»[62]. Имшенецкий рассказывал свои однокурсникам, что, избрав скромную земско-медицинскую и просветительную деятельность, он «старался расширить и улучшить как медицинскую помощь, так и условия службы земского врача»[63]. Ему удалось сделать очень много: вместо 3 врачебных участков в уезде было создано 6, а потом 10, была построена новая больница, богадельня, отделения для заразных и психических больных. Деятельность Имшенецкого в качестве земского гласного распространилась и на развитие учебных заведений — была «устроена новая школа для девочек, куплена усадьба и устроено второе училище для мальчиков в г.Соснице»[64]. Имшенецкий сочинял и публиковал популярные брошюры для народа, например «О заразных болезнях и как уберечься от них» (она была напечатана двумя изданиями, на русском и украинском языках).

Судьба Имшенецкого не была уникальной. Среди земских врачей было много подвижников, в том числе и среди однокурсников Имшенецкого. Один из них, Евгений Михайлович Овчинников, тоже все 25 лет после выпуска работал земским врачом в Московской губернии. В своей автобиографии он написал: «Вот чем только тяжело быть земским врачом, это — дела всегда так много, что времени не хватает все сделать»[65].

Особое, часто жертвенное отношение к своей работе сделало образ врача, особенно земского, работавшего в трудных, бесприютных сельских условиях, символом полной самоотдачи для современных и последующих поколений образованного русского общества. Один из публицистов писал: «Особые условия генезиса русской интеллигенции, общий дух времени и близкое, самое непосредственное соприкосновение со всеми неприглядными условиями народной жизни — эти три фактора с первого же момента возникновения земства предопределили судьбу и роль русского общественного врача»[66]. Идея общественного служения не была красивой фразой. Она вдохновляла врачей на тихий, не афишируемый подвиг служения народу. В этом смысле, интересна судьба доктора Александра Дмитриевича Павловского. Сын бедного сельского священника из Ярославской губернии, учившийся медицине «на медные вымоленные гроши» Павловский после окончания Петербургской медико-хирургической академии в 1881 г. посвятил себя науке, стал профессором Киевского университета Святого Владимира, автором 60 научных трудов, дослужился до чина действительного статского советника. Но исключительно ученая деятельность его не удовлетворяла. Когда он купил в 1896 г. хутор в Киевской губернии, то стал там, выражаясь его собственными слова-

ми, «пополнять неудовлетворенную потребность деятельности у постели больного». Ежегодно, на протяжении многих лет он лечил и оперировал в деревне простых людей обращавшихся к нему за помощью. Павловский писал в автобиографическом очерке: «Народ ездит ко мне издалека и помогать я ему считаю священным долгом, ибо кругом моего хутора ... на 20 верст нет ни больницы, ни доктора, а народ темен, грязен и совершенно беспомощен»[66а]. Врач ощущал себя не только «ремесленником» определенного цеха, но общественным работником.

Такой настрой в профессиональной врачебной среде определял высокую роль медицинских обществ в выработке вопросов профессиональной этики и профессионального статуса.

В начале XX в. у русских врачей появился особый интерес к профессиональным вопросам и тяга к общению с коллегами. В 1914 г. существовали пять всероссийских объединений врачей — Пироговское общество, Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом, Общество российских гинекологов и акушеров, Общество русских хирургов и Русский союз психиатров и невропатологов. Добровольные объединения врачей имелись в 139 российских городах. Так, в Москве действовало 19 обществ. Одним из самых влиятельных было Общество борьбы с детской смертностью, основанное в 1908 г. Оно развернуло активную деятельность по оказанию медицинской и воспитательной помощи детям преимущественно бедных слоев населения. Общество имело лечебницу для грудных детей на Сретенке. С 1911 г. устраивались три летних «климатических» санатория для школьников — в Кобулети близ Батуми, в Евпатории и в Майоренгофе Лифляндской губернии (сейчас Юрмала в Латвии). В 1912 г. были устроены три бесплатных детских консультации в Москве (с выдачей молока), стационарное отделение для грудных детей, летняя детская площадка. Работала постоянная выставка по вскармливанию и выхаживанию детей грудного возраста. Примечательно, что общество финансировалось из добровольных пожертвований, и капиталы его к 1915 г. составили более 30 тыс. руб.[67]

Общество врачей Новгородской губернии, основанное в 1874 г., располагало родильным приютом и рентгенологическим кабинетом. Петербургское общество русских врачей (старейшее в стране, основанное в 1833 г.), председателем которого был знаменитый русский физиолог академик Иван Петрович Павлов, владело значительными благотворительными капиталами (более 700 тыс. руб.). На эти средства содержался санаторий для чахоточных, выплачивались стипендии студенткам-медичкам, выдавались премии за научные работы по патологической анатомии и физиологии, шло создание приюта для инвалидов-врачей и их семейств[68].

Главным центром медицинского сообщества в России являлось Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова (Пироговское общество) — организация уникальная по широте своих задач. Пироговское общество было основано в 1883 г. с правлением в Москве. Членами его являлись медики-профессионалы, а ежегодный взнос составлял 8 руб. С 1895 г. общество издавало собственный «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова», а с 1909 г. также журнал «Общественный врач» и целый ряд других медицинских изданий.

Пироговское общество стало инициатором всероссийских форумов врачей Российской империи. Съезды собирались каждые два-три года, и с 1885 по 1913 г. их состоялось 13, в том числе восьмой — в Москве в 1902 г., девятый — в Петербурге в 1904 г., десятый «чрезвычайный по борьбе с холерой» — в Москве в 1905 г., одиннадцатый — в Москве в 1907 г., двенадцатый и тринадцатый — в Петербурге в 1911 и 1913 гг. Современники понимали, что всероссийские съезды, организованные Пироговским обществом, представляли «в нашей русской действительности выдающееся общественное явление, имеющее огромное значение в эволюции русской жизни вообще»[69]. На съездах реализовывалась «идея научно-практического медицинского общения, идея, которая возникла у передовых врачей, стремившихся преодолеть, как они выражались, «казарменную атмосферу». Работа Пироговского общества была чрезвычайно интенсивной и направлялась восемью общественными комиссиями, занимавшимися школьной гигиеной и распространением гигиенических знаний в народе, излечением малярии, медицинской статистикой, сбором пожертвований для сооружения в Москве Дома имени Н. И. Пирогова (особого научно-просветительного медицинско-педагогического центра), вопросами здорового питания и борьбы с голодом, вопросом об абортах, изучением самоубийств в России, пересмотром российского законодательства о проституции[70]. В обществах обсуждались как чисто медицинские вопросы (в частности Пироговским обществом в помощь врачам была выработана номенклатура болезней), так и животрепещущие текущие вопросы медицинского законодательства, общественной гигиены и санитарии, борьбы с наиболее опасными эпидемическими заболеваниями (чумой, холерой, оспой, малярией).

4. Роль благотворительных пожертвований в финансировании здравоохранения.

В начале XX в. одним из перспективных путей развития здравоохранения стало создание лечебных и научно-медицинских заведений на благо-

творительные пожертвования. Необычайный всплеск филантропии наблюдался в Москве. Не случайно, в одном из роскошно изданных альбомов, посвященных завершению девятнадцатого и наступлению нового, двадцатого века, отмечалось: «Ни в каком другом русском городе, даже в Петербурге, нельзя найти столько благотворительных учреждений, созданных на частные средства, как в Москве. Сотни тысяч ежегодно жертвуются московским купечеством на дела благотворения. Клиники, больницы, богадельни, приюты с каждым годом приумножаются в Москве... Имена Боевых, Бахрушиных, Морозовых, Алексеевых, Солдатенковых, Хлудовых увековечены в сооружениях, воздвигнутых на их средства...»[71]. В 1901—1914 гг. Московской городской думе было передано от жителей города 20 денежных пожертвований в размере от 15 тыс. до 2,5 млн руб., предназначавшихся на медицинские нужды[72]. Примечательно, что три четверти их были внесены по завещанию в расчете благотворителей на то, что городом их воля будет выполнена.

В 1901 г. был построен корпус в Алексеевской психиатрической больнице на 82 тыс. руб., пожертвованные торговцем шелком и владельцем шелкоткацкой фабрики А. С. Капцовым. В 1900 и 1909 гг. вступили в строй две очереди глазной больницы на Садовой-Черногрязской улице по завещанию купчихи В. А. Алексеевой (250 тыс. руб.). На пожертвование в 100 тыс. руб. от Агриппины Александровны Абрикосовой в 1906 г. был построен родильный дом на 51 место на Миусах. До постройки родильного дома Абрикосова содержала на свой счет бесплатный родильный приют и гинекологическую лечебницу на 5 мест[73]. Вдова городского головы Н. А. Алексеева — Александра Владимировна (племянница П. М. Третьякова), умершая в 1903 г., завещала почти полтора миллиона рублей «на благотворительные и другие нужды города». В 1914 г. на эти средства был построен корпус в Преображенской больнице, и патронаж Алексеевской больнице психиатрические больные стали проходить санаторное лечение за городом, в Воскресенске Московской губернии.

В 1903 г. город принял 28 тыс. руб. по духовному завещанию И. С. Перлова на устройство больницы для алкоголиков. В 1905 г. открылась Морозовская детская больница, построенная на средства, оставленные для этой цели по духовному завещанию (400 тыс. руб.) Викулом Елисеевичем Морозовым. В 1910 г. на расширение этой крупнейшей городской детской больницы, существующей по сей день, поступил 1 млн руб. от К. В. Третьякова. В 1910 и 1913 гг. на средства торговца москательным товаром и воском (сумма пожертвования составила 250 тыс. руб.), владельца химического и воскобойного заводов А. Б. Неокладнова были открыты амбулатория с приемным покоем и хирургическое отделение Яузской

больницы. Кожевенный фабрикант В. А. Бахрушин в 1904 г. дал 15 тыс. руб. на пристройку к родильному дому Бахрушинской больницы (пристройка была сооружена в 1907 г.). Его сын, Н. В. Бахрушин в 1911 г. пожертвовал 20 тыс. руб. для постройки светолечебницы и рентгеновского кабинета в Бахрушинской больнице. В дальнейшем аналогичные пожертвования делали и другие представители этой семьи.

В 1907—1911 гг. в соответствии с завещанием бельгийского подданного, владельца перчаточного завода в Москве Л. Ж. Ф. Тимистера, пожертвовавшего более 180 тыс. руб. городу Москве, были открыты женская больница, а также амбулатория и контора Старо-Екатерининской больницы. Ныне здание больницы по женским болезням (для послеродовых больных) в Тупом переулке близ улицы Покровки входит в комплекс владений Московского областного научно-исследовательского института акушерства и гинекологии (МОНИАГ). В 1910 г. был построен корпус в Преображенской психиатрической больнице на 407 тыс. руб., завещанные купчихой А. Н. Алексеевой, а в 1913 г.— еще один корпус на 100 тыс. руб., завещанные владелицей крупной обувной фирмы Н. М. Андреевой.

Шелкоторговец А. Е. Залогин, умерший в 1906 г., оставил более 160 тыс. руб. на постройку корпусов в московских больницах. Вдова торговца чаем, вином и мучным товаром К. Н. Зимина пожертвовала в 1914 г. 20 тыс. руб. для оборудования и содержания бесплатного отделения в Басманной больнице. Один из крупнейших московских миллионеров Л. К. Зубалов за несколько месяцев до смерти в 1914 г. передал городской думе 400 тыс. руб. на оборудование и содержание городского и земского госпиталей. Очень быстро — в течение 1913 г.— в Сокольниках был построен туберкулезный санаторий имени Н. Д. Четвериковой — девушки, больной костным туберкулезом. Ее мать, от которой поступило 150 тыс. руб., и другие члены ее семьи сами контролировали строительство санатория, подбор оборудования и врачебного персонала. Уже через несколько месяцев после начала строительства санаторий, находившийся на живописном лесном участке среди целебного соснового воздуха, принял первых больных.

Среди пожертвований на муниципальные лечебницы самые крупные принадлежали А. И. Коншиной, К. Т. Солдатенкову и А. К. Медведниковой. А. И. Коншина после смерти в 1913 г. оставила Москве 3,5 млн руб., предназначавшихся на устройство санатория, приюта для раненых и увечных на 200 человек, больницы на 100 мест, Дома матери и ребенка и корпуса в Алексеевской больнице. По завещанию К. Т. Солдатенкова[74] городу перешло более 2 млн руб. на устройство и содержание бесплатной больницы для бедных «без различия званий, сословий и религий». Больница имени Солдатенкова была построена по проекту И. А. Иванова-Ши-

ца за Тверской заставой и открыта в декабре 1910 г. (первые 6 корпусов, а до 1915 г. еще 3 корпуса). Сейчас это Первая городская клиническая больница имени С. П. Боткина, в 1993 г. у здания администрации которой был установлен небольшой памятник Солдатенкову.

А. К. Медведникова, жена «первостатейного иркутского купца», пожертвовала в 1900 г. по духовному завещанию около 5 млн руб. разным учреждениям, в том числе более 2 млн руб. на нужды благотворительности и просвещения в Москве. 1 млн руб. предназначался на устройство больницы «для неизлечимо больных христианских вероисповеданий, без различия звания, пола и возраста» и 300 тыс. руб. на богадельню для 30 стариков и 30 старух. Больница и богадельня имени Александры и Ивана Медведниковых открылись в 1903 г. на купленной городом земле на Большой Калужской улице против Нескучного сада. Целый комплекс двухэтажных корпусов был создан по проекту академика архитектуры С. У. Соловьева в русском стиле, с использованием мотивов новгородско-псковской архитектуры. Еще 600 тыс. руб. по завещанию Медведниковой назначалось на устройство приюта для душевнобольных, построенного в 1911—1914 гг. по соседству с Алексеевской психиатрической больницей.

Наряду с крупными денежными пожертвованиями Москве передавались и готовые здания для медицинских учреждений. Таких крупных пожертвований поступило двадцать.

К примеру, торговец шерстью А. П. Каверин в 1911 г. построил на свой счет гинекологический корпус в Старо-Екатерининской больнице. Александр А. Карзинкин в 1914 г. в память об умершей сестре построил и оборудовал лечебницу для грудных детей с амбулаторией в Морозовской больнице. Биржевой маклер по хлопчатобумажной части Московской биржи А. А. Майтов в 1914 г. передал в распоряжение Московской городской думы земельный участок в Алупке-Саре (Крым) для детского санатория «для переутомленных и больных детей беднейшего населения г. Москвы».

Наряду с муниципальной системой помощи бедным в Москве в начале XX в. действовало множество медицинских благотворительных учреждений, находившихся в ведении Императорского человеколюбивого общества, Ведомства учреждений императрицы Марии, отдельных сословий (дворянского, купеческого, мещанского и ремесленного), духовного и военного ведомств, Министерств путей сообщения и народного просвещения, Красного Креста, национальных и конфессиональных общин, а также различных филантропических обществ и частных благотворителей. Среди них, в частности, были Странноприимный дом графа Шереметева (840 мест в больнице и 156 в богадельне).

По примеру Москвы, которая лидировала по масштабам благотворительности в Российской империи, крупные денежные суммы и недвижимость передавались состоятельными людьми на развитие здравоохранения и в других городах. Так, в 1911 г. в Петербурге открылась Еленинская больница для бедных женщин, страдающих злокачественными опухолями. Она была создана на средства А. Г. и Е. И. Елисеевых — владельцев сети гастрономов. Сначала в ней было 25 кроватей, через год число их увеличилось до 50, также с 1912 г. начала работать и амбулатория при больнице[75].

Крупные, оборудованные по последнему слову медицины больницы возникали не только в столицах, но и в провинции. В 1898 г. в Самаре была открыта городская Шихобаловская больница. Про самарского миллионера А. Н. Шихобалова (1827—1908) писали, что «быть полезным для других Антон Николаевич считал своим долгом и при желании что-либо пожертвовать он обыкновенно говорил со смирением: «Ничего, надо дать: это придет обратно». Шихобалов, как и многие русские люди, придерживающиеся старинных православных традиций, терпеть не мог показной стороны благотворительности и все свои добрые дела и с церковью и с людьми, нуждающимися в его помощи, совершал, как писал его биограф, «без шуму, справедливо рассуждая, что для Бога показная благотворительность неугодна»[76].

Ныне забытая фигура Шихобалова весьма интересна. Он являлся членом учетного комитета Самарского отделения Государственного банка, в течение 35 лет состоял членом учетного комитета Волжско-Камского банка. Шихобаловская больница была оборудована новейшими медицинскими аппаратами — здесь были рентгеновский кабинет, кабинеты водолечения и электролечения (говоря современным языком, физиотерапии). Постройка больницы обошлась более чем в 200 тыс. руб. При больнице была даже собственная электростанция, а ведь в начале XX в. электричество было редкостью и очень медленно входило в быт русских городов. После смерти Шихобалова в 1909 г. в садике перед зданием больницы был открыт небольшого размера, скромный ее основателя. В крупнейшем российском текстильном центре Иваново-Вознесенске прославились как филантропы фабриканты из династий Бурылиных и Гарелиных. Принимая активное участие в работе городской думы, они много жертвовали на муниципальные больницы, приюты, богадельни, учебные заведения. В частности, на деньги миллионера Николая Геннадьевича Бурылина была построена городская больница, а на средства Марии Александровны Гарелиной — родильный дом[77].

Крупнейшими сибирскими благотворителями являлись купцы Кухтерины, владевшие торговым домом «Евграф Кухтерин и сыновья» (транспортные услуги), а также рядом промышленных предприятий, в том чис-

ле одной из крупнейших в России спичечных фабрик и несколькими винокуренными заводами. Кухтериным принадлежала значительная недвижимость (дома и лавки) в Иркутске, Тюмени, Томске, Мариинске. На средства семья Кухтериных (115 тыс. руб.) существовал Томский городской ночлежный дом с дешевой столовой, где каждый ночлежник за 5 коп. мог вечером поужинать, а утром получить чай с хлебом. Ежедневно в ночлежном доме пользовалось приютом более ста человек. Особенно крупным благотворителем стал сын основателя фирмы Алексей Евграфович Кухтерин (1861—1911), который в 1892 г. осуществил финансирование экспедиции профессора Томского университета С. И. Залесского по обследованию целебных свойств сибирских озер, а несколько лет спустя пожертвовал трехэтажный каменный дом в Томске для устройства родильного дома. Жертвовал он также и на нужды других общественных заведений — приюта для детей переселенцев, коммерческого училища, женских курсов. Примечательным штрихом к портрету А. Е. Кухтерина было то, что он являлся гласным Томской городской думы и председателем томского отделения партии октябристов, финансировал томскую октябристскую газету «Время»[78].

В Воронеже под эгидой Николаевской общины сестер милосердия был создан в специально купленной усадьбе приют для хронических больных имени благотворительницы М. С. Ягуповой, пожертвовавшей на эти цели около 50 тыс. руб.[79] В Нижнем Новгороде на средства купчихи Л. А. Рукавишниковой, оставившей по духовному завещанию более 100 тыс. руб., была создана находившаяся в муниципальном ведении детская больница ее имени[80]. В Уфе имелось специализированное лечебное заведение — приют-лечебница для алкоголиков, открытый в 1910 г. Устройство этой больницы и методы лечения от алкоголизма, применяемые уфимскими докторами, получили европейскую известность — на выставке в Турине (Италия) в 1913 г. приют-лечебница был награжден золотой медалью[81].

В сфере честной благотворительности заслуживают внимания и крупнейшие коллективные акции в поддержку медицины и здравоохранения. Важнейшей из них стала передача в распоряжение царской семьи в ознаменование 300-летия Дома Романовых 1 млн 10 тыс. руб., собранных петербургскими и московскими коммерческими банками в 1913 г. Вся эта сумма поступила на нужды учрежденного по царскому указу от 31 мая 1913 г. Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, принятого под покровительство императрицы Александры Федоровны. Этим указом отмечалось, что «наблюдаемая в Империи высокая смертность и болезненность детей, особенно в младенческом возрасте, наносит неисчислимый вред государству, уменьшая население количест-

венно и ослабляя его физические качества... Слабое развитие здравых понятий и правильных навыков в деле ухода за младенцами и их питания, отсутствия необходимой помощи матерям и рождаемым, суть, по свидетельству опыта, главные причины ежегодной гибели многих младенцев». Общественности было предложено участвовать в деятельности попечительства и, в частности, в создании в Петербурге специального научно—лечебного института для приема матерей и младенцев [82].

Таким образом, благодаря частной и общественной благотворительности стала возможной медицинская помощь беднейшим, или, как говорили в то время, «недостаточным» слоям населения, а также развитие некоторых отраслей научно-практической медицины.

В целом же картина развития системы здравоохранение в России в начале XX в. была довольно сложной. С одной стороны, стремительными темпами росла численность медицинского персонала, и количество врачей к 1914 г. превысило 30 тыс. человек. Благодаря научной и просветительской деятельности русских врачей в общественном сознании постепенно вызревала мысль о необходимости резкого улучшения постановки санитарно-гигиенического дела в стране и охраны здоровья населения, особенно его беднейших слоев. С другой — форсированная индустриализация, сопровождавшаяся урбанизацией, стронула с места огромные массы людей, плохо приспосабливавшихся к городским условиям жизни, страдавших от ужасных бытовых условий и полуголодного существования. Эта среда становилась очагом распространения разного рода эпидемических инфекционных заболеваний и высочайшей в Европе смертности, особенно детской.

Однако с профессиональных и гражданских позиций российского медицинского сообщества ситуация не была пессимистической. Отношение к ней можно было бы выразить словами одного из врачей — делегата Пироговского съезда по борьбе с холерой: «Борьба с острозаразными заболеваниями... при настоящем уровне культуры у нас на Руси по существу должна считаться борьбой с невежеством и некультурностью населения, с одной стороны, и с низким уровнем материального его обеспечения — с другой. Бороться же с невежеством, некультурностью и бедностью ... населения можно лишь при условии широкой свободы и инициативы гражданской деятельности образованных классов общества» [83].

Примечания

[1] См.: Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54—55. Репринт. Л., 1991. С. 226, 224.

[2] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1913 год. СПб., 1915. С. 61.

[3] *Славский К. Г.* Оспопрививание и смертность от оспы в Германии и России // Общественный врач. 1912. № 1. С. 77.

[4] См.: *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Ч. I. Пг., 1916. С. 59.

[5] Нами приведены данные за 1902—1905 гг. См.: Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России. [СПб., 1906]. С. 9, 25.

[5a] *Глебовский С. А., Гребенщиков В. И.* Детская смертность в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 269.

[6] См.: *Куркин П. И.* Мировая статистика. С Дрезденской гигиенической выставки // Общественный врач, 1912. № 1. С. 41.

[7] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 59, 66.

[7a] *Глебовский С. А., Гребенщиков В. И.* Детская смертность. С. 271.

[8] Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54—55. Репринт. С. 224.

[9] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 66.

[10] *Глебовский С. А., Гребенщиков В. И.* Детская смертность. С. 273.

[11] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 68 (цифры даны с округлением до десятых долей).

[12] Там же. С. 68—71.

[13] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. СПб., 1905. С. IX.

[14] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1913 год. С. 13.

[15] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 72.

[16] См.: Пироговский съезд по борьбе с холерой. Вып. II. М., 1905. С. 133.

[17] Там же. С. 110—112.

[18] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. С. IX.

[19] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1913 год. С. 13.

[20] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. С. 97.

[21] Там же. С. 98.

[22] *Жбанков Д. Н.* Голод 1911 года // Общественный врач. 1912. № 1. С. 109.

[23] Там же. С. 111.

[24] Речь. 1911. № 282, 289, 302.

[25] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1913 год. С. 53—54.

[25а] Пироговский съезд по борьбе с холерой. Вып. II. М., 1905. С. 224.

[26] *Дурново А. С.* Современная общественность на фоне съездовых и юбилейных настроений // Общественный врач. 1914. № 2. С. 322.

[27] *Френкель З. Г.* Земская медицина на Дрезденской международной гигиенической выставке. СПб., 1912. С. 162.

[28] См.: Юбилейный земский сборник. 1864—1914. СПб., 1914. С. XVI.

[29] См.: *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 29.

[30] См.: *Френкель З. Г.* Земская медицина на Дрезденской международной гигиенической выставке. С. 168.

[31] Там же. С. 176.

[32] Там же. С. 170.

[33] Там же. С. 169.

[34] Там же. С. 169, 179.

[35] Сборник биографий врачей выпуска 1881 года Императорской Медико-хирургической академии. 1881—1906. СПб., 1906. С. 186—187.

[36] См.: *Скороходов Л. Я.* Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926. С. 209.

[37] См.: Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С. 1—3.

[38] См.: там же. С. 16—27.

[39] См.: *Скороходов Л. Я.* Краткий очерк истории русской медицины. С. 209—210, 214—215.

[40] Сборник биографий врачей выпуска 1881 года. С. 227.

[41] *Гребенщиков В. И.* Опыт разработки результатов регистрации врачей в России // Справочная книга для врачей. Т. I. СПб., 1890. С. 104.

[42] *Новосельский С. А.* Число врачей и врачебных участков // Календарь для врачей всех ведомств на 1913 г. Ч. II. СПб 1913. С. 190.

[43] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 85.

[44] *Волдишин И. К.* Врачи и земцы // Общественный врач. 1914. № 1. С. 140, 154

[45] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. С. 126.

[46] *Новосельский С. А.* Число врачей и врачебных участков. С 190.

[47] Цит. по: *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 51.

[48] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 86.

[49] Там же. С. 80.

[50] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. С. 18.

[51] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 86; *он же.* Число врачей и врачебных участков. С 191.

[52] Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54—55. Репринт. С. 214.

[53] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 82.

[54] Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1903 год. С. 18.

[55] *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных. С. 86.

[56] Там же. С. 89—90.

[57] См.: Медицинский совет МВД. Краткий исторический очерк. СПб., 1913.

[58] Цит. по: *Ершов С. М.* Обзор гражданских врачебных законов Российской империи // Справочная книга для врачей. Т. I. СПб., 1890. С. 1, 2, 5, 8.

[59] Там же. С. 14.

[60] Там же. С. 15.

[61] Сборник биографий врачей выпуска 1881 года. СПб., 1906. С. III.

[62] Там же. С. 87—88.

[63] Там же. С. 88.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 149—150.

[66] *Волдишин И. К.* Врачи и земцы. С. 140.

[66а] Сборник биографий врачей выпуска 1881 года. С. 165.

[67] См.: Врачебные общества // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Ч. I. Пг., 1916. С. 179.

[68] Там же. С. 182.

[69] См.: Общественный врач. 1912. № 1. С. 93—94.

[70] Там же. С. 166.

[71] Век. Русский альбом. XIX—XX. Общественная жизнь. Искусство. Литература и наука. Торговля. Промышленность. Одесса, 1901. С. 49.

[72] Здесь и далее использованы материалы из кн.: *Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. М., 1999.

[73] Вся Москва: Адресно-справочная книга на 1899 год. М., 1899.

[74] О К. Т. Солдатенкове см.: *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 17—20.

[75] См.: Отчет по медико-филантропическому комитету и подведомственным ему учреждениям за 1913 год. СПб., 1914. С. 104.

[76] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С. 44.

[77] Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. С. 186.

[78] Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 155—161.

[79] См.: Годовой отчет Воронежской Николаевской общины сестер милосердия и находящегося при ней приюта имени М. С. Ягуповой для хронических больных за 1913 г. Воронеж, 1914. С. 3, 41.

[80] См.: Отчет о деятельности городской детской больницы имени Любови Александровны Рукавишниковой в Нижнем Новгороде за 1915 г. Нижний Новгород., 1916. С. 3—4.

[81] См.: Обзор деятельности приюта-лечебницы для алкоголиков в городе Уфе с 1910 по 1913 гг. Уфа., 1914. С. 3, 8.

[82] Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXXIII (1913). № 39446.

[83] Пироговский съезд по борьбе с холерой. Вып. II. М., 1905. С. 106.

А. Е. Иванов

1. Эхо «научного взрыва» второй половины XIX в.

В XX век российская наука вошла озаренной великими открытиями в области естествознания, вызванными, по словам В. И. Вернадского, «взрывом научного творчества» [1] второй половины XIX столетия. В 1861 г. А. М. Бутлеров теорией химического строения органических соединений подвел итог предшествующему развитию органической химии и заложил основание ее дальнейшим успехам. В 1869 г. Д. И. Менделеев создал учение о периодичности химических элементов, чем предопределил последующее развитие науки о веществе и его строении. В 1863 г. И. М. Сеченов публикует свой главный труд — «Рефлексы головного мозга», а в 1878 г. — «Элементы мысли». Обе книги были посвящены исследованию физиологического фундамента мышления. В 1869 г. К. А. Тимирязев на I съезде русских естествоиспытателей и врачей сделал доклад, которым оповестил научную общественность о начале своих исследований в области фотосинтеза растений. В 60—70-е гг. возникли такие направления естествознания, как эволюционная палеонтология (В. О. Ковалевский), эволюционная сравнительная эмбриология (А. О. Ковалевский и И. И. Мечников), основы почвоведения (В. В. Докучаев), топографическая анатомия человека (Н. И. Пирогов). Тогда же развернула деятельность возглавляемая П. Л. Чебышевым петербургская математическая школа (Е. И. Золотарев, А. Н. Коркин, А. А. Марков, А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов). Теоретическая механика обогатилась классическими трудами Н. Е. Жуковского по гидродинамике, гидравлике, аэродинамике и авиации, а также фундаментальными исследованиями И. А. Вышнеградского и Н. П. Петрова в области конструирования машин. По мнению К. А. Тимирязева, русские ученые второй половины XIX в. вошли «в общеевропейскую семью уже не в качестве учеников, а полноправными деятелями, сотрудниками, а порой и намечающими путь руководителями» [2].

Столь высокие достижения российской науки второй половины XIX в. позволили ей плавно адаптироваться к условиям «новейшей революции в

естествознании» начала XX в., вызванной гениальными открытиями проникающего излучения и радиоактивности, строения атома, превращаемости элементов, возникновением геохимии и биохимии, теории относительности, новых концепций наследственности и пр. и пр.

В 1909 г. В. И. Вернадский писал о свершениях отечественной науки: «Две расы в последние 25 лет сделали огромный скачок в мировом научном производстве — англосаксонская и русская... То, что было создано русским обществом в литературе, музыке и искусстве, давно уже оценено и понято. Но до сих пор не оценена и не понята огромная творческая работа русских ученых, непрерывно блестяще развивающаяся в течение последнего полустолетия. А между тем по величине и культурному значению она может и должна быть поставлена наравне с другими всеми ясными созданиями нашего национального гения»[3].

Великий ученый имел в виду недооценку «русской научной деятельности» в своем отечестве. Мировое научное сообщество к началу XX в. вполне осознавало и признавало заслуги российских коллег, особенно в естествознании и технике, развивавшихся, в отличие от гуманитаристики, поверх национально-культурных границ и обусловленных ими научных традиций. «Если мы взглянем на цифры работ русских ученых,— писал В. И. Вернадский,— на количество русских имен, мелькающих в мировой хронике естествознания, мы увидим, как это количество неизменно растет, как все больше и быстрее мелькают родные русские имена в культурной летописи человечества»[4].

Свидетельством справедливости этой констатации представляются, например, Нобелевские премии, врученные русским ученым — две (!) в первые 12 лет зарождающегося XX века: в 1904 г.— физиологу И. П. Павлову за труды по изучению процессов пищеварения; в 1908 г.— биологу и врачу И. И. Мечникову (совместно с немецким ученым П. Эрмахом) за исследования в области иммунологии и инфекционных заболеваний.

Российские ученые были непременными и заметными докладчиками на всех международных конгрессах естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в. Академия наук принимала деятельное участие в геологических конгрессах: IX — в Вене (1903 г.), X — в Мехико (1906 г.), XI — в Стокгольме (1910 г.), XII — в Торонто (1913 г.). Представители Академии присутствовали на заседаниях Международной воздухоплавательной комиссии и ее съездах: III — в Берлине (1902 г.), IV — в Петербурге (1904 г.), V — в Милане (1906 г.), VI — в Монако (1909 г.). Русские ученые обязательно приглашались на международные съезды востоковедов, историков, географов, американистов и т. д.[5]

Доклад П. Н. Лебедева в 1900 г. на конгрессе физиков принес ему мировую славу. В 1909 г. он был избран почетным членом Британского королевского общества[6]. С докладами о достижениях русской инженерной мысли на заседаниях Международной ассоциации железнодорожных конгрессов неоднократно выступал лучший знаток отечественного мостостроения, выдающийся инженер, профессор Н. А. Белелюбский. На Международной промышленной выставке в Эдинбурге (1890 г.) ему была присуждена золотая медаль, на выставке в Париже (1900 г.) — почетный диплом[7].

В 1900 г. Международный нефтяной конгресс присудил В. В. Марковникову золотую медаль «за выдающееся исследование в области изучения кавказских нефтей»[8]. Выражением международного признания научных заслуг К. А. Тимирязева стало приглашение его в 1903 г. прочитать в Лондонском королевском обществе так называемую Крунианскую лекцию на тему «Космическая роль растений». Этой чести удостаивались избраннейшие из избранных. Тимирязев стал почетным доктором Кембриджского университета. Как член русского отделения Международного союза исследования солнца А. А. Белопольский, выдающийся астроном, ученик великого Ф. А. Бредихина, принимал деятельное участие в работе международных астрономических конференций в Оксфорде (1906 г.), Париже (1907 г.), в США — в Обсерватории на горе Валет (1910 г.), в Англии (1913 г.).

Российские ученые постоянно представительствовали и во многих международных научных организациях, нередко занимая в них руководящее положение. Например, Н. А. Белелюбский с 1895 г. входил в бюро Международного общества испытания материалов, а в 1912 г. был избран его председателем. Б. Б. Голицын, создатель отечественной сейсмологии — науки о движении в земной коре, в 1911 г. был избран президентом Международной сейсмологической ассоциации. В 1903 г. вице-президентом международной Комиссии по определению возраста Земли радиоактивными методами избирается В. И. Вернадский. Д. И. Менделеев состоял почетным членом Американской, Ирландской и Югославской академий наук, Дублинского королевского общества, действительным членом Лондонского королевского общества, Эдинбургского королевского общества; Римской, Бельгийской, Датской, Чешской, Краковской и других академий наук. Многочисленные иностранные университеты, включая всемирно авторитетные Кембриджский, Оксфордский, Геттингенский, Принстонский и другие, удостоили Менделеева чести быть избранным почетным доктором. Он был также почетным членом множества иностранных научных обществ.

2. Люди русской науки.

Конец XIX — начало XX в. было временем смены поколений ученых: научно-педагогическую авансцену покидали те, кто вышел на нее в 1850—1870-х гг. Один за другим из жизни уходят «великие старики»: биолог-натуралист А. О. Ковалевский (1901 г.); основатель отечественного почвоведения В. В. Докучаев (1903 г.); ученик и соратник знаменитого русского химика А. М. Бутлерова В. В. Марковников (1904 г.); старейшина отечественной астрономии Ф. А. Бредихин (1904 г.); великий хирург Н. В. Склифософский (1904 г.); не только гениальный ученый-химик, но и выдающийся экономист и организатор отечественной промышленности Д. И. Менделеев (1907 г.). В 1911 г. не стало классика исторической науки В. О. Ключевского; в 1912 г. — великого физика-экспериментатора П. Н. Лебедева и др. Каждый из них составил эпоху в науке и не только конкретными открытиями, но и своими школами, которые в начале XX в. заняли лидирующее положение в естествознании и гуманитаристике. Их плодотворная деятельность существенно подняла общественную ценность научного труда. Об этом, в частности, говорит относительно быстрый численный рост «ученого сословия»: в 1899 г. — около 2,5 тыс. человек, в 1913 г. — почти 5 тыс.[9]

В абсолютно подавляющем числе это были профессора и преподаватели высшей школы, а также так называемые «профессорские стипендиаты»[10], или аспиранты — соискатели ученой степени магистра наук или доктора медицины, которым предстояло прийти на смену своим научным наставникам. На это указывает, например, такой факт: в 1914 г. из 38 действительных членов имп. Императорской Академии наук 33 (87%) были избраны в нее, будучи профессорами университетов и народнохозяйственных институтов[11].

Поражает высочайшая эффективность научно-исследовательского труда профессоров и преподавателей высшей школы, и без того перегруженных педагогической работой[12]. Ведь Россия, занимавшая, например, передовые позиции в мире по научным разработкам в области промышленной химии, имела ученых-химиков в 15 раз меньше, чем США, в 8 раз меньше, чем Германия и Великобритания, в 2,5 раза меньше Франции. Еще хуже обстояло дело с физиками. В целом по численности ученого корпуса Российская империя стояла позади индустриально развитых стран Европы[13].

Причиной тому был вялотекущий из-за хронического казенного недофинансирования процесс подготовки новых поколений деятелей ученого корпуса[14]. Статистика защищенных магистерских диссертаций «профес-

сорскими стипендиатами» университетов свидетельствует: в 1886—1899 гг. магистерского диплома удостоились 358 человек, за такой же срок в 1900—1913 гг.— 447[15]. Прирост составил, таким образом, всего 89 (11,3%) человек. Если в 1886—1899 гг. в университетах было защищено 1108 магистерских и докторских диссертаций, то в 1900—1913 гг.— всего 754[16]. В результате в университетах постоянно возникали профессорские вакансии, заполнить которые было некем. В 1900 г. таковых было 62, в 1913 — 123[17].

По своему гражданскому статусу профессора относились к привилегированной части российской интеллигенции. Они находились на государственной службе, получая немалое казенное содержание и занимая не последнее место в чиновничьей и сословной иерархии. По уставу 1884 г. профессора университетов ко времени полной выслуги (25 лет) достигали чинов V—IV классов (статский генерал). Немногие избранные поднимались даже до ранга тайного советника (III класс).

Отдельные представители ученого корпуса вовлекались в сферу государственного управления, остро нуждавшегося в связи с ускорением социально-экономического развития страны в специалистах высшей научной квалификации. С конца 1870-х и до начала 1890-х гг. ответственнейший пост министра финансов занимали виднейшие ученые — Н. Х. Бунге (политэконом) и И. А. Вышнеградский (ученый-механик). Первый в 1887—1895 гг. председательствовал и в Комитете министров. Министрами просвещения были профессора: правовед Н. П. Боголепов (1898—1901 гг.), филолог-классик Г. Э. Зенген (1903—1905 гг.), правовед Л. А. Кассо (1910—1914 гг.). В 1882—1887 гг. фабричную инспекцию возглавлял профессор политэкономии И. И. Янжул. По данным на 1898 г., непременным членом Совета Министерства иностранных дел был профессор международного права Ф. Ф. Мартенс, секретарем I-го департамента Министерства юстиции — профессор истории русского права В. Н. Латкин, членом Учебного комитета св.Синода и одновременно Ученого комитета Министерства народного просвещения и Совета главы этого ведомства состоял профессор классической филологии И. В. Помяловский. Научными экспертами по «рабочему вопросу» у начальника Департамента полиции МВД С. В. Зубатова были профессора-экономисты И. Х. Озеров, В. Э. Ден, А. Э. Вормс.

Преподаватели народнохозяйственных институтов представительствовали в качестве специалистов высшего уровня во многих ведомственных научно-технических подразделениях. Например, профессор Института гражданских инженеров Н. К. Чижов был членом Технико-строительного комитета МВД и председателем Временной комиссии по канализации и водоснабжению Петербурга, профессор того же института академик архитектуры Г. Д. Гримм — инспектором строительной части и глав-

ным архитектором ведомства учреждений имп. Марии, профессор Электротехнического института П. С. Осадчий — помощником начальника Главного управления почт и телеграфов, а также председателем межведомственного радиотелеграфного комитета. С 1906 г. представители науки заседали в Государственном совете и Государственной Думе в составе академической курии.

По социальному составу ученый корпус представлял сословный «Ноев ковчег». Судя по послужным спискам деятелей науки, находившихся на государственной службе в качестве профессоров и преподавателей высшей школы, примерно треть работавших в университетах и четверть — в народнохозяйственных институтах происходили из потомственно дворянских семей[18]. Среди них встречались потомки древних дворянских родов, как, например, Б. Н. Чичерин, основоположник «государственной школы» в русской историографии, философы братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие, отец и сын А. Н. и Н. Н. Бекетовы — ботаник-географ и физико-химик, сейсмолог Б. Б. Голицын, физиолог растений К. А. Тимирязев и другие.

Нередко среди профессоров, особенно университетских, были представители духовного сословия (историк В. О. Ключевский, основатель научной школы по конструированию машин И. А. Вышнеградский, физиолог А. А. Ухтомский, химик-органик А. Е. Фаворский, изобретатель радиотелеграфа А. С. Попов и др.). Но основную часть российского ученого корпуса составляли выходцы из разночинно-чиновничьей среды (психоневролог В. М. Бехтерев), профессиональной интеллигенции (геолог А. П. Карпинский), купцов (врач С. П. Боткин, физик П. Н. Лебедев), крестьян (химик И. А. Каблуков, геолог И. А. Губкин) и других сословий.

Среди ученых были и представители академических кланов — Семеновых-Тяншанских, Ляпуновых, Фортунатовых, Вернадских, Струве, Орбели, Рубинштейнов, Арбузовых и других.

Специфика научного знания, сходные условия научно-педагогического труда, более или менее равные возможности академической карьеры профессоров и преподавателей превращали их в фактически бессословную профессионально-корпоративную группу интеллигенции, приобщенную к процессу складывания в России внесословного буржуазного общества. О том же свидетельствует и втягивание людей науки в сферу капиталистического производства в качестве инициаторов и руководителей проектов его модернизации, научных экспертов. Например, профессор-мостостроитель Н. А. Белелюбский принимал активное участие в работах «Цементных совещаний», затем «Съездов русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу» в качестве вице-председателя, а затем председателя их бюро. Неоценимые услуги

нефтяной промышленности, да и промышленному развитию России в целом оказал Д. И. Менделеев, в том числе и заботой о привлечении новых капиталовложений.

Связь российских ученых-естествоиспытателей с производственной практикой нередко осуществлялась не ради меркантильных интересов, а мотивировалась стремлением к научному познанию и патриотической заботой об экономическом процветании России. Вспоминая о своем сотрудничестве в 70-х годах XIX в. с бакинскими нефтепромышленниками, Д. И. Менделеев писал: «Мои, так сказать, теоретические усилия начались с настойчивой пропаганды в пользу возможности развития — при определенных условиях — выработки бакинской нефти в эпоху, когда к нам ввозились миллионы пудов американского керосина ... Мой голос в свое время слышали в сферах как административных, так и предпринимательских. Последним я много помогал не только советом, но и на практике, хотя всегда отказывался от принятия участия в выгодах, так как... мои мысли не ограничивались узкими рамками отдельного предприятия, хотя бы Кокорева или Губонина, Рогозина или Нобеля, куда меня в свое время старались привлечь»[19]. Превыше всего Д. И. Менделеев ставил независимость в своих научных исследованиях[20].

Были среди российских ученых и «профессора-дельцы» (выражение Г. И. Щетининой), непосредственно участвовавшие в «выгодах» капиталистического предпринимательства. Вот данные по Московскому университету: профессора терапии Г. А. Захарьин и политэкономии А. И. Чупров являлись держателями акций Рязанской железной дороги; директором Купеческого банка являлся профессор политэкономии И. К. Бабст. В состав учредителей Московского промышленного банка входили профессор минералогии и геодезии Г. Е. Щуровский и профессор зоологии А. П. Богданов. Коммерческой деятельностью занимались профессора политэкономии И. И. Янжул, И. Х. Озеров, М. Я. Герценштейн, И. М. Гольдштейн.

Среди ученых, интегрированных в капиталистическое предпринимательство, были видные теоретики, апологеты «культурного капитализма». В начале XX в. особенно выделялась фигура профессора И. Х. Озерова, обосновывавшего необходимость свободного от «тяжелой опеки» государства развития в России промышленных монополий и «банковских концентраций», создания «разветвленной нервной стальной системы» железных дорог. Только при этих условиях, полагал ученый, возможно создание индустриального общества, готового к конституционным переменам. Российским «рыцарям первоначального накопления» Озеров противопоставлял «новый тип предпринимателя на американский лад»[21].

Двойственное общественное положение ученого корпуса, определяемое, с одной стороны, его чиновничьим статусом, а с другой — генетической связью всей сферы его научной и педагогической, а иногда и предпринимательской деятельности с буржуазной, капиталистической тенденцией развития России, предопределила идейный раскол людей науки на либералов и консерваторов. Первые составляли большинство, исповедуя разные оттенки либерально-конституционно-монархических взглядов. По мнению В. И. Вернадского, либерально-оппозиционные настроения, клокотавшие в ученом корпусе, были предопределены его профессиональными занятиями. «Научная работа,— подчеркивал он,— развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству» [22]. Неслучайно с первой половины XIX в. первоосновой академического либерализма стала борьба профессуры за автономию высших учебных заведений, превращение последних в своеобразные «ученые республики», статус которых покоился бы на буржуазных принципах самоуправления, разделения властей и выборности последних. Только при этих условиях достижима была свобода науки и преподавания, о чем грезила либеральная профессура.

Достижение этой заветной цели деятелями науки связывалось с изменениями принципов управления Российской империей. В опубликованной 20 января 1905 г. «Записке о нуждах просвещения». которую первоначально подписали 342 человека (16 академиков, 125 профессоров и 201 приват-доцент), в том числе К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, А. Н. Бекетов, И. П. Павлов, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, констатировалось: «Академическая свобода несовместима с государственным строем России. Для достижения ее недостаточны поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование».

Параметры назревших реформ были определены в программах либеральных политических партий. Крупнейшая из них, Конституционно-демократическая, бессменно возглавляемая известным историком П. Н. Милюковым, в составе своего первого ЦК имела 22 представителя науки (40,7%). Не случайно кадетов называли «профессорской» партией. Часть либеральных профессоров, включая таких маститых ученых, как химик Н. А. Меншуткин и экономист А. С. Посников, предпочли Партию демократических реформ во главе с известнейшим ученым — специалистом по международному праву М. М. Ковалевским. Некоторые остановили свой выбор на Партии мирного обновления, одним из лидеров которой был профессор философии Е. Н. Трубецкой. Состояли деятели науки и в праволиберальном Союзе 17 октября, входя в его ЦК. Убежденным ок-

тябристом был глава петербургской школы историков России С. Ф. Платонов.

Консервативный фланг ученой когорты, состоявший из тех, кто видел в неколебимом самодержавии надежного гаранта своих сословных профессиональных прав и материальных привилегий, существенно уступал по численности либеральному. Правда, это было сплоченное и активно действующее меньшинство, особенно в периоды сгущения политической реакции.

Преобладание в ученой среде либерально-оппозиционных настроений постоянно подогревалось правительственной академической политикой, в которой профессуре отводилась роль чиновников — безоговорочных союзников администрации в ее противостоянии студенческим беспорядкам. Существо такого рода отношений между самодержавным государством и «ученым сословием» предельно точно сформулировал в 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»[23]. Такой резолюцией министра было сопровождено увольнение профессора юридического факультета Московского университета М. М. Ковалевского.

Самодержавное государство часто пренебрегало интересами отечественной науки. Оно без сожаления и по возможности выдворяло из высшей школы заподозренных в подрыве устоев самодержавия, да и просто не согласных с порядками академического режима. Характеризуя столь «унизительное положение» деятелей науки в Российской империи, В. И. Вернадский писал: «Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное им слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление его научной работы. Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душных тисках специального полицейского надзора, он не может быть уверен, что по произволу администрации и по не известным причинам он в один день не будет устранен от дорогой ему деятельности»[24].

Ученых с подобной судьбой в России было предостаточно. Среди них оказались такие светила естествознания, как Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Ф. Ф. Эрисман, видные историки Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, маститый юристпрудент С. А. Муромцев.

В 1911 г. министр народного просвещения Л. А. Кассо устроил форменный разгром Московского университета, уволив более 130 его профессоров и младших преподавателей. Охранительной чистке подверглись преподавательские коллегии ряда других высших учебных заведений.

Такое уязвимое правовое профессиональное положение российского ученого, естественно, затрудняло его научно-исследовательскую деятельность. Тем более что в уставах высших учебных заведений отсутствовали регламентации, определявшие права и обязанности профессоров и преподавателей как ученых. Научная работа была не обязательной, добровольной, если выходила за пределы педагогического процесса, строго определяемого министерскими программами. В 1911 г. В. И. Вернадский констатировал: «Русские ученые совершают свою научную работу вопреки государственной организации»[25]. Возможности научно-исследовательской деятельности для них обусловливались необходимостью работы педагогической, по словам П. Н. Лебедева,— «учебной барщиной», на которую были обречены многие выдающиеся ученые, чтобы «только получить право проводить свои ученые работы, дабы оплатить возможности прославить Россию своими открытиями»[26].

3. Научные организации.

Основные научные силы России концентрировались в Императорской Академии наук и высшей школе, научных обществах, гнездившихся преимущественно при университетах и специальных институтах, а также в некоторых государственных учреждениях — Горном ученом и Геологическом комитетах, Главной палате мер и весов Министерства торговли и промышленности, Сельскохозяйственном ученом комитете Главного управления землеустройства и земледелия.

Главным научным учреждением Российской империи являлась Академия наук. Это был своего рода Олимп, освобождающиеся вакансии, на котором посредством тайного голосования общего собрания академиков предоставлялись самым выдающимся деятелям российской науки. В 1913 г. среди действительных членов этого сообщества ученых «небожителей» мы встречаем имена астронома А. А. Белопольского, сейсмолога Б. Б. Голицына, математиков А. М. Ляпунова, А. А. Маркова, В. А. Стеклова, химика Н. С. Курнакова, геолога А. П. Карпинского, минералога В. И. Вернадского, физиолога И. П. Павлова, ботаника А. С. Фамицына, востоковедов С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, политэконома И. И. Янжула, филологов и литературоведов В. В. Бартольда, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевско-

го, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. В. Ягича, историков М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского и др. Почетными академиками по разряду изящной словесности были Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, И. А. Бунин, вел. кн. Константин Романов и др. Всего лишь членами-корреспондентами Академии состояли Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, Н. Е. Жуковский, историки Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, С. Ф. Платонов.

Академики непременно проживали в Петербурге и обязательно работали в академических исследовательских подразделениях[27]. Вот как изобразил в 1906 г. организационное строение главного научного центра Российской империи В. И. Вернадский: «Национальная деятельность Академии наук сказывается в работе ее отдельных учреждений. Некоторые из них поставлены хорошо, и деятельность их находится в полном ходу — таков Зоологический музей и Главная физическая обсерватория в Петербурге, Астрономическая обсерватория в Пулкове[28]. Они обладают уже необходимыми штатами и действительно представляют могущественные центры. Наряду с ними, однако, находятся только что зарождающиеся или сдавленные недостатком средств учреждения такого же характера. Только при их полном развитии Академия наук получит форму и научную силу, отвечающую потребностям русского государства. Такими учреждениями являются Геологический музей, минералогическое его отделение (самостоятельно выделенное только в этом году)[29], библиотека, Азиатский музей, физический кабинет (был затем преобразован в физическую лабораторию), химическая лаборатория, Ботанический музей, две физиологические лаборатории[30], Музей антропологии и географии (в 1913 г. назывался Музей антропологии и этнографии), постоянная сейсмическая комиссия[31], биологическая станция в Севастополе, ученые корреспонденты при заграничных архивах (существует только один в Риме)[32].

Наряду с такой деятельностью, другую часть национальной научной работы представляют ученые ее предприятия, комиссии, которые работают в разных областях знания, как, например, по научному изданию сочинений Пушкина, составлению диалектологической карты русского языка, изданию памятников русского законодательства и русских исторических актов экономического характера и т. д.[33] Кроме того, Академия, обладая хорошей типографией, развивает широкую научную издательскую деятельность... Академия издает несколько научных журналов[34], но они выходят медленно с неправильными промежутками»[35].

Академия наук лидерствовала в области математики, астрономии, сейсмологии, в некоторых областях геологии, в экспедиционно-полярных исследованиях. Но в целом ее научный потенциал был недостаточен, чтобы играть, как до́лжно ей было, самодовлеющую роль в отечественной

науке: штат всего 153 человека, включая 46 академиков (по состоянию на 1912 г.)[36], при далеко несовершенной экспериментально-лабораторной оснащенности из-за узкой финансовой базы. Академик Вернадский констатировал: Академия наук «страдает, и деятельность ее чрезвычайно тормозится только недостатком средств, нищенскими — по существу дела — ассигновками, какие уделяются ей русским государственным бюджетом. В этом отношении ее средства не только не могут сравниться с теми, какие находятся в распоряжении аналогичных английских и американских учреждений, ... обладающих собственными капиталами, но и сильно поддерживаемых государствами — японская или венгерская Академии имеют в своем распоряжении больше средств для исполнения как раз тех функций, куда переносится теперь центр тяжести академической деятельности»[37].

В 1912 г. на «ученые предприятия» Академии наук было ассигновано 47 тыс. руб. — сумма чрезвычайно скромная для поддержания плодотворной деятельности академических научных подразделений. Так, выделенный из нее бюджет химической лаборатории в 2 тыс. руб. поглощался в основном платежами за газ, электричество, лабораторную мебель, научную литературу и пр. Собственно на цели научных исследований оставалось всего несколько сотен рублей. Скудость ассигнований понуждала академика И. П. Павлова на собственные средства нанимать для руководимой им физиологической лаборатории сверхштатного лаборанта. По той же причине лаборатория по анатомии и физиологии растений А. С. Фамицына ютилась в наемной квартире, а физическая лаборатория — в подвале площадью в 15 сажень[38].

Основным, неизмеримо более обширным, нежели Академия наук, ареалом научного творчества в России была высшая школа — ее 110 государственных, общественных и частных учебных заведений (по состоянию на 1913 г.): 10 университетов, 32 школы университетского типа, включая юридические, медицинские, востоковедческие, исторические и так называемые «академические отделения» народных университетов; 9 педагогических институтов и высших курсов, 6 духовных академий, 17 инженерных, 14 сельскохозяйственных, 6 коммерческих институтов, 7 военных и военно-морских академий и высших училищ, 9 — искусств.

По определению К. А. Тимирязева, высшая школа выполняла двуединую функцию — «производства науки» и «распределения добытых ею плодов... в видах ее дальнейшего применения к задачам жизни и к целям общего развития»[39]. Профессора и преподаватели высших учебных заведений (в 1913 г. — около 4,5 тыс. человек) и составляли цвет отечественной

науки. Именно из этой ученой среды Академия наук избирала кандидатов на освобождавшиеся вакансии академиков и членов-корреспондентов.

Научное знание возрастало в тиши профессорских кабинетов, на факультетах, кафедрах, в лабораториях, институтах, научных библиотеках, клиниках высших учебных заведений — в первую очередь государственных университетов, инженерных и сельскохозяйственных институтов. Их совокупность и составляла основную экспериментально-исследовательскую базу российской науки. В начале XX в., особенно после Первой русской революции, она существенно усовершенствовалась организационно и укрепилась материально. Так, например, в Московском высшей техническом училище к 1913 г. открылись 8 новых современно оборудованных лабораторий, включая возглавляемую Н. Е. Жуковским аэродинамическую (1910 г.). Значительно обновились научные учреждения Московского университета: в 1902 г. Жуковский построил первую в России аэродинамическую трубу; в 1903 г. завершились реконструкция и строительство нового здания Астрономической обсерватории; в 1904—1905 гг. было построено новое здание Физического института со специальной лабораторией для профессора П. Н. Лебедева; в 1913 г. открылись кабинет эмбриологии и гистологии и ряд институтов при медицинском факультете.

Особенно совершенны и ультрасовременны по оснащению и организационным формам были научно-вспомогательные учреждения политехнических институтов, открытых при значительном финансовом содействии торгово-промышленной общественности в Варшаве, Киеве (1898 г.), Петербурге (1902 г.). В 1903 г. Д. И. Менделеев, инспектировавший Киевский политехникум, сообщал министру финансов: «...Я видел большинство лучших лабораторий Западной Европы, не говоря уже о русских лабораториях высших учебных заведений, и считаю, что лаборатории, кабинеты и мастерские Киевского политехникума выдаются между всеми мною выделенными не только современностью и богатством обзаводства, но и обширностью и совершенством приспособлений, назначенных для студенческих учреждений...» [40].

Очевидные в начале XX в. перемены к лучшему в научно-экспериментальном оснащении высшей школы (а значит, и всей российской науки) не ликвидировали, однако, ее отставания по этому показателю от европейской. Последняя существенно опережала российскую по числу учебных заведений, а следовательно, и по количеству научно-вспомогательных учреждений. В 1912 г. в России было 10 университетов, а в Германии — 32, Италии — 28, Франции — 17, Великобритании — 18, Испании — 10. На 6 российских политехникумов приходилось 10 германских, 8 французских, 7 австрийских.

* * *

Значительнейшая роль в развитии, организации, укреплении общественного статуса науки, ее популяризации принадлежала научным и научно-практическим обществам, членами которых были профессиональные ученые, дипломированные специалисты, студенты и просто ревнители науки независимо от образовательного ценза и сословного состояния.

Количество научных обществ не поддается точному подсчету[41]. К концу XIX столетия только одних медицинских обществ насчитывалось 120, сельскохозяйственных — 300[42], к 1915 г. число губернских архивных комиссий, являвшихся краеведческими историческими обществами, превысило 50[43]. В 1900—1917 гг. только в Петербурге и Москве открылось свыше 80 разнопрофильных научных обществ[44].

По организационным формам и масштабу деятельности научные общества представляли огромное разнообразие — от гиганта, каковым, например, являлось Русское географическое общество, до скромного пригимназического кружка любителей физико-математических наук в Полтаве. По профилю деятельности общества делились на естественнонаучные, включая медицинские и географические, гуманитарные, научно-технические и сельскохозяйственные, краеведческие. Обширный круг их функций охватывал: научно-исследовательскую, экспедиционную работу и ее апробацию в виде демонстрационных опытов, докладов, дискуссий, научных отчетов, организацию научных съездов, формирование научных коллекций, библиотек, архивов, издательскую деятельность, научно-просветительские акции (выставки, публичные лекции, экскурсии и пр.).

Наиболее представительную группу по значимости осуществляемой исследовательско-организационной деятельности составляли научные общества по фундаментальным естественным наукам. Среди них выделялись старейшие Императорские Вольное экономическое (1765 г.) и Русское географическое (1845 г.) общества. Это были своеобразные научные академии, в деятельности которых естественнонаучное знание тесно и равноправно взаимодействовало с гуманитарным. Быть их действительными членами и членами-корреспондентами было чрезвычайно почетно. Оба общества обладали статусом самостоятельно действующих научных учреждений. Первое снискало большой авторитет в области экономических и сельскохозяйственных наук. Оно много сделало в области распространения в России агротехнических знаний. Русское географическое общество было знаменито своими фундаментальными исследованиями по физической географии, статистике, этнографии.

Прочие научные общества фундаментального характера состояли в абсолютном большинстве случаев при университетах. Например, в Московском университете в 1911 г. таковых было 15. Среди естественнонаучной их части эталонными являлись энциклопедические по проблематике научных занятий Московское общество испытателей природы и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Оба императорские. Во второй половине XIX в. подобного рода естествоиспытательские объединения ученых действовали при всех университетах. Большинство их также стремилось охватить своей научно-исследовательской деятельностью все области естествознания. Однако в начале XX в. их универсализм перестал удовлетворять многих ученых, стремившихся к строго специализированной дисциплинарно научной организации. В Москве открываются Физическое общество им. П. Н. Лебедева, Общество российских физиологов им. И. М. Сеченова, Русское ботаническое общество, Ломоносовское физико-химическое общество. При Петербургском университете возникают Русское физико-химическое, Русское антропологическое общество, Общество землеведения и др. Здесь же действовали не связанные формально с университетом Минералогическое и Математическое общества. Ученые-физики, математики, химики создали свои организации в Киеве, Казани, Харькове. Процесс узкодисциплинарной специализации захватил и медицинские общества. Параллельно со старейшими физико-медицинским обществом при Московском университете (1804 г.), Обществом врачей в Петербурге (1833 г.), Обществом киевских врачей (1841 г.), Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова (1883 г.), включавших в область своих научных интересов всю совокупность медико-теоретической и специально-клинической проблематики, при медицинских факультетах университетов в начале XX в. открываются моноотраслевые общества хирургов, акушеров и гинекологов, педиатров, психиатров и невропатологов, венерологов и дерматологов, офтальмологов, отоларингологов, невропатологов и др. К классу строго специализированных относилось и знаменитое Московское гигиеническое общество, основанное Ф. Ф. Эрисманом еще в 1881 г.

* * *

Круг еще одной категории научных обществ, обслуживавших научно-практические, прикладные отрасли знаний (техника, сельское хозяйство), был существенно у́же тех, которые посвящали свою деятельность фундаментальным наукам, что свидетельствовало о недостаточности связей науки с производством. Штабом научно-инженерной мысли было

Русское техническое общество. Обладая самостоятельным статусом, оно теснейшим образом было связано с инженерно-промышленной высшей школой. Действительными членами и членами-корреспондентами его являлись ведущие профессора и преподаватели инженерных институтов, а также инженеры-практики. Структурой своих отделов РТО воспроизводило весь, без изъятия, перечень инженерных профессий, причем каждый отдел был фактически специализированным научно-техническим обществом. Не случайно в тех городах, где находились отделения РТО (их было 38), местные инженерные школы не устраивали своих научных обществ.

Большинство инженерно-промышленных институтов имело одно, реже два научно-технических общества, носивших закрытый корпоративный характер, поскольку предназначались они исключительно для собственных выпускников и преподавателей. Научная деятельность в НТО сочеталась с функциями взаимопомощи и корпоративно-клубными, порой уступая им по значимости. Среди научно-практических обществ выгодно выделялось размахом целенаправленной исследовательской, издательской, просветительской работы Политехническое общество при Московском техническом училище.

В группе обществ с аграрной проблематикой крупнейшими являлись агрономическое Московское сельскохозяйственное, объединявшее помещиков и состоятельных сельских хозяев, интересовавшихся проблемами агротехники, и ученых, преподававших в Московском сельскохозяйственном институте. При последнем действовали Энтомологическое и Научно-агрономическое им. К. А. Рачинского общества. Лесоводы объединились в корпоративных петербургском и московском Лесных обществах. Основную нагрузку научно-методического характера несли местные сельскохозяйственные общества, руководимые дипломированными агрономами. В начале XX в. в России действовали также 12 ветеринарных обществ во главе со всероссийским Ветеринарным обществом.

* * *

В группе гуманитарных научных обществ самый обширный сектор занимали исторические, филологические либо историко-филологические (по принципу историко-филологических факультетов университетов). Их «прародителями» были возникшие в начале XIX в. при Московском университете императорские Общество истории и древностей российских (1804 г.), Общество любителей российской словесности (1811 г.), Русское археологическое общество (1846 г.). На протяжении XIX столетия подоб-

ного рода научные объединения возникли при историко-филологических факультетах всех университетов и Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине. Авторитетом среди историков-профессионалов пользовались также Общество археологии, истории и этнографии Казанского университета, Историческое общество Нестора-летописца при Киевском университете, романо-германское Неофилологическое общество при Петербургском университете и др.

Своеобразными научными обществами были и являвшиеся одновременно учебными центрами Петербургский и Московский археологические институты, способствовавшие развитию археологии, археографии и вспомогательных исторических дисциплин. Теснейшую связь археологические институты поддерживали с губернскими архивными комиссиями — научными обществами, занятыми изучением местной истории на основе материалов губернских архивов. К категории исторических относились также Церковно-историческое и археологическое общество при Киевской духовной академии (в прочих академиях никаких обществ не было), Общество ревнителей военных знаний и Военно-историческое общество.

При юридических факультетах университетов, Демидовском юридическом лицее в Ярославле и в некоторых неуниверситетских городах (Курск, Екатеринослав, Тифлис, Владивосток) действовали юридические общества. Наиболее почитаемыми в профессиональной и интеллигентско-либеральной среде были юридические общества столичных Московского и Петербургского университетов.

Цвет философской и психологической мысли объединяли Московское и Петербургское психологические приуниверситетские общества. Одним из крупнейших по составу и научному авторитету участников было Педагогическое общество при Московском университете, посвящавшее свои труды теории, методике и практике педагогического процесса. По своим либерально-демократическим идейным установкам оно было антиподом официозному Обществу классической филологии и педагогики, цель которого сводилась к апологетике правительственного курса в области гимназического образования.

До известной степени научные общества играли роль экспертных и информационно-координирующих институций, во-первых, в силу того, что в подавляющем большинстве своем действовали под эгидой главных «производителей» науки — университетов и народно-хозяйственных институтов, а их первоприсутствующими членами и руководителями были профессора этих же учебных заведений; а, во-вторых, потому, что в них чаще всего получали первую апробацию результаты научных исследований, осуществляемых в высшей школе. «Если мы теперь обратим внима-

ние на то, что научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересовать ученых всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас ученых обществ» [45],— писал Д. И. Менделеев в 1882 г.

* * *

К категории научных центров могут быть отнесены и редкие островки ведомственной науки в виде государственных учреждений, занятых организацией исследовательских работ в основном силами опять-таки ученых из Академии наук и высших учебных заведений. Горный ученый комитет Горного департамента Министерства торговли и промышленности имел своей целью содействие отечественной горнодобывающей промышленности. В его состав входили такие крупные ученые, как А. П. Карпинский, Н. С. Курнаков, М. А. Шателен и др. Геологический комитет того же ведомства занимался научной разработкой проблем геологии, собиранием коллекций минералов, изданием научных трудов и геологических карт, координацией геологоразведочных работ на всей территории Российской империи [46]. При этом же комитете состояла комиссия по алюминию.

«Крупную роль в истории русской культуры» В. И. Вернадский отводил деятельности Главного управления земледелием и землеустройством. Подведомственный ему Сельскохозяйственный ученый комитет (председатель В. И. Вернадский, почетные члены К. А. Тимирязев, Д. Н. Прянишников и др.) осуществлял почвенные исследования, занимался организацией сельскохозяйственных станций, инициацией «новых начинаний, тесно связанных с ростом научного мышления», созданием «новых, небывалых в России кафедр» в подведомственных Главному управлению институтах — Московском сельскохозяйственном, Сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, Лесном в Петербурге [47]. В 1912 г. Сельскохозяйственным ученым комитетом был организован Докучаевский почвенный комитет при Вольном экономическом обществе, Фосфоритная комиссия при Московском сельскохозяйственном институте, Общественный комитет по удобрениям при ведомстве земледелия [48].

В 1893 г. по проекту Д. И. Менделеева создается Главная палата мер и весов, принятых в Российской империи, с целью хранения, измерения их эталонов, создания необходимых для такого контроля измерительных приборов, составления сопоставительных таблиц российских и иностранных мер, решения метрологических вопросов. В структуру Палаты входили электрическая, магнитная, химическая, оптическая, высоких температур, водомерная, газомерная, таксометрическая и другие лаборатории.

Фактически она являлась научно-исследовательским институтом с нормативно-распорядительными функциями государственного учреждения. За время своей деятельности Палата обновила российские эталоны мер и весов. Российская метрическая система стала шире применяться в научных исследованиях и инженерно-технических работах.

По инициативе государства началось развертывание новой сети сейсмических станций. Исследовательская работа в области гидрометеорологии и климатологии осуществлялась Главным гидрографическим управлением. К категории ведомственных научно-исследовательских образований относилось «Поверочное отделение» Кронштадских мастерских, известное своими радиотехническими разработками. В 1910 г. оно было преобразовано в Радиолабораторию при Радиотелеграфном бюро Морского ведомства.

Определенную научно-вспомогательную нагрузку в области медицины, ветеринарии, агротехники, статистики несли органы земско-городского самоуправления.

В начале XX в. непосредственно в научно-организационную сферу проникает и частная благотворительная инициатива. Пожалуй, самым ярким ее проявлением стало Московское общество содействия успехам опытных наук и их приложений с миллионным капиталом, завещанным промышленником Х. С. Леденцовым. На эти средства, в частности, была организована знаменитая лаборатория И. П. Павлова по изучению условных рефлексов и построен прекрасно оборудованный Физический институт им. Лебедева. Частный аэродинамический институт был создан Д. П. Рябушинским в его имении в Кучино. На пожертвованные его братом Ф. П. Рябушинским 220 тыс. руб. были снаряжены научные экспедиции на Камчатку и Алеутские острова[49]. В 1910—1913 гг. открываются Петроградский институт братьев Аршиновых, Институт «Поверхность и недра» П. П. Пальчинского, физико-техническая лаборатория А. Е. Феоктистова. Это были сравнительно небольшие научные ячейки с ограниченными средствами.

В целом же российские промышленники крайне вяло использовали плоды русской технической мысли в производственном процессе, предпочитая им готовые зарубежные инженерно-промышленные новшества. В результате промышленная наука находилась в эмбриональном состоянии. Лаборатория, организованная группой химиков во главе с Г. С. Петровым на заводе «Карболит» в Орехово-Зуеве, или лаборатории на Обуховском и Путиловских заводах, где работали выдающиеся русские ученые-металловеды Д. К. Чернов и А. А. Ржешотарский, были счастливыми исключениями из российских правил[50].

Появляются в России и научные учреждения, ассоциированные в международные научные сообщества: Русская группа Международного союза криминалистов (1897 г.), основанный в 1902 г. Русский электротехнический комитет (под председательством М. А. Шателена) Международной электротехнической комиссии; российское представительство Постоянной международной комиссии по сельскохозяйственной метрологии (1913 г.).

В начале XX в. стало очевидно, что существующие организационные формы научной работы не способны обеспечивать ставшие насущными исследования по строго направленной проблематике крупными коллективами специалистов. Остро актуальным стал вопрос о создании сети научно-исследовательских институтов. Он ставится остро в статьях В. И. Вернадского, Н. С. Курнакова, П. Н. Лебедева, И. П. Павлова, Е. С. Федорова. В 1911 г. Академия наук вошла в правительственные инстанции с проектом создания государственного Ломоносовского института по химии, физике, минералогии. В том же году профессора М. А. Мензбир, Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, изгнанные из Московского университета, основали «Общество Московского научного института», почетными членами которого были избраны Мечников, Павлов, Тимирязев. Общество намеревалось на частные пожертвования создать Физический, Биологический, Химический и Обществоведческий институты[51]. Однако всем этим проектам не суждено было осуществиться из-за отсутствия финансовых средств.

В целом совокупность научных учреждений Российской империи представляла собой саморегулировавшуюся, но не самодостаточную систему. Она обладала безбрежными, но полноценно не востребуемыми научно-интеллектуальными ресурсами, функционировала в условиях отсутствия общеимперской научной политики, главным вдохновителем и координатором которой должно было выступать Министерство народного просвещения. «Можно сказать без преувеличения,— писал в 1908 г. В. И. Вернадский,— что главная научная работа России сделана без серьезной сознательной помощи русского правительства. Это — дело общества, дело профессуры и руководимых ими институтов и семинарий, помимо и вопреки желаниям Министерства народного просвещения»[52]. В 1911 г. Вернадский повторил эту мысль: «Русская умственная культура в XIX и начале XX в. может считаться созданием общественной самодеятельности»[53].

Отсутствие общегосударственной научной политики имело следствием значительное отставание науки в России от стран Запада в организационном отношении. Система организации науки в России складывалась стихийно, а ее рациональная общенациональная организация по сути дела отсутствовала. «Разобщенность научных учреждений и кадров, их ма-

лочисленность, дублирование в работе были хроническими недугами русской науки, что не позволяло ей соответствовать объективным потребностям страны, задаче преодоления ее технико-экономической отсталости»[54].

4. Наука начала XX века.

Бесценным наследием «взрыва научного творчества» второй половины XIX в. стали научные школы, охватившие все области естествознания и гуманитаристики.

Среди естественнонаучных школ традиционно первенствующие позиции принадлежали математическим, а среди них — петербургской школе П. Л. Чебышева. Ее столпами в начале XX в. были академики А. А. Марков, А. М. Ляпунов и В. А. Стеклов. Первый до 1905 г. профессорствовал в Петербургском университете и с 1886 г. вел научную работу в Академии наук. Триумфом его математической мысли стали работы по теории вероятностей. Они принесли ему мировую известность не только среди математиков, но и среди физиков, техников, естествоиспытателей, поскольку стали фундаментом математической обработки многих технических и естественно-математических теорий[55]. Научная деятельность А. М. Ляпунова до возвращения в 1902 г. в Петербург в связи с избранием в академики протекала с 1885 г. в Харьковском университете. Соревнуясь с Марковым, он оригинальным методом доказал центральную теорему теории вероятностей и получил результаты, необходимые для самых разнообразных практических приложений. Этот труд Ляпунова вошел во все учебники теории вероятностей и математической статистики. Разработанная ученым в харьковский период жизни теория «устойчивости движения» доставила ему мировую славу, поскольку получила исключительно широкое применение в самолетостроении, радио и электротехнике[56]. Непосредственный ученик Ляпунова В. А. Стеклов, наследовавший от своего учителя в 1902 г. кафедру математики Харьковского университета, в 1912 г. становится академиком за труды в области математической физики, теории упругости, гидромеханики и аналитической механики. Переехав в том же году в Петербург, он создает в столичном университете школу математической физики (В. И. Смирнов, А. А. Фридман, Я. Д. Тамаркин)[57]. Круг научных интересов В. А. Стеклова в значительной степени обусловливался возросшими потребностями развивающейся техники — машиностроения и авиации, а также важнейших проблем астрономии и небесной механики.

В конце XIX — начале XX в. в Московском университете действовала созданная профессором В. Я. Цингером школа геометров (Б. К. Млодзеев-

ский, А. К. Власов и др.)[58] Накануне Первой мировой войны здесь возникла и окрепла так называемая «новая московская школа математиков» Д. Ф. Егорова и Н. Н. Лузина, разрабатывавшая «теорию функций действительного переменного». В Киевском университете Д. А. Граве, выходец из петербургской математической школы, основывает замечательную школу русских алгебраистов (П. Ю. Шмидт, Н. Г. Чеботарев и др.). Физико-математический факультет Казанского университета стал центром геометрической школы. Ценные математические исследования в области геометрии и геометрической теории дифференциальных уравнений осуществил профессор Харьковского университета Д. М. Синцов.

В кругу выдающихся российских математиков особое место принадлежит А. Н. Крылову. Он получил не университетское образование, а специальное высшее морское. Еще будучи воспитанником морского училища, он под руководством своего дяди А. М. Ляпунова освоил математические науки в объеме университетского курса. В математическую науку и механику, он, инженер-кораблестроитель, вошел блистательными работами, посвященными дифференциальным уравнениям математической физики и теории упругих систем. Обширное поле для применения математики Крылов нашел в кораблестроении. Им была создана классическая «Теория корабля», в которой он развил идеи основоположника учения о непотопляемости судов, выдающегося флотоводца адмирала С. О. Макарова. Исследовав причины всех наиболее крупных морских катастроф, среди которых особое место занимала гибель «Титаника», Крылов составил «Таблицы непотопляемости корабля», являвшейся практической конкретизацией разработанной им теории килевой качки судна. Она получила мировое признание, а ее творец — золотую медаль английского общества корабельных инженеров (1898 г.)[59].

Труды А. Н. Крылова по теории корабля были созвучны изысканиям отечественных кораблестроителей конца XIX — начала XX в. Его современник, создатель науки «Строительная механика корабля» И. Г. Бубнов разработал учение о прочности судов. Коллега Крылова по Петербургскому политехническому институту профессор К. П. Боклевский в 1898 г. выдвинул идею установки на судах двигателей внутреннего сгорания, предопределив тем самым появление теплоходов. Идея вскоре была воплощена в жизнь при проектировании и строительстве первых российских танкеров. В 1908 г. со стапеля Коломенского завода сошел первый в мире морской теплоход «Дело». В 1912 г. завод выпустил серию грузо-пассажирских теплоходов типа «Бородино». В 1912 г. по Волге ходили 190 теплоходов, в строительстве которых участвовали Сормовский, Воткинский, Рыбинский заводы, Путиловская верфь, Новое адмиралтейство и Нев-

ский завод. Одновременно в России развернулось производство моторных катеров с двигателями внутреннего сгорания.

С конца века в России начал создаваться ледокольный флот, идея которого принадлежала русским изобретателям и ученым. Его флагманом стал ледокол «Ермак», заложенный в 1898 г. на английской верфи в Ньюкасле. Идею этого корабля, предназначенного для исследования Арктики, сформулировал адмирал С. О. Макаров, который и руководил его постройкой. В создании «Ермака» участвовал Д. И. Менделеев, мечтавший об участии в арктическом путешествии. «Ермак» стал первым в мире ледоколом, способным проводить суда сквозь тяжелые арктические льды. В 1899 г. прошло первое его арктическое плавание под командованием Макарова к Шпицбергену и Земле Франца Иосифа. В 1900 г. с борта корабля А. С. Попов передал первую в мире радиограмму и спас группу рыбаков, унесенных на льдине. Тогда же «Ермак» помог снять с мели броненосец «Генерал-адмирал Апраксин», потерпевший бедствие у острова Готланд. В 1901 г. ледокол под командованием Макарова дошел до северо-западного берега Новой Земли. С 1901 по 1913 гг. «Ермак» провел через льды Финского залива более 1 тыс. судов[60].

Конец XIX — начало XX в. было временем великих открытий в теоретической и прикладной механике. В значительной степени они базировались на фундаментальных исследованиях П. А. Чебышева и его ученика А. М. Ляпунова, без которых невозможны были бы конструкции, воспроизводящие сложнейшие движения, комбинации которых встречаются даже в простейших механизмах.

Ведущая школа отечественной механики находилась в Москве. Она была представлена деятельностью профессора Московского университета и Московского технического училища Н. Е. Жуковского в области теоретической аэродинамики, хотя в сферу его научных интересов входили также турбины, ткацкие машины, велосипедные колеса, речные суда и т. д. И все же в мировую науку он вошел как один из основателей научных основ авиации. В 1890 г. вышли в свет его труды «К теории летания» и «О парении птиц». Исследовав способность птиц держаться в воздухе с распростертыми крыльями, Жуковский доказал возможность создания планера и выполнения им «мертвой петли». Устроенная им в 1902 г. в университетском механическом кабинете аэродинамическая труба[61], а с 1904 г. — аэродинамический Институт в подмосковном Кучине и лаборатория в Московском техническом училище стали необходимой экспериментальной базой для исследований, посвященных подъемной силе крыла самолета в зависимости от его геометрической формы, создания теории воздушного гребного винта (пропеллера) и разработки многих других

проблем авиации. В опубликованной в 1906 г. работе «О присоединенных вихрях» Жуковский вывел формулу для определения подъемной силы, ставшую основой всех аэродинамических расчетов самолета. Ближайшим учеником, а затем сотрудником и соавтором Жуковского был С. А. Чаплыгин. Он дополнил и развил разработанную учителем теорию крыла, о чем свидетельствует его работа «Теория решетчатого крыла», опубликованная в 1914 г.

Исследования Жуковского и его учеников предвосхитили зарождение отечественного самолетостроения, у истоков которого стояли А. Ф. Можайский, Я. М. Геккель, С. В. Гризодубов, Д. П. Григорович. В 1908 г. началась конструкторская деятельность И. И. Сикорского, а в 1911 г. его биплан С—6 установил мировой рекорд скорости (222 км/ч). В 1913 г. Сикорским был создан первый в мире многомоторный самолет «Русский витязь» с размахом крыльев 27 м и четырьмя двигателями. В 1913 г. он установил мировой рекорд продолжительности полета —1 ч. 54 мин. (с восемью человеками на борту). В том же году изобретатель сконструировал и построил новый, более совершенный самолет «Илья Муромец». В годы Первой мировой войны было создано 35 подобных ему летательных аппаратов различных модификаций. В 1911 г. Б. Н. Юрьев теоретически разработал и построил одновинтовой геликоптер, в 1912 г. отмеченный золотой медалью на международной выставке воздухоплавания. В 1913 г. Н. П. Нестеров осуществил «мертвую петлю», теоретически обоснованную Жуковским еще в 1891 г. В 1911 г. Г. Е. Котельников сконструировал первый в мире ранцевый парашют[62].

Совершенно новым отделом механики, в котором российские ученые оказались первопроходцами, стала механика тел переменной массы, а ее частной задачей — создание теории движения реактивных аппаратов и ракетной техники. Основоположником этого направления науки, опередившего свое время и оцененного в должной мере только с началом космических полетов, стал И. В. Мещерский, заведующий кафедрой теоретической механики Петербургского политехнического института. Параллельно с ним и независимо от него проблемы ракетодинамики и космонавтики разрабатывал К. Э. Циолковский. В своей классической работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами», опубликованной в 1903 г., он изложил теорию движения космического корабля с ракетным двигателем, обосновав ее расчетными формулами. Теории ракетных полетов в мировое пространство за пределами приземной воздушной оболочки Циолковский посвятил свой труд «Реактивный прибор как средство полета в пустоте и атмосфере», опубликованный в 1910 г.

Более скромное место, нежели математика и механика, в отечественном естествознании конца XIX — начала XX в. занимала физика. Применительно к этому времени можно говорить не о фронтальном ее исследовании русскими учеными, а об отдельных выдающихся открытиях, сделанных ими. Основным средоточием физической науки в России были Москва и Петербург. В первопрестольной это был физико-математический факультет Московского университета, точнее его кафедра физики, которую возглавил в 1882 г. известный своими капитальными исследованиями в области магнетизма и фотоэлектрических явлений профессор А. Г. Столетов. В созданной им лаборатории были осуществлены выдающиеся эксперименты П. Н. Лебедева по измерению светового давления на твердые тела (1899—1900 гг.) и газы (1907 г.), получившие признание мирового сообщества физиков. Великой заслугой Лебедева перед отечественной наукой является создание первой в России школы физиков-исследователей, включая П. П. Лазарева, С. И. Вавилова, А. Б. Млодзиевского, В. К. Аркадьева и др. — всего 30 ученых.

В Московском университете работал физик-теоретик М. А. Умов. В совершенстве владея математическим анализом, он обогатил науку решением сложнейших проблем гидродинамики земного магнетизма, термомеханических явлений и т. д. Другой московский профессор-физик А. А. Эйхенвальд вошел в науку успешными экспериментами по измерению и обнаружению магнитного поля. Пионером магнитометрического геофизического метода разведки залежей железных руд был профессор физики Московского университета Э. Е. Лейст, сделавший прозорливое предположение о наличии в недрах Курской губернии мощнейших пластов железной руды. Последующие исследования Курской магнитной аномалии подтвердили правоту не признанного первоначально открытия. Петербуржец академик Б. Б. Голицын с помощью магнитометрическо-геофизического метода первым воссоздал точную картину рождения упругих колебаний в земной коре — землетрясений. Сейсмические станции в России и за границей были оборудованы сейсмографами, сконструированными Голицыным. Они позволили определять очаги землетрясений. Созданная ученым теория упругих колебаний стала новым разделом науки о Земле — сейсмологии[63].

Чиновник Геологического комитета, профессор кафедры геологии Московского сельскохозяйственного института, наконец, директор знаменитого Петербургского горного института, выдающийся кристаллограф Е. С. Федоров совершил революцию в физике твердого тела своей теорией внутреннего атомарного строения кристаллов («кристаллических решеток»), позволяющей по этому признаку судить о химическом

составе минералов. Изобретенный им знаменитый «Федоровский столик» для быстрого, с помощью микроскопа, измерения углов между гранями кристаллов получил распространение во всех кристаллографических лабораториях мира.

В Петербурге работал и основатель отечественной металлографии Д. К. Чернов, трудами которого был заложен научный фундамент сталелитейного дела в России. Главный инженер Обуховского металлургического завода, руководитель кафедры металлургии Артиллерийской академии, он являлся автором выдающихся исследований в области металлургии — термической обработки стальных артиллерийских снарядов, обеспечивающей им свойства бронебойности, и проблемы выгорания каналов стволов артиллерийских орудий при стрельбе. Выдающимся открытием Чернова был его проект промышленного получения стали непосредственно из руд, минуя доменный процесс. Проект, суливший быстрое техническое перевооружение отстающего от европейского уровня литейного производства России, был, однако, отвергнут. В результате пострадал и оборонный потенциал страны.

Заметны были достижения российских физиков и в изучении электромагнитных колебаний. Особенно значимым стало изобретение А. С. Поповым радио. В 1895 г. на заседании Русского физико-химического общества он продемонстрировал первый в мире аппарат искровой беспроволочной телеграфии. В 1896 г. состоялся прием первой в мире радиотелеграммы в физическом кабинете Петербургского университета на расстоянии 250 м. Весной 1897 г. усовершенствованные Поповым приборы достигли дальности приема в 600 м, а при испытании на кораблях — 5 км. В 1899—1900 гг. дальность связи достигла 45 км, а весной 1901 г. в корабельных условиях — 150 км. В 1901 г. Попов применил свои приборы для предупреждения об изменении уровня воды в рукавах Дона близ Ростова-на-Дону. В 1899 г. он создал новый тип «телефонного приемника депеш», производство которого в России и во Франции осуществлялось фирмой «Дюкрете». На Западе радио, изобретенное в России, развивалось интенсивнее, нежели на родине. В русско-японскую войну корабли российского флота, в отличие от японских, фактически не были оснащены радиоаппаратурой.

Важные достижения российские ученые и инженеры имели и в другой научно-практической области физики — электротехнике. Важнейшей народнохозяйственной ее проблемой была передача электроэнергии на расстояние. У ее основания стоял М. О. Доливо-Добровольский, который в 1888 г. изобрел систему трехфазного переменного тока, с помощью которой можно было организовать электроснабжение от крупных электро-

станций на большие расстояния. Этот очевидный российский приоритет вследствие технического отставания не был развит в должной степени. Русская идея эффективнее была использована Германией и США. Но и в России она получила благоприятный резонанс. Началось строительство крупных автономных электростанций. В 1895—1896 гг. под руководством инженеров В. Н. Чиколева и Р. Э. Классона была возведена первая в России промышленная гидроэлектростанция для снабжения Охтинского порохового завода. В 1899 г. вводятся в эксплуатацию электростанции на Бакинских нефтяных камнях и на кавказском курорте в Боржоми. В 1903 г. была пущена электростанция «белый уголь» в Ессентуках. В 1900 г. закончилось строительство крупнейшей в Российской империи Гиндукушской ГЭС. Были также созданы проекты сооружения гидроэлектростанций на Волхове (проект Г. О. Графтио, 1910 г.) и Волге (проект Г. М. Кржижановского, 1913 г.), но их исполнение было торпедировано косностью царской администрации и торгово-промышленных кругов.

В 1913 г. в России действовали 20 по тем временам относительно энергоемких элекстростанций; 16 из них были частными. Они производили электрический ток специально для продажи потребителям. У близлежащих к ним владельцев промышленных предприятий появился выбор: либо по-прежнему производить электроэнергию самим, либо с выгодой покупать ее и направлять непосредственно к станкам. Электрический свет появляется на улицах некоторых городов, в первую очередь столиц, в наиболее дорогих и благоустроенных доходных домах.

Российская астрономия в конце XIX — начале XX в. главный исследовательский импульс получала от Пулковской при Академии наук и Московской приуниверситетской обсерваторий. Наиболее успешными направлениями астрономических исследований, осуществлявшихся в этих научных центрах с применением методов астрофотометрии, звездной спектроскопии, астрофотографии, были: астрофизика (Ф. А. Бредихин, А. А. Белопольский, В. К. Церасский, С. К. Костинский), небесная механика (О. А. Баклунд), гравиметрия (П. К. Штернберг). Прочие университетские обсерватории, оснащенные устаревшим оборудованием, стесненные недостаточным штатом сотрудников и скудным финансированием, по преимуществу исполняли роль только учебно-методических подразделений. Отдельные исследования, правда, велись в Киевском (М. Ф. Хендриков, В. И. Фабиус, Р. Ф. Фогель) и Казанском (М. А. Ковальский) университетах. В целом же наблюдалось значительное отставание российской астрономии от мирового уровня исследований.

Рубеж XIX—XX вв. был звездным временем в развитии всех отраслей отечественной химии. Русские ученые стали первооткрывателями ряда

новых ее направлений, например органического катализа, геохимии, биогеохимии. Эти открытия продолжили цепь исследований XIX в. Первостепенная роль в них принадлежала казанской школе химиков, представленной прежде всего работами Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова. «Значение казанской школы для развития химии в нашем отечестве будет яснее, если представить «родословное дерево», которое разрастается и покрывает своей тенью всю высшую школу России — и теоретическую и прикладную: университеты С. -Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Варшавский; Медико-хирургическую, впоследствии Военно-медицинскую академию; Петербургский технологический институт, Варшавский политехникум — все они обслуживались лицами казанской школы — небольшого, скромного по средствам, глубоко провинциального Казанского университета», — писал историк науки член-корреспондент АН СССР Т. П. Кравец[64].

Одним из ярчайших представителей казанской химической школы был академик В. В. Марковников, создавший в Московском университете уже собственную школу, которая наследовала традиции его учителя А. М. Бутлерова. Теоретик, автор учения о взаимном влиянии атомов в химических соединениях, он видел главный смысл своей научной деятельности в содействии прогрессу российской промышленности. Связи науки с производством Марковников посвятил свою актовую речь на годичном заседании совета профессоров в 1880 г.: «Никакое знание в стране, — говорил он, — не может прогрессировать, а наоборот, будет постоянно оставаться предметом роскоши, если не будет находить себе применение в жизни народа»[65]. Ученый внес огромный вклад в развитие нефтяной промышленности России, занявшись исследованием малоизученной тогда кавказской нефти. За работы в этой области Марковников в 1900 г. был удостоен золотой нобелевской медали на Международном нефтяном конгрессе. Исследования Марковникова в области химии нефти продолжил его ученик М. И. Коновалов. Среди других учеников Марковникова в историю отечественной науки вошли Н. Я. Демьянов, работавший по органической и агрономической химии, и И. А. Каблуков, прославившийся трудами по физической химии.

Выдающимся деятелем московской химической школы являлся Н. Д. Зелинский, приобретший первоначальную известность в ученом мире трудами в области синтеза органических соединений. В них он развил теорию химического строения Бутлерова и одним из первых в России — принципы стереохимии (учения о пространственном расположении атомов в молекулах химических соединений). Дальнейшие исследования ученого были в основном сосредоточены на главной теме школы Марков-

никова — химии нефти. Они охватили обширный круг проблем: происхождение, химический состав, методы переработки нефти и использования ее продуктов как сырья в различных отраслях химической промышленности. Он создал новый метод катализа углеродов нефти для получении бензина (крекинг). В русле научно-исследовательских интересов Зелинского еще со студенческих его времен в Одесском университете находились также вопросы биохимии, которыми он увлекся под влиянием своих профессоров А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова. Всемирное признание получили его работы по усовершенствованию методов синтеза аминокислот, играющих существенную роль в обмене веществ в организме.

Классическими по своей точности и исследовательскому изяществу признал в 1899 г. совет естественного факультета Московского университета термохимические работы профессора В. Ф. Лугинина[66]. Выдающиеся свершения в области органической химии связаны с именем А. Е. Фаворского — представителя химической школы Петербургского университета. Он имел таких научных наставников, как Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. А. Миншуткин. В историю науки Фаворский вошел как создатель промышленных способов получения ароматических веществ, синтетического каучука, пластических масс. Им же открыт способ получения исходных материалов для производства синтетических смол, на основе которых вырабатываются лаки, пленки, клеющие вещества, искусственный шелк и различные пластмассы. В 1906 г. Фаворский опубликовал работу о получении универсального растворителя — диэтилового эфира. Однако его растворитель стал производиться не в России, а в Америке. Тогда же Фаворский опубликовал свое открытие способа получения изопрена — вещества, из которого в растениях-каучуконосах образуются молекулы каучука. Не найдя применения в России, открытие стало основой производства синтетического каучука в Германии.

Над проблемой синтетического каучука в конце XIX — начале XX вв. работали многие крупные ученые-химики. В 1896 г. В. Н. Игнатьев осуществил синтез изопрена, ацетилена и ацетата. В 1899 г. И. Л. Кондаков, ученик А. М. Бутлерова, добыл путем полимеризации одного из углеводородов белое губчатое каучуковое вещество. В 1908—1909 гг. С. В. Лебедев, ученик Фаворского, получил при полимеризации дивинила каучукоподобное вещество и изучил его свойства. Эти труды стали основой отечественной промышленности синтетического каучука.

Видным представителем химической школы Петербургского университета являлся Л. А. Чугаев, с 1908 г. — заведующий кафедрой неорганической химии. Его труды по металлам платиновой группы не только обогатили науку новыми фактами, но и надолго предопределили направле-

ние последующих исследований в области химии платиновых металлов. Выдающийся вклад в развитие отечественной металлографии — науки о металлах и теории металлургических процессов — внесли «отец» этого направления химической науки Д. К. Чернов, Е. С. Федоров, Н. С. Курнаков и др. Однако эффективность деятельности русских химиков существенно снижалась, во-первых, из-за невостребованности многих (если не большинства) их открытий отечественной промышленностью, далеко не всегда готовой технологически к восприятию нового и, во-вторых, из-за малочисленности самого исследовательского корпуса.

Немалых успехов в России начала XX в. достигли науки о Земле, в первую очередь геология. Ее развитие шло и в общетеоретическом, и в прикладном направлениях. Основателем русской геологической школы был А. П. Карпинский, труды которого о глубинном строении Русской платформы существенно раздвинули горизонты познания геологической истории Европейской России, полная картографическая версия которой была составлена и издана им в 1892 г. Работы Карпинского способствовали успешному поиску полезных ископаемых на Урале, в Донбассе, Харьковской и Псковской губерниях. Фундаментальные геологические исследования Сибирской платформы были проведены В. А. Обручевым. Он положил начало новой науке — мерзлотоведению. Кроме того, в сферах научных интересов ученого были проблемы тектоники, образования месторождений золота и т. д. С конца XIX в. активизировалось изучение Средней Азии. Быстрое развитие капиталистической промышленности, строительство Сибирской железной дороги повышало потребности страны в минеральном сырье и горючих ископаемых. Это привело к усилению геологоразведки, теоретическое и практическое развитие которой определялось трудами К. И. Богдановича, И. М. Губкина, Л. И. Лутугина, Т. П. Михайловского, Д. В. Голубятникова, А. П. Павлова, Е. С. Федорова, А. Е. Ферсмана, В. И. Баумана и др. И все же, несмотря на очевидные успехи, геология Российской империи была исследована далеко недостаточно.

В конце XIX — начале XX в. появились новые области научного знания на стыках геологии, биологии, химии. В. И. Вернадским (минералогом по изначальной специальности) были заложены основы геохимии — науки об истории химических элементов — атомов Земли и Космоса, геохимическая классификация которых была им создана в 1908 г. Он разработал учение о миграции атомов в земной коре, определил основы генетического направления в минералогии. Вернадский же был и творцом биогеохимии — науки о роли организмов в истории химических элементов Земли и о взаимосвязи организмов с земной корой. Тем самым ученый преобразовал минералогию из статичной, описательной научной дисциплины в

подлинную науку. Он писал: «Минералогия представляет собой химию Земли, она имеет задачей изучение как продуктов природных химических процессов, так называемых минералов, так и самих процессов»[67]. Вернадский был пионером изучения радиоактивных минералов. Из его школы вышли такие выдающиеся минералоги, как А. Е. Ферсман и Я. В. Самойлов.

Россия была родиной научного почвоведения, родоначальником которого являлся учитель Вернадского В. В. Докучаев. Основные положения современного почвоведения он сформулировал в классическом труде «Русский чернозем» (1883). В 1886 г. он дал первую в мире научную классификацию почв, основанную на принципе их происхождения. В 1899 г. Докучаев изложил свое учение о «естественно-исторических зонах», определил принципы земледелия в отдельных регионах России и разработал план борьбы со степными засухами. Его соратниками были Н. М. Сибирцев и П. А. Костычев. Под руководством Докучаева была составлена и напечатана почвенная карта Европейской России. Д. Н. Прянишников и его школа при Московском сельскохозяйственном институте разработали теорию азотного питания растений и сформулировали принципы фосфоритования почв. Тем самым были заложены основы отечественной агрохимии.

Кардинальные преобразования в конце XIX — начале XX в. претерпела область научных географических знаний. Трудами российских ученых (Д. Н. Анучин, А. Н. Краснов, В. В. Докучаев, К. Д. Глинка, Л. С. Берг, Г. Ф. Морозов и др.) физическая география была трансформирована из описательной научной дисциплины в фундаментальную науку, объектом которой стала комплексная оболочка Земли, образованная литосферой, атмосферой, гидросферой, биосферой[68].

В начале XX в. географическая наука приобретает глубокий научно-практический смысл. Переселенческая кампания, вызванная столыпинскими аграрными преобразованиями, потребовала активизации исследований русскими географами малоизученных районов Российской империи — Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Крыма, Кавказа, Карелии, Донецкого бассейна. Для изучения этих районов много сделали И. В. Мушкетов, Г. Н. Потанин, В. Л. Комаров, В. К. Арсеньев, Н. Д. Черский, Г. И. Танфильев, К. Д. Глинка, А. А. Иностранцев, Ю. М. Шокальский, П. К. Козлов и др.

С конца XIX в. интенсивно исследуется Арктика в интересах освоения Северного морского пути. Ледокол «Ермак» в 1899 г. совершил плавание к Шпицбергену. Академическая экспедиция по градусному измерению на островах Шпицбергена 1899—1901 гг. продолжила изыскания академика В. Я. Струве по измерению дуги меридиана, начатые еще в 30-х гг. XIX в.

В 1900—1903 гг. проходила организованная Академией наук Русская полярная экспедиция, возглавляемая хранителем Геологического музея Э. В. Толлем. В 1912 г. была предпринята арктическая экспедиция под руководством гидрографа и полярного исследователя Г. Я. Седова. В 1913 г. был осуществлен первый в истории проход всего Северного морского пути ледоколами «Таймыр» и «Вайгач», руководимыми Б. А. Вилькицким. В результате этой экспедиции был открыт архипелаг Северная Земля.

Выдающимися достижениями обогатили русские ученые биологические науки, особенно физиологию. Признанным основателем этой школы считается И. М. Сеченов, приподнявший завесу над дотоле темной областью психической жизнедеятельности человека, регулируемой органами чувств мозга под воздействием внешней среды. Развитием научного творчества Сеченова стало учение о высшей нервной деятельности животных и человека, созданное И. П. Павловым. Оно основывалось на материалах множества экспериментов, связанных с исследованием физиологии кровообращения, пищеварения и мозга. Его стержнем стала концепция условных рефлексов. Павлов возглавил всемирно признанную школу физиологов. Наиболее яркими его учениками были Л. А. Орбели и А. Ф. Самойлов. Параллельно с павловской плодотворно работала физиологическая школа Н. Е. Введенского — А. А. Ухтомского, создавшая учение об общих закономерностях реакции возбудительных систем организма.

Фундаментальные открытия в области физиологии животных и человека оказали благотворное воздействие на сопредельные науки и в первую очередь на медицину. Большим продвижением в разработке важнейших разделов невропатологии, психиатрии и психологии стали труды В. М. Бехтерева. Ценнейшие открытия в микробиологии сделаны были С. Н. Виноградским и И. И. Мечниковым (учение о фагоцитозе), в вирусологии — Д. И. Ивановским, в эпидемиологии — Н. Ф. Гамалеей.

К началу XX в. русские ученые стали наверстывать свое отставание от западноевропейских коллег в цитологии и генетике (труды С. Г. Навашина и Н. К. Кольцова).

Российские ученые-зоологи в конце XIX — начале XX в. продолжали работать во многих направлениях. Активно изучалась фауна внутренних и омывающих Россию морей (С. А. Зернов, К. М. Дюрина, П. Ю. Шмидт). Многие исследования были посвящены фауне млекопитающих Кавказа (К. А. Сатунин, Н. Я. Динник), южнорусских степей (А. А. Бауэр), орнитофауне России (М. А. Мензбир), низшим позвоночным (А. М. Никольский, Л. П. Сабанеев, Л. С. Берг), энтомологии (Г. Г. Якобсон, В. Л. Бианки, Н. А. Холодковский), паразитологии животных (А. П. Федченко, Э. К. Брандт, К. И. Скрябин), акклиматизации и охраны диких животных (А. П. Богданова). Ог-

ромное научное значение имели сравнительно-анатомические исследования школы одного из виднейших морфологов и теоретиков эволюционизма А. Н. Северцова (И. И. Шмальгаузен, С. Г. Крысановский).

Ботаника обогатилась первоклассными, мирового значения трудами по флористике обширных регионов Российской империи И. П. Бородкина, И. Н. Горожанкина, А. Н. Краснова, В. Л. Комарова. Основополагающие исследования были посвящены теории вида у растений (В. Л. Комаров), процессам дыхания и превращения веществ в растениях (Ф. Н. Крашенинников, В. И. Палладин, М. С. Цвет, С. П. Костычев). Одним из крупнейших в мире ботаников был С. Г. Навашин, который открыл двойное оплодотворение и у некоторых групп растений[69].

В конце XIX — начале XX в. существенно повышается ценность прикладного, народнохозяйственного, научного знания, что объяснялось успехами фундаментальных наук, питавших специальные, и ускорением процесса экономического развития России. В связи с этим повышается роль инженерных институтов. Институты инженеров путей сообщения (Петербургский и Московский) в лице своих профессоров и дипломированных выпускников деятельно участвуют в бурном железнодорожном строительстве. В теории и конструировании механизмов для всех отраслей промышленности, в технологии индустриального производства преуспели технологические и политехнические институты в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове. Варшаве, Риге, Новочеркасске, Томске. Прогресс горнодобывающей и металлургической промышленности в значительной степени определялся горными институтами в Петербурге и Екатеринославе, а также горными факультетами политехникумов. Не последние позиции русские конструкторы занимали в самолето- паровозо- и кораблестроении.

Очевидные достижения научно-фундаментальной и научно-прикладной мысли, воплощенные в научных центрах, школах, традициях являлись великим культурным достоянием России и мировой науки. Однако они далеко не адекватно сказывались на уровне технического прогресса в стране. Спрос на многие научные приоритеты, рожденные трудом «российского ученого сословия», отставал от их предложения в силу консерватизма бюрократических инстанций и технического и технологического несовершенства, а иногда и отсутствия отдельных отраслей промышленности. Зато они легко внедрялись на Западе с согласия их творцов, а то и без оного, нередко возвращаясь на родину под другим авторством, безвозвратно утраченным для России (электросварка, химический катализ, радиосвязь и пр.). «Уже к началу XX в. стало очевидным, что масштабы и темпы научной деятельности не соответствовали требованиям XX в. и по-

тенциальным возможностям страны. Дореволюционная наука характеризовалась фрагментарностью развития, отсутствием широкого исследовательского фронта. Сохранялась сильная зависимость научных учреждений России от передовых стран по линии приборов, лабораторного оборудования и химических реактивов»[70].

* * *

Основными очагами развития наук гуманитарного цикла в конце XIX — начале XX в. оставались университеты в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Юрьеве. Правда, в начале XX в., особенно после Первой российской революции, ареал жизнедействия гуманитаристики существенно расширился в результате резкого возрастания численности неправительственных высших учебных заведений университетского типа в основном для женщин (женские университеты). Там преподавали профессора и приват-доценты правительственных университетов, а иногда находили прибежище те из ученых-гуманитариев, кому в государственной высшей школе по тем или иным причинам места не находилось. Примером могут служить выдающиеся историки Н. П. Павлов-Сильванский и В. И. Семевский.

Рубеж веков был временем плодотворного творчества сформировавшихся исторических школ, в первую очередь столичных. В Московском университете процветала школа русской феодальной истории ученика С. М. Соловьева В. О. Ключевского, который был «последним русским дореволюционным историком, не просто подготовившим печатный текст многотомного курса русской истории, но и старавшимся сформулировать построенную на основных идеях либеральной историографии возможно более цельную концепцию русской истории»[71]. Этой концепцией он «обогатил и тех, кто был согласен с ним, и тех, кто спорил с ним»[72]. Она оказала огромное влияние на современную ему историографию — официальную, либеральную, неонародническую. Естественно, наибольшее воздействие могучего интеллекта Ключевского испытали на себе те, кто непосредственно соприкасался с ним на историко-филологическом факультете Московского университета — его ученики: М. М. Богословский, М. К. Любавский, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин и др. Это было яркое созвездие имен, составивших эпоху в русской историографии. В их ряду примечательна фигура П. Н. Милюкова, заставившего обратить на себя внимание профессионалов своей магистерской диссертацией «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892).

Это было пионерское исследование петровских реформ на базе новых архивных материалов. Широкую известность, и не только среди коллег-историков, П. Н. Милюкову принесли «Очерки по истории русской культуры» (1896—1903). В них отразились общефилософские и исторические воззрения ученого, представлена концепция исторического развития России, которая, по его убеждению, шла европейским путем к конституционно-монархической форме государственного строя[73].

На историко-филологическом факультете Московского университета работали крупнейшие специалисты и в области истории всеобщей: Р. Ю. Виппер (история древних Греции и Рима, а также труды по Новой истории), П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин (английское средневековье), В. И. Герье (всеобщая история Нового времени, Великая французская революция).

Не менее значительным явлением русской науки, чем московская, стала историческая школа, сложившаяся в Петербургском университете. Ее признанным лидером в начале XX в. был С. Ф. Платонов, который в числе своих учителей наряду с К. Н. Бестужевым-Рюминым и В. И. Сергеевичем называл еще и В. О. Ключевского. Среди историков официального направления, стоявших на позиции незыблемости основ самодержавия в России, Платонов занимал особое место. В своих трудах по истории Московского государства конца XVI — начала XVII в. и лекциях по русской истории, которые он читал в университете несколько десятилетий, Платонов впервые выдвинул острые социально-экономические и политические вопросы, никогда прежде не находившие отражения в официальной историографии и не сразу поставленные историками либеральных воззрений: причины социальных и политических конфликтов, приведших к Смуте, кризисные явления, проявившиеся в разных областях жизни Московского государства второй половины XVI в., политическая природа опричнины Ивана IV.

Из школы Платонова вышли С. В. Рождественский, П. Г. Любомиров и вторая волна еще более даровитых историков — Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, Г. В. Вернадский. Их коллегами по историко-филологическому факультету Петербургского университета были М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, тоже ставшие крупными специалистами по русскому средневековью. Среди них особое место принадлежало Н. П. Павлову-Сильванскому, создавшему новую концепцию исторического развития России. Обоснованная им теория русского феодализма не только ставила на научную основу изучение истории средневековой Руси, но и утверждала общность исторического процесса в России и Западной Европе. Профессорами историко-филологического факультета Петербургского

университета были академики А. С. Лаппо-Данилевский и А. А. Шахматов, создавшие самостоятельные направления в исторической науке. Первый — в области методологии, историографии, источниковедения древних актов, будучи притом блестящим специалистом по экономической истории России XVII—XVIII вв. и истории русского крестьянства XVI—XVII вв. Второй — в областях летописания, славянского этногенеза и образования русского государства с центром в Киеве, а также русского языкознания.

Среди профессоров-петербуржцев — специалистов по всеобщей истории громкой известностью, и не только в России, пользовались С. А. Жебелев, А. В. Никитский, М. И. Ростовцев (античность), Б. А. Тураев (египтология), И. М. Гревс, Л. П. Карсавин (западноевропейское средневековье), Н. И. Кареев, Е. В. Тарле (новая история) и др.

Значительные ученые силы концентрировались на исторических отделениях историко-филологических факультетов провинциальных университетов. Среди многолюдных, в основном украинофильских школ историко-филологического факультета Киевского университета целенаправленно русской историей занимался профессор М. В. Довнар-Запольский, в сфере научных интересов которого находились: средневековая Русь, торговля и ремесло в Москве XVI—XVII вв., концепция русской истории в целом, декабристское движение. Наибольшей известностью среди профессионалов пользовался курс его университетских лекций и изданный под его редакцией трехтомный сборник очерков по русской истории до XVIII в., в котором участвовали историки Москвы, Петербурга, Киева, Одессы[74]. Известнейшим специалистом по истории Франции кануна Великой французской революции был профессор этого же университета И. В. Лучицкий.

В Харьковском университете русскую историю преподавал крупнейший специалист по истории Слободской Украины Д. И. Багалей, в 1914 г. выпустивший свой курс лекций по отечественной истории до XV в. Здесь же профессорствовал один из выдающихся специалистов по истории античной Греции В. П. Бузескул.

В Казанском университете работал Н. Н. Фирсов — сын профессора Н. А. Фирсова, известного трудами по истории русской колонизации Поволжья и Приуралья. Перу Фирсова-сына принадлежали труды по экономической политике русского самодержавия в связи с общественными течениями и крестьянскими восстаниями в XVIII в. Немало он сделал и в области истории народов Поволжья. В Казанском университете в разное время преподавали такие известные антиковеды, как В. И. Модестов, Ф. Г. Мищенко, М. М. Хвостов и медиевисты Н. А. Осокин и В. К. Пискорский.

Специалисты-историки высокой квалификации преподавали в Юрьевском и Одесском университетах.

В конце XIX — начале XX в. на авансцене исторической науки взаимодействовали три ее идейных потока: официально-охранительный, знаковыми фигурами которого были Д. И. Иловайский, Н. К. Шильдер, вел. кн. Николай Михайлович, С. С. Татищев и др.; либеральный, представленный творчеством В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского, П. Н. Милюкова, А. Е. Преснякова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Корнилова и др.; неонароднический, в котором выделялись труды В. И. Семевского, первым среди русских историков поставившего вопрос: «Не пора ли написать историю крестьян в России?»[75]. Правда, потоки эти не были отъединены один от другого непреодолимыми рвами. Границы между ними плавно переходили к либеральному центру. На правом фланге от бескомпромиссных эпигонов идеологии и историографической практики Н. М. Карамзина она шла через творчество учеников В. О. Ключевского — М. М. Богословского, М. К. Любавского и находившегося под влиянием их учителя С. Ф. Платонова. Все трое, принадлежа идейно к стану историков официальной идеологической ориентации, по методам исследовательской работы находились в русле либерально-исторической школы. Граница на левом фланге либерального центра русской историографии была и вовсе условной, поскольку сливалась с творчеством представителей либеральной тенденции в неонароднической историографии (С. П. Мельгунов, Н. Огановский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. Богучарский). Особняком стояли лишь первые русские историки-марксисты (М. Н. Покровский, Н. А. Рожков и др.). Характерно, что представители практически всех историографических направлений работали вместе в профессорских коллегиях университетов и участвовали в коллективных трудах, да и межличностные отношения в цехе исторической науки были достаточно толерантными, чтобы не препятствовать такому сотрудничеству.

Важнейшей приметой состояния исторической науки в конце XIX — начале XX в. было значительное умножение проблем, привлекавших исследовательское внимание. Широкие обобщения стали уделом немногих — в основном профессоров, читавших курсы отечественной истории. Популярная в ученой среде тема русского государства расщеплялась на множество проблем, связанных с общественно-политической историей древней Руси и государства Российского (А. Е. Пресняков), включая исследования об отдельных царствованиях (Н. К. Шильдер, М. В. Клочков), правительственных реформ (М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Г. А. Джаншиев), государственных учреждений (И. А. Блинов).

Одним из откликов отечественной историографии на ускоренное развитие капиталистического уклада стало появление монографических исследований по истории промышленности и торговли в России (С. С. Зак, А. А. Кизеветтер, Б. Б. Кафенгауз, А. С. Лаппо-Данилевский, П. П. Смирнов, М. И. Туган-Барановский, Н. Н. Фирсов, Н. Л. Чечулин), а также посвященных промышленным рабочим (В. И. Семевский, К. А. Пажитнов). Немало работ было посвящено аграрной истории: экономическому развитию отдельных регионов страны (А. И. Никитский, И. И. Лаппо), истории крестьянства (М. А. Дьяконов), «крестьянскому вопросу» накануне и в период реформы 1861 г. (И. И. Игнатович, А. А. Корнилов), развитию капитализма в сельском хозяйстве (П. И. Лященко) и др.

Новыми для русской историографии рубежа веков были проблемы истории общественной мысли и общественного движения. Характерно, что особой активностью в данной сфере исторического знания отличалась не университетская профессура, а представители неонароднического историографического курса, земские общественные деятели, литераторы (так тогда именовали публицистов). Академическая среда в целом дистанцировалась от «сомнительных» проблем, особенно от близких к современности. Наиболее привлекательной для ученых различных идейных пристрастий была история общественно-политической мысли XVIII—XIX вв. Лидеров кадетской партии П. Н. Милюкова и А. А. Кизеветтера вполне естественно привлекала история политических идей в качестве предтечи общественной жизни начала XX в. То же можно сказать и об одном из идеологов «веховства» М. О. Гершензоне, заметном представителе эсеровского направления в русской историографии Иванове-Разумнике (Р. В. Иванове), видном историке антисамодержавных движений В. И. Семевском, бескомпромиссно приверженном идеалам народничества 60—70-х гг., и, наконец, о «литераторе» М. К. Лемке. Среди историков-профессионалов несомненной популярностью пользовалась история декабризма (Н. П. Павлов-Сильванский, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Пресняков и особенно П. Е. Щеголев и В. И. Семевский). Для своего времени фундаментально была исследована история российского земства и земско-либерального движения. Началось также изучение народнического и социал-демократического революционного движения в России.

Приметой нового периода в развитии исторической науки стали коллективные труды. Тем самым, по мнению акад. Л. В. Черепнина, «создавались, казалось бы, условия для написания обобщающих работ, подводящих итоги изучения крупных проблем, разрешение которых требовало значительных коллективных усилий[76].

В конце XIX — начале XX в. существенные изменения претерпела технология исторической науки. Резко поднялся индекс ценности источниковой базы научных трудов. В оборот вводятся многие комплексы впервые разведанных архивных документов, этнографических, археологических источников. В связи с этим происходит быстрое развитие вспомогательных и специальных исторических дисциплин, разрабатывающих проблемы методики и технологии исторических исследований: палеографии, дипломатики, хронологии, нумизматики, генеалогии, геральдики, исторической библиографии, источниковедения, архивоведения и археографии, археологии, этнографии, исторической географии и пр. Заметными центрами их разработки стали археологические институты в Петербурге и Москве.

Хроникально-повествовательный стиль изложения исторических событий уходил в прошлое, уступая место проблемному. На смену периодизации истории по времени правления великих князей и царей приходило осмысление ее сквозь призму социально-экономических, политических, культурно-исторических процессов. Раздвинулись хронологические границы исторических исследований, захватив и историю второй половины XIX в. Историческая наука смело шагнула в периодическую печать. Помимо сугубо научной периодики, издаваемой университетами и научными обществами, официозного «Журнала Министерства народного просвещения», специальных исторических журналов для подготовленной публики, историческая проблематика обильно выплеснулась на страницы толстых общественно-политических журналов, чрезвычайно популярных в интеллигентских либерально-демократических кругах («Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Современный мир», «Былое», «Минувшие годы», «Голос минувшего»). Это свидетельствовало о росте популярности исторического знания, или, по словам К. А. Тимирязева, о его «демократизации».

* * *

В теснейшей взаимосвязи с исторической наукой состояла русская наука о литературе — литературоведение. В ее понятийном аппарате понятие «история» было основополагающим, а понятие «историзм» являлось ключевым в методологии литературоведческих исследований конца XIX — начала XX в. Вплоть до 1920-х гг. лицо отечественного литературоведения определялось идеями и методами культурно-исторической школы, которая отождествлялась в первую очередь с именами А. Н. Пыпина и Н. С. Тихонравова. Принадлежали к ней и известные ученые-литературо-

веды И. Н. Жданов, С. А. Венгеров, В. Е. Чешихин-Ветринский, А. А. Шахов, А. И. Кирпичников и многие другие. Ее влияние запечатлелось и в творчестве историков В. О. Ключевского и Н. И. Кареева.

Важнейшими предпосылками образования этой школы литературоведения были внушительные успехи естествознания и техники, установление причинно-следственных связей не только между природными явлениями, но также между явлениями общественными и условиями их существования. Краеугольным постулатом культурно-исторической школы было утверждение ее адептов, что история литературы — «это часть истории культуры, а разнообразные литературные факты и явления суть следствия исторических процессов, которые имеют место в экономической, политической и духовной жизни общества». Специфика литературного творчества для них не была первостепенным объектом изучения[77].

Среди 1200 произведений А. Н. Пыпина по истории русской и славянской литератур, методологии литературоведения, палеографии, этнографии, фольклористике, русской истории, общественной и религиозной мысли самым значительным стала четырехтомная «История русской литературы» (1902—1903). Фактически это был курс истории русской культуры, насыщенный множеством сведений по гражданской истории и истории просвещения, науки, книгопечатания, журналистики, религии и Церкви, городского и деревенского быта, общественных движений. Собственно литературоведческая проблематика стояла на втором плане. В творчестве Н. С. Тихонравова воплотилось еще одно фундаментальное направление культурно-исторической школы литературоведения — применение филологического метода в историко-критическом изучении памятников литературы и их публикация. Ученый издал открытые им же такие классические памятники древнерусской литературы, как «Житие протопопа Аввакума» и «Повесть о Савве Грудцыне», а также множество литературных произведений XVII—XVIII вв. Он же осуществил первое научное издание «Слова о полку Игореве».

От культурно-исторического направления литературоведения в конце XIX — начале XX в. отпочковалось сравнительно-историческое, сосредоточенное на проблематике культурного взаимодействия и взаимовлияния народов через национальные литературы. Основателями этого направления были филологи, историки и теоретики литературы Александр Николаевич и Алексей Николаевич Веселовские. Первый вошел в мировое литературоведение грандиозным, но незавершенным трудом «Историческая поэтика» (Л., 1940), в котором исследовал всеобщую историю возникновения родов и жанров литературы, ее сюжетов, поэтического языка и различных поэтических средств. Второй — обобщил свои сопостав-

ления русской литературы XVIII—XIX вв. с западноевропейскими и восточными литературами в монографиях «Западное влияние в новой русской литературе» (М., 1883) и «Влияние востока на литературы Европы за XVIII и XIX века» (М., 1910). В них он пытался обнаружить общие закономерности, лежащие в основе взаимоотношений западных и восточных литератур, включая русскую. Большой вклад в сравнительное историческое литературоведение внесли также известный фольклорист В. Ф. Миллер и В. В. Сиповский, предложивший эволюционный метод изучения истории литературы, предполагавший изучение литературных фактов в их естественно-исторической связи и закономерностях.

«Психологическая» школа российского литературоведения, представленная так называемой «харьковской группой», возникла на почве неудовлетворенности известной части литературоведов пренебрежением позитивистской науки к эстетической природе художественной литературы, ее образности, поэтике. Они стремились использовать в своих литературоведческих изысканиях плоды новейших открытий в области психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Идеологом этого направления в литературоведении был профессор Харьковского университета А. А. Потебня, изложивший свой концептуальный взгляд на предмет психологии творчества писателя и восприятия ее читателем в своих программных штудиях «Мысль и язык» (1863) и «Из записок по теории словесности» (1905). Вокруг него сложилась группа учеников — Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. Г. Горнфельд, В. И. Харциев, Б. А. Лезин, А. В. Ветухов и др. Однако никто из них, даже наиболее плодотворный Д. Н. Овсянико-Куликовский, ставший автором трехтомной «Истории русской интеллигенции» (1914), не достиг теоретических высот своего учителя.

В конце XIX — начале XX в. русское литературоведение испытало известное влияние марксистской методологии. В ученой среде были известны общеэстетические и литературно-критические статьи Г. В. Плеханова, а его императивный тезис об отражении искусством психологии определенного класса был воспринят многими литературоведами. Отголоском этого тезиса в трудах по истории литературы стало так называемое социально-генетическое направление (Н. И. Стороженко, Н. И. Коробка, В. М. Истрин. В. В. Сиповский), суть которого заключалась в стремлении связать повороты историко-литературного процесса с изменениями классовой структуры общества. Эта тенденция получит затем свое развитие в так называемом социологическом методе, проявившемся в работах по истории литературы П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова, Н. Л. Бродского. В трудах В. М. Фриче, В. М. Шулятикова, В. А. Келтуялы, П. С. Когана этот метод трансформировался в вульгарно-социологические схемы маркси-

стского культуроведения, обернувшегося своей разрушительной ипостасью в первые годы советской власти.

* * *

Конец XIX — начала XX в. было временем вызревания и формирования новых направлений в экономической науке. Она утрачивает чисто теоретический, умозрительный характер, насыщается прикладными дисциплинами. Приходит конец ее монопольной концентрации на юридических факультетах императорских университетов. В системе высшего образования России появляется особый экономический сектор. Он сложился из экономического отделения Петербургского политехнического института, открытого в 1902 г. (подобный факультет до этого с 1862 г. существовал только в Рижском политехникуме) и содержавшихся на средства городских купеческих обществ и всевозможные пожертвования представителей буржуазии неправительственных коммерческих институтов в Киеве, Петербурге, Харькове, возникших в 1906—1912 гг. Последние готовили организаторов торговли (включая внешнюю) и промышленности, специалистов по банковскому и страховому делу, кооператоров, руководителей коммунально-муниципальных и городских административных служб. Таким образом, специальное экономическое образование, имевшее целью формирование корпуса капиталистических менеджеров, фактически оказалось под финансовой эгидой торгово-промышленных кругов. При этом к преподаванию в новых центрах высшего экономического образования привлекались самые известные из университетских профессоров. Так, в Московском коммерческом институте лекции читали А. А. Мануилов (политическая экономия), А. Ф. Фортунатов (экономическая география), С. А. Котляревский и П. И. Новгородцев (государственное право), Д. М. Петрушевский и А. А. Кизеветтер (история), А. А. Эйхенвальд, С. А. Чаплыгин (физика). Директором института был профессор П. И. Новгородцев.

Новые веяния коснулись и университетских программ. К традиционным теоретическим курсам политической экономии и ее истории, а также экономической статистики добавляются актуально-практические спецкурсы: «Синдикаты и тресты» (разработан И. М. Гольдштейном, П. Б. Струве, М. И. Назаревским, П. И. Фоминым и др.), «Экономическая политика» (торговая, финансовая, транспортная и т. д.) с центральной проблемой государственного регулирования деятельности синдикатов и трестов (разработан И. М. Гольдштейном); «Государственное хозяйство», включая вопросы государственного бюджета, его источников и распределения государственных доходов. Наиболее плодотворно проблематика государствен-

ного хозяйства в контексте общих вопросов политической экономии разрабатывалась профессорами И. И. Кауфманом, И. Х. Озеровым, Л. В. Ходским, П. П. Мигулиным[78]. Большим авторитетом среди специалистов пользовались труды по политэкономии российского капитализма М. И. Туган-Барановского — последовательного критика антикапиталистических взглядов апостола либерального народничества 80—90-х гг. XIX в. В. П. Воронцова. Монография «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (Т. I. 1898) принесла Туган-Барановскому славу глубокого знатока жизни промышленных рабочих России.

Значительное продвижение в начале XX в. получила экономика сельского хозяйства, состоявшая из таких разделов, как землеустройство, организация сельскохозяйственного производства и пр. Прогресс в этой сфере экономической науки был предопределен начавшимся аграрным переворотом в России, подстегнутым переворотом промышленным. Способствовало ему и так называемое «новое сельскохозяйственное мышление», формируемое трудами ученых Петровской земледельческой и лесной академии (с 1894 г.— Московский сельскохозяйственный институт) и Московского общества сельского хозяйства М. В. Неручева, С. К. Алексеенко, К. А. Мацеевича, В. М. Сазонова, Н. А. Каблукова, А. П. Левицкого, А. Г. Дояренко, А. Ф. Фортунатова, М. Н. Вонзблейна, А. А. Кауфмана и др. Они подготовили теоретико-практические предпосылки «организационно-производственного направления» в отечественной аграрно-экономической науке, которое выделилось как часть практической агрономии, вооружающая агрономов и кооператоров методами целесообразной организации производства в крестьянском хозяйстве. Методология «организационно-производственного направления» агрономии была сформулирована в «семейно-трудовой теории» А. В. Чаянова, выдвинутой в 1912 г. Оно конституировалось в экономической науке в 1911 г. на московском областном агрономическом съезде, консолидировавшем группу молодых ученых-агрономов — А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева, Б. Д. Бруцкуса, А. А. Рыбникова, И. И. Дамберга, В. И. Владимирского и др.[79]

Одним из фундаментальных направлений отечественной экономической науки была статистика, представленная трудами ее теоретиков, не чуждых вместе с тем и прикладных сюжетов,— профессоров Н. А. Каблукова, В. И. Орлова, Н. Н. Карышева. Центром развития статистики как отрасли экономической науки, организации статистических исследований, методического обобщения опыта земских статистических комитетов стало статистическое отделение Юридического общества в Москве, организованное в 1882 г. А. И. Чупровым. Отделение руководило земскими статистическими исследованиями, проводимыми по всей стране. На базе их

данных осуществлялось серийное издание «Итоги исследования России», посвященное крестьянскому хозяйствованию. Его авторами были известные специалисты-аграрники В. П. Воронцов, Н. Н. Карышев, С. Н. Велецкий, Н. Благовещенский и др. Множество новаторских начинаний в области крестьянской статистики было предпринято земскими деятелями: примером может служить метод комбинационных таблиц Ф. А. Щербины (Воронежское земство), сделавшего особенно много для развития бюджетной статистики в России.

* * *

Начало XX в. было временем смены исторических основ правосознания в российской юридической науке, появления новых правовых идей, созвучных процессу капиталистической модернизации Российской империи. На первое место выходят имевшие западную ориентацию политикоправовые доктрины либеральных юриспрудентов М. М. Ковалевского, Б. Н. Чичерина, С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, А. Ф. Кистяковского, И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцева, П. И. Новгородцева и др. Они работали над созданием нового «образа права», созвучного генеральным идеям российского либерализма (капитализм со свободой предпринимательства и частной инициативой, гражданские права и свободы личности, светский характер общества, всеобщее избирательное право, парламентаризм, конституционная монархия, правовое государство и законность). В центре исследований правоведов оказывалась теперь личность с ее фундаментальными психологическими качествами и особенностями (Л. И. Петражицкий). Деятельность Государственной Думы открыла возможности предметной разработки правовых основ российского парламентаризма, впервые воплощенных в регламенте I Государственной Думы, составленном ее председателем С. А. Муромцевым. Принципы правового государства отстаивал в Думе В. Д. Набоков. Глубокий анализ избирательного права в условиях смены государственной структуры Российской империи осуществил Н. М. Коркунов. Остро актуальное общественное звучание приобрели идеи А. Ф. Кистяковского, И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцева о демократических основах уголовного права и процесса[80].

* * *

Конец XIX — начало XX в. были временем взлета отечественной философской мысли. «Философские запросы русского ума» (выражение В. В. Зеньковского) были столь необъятны и обострены, что в поток фи-

лософского сознания была вовлечена едва ли не вся мыслящая Россия в лице ее интеллигенции, в первую очередь творческой (Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский, А. Белый, В. М. Васнецов, Н. И. Кареев, Р. Ю. Виппер, С. А. Венгеров, В. И. Вернадский, И. И. Мечников). Появился и марксистский «философский материализм», претендовавший на единственно научное истолкование закономерностей развития природы и общества.

Не будет преувеличением сказать, что философствование стало одной из важнейших форм российской интеллектуальной жизни, причем в центре всех дискуссий находился вопрос об исторических судьбах России, стоявшей накануне катастрофических революционных потрясений.

Если же говорить о философии как профессиональной науке, то для нее начало XX в. стало временем быстро нараставшего религиозно-философского движения под влиянием творчества и проповеди Вл.Соловьева и В. В. Розанова. В это движение включаются такие выдающиеся мыслители, как Л. М. Лопатин, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, В. В. Зеньковский, Е. В. Спекторский, Г. П. Федотов, Б. П. Вышеславцев, Ф. А. Степун, Б. А. Кистяковский, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев и многие другие. В 1901 г. в Петербурге по инициативе группы писателей во главе с Д. С. Мережковским начались «беседы» на религиозные темы, организационно оформившиеся в Религиозно-философское общество. Аналогичные объединения философов и любителей философии открылись в Москве и Киеве. В 1902 г. выходит сборник статей «Проблемы идеализма», авторы которого были объединены идеей «возвратить человеку утраченного им живого Бога». В 1909 г. вышел другой программный, насыщенный философско-религиозными идеями сборник «Вехи», обличавший русский нигилизм, духовную расплывчатость, беспочвенность секулярной идеологии. По мнению В. В. Зеньковского, «к успеху сборника... надо отнести и то, что реакция со стороны русской интеллигенции, державшейся за секуляризм или за революционный героизм, оказалась на редкость тусклой»[81].

Главной трибуной русской философской мысли были специальные журналы: «Вопросы философии и психологии» (1889—1918); «Логос» (1910—1914), «Труды и дни» (1912—1914, 1916). «Полярная звезда» (1905—1906), «Новый путь» (1903—1904).

Примечания

[1] *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 217.

[2] *Тимирязев К. А.* Очерки и статьи по истории науки // Соч. Т. III. М., 1939. С. 166.

[3] *Вернадский В. И.* Перед съездом // Публицистические статьи. М., 1995. С. 176—177.

[4] Там же. С. 176.

[5] Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности. М., 1968. С. 21—22.

[6] *Дмитриев С. С.* Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С. 120—121.

[7] Люди русской науки. М., 1948. С. 976—977.

[8] Там же.

[9] *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 208.

[10] «Профессорские стипендиаты» были двух категорий: проходившие научную подготовку при российских университетах, и «заграничные», т. е. командированные для подготовки магистерских диссертаций в университеты стран Западной Европы. В 1900 г. первых было 184, а вторых — всего 19; в 1913 г. — соответственно 465 и 33 (см.: *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 год. М., 1994. С. 81). Для удовлетворения собственных потребностей в преподавателях прикладных дисциплин «профессорских стипендиатов» имели и инженерные институты. Правда, по завершении подготовки они получали не ученые степени, а ученые звания.

[11] *Кравец Т. П.* От Ньютона до Вавилова. Очерки и воспоминания. М., 1967. С. 220.

[12] Если в 1898/99 учебной году на одного преподавателя приходилось в среднем 13 студентов, то в 1913/1914 учебном году уже 27 (*Иванов А. Е.* Высшая школа России. С. 207).

[13] *Волобуев П. В.* Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы естествознания и техники. 1987. № 3. С. 7.

[14] Из-за недостаточного финансирования многие аспиранты не получали стипендий. В 1896 г. таковых было 63 из 91, оставленного при университетах для приготовления к «профессорскому званию», а в 1902 — 109 из 218. Повышение с 1911 г. размера ассигнований на подготовку «профессорских стипендиатов» поглощалось в основном надбавками тем, кто уже стипендии получил. Профессор Демидовского юридического лицея В. Г. Щеглов утверждал: «Научный труд для многих молодых талантливых ученых ныне превратился в научный аскетизм ... Посему научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада» (см.: *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи. С. 96—97).

[15] *Шаповалов В. А., Якушев А. Н.* Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утвержденных в ученых степенях и учено-практических медицинских званиях (1794—1917 гг.). СПб., 1995. С. 148—203 (подсчет автора).

[16] Там же.

[17] Всеподданейший отчет министра народного просвещения за 1900 г. СПб., 1902. Приложение 2; То же за 1913 г. СПб., 1916. Приложение 2.

[18] Преподаватели из недворянских сословий становились «личными» дворянами по достижении чина IX класса (титулярный советник) и «потомственными» — по достижении чина IV класса (действительный статский советник).

[19] Цит. по: Развитие естествознания в России. М., 1977. С. 25.

[20] А вот как ту же мысль высказал профессор Петербургского горного института Л. И. Лутугин. На многочисленные предложения горнозаводчиков, которым он оказывал научную помощь, войти в состав правлений ряда угольных предприятий, ученый отшучивался: «Нет уж, увольте, жить мне осталось недолго, наворовать я много не успею, а некролог себе испорчу» (Выдающиеся ученые Горного института. М., 1954. С. 67).

[21] *Щетинина Г. И.* И. Х. Озеров и его воспоминания // История и историки. 1978. М., 1981. С. 236, 240—243.

[22] *Вернадский В. И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // Публицистические статьи. С. 189; Наша жизнь. 1905. 20 января.

[23] *Сватиков С.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. №2. С. 42.

[24] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. С. 26.

[25] Там же. С. 19.

[26] *Лебедев П. Н.* Собр. соч. М., 1963. С. 339.

[27] С этим обязательным условием соглашались не все вновь избранные члены Академии. Ставший в 1896 г. академиком Д. Н. Анучин после двухлетней отсрочки переезда в Петербург, предоставленной ему вице-президентом Л. Н. Майковым, все же решил не расставаться с Московским университетом и привычной научной средой. В 1898 г. он подал прошение об отставке с академического поста. Общее собрание, приняв отставку, тут же избрало Д. Н. Анучина почетным академиком, что не обязывало его менять место жительства (*Карпов Г. В.* Путь ученого. М., 1958. С. 204—205). В подобной коллизии еще раньше оказался и В. О. Ключевский, который сумел отсрочить свой переезд в Петербург аж на 11 лет — с 1889 г. по 1900 г., когда по его желанию он был переизбран в почетные академики. (Академия наук СССР. Персональный состав. Т. I. М., 1974. С. 83).

[28] По состоянию на 1913 г. при Академии наук действовали и другие обсерватории: Константиновская магнитная и метеорологическая, Романовская аэрологическая в Петербурге; физическая в Тифлисе; магнитно-метеорологическая в Иркутске и Екатеринбурге, метеорологическая во Владивостоке.

[29] Получил название «Геологический и минералогический музей им. имп. Петра Великого».

[30] Имеются в виду лаборатории по анатомии и физиологии растений во главе с акад. А. С. Фамицыным и физиологическая, руководимая акад. И. П. Павловым. В структуру Академии в 1913 г. входила также Особая зоологическая лаборатория. По числу научных работников лаборатории были невелики: помимо академика-руководителя — два-три сотрудника.

[31] Возглавлялась академиком Б. Б. Голицыным. В 1906 г. он открыл в подвале Пулковской обсерватории сейсмическую станцию, в 1913 г. стал директором Главной физической (в дальнейшем геофизической) лаборатории.

[32] В 1903 г. учреждается должность академического представителя в Риме (Е. М. Шмурло) для изучения документов по русской истории, хранимых в архивах Ватикана в Италии.

[33] В 1908 г. была образована Комиссия по изданию библиотеки русских классиков в составе академика А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга, Н. А. Котляревского, В. М. Истрина. В 1913 г. при Академии действовало 34 комиссии.

[34] В 1913 г. издавалось 50 академических журналов и серийных изданий.

[35] См.: *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. С. 123.

[36] *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 4.

[37] *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 122—123.

[38] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М., 1979. С. 27—28.

[39] *Тимирязев К. А.* Соч. Т. VIII. М., 1939. С. 144.

[40] *Менделеев Д. И.* Соч., Т. XXIII. Л.—М., 1952. С 159.

[41] Я разделяю авторитетное мнение историка науки М. С. Бастраковой: «Отсутствие не только налаженного учета, но и элементарных сведений о наличии научных учреждений было проявлением стихийности ведения исследовательской работы и само по себе служило ярким показателем низкого уровня ее организации. Распыленность научных сил и разобщенность исследований — характерные черты русской науки начала XX в.» (*Бастракова М. С.* Организационные тенденции русской науки в начале XX в. // Организация научной деятельности. М., 1968. С. 151—152.).

[42] *Дмитриев С. С.* Указ. соч. С. 115.

[43] *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археологический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 45—46.

[44] *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973. С. 26—27.

[45] *Менделеев Д. И.* Какая же Академия наук нужна в России? // Новый мир. 1966. № 12. С. 182.

[46] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Указ. соч. С. 48, 49.

[47] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. С. 197.

[48] *Бастракова М. С.* Организационные тенденции русской науки в начале XX в. С. 165.

[49] *Анучин Д. Н.* Русская наука и съезды естествоиспытателей. М. 1909. С. 16.

[50] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Указ. соч. С. 50.

[51] См.: *Бастракова М. С.* Организационные тенденции русской науки в начале XX в. С. 166—174.

[52] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. С. 174.

[53] Там же. С. 186.

[54] *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 6.

[55] Люди русской науки. С. 179—185.

[56] Там же. С. 186—192.

[57] *Кравец Т. П.* Указ. соч. С. 236.

[58] *Цетлин Л. С.* Из истории научной мысли в России. М., 1958. С. 165.

[59] *Виргинский В. С., Хотеенков В. Ф.* Очерки истории науки и техники. 1870—1917 гг. М., 1988. С. 124—126.

[60] Там же. С. 126, 119—120, 122—123.

[61] Первая аэродинамическая труба в России была построена в 1871 г. инженером В. А. Пашкевичем для исследований в области баллистики. Вторую аэродинамическую трубу в 1897 г. соорудил К. Э. Циолковский (см.: *Виргинский В. С., Хотеенков В. Ф.* Указ. соч. С. 134).

[62] Там же. С. 140—142.

[63] Рассказы о русском первенстве. М., 1950. С. 328—329, 330.

[64] *Кравец Т. П.* Указ. соч. С. 224.

[65] Люди русской науки. С. 320.

[66] *Цетлин Л. С.* С. 125, 127—128, 129—130.

[67] Люди русской науки. С. 474—475.

[68] См.: *Григорьев А. А.* Развитие физико-географической мысли в России. XIX — начало XX в. М., 1961.

[69] Развитие естествознания в России. М., 1977. С. 460—462, 468—469.

[70] *Волобуев П. В.* Указ.соч. С. 13.

[71] *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. М., 1996. С. 138.

[72] *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 572.

[73] *Цамутали А. Н.* Указ. соч. С. 155—204; *Вандалковская М. Г.* Он никогда не отделял науку от жизни: Павел Николаевич Милюков // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996.

[74] Русская история в очерках и статьях. Т. I—III. М., 1909.

[75] *Балуев Б. П.* Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // История России. XVIII — начало XX в. С. 452.

[76] См. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1963. С. 280.

[77] Русская наука о литературе. 1856—1917. Краков, 1992. С. 16—17, 21—22.

[78] См. История русской экономической мысли. Т. III. Ч. I. М., 1966. С. 146.

[79] *Кабанов В. В.* Школа А. В. Чаянова или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. №6. С. 88—90.

[80] *Исаев И. А., Золотухин Н. М.* История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 1995. С. 282; История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 7—8.

[81] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. II. Ч. 2. Л., 1991. С. 31—32.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (конец XIX — начало XX в.)

А. В. Кошман

1. Общие условия и тенденции развития общественно-культурной жизни.

На рубеже XIX и XX столетий развитие русской культуры, как и в предшествующее время, складывалось из сочетания многочисленных тенденций культурного процесса в городе и деревне, столице и провинции, центре и периферии. Характерной чертой русской национальной культуры была ее открытость, способность к усвоению элементов культуры других народов и сохранение при этом национальной самобытности. Этому, несомненно, способствовало длительное, многовековое хозяйственное и культурное общение русского народа с народами, входившими в состав Российской империи. Особенностью России как многонационального государства было отсутствие границ, которые отделяли бы центр от окраин и обособляли отдельные национальные регионы. Длительные и постоянные хозяйственные и культурные контакты русского и других народов оказывали благотворное влияние и на культуру народов России, и на русскую культуру.

Состояние культурной среды, «столь необходимой человеку для его духовной и нравственной жизни, для его нравственной самодисциплины и социальности»[1], определяет много факторов, среди которых существенно важными являются сфера образования и просвещения, система распространения книги и периодики, транспортно-коммуникационная и информационная сеть. В понятие культурной среды входит и степень распространения профессиональной культуры в различных слоях общества, и бережное, сознательное сохранение культурных традиций. Нельзя не согласиться с мнением Д. С. Лихачева, что «для жизни человеку важна среда, созданная культурой его предков и им самим»[2].

К концу XIX столетия в силу возраставшей социальной мобильности общества в культурное движение вовлекались не только столичные, но и провинциальные города, многие сельские регионы. Развивающаяся ин-

формационная система способствовала интеграции культурных процессов, расширению и углублению культурного пространства. Однако все же не следует преувеличивать степень и глубину этого движения в различных регионах и в стране в целом. К началу XX в. буржуазное общество в России как таковое с присущей ему достаточно высокой степенью гражданственности и демократизации общественно-культурной жизни еще не сложилось. По мнению некоторых современных исследователей, Россия и в начале XX в. оставалась страной двух цивилизаций — европейско-городской и традиционно-деревенской[3]. Вместе с тем в общественно-культурной жизни России происходили изменения, заметные уже современникам. Они были связаны с модернизацией и индустриализацией общества, углублением социальных противоречий предреволюционного времени.

Стал меняться облик столичных городов, росло число их жителей: к 1914 г. в Петербурге проживало уже более 2 млн человек, в Москве — около 2 млн[4]. Однако во всех губернских городах в это время население не превышало миллиона жителей. «В 90-х годах,— писал Б. Пастернак,— Москва еще сохраняла свой старый облик живописного до сказочности захолустья с легендарными чертами третьего Рима или былинного стольного града и всем великолепием своих знаменитых сорока сороков... С наступлением нового века... Москву охватило неистовство первых мировых столиц. Бурно стали строить высокие доходные дома на предпринимательских началах быстрой прибыли. На всех улицах к небу поднялись незаметно выросшие кирпичные гиганты»[5]. Примерно в эти же годы В. Я. Брюсов, отмечая изменения в облике Москвы, писал: «...На месте флигельков восстали / небоскребы, / И всюду запестрел бесстыдный / стиль-модерн...»[6].

Изменения в темпах и разнообразии культурной жизни коснулись и губернских городов. Современники сравнивали Самару начала XX в. с быстро растущими городами Америки. Саратов считался одним из крупнейших духовно-нравственных центров на Волге, где «пульс общественной жизни бьется сильнее, чем в других губернских городах»[7].

Крылатое выражение «девятнадцатый век был веком пара — двадцатый — век электричества» появилось на рубеже столетий и отражало технические новшества, с которыми встречались люди того времени. Были построены первые электрические станции. В столицах, а также некоторых провинциальных городах появились электрические городские железные дороги (трамваи), заменившие «конку». Газовое и керосиновое освещение постепенно вытеснялось электрическим[8]. В быт городских слоев стал входить телефон, появившийся в России еще в начале 80-х гг.

XIX в. 1895 г. считается годом изобретения радио (телеграф без проводов). 5 мая этого года А. С. Попов прочитал в Русском физическом обществе доклад по радиосвязи и продемонстрировал сконструированный им приемник-передатчик. Однако в то время радиоприемник Попова находил лишь небольшое практическое применение — для спасения людей на море и в военном деле.

Значительно большее распространение получил телефон: за первые пять лет (1881—1886 гг.) телефоны появились в 11 городах, к 1906 г. они были установлены уже в 95. За это время выросло и число абонентов телефонных станций — примерно с 4 тыс. до 26 тыс. В 1916 г. в Москве появились первые телефоны-автоматы[9]. А в 1898 г. было открыто телефонное сообщение между Москвой и Петербургом. В печати сообщалось, что это событие «принято публикой сочувственно». Еще раньше телефонная связь была установлена между Одессой и Николаевым (1893 г.), Ростовом-на-Дону и Таганрогом (1895 г.)[10].

Информационная оснащенность в современных социологических исследованиях рассматривается как один из показателей общественного прогресса[11], в том числе и культурного. Процессы, связанные с развитием сети коммуникаций, использованием ее для распространения разнообразной информации, общения людей, являются важной составной частью культуры как системы, функционирующей в обществе[12].

Культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и художественное сознание новые черты и особенности. Это было время русского «серебряного века», атмосфера которого была отмечена необыкновенным взлетом культуры. Первоначально термин «серебряный век» использовал В. В. Розанов для характеристики послепушкинского периода в истории русской литературы[13]. По отношению к культуре рубежа веков и начала XX столетия понятие «серебряный век» встречается в воспоминаниях Н. А. Оцупа, С. К. Маковского, Ю. К. Терапиано. Этим понятием они определяли модернистские течения в литературе, в основном символизм и акмеизм[14]. В современных культурно-исторических исследованиях понятие «серебряный век» используется для обозначения определенного этапа в истории русской культуры конца XIX — начала XX в., который начался с «эстетического переворота», связанного с «переоценкой ценностей», с изменением соотношения коллективного и индивидуального начал в общественной жизни и искусстве. Параллельно с ним употребляется термин «русский культурный ренессанс», предложенный Н. А. Бердяевым[15].

Анализ общественно-культурной жизни этого времени выявляет разительный контраст в духовной атмосфере по сравнению с предшествующим периодом. На смену настроениям известной стабильности, распространенным в обществе в 1880-е гг., приходит психологическая напряженность, ожидание «великого переворота» (Л. Толстой). В одном из писем 1901 г. М. Горький отмечал, что «новый век воистину будет веком духовного обновления». Понимание «рубежности», «переходности» времени, переживаемого Россией, было распространено и среди политиков, и среди художественной интеллигенции. В 1889 г. А. С. Суворин записал в «Дневнике»: «Мы переживаем какое-то переходное время. Власть не чувствует под собой почвы и не стоит того, чтобы ее поддерживать. Беда в том, что общество слабо, общество ничтожно, и может произойти кавардак невероятный»[16]. Ощущение предстоящих перемен, хотя и неясных, не вполне осознаваемых, было и в среде символистов. «Время было интересное,— вспоминала З. Н. Гиппиус.— Что-то... стремилось вперед... куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалось. О, не всеми. Но очень многими, в очень многих»[17]. Пророческими оказались слова С. П. Дягилева, сказанные в 1905 г. при открытии историко-художественной выставки русских портретов в Таврическом дворце: «Мы живем в страшную эпоху перелома; мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей удалой мудрости..; мы — свидетели величайшего момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметет»[18].

В среде интеллигенции на рубеже столетий были очень популярны нравственное учение Л. Толстого, ницшеанство с его идеей «сверхчеловека» и материализм К. Маркса. Интерес к марксизму как альтернативе народничеству отмечали многие современники. Н. А. Бердяев, испытавший сильное влияние марксистских идей, писал впоследствии, что «на почве марксизма у нас возникло среди левой интеллигенции течение более высокой и сложной культуры... происходит освобождение от нигилизма; исключительно эмоциональный народнический тип стал меняться под влиянием интеллектуальной струи»[19].

В художественной культуре этого времени с особой силой звучала идея синтеза. Представители разных видов искусства модерна стремились к поискам новых социальных форм творчества, видя их в соединении поэзии, живописи, музыки, театра. В этих поисках они усматривали путь к новым эстетическим открытиям. Такие объединения, как «Мир искусства», журналы «Весы» (редактор В. Я. Брюсов), «Золотое руно» (издатель Н. П. Рябушинский), спектакли Художественного общедоступного театра, театра

В. Ф. Комиссаржевской и В. Э. Мейерхольда, художественные собрания Вяч. Иванова (Ивановские среды), были выражением этих стремлений.

Своеобразным «опытным полем» для синтеза искусств были художественные кружки тех лет. Московский литературно-художественный кружок (1899—1920 гг.) был одним из первых клубов интеллигенции Москвы. Созданный по инициативе А. П. Чехова, К. С. Станиславского, М. Н. Ермоловой, А. Ф. Кони, М. М. Ковалевского, кружок стал центром литературной, художественной жизни Москвы. Здесь собирались деятели многих общественных и литературных объединений, проходили диспуты, выступали отечественные и зарубежные артисты. В 1906 г. кружок финансировал заграничные гастроли Художественного театра.

К 1901 г. относится начало Религиозно-философских собраний в Петербурге, которые «были замечательны, как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционно-православной церковной иерархии»[20]. Инициаторами этих собраний были Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, З. Н. Гиппиус, которая также писала, что идея их заключалась «во встрече интеллигенции с Церковью»[21]. Синод контролировал собрания, поскольку здесь часто звучала критика в адрес официального православия. Религиозно-философские искания были присущи значительной части русской художественной интеллигенции. Религиозная философия, получившая развитие в трудах таких мыслителей, как Вл. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, Г. П. Федотов, И. А. Ильин и др., является блестящей страницей русской культуры «серебряного века».

Революционные события 1905—1907 гг. объективно способствовали культурному просвещению народа. Манифест 17 октября, давший обществу ряд политических свобод, отмена цензуры, появление политических партий, несомненно, вселяли некоторый оптимизм и веру в будущее в демократических слоях общества. Откликаясь на манифест 17 октября, В. Д. Поленов писал: «Великая теперь задача отстоять эту свободу, чтобы ее не отняли, и немало пройдет время и, пожалуй, крови прольется немало, пока не окрепнет новое понятие об жизни, основанной не на произволе и угнетении, а на праве и равенстве перед этим правом»[22].

Революция не прошла бесследно для творчества многих деятелей культуры, способствовала более четкому их отношению к власти, к народу, интеллигенции, смуте и т. д. Это время было богато восторгами и заблуждениями, верховенством эмоций над разумом. С. Т. Коненков, вспоминая о своей работе над скульптурой «Нике», писал: «Еще горели под окнами моей мастерской баррикады, а я принялся лепить образ «Нике»... Я работал как одержимый: «Нике» — это мой вызов, моя вера в то, что революю-

ция в скором будущем победит. Во мне по мере продвижения «Нике» к завершению росла уверенность, что девятьсот пятый год — это только начало пробы сил, что Россию ждут «неслыханные перемены, невиданные мятежи»[23]. Д. С. Мережковский писал в автобиографической заметке: «То, что я передумал, а главное пережил в революционные годы 1905—1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решающее»[24]. В письме А. Блока к З. Н. Гиппиус 1918 года есть такие строки: «Нас (символистов.— *Л. К.*) разделил уже 1905 год».

Наступившая в стране после поражения революции 1905—1907 гг. политическая реакция оказала известное влияние на появление новых тенденций в общественно-культурной жизни. Широкое распространение в кругах художественной интеллигенции получили идеи «нового религиозного сознания» (богоискательство). Одним из пропагандистов «нового христианства» был Мережковский. Истоки его взглядов лежали в философской концепции Вл.Соловьева о возможности синтеза религий, культур и победы всемирной теократии. Новое религиозное сознание основывалось на утопической идее, что новая религия должна была стать главным фактором в нравственном обновлении человека.

Некоторые деятели из среды социал-демократов (А. В. Луначарский, В. А. Базаров) увлеклись богостроительством, пытаясь соединить социализм с религией. Луначарский в книге «Религия и социализм» утверждал, что «философия Маркса есть философия религиозная» и научный социализм, воспринимаемый как религия, может обрести величайшую силу. Увлечение богоискательством испытал в эти годы М. Горький, что нашло художественное отражение в повести «Исповедь» (1908 г.). Критиками богостроительства выступили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин.

Культурную атмосферу в России последнего предвоенного десятилетия прекрасно передала в своих воспоминаниях Е. Ю. Кузьмина-Караваева, входившая в круг символистов, впоследствии участница французского Сопротивления, знаменитая Мать Мария: «Непередаваем этот воздух 1910 года!... В этот период смешалось все: апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф. ...Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура — цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества... В известном смысле мы были, конечно, революция до революции — так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее»[25].

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа продолжала волновать многих общественных и культурных деятелей, осознававших, что в жизни происходило расхождение, непонимание этих двух сил русского общества. Вопрос об отношениях интеллигенции и народа был «самым жизненным, самым реальным» для Блока[26]. В его представлении интеллигенция и народ противостоят друг другу. Если интеллигенция выступала носителем культуры, то народ был выразителем стихийной, природной силы, в которой поэт видел положительное начало. В 1908 г. А. Блок выступил в Религиозно-философском обществе с докладом «Народ и интеллигенция», в котором говорил о необходимости поиска путей связи интеллигенции с народом. В обсуждении доклада участвовал В. Г. Короленко, который также признал существование разрыва между народом и интеллигенцией. Но вместе с тем он утверждал, что «народ все дальше уходит от трех китов — православия, самодержавия, народности»[27].

В общественно-культурной среде впервые широко обсуждался вопрос о деятельности интеллигенции в революции, правильности ее идейного кредо. В 1909 г. появился сборник «Вехи. Статьи о русской интеллигенции». Авторами его были широко известные публицисты, религиозные философы, литературоведы, принадлежавшие к партии кадетов или близкие к ним по своим взглядам (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. О. Гершензон и др.). Главным в этом сборнике был вопрос об оценке русской революции и роли интеллигенции в ней, об отношении либералов к наследию революционных демократов. Усматривая характерные черты мировоззрения интеллигенции в ее «противогосударственности», «безрелигиозности», «космополитизме», авторы видели в этом причину безрезультатности ее деятельности. Поэтому они призывали интеллигенцию «пересмотреть свое мировоззрение» и через покаяние обрести «новое сознание».

«Вехи» имели огромный общественный резонанс. Только в 1909 г. сборник выдержал четыре издания, в печати появилось более 200 статей, рецензий. В полемике вокруг «Вех» участвовали многие видные не только политические деятели, но и писатели, ученые, публицисты: В. И. Ленин, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, М. М. Ковалевский, Е. Н. Трубецкой, Л. Н. Толстой, А. Белый, К. Чуковский и др.

2. Художественная жизнь. Новации и традиции в художественной культуре.

Художественная культура конца XIX — начала XX столетия — одна из интереснейших страниц в культурном наследии России. В ней отрази-

лись многие, подчас противоречивые тенденции в общественном и художественном сознании эпохи: социальная и идейная острота, «рубежность» сознания, стремление к разрушению старых «истин» и вдруг возникший в среде художественной интеллигенции огромный интерес к национальному культурному прошлому, народной культуре. Интерес к личности, ее духовному миру, философско-этическим проблемам в искусстве сопровождался некоторой утратой социальной остроты искусства, столь характерной для эпохи передвижничества.

Особенностью художественной жизни этого времени была резко возросшая публичность искусства. Многочисленные художественные выставки в столицах и губернских городах, споры вокруг спектаклей Художественного театра, Частной оперы С. И. Мамонтова, театра Комиссаржевской и др. на страницах газет и журналов, появление специальных изданий, посвященных художественной жизни (1898 г.— «Мир искусства», «Искусство и художественная промышленность»; 1901 г.— «Художественные сокровища России»; 1907 г.— «Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины»), были распространенными явлениями художественного быта эпохи[28].

Художественные выставки открыли столичному зрителю многих западноевропейских художников, впервые познакомили с японским искусством. Выставка японского искусства состоялась в Петербурге в декабре 1896 г.; выставка русских и финляндских художников, организованная С. П. Дягилевым в январе 1898 г., стала в известной мере программной для будущих «мирискусников».

На рубеже столетий в России появляется много новых музеев, в которых были сосредоточены богатейшие собрания национальной живописи, предметов театрального искусства, древних рукописей, изделий кустарных промыслов. В 1892 г. П. М. Третьяков передал в дар Москве коллекцию русской живописи, начало которой было положено еще в 1856 г., вместе с собранием картин своего брата, С. М. Третьякова. С 1893 г. Третьяковская галерея (она стала так называться с 1918 г.) была открыта для публики, став одним из центров художественной жизни Москвы.

В 1898 г. открылся Русский музей в Петербурге. Основу его собраний составили коллекция картин императора Александра III, произведения, переданные из Музея Академии художеств, Эрмитажа, пожертвованные некоторыми крупными коллекционерами. Меценатство в этот период все больше заявляло о себе как о способе общественной поддержки и развития отечественной культуры. Большинство российских меценатов принадлежали к кругам торгово-промышленной буржуазии. В Москве существовал Музей русских древностей П. И. Щукина, художественные гале-

реи И. С. Цветкова, К. Т. Солдатенкова, Театральный музей А. А. Бахрушина, Кустарный музей московского земства, открытый на средства Сергея Т. Морозова. Дягилев писал, что «под влиянием П. М. Третьякова стали появляться настоящие ценители искусства и к тому же, как ни покажется на первый взгляд странным, любители самого передового, ультрасовременного искусства»[29]. К таким ценителям относятся С. И. Щукин и И. А. Морозов. Их коллекции живописи французских импрессионистов и постимпрессионистов, находящиеся сегодня в Москве и Петербурге, в Музее изобразительных искусств и Эрмитаже, по общему признанию являются одними из лучших в мире.

Открытие Музея изящных искусств им. императора Александра III (ныне — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) состоялось в 1912 г. С возникновением этого музея связаны имена известных в России людей — профессора Московского университета И. В. Цветаева, архитектора Р. И. Клейна, крупного промышленника и мецената Ю. С. Нечаева-Мальцева. В воспоминаниях М. И. Цветаева писала: «Нечаев-Мальцев стал главным, широко говоря единственным жертвователем музея, таким же его физическим создателем, как отец — духовным. (Даже такая шутка по Москве ходила: Цветаев-Мальцев.)»[30].

Примечательной чертой художественной жизни было появление различных объединений творческой и научной интеллигенции, музеев в губернских городах. Первой публичной художественной галереей стала Картинная галерея И. К. Айвазовского в Феодосии (1880). В Саратове в 1885 г. художником А. П. Боголюбовым (внуком А. Н. Радищева) был основан Художественно-промышленный музей. При художественном училище в Пензе в 1898 г. открылась картинная галерея, директором которой был художник-передвижник К. А. Савицкий.

Многие творческие искания, свойственные как отдельным деятелям культуры, так и целым художественным течениям, были отражением общей духовной атмосферы жизни общества. Это был период обновления жанров и видов творчества, «всеобщей переоценки ценностей». Новые явления в искусстве были своеобразной реакцией на критический реализм, преобладавший в художественной культуре XIX в. Среди таких явлений было декадентство, отмеченное настроениями безнадежности, неприятием жизни, индивидуализмом.

Декадентство — понятие мировоззренческое, возникшее на переломе жизни общества. По мнению одного из теоретиков символизма А. Л. Волынского, оно «явилось реакцией искусства против материализма»[31]. К. Д. Бальмонт считал декадентов «представителями эпохи упадка». «Эти люди,— писал он,— мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов: одного

законченного, другого еще не народившегося... Они развенчивают все старое...; но, чувствуя новое, они сами, выросшие на старом, не в силах увидеть это новое воочию,— потому в их настроении, рядом с самыми восторженными вспышками, так много самой больной тоски»[32]. Как характерное веяние времени декадентство не может быть отнесено к какому-нибудь одному течению в искусстве. Упаднические настроения захватили деятелей различных художественных направлений, в том числе и реалистического. Однако чаще они были присущи модернистским течениям. Понятие «модернизм» (французского moderne — новейший, современный) включало явления литературы и искусства, рожденные в начале XX в., новые по сравнению с реализмом предшествующего столетия.

Однако и в реализме этого времени появляются новые эстетические качества: расширяются рамки реалистического видения жизни, идет поиск путей самовыражения личности художника. Характерными чертами искусства становится синтез, опосредованное отражение жизни в отличие от критического реализма XIX столетия с присущим ему конкретным отображением действительности. С этой особенностью искусства связаны широкое распространение неоромантизма в литературе, живописи, музыке (творчество М. Горького, М. А. Врубеля, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина), рождение нового сценического реализма (Художественный общедоступный театр).

Исключительно важную роль в культурной жизни страны продолжала играть литература. В эти годы еще жил и работал Л. Н. Толстой. В 1899 г. был опубликован его последний роман «Воскресение», в котором протест против общественного зла и социальной несправедливости звучал остро и гневно. Толстой не принял модернизма в искусстве. Событием в культурной жизни России было появление работы Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», напечатанной в конце 1897 г. Отстаивая общественное звучание искусства, писатель отрицал самостоятельное значение красоты в искусстве. Эти выводы, отрицавшие художественную ценность многих произведений искусства, уже давно вошедших в историю мировой культуры, вызвали настоящее смятение среди деятелей искусства, непонимание со стороны многих из них. Одним из тех, кто полностью принял взгляды Толстого на искусство, был В. В. Стасов[33].

Лучшие свои произведения создал в эти годы А. П. Чехов: повести и рассказы («Моя жизнь», «Мужики», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой», «Невеста»), драмы, поставленные на сцене Художественного театра. В его творчестве отражалась «до ужаса простая» и вместе с тем необычайно сложная жизнь России. Чехов не был сторонником определенных общественно-политических воззрений, но его произведения несли в

себе ожидание новой, лучшей жизни. «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказиками,—писал Чехову в одном из своих писем М. Горький,—возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни»[34].

В эти годы в русскую культуру пришли новые талантливые силы; «отовсюду как бы выпирало молодую русскую талантливость, все расцвело: сцена с Художественным театром, Комиссаржевской, Шаляпиным и Собиновым; живопись — с Васнецовым, Врубелем, Малявиным; музыка — с Рахманиновым, Скрябиным и Глазуновым; литература — с Горьким, Андреевым, Буниным»[35].

В 1890-е годы начался творческий путь М. Горького. Свой первый рассказ «Макар Чудра» он опубликовал в 1892 г. в газете «Кавказ». В своих произведениях, написанных в это время («Старуха Изергиль», «Челкаш», «Девушка и смерть», «Песнь о Соколе», «Буревестник»), М. Горький воспевал гордого, свободного человека, любовь как источник жизни, бесстрашие тех, кто звал к борьбе. В 1893 г. появился первый рассказ И. А. Бунина «Танька». В 1897 г. вышел сборник его рассказов «На край земли», посвященный горькой участи крестьян-переселенцев. В конце 1890-х годов появляются первые значительные произведения А. И. Куприна («Олеся», «Молох»). Горький, Бунин, Куприн — крупнейшие представители русской реалистической литературы начала XX в.

А. М. Горькому принадлежит важная роль в консолидации демократических литературных сил. Он был активным членом «Среды» — сообщества московских прогрессивных писателей-реалистов. В собраниях, проходивших в доме Н. Д. Телешова на Покровском бульваре, участвовали А. Серафимович, В. Вересаев, А. Куприн, Л. Андреев и др. Из произведений участников «Среды» формировались сборники, выпускавшиеся книгоиздательским товариществом «Знание» в Петербурге (1898—1913 гг.). Состав сборников определялся при участии М. Горького, ставшего в 1910 г. одним из руководителей этого издательства.

Новым явлением литературы XX столетия была пролетарская поэзия, в которой зазвучала тема борьбы рабочего класса. Особенностью ее были социальный оптимизм и романтический пафос. Сами поэты рассматривали свою поэзию как «предтечу» новой литературы будущего. «Мы не поэты, мы — предтечи / Пред тем, кого покамест нет. / Но он придет и будет свет / И будет радость бурной встречи» — писал в 1905 г. один из пролетарских поэтов Е. Тарасов. Тема пролетариата входит в прозу и драматургию. В 1906 г. А. М. Горький пишет драму «Враги», роман «Мать», в которых формулирует новые эстетические принципы изображения жизни.

В первое десятилетие XX в. в русскую поэзию приходит плеяда новокрестьянских поэтов (С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков), творчество которых опиралось на традиции устного народного творчества и крестьянской поэзии.

В условиях «наэлектризованности» общественной жизни накануне революции чрезвычайно возросла роль театра. Появление в 1898 г. Художественного театра в Москве стало событием большого общественно-культурного значения. В своей речи, обращенной к труппе при открытии, К. С. Станиславский особо подчеркивал необходимость демократизации театра, сближения его с жизнью. «Мы приняли на себя дело,— говорил он,— имеющее не простой, частный, а общественный характер. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр»[36]. 14 октября 1898 г. на сцене театра «Эрмитаж» была показана пьеса А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Написанная еще в конце 1860-х гг., она не пропускалась к постановке театральной цензурой. Подлинное рождение нового театра состоялось в декабре 1898 г., когда зритель увидел чеховскую «Чайку». Современная драматургия Чехова и Горького составила основу репертуара театра в первые годы его существования. Известное в Москве здание Художественного театра (архитектор Ф. О. Шехтель) было построено в 1902 г. на средства крупнейшего российского мецената С. Т. Морозова. Художественный театр стал одним из центров прогрессивного театрального движения, формирования новых принципов актерской игры, режиссуры, оформления спектаклей, оказавших большое влияние на все театральное дело в России.

Смелая, революционная программа Художественного театра вызвала многочисленные выступления театроведов, по-разному оценивавших это событие культурной жизни. Театральных новаций не приняли представители символизма. В. Я. Брюсов в статье «Ненужная правда» (1902 г., журнал «Мир искусства») доказывал бессмысленность стремлений передать на сцене «правду жизни». Примерно в это время формируется эстетика условного театра, связанная с экспериментами В. Э. Мейерхольда в области сценического искусства. Брюсов был выразителем этих исканий[37].

В 1890-е годы в России появился кинематограф почти одновременно с изобретением его во Франции братьями Люмьер. Первые видовые и хроникальные фильмы демонстрировались в мае 1896 г. сначала в Петербурге в увеселительном саду «Аквариум», а через несколько дней — в саду «Эрмитаж» в Москве. Первый русский кинопредприниматель А. А. Ханжонков в 1907—1908 гг. начал производство отечественных игровых фильмов, построил в Москве кинофабрику, ряд кинотеатров, в том числе «Художественный» и «Москва» (ныне — дом Ханжонкова). Среди первых

игровых отечественных фильмов были «Пиковая дама», «Отец Сергий» (режиссер Я. А. Протазанов). К 1913 г. в городах России работали более 1400 кинотеатров[38].

Существенные изменения произошли в музыке. Наряду с уже действовавшими в Петербурге и Москве открылись консерватории в Саратове, Одессе, Киеве. Появились формы музыкального «внешкольного» образования: в 1906 г. в Москве при содействии С. И. Танеева была открыта народная консерватория.

В творчестве композиторов происходил известный пересмотр музыкальных традиций, повышался интерес к внутреннему миру человека, философско-этическим проблемам. «Знамением времени» стало усиление лирического начала в музыке. Н. А. Римский-Корсаков — в это время основной хранитель творческих принципов «Могучей кучки» — написал полную лиризма и драматизма оперу «Царская невеста» (1898). Премьера оперы состоялась в 1899 г. на сцене Русской частной оперы, она была поставлена в декорациях и костюмах М. А. Врубеля[39].

Новые черты русской музыки начала XX в. нашли выражение в творчестве С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Оба они были выпускниками Московской консерватории. Обладая ярко выраженной творческой индивидуальностью, Рахманинов вместе с тем следовал в своей музыке традициям русской музыкальной классики. Во многом он был прямым музыкальным наследником П. И. Чайковского. Идейно-художественный мир Скрябина был более сложным. Его творчество отличалось новаторством и глубоким философским содержанием. Он был одним из творцов культуры «серебряного века», искавшим синтеза искусств и слияния нового искусства с жизнью.

В начале XX в. Мариинский и Большой театры оставались центрами музыкальной жизни России. Однако основные достижения оперного искусства этого времени связаны с деятельностью Русской частной оперы в Москве (С. И. Мамонтова, затем — С. И. Зимина). На сцене частной оперы Мамонтова раскрылся талант выдающегося русского певца и актера Ф. И. Шаляпина. «В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин», — писал Горький[40].

Сложные процессы происходили в изобразительном искусстве. Товарищество передвижников оставалось основной творческой организацией художников России. Некоторые из передвижников испытали воздействие революционного движения (Н. А. Касаткин, С. Ю. Иванов, И. И. Бродский). Однако на рубеже веков передвижничество с его обостренным интересом к социальным проблемам и конкретно-историческим образам уже не могло служить художественным идеалом. Искания русской живописи, характерные для этого времени, связаны с творчеством таких ху-

дожников, как М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, В. А. Серов. Поиски эти носили различный характер. Фантастический сказочный мир, тяготевший к символике, открыл Врубель («К ночи», «Пан», «Царевна-Лебедь»). Тема Демона, волновавшая художника, воплощала неудовлетворенность, тоску и гнев мятущегося человека. Импрессионизм получил развитие в творчестве Коровина («Зимой», «У балкона»). Религиозно-этические настроения свойственны картинам раннего Нестерова («Видение отроку Варфоломею»). Поэтизацию прекрасной человеческой личности мы чувствуем в полотнах Серова («Девочка с персиками», «Девушка, освещенная солнцем»). В. А. Серов — крупнейший художник рубежа столетий. Жанр портрета был основным в его творчестве, хотя он писал и пейзажи, и исторические картины. Ученик Репина, он во многом унаследовал и развил присущий этому мастеру глубокий психологизм. Портреты Серова — важнейший итог развития портретного жанра, одно из достижений русского реалистического искусства (портреты Шаляпина, М. Горького, Николая II, Мики Морозова).

Для художников и композиторов того времени характерен повышенный интерес к культуре прошлых эпох, народному традиционному искусству. Интерес к старинным художественным промыслам во многом способствовал возрождению тех из них, которые пришли в упадок. В художественных центрах (Абрамцево в Подмосковье, Талашкино в Смоленской губернии, Кустарный музей в Москве) создавались все условия для творчества профессионалов, оказывалась помощь художникам-кустарям. Благодаря привлечению талантливых художников, скульпторов, музыкантов (здесь работали М. А. Врубель, В. М. Васнецов, С. В. Малютин, В. В. Андреев и др.), их помощи народным умельцам и собственным творческим исканиям происходило сохранение и обновление художественных традиций народного искусства.

С идейно-творческими исканиями в живописи было связано появление в конце 1890-х гг. «Мира искусства». Из кружка молодых «любителей изящного» он вырастает в крупное явление художественной культуры. Название кружку дал журнал «Мир искусства», издававшийся с 1899 г. на средства княгини М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтова. Впоследствии изданию материально помогал В. А. Серов. К «мирискусникам» принадлежали художники А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере, музыкальный критик В. Ф. Нувель, близкий символистам публицист Д. В. Философов, театральный и художественный деятель С. П. Дягилев.

Художники «Мира искусства» провозгласили новые эстетические принципы, отвергнув как салонность академизма, так и тенденциозность

передвижничества. Намерение искать новые пути в искусстве, стремление преобразить жизнь посредством искусства сблизило с ними и тех художников, которые к этому объединению формально не принадлежали (Серов, Врубель, Нестеров). «Мир искусства» — широкое культурно-эстетическое движение, которое в культурной жизни страны начала XX в. сыграло важную культурно-просветительскую роль. Оно выступило против недооценки крупных явлений искусства прошлых эпох, особенно XVIII и начала XIX в., забытых или неверно истолкованных в бурную передвижническую эпоху. «Мирискусники» заново «открыли» для современников имена Рокотова, Левицкого, Кипренского, Венецианова, Ф. Толстого. Исследование творчества этих художников, статьи о старинной петербургской архитектуре, работы по истории искусства способствовали выработке идейно-художественной концепции развития русского искусства.

Художественное творчество «мирискусников», как правило, тяготело к ретроспективности, ушедшим эпохам. Особенно их интересовал стилизованный мир галантного XVIII в. В их среде процветал культ Петра как основоположника русской европеизированной культуры, культ Петербурга как средоточия этой культуры и культ Пушкина как наиболее полного выразителя «петербургского периода» русской истории. Для художников «Мира искусства» характерно постоянное тяготение к книжной графике и особенно к театру, где синтез искусств мог проявиться в наибольшей степени (иллюстрации А. Н. Бенуа к «Медному всаднику» Пушкина, Е. Е. Лансере — к повести «Хаджи Мурат» Л. Толстого, декорации к спектаклям Художественного театра, оформление Русских сезонов в Париже).

Новым в художественной культуре рубежа столетий было появление искусства модерна. По своей художественно-эстетической ценности это искусство — часть богатейшего культурного наследия «серебряного века», но вместе с тем возникновение модернизма было связано с отрицанием реализма, особенно критического, и материализма как его философской основы. Модернистское искусство не было однородным, внутри него существовали течения, сменявшие друг друга и отличавшиеся по своей эстетике и программным установкам: символизм, акмеизм, футуризм, эгофутуризм, супрематизм и др.

Символизм, зародившийся во Франции в середине XIX в., явлением русской культуры стал в 90-е гг. К этому времени относятся первые манифесты нового искусства, в которых излагались эстетические и философские принципы: книга Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), статья К. Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии»[41]. В преобладании реализма Мережковский усматривал причину упадка литературы, а буду-

щее ее связывал с «божественным идеализмом», провозгласив основой нового искусства «мистическое содержание», «символы» и «расширение художественной впечатлительности». В 1894 г. символисты заявили о себе изданием двух сборников, в которых были напечатаны стихотворения В. Я. Брюсова, с самого начала признанного лидера нового течения в искусстве. Символизм получил развитие в творчестве таких поэтов, как К. Д. Бальмонт, Ф. Е. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. Белый, А. А. Блок. Поэтов-символистов объединяла общность миропонимания и поэтического языка. Наряду с увлечением «чистым», «свободным» искусством, провозглашением культа красоты как жизнеутверждающей силы, символисты воспевали индивидуализм, доходящий до самолюбования, таинственный мир, им близка тема «стихийного гения», «сверхчеловека» Ф. Ницше. Символизм расширил, обогатил поэтические возможности стиха. Это вытекало из необычности мироощущения и стремления передать эту необычность. К. Бальмонт со свойственной ему манерой «удивлять» читателя, все же имел основание написать: «Я — изысканность русской медлительной речи. // Предо мною другие поэты — предтечи, // Я впервые открыл в этой речи уклоны, // Перепевные, гневные, нежные звоны».

В литературоведении некоторые черты поэзии символистов (воспевание мира грез, мечты, таинственности и т. д.) часто отождествлялись с уходом самих поэтов от реальной общественной жизни. Однако революционные события 1905 г. с очевидностью показали, что это не совсем так. «Мы тогда все приняли революцию»,— писал Г. И. Чулков, принадлежавший к символистам[42].— «О, как полюбил я красные стяги революции...» (из письма А. Белого к А. М. Ремизову). В воспоминаниях о Блоке А. Белый писал: «Распыление прежнего, именно розово-золотого воздуха, вело нас путем расхождения и готовило нас к новой встрече в теме России»[43]. Таким образом, реальные события они воспринимали через образы, цвет, музыку. «Революционность» символистов была «эстетизированным» бунтарством. Подтверждение этому можно увидеть в словах Е. Е. Лансере, художника «Мира искусства»: «Мы тогда революцию не воспринимали как борьбу класса против класса, а как борьбу «всего народа» против самодержавного строя»[44].

Революционный подъем заметно сказался в творчестве поэтов-символистов, отдавших дань освободительным мотивам. Бальмонт дерзко критиковал самодержавие, славил в стихах «победу сознательных рабочих». Он сблизился с Горьким, сотрудничал в газете «Новая жизнь». Общественные настроения революционных лет отразились у А. Белого в сборнике стихотворений «Пепел», который он посвятил Н. А. Некрасову. 1905 год

знаменовал открытие реальной России для А. Блока. Темы Родины, человека, общественного назначения поэта становятся ведущими в его творчестве. В это время он написал циклы стихотворений «Родина», «На поле Куликовом», «Соловьиный сад».

Сложно и противоречиво было отношение к революции у Брюсова. Он приветствовал силы, поднявшиеся на борьбу со старым миром, но не хотел участвовать в строительстве нового мира: «Я вижу новый бой во имя новой воли! // Ломать я буду с вами! Строить — нет!» — писал он в 1905 г. Когда Ленин выдвинул тезис о связи художественной литературы с революционной борьбой, Брюсов выступил против этого. В статье «Свобода слова» он отстаивал принцип суверенности искусства как самостоятельной сферы жизни человеческого общества[45].

В 1910 г. появилось новое направление — акмеизм (от греч. «акме» — цветущая пора). Основоположниками его считаются Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий. Анна Ахматова (А. А. Горенко), О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. А. Кузмин, Г. В. Иванов и др. входили в это объединение. Акмеисты провозгласили культ реального земного бытия, «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Но желание преобразовать мир было им чуждо, они пытались уклоняться от социальных проблем.

Особое место в поэзии акмеизма занимает творчество А. А. Ахматовой. Ее первый поэтический сборник «Вечер» вышел в 1912 г. Критика отметила отличительные черты поэзии Ахматовой: сдержанность интонаций, подчеркнутую камерность тематики, психологизм. Значительно по своей художественной ценности и литературное наследие Н. С. Гумилева. В его творчестве преобладали экзотическая и историческая тематика, он был певцом «сильной личности». Гумилеву принадлежит большая роль в развитии формы стиха, отличавшегося чеканностью и точностью.

Одновременно с акмеизмом в 1910—1912 гг. возник футуризм. Как и другие модернистские течения, он был внутренне противоречивым. Наиболее значительная из футуристических группировок, получившая впоследствии название кубофутуризм, объединяла таких поэтов, как Д. Д. Бурлюк, В. В. Хлебников, К. Крученых, В. В. Каменский, В. В. Маяковский и некоторых других. Футуризм провозглашал революцию формы, независимой от содержания, абсолютную свободу поэтического слова. Футуристы отказывались от литературных традиций. В своем манифесте с эпатирующим названием «Пощечина общественному вкусу» (1912) они призывали сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с «Парохода Современности». С развитием футуризма связано утверждение в искусстве коллективного начала в отличие от символизма и акмеизма, для которых был характерен примат индивидуального.

С самого начала в поэзии футуризма выделялся Маяковский. Его темой всегда был не только протест против «всяческого старья», но и призыв к созиданию нового в искусстве и жизни. Первые стихи Маяковского появились в 1912 г. Разновидностью футуризма был эгофутуризм И. Северянина (И. В. Лотарев). В группе футуристов под названием «Центрифуга» начинали свой творческий путь поэты Н. Н. Асеев и Б. Л. Пастернак.

В русле различных модернистских течений происходили изменения в изобразительном искусстве. Новым направлением в живописи начала XX в. была «Голубая роза». Под этим названием в 1907 г. в Москве была организована выставка молодых художников, последователей В. Э. Борисова-Мусатова (П. В. Кузнецов, М. С. Сарьян, А. В. Фонвизин, С. Ю. Судейкин и др.). Одним из организаторов выставки «Голубая роза» был Н. П. Рябушинский, издававший на свои средства журнал «Золотое руно». «Голубороzовцы» были связаны с московскими поэтами-символистами и композиторами символистской ориентации Скрябиным и Метнером.

Среди художников этого направления особое место занимает К. С. Петров-Водкин, один из крупнейших мастеров XX в. «Купание красного коня» (1912) — программная картина всего дореволюционного периода его творчества. Она глубоко символична. В ней художник приходит к созданию некой новой реальности в образе мальчика-всадника и красного коня — одновременно живого и совершенно фантастического. По мнению одного из современных исследователей русского искусства, «это нечто вроде блоковской «степной кобылицы», в образе которой собралось прошлое России, ее трудная современность и то вечное, непреходящее, что останется с ней навсегда» [46].

В 1910 г. в Москве была устроена выставка под названием «Бубновый валет», а в следующем году ее участники объединились в общество под тем же названием, которое существовало вплоть до 1917 г. Среди художников, входивших в общество «Бубновый валет», были П. П. Кончаловский, И. И. Машков, А. В. Лентулов, Р. Р. Фальк и др. К числу организаторов первой выставки принадлежали М. Ф. Ларионов и Н. С. Гончарова. Однако, приняв участие в создании «Бубнового валета», они покинули группу и организовали свою. Их выставка имела еще более эпатирующее название — «Ослиный хвост».

Программа «Бубнового валета» отрицала многие эстетические принципы своих предшественников: стилизацию «Мира искусства», символистскую недосказанность и утонченный психологизм «Голубой розы». Художники требовали осязаемого, предметного, в чем-то перекликаясь с акмеизмом в поэзии, насаждали примитивные формы в живописи. Последнее было особенно характерно для творчества Ларионова и Гончаровой. Не-

опримитивизм присутствовал в картинах М. Шагала, П. Филонова, К. Малевича. Ларионов был одним из родоначальников беспредметной живописи, начав в 1911 г. экспериментом в области лучизма[47]. Все эти художники несли в своем творчестве черты модернистского искусства, близость к тому или иному его направлению, экспериментаторство в области цвета и формы.

Русский авангард, возникновение которого относят к 1910-м гг., стал событием в развитии мировой живописи. К. С. Малевич, создатель этого направления, определил его как супрематизм (от слова supremus — высший), искусство чистых форм, беспредметности. В 1915 г. он показал на выставке в Петрограде знаменитый «Черный квадрат на белом фоне», который рассматривал как главное свое открытие. В искусстве авангарда нашли выражение творческие искания крупных, талантливых художников (В. Кандинский, К. Петров-Водкин, Р. Фальк, М. Шагал, П. Филонов и др.). Они, каждый по-своему, искали в окружающем мире не конкретные реалии, а воплощение идеи мирового устройства. Художественная мысль приобщалась к новым открытиям ученых-естествоиспытателей, перевернувших традиционную картину мира (теория относительности, делимость атома, новые концепции наследственности, лежавшие в основе генетики, рентгеновские лучи, радиоактивность). В искусстве авангарда воплощалось смелое экспериментаторство, раздвигавшее рамки традиционного понимания живописи. Одним из важнейших свойств русского живописного авангарда является прежде всего постижение сущности миропорядка, смысла жизни, познание Вселенной и способов этого познания. По природе своей русский авангард был философичен, но не был одержим социальным переустройством мира, его революционным преобразованием[48]. Не случайно в 1919 г., в разгар послереволюционных событий, К. С. Малевич в одной из своих работ писал не о грядущих социальных преобразованиях, а о постижении и новом понимании пространства. «В данный момент путь человека лежит через пространство — супрематизм, семафор цвета в его бесконечной бездне»[49].

В конце XIX — начале XX в. значительно усиливаются контакты русской культуры с культурой западноевропейской. Наряду с художественными выставками, о которых уже шла речь, во многом этому способствовала активная деятельность русских писателей и поэтов как переводчиков. Традиция художественного перевода в России идет от поэтов-романтиков. По существу, они впервые знакомили тогда русского читателя с произведениями западноевропейских и античных писателей. В. А. Жуковский был талантливым переводчиком Шиллера, Байрона, Гомера. До сих пор непревзойденным остается перевод «Илиады» Н. И. Гнедича. По-

слом русской культуры во Франции был И. С. Тургенев, которого знали в этой стране как автора «Записок охотника». Его друзьями были такие писатели, как Г. Флобер, Э. Золя, Ги де Мопассан, А. Доде. Тургенев ближе познакомил французских писателей с А. С. Пушкиным и Л. Н. Толстым.

Зная классические и многие европейские языки, Брюсов переводил Метерлинка, Верлена, Гюго, Эдгара По, Расина, Мольера, Гёте, Вергилия. Именно он открыл русским читателям Верхарна, Райниса, финских, армянских поэтов. В переводе И. А. Бунина в 1895 г. впервые в России стала известна «Песнь о Гайавате» американского поэта Г. Лонгфелло. В 1903 г. Академия наук присудила Бунину за этот перевод Пушкинскую премию.

В этот период появляется много переложений художественных произведений с русского языка на языки народов России. Русскую классику переводил на латышский язык Янис Райнис. Произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова стали доступны армянскому, грузинскому, казахскому читателю благодаря переводам Иоаннеса Иоаннисяна, Ильи Чавчавадзе, Абая Кунанбаева. И, наоборот, русским читателям становились знакомы произведения латышской, армянской, грузинской, еврейской, украинской литературы, переведенные на русский язык. Были изданы «Сборник армянской литературы» (1917), «Сборник латышской литературы» (1917). Инициатором этих публикаций явился А. М. Горький. Антологию «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916) подготовил и издал В. Я. Брюсов. Первый перевод на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» сделал К. Д. Бальмонт (1914).

К числу этапных событий в истории отечественной музыки, живописи, оперного и балетного искусства относятся Русские сезоны в Париже, организованные С. П. Дягилевым. Они стали подлинным открытием русского искусства для Западной Европы. В 1906 г. парижанам была представлена выставка «Два века русской живописи и скульптуры». Задуманная Дягилевым, она должна была познакомить зрителей с историей русского изобразительного искусства и живописью современных художников «Мира искусства» и близких к этому объединению по своим эстетическим взглядам мастеров (Бенуа, Бакст, Сомов, Борисов-Мусатов, Врубель, Серов и др.). Эта выставка, устроенная в Осеннем салоне, имела неслыханный успех. После Парижа она была показана в Берлине и Венеции.

С 1907 г. начинаются «Исторические русские концерты», открывшие западному миру Шаляпина. В следующем году парижской публике была показана опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов», в которой Шаляпин пел партию Бориса. Воспоминания Ф. И. Шаляпина дают представление об интересе к русской опере и высоком артистизме певца, который покорил публику. «Обставлено было представление во всех смыслах пышно.

Были замечательные декорации наших чудесных художников Головина и Коровина, костюмы — из императорских театров, приехали хоры, набранные из московских и петербургских трупп. И так как это было необыкновенное театральное событие для Парижа той эпохи, то на генеральную репетицию были приглашены все замечательные люди французской столицы. И вся пресса». Отметив, что по каким-то причинам не были установлены декорации, Шаляпин, как он пишет, заявил, что «будет репетировать в пиджаке». «Совсем как на спектакле, я выходил и пел... и не обратил внимания, насколько мой монолог был естественен, если бы не то, что в момент, когда я встал со стула, устремив взор в угол, и сказал: «Что это?... Там, в углу!... Колышется!..» — Я услышал в зале поразивший меня страшный шум. Я повернул глаза, чтоб узнать, в чем дело, и вот что я увидел: публика поднялась с мест, иные даже стали на стулья и глядят в угол — посмотреть, что я в том углу увидел. Они думали, что я действительно что-то увидел» [50].

В 1909 г. начались Русские сезоны балета, продолжавшиеся до 1912 г. «Русский балет,— писал С. Лифарь,— был принят сразу Парижем как впечатляющее мировое художественное откровение, которое должно создать эру в искусстве» [51]. Парижский зритель был покорен живописностью костюмов и декораций, блеском танца солистов и кордебалета. Триумфу балетных спектаклей способствовало участие выдающихся мастеров балетного танца Анны Павловой, Вацлава Нижинского, Тамары Карсавиной, а также больших художников (А. Н. Бенуа, Л. Бакст, Н. К. Рерих и др.), создавших эскизы костюмов и театральные декорации. Талантливым хореографом, одним из новаторов балета начала XX в. был М. М. Фокин, поставивший многие из дягилевских балетов. Он утверждал драматургию как идейно-художественную основу балетного спектакля и путем «содружества танца, музыки и живописи» стремился к созданию психологически верного образа. Взгляды Фокина во многом были восприняты эстетикой советского балета. Музыку ко многим балетам Русских сезонов писал И. Ф. Стравинский, для которого был характерен интерес к далеким историческим временам и народной обрядности, фольклору (балеты «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная» и др.). А. Н. Бенуа, один из активных участников Русских сезонов, писал, что спектакли Дягилева в Париже «были не только апофеозом русского искусства в мировой столице, но и особым этапом в истории развития этого искусства». Русский балет отстаивал право на поэтическое и философское видение мира, глубокое, драматическое содержание. Символом и эмблемой Русских сезонов навсегда остался силуэт Анны Павловой в роли Сильфиды на афише В. Серова 1909 г. В период упадка балетного искусства на Западе дягилев-

ские сезоны дали мощный импульс к становлению национального балета в ряде европейских и американских стран.

* * *

Русская культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. была итогом огромного и сложного пути, пройденного ею. Гуманизм и гражданственность, народность и демократизм всегда отличали русскую национальную культуру. В канун революционных событий 1917 г. Россия обладала богатейшим культурным наследием, культурными ценностями мирового уровня. Однако в России всегда существовало несоответствие между тем, что имело общество в сфере культуры, и возможностью овладения этим культурным богатством всеми слоями народа. «Этажность» культуры, отсутствие в обществе достаточно широкого среднего культурного слоя, который являлся основой многих цивилизационных процессов, определили одну из серьезных особенностей культурной ситуации в России начала XX в. Она выражалась в существовавшем разрыве между духовным ренессансом и бушевавшей реальностью жизни, в которую вовлекались широкие народные массы.

Это отмечалось современниками. Н. А. Бердяев, уже будучи в эмиграции, писал: «Нужно понимать, что был разрыв между интересами высшего культурного слоя ренессанса и интересами революционного социального движения в народе и в левой интеллигенции... Я вспоминаю яркий образ разрыва и раскола в русской жизни... У Вячеслава Иванова на «башне» — так называлась его квартира в доме против Таврического дворца — по средам в течение нескольких лет собиралась культурная элита: поэты, романисты, философы, ученые, художники, актеры... Присутствовал цвет русского ренессанса. В это же время внизу, в Таврическом дворце, и вокруг бушевала революция. Деятели революции совсем не интересовались темами «Ивановских сред», а люди культурного ренессанса..., хотя и не были консерваторами и правыми..., но большинство из них было асоциально и очень далеко от интересов бушевавшей революции»[52]. Эта особенность общественно-культурной жизни России первых десятилетий XX в. была одной из причин, определившей взаимоотношение пролетарской власти и деятелей культуры после октября 1917 г.

Примечания

[1] *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М., 1981. С. 84.

[2] Там же. С. 85.

[3] Отечественная история. 1994. №6. С. 275.

[4] Историческая география. М., 1973. С. 199. Примеч.

[5] Цит. по: Наше наследие, 1997. №42. С. 13.

[6] *Брюсов В. Я.* Собр. соч. в 7-ми томах. М., 1974. Т. 3. С. 301.

[7] Вся Россия. (Особое приложение газеты «Россия». №8). СПб., 1905. С. 249, 408.

[8] *Дмитриев С. С.* Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С. 19.

[9] Почтово-телеграфный журнал. 1906. Сентябрь. С. 667.

[10] Там же. С. 661. В Европе первая телефонная междугородная сеть Париж — Брюссель была построена в 1887 г.

[11] *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 5.

[12] См. Круглый стол «Предмет и метод истории культуры» // История СССР. 1979. №6. С. 148; *Кошман Л. В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. С. 49—53.

[13] *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М., 1995. С. 139, 145.

[14] *Оцуп Н. А.* Океан времени. СПб., 1994; *Маковский С. К.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1972; *Терапиано Ю. К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж — Нью-Йорк, 1987. Эти материалы взяты из дипломной работы *В. Л. Семигина* «Литературный салон Мережковских. 90-е гг. XIX в. — 1906 г.», защищенной на историческом факультете Московского университета в 1997 г.

[15] *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1990. С. 127.

[16] *Суворин А. С.* Дневник. М. — Пг., 1923. С. 197—198.

[17] *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Воспоминания. М., 1990. С. 344.

[18] *Дягилев С. П.* В час итогов... // Весы, 1905. №4. С. 46—47.

[19] *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 155—156, 240, 241.

[20] *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 133.

[21] *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 353.

[22] Цит. по: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976. С. 205.

[23] *Коненков С. Т.* Мой век. М., 1982. С. 137—138,

[24] Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. М., 1914. С. 294.

[25] *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Встречи с Блоком (к 15-летию со дня смерти) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 267.

[26] А. Блок. Письмо к К. С. Станиславскому 1908 г. // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Сост. Н. А. Трифонов. М., 1971. С. 539.

[27] *Шульгин В. С., Кошман Л. В., Зезина М. О.* Культура России IX—XX вв. М., 1996. С. 217—218.

[28] *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 46, 270; *он же.* Художественная жизнь России начала XX века. С. 191. Помещенная в приложении к книгам «Краткая летопись художественной жизни» дает чрезвычайно интересную и достаточно полную картину художественной жизни Петербурга и Москвы.

[29] Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. М., 1982. Т. 1. С. 178.

[30] *Цветаева Марина.* Об искусстве. М., 1991. С. 245.

[31] *Волынский А. Г.* Декадентство и символизм // Борьба за идеализм. Критические статьи. Сб. СПб., 1900. С. 314.

[32] *Бальмонт К. Д.* Горные вершины. М., 1904. С. 78.

[33] *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. С. 269.

[34] Цит. по: *Дмитриев С. С.* Указ. соч. С. 152.

[35] *Скиталец.* Встречи // Красная новь. 1934. № 10. С. 163.

[36] Цит. по: Русский драматический театр. М., 1976. С. 313.

[37] Русская художественная культура конца XIX — начала XX века (1895—1907). Кн. I. М., 1968. С. 55.

[38] *Лебедев Н. А.* Кинематограф в дореволюционной России. М., 1958. С. 14.

[39] *Стернин Г. Ю.* Указ. соч. С. 274.

[40] Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. М., 1957. Т. 1. С. 397.

[41] Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. С. 369—375.

[42] *Чулков Г. И.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 68.

[43] А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 1. С. 267.

[44] Цит. по: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. С. 91.

[45] В 1926 г. об этой статье Брюсова упоминал Осип Брик, опубликовавший в журнале «На литературном посту» статью «Брюсов против Ленина». Долгое время упоминаний о ней в литературоведческих работах не было. Вновь статья Брюсова «Свобода слова» была опубликована в «Литературной газете» от 22 августа 1990 г.

[46] *Сарабьянов Д. В.* История русского искусства конца XIX — начала XX веков. М., 1993. С. 149.

[47] *Малевич К. С.* От кубизма к супрематизму. Цит. по: *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998. С. 370.

[48] *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. С. 301.

[49] *Малевич К. С.* Супрематизм // Каталог десятой государственной выставки. Беспредметное творчество и супрематизм. М., 1919. С. 17.

[50] *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 121.

[51] *Лифарь С.* Дягилев. СПб., 1992. С. 209.

[52] *Бердяев Н. А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. С. 261—262.

Указатель имен

Составлен В. Л. Телицыным

Абрикосова А. А. — 642
Аввакум, протопоп — 691
Аврех А. Я. — 518, 519, 541
Азеф Е. Ф. — 428, 528
Айвазовский И. К. — 709
Аксаков И. С. — 304
Аксаков К. С. — 304
Аксельрод П. Б. — 413, 418
Александр I — 12, 13, 15, 16, 17,44, 62, 63, 64, 72, 108, 552, 554, 555, 557, 559, 573, 575
Александр II — 16, 17, 62, 63, 64, 275, 287, 288, 300, 317, 318, 319, 322, 357, 514, 559, 566
Александр III — 275, 288, 300, 317, 319, 322, 323, 324, 332, 521, 546, 573, 708, 709
Александр Михайлович, вел. кн. — 332, 358, 574
Александра Федоровна, имп. — 301, 302, 317, 319, 323, 545, 546, 560, 561, 563, 568, 646
Алексеев Е. И. — 331
Алексеев Н. А. — 642
Алексеева А. В. — 642
Алексеева А. Н. — 643
Алексеева В. А. — 642
Алексеевы, меценаты — 642
Алексеенко С. К. — 694
Алексей Михайлович («Тишайший») — 301
Алексей, цесаревич — 302, 560, 563, 564
Алиса, см.: Александра Федоровна
Альфред, герцог Эдинбургский — 319
Амосов П. — 584
Ананьич Б. В. — 220, 222
Анастасия, вел. кн. — 302
Андреев В. В. — 714
Андреев Л. Н. — 618, 711
Андреева Н. М. — 643
Андрей Боголюбский, кн. — 563
Андронников М. — 509
Анна Комнина — 555
Анохина А. А. — 136
Антоний (архимандрит) — 372, 399
Анучин Д. Н. — 682, 698, 699
Анфимов А. М. — 109, 110, 223, 269, 270, 519
Анциферов А. Н. — 107
Аполлон (ант) — 594
Апраксин П. Н., граф — 399
Арбузовы — 657
Аркадьев В. К. — 676
Арсеньев В. К. — 682
Асеев Н. Н. — 718
Аухаген (нем.проф.) — 501, 519
Афанасьев В. Г. — 723
Афанасьев Ф. А. — 371
Афина Паллада (ант.) — 594
Ахиезер А. — 141
Ахматов М. Н. — 583
Ахматова Анна (Горенко А. А.) — 717

Бабст И. К. — 658
Багаева
Багалей Д. И. — 687
Багратион П. И. — 558,
Базанова Ю. И. — 583
Базановы, промышленники — 584
Базаров В. А. — 706
Базилевская А. В. — 569
Байрон Джордж Гордон — 719
Баклунд О. А. — 678
Бакст Л. С. — 714, 720, 721
Баллин Н. П. — 249
Балуев Б. П. — 700
Бальмонт К. Д. — 709, 715, 716, 720, 724
Бардыгин Н. М. — 585, 620
Баренбаум И. Е. — 622
Барк П. Л. — 185, 221
Барклай де Толли М. Б. — 552, 558
Бартольд В. В. — 661
Бастракова М. С. — 699
Бауман В. И. — 681
Бауман Н. Э. — 378
Бауэр А. А. — 683
Бахрушин А. А. — 575, 709
Бахрушин В. А. — 643
Бахрушин Н. В. — 643
Бахрушин С. В. — 125, 685
Бахрушины, предприниматели и меценаты — 552, 642
Безбородко А. А. — 15, 668
Бейлис Менахем Мендель — 151, 152, 166, 537, 541
Бекетов А. Н. — 657, 659
Бекетов Н. Н. — 657
Белелюбский Н. А. — 654, 657
Белинский В. Г. — 279
Белинский, инженер — 148
Белопольский А. А. — 654, 661, 678
Белый А. (псевд., наст. имя Бугаев Б. Н.) — 696, 707, 716
Беляев С. Г. — 222
Беляев Е. А. — 699
Бенкендорф А. Ф. — 369
Бентенюк Аким — 553
Бенуа А. Н. — 152, 609, 714, 715, 720, 721
Берг Л. С. — 682, 683
Бердяев Н. А. — 279, 313, 696, 703, 704, 705, 707, 722, 723, 724
Березовский Н. Ю. — 314
Бестужев И. В. — 352
Бестужев-Рюмин К. Н. — 686
Бетман-Гольвег Т. — 349
Бехтерев В. М. — 152, 637, 657, 683
Бианки В. Л. — 683
Бисмарк Отто Шенхаузен фон — 193, 317, 320, 321
Битепаж, издатель — 612
Благовещенский Н. — 695
Блинов И. А. — 688
Блок А. А. — 152, 354, 706, 707, 716, 717, 723, 724
Боборыкин П. Д. — 284
Бобриков Н. И. — 143
Бобринские, графы — 238
Бобринский А. А. — 158, 511
Бовыкин В. И. — 170, 189, 190, 191, 219, 221, 222, 223
Богданов А. П. — 658, 683
Богданович Е. В. — 148, 575
Богданович К. И. — 681
Богданович Н. М. — 428
Боголепов М. И. — 221, 588
Боголепов Н. П. — 356, 656
Боголюбов А. П. — 709
Богословский М. М. — 685, 688
Богров Д. Г. — 515
Богучарский В. — 688
Боевы, меценаты — 642
Боклевский К. П. — 673
Бонч-Бруевич В. Д. — 313
Борисов- Мусатов В. Э. — 718, 720
Бородкин И. П. — 684
Боткин С. П. — 644, 657
Боханов А. Н. — 223, 271, 314, 316, 351, 392, 393, 432, 433, 460, 461, 576, 623, 650

Брандт Э. К. — 683
Брауншвейгский, герцог — 350
Бредихин Ф. А. — 654, 655, 678
Брежнев Л. И. — 24
Брешко-Брешковская Е. К. — 426
Брик О. — 724
Бриллиантов А. А. — 249
Бродский И. И. — 713
Бродский Н. Л. — 692
Брокгауз Ф. А. — 314, 647, 648, 650
Бруцкус Б. Д. — 694
Брюсов В. Я. — 702, 704, 712, 716, 717, 720, 723, 724
Будберг А. А. — 465
Бузескул В. П. — 687
Буковецкий А. И. — 221
Булгаков В. — 623
Булгаков С. Н. — 696, 705, 707
Булдаков В. П. — 166
Булыгин А. Г. — 560
Бунге Н. Х. — 263, 656
Бунин И. А. — 662, 711, 720
Буняков Н. Ф. — 602
Бурлюк Д. Д. — 717
Бурылин Н. Г. — 552, 645
Бурылины, предприниматели, меценаты — 645
Бутлеров А. М. — 652, 655, 679, 680
Бухштаб — 149
Бьюкенен Джордж — 342, 352

Вавельберг, банкир — 206
Вавилов Н. И. — 697
Вавилов С. И. — 676
Вайнштейн А. Л. — 174, 214, 223
Вакуленчук Г. Н. — 368
Вандалковская М. Г. — 700
Ванновский П. С. — 588
Васильев А. А. — 572
Васильев Б. Н. — 107
Васильчиков А. И. — 249
Васнецов В. М. — 696, 711, 714
Введенский Н. Е. — 683
Вдовин В. А. — 270
Вебер А. — 223
Велецкий С. Н. — 695
Венгеров С. А. — 691, 696, 723
Венецианов А. Г. — 715
Вергилий Марон Публий — 720
Вересаев В. В. — 635, 711
Верещагин Н. В. — 249
Верлен П. — 720
Вернадские — 657
Вернадский В. И. — 140, 152, 406, 597, 621, 652, 653, 654, 659, 660, 661, 662, 663, 669, 671, 681, 682, 696, 697, 698, 699
Вернадский Г. В. — 686
Верхарн Эмиль — 720
Веселовский Александр Николаевич — 659, 691
Василевский Алексей Николаевич — 691
Веселовский Б. — 620
Ветухов А. В. — 692
Виппер Р. Ю. — 686, 696
Виктория, англ.королева — 301, 318, 319, 327, 328, 341
Виктория-Луиза — 350
Вильгельм I — 317, 323
Вильгельм II — 274, 320, 327, 329, 330, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 352
Вилькицкий Б. А. — 683
Виноградов Н. А. — 583
Виноградов Н. Н. — 576
Виноградов П. Г. — 660, 686
Виноградский С. Н. — 683
Виргинский В. С. — 700
Витте С. Ю. — 29, 39, 48, 52, 65, 150, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 183, 188, 194, 197, 199, 200, 201, 220, 261, 264, 265, 266, 267, 270, 289, 293, 307, 331, 332, 338, 339, 340, 346, 352, 355, 357, 381, 383, 392, 402, 408, 434, 435, 436, 438, 439, 441, 442, 443, 444, 446, 447, 450, 456, 459, 460, 463, 464, 465, 466, 467,

468, 473, 476, 484, 489, 491, 495, 496, 508, 521, 573, 576, 585, 588
Вихляев Г. — 622
Владимир Александрович, вел. кн. — 361, 466
Владимир Мономах — 555
Владимир I — 10
Власенко В. Е. — 221
Власов А. К. — 673
Водарский Я. Е. — 135
Войлошников, полицейский — 385
Волдишин И. К. — 649, 650
Волин М. С. — 432
Волконский В. В., князь — 399
Волобуев О. В. — 431
Волобуев П. В. — 392, 697, 699, 700
Волынский А. Л. — 709, 724
Вольф М. Б. — 107, 609, 612
Вонзблейн М. Н. — 694
Вормс А. Э. — 656
Воробьёва Ю. В. — 394, 395
Воронцов В. П. — 694, 695
Воронцов-Дашков И. И., граф — 154, 159, 167
Вортман Р. — 576
Восторгов И. — 308
Врубель М. А. — 710, 711, 713, 714, 715, 720
Всеволод Ярославич (кн. Черниговский) — 555
Всеволод, вел. кн. — 563
Вырубова А. А. — 510
Вышеславцев Б. П. — 696
Вышнеградский И. А. — 195, 196, 652, 656, 657

Галлямова Л. М. — 107
Гамалей Н. Ф. — 683
Ганелин Р. Ш. — 315, 460
Ганьшин — 572
Гапон Г. — 359, 360, 361
Гарелина М. А. — 645
Гарелины, предприниматели, меценаты — 645
Гатагова Л. С. — 137
Гейден Н. Ф., граф — 399
Гейден П. А. — 409, 480
Геккель Я. М. — 675
Генкель Г. — 619
Георг I — 274
Георг V — 342, 352
Георгий, кн. — 563
Гердт Е. П. — 561
Гермоген, епископ — 399
Герцен А. И. — 412, 517
Герценштейн М. Я. — 658
Гершензон М. О. — 689, 696, 707
Гершенкрон А. — 217, 219
Гершуни Г. А. — 425—426, 428
Герье В. И. — 411, 461, 686
Гессен И. В. — 408, 460
Гесен В. М. — 406
Гете Иоганн Вольфганг — 720
Гиндин И. Ф. — 221, 222
Гиппиус З. Н. — 704, 705, 706, 716, 723
Гирс Н. К. — 321, 322, 351
Гиршман, предприниматель и меценат — 552
Глазов В. Г. — 588
Глазунов А. К. — 558, 711
Глеб, кн — 563
Глебов Б. — 431
Глебовский С. А. — 648
Глинка К. Д. — 682
Глинка М. И. — 547, 557, 558, 561, 569
Гнедич Н. И. — 719
Говоров А. А. — 622, 623
Гогенцоллерн — 352
Гоголь Н. В. — 610
Годунов Борис — 555, 720
Голицын Б. Б. — 654, 657, 661, 676, 698
Голицын В. В. — 14
Голицын В. М. — 378, 381
Голицын Д. П. — 399
Головин А. Я. — 721
Головин Ф. А. — 408
Голубятников Д. В. — 681

Гольдштейн И. М. — 658, 693
Гомер — 594, 719
Гончарова Н. С. — 718
Горбунов-Посадов И. И. — 613
Горемыкин И. Л. — 450, 454, 464, 472, 479, 509, 534
Горнфельд А. Г. — 692
Городецкий С. М. — 717
Горожанкина И. Н. — 684
Горчаков А. М. — 322, 505
Горчакова, кн. — 558
Горький А. М. — 53, 152, 363, 374, 381, 384, 393, 394, 704, 706, 710, 711, 712, 713, 714, 716, 720
Готье Ю. В. — 221, 685, 688
Граве Д. А. — 673
Гранат А. и И., братья — 134, 135
Графтио Г. О. — 678
Грачёв — 568
Гребенщиков В. И. — 648, 649
Гревс И. М. — 687
Грегори Пол — 170, 174, 175, 220, 230, 269
Гредескул — 408
Греков Б. Д. — 686
Григорович Д. П. — 675
Григорьев А. А. — 700
Гризодубов С. В. — 675
Гримм (братья) — 612
Гримм Г. Д. — 656
Грингмут В. А. — 308, 370, 375, 398
Грудицын Савва — 691
Грузенберг О. О. — 152
Грюнвальд К. — 351
Губкин А. С. — 584, 657
Губкин И. М. — 681
Губонин — 658
Гужон Ю. П. — 376
Гумилёв Н. С. — 717
Гурко В. И. — 267, 467, 469, 484, 505, 507, 508, 519
Гурлянд И. Я. — 478
Гучков А. И. — 409, 410, 411, 412, 438, 444, 480, 506, 532
Гучков Н. И. — 381, 385, 387, 389, 394
Гюго Виктор Мари — 720

Давид (яросл. кн., Св. чудотворец) — 566
Даву, французский маршал — 553
Давыдова Т. Е. — 622
Даль В. И. — 272, 313
Дамберг И. И. — 694
Дан Ф. И. — 418
Данилевский В. П. — 304
Данилов В. П. — 519
Данилов Д. Д. — 72
Даргомыжский А. С. — 558
Дейнека А. — 235
Дейч Г. М. — 517
Дейч Л. Г. — 413
Делянов И. Д. — 660
Делькассе Т. — 326
Дементьев Г. Д. — 179, 220
Демин В. А. — 461
Демьянов Н. Я. — 679
Ден В. Э. — 656
Дервиз П. Г. фон — 171
Джадж Э. — 166
Джаншиев Г. А. — 688
Джунковский В. Ф. — 440, 460, 528, 553, 554, 559, 562, 566, 573, 575, 576
Дизраэли — 318
Диккенс Ч. — 612
Динник Н. Я. — 683
Дмитриев С. С. — 620, 623, 697, 699, 723, 724
Добужинский М. В. — 714
Довнар-Запольский М. В. — 687, 689
Доде Альфонс — 720
Докучаев В. В. — 652, 655, 682
Долгоруков Павел Д. — 406
Долгоруков Петр Д. — 406, 408
Доливо-Добровольский М. О. — 677
Долина М. И. — 561
Дорохов И. С. — 559
Дорошевич В. М. — 613

Достоевский Ф. М. — 281, 285, 304, 313, 717
Дохтуров, генерал — 558
Дояренко А. Г. — 694
Дубасов Ф. В. — 381, 382, 383, 385, 386, 387, 388, 426, 451
Дубелир Г. — 136
Дубровин А. И. — 308, 373, 399
Дубровский С. М. — 268, 393
Думова Н. Г. — 431
Дюрина К. М. — 683
Дурново А. С. — 469
Дурново П. Н. — 151, 331, 383, 426, 476, 511, 523
Дьяконов И. А. — 219
Дьяконов М. А. — 662, 689
Дягилев С. П. — 704, 708, 714, 720, 721, 723, 724
Дякин В. С. — 270, 518, 519, 540

Егоров Д. Ф. — 673
Екатерина II — 12, 16, 71, 91, 92, 112, 275
Елизавета II — 341
Елизавета Фёдоровна, вел. кн. — 319, 373, 374
Елисеев А. Г. — 645
Елисеев Е. И. — 645
Епанчин Н. А. — 352
Ерасов Б. С. — 166
Ермолов, генерал — 552
Ермолова М. Н. — 705
Ершов — 561
Ершов С. М. — 650
Есенин С. А. — 712
Ефрон И. А. — 314, 647, 648, 650
Ефросиния, святая — 563

Жбанков Д. Н. — 629, 648
Жданов И. Н. — 691
Жебелев С. А. — 687
Жиромская В. Б. — 72
Жукова Е. В. — 621, 622
Жуковский В. А. — 719
Жуковский Н. Е. — 59, 652, 662, 664, 674, 675
Журавлев В. В. — 432

Зайончковский П. А. — 314
Зайцева Л. И. — 519
Зак С. С. — 689
Залесский С. И. — 646
Залогин А. Е. — 643
Замысловский, депутат Государственной Думы — 152
Зарудный А. С. — 152
Засосов Д. А. — 574, 621
Засулич В. И. — 413
Захарьин Г. А. — 658
Збруева, певица — 561
Зевс (ант.) — 594
Зезина М. О. — 723
Зелимхан, абрек — 154
Зелинский Н. Д. — 679
Зенген Г. Э. — 588, 656
Зензинов В. М. — 380
Зенкевич М. А. — 717
Зеньковский А. В. — 514
Зеньковский В. В. — 695, 696, 700
Зернов С. А. — 683
Зимин К. Н. — 643
Зимин С. И. — 713
Зинин Н. Н. — 679
Золотарев Е. И. — 652
Золотухин Н. М. — 700
Золя Э. — 720
Зоммерфельд В. Я. (Мартынов) — 381
Зотеев Г. — 220, 269
Зубалов Л. К. — 643
Зубатов С. В. — 360, 656
Зырянов П. Н. — 108, 269

Иван IV («Грозный») — 14, 15
Иванов А. Е. — 621, 652, 697
Иванов Вяч. Ив. — 705, 722
Иванов Г. В. — 717
Иванов Л. М. — 135

Иванов М. М — 547
Иванов С. Ю. — 713
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) — 689
Иванов-Шиц И. Л. — 643—644
Иванова Н. А. — 73, 111, 396
Ивановский Д. И. — 683
Игнатов В. Н. — 413
Игнатович И. И. — 689
Игнатьев А. В. — 352
Игнатьев А. П. — 162
Игнатьев В. Н. — 680
Игрицкий Ю. И. — 395
Игумнов С. Н. — 627
Извольский А. П. — 348
Изгоев А. С. — 518, 598, 621, 696
Икскуль фон Гильденбрандт Ю. А. — 446
Иловайский Д. И. — 688
Ильин И. А. — 696, 705
Имшенецкий В. Д. — 638, 639
Иностранцев А. А. — 682
Иоаким, архемандрит — 564
Иоан, митрополит — 10
Иоанн Кронштадтский — 399
Иоаннисян И. — 720
Иоффе Г. З. — 432
Ипполитов-Иванов М. М. — 557
Исаев И. А. — 700
Искендеров А. А. — 72
Истрин В. М. — 692, 699

Кабанов В. В. — 700
Каблуков И. А. — 657, 679
Каблуков Н. А. — 694
Кабузан В. М. — 106, 108, 135
Каверинн А. П. — 644
Кавторин В. В. — 392
Каган А. — 218
Калашников Ю. Н. — 109
Калмыков С. В. — 222
Каляев И. П. — 373, 374
Каменская — 561
Каменский В. В. — 717
Камо (псевд. Тер-Петросяна С. А.) — 423
Кандинский В. В. — 719
Канкрин Е. Ф. — 194
Каппелер А. — 139, 165
Каприви Л. — 321
Капцов А. С. — 642
Карабчевский Н. П. — 152
Караваев В. — 620
Карамзин Н. М. — 12, 275, 688
Карбасников Н. П. — 609, 615
Кардашев Ю. П. — 393
Кареев Н. И. — 660, 662, 687, 691, 696
Карзинкин А. А. — 644
Карл I — 48
Карнаухова Е. С. — 268
Карно — 324
Карышев Н. Н. — 694, 695
Карпинский А. П. — 657, 661, 669, 681
Карпов Г. В. — 698
Карсавин Л. П. — 687, 696
Карсавина Т. — 721
Касаткин Н. А. — 713
Кассо Л. А. — 479, 534, 588, 597, 656, 661
Касторский В. И. — 561
Катков М. Н. — 304
Кауфман А. А. — 85, 107, 268, 607, 694
Кауфман И. И. — 694
Кауфман П. М. фон — 588
Каценеленбаум З. С. — 221
Кашкаров М. П. — 221
Келлин, полковник — 551
Келтуялы В. А. — 692
Керенский А. Ф. — 279, 340, 351, 352
Кизеветтер А. А. — 685, 688, 693, 707
Киплинг Редьярд — 612
Кипренский О. А. — 715
Киреевский И. В. — 304
Кирпичников А. И. — 691
Кирьянов Ю. И. — 393
Кирюхина Е. И. — 393
Киселев П. Д. — 17
Кистяковский А. Ф. — 695
Кистяковский Б. А. — 696

Китанина Т. М. — 269
Классон Р. Э. — 678
Клейн Р. И. — 709
Клемансо Жорж — 446
Клокачев М. Д. — 150
Клочков М. В. — 688
Клупт В. С. — 107
Клычков С. (псевд. Лешенкова С. А.) — 712
Клюев Н. А. — 712
Ключевский В. О. — 437, 655, 657, 685, 686, 688, 691, 698, 700
Ковалевский А. О. — 680
Ковалевский В. О. — 652, 655
Ковальский М. А. — 678
Ковалевский М. М. — 586, 659, 660, 695, 705, 707
Ковальциг фон — 594
Ковальченко И. Д. — 109, 268, 269
Коган А. — 174
Коган Э. С. — 395
Кожинов В. Е. — 460
Козлов В. С. — 249
Козлов П. К. — 682
Коковцов В. Н. — 156, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 190, 194, 220, 221, 350, 352, 362, 461, 511, 519, 523, 524, 525, 528, 530, 532, 534, 535, 538, 553, 564
Коковцов П. К. — 152
Кокорев В. А. (Н. А. ?) — 658
Кокошкин Ф. Ф. — 408
Колесниченко Д. А. — 432
Колесов, издатель — 612
Коллонтай А. М. — 313
Кольцов Н. К. — 683
Колюбакин Б. М. — 557
Колюпанов Н. П. — 248
Комаров, крестьянин — 81
Комаров В. Л. — 682, 684
Комарофф Дж. — 160, 167
Комиссаржевская В. Ф. — 705, 711
Кондаков И. Л. — 680
Кондаков Н. П. — 661
Коненков С. Т. — 705, 723
Кони А. Ф. — 662, 705
Коновалов А. И. — 533
Коновалов М. И. — 679
Коновницын — 554
Коноплянникова З. — 438
Константин — 566
Константин Мономах — 555
Константин Романов, вел. кн. — 662
Константинов С. — 586, 605, 620, 622
Кончаловский П. П. — 718
Коншин Н. Н. — 360
Коншина А. И. — 643
Корелин А. П. — 172, 220, 222, 224, 269, 270, 313, 392, 393, 462, 520
Коржихина Т. П. — 72
Коркин А. Н. — 652
Коркунов М. Н. — 293, 314, 695
Корнилов А. А. — 406, 688, 689
Коробка Н. И. — 692
Коровин К. А. — 714, 721
Короленко В. Г. — 152, 707
Корф П. Л. — 410
Костинский С. К. — 678
Костычев П. А. — 682, 684
Косыгин — 584
Котельников Г. Е. — 675
Котляревский С. А. — 693, 699
Кофод К. А. — 244, 270
Коцебу-Пилар, граф — 150
Кочубей В. С., князь — 237, 505
Кошман Л. В. — 701, 723
Кравец Т. П. — 679, 697, 700
Краснов А. Н. — 682, 684
Крашенинников Ф. Н. — 684
Кржижановский Г. М. — 678
Кривошеин А. В. — 161, 496, 499
Крузе Э. Э. — 619
Крученых К. — 717
Крушеван П. — 147—148
Крыжановский С. Е. 460, 461, 462, 477, 480, 481, 489, 490, 510, 514, 517, 519, 527

Крылов А. Н. — 673, 720
Крысановский С. Г. — 684
Ксения Александровна — 332
Кутель А. Р. — 623
Кузмин М. А. — 717
Кузнецов И. С. — 584
Кузнецов П. В. — 718
Кузьмин-Караваев В. Д. — 435
Кузьмина-Караваева Е. Ю. — 706, 723
Куломзин А. Н. — 581, 606, 619, 620, 621, 622
Кун Е. — 211
Кунанбаев А. — 720
Куприн А. И. — 711
Куприянова Л. В. — 221
Курбский А. М. — 14
Курдов К. М. — 107
Куркин П. И. — 648
Курнаков Н. С. — 661, 669, 681
Куропаткин А. Н. — 334, 336, 352, 357
Кутепов Н. — 609
Кутлер Н. Н. — 443, 444, 466, 467
Кутузов М. И. — 555
Кухтерин А. Е. — 646
Кухтерин Евграф — 645
Кухтерины, купцы, меценаты — 645, 646
Кшесинская М. — 561

Лаверычев В. Я. — 541
Лазарев П. П. — 676
Ламздорф В. Н. — 332, 338, 346, 351, 369
Лансере Е. Е. — 609, 714, 715, 716,
Лаппо И. И. — 689,
Лаппо-Данилевский А. С. — 662, 687, 688
Ларин, купец — 584
Ларионов М. Ф. — 718, 719
Латкин В. Н. — 656.,
Лебедев Н. А. — 724
Лебедев П. Н. — 654, 655, 657, 660, 661, 664, 666, 670, 671, 676, 698
Лебедев С. В. — 680
Левицкий А. П. — 694
Левицкий Д. Г. — 715
Леденцов Х. С — 670
Лезин Б. А. — 692
Лейкина-Свирская В. Р. — 649
Лейст Э. Е. — 676
Лелянов П. И. — 546
Лемке — 689
Ленин В. И. — 28, 72, 109, 292, 313, 314, 413, 416, 417, 419, 432, 437, 706, 707, 717, 724
Лентулов А. В. — 718
Леонов М. И. — 393, 394, 395, 432
Леонтович В. В. — 313, 448, 461
Леонтьев А. А. — 94, 108
Леонтьев К. Н. — 304
Лермонтов М. Ю. — 720
Лесгафт — 601
Лескова Л. И. — 395
Лжедмитрий — 14, 44
Лист Ф. — 351
Литвак Б. Г. — 268
Литваков Б. М. — 109
Литвинов-Фалинский В П. — 512
Литвин-Седой З. Я. — 381, 385, 388
Литуев В. Н. — 109
Лифарь С. — 721, 724
Лихачев Д. С. — 701, 722
Лонгфелло Генри 720
Лопатин Л. М. — 696
Лопухин А. А. — 233
Лорис-Меликов М. Т. — 19, 72, 287
Лосский Н. О. — 696
Лугинин В. Ф. — 248, 680
Лугинин С. Ф. — 248
Лузин Н. Н. — 673
Луиза, королева — 346
Лука (еванг.) — 555
Луначарский А. В. — 706
Лутугин Л. И. — 681, 698
Лучицкий И. В. — 662, 687
Львов Г. Е., князь — 480
Львов В. Н. — 531, 532

Львов Н. Н. — 480
Любавский М. К. — 685, 688
Любомиров П. Г. — 686
Людвиг Э. — 352
Людовик XIV — 545
Людовик XVI — 48
Люксембург Р. — 413, 421
Люмьер, братья — 712
Ляпунов А. М. — 652, 661, 672, 673, 674
Ляпуновы — 657
Лященко П. И. — 269, 689

Малютин С. В. — 714
Мазе Я. М. — 152
Майков Л. Н. — 698
Майтов А. А. — 644
Макарий, митр. — 568
Макаров А. А. — 525
Макаров С. О. — 673, 674
Маклаков В. А. — 152, 394, 438, 446, 455, 458, 460, 461
Маклаков Н. А. — 534, 537, 538, 564
Маковский С. К. — 703, 723
Малевич К. С. — 719, 724
Малявин Ф. А. 711
Мамонтов С. И. — 171, 708, 713, 714
Мандельштам О. Э. — 585, 586, 620, 717
Мануйлов (Мануилов) А. А. — 598, 693
Манффред А. З. — 351
Мария Александровна — 319, 596
Мария Федоровна, имп. — 148, 289, 300, 315, 319, 357, 509, 511, 546, 560, 561
Мария, вел. кн. — 302
Мария-Антуанетта — 48
Марков А. А — 652, 661, 672
Марков 2-й Н. Е. — 152, 308, 312, 315
Марковников В. В. — 654, 655, 679
Маркс А. Ф. — 609
Маркс К. — 42, 51, 72, 417, 704, 706
Мартенс Ф. Ф. — 656
Мартов Ю. О (Цедербаум) — 413, 416, 417, 418, 422, 432
Марушкин М. — 587
Марфа, инокиня — 565, 568
Мархлевский Ю. — 413
Мау В. — 42, 72
Машков И. И. — 718
Мацеевича К. А. — 694
Маяковский В. В. — 717, 718
Медведников И. — 644
Медведникова А. К. — 584, 643, 644
Медем Г. П. — 381
Мейерхольд В. Э. — 705, 712
Мекленбург-Стрелицкие, герцоги — 232
Мельгунов С. П. — 460, 618, 623, 688,
Менделеев Д. И. — 59, 107, 508, 652, 654, 655, 658, 660, 662, 664, 669, 674, 680, 699
Менделеев П. П. — 478, 518
Мензбир М. А. — 598, 671, 683
Меньшиков М. О. — 438, 457, 460, 461
Мережковский Д. С. — 152, 696, 705, 706, 715, 716, 723
Меркулов А. В. — 270
Мертваго А. П. 235
Метерлинк Морис — 720
Метнер — 718
Мечников И. И. — 624, 652, 653, 660, 671, 680, 683, 696
Мещерский И. В. — 675
Мещерский В. П., князь — 310
Мигулин П. П. — 188, 220, 466, 694
Мижуев П. Г. — 619, 622
Милворд А. — 173
Миллер В. Ф. — 692
Милов Л. В. — 71, 107
Милюков П. Н. — 80, 107, 152, 165, 405, 406, 408, 437, 438. 450, 456, 460, 479, 532, 659, 685, 686, 688, 689, 700, 707
Мин Г. А. — 387, 388, 438
Минаков П. А. — 598
Минин К. — 398, 564
Миншуткин Н. А. — 680
Миронов Б. Н. — 108, 135
Мительман М. — 431

Михаил Александрович, вел. кн. — 358, 446
Михаил Романов, царь — 562, 565, 566, 567, 568, 569
Михайловский Н. К. — 425, 615
Михайловский Т. П. — 681
Мицкевич — 146
Мищенко Ф. Г. — 687
Млодзеевский Б. К. — 672—673, 676,
Модестов В. И. — 687
Можайский А. Ф. — 675
Мольер (наст. Фамилия Поклен) Жан-Батист — 720
Мопассан Ги де (полн. имя Анри Рене Альбер Ги де) — 720
Морозов В. Е. — 460, 642
Морозов Г. Ф. — 682
Морозов И. А. — 709
Морозов Мики — 714
Морозов С. Т. (Савва) — 53, 374, 712
Морозов Сергей Т. — 709
Морозов Т. С. — 583
Морозова М. Ф. — 583
Морозовы, меценаты — 642
Мосин С. И. — 297
Мосолов А. А. — 434, 459
Муравьёв М. Н. — 332,
Муромцев С. А. — 72, 406, 408, 452, 479, 660, 695
Мусоргский М. П. — 558, 720
Муссолини Бенито — 312
Мушкетов И. В. — 682
Мухин С. Г. — 381
Мюнстер — 326
Мюрат, французский маршал — 553
Мэхен, представитель США — 326
Мякотин В. А. — 688

Набоков В. В. — 586
Набоков В. Д. — 152, 438, 455, 695
Набоков Д. Н. — 455
Навашин С. Г. — 683, 684
Назаревский М. И. — 693
Найда С. Ф. — 393
Наполеон Бонапарт — 324, 551, 552, 553, 556, 557, 558, 573
Наполеон III — 318
Направник Э. Ф. — 561
Нардова В. А. — 136
Натансон М. А. — 425
Неверовский Д. П. — 553, 558
Нежданова А. В. — 561
Ней — французский маршал — 553
Нейдгардт Д. Б. — 477
Некрасов Н. А. — 716, 720
Неокладов А. Б. — 642
Неручев М. В. — 694
Нестеров М. В. — 714, 715
Нестеров Н. П. — 675
Нечаев-Мальцев Ю. С. — 709
Нечкина М. В. — 700
Нижинский В. — 721
Никитский А. В. — 687
Никитский А. И. — 689
Николай I — 16, 17, 62, 66, 194, 272, 275, 317, 346
Николай II — 48, 52, 60, 62—65, 67, 156, 176, 177, 179, 200, 211, 262—264, 272, 274, 275, 300—302, 306, 310, 315, 319, 323, 324, 327- 329, 332, 338, 339, 342, 343, 345, 347- 353, 357- 360, 363, 366, 368, 373, 377, 381, 404, 426, 436, 439, 441, 442, 444, 446, 448, 450, 462, 464, 465, 467, 469, 473—476, 480, 487, 488, 491, 509—511, 516, 519, 521, 522, 534, 537, 538, 540, 541, 544- 547, 549, 550—552, 554—558, 560—569, 572, 573, 576, 580, 583, 597, 600, 714
Николай Михайлович, вел. кн. — 688
Николай Николаевич, вел. кн. — 434, 436, 446
Никольский А. — 308
Никорльский А. М. — 683
Никулин П. Ф. — 110
Нифонтов А. С. — 268, 269
Ницше Ф. — 716

Нобель — 658
Новгородцев П. И. — 693, 695, 696
Новосельский С. А. — 107, 635, 649, 650
Новосильцев Н. Н. — 15, 16,44, 55
Ньютон Исаак — 697

Оболенский А. Д. — 435
Оболенский В. В. (Осинский) — 84, 106, 107, 108, 109
Оболенский И. М. — 428
Обручев В. А. — 681
Обухов М. — 619
Овсянико-Куликовский Д. Н. — 692
Овчинников Е. М. — 639
Огановский Н. — 269, 688
Озеров И. Х. — 136, 187, 221, 656, 658, 694, 698
Оль П. В. — 201, 222
Ольга, вел кн. — 302, 561, 562
Ольденбург С. С. — 352, 353, 460, 461, 524, 659
Ольденбург С. Ф. — 524, 661, 699
Орбели — 657
Орбели Л. А. — 683
Орешков, вице-губернатор — 159
Орлов В. И. — 694
Орлов-Давыдо А. А. — 237
Орлов-Давыдов В. А. — 237
Осадчий П. С. — 657
Осокин Н. А. — 687
Острецов В. — 315
Островский В. А. — 110
Оцуп Н. А. — 703, 723

Павел I — 16, 17, 62, 271, 275
Павленко — 571
Павлов А. П. — 681
Павлов Д. Б. — 394
Павлов И. П. — 59, 637, 640, 653, 659, 661, 663, 670, 671, 683, 698
Павлов-Сильванский Н. П. — 685, 686, 688, 689
Павлова А. — 561, 721
Павловский Д. А. — 639
Пазухин А. Д. — 304
Палладин В. И. — 684
Пальчинский П. П. — 670
Панафидин А. С. — 609
Панин Н. И. — 15
Панин П. И. — 15
Пастернак Б. Л. — 702, 718
Пастухов В. Н. — 618
Пахом, герой произведений Л. Н. Толстого — 27
Пашкевич В. А. — 700
Пашуто В. Т. — 71
Первушин Л. — 605, 622
Перлов И. С. — 642
Перро Шарль — 612
Петр I (Великий) — 13, 14, 15, 34, 39, 41, 59, 69, 81, 90, 271, 273, 275, 276, 278, 283, 289, 294, 401, 543 — 545, 548, 549, 550, 567, 570, 573, 615, 685, 698, 715
Петражицкий Л. И. — 695
Петров Г. С. — 670
Петров Н. П. — 652
Петров Ю. А. — 168, 220, 222, 354, 394
Петрова Н. Б. — 603, 621
Петров-Водкин К. С. — 718, 719
Петрункевич И. И. — 452, 586
Петрушевский Д. М. — 686, 693
Пешехонов А. В. — 688
Пиксанов Н. К. — 692
Пирогов Н. И. — 641, 652, 666
Пирумова Н. Н. — 649
Писаревский, нотариус — 148
Писарькова А. Ф. — 136
Писемский В. А. — 109
Пискорский В. К. — 687
Пичета В. И. — 685
Платонов С. Ф. — 660, 662, 686, 688
Плеве В. К. — 143, 147, 148, 233, 263, 264, 267, 331, 356, 357, 360, 398, 426, 428, 465, 473
Плеханов Г. В. — 53, 390, 413, 415, 416, 417, 418, 692, 706

По Эдгар Алан — 720
Победоносцев К. П. — 149, 290, 304, 434, 459, 521, 540
Пожарский Д. М., кн. — 563, 564
Покровский В. И. — 195
Покровский М. Н. — 688
Покровский Н. Н. — 215, 223
Покровский С. А. — 195
Полевой Н. А. — 547
Поленов В. Д. — 705
Поляков Ю. А. — 72, 392
Помяловский И. В. — 656
Пономарев П. — 584
Попов А. Н. — 632, 633
Попов А. С. — 657, 674, 677, 703
Попов И. В. — 351
Попов П. — 269
Потанин Г. Н. — 682
Потебня А. А. — 692
Потоцкий К. К., граф — 238
Потресов А. Н. — 413, 417, 418
Преображенская О. — 561
Пресняков А. Е. — 559, 686, 689
Приселков М. Д. — 686
Прокопович С. Н. — 270, 393
Пронайтис И. Е. — 152
Пронин, подрядчик — 148
Проскуряков, профессор — 505
Проскурякова Н. А. — 222, 223, 518
Протазанов Я. А. — 713
Прохоров Н. И. — 388
Пругавин А. С. — 108, 584, 620, 622, 623
Прянишников Д. Н. — 669, 682
Пугачев Е. И. — 25
Пузаков, крестьянин — 584
Пуришкевич В. И. — 152, 158, 308, 399, 530
Пушкин А. С. — 610, 612, 615, 662, 709, 713, 715, 717, 720
Пызин В. И. — 574, 621
Пыпин А. Н. — 690, 691
Пышкова Н. С. — 699
Радлов В. В. — 661
Радищев А. Н. — 13, 709
Раев — 601
Раевский Н. Н. — 555, 556, 558
Разин С. Т. — 25
Райнис Я. К. (Янис Кришьянович Плиекшанс) — 720
Расин Жан — 720
Распутин Г. Е. — 302, 510
Рахманинов А. Ф. — 559
Рахманинов С. В. — 710, 711, 713
Рачинский К. А. — 667
Редигер А. Ф. 334, 352
Рейтерн М. Х. — 39, 194, 195
Ремизов А. М. — 716
Репин И. Е. — 548, 609, 611, 714
Рерих Н. К. — 721
Ржешотарский А. А. — 670
Ривкин Н. И. — 381
Римский С. В. — 108
Римский-Корсаков Н. А. — 558, 713
Рогозин — 658
Родзянко М. В. — 349, 412, 560
Родичев И. Ф. — 453
Рождественский С. В. — 686
Рожественский З. П. — 337
Рожков Н. А. — 688
Розанов В. В. — 153, 696, 703, 705, 723
Розен Р. Р. — 350
Розова С. Н. 587, 620
Рокотов Ф. С. — 715
Романовы, царствующая династия — 10, 14, 53, 72, 274, 276, 302, 319, 522, 545, 559 — 562, 566, 568, 569, 571 — 573, 576, 646
Ростовцев М. И. — 687
Ротшильды — 171
Рубакин Н. А. — 73, 88, 106, 107, 108, 314, 602, 614, 621, 623
Рубинштейны — 657
Рубо Ф. А. — 557
Рузвельт Т. — 338, 340
Рукавишникова Л. А. — 646, 651

Руновский Н. — 108
Русин А. И. — 333, 352
Руставели Ш. — 720
Рутыч Н. Н. — 352
Рууд Ч. — 623
Рухлов С. В. — 534
Рыбаченок И. С. — 351, 352
Рыбников А. А. — 694
Рылеева — 564
Рябушинские, братья, предприниматели и меценаты — 206, 394, 552
Рябушинский В. П. — 393
Рябушинский Д. П. — 670
Рябушинский Н. П. — 704, 718
Рябушинский П. П. — 378, 534
Рябушинский Ф. П. — 670

Сабанеев Л. П. — 683
Сабинин В. — 566
Саблер В. К. — 534
Савин А. Н. — 686
Савинков Б. В. — 426, 432
Савицкий К. А. — 709
Сазанов И. Н. — 567
Сазонов А. В. — 425
Сазонов В. М. — 694
Сазонов С. Д. — 344, 352
Сакулин П. Н. — 692
Салазкин А. С. — 535
Салтыков, кн. — 561, 562
Салтыков-Щедрин М. Е. — 294
Самарин Ю. Ф. — 304
Самойло — 571
Самойлов А. Ф. — 683
Самойлов Я. В. — 682
Сарабьянов Д. В. — 724
Сарьян М. С. — 718
Сатунин К. А. — 683
Сахаров, околоточный надзиратель — 385
Сахаров А. Н. — 5, 72
Сахаров В. В. — 476
Сватиков С. — 698
Святловский В. В. — 269
Святополк-Мирский П. Д. — 356, 359, 392, 462, 463
Северцов А. Н. — 684
Северянин И. (Лотарёв И. В.) — 718
Седов Г. Я. — 683
Селунская Н. Б. — 109
Семевский В. И. — 685, 689, 700
Семёнов-Шанский П. П. — 88, 107, 135
Семёнов Тян-Шанский В. П. — 112, 113, 121, 135, 136
Семенова А. В. — 220
Семёновы-Тян-Шанские — 657
Семигин В. Л. — 723
Сенин А. С. — 314
Серафимович А. — 711
Сергеевич В. И. — 686
Сергей Александрович, вел.кн. — 319, 373, 426
Серов В. А. — 586, 714, 715, 720, 721
Сеченов И. М. — 652, 666, 683
Сибирцев Н. М. — 682
Сикорский И. И. — 675
Сикорский И. А. — 152
Симанский П. — 339
Симонова М. С. — 270, 517
Синадино, доктор — 148
Синцов Д. М. — 673
Сиповский В. В. — 692
Сипягин Д. С. — 261, 428
Сифман Р. И. — 106
Скалон, генерал — 558
Скворцов А. И. — 473
Скиталец (псевд., наст имя — Петров Степан Гаврилович) — 724
Склифосовский Н. В. — 655
Скороходов Л. Я. — 649
Скотт Вальтер — 612
Скрябин А. Н. — 709, 711, 713, 718
Скрябин К. Н. — 683
Славина М. А. — 561
Славский К. Г. — 648
Случевский К. К. — 547

Смирнов В. И. — 672
Смирнов В. С. — 219
Смирнов П. П. — 689
Смирнова М. И. — 432
Собинов Л. — 561, 711
Соболевский А. И. — 661—662
Соколов М. И. — 381
Солдатенков К. Т. — 643, 644, 650, 709
Солдатенковы, меценаты — 642
Соловьев Вл. С. — 696, 705, 706
Соловьев Н. В. — 609
Соловьев С. М. — 280, 685
Соловьев С. У. — 644
Соловьев Ю. Б. — 517, 519, 540
Соловьева А. М. 221
Сологуб Ф. Е. — 716
Сольский Д. М. — 446
Сомов К. А. — 714, 720
Соул С. — 173
Софья — 14
Спекторский Е. В. — 696
Сперанский М. М. — 12, 14, 15, 44, 55, 64, 72
Стааля Е. Е. — 325
Станиславский К. С. — 705, 712, 723
Стасов В. В. —710
Стасов Д. — 152
Стахович М. А. — 409, 438
Стебут И. А. — 473, 602
Стеклов В. А. — 652, 661, 672
Степанов С. А. — 166, 220, 222, 270, 315, 393, 430, 431, 460
Степанский А. Д. — 699
Степун Ф. И. — 594, 621, 696
Стернин Г. Ю. — 574, 723, 724
Стишинский А. С. — 479
Столетов А. Г. — 676
Столыпин А. А. — 474, 535
Столыпин П. А. — 22, 26, 55, 65, 67, 68, 69, 178, 179, 255, 280, 307, 426, 450, 456, 457, 459, 461, 472 — 496, 498 — 500, 504, 506 — 516, 518, 519, 523, 597
Стороженко Н. И. — 692
Стравинский И. Ф. — 721
Струве — 657
Струве В. Я. — 682
Струве П. Б. — 42, 54, 152, 165, 281, 286, 314, 377, 403, 425, 457, 461, 693, 696, 707
Суворин А. С. 609, 614, 615, 623, 704, 723
Судейкин С. Ю. — 718
Суриков В. И. — 611
Сусанин Иван — 566
Сытин И. Д. — 35, 375, 384, 387, 389, 609, 610, 611, 612, 613, 622, 623
Сытин П. В. — 136

Таганцев Н. С. — 439, 540, 695
Тагер А. С. — 541
Тамаркин Я. Д. — 672
Танеев С. И. — 713
Танфильев Г. И. — 682
Тарасов Е. — 711
Тарле Е. В. — 687
Тарновский К. Н. — 518
Татищев В. Н. — 73
Татищев С. С. — 688
Татьяна,вел. кн. — 302, 561, 562
Тебиев Б. К. — 622
Телешов Н. Д. — 612, 711
Тенишев В. Н. — 586
Тенишева М. К., княгиня — 238, 714
Терапиано Ю. К. — 703, 723
Терещенко, сахарозаводчики — 237
Терпигорев (Отава) С. Н. — 235, 269
Тимирязев К. А. — 59, 652, 654, 657, 659, 660, 662, 663, 669, 671, 690, 696, 699
Тимистер Л. -Ж. -Ф. — 643
Тирпиц, адмирал — 325
Тихомиров Л. А. — 308, 313
Тихонравов Н. С. — 690, 691
Тихон, архиепископ — 565
Тихонов Б. В. — 107, 135
Ткачев П. Н. — 412, 417
Тойнби А. — 283, 314
Толль Э. В. — 683
Толстой А. К. — 712

Толстой Д. А. — 601
Толстой И. И. — 581, 588, 619, 620
Толстой Л. Н. — 27, 72, 356, 610, 612, 613, 615, 618, 623, 662, 696, 704, 707, 710, 715, 717, 720
Толстой С. Л. — 392
Толстой Ф. — 715
Трепов Д. Ф. — 311, 376, 463, 464, 466, 476, 477, 511
Третьяков К. В. — 583, 642
Третьяков П. М. — 642, 708, 709
Третьяков С. М. — 708
Трифонов Н. А. — 723
Троцкий И. Г. — 152
Троцкий Л. Д. — 379, 413, 434
Трубецкой Е. Н. — 438, 657, 659, 696, 705, 707
Трубецкой П. Н. — 237
Трубецкой С. Н. — 657, 696
Туган-Барановский М. И. — 689, 694
Тураев Б. А. — 687
Тургенев И. С. — 720
Турчанинов Н. В. — 116, 118, 135, 136
Тучков, генерал — 554
Тыркова-Вильямс А. В. — 477
Тышка Я. — 413
Тютюкин С. В. — 392, 395, 432

Уваров А. С. — 238
Уваров С. С. — 66, 303
Ульянов А. И. — 417
Ульянова Г. Н. — 542, 577, 624, 650
Ульянский А. — 431
Умов Н. А. — 671, 676
Успенский Ф. И. — 662
Уткин А. И. — 432
Ухтомский А. А. — 657, 683
Ухтомский А. В. — 388
Ушаков Ф. И. — 583

Фабиус В. И. — 678
Фаворский А. Е. — 657, 680
Фальборк Г. — 608, 620, 622
Фальк Р. — 718
Фальц-Фейн Ф. О. — 237
Фамицын А. С. — 661, 663, 698
Фармаковский В. И. — 606
Федор — 563, 566
Федоров Е. С. — 671, 676, 681
Федосова Э. П. — 621
Федотов Г. П. — 696, 705
Феоктистов А. Е. — 670
Фердинанд 1 (Кобургский), болгарский царь — 349
Федченко А. П. — 683
Ферсман А. Е. — 681, 682
Фигатнер Ю. Ю. — 72
Фигнер — 561
Филарет, митрополит — 272, 313
Филиппов, владелец булочной — 375
Филиппов Т. И. — 262
Филиппова Т. А. — 430
Филонов П. В. — 719
Философов Д. В. — 714
Фирсов Н. А. — 687, 688
Фирсов Н. Н. — 687
Флобер Гюстав — 720
Флоренский П. А. — 696, 705
Фогель Р. Ф. — 678
Фойницкий И. Я. — 695
Фокин М. М. — 721
Фомин П. И. — 693
Фонвизин А. В. — 718
Фор Феликс — 324, 456
Фортунатов А. Ф. — 473, 661, 693, 694
Фортунатовы — 657
Франк С. Л. — 279, 285, 286, 313, 314, 696
Франс Анатоль (Тибо Антоль Франсуа) — 152
Френкель З. Г. — 649
Фридман А. А. — 672
Фридман М. — 223
Фридрих Вильгельм III — 346
Фриче В. М. — 692
Фудель С. — 373
Футорянский Л. И. — 108

ХанжонковА. А. — 712
Харитоненко, сахарозаводчик — 237
Харузин А. — 150
Харциев В. И. — 692
Хвостов М. М. — 687
Хейсин М. Л. — 270
Хендриков М. Ф. — 678
Хетцендорф Конрад фон — 344
Хлебников В. В. — 717
Хлопин Г. В. — 637
Хлудовы, меценаты 642
Ходский Л. В. — 694
Холодковский Н. А. — 683
Хомяков А. С. — 304
Хомяков Н. А. — 412
Хотеенков В. Ф. — 700
Храпичукова — 148
Христиан IX — 274
Хромов П. А. — 269
Хрусталев (Носарь) П. А. — 433
Хрущев Н. С. — 24

Цамутали А. Н. — 700
Цвет М. С. — 684
Цветаев И. В. — 709
Цветаева М. И. — 724
Цветков И. С. — 709
Церасский В. К. — 678
Церетели Н. С. — 418
Цетлин А. С. — 700
Цингер В. Я. — 672
Циолковский К. Э. — 675, 700
Цыперович Г. — 623

Чавчавадзе И. — 720
Чаев, инженер — 570
Чайковский П. И. — 558, 713
Чаплыгин С. А. — 675, 693
Чарнолуский В. И. — 578, 608, 619, 620, 622
Чаянов А. В. — 105, 109, 694
Чебарин А. — 393
Чеботарев Н. Г. — 673
Чебышев П. Л. — 652, 672, 674
Челинцев А. Н. — 269, 694
Черепнин Л. В. — 689
Черменский Е. Д. — 392, 394, 395
Чернов В. М. — 390, 413, 424, 425, 426, 432
Чернов Д. К. — 670, 677, 681
Чернышев И. Л. — 269
Чернышевский Н. Г. — 279, 412, 417
Черняев Н. И. — 313
Черский Н. Д. — 682
Чертков В. Г. — 613
Четвериков С. И. — 378
Четверикова Н. Д. — 643
Чешихин-Ветринский В. Е. — 691
Чехов А. П. — 613, 617, 618, 705, 710, 711, 712
Чечулин Н. Л. — 689
Чижевский П. И. — 519
Чижов Н. К. — 656
Чиколев В. Н. — 678
Чичерин Б. Н. — 657, 695
Чичерин Г. В. — 313
Чугаев Л. А. — 680
Чуковский К. И. — 707
Чулков Г И. — 716, 724
Чупров А. И. — 249, 608, 658, 694
Чухнин — 426
Чхеидзе Н. С. — 418

Шагал М. — 719
Шаляпин Ф. И. — 711, 713, 714, 720, 721, 724
Шанин Т — 109, 393
Шаповалов В. А. — 697
Шарапов С. Ф. — 376
Шателен М. А. — 669, 671
Шахматов А. А — 659, 661, 687, 699
Шахов А. А. — 691
Шаховской Д. И. — 406, 408
Шаховской М. — 505
Шацилло К. Ф. — 314, 392, 393, 394, 431
Шацилло М. К. — 109
Шванебах П. Х. — 179

Шварц А. Н. — 588, 607
Швейниц Г. — 322
Швиттау Г. Г. — 109
Шебалдин Ю. Н. — 186, 221
Шевырин В. М. — 392
Шелапутин П. Г. — 583
Шелохаев В. В — 431
Шепелев Л. Е. — 223, 314
Шереметев В. П. — 238
Шереметев С. Д., граф — 237, 238, 357, 644
Шехтель Ф. О. — 712
Шиллер Ф. — 719
Шильдер Н. К. — 72, 688
Шипов Д. Н. — 409, 410, 438, 444, 480, 481, 482, 490, 505, 518
Шипов И. П. — 180
Шипунов Ф. Я. — 314
Ширинский-Шихматов А. А. — 479
Шихобалов А. Н. — 645, 650
Шмальгаузен И. И. — 684
Шмелева М. Н. — 136
Шмит Н. П. — 374, 388, 389
Шмидт П. П. — 369, 370
Шмидт П. Ю. — 673, 683
Шмурло Е. М. — 699
Шокальский Ю. М. — 682
Штейгель В. Р. — 237
Штернберг П. К. — 678
Шувалов П. И. — 15
Шульгин В. С. — 723
Шулятиков В. М. — 692
Шустов, производитель водки — 551

Щапов — 566
Щеглов В. Г. — 697
Щегловитов И. Г. — 534
Щеголев П. Е. — 689
Щерба Л. В. — 592
Щербатов, кн. — 550
Щербина Ф. А. — 695
Щетинина Г. И. — 658, 698
Щукин В. И. — 583
Щукин П. И. — 708
Щукин С. И. — 709
Щукины, предприниматели и меценаты — 552
Щуровский Г. Е. — 658

Эдуард VII — 274, 319, 341, 342
Эйфель А. Г. — 546
Эйхенвальд А. А. — 676, 693
Энгеев Т. — 197
Энгельгардт А. Н. — 235, 310
Энгельс Ф. — 51, 72, 417, 421
Эрисман Ф. Ф. — 627, 660, 666
Эрмах П. — 653
Эскелинен Э. — 143

Юрьев Б. Н. — 675
Ющинский А. — 151, 152, 537

Ягич И. В. — 662
Ягупов М. С. — 646, 651
Якобсон Г. Г. — 683
Яковлев А. В. — 249
Якушев А. Н. — 697
Янжул И. И. — 656, 658, 661
Янсон Ю. Э. — 224, 268
Яцунский В. К. — 268

Bowman L. — 22.,
Gerschenkron A. — 223
Gregory P. — 196, 219, 220, 221, 222, 223
Hotzendorff C. von — 352
Ostrowski — 71
Rogger H. — 315
Weintraub S. — 351
Whitttaker H. Cynthia — 72
Wieczynski J. — 223

Оглавление

Введение. Россия в начале XX века: народ, власть, общество (*А. Н. Сахаров*) 5

Социально-демографическая ситуация (*Н. А. Иванова*) 73

Города России (*Н. А. Иванова*) 111

Межэтнические отношения (*Л. С. Гатагова*) 137

Российская экономика в начале XX в. (*Ю. А. Петров*) 168

Россия сельская на рубеже XIX—XX вв. (*А. П. Корелин*) 224

Государство и власть (*А. Н. Боханов*) 271

Россия на мировой арене (*А. Н. Боханов*) 316

1905-й год: пролог Гражданской войны (*Ю. А. Петров*) 354

Феномен российской многопартийности (*Н. А. Иванова*) 396

От самодержавной к самодержавно-парламентской монархии (*А. Н. Боханов*) 433

К стабильности через реформы? (*А. П. Корелин*) 462

Облик и импульсы власти (*А. П. Корелин*) 520

Национальные торжества (1903—1913 гг.)
(*Г. Н. Ульянова*) 542
Образование и просвещение. Печать
(*Г. Н. Ульянова*) 577
Здравоохранение и медицина
(*Г. Н. Ульянова*) 624
Наука
(*А. Е. Иванов*) 652
Художественная культура «Серебряного века»
(конец XIX — начало XX вв.) (*Л. В. Кошман*) 701
Указатель имен 725